

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2024

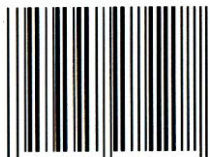
№ 11(239)

- *Рыженков А.Я.* К вопросу о классификации принципов международного экологического права: дискуссионные вопросы
- *Жуков В.Н.* Г. Маркузе: утопия «нерепрессивной цивилизации»
- *Гаврилюк М.Н.* Проблемы правового обеспечения размещения линейных объектов на земельных участках
- *Галузо В.Н.* О недопустимости доказывания в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации
- *Глебова Ю.И.* Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации
- *Глушко О.А.* К вопросу о правовом регулировании изъятия земельных участков для нужд государства
- *Лачина Е.А.* К вопросу о совершенствовании правового регулирования наследования цифровых прав
- *Селезнева А.Х.* Правовая природа соглашения о создании фермерского хозяйства
- Другие материалы

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ

ПРАВО. 2024. № 11(239)

ISSN 1815-1329

9 771815 132774

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО
2024. № 11(239)
Федеральный научный юридический
ежемесячный журнал

Учредитель: А.И. Бобылев

Издатель:

Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: *Н.А. Духно –
доктор юридических наук, профессор (Москва)*

Ответственный редактор: *С.В. Зубкова (Москва)*

Редакционный совет:

*А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва),
Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
О.В. Болтинова – д.ю.н., профессор (Москва),
В.А. Власов – к.ю.н., доцент (Красноярск),
Г.А. Волков – д.ю.н., доцент (Москва),
Н.А. Волкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),
В.И. Ивакин – к.ю.н., доцент (Москва),
П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),
В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),
А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),
И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),
Г.А. Мисник – д.ю.н., доцент (Москва),
Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),
Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),
Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),
В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент (Уфа)
Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)*

AGRARIAN AND LAND LAW
2024. № 11(239)
Federal scientific juridical
monthly journal

Constitutor: A.I. Bobylev

Publisher:

Publishing house «Law and state press»

Chief editor: *N.A. Dukhno –
Doctor of Law, Professor (Moscow)*

The editor-in-chief: *S.V. Zubkova (Moscow)*

Editorial council:

*A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),
S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
O.V. Boltinova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.A. Vlasov – Candidate of Law Associate Professor (Krasnoyarsk)
G.A. Volkov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Volkova – Candidate of Law, Professor (Moscow),
B.A. Voronin – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotukhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.I. Ivakin – Candidate of Law Associate Professor (Moscow)
P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),
A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),
I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.A. Misnik – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.A. Prokopovich – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),
R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),
V.V. Ustyukova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.G. Fayzullin – Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)
E.A. Frolova – Doctor of Law (Moscow)
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)*

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:

141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, д. 4, кв. 230
E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.
Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

**Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ
в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).**

Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008»

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы».
Подписка 2024. Второе полугодие. Наш индекс 11194.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье,
ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ 2024 № 11(239)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Жуков В.Н.</i> Г. Маркузе: утопия «нерепрессивной цивилизации».....	6
<i>Чирикун В.А., Зин Н.В.</i> К вопросу об особенностях государственного суверенитета России....	11
<i>Бойко Н.Н., Бондаренко Ю.В.</i> Развитие системы источников права Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.....	13
<i>Галузо В.Н.</i> О недопустимости доказывания в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации.....	16
<i>Магомадова Э.И.</i> Правовые последствия эвикции товара.....	20
<i>Долгов С.Ф.</i> Особенности формирования правовых обычаев в цифровой среде.....	23
<i>Канафин Н.А., Галузо В.Н.</i> О соотношении терминов «механизм таможенного регулирования» и «таможенное дело» в Российской Федерации.....	26
<i>Чукаев Т.О., Козинникова Е.Н.</i> Особенности концепции «общественного права» в интерпретации М.М. Шпилевского.....	30
<i>Жаркой М.Э.</i> Феномен «советская цивилизация»: социальные, психологические и правовые аспекты.....	32
<i>Зяблова Т.Е., Шмельков А.А.</i> О соотношении понятий «правовая доктрина» и «legal doctrine».....	38
<i>Комарова Я.Б.</i> Оценочные понятия: проблема реализации норм уголовно-правового комплекса.....	41
<i>Мохов А.Ю.</i> Декларативные нормы в механизме современного публично-правового регулирования.....	44
<i>Петров С.В.</i> Практические тактики решения конфликтов третьих лиц в организации, в том числе в рамках преодоления конфликтов между сотрудниками уголовно-исполнительной системы.....	48
<i>Хохлова Е.М., Переточенкова О.У.</i> Информационная функция государства в условиях цифровизации общества.....	50
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
<i>Рыженков А.А.</i> К вопросу о классификации принципов международного экологического права: дискуссионные вопросы.....	53
<i>Редкоус В.М.</i> Правовое регулирование услуг цифрового общества и его учет в деятельности правоохранительных органов (опыт государств – участников СНГ).....	57
<i>Баширина Е.Н., Казамиров А.И., Фирсова Н.В.</i> Правовые аспекты защиты информационных прав акционеров.....	61
<i>Бувака Н.А., Потапова М.Д.</i> Современные предпосылки исследования института гражданства Российской Федерации.....	64
<i>Шатская И.И., Малёшина Л.М.</i> Законодательные аспекты единой системы учета объектов недвижимости.....	67
<i>Хайдаров А.И., Пономарева Е.В.</i> К вопросу о правовой категории «экономическая безопасность».....	70
<i>Хованов И.С.</i> Дифференциация понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность»: теоретические и прикладные аспекты.....	72
<i>Попков Д.В., Шенин В.М., Бешенцев И.Д.</i> Проблемы регулирования автомобильного транспорта и наземного городского электрического транспорта в Федеральном законе от 08.11.2007 № 259-ФЗ.....	75

<i>Хорошко И.В.</i> Эволюция международного коммерческого арбитража: прошлое, настоящее, перспективы будущего.....	79
<i>Гаврилюк М.Н.</i> Проблемы правового обеспечения размещения линейных объектов на земельных участках.....	82
<i>Ким А.Н., Назарова Н.Н.</i> Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации.....	86
<i>Фаизова К.А.</i> Особенности правового регулирования труда женщин.....	89
<i>Фатих Н.М., Ким А.Н.</i> Специфика современного законодательного процесса в субъектах Российской Федерации.....	92
<i>Самигуллин Р.М.</i> Конституционно-правовой режим государственной границы.....	95
<i>Бердалиев К.Ч.</i> К вопросу о новом подходе к производству научной экспертизы нормативных правовых актов.....	98
<i>Полуянова Е.В.</i> Отдельные вопросы создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии».....	102
<i>Еремин В.В.</i> Комфортные условия труда, влияющие на сохранение и укрепление кадрового потенциала в системе здравоохранения.....	105
<i>Шишкин П.Е.</i> О некоторых аспектах реализации административно-деликтного законодательства, устанавливающую ответственность за неисполнение возложенной судьей обязанности прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации на современном этапе.....	108
<i>Круглова Ю.Б.</i> Трансформация содержания административного процесса и характеристика его видов.....	111
<i>Ильиных А.В.</i> Деятельность конституционных судов в зарубежных странах, направленная на обеспечение охраны здоровья.....	114
<i>Дерхо Д.С.</i> Порядок определения размера арендной платы в случае реоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком: обзор подходов в судебной практике.....	118
<i>Малёшина Л.М., Шатская И.И.</i> Тенденции установления административной ответственности в области персональных данных.....	121
<i>Попков Д.В., Шенин В.М.</i> О цифровизации государственного управления.....	125
<i>Шаназарова Е.В., Савельева О.Е.</i> К вопросу о реализации избирательных прав в пенитенциарной системе.....	131
<i>Глушко О.А.</i> К вопросу о правовом регулировании изъятия земельных участков для нужд государства.....	134
<i>Хайдаров А.И., Пономарева Е.В.</i> К вопросу о термине «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта».....	139
<i>Глебова Ю.И.</i> Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации.....	141
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Габазов Т.С.</i> Цифровое правосудие в контексте гражданского судопроизводства: определение, особенности и перспективы.....	145

Меняйло Л.Н., Меняйло Д.В., Лубский Р.А., Болтенкова Ю.В.
Некоторые аспекты признания сделки, совершённой одним из супругов по распоряжению общим имуществом, недействительной.....148

Четырко Е.К.
К вопросу проблемы наследования цифровых активов.....152

Магомадова Э.И.
Правовая охрана товарных знаков и знаков обслуживания.....155

Хабиева З.Д.
О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе..161

Ермаков А.В., Максимова С.Ю.
Сравнительно-правовое исследование норм российского наследственного права с другими правовыми системами.....164

Морин А.В.
Некоторые особенности предоставления государственных услуг по доверенности.....167

Едреев Т.Ш.-М.
Правовое регулирование информационной среды России в сфере борьбы с молодежным экстремизмом.....169

Габазов Т.С., Сафронова Е.В.
Правовые аспекты кавказской семьи в национальных республиках: традиции и современность.....172

Кузнецова И.А., Матвеева Т.П.
Охрана труда как институт трудового права.....176

Хабиева З.Д.
Основные права потребителей при продаже товаров дистанционным способом.....179

Лачина Е.А.
К вопросу о совершенствовании правового регулирования наследования цифровых прав.....182

Логинов А.В., Храмова О.Е., Скворцова Ю.С., Лексина Т.И.
Особенности защиты земельных прав в суде по иску об исправлении реестровой ошибки.....185

Раджабова Г.Н.
О некоторых проблемах, возникающих при использовании медиации в процессе разрешения жилищных споров.....187

Селезнева А.Х.
Правовая природа соглашения о создании фермерского хозяйства...190

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Анисимов В.Ф., Блашкова Л.Л., Акинина Н.Ю.
Категории «Политика», «Воздействие» и «Реагирование» в современной уголовно-правовой доктрине.....194

Зыков Д.А., Савин А.А.
О необходимости расширения целей принудительного лечения при исполнении приговора.....199

Гусев А.С., Сибатян Е.А.
Электронное взаимодействие в сфере пробации.....201

Алхастова М.В.
Документы Нюрнбергского и Токийского трибуналов в контексте учения об источниках уголовного права: природа, значение, применение.....203

Мальшев С.Я., Киселев Н.Н.
Понятие и значение информационно-аналитической работы компании в условиях осуществления режима коммерческой тайны.....206

Афанасьева А.А.
Особенности собирания доказательств стороной защиты в уголовном досудебном производстве.....210

Тищенко Ю.Ю.
Особенности личности преступников, осужденных за совершение изнасилования.....212

Антипов А.Ю., Орлов Н.Л.
Доказывание по уголовным делам, как парадигма процессуальной деятельности его субъектов.....215

Бадамин И.Д., Зеленцов А.А.
Официальный документ как предмет подделки: отдельные содержательные аспекты.....218

Русяев И.Н.
Дискуссионные аспекты регламентации и оценки отдельных признаков криминального банкротства.....220

Осипова Н.В.
Подвиг как основание для помилования: отдельные аспекты процессуального положения лиц, задействованных в специальной военной операции.....224

Павлова А.А., Григорьева Т.Г.
Современные теоретические и нормативные конструкции определения экстремизма.....227

Хаметова А.Р.
К вопросу о задержании подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения.....231

Волох А.И., Зинин Г.Ю.
Опыт экспертной оценки материалов, содержащих признаки атрибутов экстремистской организации в части использования криминальных символов, поддержания криминальной идеологии и присутствия криминальной микросреды.....233

Григорьева А.Е., Самсонова С.С.
О некоторых направлениях внедрения цифровых технологий в судебное производство по уголовным делам.....237

Гусев А.С., Лагаева В.К.
Осуществление некоторых форм пробации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.....240

Денисьев С.А.
Интегрированные системы безопасности объектов УИС: проблемные вопросы оборудования и пути их решения.....243

Харченко О.В.
О проблемах противодействия преступлениям против интересов кредиторов: криминологический анализ.....246

Лукки Е.В., Светличный А.А.
Влияние внешней миграции на криминогенную обстановку в Российской Федерации.....250

Рябчиков В.В.
Осмысление нравственного начала в уголовном судопроизводстве и при исполнении приговора.....252

Айсханова Е.С.
Комплекс мер, направленных на предотвращение преступности среди учащихся образовательных организаций.....255

Рябова О.А., Рябов П.Р.
Пробация несовершеннолетних в РФ.....261

Алхастова М.В.
Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России в XX-XXI веках.....265

Меняйло Д.В., Крупенникова К.К., Меняйло Л.Н., Пономарева Ю.В.
Искусственный интеллект в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств.....268

Ковалев С.Д.
Противодействие экстремизму в местах лишения свободы.....272

Кузнецова Н.В.
Гуманизация уголовно-исполнительной политики РФ в отношении женщин, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы.....275

Петров С.В.
Особенности ценностно-потребностной сферы личности осужденных.....279

Курицын Д.А., Шумов П.В.
Роль судебной системы в ресоциализации осужденных к наказанию в виде лишения свободы.....281

Пурэв Эрдэнбаатар
Современное состояние киберпреступности в Монголии.....283

Моисеев Н.Д., Силенков В.И.
Организация взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России с органами внутренних дел Российской Федерации.....288

Лесников Г.Ю., Самойлова А.А.
О соблюдении осужденными принципов поведения в неформальных группах.....292

Айсханова Е.С.
Дополнительные наказания в правовой системе дореволюционной России.....295

Исанбаев И.С.
И снова к вопросу принципов уголовного судопроизводства.....299

CONTENTS 2024 № 11(239)

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Zhukov V.N.</i> G. Marcuse: utopia of a "non-repressive civilization".....	6
<i>Chirikin V.A., Zin N.V.</i> On the issue of the peculiarities of the state sovereignty of Russia.....	11
<i>Boyko N.N., Bondarenko Yu.V.</i> The development of the system of sources of law of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries.....	13
<i>Galuzo V.N.</i> On the inadmissibility of proof in constitutional court proceedings in the Russian Federation	16
<i>Magomadova E.I.</i> Legal consequences of the goods' disposal.....	20
<i>Dolgov S.F.</i> Features of the formation of legal customs in the digital environment.....	23
<i>Kanafin N.A., Galuzo V.N.</i> On the relationship between the terms "mechanism of customs regulation" and "customs business" in the Russian Federation.....	26
<i>Chukaev T.O., Kozinnikova E.N.</i> Features of the concept of "public law" as interpreted by M.M. Shpilevsky.....	30
<i>Zharkoy M.E.</i> The phenomenon of "Soviet civilization": social, psychological and legal aspects.....	32
<i>Zyablova T.E., Shmelkov A.A.</i> On the relationship between the concepts of "legal doctrine" and "legal doctrine".....	38
<i>Komarova Ya.B.</i> Evaluative concepts: the problem of implementing the norms of the criminal law complex.....	41
<i>Mokhov A.Y.</i> Declarative norms in the mechanism of modern public law regulation	44
<i>Petrov S.V.</i> Practical tactics for resolving conflicts of third parties in the organization, including in the framework of overcoming conflicts between employees of the penal enforcement system.....	48
<i>Khokhlova E.M., Peretochenkova O.U.</i> The information function of the state in the context of digitalization of society.....	50

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

<i>Ryzenkov A.Ya.</i> On the issue of classification of the principles of international environmental law: controversial issues.....	53
<i>Redkous V.M.</i> Legal regulation of digital society services and its accounting in the activities of law enforcement agencies (experience of the CIS member states).....	57
<i>Bashirina E.N., Kazamirov A.I., Firsova N.V.</i> Legal aspects of protection of information rights of shareholders	61
<i>Buvaka N.A., Potapova M.D.</i> Modern prerequisites for the research of the Institute of Citizenship of the Russian Federation.....	64
<i>Shatskaya I.I., Maleshina L.M.</i> Legislative aspects of the unified real estate accounting system.....	67
<i>Haidarov A.I., Ponomareva E.V.</i> On the issue of the legal category "economic security"	70
<i>Khovanov I.S.</i> Differentiation of the concepts of "extremism" and "extremist activity": theoretical and applied aspects.....	72
<i>Popkov D.V., Shenshin V.M., Beshentsev I.D.</i> Problems of regulation of motor transport and ground urban electric transport in Federal Law No. 259-FZ dated 08.11.2007.....	75
<i>Khoroshko I.V.</i> Evolution of international commercial arbitration: past, present, future prospects.....	79
<i>Gavrilyuk M.N.</i> Problems of legal support placement of linear objects on land plots.....	82
<i>Kim A.N., Nazarova N.N.</i> Constitutional and legal foundations of experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation.....	86
<i>Fayzova K.A.</i> Features of the legal regulation of women's work.....	89

<i>Fatih N.M., Kim A.N.</i> The specifics of the modern legislative process in the subjects of the Russian Federation.....	92
<i>Samigullin R.M.</i> Constitutional and legal regime of the state border.....	95
<i>Berdaliev K.Ch.</i> On the issue of a new approach to the production of scientific expertise of normative legal acts	98
<i>Poluyanova E.V.</i> Selected issues of creation, development and operation of state information systems using the unified digital platform of the Russian Federation "State Technologies".....	102
<i>Eremin V.V.</i> Comfortable working conditions affecting the preservation and strengthening of human resources in the healthcare system	105
<i>Shishkin P.E.</i> On some aspects of the implementation of administrative and tort legislation, which establishes responsibility for non-fulfillment of the duty assigned by the judge to undergo diagnostics, preventive measures, drug addiction treatment and (or) medical and (or) social rehabilitation at the present stage.....	108
<i>Kruglova Yu.B.</i> Transformation of the content of the administrative process and characteristics of its types.....	111
<i>Ilyinykh A.V.</i> The activities of constitutional courts in foreign countries aimed at ensuring health protection.....	114
<i>Derkho D.S.</i> The procedure for determining the amount of rent in case of renewal of the right of permanent (indefinite) use of land: an overview of approaches in judicial practice.....	118
<i>Maleshina L.M., Shatskaya I.I.</i> Trends in establishing administrative responsibility in the field of personal data.....	121
<i>Popkov D.V., Shenshin V.M.</i> On the digitalization of public administration.....	125
<i>Shanazarova E.V., Savelyeva O.E.</i> On the issue of the exercise of electoral rights in the penitentiary system.....	131
<i>Glushko O.A.</i> On the issue of legal regulation of the seizure of land for the needs of the state.....	134
<i>Haidarov A.I., Ponomareva E.V.</i> On the issue of the term "economic security of an economic entity"	139
<i>Glebova Yu.I.</i> Parliamentary control in the constituent entities of the Russian Federation.....	141

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Gabazov T.S.</i> Digital justice in the context of civil proceedings: definition, features and prospects.....	145
<i>Menyailo L.N., Menyailo D.V., Lubsky R.A., Boltenkova Yu.V.</i> Some aspects of the recognition of a transaction made by one of the spouses on the disposal of common property as invalid.....	148
<i>Chetyreko E.K.</i> On the issue of the problem of inheritance of digital assets.....	152
<i>Magomadova E.I.</i> Legal protection of trademarks and service marks.....	155
<i>Khabieva Z.D.</i> About some problems of the prosecutor's participation in the civil process	161
<i>Ermakov A.V., Maksimova S.Yu.</i> Comparative legal study of the norms of Russian inheritance law with other legal systems.....	164
<i>Morin A.V.</i> Some features of the provision of public services by proxy.....	167
<i>Edreev T.S.-M.</i> Legal regulation of the Russian information environment in the field of combating youth extremism.....	169
<i>Gabazov T.S., Safronova E.V.</i> Legal aspects of the Caucasian family in national republics: traditions and modernity.....	172
<i>Kuznetsova I.A., Matveeva T.P.</i> Labor protection as an institution of labor law.....	176
<i>Khabieva Z.D.</i> Basic consumer rights when selling goods remotely.....	179

<i>Lachina E.A.</i> On the issue of improving the legal regulation of inheritance of digital rights.....	182	<i>Grigorieva A.E., Samsonova S.S.</i> On some areas of the introduction of digital technologies in criminal court proceedings.....	237
<i>Loginov A.V., Khramova O.E., Skvortsova Y.S., Lexina T.I.</i> Features of protection of land rights in court on a claim for correction of a registry error.....	185	<i>Gusev A.S., Lagaeva V.K.</i> Implementation of certain forms of probation in the penal enforcement system of the Russian Federation.....	240
<i>Radzhabova G.N.</i> About some of the problems that arise when using mediation in the process of resolving housing disputes.....	187	<i>Denisuyev S.A.</i> Integrated security systems for UIS facilities: problematic equipment issues and ways to solve them.....	243
<i>Selezneva A.H.</i> The legal nature of the agreement on the establishment of a farm.....	190	<i>Kharchenko O.V.</i> On the problems of countering crimes against the interests of creditors: criminological analysis.....	246
CRIMINAL LAW SCIENCES			
<i>Anisimov V.F., Blashkova L.L., Akinina N.Yu.</i> Categories "Politics", "Impact" and "Reaction" in modern criminal law doctrine.....	194	<i>Lukki E.V., Svetlichny A.A.</i> The impact of external migration on the crime situation in the Russian Federation.....	250
<i>Zykov D.A., Savin A.A.</i> On the need to expand the goals of compulsory treatment in the execution of a sentence.....	199	<i>Ryabchikov V.V.</i> Understanding the moral principle in criminal proceedings and in the execution of a sentence.....	252
<i>Gusev A.S., Smbatyan E.A.</i> Electronic interaction in the field of probation.....	201	<i>Ayshanova E.S.</i> A set of measures aimed at preventing crime among students of educational organizations.....	255
<i>Alkhastova M.V.</i> Documents of the Nuremberg and Tokyo Tribunals in the context of the doctrine of the sources of criminal law: nature, meaning, application.....	203	<i>Ryabova O.A., Ryabov P.R.</i> Probation of minors in the Russian Federation.....	261
<i>Malyshev S.Yu., Kiselyov N.N.</i> The concept and significance of the information and analytical work of the company in the context of the implementation of the trade secret regime.....	206	<i>Alkhastova M.V.</i> Differentiation of incitement and public calls to commit crimes in the criminal law of Russia in the XX-XXI centuries.....	265
<i>Afanasyeva A.A.</i> Features of the collection of evidence by the defense in criminal pre-trial proceedings.....	210	<i>Menyailo D.V., Krupennikova K.K., Menyailo L.N., Ponomareva Yu.V.</i> Artificial intelligence in the field of counteraction illegal drug trafficking.....	268
<i>Tishchenko Yu.Yu.</i> Features of the personality of criminals, convicted of committing rape.....	212	<i>Kovalev S.D.</i> Countering extremism in places of detention.....	272
<i>Antipov A.Yu., Orlov N.L.</i> Proving in criminal cases as a paradigm of the procedural activity of its subjects.....	215	<i>Kuznetsova N.V.</i> Humanization of the penal enforcement policy of the Russian Federation in relation to women in custody and serving a sentence of imprisonment.....	275
<i>Badamshin I.D., Zelentsov A.A.</i> An official document as a subject of forgery: some substantive aspects.....	218	<i>Petrov S.V.</i> Features of the value-need sphere of the convicts' personality.....	279
<i>Rusyaev I.N.</i> Controversial aspects of regulation and assessment of certain signs of criminal bankruptcy.....	220	<i>Kuritsyn D.A., Shumov P.V.</i> The role of the judicial system in the re-socialization of those sentenced to imprisonment.....	281
<i>Osipova N.V.</i> Feat as a basis for pardon: certain aspects of the procedural status of persons involved in a special military operation.....	224	<i>Purev Erdenebaatar</i> The current state of cybercrime in Mongolia.....	283
<i>Pavlova A.A., Grigorieva T.G.</i> Modern theoretical and normative constructions of the definition of extremism.....	227	<i>Moiseev N.D., Silenkov V.I.</i> Organization of interaction between the operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia and the internal affairs bodies of the Russian Federation.....	288
<i>Khametova A.R.</i> On the issue of detaining a suspect of committing a grave or especially grave crime under martial law.....	231	<i>Lesnikov G.Yu., Samoilo A.A.</i> On the observance by convicts of the principles of behavior in informal groups.....	292
<i>Volokh A.I., Zinin G.Yu.</i> The experience of expert evaluation of materials containing signs of attributes of an extremist organization in terms of use criminal symbols, the maintenance of criminal ideology and the presence of a criminal microenvironment.....	233	<i>Ayshanova E.S.</i> Additional punishments in the legal system of pre-revolutionary Russia.....	295
		<i>Isanbaev I.S.</i> And again to the question of the principles of criminal procedure.....	299

Г. МАРКУЗЕ: УТОПИЯ «НЕРЕПРЕССИВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» G. MARCUSE: THE UTOPIA OF A "NON-REPRESSIVE CIVILIZATION"

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич,

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус);
главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: pifagor2002@mail.ru;

ZHUKOV Vyacheslav Nikolaevich,

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law
at Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается проект Г. Маркузе, основанный на идеях К. Маркса и З. Фрейда. Опираясь на концепцию Маркса об освобождении отчужденного труда, Маркузе предлагает ослабить нормы сексуальной культуры, чтобы достичь гармонии общества. Стремясь быть верным учеником Маркса и Фрейда, в итоге Маркузе отступает от учения того и другого, создавая очередную социальную утопию.

Abstract: the article discusses the project of G. Marcuse, based on the ideas of K. Marx and Z. Freud. Based on Marx's concept of the liberation of alienated labor, Marcuse proposes to weaken the norms of sexual culture in order to achieve the harmony of society. Striving to be a faithful disciple of Marx and Freud, Marcuse eventually departs from the teachings of both, creating another social utopia.

Ключевые слова: Маркузе, Маркс, Фрейд, психоанализ, власть, нерепрессивная цивилизация, либидо, сублимация.
Keywords: Marcuse, Marx, Freud, psychoanalysis, power, non-repressive civilization, libido, sublimation.

Для цитирования: Жуков В.Н. Г. Маркузе: утопия «нерепрессивной цивилизации» // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 6-10. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_6.

For citation: Zhukov V.N. G. Marcuse: the utopia of a "non-repressive civilization" // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 6-10. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_6.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Общепризнано, что Герберт Маркузе – одна из выдающихся фигур в политической мысли XX в. Своей известности он в значительной мере обязан студенческому протесту 1968 г., когда «новые левые» объявили его своим идеологом. Сам Маркузе хотя и принимал какое-то участие в этом движении, с иронией относился к той роли, которую ему приписали. Его главные книги, сделавшие ему имя, – «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» (1956 г.) и «Одномерный человек» (1964 г.). Как говорил сам Маркузе, обе они тематически связаны, вторая является логическим развитием первой. В широких интеллектуальных кругах «Одномерный человек» считается его главным произведением, но, как представляется, «Эрос и цивилизация» – сочинение более фундаментальное.

Маркузе – типичный представитель Франкфуртской школы, где была предпринята попытка связать и развить идеи Гегеля, Маркса и Фрейда. Если связь между Гегелем и Марксом очевидна для специалиста (сами основоположники марксизма на это часто указывали), то дополнить Маркса Фрейдом для ортодоксального марксиста было совершенно невероятным делом. В духе Франкфуртской школы Маркузе соединяет революционный характер гегелевской диалектики, марксистскую антропологию, изложенную в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», и психоанализ Фрейда.

Характерная черта учений Гегеля и Маркса – герметичность, замкнутость на себя, уверенность в своей идейной непогрешимости, абсолютности своих истин. Их социальная философия и философия истории – завершенные, как им казалось, проекты, дающие точный прогноз будущего человечества. Их объединяла мировоззренческая платформа эпохи Просвещения, пронизанная историческим оптимизмом: прогресс человечества – объективная необходимость и неизбежность, его ждет «светлое будущее». А.И. Герцен дал теориям такого рода название «земного рая». Фрейд в такую парадигму совершенно не вписывался, его философия истории имела явный некрофильский оттенок: все живое движется к смерти, жизнь – частный случай мертвой материи, в борьбе Эроса (инстинкта жизни) и Танатоса (инстинкта смерти) побеждает последний.

Идейный и ценностный каркас творчества Маркузе – просветительская парадигма, выполненная в духе проектов «земного рая», но с претензией на самостоятельность, оригинальность и основательность. Известным своеобразием его учение, конечно, отличается, но по своему масштабу и глубине проработки идей, он уступает и Марксу, и Фрейду. Последних можно сравнить с мощными ледоколами, которые прорубали толщину многометрового льда, такие фигуры, как Маркузе, – это легкие кораблики, шедшие по уже очищенному пути и зачищавшие фарватер. Ведущий элемент творчества Маркузе – марксизм реформистского толка, где в качестве главной идеи выступает гуманизация общества на осно-

ве освобождения человека от отчужденного труда. Лейтмотив – устремленность человечества к лучшему будущему путем радикального изменения общественных отношений. Средством для достижения данной цели должен был послужить психоанализ.

Постановка проблемы. Из двух главных элементов, составляющих учение Маркузе, марксизм – ведущий, фрейдизм – подчиненный. Маркузе критикует многих фрейдистов и неофрейдистов за отход от постулатов основателя психоанализа. Современный неофрейдизм, по его словам, пытается ревизовать учение Фрейда: сместить акцент с бессознательного на сознательное, с биологических факторов на культурные, отрывая тем самым общество от его инстинктивных корней. Сам Маркузе вроде бы признает базовые положения Фрейда: определяющую роль либидо в общественной жизни, Эдипов комплекс, гипотезу о первобытной орде, механизм сублимации в деле создания культуры и ее репрессивный характер. Вместе с тем очевидно, что его не устраивает мрачная, пессимистичная философия истории Фрейда, исключающая наступление «земного рая». Отсюда – его собственная установка на пересмотр важнейших положений Фрейда, как бы он при этом не критиковал фрейдистов и неофрейдистов за их ревизионизм. Но Маркузе не столько отказывается от аксиом фрейдистского учения, сколько расщепляет и тем самым ослабляет их, пытаясь приспособить к марксизму.

Маркузе согласен с Фрейдом в том, что свободное удовлетворение инстинктов человека несовместимо с цивилизацией (он отождествляет понятия «цивилизация» и «культура»), в основе которой лежат задержка их удовлетворения и отказ от счастья. «Культура – это методическое принесение либидо в жертву, его принудительное переключение на социально полезные формы деятельности и самовыражения»¹. Эта жертва принесла цивилизованному миру Запада технический прогресс, позволивший удовлетворить все возрастающие потребности огромного числа людей. Ускорение прогресса, средства цивилизации (тоталитарные государства с их всеобъемлющим аппаратом подавления) расширяют и усиливают господство человека над человеком, резко сужая круг свободы, хотя, казалось бы, материальные и интеллектуальные достижения цивилизации должны были создать подлинно свободный мир².

Маркузе убежден, что «жизнь в государстве, получившем благополучие через войну, не является судьбой человека», что человек нуждается не в аскетизме, служащем базой для господства, а в стремлении прожить жизнь счастливо и без страха. Поэтому он ставит перед собой исследовательскую задачу доказать принципиальную возможность возникновения нерепрессивной цивилизации, создающей условия для подлинного освобождения человека. Постановку данной задачи предваряют два замечания с его стороны. Первое: прогресс цивилизации достиг уровня, при котором энергия влечений, необходимая для отчужденного труда, значительно сокращена, а это значит, что репрессивная функция культуры обусловлена не столько борьбой за существование, сколько интересами господства. Второе: западная философия одновременно обосновала как необходимость, так и опасность принципа реальности; в конечном счете философия поставила вопрос о спасении «Я» от принципа реальности³.

Тезис о невозможности нерепрессивной цивилизации, рассуждает Маркузе, – краеугольный камень учения Фрейда. Однако в нем, развивает он свою мысль, имманентно содержатся идеи, подрывающие данный тезис и позволяющие внести в него существенные коррективы. Фрейд ошибается, полагает Маркузе, утверждая, что между принципом удовольствия и принципом реальности существует неразрешимый конфликт. Как говорит Фрейд, полное удовлетворение инстинктов невозможно в силу ограничения материальных ресурсов. Следовательно, репрессивная функция культуры имеет не эндогенную, и экзогенную природу, т.е. имеет своим истоком не существо инстинктов, а исторические условия их удовлетворения. Исторические условия имеют два уровня: биологический (развитие человека в борьбе с природой) и социологический (развитие социальных групп и социализированных индивидов в борьбе друг с другом и с природой). Оба уровня находятся в постоянном взаимодействии, но биологические факторы первичны по отношению к социологическим. Социологические факторы относительны, могут меняться, не подвергая опасности факторы биологические. Поэтому общий вывод звучит так: при разумном устройстве общественных отношений инстинкты могут быть удовлетворены почти беспрепятственно, а значит, человек будет счастливым.

Тем не менее отмечается, что сами инстинкты также включают в себя асоциальные силы, требующие их ограничения независимо от нужды и уровня материальных благ. Производные формы инстинкта смерти действуют только в союзе с сексуальным влечением и под его руководством, а значит, судьба агрессии зависит от либидо. Соответственно, качественное изменение сексуальности влечет за собой изменение в проявлении инстинкта смерти. Таким образом, создание гипотезы нерепрессивной цивилизации требует раскрыть возможность нерепрессивного развития либидо в условиях зрелой цивилизации. Развитие либидо в сторону нерепрессивности Маркузе связывает с существованием психических сил, независимых от принципа реальности и вносящих в сознание свободу⁴.

С точки зрения Маркузе, репрессивность цивилизации обусловлена существованием устаревших социальных институтов. Логика теории Фрейда, рассуждает он, хотя бы она и противоречила его собственной установке, ведет к тому, чтобы не отождествлять цивилизацию с репрессией. Конфликт между принципом удовольствия и принципом реальности преодолим, создание нерепрессивной цивилизации принципиально возможно. Сама репрессивная цивилизация, заключает Маркузе, создает предпосылки для возникновения ее новой нерепрессивной разновидности⁵. Таким образом, Маркузе вступает в неразрешимый конфликт с философией культуры и философией истории Фрейда. Проект «нерепрессивной цивилизации» смотрится как безнадежная утопия, а взгляды Фрейда, опирающиеся на факты истории, отличаются здравым смыслом. Здесь исторический оптимизм Маркса побеждает мрачный прогноз Фрейда, а сам Маркузе, последовавший за прожектерством первого, отказывается

¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. С. XXIII.

² См.: Там же. С. XXIV.

³ См.: Там же. С. 131-132, 297.

⁴ См.: Там же. С. 134-135, 141-142.

⁵ См.: Там же. С. XXIV – XXV.

от реалистической позиции второго.

Сексуальность, Эрос и освобожденный труд. Маркузе убежден, что нерепрессивный строй возможен только при изменении сексуальных отношений, нерепрессивная цивилизация не совместима с институтами, рожденными принципом производительности. Концепция нерепрессивной цивилизации, рассуждает он, предполагает новое соотношение между инстинктами и разумом. Достижение гармонии между инстинктами и порядком ведет к перевороту в господствующей морали: освобожденные от тирании разума, инстинкты рождают новый принцип реальности. С точки зрения ортодоксального фрейдизма, возникновение нерепрессивного принципа реальности означало бы регресс от достигнутого уровня рациональности, что привело бы к активизации в «Я» ранее пройденных форм либидо и распаду воплощающих его социальных институтов. Здесь освобождение инстинктов видится как рецидив варварства. На самом деле, указывает Маркузе, это не регресс, а формирование новой нерепрессивной рациональности и раскрепощение прогресса¹.

Согласно логике Фрейда, рассуждает Маркузе, всякое существенное ослабление контроля над сексуальными инстинктами вернуло бы организацию сексуальных отношений на доцивилизационный уровень и разрушило принцип производительности. Традиционно осуществляющийся принцип производительности строится на существенном ограничении времени досуга, когда только и возможно генитальное взаимодействие. При такой организации человеческое тело десексуализируется, превращаясь в орудие труда, а вся нерастратенная сексуальная энергия сублимируется в ненавистный труд. Сокращение до минимума рабочего дня освобождает либидо до такой степени, когда размывается принцип реальности, а основанные на нем институты рушатся².

Нерепрессивный порядок, полагает Маркузе, предполагает преобразование либидо из генитальной сексуальности в эротизацию человека в целом. Традиционное табу на проявление сексуальности ведет к усилению репрессивности со стороны социальных институтов и извращенным формам проявления сексуальности (садизм, мазохизм, сексуальное насилие охранников тюрем и концентрационных лагерей). Свободное развитие преобразованного либидо, напротив, привело бы к эротизации социальных институтов (включая труд), снятию неоправданных и многочисленных табу, т.е. к устранению травмирующих факторов и, соответственно, к гармонизации общественных отношений³.

Эдипов комплекс, полагает Маркузе, хотя и является первичным источником неврозов, – не главная причина недовольства культурой и не главное препятствие для его устранения, а потому фрейдистская теория сублимации требует корректировки. С этой целью Маркузе вводит понятие самосублимации, самосублимирования сексуальности, под которой понимается способность сексуальности создать при специфических условиях высокоцивилизированные отношения, свободные от репрессий. Такая самосублимация позволит преодолеть принцип производительности и основанные на нем институты, благодаря чему станет возможным регресс (ослабление воздействия) инстинктов. Маркузе предлагает отвлечь внимание от генитальной сексуальности, рассредоточив сексуальность по всему телу, многократно увеличив эрогенные зоны. Объектом сексуальности должны стать не исключительно гениталии, а все тело, жизнь организма как такового. В этом случае сексуальный инстинкт преобразуется в инстинкт жизни (Эрос). Данный подход Маркузе усматривает у Фрейда, который расширяет понятие сексуальности до инстинкта жизни, Эроса. В данном случае Маркузе предлагает опираться на идею Фрейда, согласно которой либидо, наталкиваясь на внутреннее сопротивление и уклоняясь от непосредственной цели, формирует нежные, дружественные отношения (между родителями и детьми, между однополыми индивидами и т.д.). На его взгляд, здесь сублимация либо отсутствует, либо носит нерепрессивный характер, что необходимо для создания нерепрессивной цивилизации⁴.

Устойчивая самосублимация либидо, по Маркузе, может иметь место только как социальный феномен. Процесс самосублимации напрямую связан с ликвидацией отчужденного труда, когда человеческое тело перестает быть инструментом, а человек начинает получать удовольствие от социально полезного труда. В этом случае все тело целиком получает удовольствие. Более того, либидо распространяет свое действие не только на тело, но и на духовную жизнь человека. При отсутствии подавления сексуальность обнаруживает тенденцию к перерастанию в Эрос, т.е. к самосублимации в долговременные и расширяющиеся отношения (в т.ч. трудовые), позволяющие получать удовольствие. Преобразование сексуальности в Эрос и ее распространение на трудовые отношения предполагает реорганизацию индустриального аппарата, высокоспециализированное разделение труда и сотрудничество широких масс. Эрос создает новую форму разума: разумным становится то, что поддерживает порядок удовлетворения⁵. «Поскольку борьба за существование превращается в сотрудничество с целью развития и осуществления индивидуальных потребностей, репрессивный разум уступает место новой рациональности удовлетворения, в которой сливаются разум и счастье»⁶.

История человечества, резюмирует Маркузе, движется в сторону преобразования инстинктов. Приспособление архаических пластов психики к новой окружающей среде предполагает радикальные изменения самой окружающей среды. Субъектом этих изменений станет рационально мыслящий человек, овладевший природой как средством для самореализации⁷.

Действительность пока такова, полагает Маркузе, что невозможно осуществление принципа «каждому по потребностям». Вместе с тем это не отменяет теоретической правоты положения об устаревании принципа производительности. Условием примирения принципа удовольствия и принципа реальности является не материальное изобилие, а разумная организация общества, где удовлетворение потребностей исклю-

¹ См.: Там же. С. 203-204, 226.

² См.: Там же. С. 205-206.

³ См.: Там же. С. 208-209.

⁴ См.: Там же. С. 211-212, 214.

⁵ См.: Там же. С. 217-218, 224-225, 231, 233.

⁶ Там же. С. 233.

⁷ См.: Там же. С. 154.

чали бы прибавочную репрессию. Важнейший принцип нового общества – отсутствие отчужденного труда, сокращение времени труда до такой степени, которая перестала бы сдерживать развитие человеческих способностей. Такое сокращение рабочего времени неминуемо повлекло бы понижение уровня жизни, но это не мешает прогрессу свободы. Снижение уровня жизни ради отмены репрессии со стороны принципа реальности (в форме принципа производительности) вполне оправдано¹. «Определение уровня жизни посредством автомобилей, телевизоров, самолетов, тракторов подсказано самим принципом производительности. За пределами его власти уровень жизни измерялся бы другими критериями: всеобщим удовлетворением основных человеческих потребностей и свободой от вины и страха – как внутренней, так и внешней, как инстинктивной, так и «рациональной»².

Согласно Маркузе, в условиях разумно организованного общества, материального и интеллектуального богатства прибавочное подавление отмирает. В результате значительное уменьшение количества энергии инстинктов, отвлекаемого на необходимый труд, привело бы к крушению системы репрессивных ограничений. В противостоянии принципа удовольствия и принципа реальности возник бы перевес в сторону первого, высвобождение Эроса и инстинктов жизни достигло бы неведомой до сих пор высоты³.

Маркузе предлагает фрейдовскую формулу «подавление инстинктов – социально полезный труд – цивилизация» заменить другой – «освобождение инстинктов – социально полезный труд – цивилизация». Прибавочное подавление, убежден он, возникает не из необходимости труда, а из его социальной организации, насаждаемой в интересах господства (отчужденный труд). Устранение прибавочного подавления вело бы к упразднению не труда, а использованию человека в качестве орудия труда. Введение нерепрессивного принципа реальности изменило бы социальную организацию труда: «освобождение Эроса помогло бы создать новые и прочные трудовые отношения». В условиях нового общества борьба за существование превращается в борьбу против всяких ограничений в свободном развитии человеческих способностей против отчужденного труда, болезней и смерти⁴.

В настоящее время, заключает Маркузе, историческая действительность сравнилась с утопическими требованиями воображения. Иными словами, человечеству пришло время претворять в жизнь его теорию.

Эрос и Танатос: итог борьбы. Маркузе указывает, что проект нерепрессивной цивилизации наталкивается на глубинное препятствие – на связь Эроса с инстинктом смерти. В репрессивной цивилизации, отмечает он, смерть используется как инструмент подавления. Согласие на смерть (согласие со смертью) вносит в жизнь элемент капитуляции. «Утвердившаяся власть имеет глубоко родственную связь со смертью, ибо смерть – символ несвободы и поражения. Сегодняшние теология и философия состязаются друг с другом в воспеании смерти как экзистенциальной категории: превращая биологический факт в онтологическую сущность, они награждают вину человечества трансцендентальным благословием, способствующим ее увековечению – и тем самым предают обещание утопии»⁵.

Маркузе согласен с Фрейдом в том, что неограниченное стремление к удовлетворению либидо ведет к смерти, т.е. Эрос потенциально содержит в себе инстинкт смерти. В отличие от Эроса, который очевиден, т.к. институционально представлен в обществе, инстинкт смерти не заметен (одно из его проявлений – садо-мазохистские перверсии), а потому его труднее контролировать. Но инстинкт смерти необходимо не только контролировать, но также поставить на службу прогрессу. «Прогресс цивилизации возможен только благодаря преобразованию и использованию инстинкта смерти. Переключение первичной разрушительности с «Я» на внешний мир питает технологический прогресс цивилизации, а энергия инстинкта смерти формирует «Сверх-Я», которое осуществляет принудительное подчинение «Я» удовольствия принципу реальности, и тем самым ставится на службу цивилизованной морали и Эросу: энергией агрессивных инстинктов питается непрерывное изменение, овладение и эксплуатация природы для пользы человечества. Атакуя, разбивая, изменяя, распыляя предметы и животных (а периодически и людей), человек расширяет свое господство над миром и продвигается по ступеням цивилизации ко все большему богатству. Но везде цивилизация оставляет печать инстинкта смерти»⁶.

Действие инстинкта смерти, констатирует Маркузе, подчинено принципу нирваны – состоянию без желаний. Это означает, что разрушительность инстинкта смерти снижается до минимума при приближении к нирване. «Если основная цель инстинктов состоит не в том, чтобы вести жизнь к смерти, но в том, чтобы положить конец страданиям, устранить напряжение, – то, как это ни парадоксально, в терминах инстинктов конфликт между жизнью и смертью становится тем слабее, чем реальнее становится для жизни достижение состояния удовлетворения. Принцип удовольствия и принцип нирваны сливаются»⁷. Эрос, освободившись от прибавочной репрессии, способен поглотить цель влечения к смерти. Изменилась бы сама цель смерти: удовлетворение инстинктов в условиях нерепрессивного порядка устранил навязчивую регрессию. По мере наступления изобилия наступило бы примирение принципа нирваны с принципом реальности. Консервативная природа инстинктов успокоилась бы и смерть перестала бы быть инстинктивной целью. Она осталась бы фактом, необходимостью, против которой восстала бы скованная репрессией энергия человечества. В этом случае становится возможным объединение разума и инстинкта. Факту смерти следует противопоставить Великий Отказ. Смерть может стать символом свободы, т.к. ее неизбежность не уничтожает окончательного освобождения. Смерть должна стать рациональной, а потому безболезненной; люди будут умирать без тревоги и терзаний, осознавая реализованность своих желаний. Однако даже

¹ См.: Там же. С. 155-157.

² Там же. С. 157.

³ См.: Там же. С. 157-158.

⁴ См.: Там же. С. 159, 162.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Там же. С. 46-47.

⁷ Там же. С. 245.

нерепрессивная культура не способна устранить смерть без страданий, что всегда будет омрачать ее существование¹.

В заключение еще раз следует отметить, что в отличие от Фрейда, который смотрит на индивида, общество и историю человечества реалистично, Маркузе страдает ложным оптимизмом, строит воздушные замки и выдает желаемое за действительное. Его ухищрение заменить генитальную сексуальность эротизмом всего тела выглядит худосочной, искусственной интеллектуальной конструкцией, разбиваемую самой жизнью. Нерепрессивная цивилизация, которую предлагается создавать, – типичная утопия, противоречащая фактам действительности. Человек – это прежде всего и главным образом биологический организм, животное, хотя и обладающее разумом и представлением о нравственности. И в обыденной, размеренной жизни, и в чрезвычайной ситуации его поведение определяется инстинктами, разум он использует, чтобы эти инстинкты удовлетворять наиболее рациональным способом. Культура возникает как система запретов и будет ей оставаться таковой, пока существует сам человек. Биологическая природа человека неизменна, а потому ждать принципиальных изменений в поведении человека не приходится. Маркузе в общем это понимает, но пытается себя обмануть. Так, важнейшим условием его утопии является тезис о необходимости снизить уровень потребностей и потребления и на этой основе гармонизировать общественные отношения. Иными словами, он апеллирует к разуму, грезит о коренном изменении природы человека, в противном случае предлагаемый проект социального переустройства оказывается нереализуемым. Здесь Маркузе в точности повторяет утопистов всех мастей (социалистов, анархистов, фашистов и т.д.), которые разрабатывали свои проекты в расчете на какого-то выдуманного, идеального человека, в большей или меньшей степени осознавая неспособность реального человека жить в условиях придуманной конструкции. Однако реальный человек меняться не может и не хочет и воспринимает любые популяризации к этому как насилие. Все известные истории попытки изменить самого человека заканчивались большой кровью. Как говорится, благи намерениями вымощена дорога в ад.

Список литературы:

1. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.

References:

1. Marcuse G. Eros and civilization. Kiev, 1995.

¹ См.: Там же. С. 245-248.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ TO THE QUESTION OF FEATURES STATE SOVEREIGNTY OF RUSSIA

ЧИРИКИН Виктор Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права Владимирского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
600017, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 59А.
E-mail: v.chirikin@mail.ru;

ЗИН Наталья Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент, магистр права,
доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
600017, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 59А.
E-mail: zinnataly@yandex.ru;

CHIRIKIN Viktor Alexandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir branch
The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
59A Gorky str., Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: v.chirikin@mail.ru ;

ZIN Natalia Vasilyevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Master of Law,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir branch
The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
59A Gorky str., Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: zinnataly@yandex.ru

Краткая аннотация: Актуальность темы обусловлена тем, что в современном международном праве понятие «суверенитета», несмотря на его значимость, активно размывается, становясь все менее юридически строгим, в связи с чем целью исследования является изучение и анализ концепции государственного суверенитета. Значимость исследуемой проблематики для России сегодня, когда Западный мир испытывает ее на прочность, не вызывает сомнений. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (системного, исторического) и частнонаучных методов (формально-юридического, сравнительно-правового). Авторы приходят к выводу, что суверенитет, как один из основополагающих признаков любого государства, не может быть относительной категорией. Суверенитет государства является неделимым его атрибутом и заканчивается там, где начинается суверенитет другого государства.

Abstract: The relevance of the topic is due to the fact that in modern international law, the concept of "sovereignty", despite its importance, is actively being eroded, becoming less and less legally strict, and therefore the purpose of the study is to study and analyze the concept of state sovereignty. The importance of the studied problem for Russia today, when the Western world is testing its strength, is beyond doubt. The implementation of the tasks was achieved with the help of general scientific (systemic, historical) and private scientific methods (formal legal, comparative legal). The authors conclude that sovereignty, as one of the fundamental features of any state, cannot be a relative category. The sovereignty of a State is an indivisible attribute of it and ends where the sovereignty of another State begins.

Ключевые слова: Россия, суверенитет, государственность, государственный суверенитет, внешний суверенитет, внутренний суверенитет, ограничение суверенитета.

Key words: Russia, sovereignty, statehood, state sovereignty, external sovereignty, internal sovereignty, limitation of sovereignty.

Для цитирования: Чирикин В.А., Зин Н.В. К вопросу об особенностях государственного суверенитета России // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 11-12. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_11.

For citation: Chirikin V.A., Zin N.V. To the question of features state sovereignty of Russia // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 11-12. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_11.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Одним из базовых признаков государства, наряду с территорией, населением, публичной властью, государственной казной (совокупностью источников доходов), законодательством, в теории права выделяют суверенитет. В отечественной юридической литературе по международному праву под государственным суверенитетом понимают «полную политико-правовую самостоятельность и независимость государства во внешних и внутренних делах»¹ или «присущее государству верховенство на своей территории и независимость в международных отношениях»². Подытожив позиции научного юридического сообщества по исследуемой тематике можно отметить, что под суверенитетом принято понимать верховенство государственной власти по отношению к другим общественным формированиям внутри страны (внутренний суверенитет) и независимость государства в международных отношениях (внешний суверенитет)³.

В настоящее время в связи с международной обстановкой возросло влияние таких интернациональных организаций как НАТО, ООН, ОБСЕ, Совет Европы и других. Они воздействуют на суверенитет государств путем механизмов ограничения свободы принятия решений, мониторинга и контроля над соблюдением прав человека, что позволяет влиять на внутреннюю политику государств и ставить под вопрос незыблемость суверенитета того или иного государства. Например, в странах, входящих в Европейский союз, на данный момент более половины национальных законов и подзаконных актов берут свои начала из законов ЕС.

В связи с вышеизложенной информацией, можно сказать, что одной из актуальных проблем является сохранение и укрепление государственного суверенитета, как необходимого признака государства. В современном мире столкновение интересов на международной арене

¹ Международное право. Учебник под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М., 2008. С. 49-50

² Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2005.-С. 102.

³ См.: Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учебно-методическое пособие / А.В. Малько. – 5-е изд., испр. И доп. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С.52

только увеличивается, что дает все больше разногласий в оценке суверенитета государств.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на прямой линии и пресс-конференции 14 декабря 2023 года сделал ряд заявлений о невозможности существования России без суверенитета, а также о его незыблемости и укреплении. «Поэтому главное — это укрепление суверенитета»¹ - так Президент нашей страны ответил на вопрос о первостепенных задачах государства.

Вопрос сохранения и укрепления суверенитета в эпоху прогрессирующей глобализации — это вопрос сохранения самобытности российского народа. Государственный суверенитет гарантирует российскому народу возможность самостоятельно строить свое будущее;

Дискуссионным представляется вопрос о делимости или неделимости государственного суверенитета РФ: с одной стороны, говоря о федеративном государстве, можно предположить, что субъекты такого государства не могут обладать суверенитетом, так как невозможно существование государства в государстве. С другой же точки зрения стоит отметить, что такие субъекты РФ как республики являются, по сути, отдельными государствами, которые имеют свои конституции. Однако все же суверенитет таких субъектов несомненно ограничен объемом делегированных им компетенций федеральных органов;

В свою очередь, из названной выше проблемы, касающейся такого явления как суверенитет, вытекает не менее важный вопрос, который до сих пор не нашел однозначного ответа, о делегировании суверенных прав и полномочий. Многие ученые и политические деятели считают, что при добровольном делегировании федеративным государством определенных прав и полномочий своим субъектам, которые закреплены в 72 и 73 статьях Конституции Российской Федерации, а также различным международным организациям, происходит ограничение государственного суверенитета. Однако на самом деле такой процесс делегирования прав и полномочий не ведет к ограничению или «подрыву» суверенитета. Процессы глобализации и интеграции, происходящие сегодня в мире, не могут ограничить суверенитет государства, так как он является качественной, статичной категорией². Делегированы и ограничены могут быть лишь определенные права государства, причем исключительно на добровольной основе и только с его согласия. Так, например, заключая какие-либо международные договоры, государство лишь реализует свой суверенитет, при этом, не ограничивая его. Государство полнолично в любой момент отказаться от данных обязательств и вернуть обратно делегированные кому-либо, например международной организации, свои полномочия.

В условиях современной глобализации, когда происходит сближение государств, нарастает их взаимодействие и взаимовлияние в разных сферах жизни общества, все больше государства ориентируются на международное право, нормы которого в некоторых аспектах ограничивают государственный суверенитет. На наш взгляд, влияние международных организаций на определенные мировые экономические или же политические процессы, активный рост полномочий и увеличение их роли не следует рассматривать как угрозу для государственного суверенитета. Напротив, это отражает объективные процессы трансформации международной системы, в которой страны добровольно соглашаются на определенное делегирование своих полномочий ради достижения общих целей и решения глобальных проблем;

Отвечая на вопрос, кто же является гарантом суверенитета государств, можно сказать, что на протяжении долгого времени именно институт международного права был и остается в настоящее время его единственным гарантом;

Все вышесказанное дает нам возможность сделать вывод о том, что как в отечественной, так и в зарубежной политико-правовой науке было сформировано два основных подхода к пониманию суверенитета в современной международной обстановке. Сторонники первого подхода убеждены, что суверенитет по-прежнему остается неотъемлемым атрибутом государства, который не может быть ограничен никакими внешними факторами. Они считают суверенитет абсолютной, неизменной и неотчуждаемой характеристикой любого государства. В свою очередь, сторонники второго подхода указывают на возрастающее влияние глобальных и интеграционных процессов, что, по их мнению, приводит к постепенному размыванию и ослаблению традиционного понимания государственного суверенитета. Они полагают, что в современном мире суверенитет государств становится все более относительным и условным.

На наш взгляд, суверенитет, как один из основополагающих признаков любого государства, не может быть относительной категорией. Суверенитет государства является неделимым его атрибутом и заканчивается там, где начинается суверенитет другого государства. Это не говорит о его ограниченности, а лишь подразумевает определенные рамки его абсолютности. Для нас это особенно важно сегодня, когда Западный мир, используя массивное политическое, экономическое, нравственное давление, испытывает Россию на суверенность.

Список литературы:

1. Итоги года с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]: информационный ресурс Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учебно-методическое пособие / А.В. Малько. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С.52.
3. Международное право. Учебник под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М., 2008. С. 49-50.
4. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2005.-С. 102.
5. Чирикин В. А. Место суверенитета в системе государственных ценностей // Правовая политика и правовая жизнь – 2015. – №2(59). – С.100-104.

References:

1. Results of the year with Vladimir Putin [Electronic resource]: information resource President of Russia. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (date of reference: 07.10.2024).
2. Malko A.V. Theory of state and law in questions and answers : an educational and methodological manual / A.V. Malko. – 5th ed., ispr. And additional. – M. : Publishing house "Delo" RANHiGS, 2019. – p.52.
3. International law. Textbook edited by A. A. Kovalev, S. V. Chernichenko. M., 2008. pp. 49-50.
4. Tunkin G.I. Theory of international law. M., 2005.-p. 102.
5. Chirikin V. A. The place of sovereignty in the system of state values // Legal policy and legal life – 2015. – №2(59). – Pp.100-104.

¹Итоги года с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]: информационный ресурс Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 07.10.2024)

²Чирикин В. А. Место суверенитета в системе государственных ценностей // Правовая политика и правовая жизнь – 2015. – №2(59). – С.100-104.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Development of the system of sources of law of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries

БОЙКО Наталья Николаевна,

доцент кафедры публичного и частного права Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: amulet-str@yandex.ru

БОНДАРЕНКО Юлия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, Уфимский юридический институт МВД РФ.
450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муksинова, 2.
E-mail: jy.lia@mail.ru;

Boyko Natalia Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Public and Private Law of the Sterlitamak Branch
of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

Bondarenko Yulia Viktorovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2, Muksinova st., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
E-mail: E-mail: jy.lia@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются изменения в правовой политике Российской империи в контексте социально-политических процессов второй половины XIX – начале XX вв., определяемых пореформенным развитием государства, в части касающейся характеристики основных источников права рассматриваемого периода. Отражается полисистемность правового пространства российского государства, характеризующегося взаимодействием общеимперских законов и региональных источников права, основанных на применении узконациональных правовых актов или рецепции зарубежных.

Abstract: The article examines changes in the legal policy of the Russian Empire in the context of socio-political processes of the second half of the 19th – early 20th centuries, determined by the post-reform development of the state, in terms of the characteristics of the main sources of law of the period under consideration. Reflects the polysystemic nature of the legal space of the Russian state, characterized by the interaction of general imperial laws and regional sources of law based on the application of narrowly national legal acts or the reception of foreign ones.

Ключевые слова: Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи, Уголовное уложение 1903 г., правовой партикуляризм, Основные государственные законы Российской империи.

Keywords: Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Code of Laws of the Russian Empire, Criminal Code of 1903, legal particularism, Basic State Laws of the Russian Empire.

Для цитирования: Бойко Н.Н., Бондаренко Ю.В. Развитие системы источников права Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 13-15. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_13.

For citation: Boyko N.N., Bondarenko Yu.V. Development of the system of sources of law of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 13-15. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_13.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Правовая политика царизма второй половины XIX в. определялась прежде всего влиянием либеральных реформ Александра II, задавших вектор развитию отечественного законодательства. Принимая во внимание сохранение абсолютизма, весь законотворческий процесс замыкался на фигуре императора. В данный период было принято немало законодательных актов, детально регламентирующих различные сферы общественных отношений вплоть до мельчайших подробностей.

Несмотря на активную правотворческую деятельность государства в условиях несовершенства российского законодательства сохранялась традиция использования и норм неписаного права – обычая. Достаточно широко применялся обычай при разрешении мелких гражданско-правовых споров крестьян, в вопросах о наследстве, опеке. К обычаю закон позволял прибегать мировым судьям при рассмотрении споров и между представителями других сословий – в случае пробела в законе, если к нему апеллировала хотя бы одна из сторон. Законом о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г. это правило было распространено и на окружные суды. Широко применялся обычай и при торговых спорах.

Большая роль в приспособлении многих устаревших норм права к требованиям буржуазного развития оставалась за Сенатом. Правотворческая деятельность Сената проявлялась, прежде всего, через деятельность его гражданского кассационного департамента. Несмотря на то, что формально кассационные решения были обязательными только для конкретного суда, решение которого рассматривалось в кассационном порядке, на практике все суды признавали решения Сената обязательными наравне с законом.

Еще со времен Петра I сила государственных законов придавалась указам Синода: «...всякие распоряжения, действия, мероприятия церковного правительства имеют в государстве для подданных его кроме церковноюрисдикционной обязательности, как церковные, и обязательность государственно-юрисдикционную, так как бы они исходили от других правительственных установлений» [1, с. 129]. Той юридической областью, где церковь сохраняла свои позиции, являлась сфера семейная. В России долгое время брачные дела решались церковью на основании практики греко-восточной церкви и законов византийских императоров, перешедших вместе с греческим номоканонам в виде Кормчих [2, с. 223-224].

Однако и в этих вопросах постепенно государственное законодательство вытеснило источники права древней церкви.

Системообразующим в правовом поле Российской империи XIX века оставались Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи, созданные в ходе систематизации всего российского законодательства, осуществленной в первой половине XIX века. В 1830 г. было составлено Полное собрание законов Российской империи, объединившее различные законодательные акты, расположенные в хронологическом порядке. Первое собрание состояло из 46 томов, из них 40 томов текстов законов и 6 томов приложений, в общей сложности содержащих 30 тыс. законодательных актов, как действующих, так и утративших силу, изданных за период с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Второе собрание было ежегодным, выходило с 1830 по 1884 гг., включало более 60 тыс. законодательных актов, изданных с 12 декабря 1825 г. до 28 февраля 1881 г., состояло из 55 томов и указателей.

Свод законов Российской империи, составленный в 1832 г. и введенный в действие с 1 января 1835 г., консолидировал все действовавшее на тот момент законодательство по отраслевому принципу. Последующие изменения и дополнения свода публиковались в ежегодных приложениях к нему по разделам и томам. В обновленном виде Свод неоднократно официально переиздавался целиком (в 1842 г., 1857 г.), переиздавались и отдельные тома. Выходили неофициальные издания.

Принимая во внимание тот факт, что часть общего правопорядка Российской империи составляло церковное право, в Свод законов вошли ряд правовых актов, регламентирующих церковный порядок и управление. В Свод законов Российской империи не вошли законодательные акты по военному и военно-морскому ведомствам, об императорском дворе, о некоторых национальных регионах.

Вплоть до судебной реформы 1864 года Свод издавался в 15 томах. С принятием 20 ноября 1864 г. судебных уставов был издан 16 том, куда вошли основные документы судебной реформы: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Соответственно было обновлено и Полное собрание законов Российской империи.

Принятие судебных уставов 1864 г. фактически осуществило революцию в сфере судопроизводства и обратило пристальное внимание юридического сообщества на те коллизии правовых норм, которые неизбежно возникли в результате параллельного применения на практике самих уставов и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Последнее было составлено в духе феодально-крепостнической системы. Сохраняя сословный принцип в системе наказаний, не разграничивая четко понятия преступления и проступка, уголовной, административной и дисциплинарной ответственности, Уложение вступало в противоречие с новыми принципами буржуазного уголовного судопроизводства юридического равенства, отделения судебной и административной власти и др. В целях устранения наиболее серьезных противоречий в 1866 г. Уложение претерпело заметные изменения, его объем сократился на 652 статьи. В 1885 году была осуществлена новая редакция Уложения о наказаниях.

Необходимость коренной модернизации и унификации всего российского уголовного законодательства со всей остротой подняла вопрос о его новой кодификации. В 1881 г. указом императора Александра III был учрежден особый комитет для подготовки проекта нового уголовного уложения, которое по замыслу составителей должно было заменить собой действующие на тот момент Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. Подготовка проекта растянулась на долгие годы. Только в 1898 г. проект уложения был подготовлен и представлен на рассмотрение Государственного совета. В период с 1898 по 1903 гг. проект еще неоднократно претерпел изменения в рамках рассмотрения его вначале Особым совещанием, а затем - Особым присутствием департаментов Государственного совета. Только 10 февраля 1903 г. проект был рассмотрен и одобрен на общем собрании Государственного совета, а 22 марта того же года подписан императором.

Уложение несомненно превосходило своего предшественника и в юридической технике, и в концептуальных положениях. Ряд факторов различного характера, включая и несоответствие пенитенциарной системы России достаточно прогрессивным идеям, положенным в основу новой системы наказаний, и сохранение консервативно-хранительных настроений в правительстве, не позволили новому уголовному кодексу вступить в силу в полном объеме. В 1904 году были введены в действие его главы о государственных преступлениях, в 1906 г. – главы о религиозных преступлениях, заменив собой соответствующие разделы в Уложении о наказаниях. В последующие годы вплоть до событий октября 1917 г. было введено в действие еще около 30 статей других его глав. Основным же действующим нормативным актом в области уголовного права вплоть до 30 ноября 1918 года оставалось Уложение 1845 года. Полностью уложение действовало лишь на территории Латвии, Литвы и Эстонии.

Еще менее продуктивной стала попытка кодификации законодательства в гражданско-правовой сфере. Отмечая настоятельную потребность пересмотра всех гражданских законов и создания нового Гражданского уложения министр юстиции Д.Н. Набоков признавал, что прежние нормы права оказываются устаревшими и недостаточными для разрешения возникающих в судебной практике вопросов об имущественных правах казны, сословий, обществ и частных лиц, и Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената зачастую вынужден выходить за границы толкования закона, фактически занимаясь правотворчеством [3, с. 2-3]. К разработке нового проекта Гражданского уложения в Российской империи приступили в мае 1882 года. К началу 1898 г. была подготовлена первая редакция общего проекта Гражданского уложения, обсуждение которого растянется на несколько лет. К лету 1905 года был подготовлен новый вариант проекта Гражданского уложения, переданный для заключения всем заинтересованным ведомствам в части, касающейся их предметов ведения. Данная процедура вопреки отведенному шестимесячному сроку растянулась почти на пять лет. Существенный объем предложенных поправок вновь потребовал серьезной доработки проекта Гражданского уложения. Принципиальные расхождения по многим вопросам так и не позволили завершить работу над проектом Гражданского уложения, ни одна его книга так и не была принята Государственной думой.

Неутешительные итоги предпринятых попыток осуществления кодификации в столь значимых отраслях материального права стали отражением нерешительной и непоследовательной правовой политики государства в условиях углубления социально-политического кризиса в России.

Одновременно властью издавалось большое количество различных правовых актов по отдельным вопросам. С 1863 г. при Правитель-

ствующем сенате стали регулярно издавать «Собрание узаконений и распоряжений правительства», ставшее официальным изданием Российской империи вплоть до 1917 г. В «Собрание узаконений» помещались все манифесты, Высочайшие повеления, указы сената, трактаты и постановления, имеющие силу закона и подлежащие впоследствии внесению в Полное собрание законов, и те распоряжения центрального правительства, которым придавалось общеобязательное значение. Опубликование закона в «Собрании узаконений» имело значение его официального обнародования.

Особое влияние на развитие отечественного права и законодательства оказали события Первой русской революции в России. С принятием Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. император разделил свою законодательную власть с учрежденной Государственной Думой. Отныне «...никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы...» [4, с. 41].

Основы законотворческого процесса были определены Манифестом «Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы» 20 февраля 1906 г. Манифест предоставлял Государственному совету и Государственной думе право возбуждать предложения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных Государственных Законов. Одобренные Государственной думой законопроекты поступали на рассмотрение в Государственный Совет, а затем предоставлялись на подпись императору.

В связи с изданием 6 августа 1905 г. Манифеста об учреждении Государственной думы, 17 октября 1905 г. Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» и 20 февраля 1906 г. Манифеста о переустройстве Государственного совета в Свод законов были внесены изменения, которые свели воедино постановления, имеющие значение Основных государственных законов и отразили изменения основ государственного и общественного строя. В редакции от 23 апреля 1906 г. Основные государственные законы фактически стали первой конституцией России. Также стоит отметить, что «октябрьская революция и установление советской системы перевернули социально-экономические и идеологические основы государства и общества» [5, с. 21].

Обращаясь к особенностям правовой системы Российской империи следует принимать во внимание ее сложное административно-территориальное строение с многонациональным и поликонфессиональным населением, что так или иначе проецировалось в правовую сферу. Несмотря на присущий российскому абсолютизму управленческий централизм степень интеграции отдельных областей империи в единое политико-правовое и социокультурное российское пространство не была одинаковой и определялась многими факторами: условиями вхождения в состав России, административно-политическим статусом областей, этническим составом преобладающей части населения территорий отдельных губерний в купе с их конфессиональной принадлежностью, что учитывалось государством в реализации своей внутренней политики. На отдельных территориях окраин Российской империи локально действовали источники национального характера. Например, в Бессарабии это были Шестикнижие Арменопуло, собрание законов Доница и Соборная грамота Маврокордата и др. [6, с. 10-12]. В регионах с преобладающим мусульманским населением сохранялось ограниченное действие исламского права.

Особого внимания заслуживает присутствие в правовой системе Российской империи источников зарубежного происхождения, что было обусловлено сохранением особого административно-правового статуса в составе империи целого ряда территорий. Так, на территории Великого княжества Финляндского продолжало действовать Шведское уложение 1734 г., в Царстве Польском практически применялся Французский гражданский кодекс 1804 г., а в Прибалтийских губерниях продолжал действовать Свод законов губерний Остзейских. Подобного рода правовые акты занимали особую самостоятельную нишу в правовой системе России, действуя параллельно с имперским правом. В Основных законах Российской империи 1906 г. также было подтверждено, что: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства» [4, с. 44].

Правовой партикуляризм в российском государстве сохранялся вплоть до конца существования империи, что не способствовало преодолению неоднородности в правовом развитии различных регионов и их интеграции в общероссийское пространство. Характерными чертами страны по-прежнему оставались консервативность, многоукладность, сочетававшаяся с диспропорциями в развитии центральных районов и окраин Российской империи [7, с. 14]. Нарастанию кризисных явлений в середине XIX в. были противопоставлены либеральные реформы Александра II, задавший новый импульс к модернизации законодательства. Однако в условиях политической нестабильности и нарастания революционного движения правовая политика оставалась непоследовательной и негибкой. Многие законопроекты так и остались на стадии разработки.

Список литературы:

1. Заозерский Н. Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. М., 1888. 145 с.
2. Павлов А. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. 460 с.
3. Введение к составленному высочайше учрежденному Редакционною комиссиею проекту Гражданского уложения // Прибавление к проекту Гражданского уложения. СПб., 1906. 84 с.
4. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. 1999. 351 с.
5. Чернова Э.Р., Амиров Р.З. Правосознание личности в России: история и современное состояние: учебное пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2024. 40 с.
6. Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: тип. Имп. ун-та, 1898. 128 с.
7. Бондаренко Ю. В. Особенности административно-правовой интеграции национальных окраин российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 8–14.

References:

1. Zaozersky N. The law of the Orthodox Greek-Eastern Russian Church as a subject of special legal science. M., 1888. 145 p.
2. Pavlov A. The 50th chapter of the Pilot book as a historical and practical source of Russian marriage law. M., 1887. 460 p.
3. Introduction to the draft Civil Code compiled by the most highly established Editorial Commission // Addendum to the draft Civil Code. St. Petersburg, 1906. 84 p.
4. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 volumes / under the general editorship of O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1984-1994. Vol. 9. Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions. 1999. 351 p.
5. Chernova E.R., Amirov R.Z. Legal awareness of personality in Russia: history and current state: textbook. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 40 p.
6. Shershenevich G.F. The history of the codification of civil law in Russia. Kazan: type. Imp. university, 1898. 128 p.
7. Bondarenko Yu. V. Features of the administrative and legal integration of the national outskirts of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2023. No. 4 (16). pp. 8-14.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_16

О НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ On the inadmissibility of proof in constitutional court proceedings in the Russian Federation

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

Galuzo V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа юридической литературы и законодательства относительно допустимости доказывания в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации обосновано несколько суждений: понятия «правосудие» и «судопроизводство» и донныне могут быть охарактеризованы как неустоявшиеся; соответственно в теории фактически не проводится разграничение между понятиями «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство»; исчерпывающий перечень видов судопроизводств предусмотрен в части 2 ст. 118 Конституции РФ (конституционное судопроизводство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, уголовное судопроизводство); из пяти видов судопроизводств только четыре могут быть определены как правосудие (гражданское правосудие, арбитражное правосудие, административное правосудие, уголовное правосудие); положения главы VII «Общие процедурные правила рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации» Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. не корреспондируют положению части третьей статьи 3 этого же нормативного правового акта; противоречия между положениями главы VII «Общие процедурные правила рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации» и частью третьей статьи 3 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. необходимо разрешать в пользу части третьей статьи 3; при конституционном судопроизводстве не осуществляется доказывание и соответственно использование термина «конституционное правосудие» неправомерно; правовым обоснованием для недопустимости доказывания в конституционном судопроизводстве является положение части третьей статьи 3 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г.

Abstract: based on the analysis of the legal literature and legislation on the admissibility of evidence in constitutional proceedings in the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: the concepts of «justice» and «judicial proceedings» can still be characterized as unresolved; accordingly, the theory does not actually distinguish between the concepts of «constitutional justice» and «constitutional judicial proceedings»; an exhaustive list of types of legal proceedings is provided in Part 2 of Article 118 of the Constitution of the Russian Federation (constitutional proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, criminal proceedings); of the five types of legal proceedings, only four can be defined as justice (civil justice, arbitration justice, administrative justice, criminal justice); the provisions of Chapter VII «General Procedural rules for the consideration of cases in the Constitutional Court of the Russian Federation» of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Constitutional Court of the Russian Federation» dated July 12, 1994 do not correspond to the provision of part three of Article 3 of the same normative legal act; contradictions between the provisions of Chapter VII «General Procedural Rules for the consideration of cases in the Constitutional Court of the Russian Federation» and Part three of Article 3 of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Constitutional Court of the Russian Federation» dated July 12, 1994 must be resolved in favor of part three of Article 3; in constitutional court proceedings, proof is not carried out and, accordingly, the use of the term «constitutional justice» is unlawful; The legal justification for the inadmissibility of proof in constitutional proceedings is the provision of part three of Article 3 of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Constitutional Court of the Russian Federation» dated July 12, 1994.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г., судопроизводство, конституционное судопроизводство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, уголовное судопроизводство, правосудие, гражданское правосудие, арбитражное правосудие, административное правосудие, уголовное правосудие, «вопросы права», «вопросы факта», доказывание.

Key words: Russian Federation, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Constitutional Court of the Russian Federation» of July 12, 1994, judicial proceedings, constitutional proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, criminal proceedings, justice, civil justice, arbitration justice, administrative justice, criminal justice, «questions of law», «questions of fact», proof.

Для цитирования: Галузо В.Н. О недопустимости доказывания в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_16.

For citation: Galuzo V.N. On the inadmissibility of proof in constitutional court proceedings in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_16.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Предметом данной статьи является именно конституционное судопроизводство и недопустимость в нем доказывания¹.

В теории права и донныне отсутствуют фундаментальные разработки относительно соотношения понятий «правосудие» и «судопроизводство». В частности, наличествует многообразие суждений относительно соотношения понятий «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство».

¹ Те или иные аспекты конституционного судопроизводства нами уже рассматривались (см. об этом, например: Галузо В.Н. «Конституционное судопроизводство» или «конституционное правосудие» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 27-32; он же: О конституционно-правовом регулировании видов судопроизводств в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 191-194; Галузо В.Н., Редюков В.М., Дуванов Н.Ю. Доказывание при праворегулировании в Российской Федерации: Монография. 7-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 39-46.

Первоначально об использовании термина «конституционное правосудие».

Так, Н.В. Витрук «в основу первого в отечественной литературе систематизированного изложения учебного курса «Конституционное правосудие» положена самостоятельная отрасль права, представляющая собой единство судебного конституционного права и судебного конституционного процесса (конституционного судопроизводства)»¹. Более того, названный автор и к тому же являвшийся судьей Конституционного Суда РСФСР² и Конституционного Суда РФ³, определил понятие «конституционное правосудие»: «как отрасль права есть система норм права, регулирующих качественно однородный комплекс общественных отношений, складывающихся в процессе организации и функционирования конституционного контроля, осуществляемого конституционными судами в форме самостоятельного вида судопроизводства – конституционного судопроизводства»⁴.

О конституционном правосудии в Республике Таджикистан⁵ до сведения научной общественности доводил Председатель Конституционного Суда РТ Ф.А. Абдуллоев⁶.

«Научная новизна диссертации» Г.А. Шмавоняна состоит «в самой постановке проблемы, в изучении проблем конституционного правосудия с позиций и под углом зрения разделения властей в Армении»⁷.

Авторы – единомышленники (В.В. Гошуляк, Л.Е. Ховрина и Т.И. Геворкян) рассмотрели конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации и тем самым сфокусировали внимание на «региональную конституционную юстицию»⁸.

«Предметом диссертационного исследования» А.А. Клишаса являлся «процесс становления и развития основных систем конституционного контроля и конституционного правосудия в зарубежных странах»⁹.

С.Н. Пастернак в монографии, представляющей собой «правовое исследование становления и развития конституционного правосудия в Российской Федерации», сформулировал один из выводов: «Органы конституционного контроля осуществляют государственно-властную контрольную деятельность в форме конституционного правосудия»¹⁰.

В.Н. Демидов рассмотрел «основные вопросы становления, функционирования и совершенствования конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации («... конституционное (уставное) правосудие субъектов Российской Федерации доказало свою состоятельность и востребованность в механизме защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечении основ конституционного строя»)¹¹. Фактически тождественные суждения обнаруживаем и в последующей научной публикации названного автора¹².

В одной учебной публикации, в которой раскрыты «институты современного конституционного правосудия», также сформулирован и вывод: «... модернизация правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации требует внесения изменений и дополнений в материально-правовую и процедурно-правовую составляющие законодательства о конституционном правосудии в Российской Федерации»¹³.

Е. Тарибо и Д. Кустов рассмотрели «проблемы конкурентного права ... в практике конституционного правосудия» («Проведенный обзор практики конституционного правосудия ясно показывает, что акты КС РФ вносят существенный вклад в систему правового регулирования, обеспечивающего необходимый баланс частных и публичных интересов в сфере осуществления хозяйствующими субъектами экономической деятельности»)¹⁴.

Обращение внимания на еще несколько публикаций сопряжено лишь с оригинальностью предложенной терминологии: «конституционное экономическое правосудие»¹⁵; «ненаправное конституционное правосудие»¹⁶.

В литературе использован и термин «конституционное судопроизводство».

Так, авторы – единомышленники (А.В. Ильиных, З.В. Макарова и А.Л. Фартыгин), проанализировав «теоретические и правовые основы конституционного судопроизводства в Российской Федерации», однако в научную публикацию включили главу «Специфика доказывания в конституционном судопроизводстве»¹⁷.

Е.В. Михайловой исследована «проблема "конкуренции" полномочий Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в сфере защиты публичных прав и интересов. Конституционное судопроизводство рассматривается как самостоятельная процессуальная форма защиты, средство отправления правосудия»¹⁸. Еще более определенно относительно фактического отождествления терминов

¹ Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 4.

² См.: Об избрании судей Конституционного Суда РСФСР: Постановление СНД РСФСР от 30.10.1991 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1450.

³ См.: О присвоении высшего квалификационного класса судьям Конституционного Суда Российской Федерации: Указ Президента РФ № 811 от 31.07.1992 г. // САПР РФ. 1992. № 5. Ст. 258.

⁴ Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 38.

⁵ О названиях всех государств участников международной организации – СНГ – подробнее см.: Галузо В.Н. О наименованиях участников Содружества Независимых Государств в Российской Федерации (юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 27-34.

⁶ Абдуллоев Ф.А. Судебная власть и конституционное правосудие в Таджикистане (вопросы теории и практики). Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 1999.

⁷ Шмавонян Г.А. Конституционное правосудие Армении в системе разделения властей: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 3.

⁸ См.: Гошуляк В.В., Ховрина Л.Е., Геворкян Т.И. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М.: Альфа-М, 2006. С. 4, 199-205.

⁹ Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 6.

¹⁰ Пастернак С.Н. Конституционное правосудие в Российской Федерации: Монография. С.-Пб.: Изд-во С.-ПбГУСЭ, 2011. С. 2, 146.

¹¹ Демидов В.Н. Конституционное (уставное) правосудие субъектов Российской Федерации в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина: Монография. Казань: Казанский государственный университет, 2014. С. 4, 180.

¹² См.: Демидов В.Н. Конституционное правосудие субъектов России (итоги и опыт функционирования): Монография. Казань: Логос-Пресс, 2021. С. 4, 414.

¹³ См.: Конституционное правосудие в современной России: Курс лекций. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2022. С. 2, 56.

¹⁴ См.: Тарибо Е., Кустов Д. Конституционное правосудие на защите конкуренции (обзор практики 2015 г.) // Конкуренция и право. 2015. № 4. С. 5 - 10.

¹⁵ См.: Должиков А.В. Конституционное экономическое правосудие и принцип соразмерности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 20 - 28.

¹⁶ См.: Арановский К.В., Князев С.Д. Ненаправное конституционное правосудие // Судья. 2017. № 12. С. 40 - 46.

¹⁷ См.: Ильиных А.В., Макарова З.В., Фартыгин А.Л. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: Монография. Челябинск: Цицер, 2008. С. 2, 112-134.

¹⁸ Михайлова Е.В. Конституционное судопроизводство в системе процессуальных форм защиты публичных прав // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5.

«конституционное судопроизводство» и «конституционное правосудие» названный автор высказался в иной публикации: «На основе теоретического анализа основных процессуальных понятий, законодательства, регулирующего конституционное судопроизводство, сделан вывод о его несомненной принадлежности к правосудию, а конституционное судопроизводство позиционировано как важнейшая, всеобъемлющая процессуальная форма защиты прав, свобод и законных интересов в России - причем как частных, так и публичных»¹.

М.Ю. Лебедев, рассмотрев «вопрос о корректности применения к деятельности Конституционного Суда Российской Федерации такого понятия, как "правосудие"»², сформулировал неоднозначный вывод: «Исходя из отечественного нормативного регулирования конституционного судопроизводства, имплементированного в общую судебную систему страны, ... полагаем уместно говорить о том, что Конституционный Суд РФ как часть этой системы не может в своей деятельности не ориентироваться на общую единую цель, ради которой эта система и была создана. Эта цель ... определяется как государственная гарантия восстановления нарушенного и/или оспариваемого права»³.

Фактическая неопределенность суждений о соотношении понятий «правосудие» и «судопроизводство» (в особенности, понятий «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство»), во многом предопределена несовершенством законодательства Российской Федерации⁴.

Так, исчерпывающий перечень видов судопроизводств предусмотрен в части 2 ст. 118 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁵: «2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства».

Относительно конституционного судопроизводства положения части 2 ст. 118 Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой. В частности, в Федеральном конституционном законе РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г.⁶ урегулированы организация и деятельность суда специальной юрисдикции – Конституционного Суда РФ. Особо обращаем внимание на положения части 3 ст. 3 Федерального конституционного закона РФ от 12 июля 1994 г.: «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права». Соответственно «вопросы факта» являются исключительным правомочием судов общей юрисдикции⁷. А «вопросы факта» разрешаются посредством доказывания. Иначе говоря, положения главы VII «Общие процедурные правила рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации» не корреспондируют положению части третьей статьи 3 Федерального конституционного закона РФ от 12 июля 1994, обладающей большей юридической силой.

Таким образом, исследования относительно соотношения понятий «правосудие» и «судопроизводство», а также понятий с меньшим объемом - «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство» в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, понятия «правосудие» и «судопроизводство» и донныне могут быть охарактеризованы как неустоявшиеся.

Во-вторых, соответственно в теории фактически не проводится разграничение между понятиями «конституционное правосудие» и «конституционное судопроизводство».

В-третьих, исчерпывающий перечень видов судопроизводств предусмотрен в части 2 ст. 118 Конституции РФ: конституционное судопроизводство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, уголовное судопроизводство.

В-четвертых, из пяти видов судопроизводств только четыре могут быть определены как правосудие: гражданское правосудие, арбитражное правосудие, административное правосудие, уголовное правосудие.

В-пятых, положения главы VII «Общие процедурные правила рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации» Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. не корреспондируют положению части третьей статьи 3 этого же нормативного правового акта.

В-шестых, противоречия между положениями главы VII «Общие процедурные правила рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации» и частью третьей статьи 3 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. необходимо разрешать в пользу части третьей статьи 3.

В-седьмых, при конституционном судопроизводстве не осуществляется доказывание и соответственно использование термина «конституционное правосудие» неправомерно.

В-восьмых, правовым обоснованием для недопустимости доказывания в конституционном судопроизводстве является положение части третьей статьи 3 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г.

Список литературы:

1. Абдуллоев Ф.А. Судебная власть и конституционное правосудие в Таджикистане (вопросы теории и практики). Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 1999.
2. Арановский К.В., Князев С.Д. Ненапрасное конституционное правосудие // Судья. 2017. № 12. С. 40 - 46.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 4, 38.

¹ Михайлова Е.В. Конституционное судопроизводство - процессуальная форма защиты нарушенных прав // Российский судья. 2023. № 1.

² Лебедев М.Ю. Конституционное судопроизводство как дополнительная гарантия судебной защиты // Российский судья. 2022. № 11.

³ Там же.

⁴ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁵ См.: РФ. 1993. 25 декабря; ...; 2020. 4 июля.

⁶ См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; ...; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.

⁷ Организация и деятельность таковых урегулированы в ФЗ РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобен Государственной Думой 28 января 2011 года»; «Одобен Советом Федерации 2 февраля 2011 года») // СЗ РФ. 2010. № 7. Ст. 898; ...; Официальный интернет-портал правовой информации, 31.07.2023.

4. Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
5. Галузо В.Н. О конституционно-правовом регулировании видов судопроизводств в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 191-194.
6. Галузо В.Н. О наименованиях участников Содружества Независимых Государств в Российской Федерации (юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 27-34.
7. Галузо В.Н., Редкоус В.М., Дуванов Н.Ю. Доказывание при праворегулировании в Российской Федерации: Монография. 7-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 39-46.
8. Гошуляк В.В., Ховрина Л.Е., Геворкян Т.И. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М.: Альфа-М, 2006. С. 4, 199-205.
9. Демидов В.Н. Конституционное (уставное) правосудие субъектов Российской Федерации в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина: Монография. Казань: Казанский государственный университет, 2014. С. 4, 180.
10. Демидов В.Н. Конституционное правосудие субъектов России (итоги и опыт функционирования): Монография. Казань: Логос-Пресс, 2021. С. 4, 414.
11. Должиков А.В. Конституционное экономическое правосудие и принцип соразмерности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 20 - 28.
12. Ильиных А.В., Макарова З.В., Фартыгин А.Л. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: Монография. Челябинск: Цицер, 2008. С. 2, 112-134.
13. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 6.
14. Конституционное правосудие в современной России: Курс лекций. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2022. С. 2, 56.
15. Лебедев М.Ю. Конституционное судопроизводство как дополнительная гарантия судебной защиты // Российский судья. 2022. № 11.
16. Михайлова Е.В. Конституционное судопроизводство в системе процессуальных форм защиты публичных прав // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5.
17. Михайлова Е.В. Конституционное судопроизводство - процессуальная форма защиты нарушенных прав // Российский судья. 2023. № 1.
18. Пастернак С.Н. Конституционное правосудие в Российской Федерации: Монография. С.-Пб.: Изд-во С.-ПбГУСЭ, 2011. С. 2, 146.
19. Тарибо Е., Кустов Д. Конституционное правосудие на защите конкуренции (обзор практики 2015 г.) // Конкуренция и право. 2015. № 4. С. 5 - 10.
20. Шмавонян Г.А. Конституционное правосудие Армении в системе разделения властей: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 3.

References:

1. Abdulloev F.A. Judicial power and constitutional justice in Tajikistan (issues of theory and practice). Yerevan: Center of Constitutional Law of the Republic of Armenia, 1999.
2. Aranovsky K.V., Knyazev S.D. Non-vain constitutional justice // Judge. 2017. No. 12. pp. 40 - 46.
3. Vitruk N.V. Constitutional justice. Judicial constitutional law and process: A textbook for universities. M.: Law and Law, UNITY, 1998. pp. 4, 38.
4. Galuzo V.N. The constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119-123.
5. Galuzo V.N. On constitutional and legal regulation of types of legal proceedings in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and State Law. 2021. No. 2. pp. 191-194.
6. Galuzo V.N. On the names of the members of the Commonwealth of Independent States in the Russian Federation (legal aspect) // Law and the State: theory and practice. 2016. No. 10. pp. 27-34.
7. Galuzo V.N., Redkous V.M., Duvanov N.Yu. Proving in legal regulation in the Russian Federation: Monograph. 7th ed., ispr. and additional. M.: Prospect, 2024. pp. 39-46.
8. Goshulyak V.V., Khovrina L.E., Gevorkyan T.I. Constitutional justice in the subjects of the Russian Federation. M.: Alfa-M, 2006. pp. 4, 199-205.
9. Demidov V.N. Constitutional (statutory) justice of the subjects of the Russian Federation in the mechanism of protection of human and civil rights and freedoms: Monograph. Kazan: Kazan State University, 2014. pp. 4, 180.
10. Demidov V.N. Constitutional justice of the subjects of Russia (results and experience of functioning): Monograph. Kazan: Logos Press, 2021. pp. 4, 414.
11. Dolzhikov A.V. Constitutional economic justice and the principle of proportionality // Constitutional and municipal law. 2019. No. 6. pp. 20-28.
12. Ilyinykh A.V., Makarova Z.V., Fartygin A.L. Constitutional court proceedings in the Russian Federation: Monograph. Chelyabinsk: Tsitser, 2008. pp. 2, 112-134.
13. Klisshas A.A. Constitutional control and constitutional justice in foreign countries: Abstract of the dissertation. ... doct. jurid. M., 2007. p. 6.
14. Constitutional justice in modern Russia: A course of lectures. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. No. 11.
15. Lebedev M.Yu. Constitutional court proceedings as an additional guarantee of judicial protection // Russian judge. 2022. No. 11.
16. Mikhailova E.V. Constitutional legal proceedings in the system of procedural forms of protection of public rights // Constitutional and municipal law. 2024. No. 5.
17. Mikhailova E.V. Constitutional legal proceedings - a procedural form of protection of violated rights // Russian judge. 2023. No. 1.
18. Pasternak S.N. Constitutional justice in the Russian Federation: Monograph. S.-Pb.: Publishing house of S.-PbGUSE, 2011. pp. 2, 146.
19. Taribo E., Kustov D. Constitutional justice for the protection of competition (review of practice 2015) // Competition and law. 2015. No. 4. pp. 5-10.
20. Shmavonyan G.A. Constitutional justice of Armenia in the system of separation of powers: Abstract of the dissertation. ... cand. jurid. nauk. M., 2000. p. 3.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭВИКЦИИ ТОВАРА LEGAL CONSEQUENCES OF THE GOODS' DISPOSAL

МАГОМАДОВА Эльза Исаевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.
E-mail: Zeka0708@mail.ru;

MAGOMADOVA Elsa Isaevna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure A.A. Kadyrov Chechen State University.
32 A. Sheripova str., Grozny, Chechen Republic, 364024.
E-mail: Zeka0708@mail.ru

Краткая аннотация: Данная работа раскрывает правовой статус эвикции товара поскольку является одним из актуальных вопросов в рамках договора купли-продажи. Проблема имеет важное практическое значение, поскольку затрагивает права и законные интересы как продавца, так и покупателя. В случае эвикции товара покупатель может быть лишен возможности пользоваться и распоряжаться приобретенным имуществом, что влечет за собой негативные правовые последствия. В связи с этим исследование правовой природы эвикции, ее оснований, условий и порядка применения является актуальной задачей в рамках изучения договора купли-продажи.

Abstract: This work reveals the legal status of the eviction of goods as it is one of the topical issues within the framework of the purchase and sale agreement. The problem is of great practical importance, since it affects the rights and legitimate interests of both the seller and the buyer. In the event of the goods being withdrawn, the buyer may be deprived of the opportunity to use and dispose of the acquired property, which entails negative legal consequences. In this regard, the study of the legal nature of the eviction, its grounds, conditions and procedure of application is an urgent task in the framework of the study of the contract of sale.

Ключевые слова: гражданское право, договор, товар, эвикция, обязательство, продавец, покупатель.

Keywords: civil law, contract, goods, eviction, obligation, seller, buyer.

Для цитирования: Магомедова Э.И. Правовые последствия эвикции товара // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 20-22.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_20.

For citation: Magomadova E.I. Legal consequences of the goods' disposal // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 20-22.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_20.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Эвикция товара является одним из ключевых правовых институтов, регулирующих отношения в сфере купли-продажи. Под эвикцией понимается лишение покупателя возможности владеть, пользоваться и распоряжаться приобретенным имуществом вследствие предъявления к нему законных требований третьих лиц. Данная проблема имеет важное практическое значение, поскольку эвикция товара представляет серьезную угрозу для реализации прав покупателя и может повлечь за собой значительные негативные последствия. В связи с этим законодательство уделяет особое внимание регулированию отношений, связанных с эвикцией товара в договоре купли-продажи.

Ключевыми аспектами, требующими рассмотрения, являются:

1. Понятие и основания эвикции товара.
2. Ответственность продавца за эвикцию товара.
3. Меры защиты прав покупателя при эвикции товара.
4. Особенности правового регулирования эвикции товара.

Изучение данного вопроса позволит нам выявить наиболее эффективные способы защиты прав покупателя в подобных ситуациях.

Предметом исследования является эвикция товара в гражданском праве. Под эвикцией понимается лишение покупателя возможности владеть, пользоваться и распоряжаться приобретенным имуществом вследствие предъявления к нему законных требований третьих лиц.

Объект данного вопроса выступают отношения, возникающие в связи с эвикцией товара в рамках договора купли-продажи. Данные отношения регулируются нормами гражданского законодательства и включают в себя:

1. Основания возникновения эвикции товара.
2. Ответственность продавца за передачу покупателю товара, обремененного правами третьих лиц.
3. Меры защиты прав покупателя при эвикции товара.
4. Особенности правового регулирования эвикции товара в различных видах договоров купли-продажи (розничная купля-продажа, поставка, контрактация и др.).

Комплексное изучение указанных аспектов позволит сформировать целостное представление об эвикции товара в гражданском праве, а также выявить наиболее эффективные способы защиты прав покупателя в подобных ситуациях. При изъятии товара у покупателя третьими лицами по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки, если не докажет, что покупатель знал или должен был знать о наличии этих оснований. [9, с. 800] В системе гражданско-правовых обязательств эвикция товара относится к категории обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. Она представляет собой разновидность ответственности продавца за нарушение условий договора купли-продажи, связанное с передачей имущества, обремененного правами третьих лиц.

Таким образом, эвикция товара занимает особое место среди гражданско-правовых обязательств, поскольку затрагивает интересы как продавца, так и покупателя, нарушая баланс их прав и обязанностей, установленный договором купли-продажи.

Основания возникновения эвикции товара

1. Предъявление к покупателю законных требований третьих лиц о правах на приобретенное имущество.

Такие требования могут быть основаны на вещных правах третьих лиц (право собственности, право пожизненного наследуемого вла-

дения, сервитут и т.д.), а также на обязательственных правах (право аренды, право залога и др.). Предъявление подобных требований лишает покупателя возможности полноценно владеть, пользоваться и распоряжаться приобретенным товаром.

2. Наличие у третьих лиц права требовать изъятия товара у покупателя.

Данное основание возникновения эвикции связано с тем, что третьи лица могут обладать правом истребования имущества из чужого незаконного владения. Реализация этого права ведет к лишению покупателя владения приобретенным товаром.

3. Вынесение судебного решения об удовлетворении требований третьих лиц к покупателю.

Судебное решение, устанавливающее права третьих лиц на приобретенное покупателем имущество, является юридическим фактом, влекущим за собой эвикцию товара. Покупатель в этом случае лишается возможности дальнейшего владения, пользования и распоряжения товаром.

Таким образом, основаниями возникновения эвикции товара выступают различные юридические факты, связанные с предъявлением законных требований третьих лиц к покупателю в отношении приобретенного имущества. [11, 845с.]

Субъекты правоотношений, возникающих в связи с эвикцией товара

В правоотношениях, возникающих в связи с эвикцией товара, участвуют следующие субъекты:

1. Покупатель - лицо, приобретшее товар по договору купли-продажи и лишенное возможности владеть, пользоваться и распоряжаться им в результате предъявления к нему законных требований третьих лиц.

2. Продавец - лицо, передавшее покупателю товар, обремененный правами третьих лиц, что повлекло за собой эвикцию.

3. Третьи лица - лица, предъявляющие законные требования к покупателю в отношении приобретенного им товара. Это могут быть как правообладатели вещных прав (собственники, владельцы по праву пожизненного наследуемого владения и т.д.), так и обладатели обязательственных прав (арендаторы, залогодержатели и др.).

4. Суд - государственный орган, рассматривающий и разрешающий споры, связанные с эвикцией товара, в том числе вынесением решений об удовлетворении требований третьих лиц к покупателю.

Взаимоотношения между указанными субъектами регулируются нормами гражданского законодательства, определяющими права, обязанности и ответственность сторон в случае эвикции товара.

Таким образом, в правоотношениях, возникающих в связи с эвикцией товара, участвуют покупатель, продавец и третьи лица, чьи законные требования приводят к лишению покупателя владения приобретенным имуществом.

Правовые последствия эвикции товара для покупателя

Эвикция товара, то есть лишение покупателя возможности владеть, пользоваться и распоряжаться приобретенным имуществом вследствие предъявления к нему законных требований третьих лиц, влечет за собой ряд правовых последствий для данного субъекта.

Во-первых, покупатель утрачивает право собственности на товар, который изымается у него на основании судебного решения, удовлетворяющего требования третьих лиц. Таким образом, покупатель лишается возможности реализовывать правомочия владения, пользования и распоряжения в отношении приобретенного имущества.

Во-вторых, покупатель вправе требовать от продавца возмещения убытков, причиненных в связи с эвикцией. Такие убытки включают в себя как стоимость изъятого товара, так и иные расходы, понесенные покупателем (например, на ремонт, улучшение товара и т.д.). Продавец несет ответственность за передачу покупателю товара, обремененного правами третьих лиц.

В-третьих, покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы. Таким образом, эвикция товара является основанием для расторжения договора.

Кроме того, в случае, если покупатель добросовестно приобрел товар, он вправе требовать от продавца предоставления равноценного имущества взамен изъятого.

Таким образом, эвикция товара влечет для покупателя серьезные правовые последствия, связанные с утратой права собственности на приобретенное имущество, возможностью требовать возмещения убытков, расторжения договора купли-продажи, а также получения равноценного имущества взамен изъятого. [13, 284с.]

Ответственность продавца за эвикцию товара

Одним из ключевых правовых последствий эвикции товара является ответственность продавца перед покупателем. Согласно гражданскому законодательству, продавец несет ответственность за передачу покупателю товара, обремененного правами третьих лиц. Основанием для наступления ответственности продавца является нарушение им обязанности по передаче покупателю товара, свободное от прав третьих лиц. Продавец должен гарантировать покупателю, что приобретаемое имущество не будет истребовано третьими лицами на законных основаниях.

Ответственность продавца выражается, прежде всего, в обязанности возместить покупателю все убытки, причиненные в связи с эвикцией товара. Такие убытки включают в себя как стоимость изъятого имущества, так и иные расходы покупателя, связанные с владением, использованием и распоряжением товаром (затраты на ремонт, улучшение и т.д.).

Кроме того, продавец обязан вернуть покупателю уплаченную за товар денежную сумму. Таким образом, эвикция товара является основанием для расторжения договора купли-продажи с возвратом сторон в первоначальное положение.

В случае, если покупатель добросовестно приобрел товар, продавец также обязан предоставить ему равноценное имущество взамен изъятого. Данная мера направлена на восстановление имущественного положения покупателя.

Ответственность продавца за эвикцию товара носит безусловный характер и не зависит от вины продавца в передаче покупателю

обремененного имущества. Продавец отвечает перед покупателем независимо от того, знал ли он о правах третьих лиц на товар или нет.

Таким образом, ответственность продавца за эвизию товара выражается в возмещении убытков покупателя, возврате уплаченной за товар суммы, а также предоставлении равноценного имущества взамен изъятого. Данная ответственность носит безусловный характер и не зависит от вины продавца.

Меры защиты прав покупателя при эвизии товара

Эвизия товара, то есть лишение покупателя возможности владеть, пользоваться и распоряжаться приобретенным имуществом вследствие предъявления к нему законных требований третьих лиц, представляет серьезную угрозу для реализации прав покупателя. В связи с этим законодательство предусматривает ряд мер, направленных на защиту прав покупателя в подобных ситуациях.

Во-первых, покупатель вправе требовать от продавца возмещения всех убытков, причиненных в связи с эвизией товара. Такие убытки включают в себя как стоимость изъятого имущества, так и иные расходы, понесенные покупателем (например, на ремонт, улучшение товара и т.д.). Продавец несет ответственность за передачу покупателю товара, обремененного правами третьих лиц.

Во-вторых, покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы. Таким образом, эвизия товара является основанием для расторжения договора.

В-третьих, в случае, если покупатель добросовестно приобрел товар, он вправе требовать от продавца предоставления равноценного имущества взамен изъятого. Данная мера направлена на восстановление имущественного положения покупателя.

Таким образом, законодательство предусматривает целый комплекс мер, направленных на защиту прав покупателя при эвизии товара. Данные меры включают в себя возмещение убытков, расторжение договора купли-продажи, получение равноценного имущества, а также возможность предъявления регрессного иска и иска о признании права собственности.[18, С. 135–150.]

В заключении следует обобщить основные выводы, сделанные в ходе исследования, и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования эвизии товара в договоре купли-продажи.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно эвизии товара в договоре купли-продажи.

Эвизия товара представляет собой серьезную угрозу для реализации прав покупателя, поскольку лишает его возможности владеть, пользоваться и распоряжаться приобретенным имуществом. В связи с этим законодательство уделяет особое внимание регулированию данного института, устанавливая ответственность продавца за передачу товара, обремененного правами третьих лиц. Так, в розничной купле-продаже ответственность продавца за эвизию товара является более строгой, в то время как в договорах поставки и контрактации она может быть ограничена.

Таким образом, эвизия товара является одним из ключевых правовых институтов, требующих тщательного изучения и совершенствования. Комплексный подход к данной проблеме позволит выработать эффективные механизмы защиты прав покупателя и обеспечить надлежащее функционирование гражданского оборота.

Список литературы:

1. История развития договора купли-продажи в Римском частном праве, в праве дореволюционного периода и времена Союза ССР. Б.Д.Завидов. 2019
2. Римское частное право. Под ред. И.Б.Новицкого и И.С.Перетерского. М.: Новый юрист, 2018
3. Римское частное право. Д.В.Дождев. М.: ИНФРА М-NORM, 2018
4. Римское частное право. М.А.Баринова, С.Т.Максименко. М.: Юстицинформ, 2018
5. Дигесты Юстиниана Т. 1. М.: Центр изучения римского права, Статут, 2018
6. Памятники римского права. Законы XII Таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 2018
7. Памятники римского права: Институции Юстиниана. М.: Зерцало, 2018
8. Основы римского гражданского права. О.С.Юоффе, В.А.Мусин. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 2018
9. Брагинский М.И. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотип. Кн. 2 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. - М.: Статут, 2019. 800 с.
10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. - [4-е изд.]. - Москва: Статут, 2020. 845с.
11. Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М.: Статут, 2018. 284с.
12. Волков Р.В. Специфика существенных условий гражданско-правового договора купли-продажи с использованием сети Интернет //сборник статей XXXI Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2020. С. 137-140.
13. Габов А.В., Черкесова Л.И. Реализация принципа свободы договора при заключении договоров купли-продажи электрической энергии на розничных рынках электроэнергии // Государство и право. 2021. № 7. С. 135–150.
14. Гатин А.М. Гражданское право. - М.: Дашков и К, 2019. 384 с.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 2, от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // СПС Консультант Плюс, 2022.
16. Гражданское право. Особенная часть: учебник / О.В. Шаповал, Е.Н. Романова. - Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 193 с.
17. Гражданское право: в 2 т. Том 2: учебник / под общ. ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. — Москва: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2019. 559 с.

References:

1. The history of the development of the contract of sale in Roman private law, in the law of the pre-revolutionary period and the times of the USSR. B.D.Zavidov. 2019
2. Roman private law. Edited by I.B.Novitsky and I.S.Peretersky. M.: New Lawyer, 2018
3. Roman private law. D.V.Dozhdev. M.: INFRA M-NORM, 2018
4. Roman private law. M.A.Barinova, S.T.Maksimenco. M.: Justicinform, 2018
5. Digests of Justinian Vol. 1. Moscow: Center for the Study of Roman Law, Statute, 2018
6. Monuments of Roman law. The Laws of the XII Tables. Guy's institutions. Digests of Justinian. Moscow: Zertsalo, 2018
7. Monuments of Roman law: The Institutions of Justinian. Moscow: Zertsalo, 2018
8. Fundamentals of Roman civil law. O.S.Ioffe, V.A.Musin. Leningrad: LSU Publishing House, 2018
9. Braginsky M.I. Contractual law. Property transfer agreements - 4th ed., stereotypical. Book 2 / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. - M.: Statute, 2019. 800 p.
10. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual law: general provisions / M. I. Braginsky, V. V. Vitryansky. - [4th ed.]. — Moscow
11. Vitryansky V.V. The contract of sale and its separate types. M.: Statute, 2018. 284с.
12. Volkov R.V. The specifics of the essential conditions of the civil law contract of sale using the Internet //collection of articles XXXI International Research Competition. Penza, 2020. pp. 137-140.
13. Gabov A.V., Cherkesova L.I. Implementation of the principle of freedom of contract when concluding contracts for the purchase and sale of electric energy in retail electricity markets // State and Law. 2021. No. 7. pp. 135-150.
14. Gatin A.M. Civil law. - M.: Dashkov and K, 2019. 384 p.
15. The Civil Code of the Russian Federation: Part 2, dated January 26, 1996 No. 14-FZ // SPS Consultant Plus, 2022.
16. Civil law. Special part: textbook / O.V. Shapoval, E.N. Romanova. - Moscow: RIOR: INFRA-M, 2020. 193 p.
17. Civil law: in 2 vols. Volume 2: textbook / under the general editorship of M.V. Karpichev, A.M. Khuzhin. — Moscow: FORUM Publishing House: INFRA-M, 2019. 559 p.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОБЫЧАЕВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ Characteristics of legal customs formation in the digital environment

ДОЛГОВ Станислав Федорович,

старший преподаватель кафедры публичного и частного права Стерлитамакского филиала

Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.

аспирант юридического института Белгородского государственного исследовательского университета.

308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: stasonoch@mail.ru;

Dolgov Stanislav Fedorovich,

Senior Lecturer of the Department of Public and Private Law of the Sterlitamak Branch

of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.

Postgraduate student of the Law Institute of Belgorod State National Research University.

85, Pobedy St., Belgorod, Belgorod Region, Russia, 308015.

E-mail: stasonoch@mail.ru

Краткая аннотация: феномен правового обычая трансформируется в цифровую эпоху, отражая специфику Интернета. Эти обычаи, проявляясь на платформах и в онлайн-сообществах, формируются быстрее, децентрализованно и вне традиционного правового поля. Быстрая адаптация и технологический прогресс требуют транснационального регулирования и обновления юридических рамок. Новые формы нормотворчества создают гибридные нормы, представляя вызов для современных законодательных систем.

Abstract: the phenomenon of legal custom is transforming in the digital age, reflecting the specifics of the Internet. These customs, emerging on platforms and in online communities, form more rapidly, decentralized, and outside traditional legal frameworks. Rapid adaptation and technological progress demand transnational regulation and updated legal frameworks. New forms of norm creation produce hybrid norms, challenging contemporary legal systems.

Ключевые слова: Правовые обычаи, цифровая среда, Интернет, децентрализация, платформы, транснациональное регулирование, онлайн-сообщества, технологический прогресс, гибридные нормы, юридические системы.

Keywords: legal customs, digital environment, Internet, decentralization, platforms, transnational regulation, online communities, technological progress, hybrid norms, legal systems.

Для цитирования: Долгов С.Ф. Особенности формирования правовых обычаев в цифровой среде // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 23-25. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_23.

For citation: Dolgov S.F. Characteristics of legal customs formation in the digital environment // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 23-25. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_23.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

В современном правовом поле феномен правового обычая приобретает новую специфику, особенно на фоне интенсивного проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь. Исторически правовые обычаи формировались как результат длительного взаимодействия внутри сообществ, закреплявший нормы поведения, не закреплённые в официальных документах, но признанные властями и обществом. С появлением Интернета, такие нормы начинают быстро распространяться и меняться, подстраиваясь под виртуальную среду.

В цифровой среде правовые обычаи могут возникать на различных платформах, таких как социальные сети, форумы или онлайн-игры. Например, на многих форумах и интернет-сообществах существуют внутренние порядки общения, соблюдение которых ожидается от всех участников. Это может включать в себя специфичный язык, правила модерации и поведения, которые не закреплёны формальным образом, но имеют значительное влияние на взаимодействие пользователей.

Одним из примеров обычая в Интернет-пространстве является правило, сложившееся вокруг использования лицензионных программ и открытого программного обеспечения. В сообществе разработчиков программ с открытым исходным кодом сформировались устоявшиеся практики, такие как обязательное указание исходного автора при использовании кода, что, хотя и не всегда закреплёно национальными законами, является общепринятым стандартом. Несоблюдение этих практик может привести к социальной изоляции или репутационным потерям в сообществе [1].

Далее, необходимо выделить ряд факторов, влияющих на формирование и развитие правовых обычаев в цифровой среде Интернета. Во-первых, глобальная природа Интернета позволяет людям из разных юрисдикций, культур и государств взаимодействовать друг с другом, внося свой вклад в формирование новых социальных и, соответственно, правовых норм, в том числе обычаев поведения в цифровой среде. Все это приводит к возникновению уникальных, «гибридных» обычаев, которые не имеют аналогов в физическом мире и формируются за счет обмена опытом и практиками. Такие процессы изначально не учитывают государственных границ, что осложняет их юридическое осмысление и систематизацию. Примеры таких обычаев включают практики, связанные с цифровым контентом, такими как файлообмен или краудфандинг [2], которые существуют вне границ конкретной правовой системы и требуют транснационального подхода к регулированию. Здесь также необходимо добавить, что практики, связанные с краудфандингом, регулируются на стыке традиционных финансовых норм и новейших цифровых технологий. Краудфандинг, распространившийся по всему миру, демонстрирует, как пользователи обходят традиционные механизмы финансирования, создавая при этом свои правила и нормы поведения.

Во-вторых, особенности коммуникации в Интернете способствуют быстрой и широкой распространенности новых обычаев. В традиционной офлайн-среде установление правового обычая требует значительного времени и многих итераций поведения участников. В цифровой же среде, благодаря социальным сетям, форумам и прочим платформам для коммуникации, обычаи могут складываться и распространяться с беспрецедентной скоростью. Например, пользовательские соглашения для онлайн-сервисов довольно часто становятся «правовыми обычаями» среди пользователей и платформ, задавая стандарты поведения, которые не всегда подкреплены законодательными нормами. Это явление можно наблюдать на примере таких платформ, как YouTube или Telegram, где созданные сообществом нормы поведения и модерации контента играют ключевую роль в формировании правовой культуры этих пространств [3]. Также необходимо обратить внимание на следующий пример. Так, практика файлообмена, которая породила целые экосистемы платформ, функционирующих вне официального правового поля многих стран. Подобные обычаи часто вступают в конфликт с национальным законодательством об авторском праве, что требует транснационального законодательного подхода и сотрудничества между государствами.

В-третьих, динамический технологический прогресс, происходящий в Интернете, оказывает значительное влияние на формирование правовых обычаев, существенно отличающихся от их офлайн-аналога. Эти обычаи подвержены активным изменениям из-за постоянного обновления технологий и появлению инновационных платформ и сервисов. Один из ключевых факторов, отличающих правовые обычаи в цифровой среде, – их нестабильность. В отличие от офлайн-обществ, где обычаи развиваются десятилетиями и даже веками, в Интернете они формируются и трансформируются значительно быстрее. Это объясняется тем, что интернет-среда изначально более фрагментирована и разнообразна, тем самым ведет к большому количеству вариативных моделей поведения пользователей, а также тем, что высокие темпы технологических изменений поддерживают ситуацию постоянной адаптации к новым условиям. Примером может служить внедрение блокчейн-технологий и смарт-контрактов. Эти инновации привели к появлению правовых обычаев, связанных с функционированием децентрализованных автономных организаций (DAO). В отличие от традиционных корпораций, DAO работают без централизованного руководства и базируются на коллективном принятии решений с помощью программного кода, что требует нового правового осмысления и регулирования. Такие структуры вызывают правовые дискуссии, так как действуют вне рамок привычного корпоративного права [4]. С этой точки зрения необходимо постоянное обновление правовой базы, чтобы адекватно реагировать на вызовы, которые несет цифровая среда. Современное законодательство пытается ответить на эти вызовы, но часто не успевает за стремительными изменениями технологий.

Еще одной важной чертой правовых обычаев в Интернете является их децентрализованный характер. В отличие от национальных систем права, где правовые обычаи закрепляются законодательством или судебной практикой, в Интернете они формируются спонтанно на уровне различных сообществ и платформ. Децентрализация заключается в том, что обычаи складываются без централизованного регулирования или одобрения, основываясь на согласии и привычках пользователей.

Например, на форумах Reddit существуют неписанные правила, определяющие поведение участников, такие как корректное использование меток (flair) или соблюдение специфики обсуждения в отдельных субреддитах [5]. На GitHub разработчики следуют практикам, таким как соблюдение стандарта оформления кода и использования pull request (предложение изменения кода в чужом репозитории) для внесения изменений [6]. Эти обычаи помогают поддерживать порядок и сотрудничество, но сильно зависят от культуры каждого сообщества.

Децентрализованный характер таких обычаев приводит к проблемам легитимности и признания, поскольку они не имеют юридической силы вне конкретных платформ, а государственные и международные правовые системы только начинают учитывать и регулировать данные формы нормотворчества. Например, практики модерирования контента на YouTube (принадлежит компании Google) и TikTok вызывают дискуссии о необходимости внешнего регулирования для защиты прав пользователей. Так, судебные разбирательства между российскими телеканалами и Google начались в 2020 году после блокировки аккаунтов на YouTube за нарушение законодательства о санкциях. В результате неудовлетворения требований о восстановлении аккаунтов были наложены прогрессирующие штрафы, достигшие 2 undecillionов рублей. В 2022 году после начала военных действий на Украине YouTube расширил блокировку на другие российские каналы. Российское юрлицо Google объявило о банкротстве в июне 2022 года, а в ноябре 2023 года компания была признана банкротом. Теперь российские телеканалы пытаются взыскать штрафы через суды разных стран. Google, в свою очередь, подала иски в США и Великобританию с целью запретить зарубежные судебные разбирательства против себя [7].

Таким образом, феномен правовых обычаев в цифровой среде приобретает уникальные черты, обусловленные глобальной природой Интернета и динамикой технологического прогресса. Проявляясь на различных платформах, такие обычаи, как правила общения в сообществах и практики использования программного обеспечения, формируются быстрее и отличаются децентрализованным характером. Они создают гибридные нормы, которые зачастую выходят за пределы национальных законодательных систем, создавая необходимость в транснациональном регулировании. Более того, быстрая адаптация и изменения в технологическом пространстве требуют постоянного пересмотра и обновления правовых рамок. Юридическое осмысление новых форм нормотворчества представляет собой вызов, требующий как обновления законодательной базы, так и признания децентрализованных форм правовых обычаев на уровне государств и международных организаций.

Список литературы:

1. Kelly Christopher M. "Two Bits: The Cultural Significance of Free Software." Duke University Press, 2008. Электронный ресурс: <https://read.dukeupress.edu/books/book/1136/Two-Bits-The-Cultural-Significance-of-Free-Software> (дата обращения: 08.10.2024).
2. Что такое краудфандинг: обзор платформ и советы начинающим. Электронный ресурс: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60a4f17d9a79473292bdf627> (дата обращения: 23.09.2024).
3. Kaun A. (2014). Jose van Dijck: Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford: Oxford University Press. 2013. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*, 30(56), p. 195-197. Электронный ресурс:

https://www.researchgate.net/publication/298428277_Jose_van_Dijck_Culture_of_Connectivity_A_Critical_History_of_Social_Media_Oxford_Oxford_University_Press_2013/ (дата обращения: 10.10.2024).

4. Что такое децентрализованные автономные организации и зачем они нужны. Электронный ресурс: <https://forklog.com/news/chto-takoe-detsentralizovannye-avtonomnye-organizatsii-i-zachem-oni-nuzhny> (дата обращения: 10.10.2024).

5. Reddit Content Policy (Политика Reddit в отношении контента). / Электронный ресурс: <https://redditinc.com/policies/content-policy> (дата обращения: 25.10.2024).

6. Git Guide (Руководство по Git). Электронный ресурс: <https://github.com/git-guides> (дата обращения: 29.10.2024).

7. Требования российских телеканалов к Google достигли 2 undecillionов. Электронный ресурс: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/10/2024/671fd2389a794726b01d3af3 (дата обращения: 29.10.2024).

References:

1. Keltly Christopher M. "Two Bits: The Cultural Significance of Free Software." Duke University Press, 2008. Electronic resource: <https://read.dukeupress.edu/books/book/1136/Two-Bits-The-Cultural-Significance-of-Free-Software> (date of access: 08.10.2024).

2. What is crowdfunding: an overview of platforms and tips for beginners. Electronic resource: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60a4f17d9a79473292bfd627> (date of notification: 09/23/2024).

3. Kaun A. (2014). Jose van Dijck: Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford: Oxford University Press. 2013. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*, 30(56), p. 195-197. Electronic resource: https://www.researchgate.net/publication/298428277_Jose_van_Dijck_Culture_of_Connectivity_A_Critical_History_of_Social_Media_Oxford_Oxford_University_Press_2013 / (date of request: 10.10.2024).

4. What are decentralized autonomous organizations and why are they needed. Electronic resource: <https://forklog.com/news/chto-takoe-detsentralizovannye-avtonomnye-organizatsii-i-zachem-oni-nuzhny> (date of application: 10.10.2024).

5. Reddit Content Policy (Reddit Content Policy). / Electronic resource: <https://redditinc.com/policies/content-policy> (accessed: 10/25/2024).

6. Git Guide (Git Guide). Electronic resource: <https://github.com/git-guides> (date of access: 10/29/2024).

7. The demands of Russian TV channels to Google have reached 2 undecillions. Electronic resource: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/10/2024/671fd2389a794726b01d3af3 (date of access: 10/29/2024).

О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «МЕХАНИЗМ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» И «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

On the relationship of the terms «mechanism of customs regulation» and «customs business» in the Russian Federation

КАНАФИН Наиль Ахметович,

доцент кафедры экономики культуры и правопедения
Московского государственного института культуры.

141406, Россия, Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., 7.

E-mail: 1naikanafin@gmail.com;

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

Kanafin N.A.,

associate Professor in the Department of Economics of culture and law at the Moscow state Institute of culture.

7 Bibliotchnaya str., Khimki, Moscow region, 141406, Russia.

E-mail: 1naikanafin@gmail.com;

Galuzo V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о соотношении терминов «механизм таможенного регулирования» и «таможенное дело» обосновано несколько суждений: термин «механизм таможенного регулирования» представляется несовершенным; предтечей термину «механизм таможенного регулирования» является термин «механизм правового регулирования», также являющийся несовершенным; при регулировании таможенного дела в Российской Федерации, как в правовом государстве, в качестве регулятора общественных отношений (в том числе и таможенного дела) допустимо использование исключительно права; право, как регулятор общественных отношений, опосредуется через систему нормативных правовых актов, которые в Российской Федерации не систематизированы; обилие нормативных правовых актов с разной юридической силой позволяет в качестве альтернативы терминам «механизм правового регулирования» и «механизм таможенного регулирования» использовать термин «комплексное праворегулирование»; комплексное праворегулирование осуществляется по нескольким правилам (конкуренция, коллизия) в зависимости от юридической силы конкретного нормативного правового акта; ныне в Российской Федерации, действующими нормативными правовыми актами, специально предназначенными для регулирования таможенного дела, необходимо признавать следующие: Закон РФ «О таможенном тарифе» от 21 мая 1993 г., Федеральный закон РФ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 18 июня 1997 г., Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 19 ноября 2010 г., Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., Федеральный закон РФ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» от 26 октября 2017 г., Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26 июля 2018 г., Таможенный кодекс Евразийского экономического союза; приведенный перечень нормативных правовых актов о таможенном деле, разумеется, не является исчерпывающим, однако этот перечень определяет содержание именно правового регулирования, а не несовершенных понятий, как-то «механизм правового регулирования» и тем более «механизм таможенного регулирования».

Abstract: based on the analysis of legal literature and legislation on the relationship between the terms «mechanism of customs regulation» and «customs business», several judgments are substantiated in the article: the term «customs regulation mechanism» seems to be imperfect; the forerunner of the term «customs regulation mechanism» is the term «legal regulation mechanism», which is also imperfect; when regulating customs duties in the Russian Federation, as in a state governed by the rule of law, as a regulator of public relations (including customs duties), it is permissible to use the right; law, as a regulator of public relations, is mediated through a system of normative legal acts that are not systematized in the Russian Federation; the abundance of normative legal acts with different legal force allows using the term «complex legal regulation» as an alternative to the terms «mechanism of legal regulation» and «mechanism of customs regulation»; comprehensive legal regulation is carried out according to the rules (competition, conflict), depending on the legal force of a specific regulatory legal act; currently, in the Russian Federation, the following regulatory legal acts specifically designed to regulate customs affairs must be recognized: the Law of the Russian Federation «On Customs Tariff» of May 21, 1993; the Federal Law of the Russian Federation «On Service in the Customs Authorities of the Russian Federation» of June 18, 1997; the Federal Law of the Russian Federation «On Customs Regulation in the Russian Federation Of the Russian Federation» dated November 19, 2010; Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated April 11, 2017; Federal Law of the Russian Federation «On Ratification of the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union» dated October 26, 2017; Federal Law of the Russian Federation «On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments amendments to Certain legislative acts of the Russian Federation» dated July 26, 2018; Customs Code of the Eurasian Economic Union; the above list of normative legal acts on customs, of course, is not exhaustive, however, this list defines the content of legal regulation, and not imperfect concepts such as the «mechanism of legal regulation» and even more so the «mechanism of customs regulation».

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, законодательство, таможенное законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, общественное отношение, регулирование, право, политика, религия, традиция, правовое регулирование, «механизм правового регулирования», «механизм таможенного регулирования», «таможенное дело», комплексное праворегулирование, правило, конкуренция, коллизия.

Key words: state, Russian Federation, legislation, customs legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, public attitude, regulation, law, politics, religion, tradition, legal regulation, «mechanism of legal regulation», «mechanism of customs regulation», «customs business», complex legal regulation, the rule, competition, conflict.

Для цитирования: Канафин Н.А., Галузо В.Н. О соотношении терминов «механизм таможенного регулирования» и «таможенное дело» в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_26.

For citation: Kanafin N.A., Galuzo V.N. On the relationship of the terms «mechanism of customs regulation» and «customs business» in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_26.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Предметом данной статьи является регулирование таможенного дела, причем с учетом приоритета права в качестве регулятора общественных отношений, в Российской Федерации¹.

¹ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

Поводом же для данной статьи послужила подготовка учебника относительно таможенного дела в государствах – участниках Евразийского экономического союза¹.

Именно в этом контексте мы сфокусировали внимание на результаты научного творчества А.Б. Новикова, представленные им же в виде нескольких научных публикаций. Так, в монографии «впервые в современной отечественной юридической литературе» названным автором «предпринято комплексное исследование административных процедур в таможенной деятельности государства в свете теории права, административного процесса и административной реформы»². Заявка действительно не может не впечатлить, правда, лишь неискушенного читателя! А в рубрикаторе «Заключение» означенной монографии обнаруживаем лишь маловразумительные суждения декларативного характера: «Модернизация отечественной таможенной системы в целом и правовой базы таможенной деятельности в особенности выступает существенной предпосылкой для качественного изменения внешнеэкономических связей Российской Федерации, для формирования внутреннего рынка и его интеграции в мировое хозяйство»; «Построение правового комплекса административных процедур таможенного дела осуществляется на фундаменте принципов и основных положений административно-процессуального права с учетом специфики таможенной сферы»; «Научно-обоснованное разграничение и оптимизация административных функций, формирование регламентов исполнения этих функций нуждаются в исследовании взаимосвязанных методов и мер административно-правового воздействия, лежащих в основе конкретных процедур и административных производств»; «Приведенный подход позволяет установить логико-правовую связь основных категорий таможенного права, имеющих процедурный характер, классифицировать административные процедуры таможенного дела, выделить среди них нормативно обособленные «таможенные процедуры», установить содержание и соотношение понятий «таможенные режимы», «таможенное оформление», «таможенный контроль»; «Подвергнутая анализу таможенная деятельность демонстрирует единство разнородных составляющих – правотворчество (таможенное регулирование в узком смысле), таможенный контроль как разновидность государственного контроля (деятельность предупредительного, пресекающего, охранительного свойства), таможенное оформление как «сервисную» деятельность (государственные таможенные услуги), борьба с нарушениями таможенных правил (правоохранительная деятельность в узком смысле)»; «... исследование (?) предприняло попытку комплексного и разностороннего рассмотрения системы таможенных производств с целью установить меры по преодолению пробелов и недостатков современного правового обеспечения таможенной деятельности в ее многогранных проявлениях»; «... восприятие таможенного права в качестве самостоятельной отрасли права, проверка системной взаимосвязи норм конституционного, административного, таможенного, налогового права, осуществление реформирования таможенной системы на единой концептуальной основе (в отношении и самой реформы, и правовых форм планируемых результатов) могут принести весьма ощутимые результаты в процессе формирования сбалансированного таможенного законодательства Российской Федерации, соответствующего мировым стандартам и не конкурирующего с нормами других отраслей российского права»³.

И даже эти результаты позволили А.Б. Новикову спустя несколько лет выйти на «качественно новый уровень», посредством представления научной общественности автореферата на соискание ученой степени «доктор юридических наук» по научной специальности «12.00.14»⁴.

А.Б. Новикову не удалось определить содержание понятия «механизм таможенного регулирования». Попытка же включения в «механизм таможенного регулирования» административного процесса может лишь рассматриваться как импровизация. С таким же успехом в «механизм таможенного регулирования» можно включить и иные процессы: гражданский, арбитражный, уголовный⁵. При этом мы даже не фокусируем внимание на до сих пор не решенной проблеме в теории государства и права о соотношении понятий «процесс», «судопроизводство», «правосудие»⁶.

Критический подход к результатам научного творчества А.Б. Новикова предполагает обращение к понятию с большим объемом по сравнению с понятием «механизм таможенного регулирования», а именно к понятию «механизм правового регулирования», причем посредством анализа ряда публикаций известных и менее известных ученых.

Наиболее известным ученым в теории государства и права научной общественностью признается В.И. Червонюк, который в своей известнейшей публикации дал несколько определений, в том числе и понятия «механизм правового регулирования»⁷. Так, первоначально обнаруживаем термин «механизм правообразования» («Правообразование подчиняется особым закономерностям. Специфичен и механизм образования права»)⁸. В последующем, автор фокусирует внимание на понятии «механизм действия права» («Механизм действия права включает следующие составные части: социально-юридические средства; социальный субъект, функционирующий в сфере действия права; социально-правовые условия (социально-правовая среда»)⁹. Не оставлено без внимания и понятие «правовое регулирование» («... осуществляемое государством при помощи права и совокупности правовых средств упорядочение общественных отношений, их юридическое закрепление, охрана и

¹ См.: Регулирование таможенного дела в Российской Федерации: Учебник / Под ред. В.Н. Галузо. М: Проспект, 2025. 432 с.

² Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Монография. С.-Пб.: Инфо-да, 2008. С. 2.

³ Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Монография. С.-Пб.: Инфо-да, 2008. С. 479-480.

⁴ Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. С.-Пб., 2011. 41 с.; он же: Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Диссертация ... докт. юрид. наук. С.-Пб., 2011. 500 с.

⁵ См. об этом, например: Галузо В.Н., Якулов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., перераб. М.: ТЕИС, 2013. 672 с.

⁶ Подробнее об этом см., например: Галузо В.Н. «Конституционное судопроизводство» или «конституционное правосудие» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 27-32; Пермяков Л.Е., Батюк В.И., Галузо В.Н. «Альтернативное судопроизводство» в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство: теория и практика. 2016. № 2. С. 124-129.

⁷ Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009.

⁸ Там же. С. 213.

⁹ Там же. С. 306. Здесь считаем уместным сфокусировать внимание искушенного читателя на ошибочности суждения о действии права, на что нами уже обращалось внимание (см. об этом, например: Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Соци-

развитие»¹. И, наконец, о понятии «механизм правового регулирования», которое названный автор предпосылает трем им же предложенным стадиям правового регулирования («1. Определение правового положения субъектов права или стадия общего действия норм права»; «2. Возникновение субъективных прав и юридических обязанностей или возникновение правоотношений»; «3. Факультативная стадия»): «Каждой из выделенных стадий ... правового регулирования соответствует «свой набор» применяемых юридических средств. К таковым относят нормы права, правоотношения, субъективные права и юридические обязанности, индивидуально-правовые акты и др., с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений, образующих механизм правового регулирования. Достаточность этих средств, их качество является условием эффективного действия права»².

К.В. Шундилов понятие «механизм правового регулирования» определяет следующим образом: «это взятая в единстве система всех правовых средств, организованных последовательным образом, при помощи которой обеспечивается результативное социально-юридическое воздействие на общественные отношения»³.

Авторы – единомышленники (С.А. Сидоров и И.Л. Честнов), определяя место механизма правового регулирования в системе социального контроля, в «итогах исследования» умозаключают: «Механизм правового регулирования с позиций постклассической парадигмы, выступающий важнейшим средством социального контроля, представляет собой дискурсивную борьбу социальных групп за право юридической квалификации социальных явлений в качестве правомерных/противоправных и включает три стадии: выработку правовой инновации, ее фиксации в соответствующей форме и реализации в правоприменении – практиках людей – носителей статуса субъектов права»⁴.

Т. М. Нинциева, «уличив» научное сообщество («незаслуженно уделено внимание») в определении механизма правового регулирования как правовой категории, утверждает следующее: «Механизм правового регулирования - это нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь, при помощи адекватных правовых средств»⁵.

О.А. Фомичева при исследовании механизма правового регулирования относительно «федеративных отношений» сформулировала следующий вывод: «Механизм правового регулирования федеративных отношений составляет совокупность правовых средств и методов по реализации полномочий властных органов в сфере предметов ведения через компетенцию органов»⁶.

Еще менее совершенны результаты творчества относительно фактически разновидностей механизма правового регулирования: механизм гражданско-правового регулирования⁷; механизм административно-правового регулирования⁸; механизм уголовно-правового регулирования⁹; механизм правового регулирования временного хранения товаров в таможенном праве¹⁰.

Обращение к понятию «механизм правового регулирования» и к его всевозможным разновидностям позволило нам лишь обнаружить их несовершенство. Иначе говоря, при посредстве названного понятия и его разновидностей не удастся познать право, как одного из регуляторов общественных отношений. Право регулирует общественные отношения опосредованно через нормативные правовые акты. Применение нормативных правовых актов (но не применение права), ввиду их множества и несовершенства, сопряжено со множеством проблем. Решение этих проблем возможно с учетом правил комплексного праворегулирования¹¹.

Таким образом, исследования относительно регулирования таможенного дела в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, термин «механизм таможенного регулирования» представляется несовершенным.

Во-вторых, предтечей термину «механизм таможенного регулирования» является термин «механизм правового регулирования», также являющийся несовершенным.

В-третьих, при регулировании таможенного дела в Российской Федерации, как в правовом государстве, в качестве регулятора общественных отношений (в том числе и таможенного дела) допустимо использование исключительно права.

В-четвертых, право, как регулятор общественных отношений, опосредуется через систему нормативных правовых актов, которые в

ально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81-92; Галузо В.Н. О соотношении юридической науки, юридического образования и праворегулирования в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 455-458; Галузо В.Н. О принципах, как категории, позволяющей праву быть ведущим регулятором общественных отношений // Аграрное и земельное право. 2024. № 8. С. 6-9.

¹ Червонок В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 308.

² Там же. С. 327-328.

³ Шундилов К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2001. С. 54.

⁴ См.: Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля: Монография. С.-Пб.: АЛЕФ-Пресс, 2014. С. 2, 223.

⁵ Нинциева Т.М. Механизм правового регулирования как правовая категория: Монография. Кисловодск: Магистр, 2018. С. 4, 164-165.

⁶ Фомичева О.А. Механизм правового регулирования федеративных отношений: Монография, Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. С. 2, 130.

⁷ См.: Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования (деятельностно-догматический подход): Монография. М.: Статут, 2020 («... механизм гражданско-правового регулирования представлен как сложнейшая правовая форма, нематериальный результат и инструмент гражданско-правовой деятельности, совершаемой вследствие имущественных и личных неимущественных отношений (предмета гражданско-правового регулирования) волевого характера». - С. 383).

⁸ См.: Адмиралова И.А. Механизм административно-правового регулирования деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод граждан: Учебное пособие. Домодедово (Московская область): ВИПК МВД РФ, 2017 («Механизм административно-правового регулирования ... представляет собой систему юридических, организационных и общекультурных средств ...». - С. 47).

⁹ См.: Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013 («7. Ключевым направлением по созданию механизма уголовно-правового регулирования ... является гармонизация уголовного законодательства с учетом правового опыта России и зарубежных стран». - С. 11).

¹⁰ См.: Соболев В.В., Огурцов В.Ф. Механизм правового регулирования временного хранения товаров в таможенном праве: Учебное пособие. Новосибирск: СибАГС, 2002 («В теории права механизм правового регулирования называют систему юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование»; «Проблема изучения механизма правового регулирования временного хранения товаров является достаточно новой. Несмотря на ее актуальность, работ по данному направлению практически нет». - С. 40, 56).

¹¹ Основоположником данного направления юриспруденции с полным основанием можно назвать Р.Х. Якупова (см. об этом, например: Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Монография. М.: МВШМ МВД РФ, 1993. 195 с.; Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993. 40 с.).

Российской Федерации не систематизированы.

В-пятых, обилие нормативных правовых актов с разной юридической силой позволяет в качестве альтернативы терминам «механизм правового регулирования» и «механизм таможенного регулирования» использовать термин «комплексное праворегулирование».

В-шестых, комплексное праворегулирование осуществляется по нескольким правилам (конкуренция, коллизия) в зависимости от юридической силы конкретного нормативного правового акта.

В-седьмых, ныне в Российской Федерации, действующими нормативными правовыми актами, специально предназначенными для регулирования таможенного дела, необходимо признавать следующие: Закон РФ «О таможенном тарифе» от 21 мая 1993 г.; Федеральный закон РФ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 18 июня 1997 г.; Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 19 ноября 2010 г.; Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.; Федеральный закон РФ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» от 26 октября 2017 г.; Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26 июля 2018 г.; Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.

В-восьмых, приведенный перечень нормативных правовых актов о таможенном деле, разумеется, не является исчерпывающим, однако этот перечень определяет содержание именно правового регулирования, а не несовершенных понятий, как-то «механизм правового регулирования» и тем более «механизм таможенного регулирования».

Список литературы:

1. Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 29 с.
2. Адмиралова И.А. Механизм административно-правового регулирования деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод граждан: Учебное пособие. Домодедово (Московская область): ВИПК МВД РФ, 2017. 51 с.
3. Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
4. Галузо В.Н. О соотношении юридической науки, юридического образования и праворегулирования в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 455-458.
5. Галузо В.Н. О принципах, как категории, позволяющей праву быть ведущим регулятором общественных отношений // Аграрное и земельное право. 2024. № 8. С. 6-9.
6. Галузо В.Н. «Конституционное судопроизводство» или «конституционное правосудие» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / Науч. ред. С.Л. Никонovich. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 27-32.
7. Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81-92.
8. Галузо В.Н., Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., пере-раб. М.: ТЕИС, 2013. 672 с.
9. Нинциева Т.М. Механизм правового регулирования как правовая категория: Монография. Кисловодск: Магистр, 2018. 178 с.
10. Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Монография. С.-Пб.: Инфо-да, 2008. 504 с.
11. Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. С.-Пб., 2011. 41 с.
12. Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и Таможенного союза Евразийского экономического сообщества: Диссертация ... докт. юрид. наук. С.-Пб., 2011. 500 с.
13. Пермяков Л.Е., Батюк В.И., Галузо В.Н. «Альтернативное судопроизводство» в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство: теория и практика. 2016. № 2. С. 124-129.
14. Регулирование таможенного дела в Российской Федерации: Учебник / Под ред. В.Н. Галузо. М.: Проспект, 2025. 432 с.
15. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования (деятельностно-догматический подход): Монография. М.: Статут, 2020. 436 с.
16. Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля: Монография. С.-Пб.: АЛЕФ-Пресс, 2014. 224 с.
17. Соболев В.В., Огурцов В.Ф. Механизм правового регулирования временного хранения товаров в таможенном праве: Уч. пособие. Новосибирск: СибАГС, 2002. 60 с.
18. Фомичева О.А. Механизм правового регулирования федеративных отношений: Монография. Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. 179 с.
19. Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. 704 с.
20. Шундинов К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2001. 104 с.
21. Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Монография. М.: МВШМ МВД РФ, 1993. 195 с.
22. Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993. 40 с.

References:

1. Avdeeva E.V. The mechanism of criminal law regulation of personal freedom in the Russian Federation: Abstract of the diss. ... cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2013. 29 p.
2. Admiralova I.A. The mechanism of administrative and legal regulation of police activities in the field of ensuring the rights and freedoms of citizens: A textbook. Domodedovo (Moscow region): VIPK of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. 51 p.
3. Galuzo V.N. The constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119-123.
4. Galuzo V.N. On the correlation of legal science, legal education and legal regulation in the Russian Federation // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2. pp. 455-458.
5. Galuzo V.N. On principles as a category allowing the right to be the leading regulator of public relations // Agrarian and land law. 2024. No. 8. pp. 6-9.
6. Galuzo V.N. "Constitutional legal proceedings" or "constitutional justice" in the Russian Federation: the problem of the correlation of terms / Actual problems of modern science. Section "Law and law enforcement": Collection of materials of the international scientific and practical conference, May 8, 2015 / Scientific ed. S.L. Nikonovich. Tambov: Publishing house Pershina R.V., 2015. pp. 27-32.
7. Galuzo V.N., Eriashvili N.D. On the lack of alternative to law as a regulator of public relations in the Russian Federation // Socio-humanitarian Review. 2023. No. 1. p. 81-92.
8. Galuzo V.N., Yakupov R.H. Criminal procedure: Textbook. 7th ed., translated by M.: THEIS, 2013. 672 p.
9. Nintsieva T.M. The mechanism of legal regulation as a legal category: Monograph. Kislovodsk: Magister, 2018. 178 p.
10. Novikov A.B. Administrative process in the mechanism of customs regulation of the Russian Federation and the Customs Union of the Eurasian Economic Community: Monograph. S.-Pb.: Info-yes, 2008. 504 p.
11. Novikov A.B. Administrative process in the mechanism of customs regulation of the Russian Federation and the Customs Union of the Eurasian Economic Community: Abstract of the dissertation. ... doct. jurid. sciences. S.-Pb., 2011. 41 p.
12. Novikov A.B. Administrative process in the mechanism of customs regulation of the Russian Federation and the Customs Union of the Eurasian Economic Community: Dissertation ... doct. jurid. sciences. S.-Pb., 2011. 500 p.
13. Permyakov L.E., Batyuk V.I., Galuzo V.N. «Alternative legal proceedings» in the Russian Federation: nonsense or a real necessity? // Law and the State: theory and practice. 2016. No. 2. pp. 124-129.
14. Regulation of customs affairs in the Russian Federation: Textbook / Edited by V.N. Galuzo. M.: Prospect, 2025. 432 p.
15. Rodionova O.M. Mechanism of civil law regulation (activity-dogmatic approach): Monograph. M.: Statute, 2020. 436 p.
16. Sidorov S.A., Chestnov I.L. The mechanism of legal regulation in the system of social control: Monograph. S.-Pb.: Alef-Press, 2014. 224 p.
17. Sobolnikov V.V., Ogurtsov V.F. The mechanism of legal regulation of temporary storage of goods in customs law: A study guide. Novosibirsk: SibAGS, 2002. 60 p.
18. Fomicheva O.A. The mechanism of legal regulation of federal relations: Monograph, Orsk: Publishing House of the Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of OSU, 2016. 179 p.
19. Chervonyuk V.I. Theory of state and law: Textbook. M.: INFRA-M, 2009. 704 p.
20. Shundikov K.V. The mechanism of legal regulation: A textbook. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2001. 104 p.
21. Yakupov R.H. Law enforcement in the criminal process of Russia (legal problems): Monograph. M.: MVSM of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 195 p.
22. Yakupov R.H. Law enforcement in the criminal process of Russia (legal problems): Abstract of the dissertation. ... doct. jurid. sciences. M.: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 40 p.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. М. ШПИЛЕВСКОГО FEATURES OF THE CONCEPT OF "PUBLIC LAW" IN THE INTERPRETATION OF M. M. SHPILEVSKY

ЧУКАЕВ Тимур Омарович,

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. E-mail: timurchukaev@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0611-192X;

КОЗИННИКОВА Екатерина Николаевна,

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. E-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru; ORCID 0000-0001-5279-5384;

Chukaev Timur Omarovich,

Candidate of Law Sciences, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Russia, 198206, St. Petersburg, Pilot Pilyutov St., 1. E-mail: timurchukaev@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0611-192X;

Kozinnikova Ekaterina Nikolaevna,

Candidate of Legal Sciences, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Russia, 198206, St. Petersburg, Pilot Pilyutov St., 1. E-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru; ORCID 0000-0001-5279-5384

Краткая аннотация: Статья посвящена теоретико-правовому наследию видного отечественного ученого Михаила Михайловича Шпилевского (1837–1883), его представлениям об обществе как субъекте государственного управления, о взаимодействии гражданского общества и органов государственной власти. Методологическую основу исследования составили общенаучные (исторический и системный) и специальные (историко-правовой и сравнительно-правовой) методы. Применялся метод реконструкции и интерпретации правовых идей. Сделан вывод о том, что М. М. Шпилевский обосновал необходимость выделения общества как самостоятельного субъекта государственного управления; «общественное право» охарактеризовал как часть правовой системы России. Теоретическое наследие М. М. Шпилевского должно получить осмысление и оценку в контексте достижений современной юридической науки.

Abstract: The article is devoted to the theoretical and legal legacy of the prominent Russian scientist Mikhail Mikhailovich Shpilevsky (1837–1883), his ideas about society as a subject of public administration, about the interaction of civil society and public authorities. The methodological basis of the research was made up of general scientific (historical and systemic) and special (historical-legal and comparative-legal) methods. The method of reconstruction and interpretation of legal ideas was used. It is concluded that M. M. Shpilevsky justified the need to distinguish society as an independent subject of public administration; he characterized "public law" as part of the legal system of Russia. The theoretical legacy of M. M. Shpilevsky should be comprehended and evaluated in the context of the achievements of modern legal science.

Ключевые слова: М. М. Шпилевский, В. Н. Лешков, государство, общество, общественные союзы, государственное управление, самоуправление, право самостоятельности, «общественное право», полицейское право, полицейсты, наука, предмет науки.

Keywords: M. M. Shpilevsky, V. N. Leshkov, state, society, public unions, public administration, self-government, the right of independence, "public law", police law, police officers, science, the subject of science.

Для цитирования: Чукаев Т.О., Козинникова Е.Н. Особенности концепции «общественного права» в интерпретации М.М. Шпилевского // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 30-31. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_30.

For citation: Chukaev T.O., Kozinnikova E.N. Features of the concept of "public law" in the interpretation of M.M. Shpilevsky // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 30-31. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_30.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

Фундаментальные теоретико-правовые преобразования XIX в., затронули многие сферы общественной жизни России [1, с. 112]. Данный импульс определил дальнейшее развитие государства и выступил в качестве предмета осмысления отечественных ученых-правоведов, в числе которых был профессор Новороссийского (Одесса) университета, доктор полицейского права Михаил Михайлович Шпилевский (1837–1883) [2, с. 5].

В историю отечественной политико-правовой мысли М. М. Шпилевский вошел как ученый-исследователь, акцентировавший свое внимание на поиске Россией вариантов самобытного пути развития, месте общества в системе управления государством, развитии основных положений концепции «общественного права» [3, с. 32].

М. М. Шпилевский в отличие от основоположника концепции «общественного права» Василия Николаевича Лешкова (1810–1881) [4] старался не использовать термин «общественное право» в содержании своих работ, а интерпретировал учение об «общественном праве» в рамках полицейского права.

При этом основная структуризация концепции «общественного права» произведена М. М. Шпилевским в его работе 1875 г. «Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения» [5], где правовед развивал воззрения, касающиеся места общественности в управлении

государством и фактически являлся продолжателем идей В. Н. Лешкова [6].

Профессор Демидовского лицея Иван Трофимович Тарасов (1849–1929) [7] дал достаточно развернутую рецензию на труд М. М. Шпилевского. В частности И. В. Тарасов указывал следующее, после повторения довольно спорного определения науки, автор объясняет причины, отчего:

1) до сих пор наука полицейского права разработана более монографически, нежели систематически;

2) литература этой науки представляет весьма значительное число сочинений посвященных специально общему понятию о науке, общим воззрением на основные элементы науки, каковыми являются – предмет, название, отношения к другим аналогичным наукам, система, метод, критика мнений разных писателей [8, с. 124].

Сам М. М. Шпилевский относил свой труд ко второй категории, но с более широко поставленной задачей, так как он не ограничивается только одним «определением науки полицейского права, а считал необходимым рассматривать все элементы этой науки во всей их совокупности, т. е. предмет, метод и систему» [5, с. 18].

М. М. Шпилевский утверждал, что «к сожалению, серьезных, специальных сочинений по истории полицейской науки не существует, большинство писателей ограничивается самым беглым очерком исторического развития полицейской науки». А в случае, если полицейисты все-таки касались детального разбора чужих научных суждений, то лишь только для того, чтобы раскритиковать их во чтобы то не стало, иногда даже чтобы умалить значение трудов своих предшественников и через данную призму показать собственное превосходство в науке [9, с. 85].

Анализируя выносимые М. М. Шпилевским положения, становится ясно, что здесь он как бы «бичевал самого себя», так как существовало несколько монографий по истории науки полицейского права не только на иностранных, но и на русском языке; большая часть таких монографий стояли в научном отношении выше исследования Шпилевского, и не подлежали сомнению как аксиома, что он «в той или в другой мере пользовался этими монографиями» [10, с. 37]. Такое пренебрежение к чужим заслугам ученый называл либеральным нигилизмом, в отличие от консервативного нигилизма, заключающаяся в «непризнании новых идей в невнимании ко всем вновь зародившимся потребностям, вызвавшим эти идеи» [5, с. 41].

М. М. Шпилевский утверждал, что в развитии «полицейской науки наступил кризис, который угрожал её самостоятельному существованию», но «столь важная наука, имеющая своим предметом самые насущные интересы общества, не могла погибнуть в кризисе идей, она снова возродилась: вновь возникшее учение об управлении спасло ее от гибели» [5, с. 56].

Это новое направление, выразившееся у немецких писателей в учение об управлении, у французов – в административном праве, составляет М. М. Шпилевского сначала проанализировать обширный перечень трудов ученых-правоведов, после чего прийти к выводу о том, что метод, предлагаемый французскими юристами к изучению науки административного права – юридическо-догматический, т. е. авторы по этому предмету ограничиваются систематическим изложением французского положительного права и их сочинения исключительно носят характер комментариев на действующее законодательство [5, с. 61].

После авторского толкования «общественного права» ученый переходил к указанию метода в применении к юридическим наукам, указывая, что метод этот до сих пор далеко еще не выявлен, в особенности в отношении к науке полицейского или «общественного права» [5, с. 63]. Здесь полицейское право фактически отождествляется М. М. Шпилевским с правом общественным.

М. М. Шпилевский представил свое видение развития оригинальной концепции «общественного права», основоположником которой был В. Н. Лешков. Важным вкладом М. М. Шпилевского в развитие отечественной мысли о государстве и праве его современники сочли произведенный им историографический обзор проблемы и анализ научной литературы, посвященной полицейскому праву, а исследователи XXI в. – расширение предмета полицейского права [11, с.17] и акцентирование внимания на роли общества в государственном управлении.

Список литературы:

1. История правовых учений России. Том II. XVIII – XIX вв. Учебник. М.: «Юрлитинформ», 2014. 579 с.
2. Нижник Н. С. Российская полицейистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 3–21.
3. Чукаев Т. О. Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского / Т. О. Чукаев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(94). С. 31–41.
4. Лешков В. Н. Общественное право: монография / В. Н. Лешков. М.: Университетская типография, 1881. 316 с.
5. Шпилевский М. М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.
6. Чукаев Т. О. Концепция «общественного права» – элемент полицейско-правовой теории России XIX века // Полицейская деятельность. 2017. № 5. С. 39–47.
7. Егоров Н. Ю. Российская полицейистика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 801–812.
8. Чукаев Т. О. Концепция "общественного права" в отечественной полицейистике XIX века: дисс. на соиск. ... канд. юрид. наук / Чукаев Т. О. 2023. 269 с.
9. Держилева С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. 450 с.
10. Чукаев Т. О. Историко-теоретические предпосылки формирования института гражданского общества // Закон и право. 2020. № 3. С. 36–38.
11. Чукаев Т. О., Козинникова Е. Н. Отечественное государствоведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности // Genesis: исторические исследования. 2022. № 3. С. 16–22.

References:

1. The history of legal doctrines of Russia. Volume II. XVIII – XIX centuries. Textbook. M.: "YurLitinform", 2014. 579 p.
2. Nizhnik N. S. Russian political science – science and art of state management // Questions of state and law: Collection of scientific articles / Under the general editorship of L. V. Karnauschenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. pp. 3-21.
3. Chukaev T. O. Omnipotence of "public law" in the assessment of M. M. Shpilevsky / T. O. Chukaev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2(94). pp. 31-41.
4. Leshkov V. N. Public law: monograph / V. N. Leshkov. M.: University printing House, 1881. 316 p.
5. Shpilevsky M. M. Police law as an independent branch of jurisprudence. Odessa: Type. Ulrich and Schulze, 1875. 196 p.
6. Chukaev T. O. The concept of "public law" – an element of the police-legal theory of Russia of the XIX century // Policing. 2017. No. 5. pp. 39-47.
7. Egorov N. Y. Russian political science in persons: Ivan Trofimovich Tarasov // Genesis: historical research.
8. Chukaev T. O. The concept of "public law" in Russian political science of the XIX century: diss. for the degree of candidate of Law / Timur Omarovich Chukaev. 2023. 269 p.
9. Dergileva S. Y. State and legal views of A. I. Elistratov. Dis. ... cand. Jurid. Sciences. St. Petersburg, 2014. 450 p.
10. Chukaev T. O. Historical and theoretical prerequisites for the formation of the institution of civil society // Law and law. 2020. No. 3. pp. 36-38.
11. Chukaev T. O., Kozinnikova E. N. Domestic state studies of the second half of the XIX century. on the problems of interaction between the state, society and personality // Genesis: historical research. 2022. No. 3. pp. 16-22.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_32

УДК 340.12

ФЕНОМЕН «СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: СОЦИАЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ THE PHENOMENON OF "SOVIET CIVILIZATION": SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

ЖАРКОЙ Михаил Эмильевич,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Российского государственного гидрометеорологического университета,
кандидат исторических наук, доцент.

Малоохтинский пр., 98, г. Санкт-Петербург, 195196, Россия.

E-mail: jarckoy@yandex.ru;

ZHARKOY M.E.,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities
Russian State Hydrometeorological University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

98 Malookhtinsky Ave., St. Petersburg, 195196, Russia.

E-mail: jarckoy@yandex.ru

Краткая аннотация: в работе рассматривается понятие «цивилизация» применительно к феномену советского опыта социально – культурного строительства и его влияния на мировую практику обеспечения политических, социальных и культурных прав граждан. На конкретных примерах конституируемых прав и свобод показаны особенности цивилизации советской политической и экономической системы

Abstract: the paper examines the concept of "civilization" in relation to the phenomenon of the Soviet experience of socio-cultural construction and its impact on the world practice of ensuring political, social and cultural rights of citizens. Specific examples of constitutive rights and freedoms show the peculiarities of the civilization of the Soviet political and economic system.

Ключевые слова: цивилизация, типология государств, культура, социальные права, конституция, политическая система.

Keywords: civilization, typology of states, culture, social rights, constitution, political system.

Для цитирования: Жаркой М.Э. Феномен «советская цивилизация»: социальные, психологические и правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 32-37. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_32.

For citation: Zharkoy M.E. The phenomenon of "Soviet civilization": social, psychological and legal aspects // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 32-37. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_32.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

В рамках эйфории лженауки начала 1990-х гг. наиболее широкое распространение получил так называемый цивилизационный подход, суть которого заключается в том, что вместо марксовско – материалистической общественно – экономической формации, как признанного фактора типологии государств, было предложено взять за основу понятие «цивилизация». Тем не менее, нельзя не признать, что данная дефиниция выглядит весьма аморфно и крайне неопределенно. Дело в том, что указанный критерий относится к числу тех субстанций, которые не могут быть четко определены. Однако, как указывает Г.Г. Дилигенский, за этим образом можно увидеть определенную реальность в виде целостности материальной и духовной жизни людей в определенных пространственных и временных границах¹.

Само понятие появилось в XVIIIв. в тесной связи с термином «культура». Философы времен просвещения понимали под цивилизованным обществом, основанное на началах разума и справедливости². В.И. Даль трактует понятие «цивилизация» неоднозначно, как общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина, обращение из дикого, грубого быта в гражданственный³.

По мнению американского политолога С. Хантингтона цивилизация представляет собой «некую культурную сущность». Все административные единицы и этнические группы обладают, по его мнению, особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Поэтому цивилизацию можно определить как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Кроме того, цивилизацию необходимо также определить исходя из наличия общих черт индивидуального порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты и др. Таким образом, С. Хантингтон делает вывод, что это самый широкий уровень общности, с которой каждый человек сам себя соотносит⁴.

Думается, что стоит согласиться с С.А. Комаровым, который считает что в самом общем виде понятие «цивилизация» определяется как социокультурная система, включающая как социально – экономические условия жизнедеятельности общества, так и этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы лично-

¹ Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 191. № 3. С. 23.

² Большая Советская Энциклопедия. Т. 28. М., 1978. С. 553.

³ Даль В.. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М., 2010. С. 539.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Пополис. 1994. № 1. С. 34.

сти. Цивилизация, ее ценности влияют не только на социальную, но и на государственную организацию общества¹.

Однако, при цивилизационном подходе тип государства определяется не столько объективно – материальными, сколько идеально – духовными, культурными факторами. А.Дж. Тойнби считал, что культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации, в сравнение с ним экономический и тем более политический аспект кажутся искусственным, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации. Он сформулировал понятие цивилизации как относительно замкнутое и локальное состояние общества, отличающиеся общностью религиозных, психологических, культурных, географических и иных признаков, два из которых остаются неизменными: религия и формы ее организации, а также степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло. Из двадцати одной цивилизации, полагал ученый, сохранились лишь те, которые смогли последовательно освоить жизненную среду и развить духовное начало во всех видах человеческой деятельности. Каждая цивилизация придает устойчивую общность всем государствам, существующим в ее рамках. При этом обращает на себя внимание, что его взгляды хотя и представляют определенный интерес, тем не менее, выдвигаемые им признаки относятся скорее к типологии общества, а не государства.

Целостность цивилизации обуславливается взаимодействием техники, социальной организации, религии и философии, причем первая определяет все остальные компоненты. Нетрудно заметить, что такой подход исключает важные положения исторического материализма о ведущей роли базиса по отношению к надстройке, о выделении способов производства и общественно – экономических формаций как ступеней общественного развития.

Мы видим, что неоднозначность термина «цивилизация», его внутренняя противоречивость и разноплановость в купе с аморфностью его содержания и неопределенностью делают на современном уровне исследования «цивилизации» весьма проблематичным как и его использование в качестве критерия типологии государств².

В тоже время, советская историография полагала, что коммунистическая цивилизация отличается по своему объему и аспекту отображения социальной реальности от понятия «коммунистическая формация» и имеет некие смысловые оттенки. При этом она выдвигает на первый план природу и уровень социального прогресса, качество материальной и духовной культуры и в соответствии с этим закрепляет результаты социально – культурной деятельности, соотнося их с общепризнанными общечеловеческими ценностями³. При этом справедливо подчеркивалось, что историческая роль советской цивилизации состоит в том, что она действительно способна разрешить социально – классовые проблемы и противоречия между так называемыми стратами. Советский краткий политический словарь рассматривал понятие цивилизации как синоним культуры, уровень, ступень развития материальной и духовной культуры, как ступень общественного развития, следующей за варварством⁴.

Интересно мнение В.П. Столбова, согласно которому советская цивилизация, в большей степени, соответствовала традиционной для России общинной цивилизации с присущими ей чертами, заложенными еще в процессе формирования Московского государства и преобразований Петра I⁵.

Исходя из сказанного можно утверждать, что примером социальной значимости особенностей советской цивилизации несомненно выступают ее конституционные проекты. Конституция СССР 1924 г. (Конституция РСФСР 1925 г.) были по сущностным характеристикам конституциями государства диктатуры пролетариата⁶. Из этого вытекала основная задача государства – беспощадное подавление эксплуататоров. Имея в качестве органов государственной власти системы советов они предполагали кооптированный порядок их формирования. Иными словами выборным являлось только нижнее звено в лице советов городов и селений. Высшие в пределах своей территории – края, области губернии и т.д. – съезды советов формировались из представителей соответствующих нижестоящих советов по утвержденным в конституции нормам представительства. В условиях 1920 – хх гг. это была универсально выгодная, отвечающая интересам большинства населения страны конструкция советской власти с типичными характеристиками диктатуры пролетариата. Последняя в политическом смысле означала, что у власть имущих в прошлом было изъято ее главное средство – возможность отторгать людей от участия в выборе жизнеустройства.

Однако, совершенно иной подход предполагался в условиях завершения форсированной индустриализации и тем самым создания ВПК державы, успешного окончания коллективизации и культурной революции, в ходе которых произошли принципиальные изменения в материальных условиях существования советского общества и социальной структуре населения. Конституция СССР 1936 г. (Конституция РСФСР 1937 г.) закрепляя построение основ социализма, характеризует природу советского государства как «социалистического государства рабочих и крестьян», в котором «вся власть принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся», что означало переход от диктатуры пролетариата к иной форме государственности. Именно материя категорий «государство рабочих и крестьян», «власть трудящихся» не позволяет говорить нам об общенародной сущности государства и Конституции СССР 1936 г., зато она четко ориентирует на носителя суверенитета власти и указывает на промежуточное положение Советского государства между государством диктатуры пролетариата и общенародным демократическим государством. В виду последнего обстоятельства временно сохраняются и пережитки диктатуры пролетариата в лице ее отдельных институтов. Показательно в этом отношении выступление начальника УНКВД Краснодарского края Ф.И. Шулишова на II краевой кон-

¹ См.: Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб., 2001. С. 81.

² Марченко М.Н. Критерии типологии государств и правовых систем // Общая теория государства и права. Т. 1. М., Зерцало. 2000. С. 120.

³ Научный коммунизм. Словарь (под ред. А.М. Румянцева). М., Политиздат, 1983. С. 334. 352 с.

⁴ Краткий политический словарь. М., Политиздат. 1989. С. 597. 623 с.

⁵ Столбов В.П. Советская цивилизация: взгляд из XXI века (к 100-летию русской революции) // Известия ВУЗов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2018. № 1. С. 69.

⁶ Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA; Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

ференции ВКП(б) 26 декабря 1939 г. Обращает на себя внимание, что несмотря на принятую в 1936 г. Конституцию, он продолжает говорить о государстве, его роли и роли диктатуры пролетариата, которая «ни в коей степени не ослабляется...». Правда оговариваясь, что «впредь диктатура пролетариата, органы ее, в частности наше ведомство будет в какой то мере ослаблять свою деятельность»¹. Действительно, обострение форм классовой борьбы, ее ужесточение вызвали принятие со стороны государства и его карательных органов (прокуратуры, суда, НКВД) непопулярных мер репрессивного характера. Иными словами говоря неизбежно предполагалось использование отдельных методов диктатуры пролетариата для защиты интересов, прав и свобод доминирующих классов.

И.В.Сталин в 1936 г. заявил о том, что проект Конституции «...не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав»². Конституция СССР 1936 г. (РСФСР 1937 г.) действительно гарантируют социальной базе Советского государства – рабочим и крестьянам права и свободы, свойственные буржуазным конституциям. Закреплялись в Конституции и некоторые естественные права. Ст. 125 гарантировала свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, свободу уличных шествий и демонстраций; указывается, что «эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления». Однако суть этих правомочий заключалась в том, что перечисленные свободы гарантировались не вообще, а «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя». Подчеркнем и еще одну важную, по нашему мнению, деталь: провозглашенные в конституции права на труд, на отдых, на материальное обеспечение носили неотчуждаемый характер, то есть в Советском Союзе человек имел на эти блага не гражданское, а естественное право.

Не вызывает сомнения факт того, что степень обеспечения прав и свобод человека в условиях конституированных различных государственных форм и типов государственно-правовых режимов неодинакова. На наш взгляд наиболее приемлемым для обозначения сущности политической системы СССР является понятие «авторитарно-мобилизационного социализма», введенное профессором Б.П. Курашвили в 1989 г. Так он пишет: «В условиях становления нового общественного строя, гражданской войны, белого и красного террора, иностранной интервенции было не до развернутой демократии. Демократия тоже была элементом авторитарно-утопического социализма, но она понималась главным образом как соответствие властных решений интересам рабочего класса и большинства народа и как выражение ими, в частности через Советы, поддержки этих решений (демократия поддержки)». Так сложился в 1930-е гг. авторитарно-мобилизационный социализм. «Эта модель социализма существовала не только в период форсированного, во многом деформированного хозяйственного строительства, но и во время Великой Отечественной войны, и в первые послевоенные годы»³. Демократия (как она понимается сегодня⁴) не могла быть востребована в рассматриваемых исторических условиях по причинам присущим ей плюрализма, социального партнерства и толерантности. Это влечет за собой большое количество разных издержек, например, многократного дублирования функций различных ведомств (яркий пример – государственный механизм современной России⁵), рассмотрение множества альтернативных вариантов и т.п. В результате система не могла быть эффективной для претворения в жизнь революционных лозунгов, таких как «догнать и перегнать», «пробежать расстояние в десять лет», «осуществить радикальную реформу» и т.д. Для эффективного решения таких задач как раз и необходим авторитарный метод управления обществом. В связи с изложенным справедливым выглядит замечание В.П. Филатова: «Экономические корни тоталитаризма усматриваются в стремлении в экстремальных условиях решать экономические проблемы путем централизации управления, командно – административного планирования и контроля над народным хозяйством»⁶.

В этих условиях доминирующим являлся разрешительный тип правового регулирования, означающий на практике реализацию принципа «запрещено все, кроме прямо разрешенного» (точнее даже «запрещено все кроме приказанного»). Сказанное означает, что участник такого рода отношений имеет возможность совершать только те действия, которые прямо разрешены законом, все остальные действия запрещены. В данном случае в законе указывается точный, строго ограниченный, но не исчерпывающий объем правомочий. Все, что выходит за пределы компетенции властвующего субъекта, категорически запрещено. Общество в этих условиях, образно говоря, функционирует по принципу «Запрещено все, что не приказано». Методами административно-правового регулирования достигалась строгая регламентация всех сторон жизни советского общества, ее огосударствливание. В целом авторитарно-мобилизационная система принудила население страны к железной дисциплине⁷.

Касательно «мобилизационных» характеристик можно с уверенностью сказать, что они лежат в сфере политической надстройки – идеологии, политики, права, целей общественного развития, в своей совокупности формирующих патриотические начала в ментальности социу-

¹ ЦДНИ КК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 610. Л. 114 – 115.

² Ленин и Сталин. Т.3. М., 1938. С.677.

³ Курашвили Б.П. Модели социализма // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 101-102.

⁴ Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.

⁵ Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации как элемент механизма государства. Участие войск национальной гвардии в обеспечении экологической функции государства / В. М. Шеншин, Н. В. Зубарев // Мир юридической науки. – 2017. – № 10-11. – С. 15-26. – EDN QHGI0X; Шеншин, В. М. Внутренние войска МВД России как элемент механизма государства / В. М. Шеншин // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции: в 2 томах, Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 35-38. – EDN XHVCUV; Шеншин, В. М. К вопросу о месте Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме российской государственности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 25-28. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_25. – EDN RMACHC.

⁶ Филатов В.П. Тоталитаризм // Современная западная философия. М., 1991. С. 303 – 304.

⁷ См.: Курашвили Б.П. Куда идет Россия? Оценка советской истории. Альтернативы развития. 1993 год: политическая хроника. Проблемы нового социализма. М., 1994. С.160.

ма, обеспечивающие его стабильность и сплоченность. Суть мобилизационного типа развития России обусловлен особенностью русского исторического движения - доминирование политических целей, то есть целей реализации постоянного укрепления власти государства, его мощи. Из преобладания политического фактора вытекает гипертрофированная роль государства в лице центральной власти, правительства¹. Правда и в этих условиях объектами инноваций выступали экономика, сельское хозяйство, образование и наука. Отсюда, в свою очередь, индустриализация, коллективизация и культурная революция, конечной целью которых выступало скорейшее создание военно-промышленного комплекса. Надо сказать, что и в массовом общественном сознании не доминировали и сами идеи демократии, либерализма, прав и свобод человека. Как совершенно правильно заметил В.А. Коннов, в России, как и в Германии, процесс перехода от самодержавного правления к конституционному шел медленно и способствовал формированию централизованного института ограничения политических свобод. В свою очередь кризисные периоды порождали необходимость усиления роли государства и, как следствие, влекли более жесткие формы ограничения политических прав и свобод².

Апогеем социальной ориентированности советской цивилизации, по нашему мнению, является конституционный проект государства 1977 г. Устанавливая здоровый баланс формулы «права плюс обязанности и свобода плюс ответственность» советская конституция предусматривала использование гражданами прав и свобод вне ущерба интересам общества и государства, правам других граждан. При этом устанавливались незыблемые гарантии их реализации³. Право на труд, например, обеспечивалось социалистической системой хозяйства, ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства. Охрана здоровья гарантировалась бесплатной квалифицированной медицинской помощью⁴, право на материальное обеспечение в старости⁵, в случае болезни и т.п. – социальным страхованием, пособиями, выплатой за счет государства пенсий, право на жилище⁶ – развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, справедливым распределением жилой площади, наконец, право на образование⁷ обеспечивалось бесплатно всех видов образования, предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся⁸, созданием условий для самообразования.

Таким образом, социальные и психологические последствия⁹ конституируемых ценностей выразились в том, что советские люди не задумывались о завтрашнем дне, что, в свою очередь, позволяло большинству населения ответственно относиться к трудовой деятельности, обеспечивая задачи строительства и защиты строя с максимальной эффективностью. Совершенно справедливо заметил С.Г. Кара-Мурза, что «поражение советского проекта на территории СССР – тяжелый удар по этим надеждам»¹⁰.

Не подлежит сомнению, и исторический опыт это показал, что соответствие основных характеристик советской цивилизации общечеловеческим интересам позволило ей стать наследницей ценностей, накопленных и интегрированных поколениями. Особенностью советской цивилизации выступило то, что обеспечивая широкое приобщение всех народов к мировой культуре, она способствовала сближению их развития благодаря воплощению в жизнь принципов интернационализма и генерирования приоритетных областей материальной и духовной деятельности общества.

Прогресс эволюции советской цивилизации стал примером для всего мира. Под влиянием социалистической социальной политики в капиталистических государствах был установлен фиксированный восьмичасовой рабочий период трудовой деятельности, были узаконены различные социальные и политические уступки трудящимся, ориентируясь на советский опыт в капиталистических странах принимались меры по ликвидации неравенства женщин. Более того, пример СССР заставил администрацию США отказаться от практики национальной дискриминации. Наконец, после советского прорыва в космос в Советский Союз стали приезжать делегации американских педагогов, ставивших своей целью изучение опыта советского образования¹¹.

Целенаправленный развал Советского Союза привел в мировом общественном сознании к критике не только теории социалистическо-

¹ См.: Фонов А.Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С.88.

² См.: Коннов В.А. Правовые основы ограничения политических прав и свобод граждан по зарубежному и российскому законодательству // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература Серия 4. 2005. № 2. С. 32.

³ Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 52-58. – EDN OMKRQM.

⁴ Назарова, И. С. Специфика реализации права сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации и членов их семей на охрану здоровья и предоставление им медицинской помощи / И. С. Назарова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 8(313). – С. 113-121. – EDN IOCLAL.

⁵ Шеншин, В. М. О некоторых вопросах предоставления льгот, налоговых вычетов для военнослужащих, мобилизованных - участников специальной военной операции, а также военных пенсионеров и ветеранов боевых действий / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 9(326). – С. 50-53. – EDN UFTKTR.

⁶ Шеншин, В. М. Краткий обзор изменений российского законодательства в сфере предоставления военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии Российской Федерации и членам их семей жилых помещений и иных форм такого обеспечения / В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 9. – С. 42-52. – EDN FUKMKO.

⁷ Назарова, И. С. Проблемы правового регулирования вопросов приема в общеобразовательные и дошкольные образовательные организации детей спасателей и пожарных / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Agrarное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 69-71. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_69. – EDN PCENBF.

⁸ Назарова, И. С. Теоретико-правовые основы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Agrarное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 60-63. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_60. – EDN SNKAAA; Назарова, И. С. Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Agrarное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX; Шевченко, К. В. О правовом регулировании обеспечения различными видами довольствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в некоторых федеральных органах исполнительной власти / К. В. Шевченко, Л. А. Шеншина // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4. – С. 150-154. – DOI 10.24412/2312-0444-2023-4-150-154. – EDN KOGEXA.

⁹ Попова, Л. К. Благотворительность как социально-психологический феномен в различных жизненных ситуациях / Л. К. Попова, Л. А. Шеншина, А. П. Арефьев // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 213-216. – EDN NYFNYY.

¹⁰ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М., ЭКСМО, 2004. С. 7. 640 с.

¹¹ https://kprf.ru/party_live/111773.html (дата обращения 23.10.2024).

го строительства, но и практики социализма, что спровоцировало появление устойчивой тенденции к отрицанию советской цивилизации, как величайшему достижению социального прогресса в истории человечества. Опыт развития советского цивилизационного проекта при наличии политической воли руководства страны, несомненно, может и должен быть использован в условиях социально – экономических катаклизмов и военно – политической ситуации в современных условиях.

Список литературы:

1. https://kprf.ru/party_live/111773.html (дата обращения 23.10.2024).
2. Большая Советская Энциклопедия. Т. 28. М., 1978.
3. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.
4. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
5. Даль В.. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М., 2010.
6. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? //Вопросы философии. 191. № 3.
7. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М., ЭКСМО, 2004. 640 с.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб., Изд. ЮИ. 2001. 352 с.
9. Коннов В.А. Правовые основы ограничения политических прав и свобод граждан по зарубежному и российскому законодательству //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература Серия 4. 2005. № 2.
10. Краткий политический словарь. М., Политиздат. 1989. 623 с.
11. Курашвили Б.П. Куда идет Россия? Оценка советской истории. Альтернативы развития. 1993 год: политическая хроника. Проблемы нового социализма. М., 1994.
12. Курашвили Б.П. Модели социализма //Советское государство и право. 1989. № 8.
13. Ленин и Сталин. Т.3. М., 1938.
14. Марченко М.Н. Критерии типологии государств и правовых систем // Общая теория государства и права. Т. 1. М., Зерцало. 2000. 416 с.
15. Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
16. Назарова, И. С. Проблемы правового регулирования вопросов приема в общеобразовательные и дошкольные образовательные организации детей спасателей и пожарных / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 69-71. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_69. – EDN PCENBF.
17. Назарова, И. С. Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX.
18. Назарова, И. С. Специфика реализации права сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации и членов их семей на охрану здоровья и предоставление им медицинской помощи / И. С. Назарова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 8(313). – С. 113-121. – EDN IOCLAL.
19. Назарова, И. С. Теоретико-правовые основы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 60-63. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_60. – EDN SNKAAA.
20. Научный коммунизм. Словарь (под ред. А.М. Румянцева). М., Политиздат, 1983. 352 с.
21. Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 52-58. – EDN OMKRQM.
22. Попова, Л. К. Благотворительность как социально-психологический феномен в различных жизненных ситуациях / Л. К. Попова, Л. А. Шеншина, А. П. Арефьев // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 213-216. – EDN NYFNNU.
23. Столбов В.П. Советская цивилизация: взгляд из XXI века (к 100-летию русской революции) //Известия ВУЗов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2018. № 1.
24. Строчков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строчков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.
25. Филатов В.П. Тоталитаризм //Современная западная философия. М., 1991.
26. Фонотов А.Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
27. Ханггинтон С. Столкновение цивилизаций //Полис. 1994. № 1.
28. ЦДНИ КК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 610. Л. 114 – 115.
29. Шевченко, К. В. О правовом регулировании обеспечения различными видами довольствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в некоторых федеральных органах исполнительной власти / К. В. Шевченко, Л. А. Шеншина // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4. – С. 150-154. – DOI 10.24412/2312-0444-2023-4-150-154. – EDN KOGGEZA.
30. Шеншин, В. М. Внутренние войска МВД России как элемент механизма государства / В. М. Шеншин // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции: в 2 томах, Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 35-38. – EDN XHVCUV.
31. Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации как элемент механизма государства. Участие войск национальной гвардии в обеспечении экологической функции государства / В. М. Шеншин, Н. В. Зубарев // Мир юридической науки. – 2017. – № 10-11. – С. 15-26. – EDN QHGXOX.
32. Шеншин, В. М. К вопросу о месте Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме российской государственности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 25-28. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_25. – EDN RMACHC.
33. Шеншин, В. М. Краткий обзор изменений российского законодательства в сфере предоставления военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии Российской Федерации и членам их семей жилых помещений и иных форм такого обеспечения / В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 9. – С. 42-52. – EDN FUKMKO.
34. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах предоставления льгот, налоговых вычетов для военнослужащих, мобилизованных - участников специальной военной операции, а также военных пенсионеров и ветеранов боевых действий / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 9(326). – С. 50-53. – EDN UFTKTR.

References:

1. https://kprf.ru/party_live/111773.html (date of appeal 10/23/2024).
2. The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 28. M., 1978.
3. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with institutions of society : specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education": dissertation for a degree Candidate of Pedagogical Sciences / Lyudmila Vinichenko. – Belgorod, 2009. – 231 p. – EDN QEIOBL.
4. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
5. Dal V.. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 2. M., 2010.
6. Diligensky G.G. "The end of history" or the change of civilizations? //Questions of philosophy. 191. No. 3.
7. Kara-Murza S.G. Soviet civilization. From the beginning to the Great Victory. Moscow, EKSMO, 2004. 640 p.
8. Komarov S.A. General theory of state and law. St. Petersburg, Publishing House of Law. 2001. 352 p.
9. Konnov V.A. The legal basis for the restriction of political rights and freedoms of citizens under foreign and Russian legislation //Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature Series 4. 2005. No. 2.
10. Concise political dictionary. M., Politizdat. 1989. 623 p.
11. Kurashvili B.P. Where is Russia going? Assessment of Soviet history. Development alternatives. 1993: Political chronicle. Problems of new socialism. M., 1994.
12. Kurashvili B.P. Models of socialism //The Soviet State and law. 1989. No. 8.

13. Lenin and Stalin. Vol. 3. M., 1938.
14. Marchenko M.N. Criteria of typology of states and legal systems // General theory of state and law. Vol. 1. M., Zertsalo. 2000. 416 p.
15. Nazarova, I. S. Actual aspects of the essence of the definition of constitutional law / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
16. Nazarova, I. S. Problems of legal regulation of issues of admission to general education and preschool educational organizations of children of rescuers and fire-fighters / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 1(229). – Pp. 69-71. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_69. – EDN PCENBF.
17. Nazarova, I. S. The system of social protection of orphans and children left without parental care according to the legislation of Russia / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2024. – № 1(229). – Pp. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX.
18. Nazarova, I. S. Specifics of the realization of the right of employees of the National Guard troops of the Russian Federation and their family members to health protection and medical care / I. S. Nazarova // Law in the Armed Forces - Military Law Review. – 2023. – № 8(313). – Pp. 113-121. – EDN IOCLAL.
19. Nazarova, I. S. Theoretical and legal foundations of social protection of orphans and children left without parental care / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2024. – № 2(230). – Pp. 60-63. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_60. – EDN SNKAAA.
20. Scientific communism. Dictionary (edited by A.M. Rumyantsev). M., Politizdat, 1983. 352 p.
21. Nemova, N. Y. The influence of constitutional norms on the relationship between state authorities and local self-government in the Russian Federation / N. Y. Nemova, V. P. Grigoris // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 3(52). – Pp. 52-58. – EDN OMKRQM.
22. Popova, L. K. Charity as a socio-psychological phenomenon in various life situations / L. K. Popova, L. A. Shenshina, A. P. Arefyev // Psychological and pedagogical aspects of personnel training for professional activity in extreme conditions : Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 14, 2021. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Disaster Response of the Russian Federation, 2021. – Pp. 213-216. – EDN NYFNYY.
23. Stolbov V.P. Soviet civilization: a view from the XXI century (to the 100th anniversary of the Russian Revolution) //Izvestiya VUZov. The series "Economics, Finance and production management". 2018. № 1.
24. Stokov, S. A. Constitutional law of the Russian Federation : A textbook for military personnel and employees of the National Guard troops / S. A. Stokov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – St. Petersburg - Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2018. – 160 p. – EDN FMOGLI.
25. Filatov V.P. Totalitarianism //Modern Western Philosophy. M., 1991.
26. Fonotov A.G. Russia from a mobilization society to an innovative one. M., 1993.
27. Hannnginton S. The Clash of Civilizations //By default. 1994. № 1.
28. CDNI CC. F. 1774. Op. 1. D. 610. L. 114 – 115.
29. Shevchenko, K. V. On the legal regulation of providing various types of allowances for orphans and children left without parental care in some federal executive authorities / K. V. Shevchenko, L. A. Shenshina // Public service and personnel. - 2023. – No. 4. – pp. 150-154. – DOI 10.24412/2312-0444-2023-4-150-154. – EDN KOGIZA.
30. Shenshin, V. M. Internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia as an element of the mechanism of the state / V. M. Shenshin // State and law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police) : materials of the international scientific and theoretical conference: in 2 volumes, St. Petersburg, April 28, 2016 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume 1. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. – pp. 35-38. – EDN XHVCUV.
31. Shenshin, V. M. Troops of the National Guard of the Russian Federation as an element of the mechanism of the state. Participation of the National Guard troops in ensuring the ecological function of the state / V. M. Shenshin, N. V. Zubarev // The world of legal science. - 2017. – No. 10-11. – pp. 15-26. – EDN QHGIOX.
32. Shenshin, V. M. On the question of the place of the Federal Service of the National Guard troops of the Russian Federation in the mechanism of the Russian state / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 1(229). – Pp. 25-28. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_25. – EDN RMACHC.
33. Shenshin, V. M. A brief overview of changes in Russian legislation in the field of providing military personnel (employees) of the National Guard of the Russian Federation and their family members with living quarters and other forms of such provision / V. M. Shenshin // Legal science: history and modernity. - 2023. – No. 9. – pp. 42-52. – EDN FUKMKO.
34. Shenshin, V. M. On some issues of granting benefits, tax deductions for military personnel, mobilized participants in a special military operation, as well as military pensioners and combat veterans / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2024. – № 9(326). – Pp. 50-53. – EDN UFTKTR.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_38

УДК 343.1

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА» И «LEGAL DOCTRINE» ON THE CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА» AND «LEGAL DOCTRINE»

ЗЯБЛОВА Татьяна Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: tizet69@mail.ru;

ШМЕЛЬКОВ Антон Александрович,

студент факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: tonioshmel@gmail.com;

ZYABLOVA Tatiana E.,

Associate Professor of the department of theory and history of state and law of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Candidate of law, Associate Professor.
Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: tizet69@mail.ru;

SHMELKOV Anton A.,

student of the faculty of law and management of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: tonioshmel@gmail.com

Краткая аннотация. Статья посвящена краткому обзору проблемы соотношения понятий «правовая доктрина» и «legal doctrine». Обоснована актуальность темы, обозначено состояние ее изученности, раскрыта трактовка исследуемых терминов в романо-германском и общем праве с акцентом на не тождественность их содержания, предложен вариант передачи содержания категории «правовая доктрина» при переводе на английский язык. Статья может быть использована в научных исследованиях правовой, в том числе пенитенциарно-правовой, доктрины, а также в учебном процессе при обучении студентов юридических специальностей, в том числе в вузах ФСИН России.

Abstract. The article is devoted to a brief review of the problem of correlation between the concepts of "legal doctrine" and "legal doctrine". It substantiates the relevance of the topic, indicates the state of its study, reveals the interpretation of the terms under study in Romano-Germanic and common law with an emphasis on the non-identity of their content, proposes a variant of transferring the content of the category "legal doctrine" when translated into English. The article can be used in scientific research of legal, including penitentiary-legal doctrine, as well as in the educational process in the training of students of legal specialties, including universities of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ключевые слова: источники права, «legal doctrine», ложные друзья переводчика, пенитенциарно-правовая доктрина, перевод, правовая доктрина, правоприменение, юриспруденция.

Keywords: sources of law, "legal doctrine", false friends of the interpreter, penal legal doctrine, translation, legal doctrine, law enforcement, jurisprudence.

Для цитирования: Зяблова Т.Е., Шмельков А.А. О соотношении понятий «правовая доктрина» и «legal doctrine» // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 38–40. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_38.

For citation: Zyablova T.E., Shmelkov A.A. On the correlation of the concepts of "правовая доктрина" and "legal doctrine" // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 38-40. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_38.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Актуальность темы статьи обусловлена пересечением ряда взаимосвязанных научных проблем, а именно: проблематикой феномена правовой доктрины, а также проблемой юридической терминологии в части исследования понятийной адекватности юридических терминов при их применении в различных правовых системах. Практическое воплощение исследуемой темы заключается в обсуждении вопросов юридического перевода, в частности, способов передачи содержания термина «правовая доктрина» в английском языке. Таким образом, вынесенная в заголовок тема имеет междисциплинарный характер, дополняя знания по теории государства и права, юридической технике и сравнительному правоведению.

Изучению правовой доктрины в правовой науке уделяется достаточно большое внимание, о чем свидетельствует, прежде всего, значительное число специальных работ, а также расширение круга [1] и методов исследования [2].

Тем, не менее, по-прежнему тема правовой доктрины не может считаться исчерпанной. Так, например, само установление содержания понятия «правовая доктрина» в юридической науке сохраняет дискуссионный характер. Доктрина трактуется как «юридический документ» (Е.О. Мадаев, Р.А. Романов), «правовая наука» (В.Д. Перевалов, А.И. Чучаев), «выработанная юридической наукой система взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, основанная на общих принципах и ценностях» (Л.А. Морозова), «совокупность ценностных суждений, не поддающихся доказательству» (В.В. Лазарев), «самостоятельный правовой феномен» (А.М. Михайлов) и др. [4].

Также, и в этом следует согласиться с Р.А. Ромашовым, до настоящего времени рассмотрение правовой доктрины, как и других источников права, традиционно проводится без учета особенностей правовых семей, существенным образом отличающихся друг от друга [6, 19], что

приводит к ошибочному терминологическому выражению содержания юридических понятий и может негативно отразиться на воплощении права в жизнь. В рамках переводоведения на отсутствие в ряде случаев переводческих эквивалентов вследствие несоответствия объемов понятий, передаваемых терминами и, как результат, на опасность несовпадения смыслового объема юридических понятий в русском и английском языках указывает и П.Б. Кондратьев [5, 261]. В этом смысле ярким примером является использование понятий «правовая доктрина» и «legal doctrine». На практическую необходимость уяснения особенностей их применения и перевода указывает юрист-лингвист Суда Европейского союза, судебный эксперт В. Волошик. Он обращает внимание на формализованность языка права, «покоящегося на матрицах», и, одновременно, на множественность «ловушек» в виде «ложных друзей переводчика» (ложные друзья переводчика – пара слов в других языках, похожих по написанию и/или произношению, часто с общим происхождением, но отличающихся по значению.) [9], таких как лексемы *apostles* извещение о направлении дела на апелляцию), *consilium* (день, назначенный в суде для прения сторон), *interview* (допрос опрос), относящиеся к судебному процессу, или *carceral* (тюремный), *parole* (условное досрочное освобождение, *penalty* (наказание), имеющие отношение к уголовно-исполнительному праву и др.

К «ложным друзьям переводчика» можно отнести и пару «правовая доктрина» и «legal doctrine».

В романо-германском праве под «правовой доктриной» понимают взгляды представителей правовой науки, выдающихся практиков и комментаторов, выраженные в научных публикациях, специальной литературе и комментариях к правовым предписаниям. Функция «правовой доктрины» заключается в дополнении правоприменения путем детализации толкования правовых норм [9]. Как мы видим, такая трактовка вполне соответствует наиболее общей дефиниции Большого юридического словаря: «Правовая доктрина – это особая форма права, представляющая собой труды выдающихся ученых юристов или общепризнанные правовые учения, на которые можно официально (с одобрения государства) ссылаться в процессе применения правовых норм» [3].

На первый взгляд, в англоязычных устных и письменных текстах адекватно «правовой доктрине» может соответствовать термин «legal doctrine». В этом отношении онлайн перевод названия статьи сервисом DeePL оказался затруднительным вследствие того, что «правовая доктрина» была переведена как «legal doctrine». Однако, в данном случае, мы имеем дело с провокацией, обусловленной фонетическим сходством.

На самом деле в оригинальном (нативном) английском языке этот термин выступает абсолютно в ином значении. Р.А. Ромашов поясняет, что для англоамериканской правовой семьи не характерно принятое в России достаточно явное разграничение юриспруденции на научно-академическую и практическую. Под правовой доктриной как источником права в Англии следует понимать неуниверситетскую юридическую науку, в основу которой положены теоретические представления, идеи конструкции, а судебные комментарии, описания прецедентной практики, призванные выполнять роль практического руководства для юристов [6, 21].

Согласно юридическому словарю Блэка доктрина – это «правило, принцип, теория или догмат права; например, доктрина слияния, доктрина отношения и т. д.» [7, 383].

Будучи тесно связанным с общим правом (*common law*), «legal doctrine» относится к судебной практике, а конкретно – это принцип в рамках прецедентного права, сформулированный на основании более ранних судебных решений и документов, и обязывающий суды при рассмотрении схожих дел [9].

Э. Тиллер образно называет «legal doctrine» «валютой права». Во многих аспектах, доктрина – это закон, по крайней мере в том виде, в каком он исходит из судов. Решения судов создают правила или стандарты, которые составляют правовую доктрину. (...) Правовая доктрина устанавливает условия для разрешения дел в будущем в определенной области. Доктрина может принимать разнообразные формы; она может зависеть от фактов и, следовательно, быть ограниченной или охватывать широкую сферу действия» [8].

Вышеизложенное представляется достаточно убедительным для демонстрации того, что «legal doctrine» не может считаться термином тождественным «правовой доктрине», поэтому использование этих категорий в данном качестве может привести к их неверному пониманию носителями английского языка (Для полного понимания сути проблемы следует иметь в виду, что в отличие от нативного, в континентальном английском «legal doctrine» используется в значении «правовая доктрина», но только в научных трудах, относящихся к доктрине права в том значении как она понимается в континентальном праве).

Невозможность адекватной передачи содержания термина «правовая доктрина» словосочетанием ««legal doctrine» ставит вопрос о том, как адекватно передать содержание понятия «правовая доктрина» на английском языке, какой термин использовать?

Исходя из практики Суда Европейского союза В. Волошик предлагает несколько вариантов перевода, наиболее удачным из которых считает «*views of legal academics/scholars and commentators*» – мнение ученых-юристов и комментаторов [9].

Подводя итог краткому обзору проблемы соотношения понятий «правовая доктрина» и «legal doctrine» и передачи их содержания в процессе перевода необходимо подчеркнуть, что авторы не ставили перед собой задачу исчерпывающе решить проблему, которая по мнению Э. Тиллера, изучена крайне недостаточно в том числе из-за отсутствия научного диалога [8].

Их целью было способствовать продолжению исследования пенитенциарно-правовой доктрины как части правовой доктрины в сравнительно правовом аспекте, а также соображения дидактического свойства. Последнее продиктовано тем, что обучение юридической профессии в современных условиях взаимопроникновения культур подразумевает формирование не только прочного знания национального права, но и способность уверенно ориентироваться во всем многообразии правовых систем и их терминологических особенностей. В связи с этим, навыки осмысленного перевода необходимы не только политикам, практикующим юристам, сотрудникам правоохранительных органов, но и студентам, в том числе для того, чтобы не игнорировать усилия других исследователей.

Список литературы:

1. Авторы, имеющие непосредственное отношение к учебному заведению системы ФСИН РФ, особенно отмечают появление научных работ, посвященных пенитенциарно-правовой доктрине. См., напр.: Лапшин В.Е., Шаханов В.В. Пенитенциарно-правовая доктрина как правовая категория и метаязыковое средство формирования пенитенциарно-правовой политики // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 4(52). С. 453-459; Тепляшин П.В. Пенитенциарная доктрина Верховного Суда США и Европейского Суда по правам человека: правовая парадигма и концептуальные контрасты // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1 (50). С. 178-188.
2. В Клубе правовой доктрины, руководимом профессором С.В. Бошно, практикуется проведение социологических и экспертных опросов с использованием метода контент-анализа, а также апробируются биографические методы в исследованиях правовых доктрин.
3. Большой юридический словарь // URL: [http://big_law.academic.ru/1036/Правовая доктрина](http://big_law.academic.ru/1036/Правовая_доктрина) (дата обращения 20.10.2024).
4. Зяблова Т.Е., Шмельков А.А. О содержании понятия «правовая доктрина» // Аграрное и земельное право. 2024. № 5(233). С. 52-54
5. Кондратьев П.Б. Проблема несоответствия смыслового объема юридических терминов и их эквивалентов в русском и английском языках права // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Т. 8. № (27). С. 260-263.
6. Ромашов Р. А. Правовые доктрины и доктринальные правовые акты / Р. А. Ромашов // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 10. С. 19-24.
7. Black's Law Dictionary, 1st ed. St. Paul: «West Publishing Co.», 1891.1253 p. URL: <https://archive.org/details/blacks-law-dictionary-1st-edition-1891/page/n5/mode/2up?q=doctrine> (дата обращения 25.10.2024).
8. Tiller E.H., Cross F. What is Legal Doctrine // Northwestern University Law Review. 16 may 2005. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/What-is-Legal-Doctrine-Tiller-Cross/63ce85b255e3c6a913a06b2deeadeeb5d97210d8> (дата обращения 21.10.2024).
9. Wołoszyk W. «Doktryna prawa» a pojęcie «legal doctrine» // сайт JURIDICO. 27 ноября 2019. URL: <https://t.umaczenia-prawnicze.eu/doktryna-prawa-a-pojecie-legal-doktryne/> (дата обращения 20.10.2024).

References:

1. The authors, who are directly related to the educational institution of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, especially note the appearance of scientific works devoted to the penitentiary and legal doctrine. See, for example: Lapshin V.E., Shakhonov V.V. Penitentiary and legal doctrine as a legal category and a metalanguage means of forming penitentiary and legal policy // Penitentiary Science. 2020. Vol. 14, No. 4(52). pp. 453-459; Teplyashin P.V. Penitentiary doctrine of the U.S. Supreme Court and the European Court of Human Rights: legal paradigm and conceptual contrasts // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2022. No. 1 (50). pp. 178-188.
2. The Club of Legal Doctrine, led by Professor S.V. Boshno, practices conducting sociological and expert surveys using the method of content analysis, as well as testing biographical methods in the research of legal doctrines.
3. Big Legal Dictionary. // URL: [http://big_law.academic.ru/1036/Правовая доктрина](http://big_law.academic.ru/1036/Правовая_доктрина) (accessed on 20.10.2024).
4. Zyablova T.E., Shmelkov A.A. On the content of the concept of "legal doctrine" // Agrarian and Land Law. 2024. № 5(233). С. 52-54.
5. Kondratyev P.B. The problem of mismatch of the semantic volume of legal terms and their equivalents in Russian and English languages of law // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Т. 8. № (27). С. 260-263.
6. Romashov, R. A. Legal doctrines and doctrinal legal acts / R. A. Romashov // Legal Science: History and Modernity. 2015. № 10. С. 19-24.
7. Black's Law Dictionary, 1st ed. St. Paul: «West Publishing Co.», 1891.1253 p. URL: <https://archive.org/details/blacks-law-dictionary-1st-edition-1891/page/n5/mode/2up?q=doctrine> (accessed on 25.10.2024).
8. Tiller E.H., Cross F. What is Legal Doctrine // Northwestern University Law Review. 16 may 2005. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/What-is-Legal-Doctrine-Tiller-Cross/63ce85b255e3c6a913a06b2deeadeeb5d97210d8> (accessed on 21.10.2024).
9. Woloszyk W. "Doctrine of law" and the concept of "legal doctrine" // сайт JURIDICO. 27 ноября 2019. URL: <https://t.umaczenia-prawnicze.eu/doktryna-prawa-a-pojecie-legal-doktryne/> (accessed on 20.10.2024).

**ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ:
ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОМПЛЕКСА**
**Evaluative concepts:
the problem of implementing the norms of the criminal law complex**

КОМАРОВА Яна Бахрузовна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
факультета права и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: Ya.Ireland@mail.ru;

KOMAROVA Yana B.,

Senior Lecturer of the department of theory and history of state and law of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: Ya.Ireland@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются особенности и значение оценочных понятий в нормах уголовно-правового комплекса. Исходя из специфики уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, предпринимается попытка выработки общих требований к указанной терминологической категории для минимизации последствий неверного толкования в процессе правоприменительной деятельности.

Abstract: the article analyzes the features and meaning of evaluative concepts in the norms of the criminal law complex. Based on the specifics of criminal, criminal procedure and penal enforcement legislation, an attempt is being made to develop general requirements for this terminological category in order to minimize the consequences of misinterpretation in the process of law enforcement.

Ключевые слова: оценочное понятие, правоприменение, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-правовой комплекс, юридико-технические требования.

Keywords: evaluative concept, law enforcement, penal enforcement legislation, criminal law complex, legal and technical requirements.

Для цитирования: Комарова Я.Б. Оценочные понятия: проблема реализации норм уголовно-правового комплекса // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 41-43. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_41.

For citation: Komarova Ya.B. Evaluative concepts: the problem of implementing the norms of the criminal law complex // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 41-43. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_41.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования законодательства уголовной направленности и, как следствие, повышение его результативности. В процессе правоприменительной деятельности сотрудники уголовно-исполнительной системы часто сталкиваются с трудностями, возникающими в ходе интерпретации нормативно-правовых актов, в которых фигурируют оценочные понятия и категории. Данная статья представляет собой попытку выработки рекомендаций по минимизации негативных последствий некорректного толкования оценочных понятий в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном праве посредством выработки единых юридико-технических требований к указанной терминологической категории.

Эффективность применения нормативных правовых актов обусловлена четким выполнением юридико-технических правил, предъявляемых к их форме и содержанию. М.П. Пронина подчеркивает, что «содержательные правила юридической техники состоят из таких приемов и способов юридической техники, в которых отражены взаимосвязь и взаимообусловленность норм права и социальной действительности» и выделяет, наиболее значимыми из них: точность, последовательность и доступности выражения воли законодателя [9].

Наряду с общими требованиями, предъявляемыми ко всем без исключения нормативно-правовым актам, выделяют особые, на которые направлено более пристальное внимание в рамках конкретной отрасли права или комплекса отраслей единой направленности.

Ученые-теоретики и специалисты в указанной области подчеркивают специфику юридико-технических требований уголовно-правового комплекса, который как справедливо отмечает Е.Г. Шадрина, образуют нормы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права [13].

Следовательно, юридико-технические особенности, отражающие специфику терминологических и иных требований названных отраслей целесообразно рассматривать в единстве и взаимосвязи, так как «изъятие из этого комплекса правовых норм хотя бы одной из его составляющих делает другие его части нежизнеспособными» [13].

Безусловно, следует учитывать особенности адресной направленности норм указанных отраслей. Но для общетеоретических положений и юридико-технических особенностей, выносимых на рассмотрение в рамках данной статьи, указанный аспект уходит на второй план.

На особенностях текста криминального права акцентировал свое внимание М.Ф. Шаргородский. Рассматривая отдельные вопросы юридической техники уголовного закона, он констатировал, что «формулировки должны отличаться четкостью и ясностью, не должно возникать повода для различного их понимания, тем более понимания, которое противоречит воле законодателя», «формулировки должны быть полными» [14].

Делая акцент на нюансах текста норм уголовного права, Н.С. Таганцев отмечал, что «в уголовных кодексах вырабатывают свой язык, порой присутствует своеобразная конфигурация фраз. Этот язык, зачастую тяжелый, однако, имеет большое преимущество по точности и определенности» [10].

Требование однозначной и исчерпывающей терминологии представляется одними из наиболее значимых в нормах уголовно-правового комплекса.

Уголовное право прошло путь от казуистического до абстрактного изложения нормативного материала. Во многом это было обусловлено стремлением законодателя максимально полно охватить всю сферу регулируемых этой отраслью права отношений, с тем, чтобы в каждом конкретном случае правоприменитель мог наиболее полно учесть все фактические обстоятельства дела. В этой связи М.Д. Шаргородский подчеркивал, что «излишние подробности в тексте закона усложняют пользование им и с точки зрения технической делают закон неудовлетворительным» [14].

Против казуистичного изложения нормативного материала выступали и иные авторы. Ф. Жени отмечал, что истинный законодатель должен «отвлекать себя от чистой казуистики и создавать постановления, достаточно широкие для того, чтобы охватить всю совокупность конкретных отношений, имеющих между собою общие черты и поддающихся выражению в одной формуле» [4] С.С. Алексеев подчеркивал, что «абстрактный прием изложения нормативного материала соответствует более высокому уровню юридической культуры и развития науки».

Однако для абстрактного приема формулирования правовых предписаний характерно использование оценочной терминологии и оценочных понятий, которые нередко встречаются в законодательстве уголовной направленности, и усложняют работу с нормативным материалом, идя в разрез с требованиями определенности и однозначности. Обозначенная проблема не осталась без внимания и юристов-теоретиков и специалистов-практиков. С.И. Вильнянский справедливо отмечает, что оценочные понятия «придают нормам права эластичный характер» [2], что неизбежно ведет к появлению субъективизма. Однако вопрос о применении в текст норм уголовно-правового комплекса оценочных понятий весьма непрост.

Вначале необходимо определиться с дефиницией. Под оценочными понятиями А.С. Пиголкин понимает «относительно определенные понятия, содержание которых устанавливается только с учетом конкретной ситуации, обстоятельств рассматриваемого дела» [9]. Я.М. Браинин отмечает, что такие понятия «не конкретизированы законодателем и уточняются при применении уголовного закона» [1]. Т.В. Кашанина, дефинируя названный терминологический феномен, указывает, на то, что оценочное понятие есть не что иное как «выраженное в норме права положение (предписание), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемое законодателем, с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и позволяло осуществлять в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений» [6]. А.А. Малиновский констатирует, что под оценочными категориями следует понимать «обобщение явлений и процессов правовой действительности, которые фиксируются в законодательстве посредством указания лишь наиболее общих признаков явления или процесса» [7].

Отсюда можно выделить ряд основных специфических черт, характерных для оценочных понятий:

во-первых, они закрепляют наиболее общие свойства, признаки, качества предмета или процесса; при этом перечень признаков, характеризующих оценочные понятия, часто бывает открытым, факультативные признаки дополняют и конкретизируют обязательные, обозначенные в юридических документах.

во-вторых, детально не конкретизированы законодателем, абстрактны по своей природе;

в-третьих, предполагают детализацию и уточнение в процессе применения норм права. Результативность их во многом зависит от корректного, точного толкования правоприменителем.

Подчеркнем, что любая правоприменительная деятельность связана с оценкой обстоятельств дела и интерпретацией правовых предписаний. Это творческий процесс, который напрямую зависит от уровня правосознания и профессионализма правоприменителя. Безусловно, конкретика, содержащаяся в правовых предписаниях, минимизирует совершение уполномоченным лицом правоприменительных ошибок, способствует недопущению неверной интерпретации, расширительному или ограничительному толкованию правовых норм. Однако, как указывалось ранее, и значительно сужает сферу регуляторного воздействия. Чрезмерная казуистичность правовой нормы, перегруженность её излишней детализацией, затормаживают и усложняют процесс правоприменения.

Еще одна особенность, характеризующая оценочные понятия – это тесная связь с философской, нравственной и этической сферой, что предполагает их уяснение не только в правовом ключе. Для наиболее точной их интерпретации и последующего применения предлагается использовать социологический способ толкования, который предполагает изучение социальной действительности, конкретно-исторической реальности, знания о социальных условиях (политических, нравственных, бытовых и т. д.) функционирования первичных правовых текстов [12]. Он характеризуется привлечением информации из различных сфер (нравственной, моральной, политической и др.) общественной жизни, а также отсылает к жизненному и профессиональному опыту правоприменителя.

Трудности, связанные с применением уголовно-правовых норм, содержащих оценочное понятие, наталкивают на мысль о целесообразности ввода таких понятий в текст закона.

Однако стоит признать, что полностью исключить их из текста невозможно, да и нецелесообразно. Так, Я.М. Браинин подчеркивает, что «включение в диспозицию уголовных законов оценочных признаков в большинстве случаев неизбежно и необходимо» [1]. В.Н. Кудрявцев констатирует, что «существование оценочных понятий в законе неизбежно» [5]. Так, часто в тексте закона невозможно предусмотреть исчерпывающий перечень обстоятельств, характеризующий основания применения соответствующей нормы, либо такой перечень сделал бы текст весьма обширным и сложным для восприятия. В пользу оценочных понятий, говорит тот факт, что их «гибкость» позволяет расширить сферу регуляторного воздействия, не изменяя саму норму. В связи с динамично изменяющимися социальными реалиями текст закона, благодаря таким понятиям, остается актуальным, т.е. вновь возникшие в социуме обстоятельства могут хорошо «вписываться» в признаки оценочного понятия, увеличивая сферу его применения, что освобождает законодателя от необходимости изменять и дополнять существующие нормы. Таким образом,

подчеркнем еще раз, что полностью ликвидировать оценочные понятия в тексте уголовного закона не целесообразно. Их употребление вполне оправдано. Однако избыточность таких понятий может негативно сказаться на правоприменительной деятельности.

Основные проблемы, связанные с толкованием и дальнейшим применением оценочных понятий, содержащихся в тексте нормативно-правового акта, обуславливают выработку направлений по их устранению или минимизации, разработку и закрепление требований юридической техники.

1. Сам характер оценочного понятия указывает на неопределенность его содержания и объема. В связи с этим подчеркнем необходимость определения и закрепления точных границ правового регулирования. Здесь же необходимо отметить, что диапазон значений оценочного понятия не должен противоречить и выходить за рамки моральных, нравственных и этических основ социального регулирования.

2. Для минимизации вольного толкования и проявления субъективизма целесообразным считаем включение наиболее часто употребляемых оценочных понятий в методические рекомендации с последующим их толкованием. Несмотря на рекомендательный характер указанного акта, с учетом высокого уровня правосознания, ответственности и профессионализма правоприменителя, указанный документ поможет минимизировать отсутствие единообразного подхода к установлению содержания такого понятия, хотя бы и в рамках одной системы, например, в учреждениях УИС, исполняющих уголовные наказания.

3. Считаем целесообразным разработку и внедрение в законотворческий процесс юридико-технических требований к оценочной терминологии в нормативно-правовых актах уголовной направленности:

1) недопущение избыточности оценочных понятий в тексте норм уголовно-правового комплекса. Введение таких понятий должно отвечать принципу целесообразности.

2) терминологическое единство, означающее, что, несмотря на неопределенный объем значения оценочного понятия, в нормативном массиве оно должно обозначаться единым термином. Данное требование в юридической технике существует уже давно, однако, в рамках исследуемой проблемы приобретает особое значение, так как его невыполнение может многократно усложнить работу правоприменителя. Понятийное единство же в значительной мере облегчит процесс толкования и применения норм уголовно-правового комплекса.

Список литературы:

1. Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение [Текст]. Москва : Юрид. лит., 1967. 240 с.
2. Вильнянский С.И. Применение норм советского социалистического права / С.И. Вильнянский // Ученые записки / Харьковский юридический институт им. Л.М. Кагановича. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета им. А.М. Горького, 1956. Выпуск 7. С. 3 – 18.
3. Гармышев Я. В. Оценочные понятия в уголовном праве / Я. В. Гармышев // Современные тенденции в науке и образовании : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях, Москва, 28 февраля 2015 года / ООО "АР-Консалт". Том Часть II. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "АР-Консалт", 2015. С. 117-119.
4. Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях; пер. с фр. (окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 9. С. 147-177.
5. Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.4. / Касимов Дамир Ринатович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»]; Диссовет 24.2.426.04 (24.2.426.04)]. Екатеринбург, 2024. 24 с.
6. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. (12.00.01) / Свердлов. юридический ин-т. Свердловск : [б. и.], 1974. - 16 с.
7. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве / А. А. Малиновский // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : Материалы научно-методического семинара: сборник статей в 2-х томах, Нижний Новгород, 01 сентября 2001 года / Под редакцией В.М. Баранова. Том 1. – Нижний Новгород: Нижегородское книжное издательство, 2001. С. 268-272.
8. Пиголкин А.С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования. Ученые записки ВНИИСЗ / А.С. Пиголкин. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1971. Вып. № 24 34 с
9. Пронина М.П. Правила юридической техники уголовного законодательства // Вестник СПбЮА. 2016. №6 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-yuridicheskoy-tehniki-ugolovno-zakonodatelstva> (дата обращения: 03.10.2024).
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 414 с.
11. Халезова Я. М. Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве / Я. М. Халезова // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 1(25). С. 144-151.
12. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. Москва : Юнити, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). - 381 с.
13. Шадрин Е.Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права : Проблемы рассогласования и согласования : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Сам. гос. ун-т. - Самара, 2003. - 21 с.
14. Шаргородский М.Д. Техника и терминология уголовного закона / М.Д. Шаргородский // Советское государство и право. М., 1948. № 1 (январь). С. 58 – 65.

References:

1. Brainin Ya.M. Criminal law and its application [Text]. Moscow : Yurid. lit., 1967. 240 p.
2. Vilnyansky S.I. Application of the norms of Soviet socialist law / S.I. Vilnyansky // Scientific notes / L.M. Kaganovich Kharkiv Law Institute. Kharkiv: Publishing House of A.M. Gorky Kharkiv State University, 1956. Issue 7. pp. 3-18.
3. Garmyshev Ya. V. Evaluative concepts in criminal law / Ya. V. Garmyshev // Modern trends in science and education : A collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and practical conference: in 5 parts, Moscow, February 28, 2015 / AR-Consult LLC. Volume Part II. Moscow: AR-Consult Limited Liability Company, 2015. pp. 117-119.
4. Zhenya F. Legislative technique in modern civil law codifications; trans. from fr. (end) // Journal of the Ministry of Justice. 1906. No. 9. pp. 147-177.
5. Kasimov D.R. Theoretical and applied aspects of evaluative concepts in criminal law : abstract of the dissertation of the Candidate of Law : 5.1.4. / Kasimov Damiir Rinatovich; [Place of defense: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev ; Dissovet 24.2.426.04 (24.2.426.04)]. Yekaterinburg, 2024. 24 p.
6. Kashanina T.V. Evaluative concepts in Soviet law [Text] : Abstract of the dissertation. for the degree of Candidate of Law. (12.00.01) / Sverdlov Legal Institute Sverdlovsk : [B. I.], 1974. - 16 p.
7. Malinovsky A. A. Evaluative concepts in legislation / A. A. Malinovsky // Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement : Materials of the scientific and methodological seminar: collection of articles in 2 volumes, Nizhny Novgorod, September 01, 2001 / Edited by V.M. Baranov. Volume 1. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Book Publishing House, 2001. pp. 268-272.
8. Pigolkin A.S. Legal terminology and ways to improve it. Scientific notes of VNIISZ / A.S. Pigolkin. M.: VNIISZ Publishing House, 1971. Issue No. 24 34 s
9. Pronina M.P. Rules of legal technique of criminal law // Bulletin of the SSSA. 2016. No.6 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-yuridicheskoy-tehniki-ugolovno-zakonodatelstva> (date of appeal: 03.10.2024).
10. Tagantsev N. S. Russian criminal law in 2 hours Part 1 / N. S. Tagantsev. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. 414 p.
11. Khalezova Ya. M. Theoretical characteristics of evaluative concepts in criminal law / Ya. M. Khalezova // Ius Publicum et Privatum. 2024. No. 1(25). pp. 144-151.
12. Cherdantsev A.F. Interpretation of law and contract / A.F. Cherdantsev. Moscow : Unity, 2003 (SUE ИПК Ульян. House of Printing). - 381 p .
13. Shadrina E.G. Interrelation of the Russian criminal, penal enforcement and criminal procedure law : Problems of misalignment and coordination : abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences : 12.00.08 / Sam. gos. un-t. - Samara, 2003. - 21 p.
14. Shargorodsky M.D. Technique and terminology of criminal law / M.D. Shargorodsky // The Soviet state and law. M., 1948. No. 1 (January). pp. 58-65.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_44

УДК 340.13

ДЕКЛАРАТИВНЫЕ НОРМЫ В МЕХАНИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ DECLARATIONS IN THE MECHANISM OF MODERN PUBLIC LEGAL REGULATION

МОХОВ Артем Юрьевич,

старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.
400005, Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8.
E-mail: aumohov@mail.ru;

Mokhov Artem Yurievich,

Senior Lecturer of the Department theory of law and state legal disciplines
Volgograd Institute of Management - branch of RANEPa under the President of the Russian Federation.
8 Gagarin Street, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: aumohov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье обозначены роль и положение декларативных нормативно-правовых предписаний (норм-деклараций) в системе норм современного российского права. Отмечено, что декларативная норма одновременно закрепляет не только направленность правового регулирования (преобладание в рамках отрасли или института публичных или частных интересов), но и выражает цели государства как основного субъекта публичного управления, учитываемые и предполагаемые при создании того или иного законодательного акта. С точки зрения юридической техники декларативные предписания, как правило, выражаются в виде преамбул к законодательным актам; центральное место среди преамбул занимает Преамбула к Конституции РФ 1993 г., отражающая цели и общие социально-исторические условия принятия действующего конституционного акта.

Abstract. The article outlines the role and position of declarative legal regulations (norm-declarations) in the system of types of norms of modern Russian law. It is noted that the declarative norm at the same time fixes not only the direction of legal regulation (the predominance of public or private interests within the industry or institution), but also expresses the goals of the state as the main subject of public administration, taken into account and assumed when creating this or that legislative act. From the point of view of legal technique, declarative prescriptions, as a rule, are expressed in the form of preambles to legislative acts; the central place among the preambles is occupied by the Preamble to the Constitution of the Russian Federation of 1993, which reflects the goals and general socio-historical conditions for the adoption of the current constitutional act.

Ключевые слова: норма права, правовое предписание, декларативная норма, правовая декларация, правовой принцип, публичное право, экологическое право.

Keywords: rule of law, legal prescription, declarative norm, legal declaration, legal principle, public law, environmental law.

Для цитирования: Мохов А.Ю. Декларативные нормы в механизме современного публично-правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 44-47. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_44.

For citation: Mokhov A.Yu. Declarations in the mechanism of modern public legal regulation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 44-47. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_44.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Любое нормативное регулирование, вне зависимости от провозглашённого в государстве политического режима и отношения к идеологии, невозможно представить без обозначения целей и задач принятия конституционного и всего соответствующего законодательства, указания, на что будут направлены средства публично-правового воздействия. Видом нормативно-правовых предписаний, текстуально «закрепляющим» государственное отношение к основным приоритетам и целям политики, выступают нормы-декларации.

Понятие правовых деклараций, несмотря на разность теоретических подходов, авторами обосновывается примерно одинаково. Так, по мнению А.И. Пиголкина, декларации в праве – это «торжественные заявления законодателя, в которых выражаются общезначимые юридические факты, а также объясняются цели и задачи принимаемого нормативно-правового акта» [1, с. 71]. М.Л. Давыдова отмечает, что декларация – это «форма, в которой излагается провозглашение сувереном основных целей и задач; действие декларации не подкреплено средствами государственного принуждения, однако, принятые в соответствии с декларациями нормы-правила поведения обязательно обеспечиваются мерами публично-правового воздействия» [2, с. 17]. В свою очередь, вопрос о том, считать ли юридические декларации самостоятельными правовыми нормами (а, следовательно, и нормативно-правовыми предписаниями), в доктринальных исследованиях обозначается по-разному. К примеру, Е.В. Болдырев обосновывает, что «вводная часть нормативно-правового акта (в которой излагаются мотивы и цели издания закона, а также призывы, задачи и собственно декларации) не могут являться нормами права, так как не содержат в себе задачи регулировать социальные отношения» [3, с. 140]. А.Л. Парфентьев поддерживает данную позицию, указывая: «Так как призывы, декларация и обращения не выражают государственно-обязательную волю, определять декларации в качестве нормативно-правового предписания не представляется возможным; в данной ситуации декларации не подобны принципам» [4, с. 172].

При этом многие исследователи отмечают, что наличие декларативных положений в законодательном акте необходимо; О.Э. Лейст отмечал, что «декларации присущи только закону, и именно по прямо прописанным законодателем задачам и целям можно отличать право от закона; право само по себе служит регулятором, не требуя идеологических «вкраплений» [5, с. 86]. В теории справедливо указывается по данному поводу, что согласиться с позицией о ненормативной сущности правовых деклараций – значит признать, что законодатель «бессмысленно включает в текст нормативно-правового акта ненужные, не имеющие практической значимости положения, загружая закон бесполезной информацией» [6, с. 159]. Поскольку нормативно-правовые предписания, как было отмечено нами ранее, также несут смысловую нагрузку и в отдель-

ных случаях могут применяться как нормы-правила поведения (например, использование судами основных конституционных и отраслевых принципов при аналогии права), уместно говорить о правовых декларациях, как о специфическом виде норм права.

В этой связи необходимо разграничивать подходы к определению понятия «декларация», данные в теории права, а также в уже существующем нормативном материале. Так, декларация может определяться в современной правовой действительности как самостоятельный вид нормативно-правового акта. В качестве примера можно привести Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, принятую 12 июня 1990 г. Несмотря на то, что в предварительных положениях документ указывает на «провозглашение» государственного суверенитета страны, остальные положения акта (пронумерованные) являются нормами-принципами (п. 4), дефинициями (пункты 1 и 3), а также непосредственными правилами поведения (для граждан – пункт 11, сохраняющий союзное гражданство при одновременном установлении республиканского; для органов публичной власти – пункт 15, определяющий необходимость разработки на основе Декларации новой Конституции РСФСР и реформирования республиканского законодательства). В рассматриваемом нормативном акте характер декларации будет носить только преамбула документа (непронумерованный первый абзац). Кроме того, понятие «декларация» может рассматриваться в теоретических источниках как термин для обозначения фактически недействующих норм закона, не имеющих практического смысла и «перегружающих» отраслевое регулирование. К примеру, В.В. Николюк в своей статье выделяет в качестве признаков таких норм «сохранение таких норм в законе, несмотря на признание их неконституционными, а также их практическое неприменение (либо чрезвычайно редкое обращение к таким нормам должностных лиц, судебных органов)» [7, с. 20]. В контексте настоящего исследования правовые декларации рассматриваются нами как самостоятельные нормы права, действующие на момент изучения, влияющие своими целевыми установками на отраслевое (межотраслевое) регулирование.

К числу признаков, которые отличают правовую декларацию от остальных разновидностей нормативно-правовых предписаний, можно отнести:

1) специфическую функцию декларативного предписания; правовая декларация не направлена прямо на установление правил для субъектов правоотношений. В декларативных положениях законов содержатся общие цели социально-политического развития государства, моральные и идеологические установки общества на конкретном этапе его развития. Отличим от принципа, по мнению Л.Ф. Апта, выступает «указание в нормах-декларациях на конечные цели регулирования – тогда как в принципах цели и ценности непосредственные, требующие отражения в последующих нормах закона» [8, с. 11]. Декларация же констатирует существующие цели и положения, которые послужили *причиной* для принятия законодательного акта;

2) декларативные нормативно-правовые предписания являются нормами-целями, посредством которых как гражданину, так и органу (должностному лицу) публичной власти, задаются определённые идеалы и ориентиры. В отличие от «классических» норм-правил поведения декларация не указывает на пути достижения таких целей;

3) исходя из целевого характера закрепления, необходимо обосновать и отличающуюся от остальных типов нормативных предписаний форму юридических деклараций. Декларации не включают в себя конкретных правил поведения для субъектов государственного управления, а «излагают» идеологические установки законодателя на состояние общественных институтов и предполагаемые цели их регулирования в законе;

4) нормы-декларации отличаются от правовых принципов также и способом реализации. В отличие от принципа, декларативная норма не может быть непосредственно реализована: в судебном решении или административном акте нельзя сослаться на преамбулу закона. Правовая декларация, тем самым, служит средством формирования *правосознания* законодателя и должностных лиц, уполномоченных на применение соответствующих законов. Так, например, заданный Конституцией РФ 1993 г. в Преамбуле тезис об «утверждении прав и свобод человека и гражданина» непосредственно должен отражаться на мероприятиях по формированию правосознания сотрудников правоохранительных органов (профессиональное образование, введение правил профессиональной этики на службе и т.д.), не допуская у них деформаций, связанных с применением незаконных способов получения доказательств, фактов коррупции. Данные признаки, как указывает Э.М. Ямщикова, свидетельствуют о нормах-декларациях как «системообразующих элементах всей совокупности норм права, позволяя принимать новые нормы в соответствии с декларативными целями, обеспечивая идейное единство законодательного материала» [9, с. 104].

Представляется необходимым обозначить основные различия правовых принципов от декларативных норм. С.С. Алексеев указывал, что «нормы и декларации представляют собой органические частицы правовой системы, направляя правовое регулирование в определённом идеологическом и целевом направлении – являясь, тем самым, правовыми положениями» [10, с. 232]. В нормах, определяемых в теории в качестве деклараций, может встречаться упоминание принципов – например, Преамбула к Конституции содержит упоминание «принципов равноправия и самоопределения народов»; О.С. Иоффе применительно к частно-правовому регулированию отмечал, что декларативные положения обязательно включают в себя общие принципы отраслей права [11, с. 42]. Однако, нормативно-правовые декларации занимают особое место в общем ряду разновидностей правовых норм, отличаясь своей максимально общей сферой действия и более идеологической, чем у принципов, направленностью. На примере той же конституционной преамбулы можно проследить что принципы «равноправия народов» раскрывается в качестве самостоятельных принципиальных положений в главе 1 «Основы конституционного строя», главе 3 «Федеративное устройство» в виде права образования национальных субъектов в составе Российской Федерации (республик), имеющих право на свою Конституцию, а также на использование национального языка (языков) в качестве государственного на территории республики наряду с русским. Как представляется, такие исключения не являются нарушениями правил юридической техники; посредством указания на наиболее фундаментальные требования законодательного регулирования в тексте нормы-декларации уделяется особое внимание принципам основополагающего значения, без которых

существо и дух Конституции передать невозможно. При этом включение полноценной группы принципов в текст нормы-декларации отраслевого (или внутриотраслевого) закона уже представляется излишним.

Кроме того, неверно с точки зрения юридической техники включать в текст преамбульного положения закона не только принципы, но и определения ключевых понятий отраслевого или общего регулирования. Примером может служить Преамбула Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», в которой дано не только определение недр («часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии - ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения»), но и устанавливается содержание предмета правового регулирования рассматриваемого закона. В отличие от деклараций, определения несут реальную правовую информацию, непосредственно применяясь в случае спорных ситуаций, либо подвергаясь судебному толкованию.

Исходя из этого, считаем обоснованными основные правила составления правовых деклараций:

- декларативные нормы права (положения, которые по своим функциям, структуре и механизму применения носят идеологический характер) целесообразно размещать именно в преамбулах законодательных актов;

- декларативные нормы не должны непосредственно включаться в первые статьи законодательных актов, так как нумерация статей предполагает возможность ссылаться на них в судебных решениях. Декларации же не могут служить «основой» для правоприменения; их назначение – придать законодательству единообразную «идеологическую окраску».

В свою очередь, О.Э. Лейст указывал, что наличие предписательных положений совместно и «вперемежку» с нормами-правилами поведения значительным образом препятствует восприятию закона, развитию законодательной работы по расширению и уточнению существующих понятий (так, дополнение декларативной нормы нецелесообразно без изменения соответствующих нормативных правил, так как меняются цель и задачи регулирования) [12, с. 88].

Поскольку в качестве примера декларативного нормативно-правового предписания уже несколько раз обозначалась Преамбула к Конституции Российской Федерации, следует подробнее рассмотреть саму сущность и назначение преамбул, обозначить основные моменты предварительного положения Основного закона страны, как идеологической основы для национального правового регулирования. Л.К. Лутова определяет преамбулу как «неотъемлемую вводную часть законодательного акта, обладающую нормативным характером, выступающую в качестве специального средства саморегуляции и интеграции всех последующих норм законодательного акта, выполняющую самобытные, прежде всего, идеологические, функции» [13, с. 8]. С.Н. Болдырев раскрывает содержательные признаки преамбулы: по мнению исследователя, в данной части законодательного акта государство указывает на причины принятия акта, цели; в преамбуле может содержаться какая-то важная с точки зрения всей концепции регулирования констатирующая информация [14, с. 6]. В качестве примера таких «важной и констатирующей» для законодателя сведений можно привести Преамбулу Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», где указаны специфические цели государственно-правового регулирования в сфере туризма и рекреационной деятельности (наряду с собственно правовым режимом осуществления путешествий, рассматриваемый Федеральный закон направлен на гарантирование реализации «прав граждан на отдых и свободу передвижения», а также на «рациональное использование туристских ресурсов» в пределах страны).

Стоит отметить, что в теории указывается на тенденцию сокращения преамбул в законодательных актах (и, соответственно, декларативных предписаний): отсутствие норм-деклараций во многих кодифицированных актах, при наличии общи положений (ст. 1 Гражданского кодекса РФ, ст. 1 Семейного кодекса РФ) указывает на повышение уровня законодательной техники, отсутствие смешения декларативных и принципиальных норм. Количество «чистых» деклараций также сократилось, а декларации новых законов более «чёткие» по содержанию, практически лишены исторических экскурсов и указаний на идеологию. Исключением является Преамбула к Конституции, в которой отражены цели и задачи абсолютно всего национального законодательства. Тенденция к сокращению декларативных норм может указывать на «освобождение» права от идеологических установок; при этом обоснованно говорить о формировании «новой правовой идеологии», основанной как на историческом пути развития нашей страны, так и на необходимости учёта объективных экономических, социальных и технологических изменений (например, учёт требований биоэтики, поведения гражданина в сети «Интернет»); глобальных экологических проблем [15, с. 34].

Таким образом, правовые декларации определяют общее назначение нормативного регулирования, его цели и задачи. Декларации органически входят в структуру нормативно-правового акта (в виде преамбул, пронумерованных в тексте закона), однако, они обуславливают его содержательное единство, придавая закону, отрасли, всему регулированию (что характерно для конституционных норм-деклараций) единое идеологическое содержание. Особое место в ряду декларативных нормативно-правовых предписаний занимает Преамбула к действующей Конституции Российской Федерации, где отражены базовые принципы современного Российского государства (демократизм, признание прав и свобод личности, юридическое равенство и самоопределение народов), указывается на преемственность исторического развития страны, неотъемлемое участие Российской Федерации в мировом политико-экономическом пространстве.

Список литературы:

1. Пиголкин А.И. Общая теория государства и права: учебник. М.: Норма, 2012. – 592 с.
2. Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в Российском законодательстве: учебное пособие. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. – 92 с.
3. Болдырев Е.В., Галкин В.М., Лысиков К.И. О структуре уголовно-правовой нормы // Проблемы совершенствования советского законодательства: Сборник трудов ВНИИСЗ. М.: Юридическая литература, 1974. С. 135–151.
4. Парфентьев А.Л. О понятии правового предписания // Проблемы совершенствования советского законодательства: Сборник трудов ВНИИСЗ. М.: Юридическая литература, 1974. С. 170–178.

5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: монография. М.: Зерцало-М, 2002. – 452 с.
6. Епифанов А.Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153–162.
7. Николюк В.В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2. С. 19–25.
8. Апт Л.Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. М., 1973. – 16 с.
9. Ямщикова Э.М. Декларативные нормы как часть системы норм права // В сборнике: Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2020. С. 103–107.
10. Алексеев С.С. Структура советского права: монография. М.: Юридическая литература, 1975. – 244 с.
11. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. – 488 с.
12. Лейст О.Э. Ук. соч.
13. Лутова Л.К. Преамбула нормативного правового акта: проблемы теории и практики: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Н.Новгород, 2011. – 271 с.
14. Болдырев С.Н. Преамбула как приём юридической техники // Юрист-правовед. 2014. № 5. С. 5–10.
15. Рыженков А.Я. О роли эколого-правовой культуры в развитии «зелёной» экономики // Правовая культура. 2022. № 1. С. 33–38.

References:

1. Pigolkin A.I. General theory of state and law: textbook. M.: Norm, 2012. – 592 p.
2. Davydova M.L. Normative legal prescriptions in Russian legislation: a textbook. Volgograd: Publishing House of Volga State University, 2001. – 92 p.
3. Boldyrev E.V., Galkin V.M., Lysikov K.I. On the structure of the criminal law norm // Problems of improving Soviet legislation: Collection of works of VNIISZ. M.: Legal literature, 1974. pp. 135-151.
4. Parfentiev A.L. On the concept of a legal prescription // Problems of improving Soviet legislation: Collection of works of VNIISZ. M.: Legal literature, 1974. pp. 170-178.
5. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law: monograph. M.: Zertsalo-M, 2002. – 452 p.
6. Epifanov A.E. On the issue of overcoming gaps and conflicts of current legislation in the law enforcement process // Paradigms of management, economics and law. 2020. No. 2. pp. 153-162.
7. Nikolyuk V.V. The phenomenon of "dead" norms in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. pp. 19-25.
8. Apt L.F. Forms of expression and presentation of legal norms in normative acts: abstract of the dissertation of the candidate of Legal sciences: 12.00.01. M., 1973. – 16 p.
9. Yamshchikova E.M. Declarative norms as part of the system of norms of law // In the collection: Regional features of market socio-economic systems (structures) and their legal support. Moscow: S.Y. Witte Moscow University, 2020. pp. 103-107.
10. Alekseev S.S. The structure of Soviet law: monograph. M.: Legal literature, 1975. – 244 p.
11. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law. Moscow: Gosyurizdat, 1961. – 488 p.
12. Leist O.E. Uk. op.
13. Lutova L.K. Preamble of the normative legal act: problems of theory and practice: dissertation of the candidate of Law: 12.00.01. N.Novgorod, 2011. – 271 p.
14. Boldyrev S.N. Preamble as a method of legal technique // Jurist-pravoved. 2014. No. 5. pp. 5-10.
15. Ryzhenkov A.Ya. On the role of ecological and legal culture in the development of the "green" economy // Legal culture. 2022. No. 1. pp. 33-38.

**ПРАКТИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ
В ОРГАНИЗАЦИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ В РАМКАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
МЕЖДУ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
PRACTICAL TACTICS FOR RESOLVING CONFLICTS OF THIRD PARTIES
IN THE ORGANIZATION, INCLUDING IN THE FRAMEWORK OF OVERCOMING
CONFLICTS BETWEEN EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM**

ПЕТРОВ Сергей Валерьевич,

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой управления и информационных технологий факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: psv01@yandex.ru;

Petrov Sergey V.,

Chief of the Department of Management and Information Technologies of the faculty of law and management,
Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, PhD (Economic), Associate Professor.

67E, Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russian Federation.

E-mail: psv01@yandex.ru

Краткая аннотация: Данное исследование сконцентрировано на поиске путей преодоления конфликтов третьих лиц в организациях. В рамках работы автор делает акцент на том, что в связи с тем, что разрешить конфликт третьих лиц, не вступая в прямую конфронтацию и сохраняя нейтралитет, достаточно сложно, поэтому рекомендации, позволяющие разрешить возникшую ситуацию с наименьшими потерями, никогда не потеряют своей актуальности. Исследование базируется на результатах работ других авторов в сфере психологии и конфликтологии, управлении персоналом и менеджменте. Результаты исследования также могут использоваться в рамках разрешения конфликтных ситуаций, возникших при исполнении служебных обязанностей сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Abstract: This research focuses on finding ways to overcome third-party conflicts in organizations. As part of the work, the author emphasizes that due to the fact that it is quite difficult to resolve a conflict of third parties without entering into direct confrontation and maintaining neutrality, therefore, recommendations that allow resolving the situation with the least losses will never lose their relevance. The research is based on the results of the work of other authors in the field of psychology and conflictology, personnel management and management. The results of the study can also be used in the framework of resolving conflict situations that arose during the performance of official duties by employees of the penal enforcement system.

Ключевые слова: конфликты в организациях, решение конфликтных ситуаций, конфликты сотрудников, тактики решения конфликтов, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Keywords: conflicts in organizations, conflict resolution, employee conflicts, conflict resolution tactics, employees of the penal enforcement system.

Для цитирования: Петров С.В. Практические тактики решения конфликтов третьих лиц в организации, в том числе в рамках преодоления конфликтов между сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 48-49. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_48.

For citation: Petrov S.V. Practical tactics for resolving conflicts of third parties in the organization, including in the framework of overcoming conflicts between employees of the penal enforcement system // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 48-49. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_48.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

Конфликт является тем этапом взаимодействия, который рано или поздно наступает в процессе общения. Конфликтная ситуация оказывает не только отрицательный эффект на взаимодействующие стороны, но и в значительной степени способствует развитию личности человека, позволяя выработать необходимые для решения конфликтов качества, в том числе лидерские, повысить уровень стрессоустойчивости, а также помогает сторонам узнать друг друга лучше. Что ещё более важно, в процессе конфликта у задействованного в нём человека возникает стремление обучиться необходимым для преодоления конфликта или победы в нём тактикам и стратегиям, выработать определённые умения и навыки, которые могут предопределить исход конфликта или качественно изменить конфликтную ситуацию.

Одним из наиболее эффективных инструментов борьбы с негативным влиянием конфликтов является психология, в особенности её юридическая составляющая. Психология является той наукой, значительная часть которой посвящена поиску детерминант конфликтов, способов преодоления конфликтных ситуаций, определению влияния, которое оказывает возникшая ситуация на реципиентов. Однако наиболее интересной нам представляется та часть психологии конфликтов, которая ответственна за стратегии поведения, тактики преодоления психологического давления и способам победы в конфликтных ситуациях, так как именно она позволяет в наибольшей степени всесторонне развить личность. В этой связи, особенно полезными тактики преодоления конфликтов третьих лиц будут полезны для руководителей организаций, где конфликты в коллективе не являются редким явлением, и требуют значительных усилий для их преодоления.

Кроме того, данная работа будет выступать базисом для руководителей учреждений системы исполнения наказания, так как работа в данной сфере сопряжена со значительным количеством пагубно влияющих факторов, кадровой недостаточностью и существенной нагрузкой, что объясняет возможность возникновения конфликтов между сотрудниками, преодоление которых необходимо в кратчайшие сроки для обеспечения эффективной и стабильной работы уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Прежде всего, стоит обратить внимание на особенности конфликтов, протекающих в организациях, о чём мы писали в одном из наших исследований [1]. Говоря о тактиках преодоления конфликтов третьих лиц, особенно интересна работа группы авторов, которые делают акцент на выборе наиболее эффективного стиля управления конфликтом [2].

Другими авторами приводятся интересные доводы о том, что в основе сплочения трудовых коллективов лежит механическая и организационная солидарность [3], она же может стать одним из способов преодоления конфликтов третьих лиц.

Говоря о конфликтах, протекающих в коллективе учреждений системы исполнения наказания, стоит сказать, что для поиска путей их пре-

одоления и выбора наиболее эффективной стратегии, стоит учитывать то, что взаимоотношения в коллективе УИС характеризуются такими особенностями как: принцип единоначалия, жёсткая иерархия и дисциплина, высокая вероятность конфликтов не только по линии начальник-подчинённый, но и сотрудник-сотрудник, сотрудник-осуждённый, что приносит свою специфику в процесс применения тактики решения конфликтов. Так или иначе, выбор тактики и стратегии реагирования должен не только базироваться на специфике взаимодействия в организации и особенностях протекания конфликтов в данной среде, но и учитывать то, что решение спора третьих лиц всегда требует специфических знаний и умений.

Мы предлагаем несколько практических рекомендаций, которые стоит учитывать при выборе дальнейшей стратегии преодоления конфликта:

1. *Отсутствие навязчивости.*

При решении конфликтов третьих лиц стоит мягко и ненавязчиво включиться в диалог конфликтующих. Это можно сделать несколькими способами: проявив интерес к обсуждаемой теме или предложить близкую к обсуждаемой теме. Внедрение в конфликт третьих лиц всегда должно проходить плавно, иначе присутствует риск стать причиной нового конфликта.

2. *Активное слушание каждой из сторон.*

Для того, чтобы эффективно вывести из конфликта стороны с минимальным количеством потерь, стоит предложить каждой из сторон высказать свою точку зрения, затем внимательно выслушать доводы конфликтующих, напоминая им о соблюдении деловой этики.

3. *Поиск общего.*

Необходимо сфокусировать внимание сторон на том, что у них есть общие рабочие интересы и цели, и достижение их возможно лишь при конструктивном взаимодействии.

4. *Предложение компромисса.*

Третьи конфликтующие стороны зачастую, находясь в конфликте, отстаивают исключительность своей позиции, не замечая имеющихся способов решения конфликта, способных удовлетворить потребности обеих сторон. Не вовлеченная непосредственно в конфликт сторона может рационально проанализировать ситуацию и предложить удовлетворяющий всех способ исхода.

5. *Обратная связь.*

После преодоления конфликта стоит напомнить сторонам о том, что конфликт не всегда должен приравняться к ссоре, всегда стоит соблюдать этику, проявлять терпение, уважение и соблюдать субординацию при взаимодействии с коллегами. Так или иначе, всегда стоит помнить о том, что стремление быть вовлечённым в конфликт третьих лиц по своей воле требует особой выдержки, терпения и стойкости. Почувствовав малейшее недовольство и пассивную агрессию от конфликтующих, стоит принять необходимые меры для того, чтобы не стать причиной нового конфликта и основной конфликтующей стороной.

Предложенные практические рекомендации в значительной степени облегчат руководителям и работникам процесс решения конфликтов других сотрудников, что в результате способствует развитию атмосферы сотрудничества и взаимосвязи в коллективе.

По результатам нашего исследования, мы можем сделать следующие выводы:

- конфликтные ситуации в организации нередки, и зачастую поиск способа решения конфликта требует особых знаний и умений, особенно в ситуации когда требуется решить конфликт третьих лиц, а не выступить одной из конфликтующих сторон;

- каждый конфликт характеризуется индивидуальной ситуацией, определённой спецификой протекания, конкретными желаниями, стремлениями и предпочтениями конфликтующих сторон, на основе чего при должном анализе, мы можем понять: рационально ли вступать в данный конфликт, какой стратегии реагирования придерживаться при разрешении волнующего вопроса, какие перспективы решения ситуации существуют и как их можно реализовать;

- конфликты в учреждениях УИС требуют особого внимания при поиске путей их преодоления, так как сама система исполнения наказания предполагает соблюдение субординации и дисциплины, что создаёт определённые рамки в выборе и реализации стратегии решения конфликта;

- предлагаемые нами практические рекомендации по включению в конфликт, поиску точек соприкосновения сторон, предложения решения вопроса и напоминании о соблюдении рабочих правил, смогут упростить процесс взаимодействия с коллективом и подчинёнными, а также могут быть реализованы непосредственно сотрудниками УИС без опасений нарушения трудовой этики и требований поведения.

Однако всегда стоит помнить о том, что конфликты сопровождаются не только столкновением интересов, но и со значительным количеством негативных эмоций, в связи с чем, прежде, чем вступить в конфликтную ситуацию, стоит чётко и точно оценить шансы на успешное разрешение данного конфликта, возможные потери, которые мы как нейтральная сторона можем понести и только в таком случае предпринимать активные действия, направленные на разрешение случившейся ситуации.

Список литературы:

1. Петров С.В. Конфликты в организациях // В сборнике: Наука без границ: психолого-педагогический и социологический дискурсы. Сборник статей IV всероссийской конференции. М., 2024. С. 179-181.
2. Куприянова Е.А., Лымарева О.А. Современные стили управления конфликтами в организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 4-2 (98). С. 19-22.
3. Перецкайте И. С., Плотников В.В. Механический и органический типы солидарности в контексте преодоления межгрупповых конфликтов в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 81-83.

References:

1. Petrov S.V. Conflicts in organizations // In the collection: Science without Borders: psychological, pedagogical and sociological discourses. Collection of articles of the IV All-Russian conference. Moscow, 2024. pp. 179-181.
2. Kupriyanova E.A., Lymareva O.A. Modern conflict management styles in the organization // Economics and Business: theory and practice. 2023. 4-2 (98). pp. 19-22.
3. Peretskaite I. S., Plotnikov V.V. Mechanical and organic types of solidarity in the context of overcoming intergroup conflicts in modern society // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. 4. pp. 81-83.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_50

УДК 342.5:004.9

ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА THE INFORMATION FUNCTION OF THE STATE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

ХОХЛОВА Елена Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
доцент кафедры доцент кафедры юридических технологий и правоведения.
Большевицкая ул., 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия.
E-mail: em.xoxlova@yandex.ru;

ПЕРЕТОЧЕНКОВА Ольга Усмановна,

кандидат географических наук, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
доцент кафедры физической и социально-экономической географии.
Большевицкая ул., 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия.
E-mail: olga75geo@mail.ru;

KNOKHLOVA Elena Mikhailovna,

PhD. Jurid. of Sciences, Associate Professor, Ogarev Moscow State University,
Associate Professor of the Department, Associate Professor of the Department of Legal Technologies and Jurisprudence.
Bolshevistskaya str., 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia.
E-mail: em.xoxlova@yandex.ru;

PERETOCHEKHOVA Olga Usmanovna,

Candidate of Geographical Sciences, Ogarev Moscow State University,
Associate Professor of the Department of Physical and Socio-Economic Geography.
Bolshevistskaya str., 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia.
E-mail: olga75geo@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается необходимость переосмысления содержания информационной функции государства в условиях цифровизации общества. Авторами обосновывается необходимость правового регулирования способного обеспечить баланс между свободой информации и защитой прав граждан. Обоснована необходимость изменения содержания информационной функции государства в эпоху цифровизации.

Abstract. The article considers the need to rethink the content of the information function of the state in the context of digitalization of society. The authors substantiate the need for legal regulation that can ensure a balance between freedom of information and protection of citizens' rights. The necessity of changing the content of the information function of the state in the era of digitalization is substantiated.

Ключевые слова: государство, информационная функция государства, информация, цифровые технологии, правовое регулирование, защита информации, задачи информационной функцией государства.

Keywords: the state, the information function of the state, information, digital technologies, legal regulation, information protection, tasks of the information function of the state.

Для цитирования: Хохлова Е.М., Переточенкова О.У. Информационная функция государства в условиях цифровизации общества // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 50-52. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_50.

For citation: Khokhlova E.M., Peretochenkova O.U. The information function of the state in the context of digitalization of society // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 50-52. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_50.

Статья поступила в редакцию: 28.10.2024

Целью данной научной работы является выявление специфики информационной функции государства в условиях цифровизации общества, определение значимости ее содержания. В рамках поставленной цели в статье получили свое решение, следующие задачи: исследовано категориальное понимание информационной функции государства, выявлено влияние цифровых технологий на общество, установлена область решаемых задач информационной функцией государства в современных реалиях.

Современное общество характеризуется активным применением информации как средства управления и воздействия на разные области общественной жизнедеятельности в целом и на человека в частности. Информационные войны сегодняшней действительности, масштабное и мгновенное распространение информации посредством сети Интернет, будь то пропаганда или просто реклама, привели к трансформации общества в информационное. Инновационные технологии настолько проникли в деятельность и жизнь человека, что следует обратить внимание на необходимость кардинального изменения одного из важных направлений деятельности государства – информационной функции.

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на общество на протяжении последних нескольких десятилетий, и это влияние имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, технологии открывают новые горизонты для общения, образования и бизнеса, обеспечивая доступ к информации и услугам. С другой стороны, они также создают риски, связанные с конфиденциальностью, безопасностью и манипуляцией данными. В связи с этим возникает необходимость в правовом регулировании, которое могло бы обеспечить баланс между свободой информации и защитой прав граждан.

Одним из ключевых аспектов этого регулирования является защита безопасности личности, общества и государства. В условиях стремительного развития цифровых технологий и увеличения объемов данных, которые обрабатываются и передаются, становится очевидным, что недостаточное внимание к вопросам безопасности может привести к серьезным угрозам. Например, утечки личных данных, кибератаки и

манипуляции информацией могут подорвать доверие граждан к государственным институтам и создать нестабильность в обществе.

Государственная власть осознает, что без должного контроля и регулирования в сфере информационных технологий, общество может столкнуться с новыми вызовами и угрозами. Поэтому переосмысление роли государства в информационной сфере становится актуальной задачей. Это переосмысление включает в себя не только разработку новых законов, например ст. 71 Конституции РФ [1], но и активное сотрудничество с частным сектором, научным сообществом и гражданским обществом для создания комплексной системы безопасности [8].

Поэтому переосмысление информационной функции государства – это один из ответов на вызов процессов цифровизации в современном обществе.

Следует отметить, что о высокой степени важности информационной функции государства отмечено Л. А. Морозовой, которая выделила информационную функцию в качестве основной функции государства [11].

Весьма интересным и обоснованным представляется мнение Э.В. Талапиной считающей, что: «Сегодня можно вести речь о появлении условий для выделения и оформления специальной информационной функции государства» [10].

Наиболее объективно к данному вопросу подошел Ю. Г. Просвирнин указывающий «информационная функция государства – это основное направление его деятельности по развитию информационной сферы России, которое охватывает всю совокупность производств и отношений, связанных с созданием, хранением, обработкой, передачей информации во всех её видах – экономической, правовой, научной, образовательной, управленческой и т.п.» [7].

При описании ключевых, видоизмененных в условиях цифровизации общества, характеристик информационной функции государства необходимо учитывать ее взаимосвязь со всеми имеющимися направлениями деятельности государства. В указанном тесном переплетении функций государства, нам видится ключевой, отправной деятельностью именно деятельность по сбору, обработке, созданию данных, которая служит ориентиром выстраивания всех остальных функций современного государства. Что подтверждается приведенным выше положением из Конституции РФ относительно связи функции государства в области охраны интересов общества и государства с данными, их обработкой и создаваемой на их основе информацией.

Изменение в содержание информационной функции государства в эпоху цифровизации связано с обязанностью государства по обеспечению доступа к информации достаточно объемного сектора. Основой правового характера информационной функции выступает ряд нормативно-правовых актов.

Обратимся к Федеральному закону РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 года. Следует отметить, что названный закон является одним из базисных актов, регулирующих организацию государственной информационной функции в Российской Федерации. Ключевым для нашего исследования, из содержания закона, является положение о том, государственная информационная политика включает в себя совокупность мер, направленных на создание единой информационной среды, открытость и доступность информации на территории Российской Федерации, а также обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [2].

Позднее ориентиром для трансформации информационной функции государства послужила Доктрина информационной безопасности [3]. Кроме того, очевидность необходимости должного реагирования со стороны государства на происходящие в обществе изменения информационного пространства посредством применения цифровых технологий регулярно отмечается в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ.

В России информационная функция государства регулируется множеством законов и иных нормативных актов, включая Конституцию РФ, гражданский, уголовный и административный кодексы, различные законы и постановления Правительства. В целом, регулирование информационных отношений в России является сложным и многогранным процессом, который находится в постоянном развитии и модернизации [5, 6]. Значение информационной функции в системе правовых отношений нельзя переоценить. Эта функция является основой для достижения многих конституционных принципов России, таких как права и свободы граждан, основы российского государственного устройства, регулирование экономической и социальной сферы, защита национальной безопасности и многих других. Кроме того, внесенные изменения в Конституцию РФ прямо указывают на ярко выраженный конституционно-правовой характер информационной функции государства.

Следует обратить внимание и на область решаемых задач информационной функцией государства. Нам представляется, в обязательном порядке должны быть следующие задачи.

– обязательное исполнение государством своих обязательств, связанных с соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере информационных отношений. Это означает, что государство должно не только гарантировать права граждан на получение информации, но и защищать их от неправомерного вмешательства в личную жизнь, а также от распространения ложной информации. В условиях цифровизации и широкого распространения интернета эта задача становится особенно актуальной, так как пользователи сталкиваются с множеством источников информации, не всегда достоверных.

– доступ граждан к открытым государственным информационным ресурсам является важной частью информационной функции, что предполагает создание и поддержание таких платформ, где граждане могут получать актуальную и достоверную информацию о деятельности государственных органов, а также о своих правах и обязанностях. Не вызывает сомнений тот факт, что прозрачность в работе государственных структур способствует формированию доверия со стороны населения и укреплению демократических основ общества.

– необходимо обеспечить достоверное информирование как российского общества, так и международной общественности о государственной политике Российской Федерации. Речь идет не только о внутренних событиях, но и о международных отношениях, где позиция государ-

ства может оказывать значительное влияние на его имидж и авторитет на мировой арене. Важно, чтобы государственные органы своевременно реагировали на вызовы, возникающие в современном обществе, и четко обозначали свою позицию по социально значимым событиям.

– защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа и обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем. В условиях глобальных киберугроз и растущего числа кибератак государство должно разработать и внедрить эффективные меры по защите своих информационных систем. Это включает в себя как технические решения, так и правовые меры, направленные на предотвращение киберпреступлений и защиту данных граждан.

– развитие современных информационных технологий является одной из ключевых задач для государства и общества в целом. В условиях глобализации и стремительного прогресса в области цифровых технологий, поддержка отечественной индустрии информации становится особенно актуальной. Государство должно активно инвестировать в развитие и модернизацию средств информатизации, телекоммуникаций и связи, а также продолжать деятельность по накоплению, сохранению и эффективному использованию информационных ресурсов посредством создания соответствующей инфраструктуры, включая центры обработки данных, облачные сервисы и системы хранения информации.

Поэтому государственная информационная функция является одной из базовых функций государства и нуждается в постоянной поддержке и развитии [4]. Примеры успешного применения правового регулирования в информационной сфере можно найти в различных отраслях нашей жизни. Например, стандартизация информационных технологий, развитие электронной подписи, регулирование доступа к интернет-ресурсам и использование средств массовой информации в государственных целях – это все примеры успешного применения правового регулирования в информационной сфере.

Таким образом, необходимость трансформации информационной функции государства – это ответ государства на имеющиеся вызовы современного информационного общества. Поскольку государству постоянно необходимо совершенствовать нормативно-регламентированную и организационно-обеспечительную деятельности в информационной сфере. В целом, информационная функция государства играет важную роль в правовом пространстве России и имеет большой потенциал для развития и совершенствования. Правовое регулирование в этой сфере должно быть прозрачным, предсказуемым и эффективным, что позволит обеспечить стабильность и процветание нашей страны в будущем.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [принята всенародным голосованием 12 декабря 1992 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Режим доступа: сеть Интернет. – Текст : электронный.
2. Федеральный закон № 149 от Об информации, информационных технологиях и о защите информации : [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года]. // Консультант Плюс. URL : <http://www.consultant.ru/>.
3. Указ Президента РФ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации № 646 : [принят Президентом Российской Федерации 5 декабря 2016 года] // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/>.
4. Адилходжаева С. М. Усиление информационной функции государства в условиях глобального информационного пространства // С. М. Адилходжаева // *Universum: экономика и юриспруденция.* – 2024. – № 6-2 (116). – С. 16-19.
5. Беженцев А. А. Государственное управление в информационной сфере: общеправовые аспекты / А. А. Беженцев, Н. А. Игошин // *Закон и право.* – 2024. – № 2. – С. 43-48.
6. Дмитровский П. В. Информационная функция государства: сущность и основные признаки в теоретических подходах отечественных исследователей / П. В. Дмитровский // *Актуальные проблемы российского права.* – 2024. – Т. 19. – № 2 (159). – С. 123-130.
7. Просвирнин Ю. Г. Информационная функция государства / Ю. Г. Просвирнин // *Журнал российского права.* – 2002. – № 3. – С. 29-35.
8. Свиридов Ю. В. Информационный потенциал государства: сущность и содержание / Ю. В. Свиридов // *Военная мысль.* – 2023. – № 7. – С. 125-134.
9. Степанов М. М. Эволюция функций государства в условиях появления новых групп общественных отношений / М. М. Степанов // *Теория государства и права.* – 2023. – № 4 (33). – С. 185-197.
10. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // *Журнал российского права.* – 2008. – № 2. – С. 5-17.
11. Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 620 с. – ISBN 978-5-534-16788-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535520>.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: the text with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 [adopted by popular vote on December 12, 1992]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Access mode: Internet. – Text : electronic.
2. Federal Law No. 149 on Information, Information Technologies and Information Protection : [adopted by the State Duma on July 8, 2006 : approved by the Federation Council on July 14, 2006]. // *Consultant Plus.* URL : <http://www.consultant.ru/>.
3. Decree of the President of the Russian Federation On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation No. 646 : [adopted by the President of the Russian Federation on December 5, 2016] // *Consultant Plus.* URL: http://www.consultant.ru
4. Adilkhodzhayeva S. M. Strengthening the information function of the state in the conditions of the global information space // S. M. Adilkhodzhayeva // *Universum: economics and jurisprudence.* – 2024. – № 6-2 (116). – Pp. 16-19.
5. Refugees A. A. State management in the information sphere: general legal aspects / A. A. Refugees, N. A. Igoshin // *Law and law.* – 2024. – No. 2. – pp. 43-48.
6. Dmitrovsky P. V. The information function of the state: the essence and main features in the theoretical approaches of domestic researchers / P. V. Dmitrovsky // *Actual problems of Russian law.* – 2024. – Т. 19. – № 2 (159). – Pp. 123-130.
7. Prosvirnin Yu. G. Information function of the state / Yu. G. Prosvirnin // *Journal of Russian Law.* - 2002. – No. 3. – pp. 29-35.
8. Sviridov Yu. V. The information potential of the state: the essence and content / Yu. V. Sviridov // *Military thought.* - 2023. – No. 7. – pp. 125-134.
9. Stepanov M. M. The evolution of state functions in the context of the emergence of new groups of public relations / M. M. Stepanov // *Theory of state and law.* – 2023. – № 4 (33). – Pp. 185-197.
10. Talapina E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects / E.V. Talapina // *Journal of Russian Law.* - 2008. – No. 2. – pp. 5-17.
11. Theory of state and law: textbook for universities / V. K. Babaev [et al.]; edited by V. K. Babaev. – 5th ed., reprint. and additional – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 620 p. – ISBN 978-5-534-16788-7. – Text : electronic // *Yurayt Educational platform [website].* – URL: <https://urait.ru/bcode/535520>.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF PRINCIPLES INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: DISCUSSION ISSUES

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова.
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.
E-mail: 4077778@list.ru;

Ryzhenkov Anatoly Jakovlevich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Pushkin str., 11.
E-mail: 4077778@list.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются вопросы классификации принципов международного экологического права на современном этапе его развития. Рассматриваются предложенные в правовой науке подходы, анализируются их достоинства и недостатки. Предлагается авторская классификация принципов международного экологического права, позволяющая системно подойти к восприятию действующих принципов и обосновать новые основные идеи, которые можно будет включить в международные природоохранные акты. Аргументируется необходимость кодификации данных принципов путем принятия специального пакта

Abstract: The article examines the issues of classification of the principles of international environmental law at the present stage of its development. The approaches proposed in legal science are considered, their advantages and disadvantages are analyzed. The author's classification of the principles of international environmental law is proposed, which allows a systematic approach to the perception of existing principles and substantiate new basic ideas that can be included in international environmental acts. The need to codify these principles through the adoption of a special pact is argued

Ключевые слова: Международное экологическое право; принципы; классификация; окружающая среда; договор; конвенция; декларация; ООН; конференция; закон.

Keywords: International environmental law; principles; classification; environment; treaty; convention; declaration; UN; conference; law.

Для цитирования: Рыженков А.Я. К вопросу о классификации принципов международного экологического права: дискуссионные вопросы // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 53-56. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_53.

For citation: Ryzhenkov A.Ja. On the issue of classification of principles international environmental law: discussion issues // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 53-56. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_53.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Растущее осознание необходимости охраны экосистем планеты Земля сопровождается в последние десятилетия принятием большого числа природоохранных правовых актов на международном уровне в форме международных природоохранных конвенций, договоров и деклараций, которые включают в себя как обязательные нормы, так и принципы, определяющие направления дальнейшего международного сотрудничества. Эти принципы могут раскрывать основные характеристики международного экологического права (далее МЭП), его институтов, служить руководством при толковании правовых норм, разъяснять содержание обязательных норм, служить ориентиром для дальнейшего международного и национального нормотворчества, восполнять пробелы в позитивном праве. При этом не существует одного документа (декларации или международного договора), в котором были бы кодифицированы все принципы МЭП – они по-прежнему включены в различные международные документы. Между тем, принципы играют важную роль в интеграции различных правовых, экономических, социальных и политических интересов в различных областях международного права. Это обстоятельство требует проведения исследования, как роли и значения принципов МЭП, так и их классификации.

Принципы МЭП – это основные идеи, закреплённые как в международных договорах (конвенциях), так и декларациях, определяющие вектор развития международного экологического сотрудничества, восполняющие пробелы в МЭП и являющиеся фундаментом международного экологического правопорядка. Принципы МЭП во многих случаях опережают текущее международное сотрудничество, формулируют его цели на будущее (указывают на новых субъектов или предлагают новые сферы природоохранной деятельности). Впервые принципы МЭП были обобщены в Декларации Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (1972). Впоследствии большой вклад в формирование системы принципов МЭП внесла Всемирная хартия природы (1982) и Декларация по окружающей среде и развитию, принятая в г. Рио-де-Жанейро (1992). Далее в процесс формирования принципов МЭП внесла вклад Йоханнесбургская Декларация по устойчивому развитию (2002) и Декларация ООН по устойчивому развитию Рио+20 (2012). Сформулированные в них принципы были в разном объёме востребованы при разработке обязательных международных актов, и даже включены в текст некоторых из них.

Существует много классификаций принципов МЭП. Основной подход заключается в том, что существуют общие принципы международного права, в той или иной мере реализуемые в его отдельных отраслях (включая МЭП), а также отраслевые (специальные) принципы, характерные лишь для отдельных отраслей международного права (морского, экономического, уголовного, космического, экологического и других).¹ Классификация (и количество) специальных принципов МЭП остаются дискуссионными. Первая классификация различает универсальные и

¹ Poorhashemi A. Principles of International Environmental Law // CIFILE Journal of International Law. 2023. Vol. 4. No. 7. P. 81.

региональные принципы (например, применимые только к охране экосистем Каспийского моря).¹ В рамках второй классификации ученые-юристы предлагают собственный перечень принципов МЭП, который может значительно отличаться у представителей различных правовых научных школ. Так, первая группа авторов выделяет принципы МЭП, выражающие идею предотвращения; принципы МЭП, выражающие идею баланса и справедливости; принципы МЭП, выражающие идею сотрудничества и участия общественности; принципы МЭП, выдвигающие идею общего наследия/заботы и совместных выгод.² Другие авторы выделяют принцип предосторожности, принцип «загрязнитель платит» и принцип устойчивого развития.³

В трудах третьей группы авторов принципов МЭП несравненно больше. Так, М.А. Ермолина выделяет девять групп принципов МЭП: приоритета прав человека на благоприятную окружающую среду и устойчивое развитие; суверенитета государств на использование природных ресурсов; роли граждан и общественных движений в сфере охраны природы; ответственности за охрану окружающей среды; установления приоритетов в использовании природных ресурсов; предотвращения загрязнения окружающей среды и других вредных воздействий на природу; тесное и эффективное международное сотрудничество; право на информацию; охрану окружающей среды при вооруженных конфликтах.⁴ Другие сторонники подобного подхода к классификации предлагают несколько иной набор специальных принципов МЭП. Например, Л.Д. Прокофьева выделяет следующие принципы: принцип суверенитета государств над природными ресурсами на своей территории; принцип рационального и экологически обоснованного использования природных ресурсов; принцип воздержания от причинения экологического вреда за пределами национальной юрисдикции; принцип предупреждения негативного воздействия на окружающую среду; принцип ответственности государств за вред, причиненный окружающей природной среде вследствие их деятельности; принцип мониторинга и свободного доступа к информации в отношении природной среды; принцип предотвращения радиоактивного заражения окружающей среды; принцип запрета военного или иного враждебного воздействия на природную среду.⁵

В свою очередь, Дж. Нафцигер выделяет принцип предотвращения вреда окружающей среде; принципы добрососедства и недискриминации; общей, но дифференцированной ответственности; предосторожности; загрязнитель платит; учета интересов будущих поколений; территориальной целостности и постоянного суверенитета над природными ресурсами; общего наследия; устойчивого развития.⁶ С.А. Балашенко выделяет следующие принципы: принципы, закрепляющие право человека на благоприятную окружающую среду и устойчивое развитие; суверенитета государств на использование природных ресурсов; обязанности граждан в сфере охраны природы; ответственности за охрану окружающей среды; приоритетов использования природных ресурсов; предотвращения загрязнения окружающей среды и других вредных воздействий на природу; тесного и эффективного международного сотрудничества; права на информацию; охрану окружающей среды при вооруженных конфликтах.⁷

Наконец, четвертая группа авторов предлагает свои варианты адаптации принципов, присущих всей отрасли МЭП, для отдельных направлений международного экологического сотрудничества. Например, в контексте обращения с отходами особое значение придается пяти общим принципам: принципу постоянного суверенитета над природными ресурсами и обязанности не причинять трансграничный вред; принципу превентивных действий; принципу сотрудничества; принципам устойчивого развития и предосторожности.⁸ Аналогичным образом, общие принципы МЭП можно рассматривать применительно к сфере охраны климата (в том числе в аспекте взаимодействия климата и торговли), а также охраны и защиты от загрязнения экосистем Мирового океана.

Третья принципиальная научная классификация принципов МЭП предлагает различать (или отождествлять) принципы-идеи и принципы-нормы МЭП.⁹

Обобщая результаты этих дискуссий, следует заметить, что классификация является важным методом научного познания, который позволяет упорядочить и систематизировать имеющиеся знания о выбранном объекте исследования, подразделить рассматриваемые элементы на группы по определенным признакам (критериям), что способствует более глубокому их изучению и пониманию. С ее помощью можно прогнозировать пути развития принципов права, предсказывать появление ранее не известных видов принципов (или их групп), точнее определять их признаки. Классификация как метод научного познания позволяет строить новые научные теории, выделять сходства и различия между объектами и явлениями, получать ценные знания, выявлять закономерности и связи между правовыми принципами и причинами их появления. Между тем, многие авторы просто перечисляют те или иные принципы (с подробным обоснованием своего выбора либо без такового), что не совсем соответствует требованиям к классификации как методу научного познания.

На мой взгляд, проведение классификации должно давать новое знание, позволять выявить такие закономерности развития права, которые без ее проведения понять или обосновать было бы затруднительно. Поэтому представляется, что принципы МЭП следует систематизировать точно также, как и принципы национального права, а их группы будут выделяться по критерию способа правовой охраны (требования к от-

¹Водополова О.Н. Становление современных принципов международно-правовой защиты природной среды Каспийского моря // Новая правовая мысль. 2008. № 2. С.67.

²Nyekwere E.H., Okogbule I.C.S., Agwor D.O.N. Understanding the Principles of International Environmental Law and Their Reflections in International Environmental Treaties and Non-Binding Soft Law Instruments // Journal of Law, Policy and Globalization. 2022. Vol. 123. P. 73-95.

³Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. Vol. 10. P. 11-13.

⁴Ермолина М.А. Международное экологическое право и природоохранные режимы: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. С.46-53.

⁵Прокофьева Л.Д. Становление и развитие международного экологического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

⁶Nafziger J.A.R. Basic Functions and Principles of International Environmental Law in the Context of Managing Water Resources // Denver Journal of International Law & Policy. 2011. Vol. 39. № 3. P. 391-392.

⁷Балашенко С. Международно-правовые принципы охраны окружающей среды и права человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5. С. 41-45.

⁸Rayfuse R. Principles of international environmental law applicable to waste management. In: Waste Management and the Green Economy. Chapter 1 (Edward Elgar Publishing, 2016). P. 14.

⁹Международное экологическое право: Учебник / отв. ред. П.М. Валеев. М., 2012. С.47.

дельным видам деятельности, охрана отдельных видов природных ресурсов, охрана особо ценных территорий). К этому необходимо добавить отдельную группу принципов МЭП, которые выходят за рамки отдельных направлений охраны окружающей среды, и имеют обще планетарное значение (например, принцип учета экосистемных связей).

Входящие в эту новую классификацию принципы МЭП будут иметь как нормативно признанный, так и доктринальный характер. Только так у нас получится восполнить пробелы в существующих сейчас подходах к международной охране природы. Если согласиться с этим тезисом, классификация отраслевых (специальных) принципов МЭП будет выглядеть следующим образом.

Фундаментальные принципы. Принцип экосистемного подхода (или прав Природы) предполагает охрану не отдельных природных объектов (лесов, почв и др.), а больших или малых экосистем (в идеале всей Земли как большой экосистемы); он отчасти реализован в Рамсарской конвенции 1971 г.); взаимосвязи охраны природы, развития и защиты прав человека; охраны общего достояния человечества (Мировой океан); устойчивого развития и защиты интересов будущих поколений; смягчения и адаптации к изменениям климата; международного сотрудничества государств в области охраны окружающей среды.

Универсальные принципы (они распространяются на все сферы природоохранной деятельности). В их числе принципы предотвращения загрязнения; ответственности государств, граждан и бизнеса за сохранение окружающей среды; загрязнитель платит; принцип предосторожного подхода; принцип суверенитета государств при использовании ими природных ресурсов и другие.

Принципы осуществления отдельных видов деятельности:

- недопущения аварий и/или иного трансграничного воздействия от производственной (промышленной) деятельности на окружающую среду (реализован в Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий);

- снижения риска негативных последствий для окружающей среды и здоровья человека в сфере обращения с отходами производства и потребления (в идеале – путем перехода всех стран на стандарты циркулярной экономики; частично данный принцип уже реализован в Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г.);

- недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды (данный принцип реализован, например, в Конвенции о ядерной безопасности 1994 г.);

- соблюдения экологических требований при ведении сельскохозяйственного производства (данный принцип был частично реализован в Международном договоре о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства от 3 ноября 2001 года);

- запрета военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (данный принцип полностью реализован в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 года);

- обеспечения охраны окружающей среды при перевозках грузов морским или иным транспортом (этот принцип отчасти уже реализован в Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года).

Принципы охраны отдельных компонентов природной среды:

- рационального использования и охраны земель и почв (частично реализован в Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке);

- рационального использования и охраны водных объектов (данный принцип частично реализован в Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года);

- рационального использования и охраны лесов (он подробно раскрывается в Принципах лесоводства, принятых на международной Конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро в 1992 г.);

- рационального использования и охраны недр (данный принцип частично реализован в Конвенции о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 г.);

- рационального использования и охраны биоразнообразия (реализован в Конвенции о биологическом разнообразии, Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения)

- охраны атмосферного воздуха (реализован, например, в Венской конвенции об охране озонового слоя от 22 марта 1985 г. и ряде иных договоров).

Принципы охраны уникальных и ценных природных комплексов. Проявляют себя пока только в Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972). В остальной части это направление международного сотрудничества представлено двусторонними договорами и конвенциями регионального уровня (например, Альпийской конвенцией 1991 г.).

За рамками самой классификации следует выделить блок гарантий реализации принципов и норм МЭП. Под ними понимаются условия реализации предписаний МЭП, а также средства правовой защиты в случае их нарушения. К числу условий реализации следует отнести проведение оценки воздействия на окружающую среду, обеспечение участия общественности в охране природы, свободный доступ к экологической информации, проведение мер по экологическому воспитанию, просвещению, образованию, стимулированию научных экологических исследований. В свою очередь, средством защиты природы может быть расширение юрисдикции Международного суда ООН (создание иного органа правосудия). Использование этого (или иного подобного) системного подхода к восприятию принципов МЭП не самих по себе, а встроенных в определенную систему координат, позволит лучше воспринимать их перечень, понимать пробелы и коллизии, и предлагать меры по исправлению ситуации.

Наряду с общепризнанными принципами МЭП, в настоящий момент идет формирование ряда новых принципов, которые пока не приняты законченного характера. В их числе – принцип обеспечения международной экологической безопасности, принцип перехода к «зеленой» экономике, принцип перехода к нулевому уровню отходов (принцип циркулярной экономики), принцип недопущения экоцида и противодействия экологическому терроризму, цифровизации процессов охраны окружающей среды, принцип биоэтической ответственности, сокращения отходов космической деятельности, принцип межвидового равенства (как частный случай признания прав Природы) и ряд других.

Поскольку в настоящий момент принципы МЭП не кодифицированы и включены в десятки договоров, конвенций и деклараций, возникает необходимость принятия единого документа, который бы систематизировал и уточнил их содержание. Проект такого документа существует, и называется Международным пактом по окружающей среде и развитию (аналог Пактов о правах человека 1966 г.). Данный документ был разработан в 1995 г. (потом несколько раз перерабатывался), и изначально состоял из 72 статей. Необходимость его принятия заключается в том, что наличие согласованного набора принципов определит стандарты и будет способствовать международному сотрудничеству.

Таким образом, в настоящий момент принципы МЭП содержатся в десятках различных международно-правовых актов и не кодифицированы. Отсутствует и их общепризнанная классификация. Проведение последней необходимо потому, что это позволяет привести в систему различные принципы МЭП, принятые в разные годы (включенные в декларации, конвенции и договоры), и посвященные различным направлениям правовой охраны природы. В результате мы сможем увидеть все существующие принципы МЭП, понять, какие у них есть недостатки, какие принципы стоит разработать в будущем; выявим взаимосвязь принципов, что улучшит правоприменение (а еще облегчит задачу гражданам и общественным экологическим объединениям ориентироваться в действующих международно-правовых актах); поспособствует унификации терминологии; будет стимулировать научные исследования и образовательный процесс в вузах. Вклад классификации принципов МЭП в теорию права заключается в том, что она способствует более глубокому пониманию природы и функций правовых норм, является важным методологическим инструментом процесса познания права, позволяя прогнозировать тенденции развития международного права, выявляя направления, требующие дополнительного регулирования и внимания. В настоящий момент существующие классификации принципов МЭП представляют собой их простой перечень (с уточнением содержания отдельных принципов или без такового), что является весьма познавательным, но не позволяет полностью раскрыть потенциал классификации как метода научного исследования. Предлагаемая классификация принципов МЭП является творческим продолжением классификации принципов экологического права, существующей в российской правовой системе.

Предлагаемая система принципов МЭП отражает как существующее международно-правовое регулирование в сфере охраны природы, так и содержит план на будущее (развитие экосистемного подхода), что позволит задать определенный вектор международному нормотворчеству на ближайшие десятилетия. Отдельно выделяются формирующиеся принципы МЭП, по которым еще идут дискуссии, и признание которых в качестве принципов МЭП не предопределено (принципы цифровизации, циркулярной экономики и др.). И хотя принципов права как основополагающих идей не должно быть много, учитывая глобальный характер экологических угроз и рост международного нормотворчества последних десятилетий, расширение их перечня все же будет иметь прогрессивный характер. Необходима их кодификация в специальном Международном пакте, который обсуждается с 1995 г., но в силу объективных противоречий между странами с различным уровнем экономики он пока не принят.

Список литературы:

1. Балащенко С. Международно-правовые принципы охраны окружающей среды и права человека // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5. С. 41-45.
2. Водополова О.Н. Становление современных принципов международно-правовой защиты природной среды Каспийского моря // Новая правовая мысль. 2008. № 2. С. 65-68.
3. Ермолина М.А. Международное экологическое право и природоохранные режимы: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 149 с.
4. Международное экологическое право: Учебник / отв. ред. Р.М. Валеев. М.: Статут, 2012. 639 с.
5. Прокофьева Л.Д. Становление и развитие международного экологического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.
6. Nafziger J.A.R. Basic Functions and Principles of International Environmental Law in the Context of Managing Water Resources // Denver Journal of International Law & Policy. 2011. Vol. 39. № 3. P. 381-395.
7. Nyekwere E.H., Okogbule I.C.S., Agwor D.O.N. Understanding the Principles of International Environmental Law and Their Reflections in International Environmental Treaties and Non-Binding Soft Law Instruments // Journal of Law, Policy and Globalization. 2022. Vol. 123. P. 73-95.
8. Poorhashemi A. Principles of International Environmental Law // CIFILE Journal of International Law. 2023. Vol. 4. No. 7. P. 80-106.
9. Rayfuse R. Principles of international environmental law applicable to waste management. In: Waste Management and the Green Economy. Chapter 1 (Edward Elgar Publishing, 2016). P. 11-32.
10. Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. Vol. 10. P. 1-14.

References:

1. Balashenko S. International legal principles of environmental protection and human rights // Belarusian Journal of International Law and International Relations. 1998. No. 5. P. 41-45.
2. Vodopolova O.N. Formation of modern principles of international legal protection of the natural environment of the Caspian Sea // New Legal thought. 2008. No. 2. P. 65-68.
3. Ermolina M.A. International environmental law and environmental regimes: a textbook for universities. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 149 p.
4. International environmental law: Textbook / ed. by R.M. Valeev. M.: Statute, 2012. 639 p.
5. Prokofieva L.D. The formation and development of international environmental law: abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. M., 2009. 22 p.
6. Nafziger J.A.R. Basic Functions and Principles of International Environmental Law in the Context of Managing Water Resources // Denver Journal of International Law & Policy. 2011. Vol. 39. № 3. P. 381-395.
7. Nyekwere E.H., Okogbule I.C.S., Agwor D.O.N. Understanding the Principles of International Environmental Law and Their Reflections in International Environmental Treaties and Non-Binding Soft Law Instruments // Journal of Law, Policy and Globalization. 2022. Vol. 123. P. 73-95.
8. Poorhashemi A. Principles of International Environmental Law // CIFILE Journal of International Law. 2023. Vol. 4. No. 7. P. 80-106.
9. Rayfuse R. Principles of international environmental law applicable to waste management. In: Waste Management and the Green Economy. Chapter 1 (Edward Elgar Publishing, 2016). P. 11-32.
10. Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. Vol. 10. P. 1-14.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСЛУГ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА
И ЕГО УЧЕТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
(ОПЫТ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ)**
**Legal regulation of digital society services and its consideration in the activities
of law enforcement agencies (experience of the CIS member states)**

РЕДКОУС Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: rwmмос@rambler.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.

10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.

E-mail: Rwmмос@rambler.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа положений Закона Республики Молдова от 22 июля 2004 г. № 284-XV «Об услугах информационного общества» показаны возможности учета правового регулирования услуг цифрового общества в деятельности правоохранительных органов.

Abstract: The article, based on an analysis of the provisions of the Law of the Republic of Moldova of July 22, 2004 No. 284-XV "On Information Society Services", shows the possibilities of taking into account the legal regulation of digital society services in the activities of law enforcement agencies.

Ключевые слова: органы публичного управления; правоохранительные органы; органы внутренних дел; услуги информационного общества; поставщики услуг; посредники; правовой режим электронных сообщений; мониторинг и контроль услуг информационного общества; национальная безопасность; сравнительное правоведение.

Keywords: public administration bodies; law enforcement agencies; internal affairs agencies; information society services; service providers; intermediaries; legal regime of electronic communications; monitoring and control of information society services; national security; comparative law.

Для цитирования: Редкоус В.М. Правовое регулирование услуг цифрового общества и его учет в деятельности правоохранительных органов (опыт государств – участников СНГ) // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 57-60. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_57.

For citation: Redkous V.M. Legal regulation of digital society services and its consideration in the activities of law enforcement agencies (experience of the CIS member states) // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 57-60. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_57.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

В настоящее время одним из приоритетных направлений научных исследований вопросов обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка¹ является повышение эффективности деятельности органов внутренних дел, являющихся ведущими в системе органов исполнительной власти органами, наделенными компетенцией в рассматриваемой области². Этот вопрос является актуальным и для области услуг информационного общества, которые активно развиваются и в России, и за рубежом, в том числе и государствах – участниках СНГ³.

Рассмотрим опыт Республики Молдова (далее - РМ), где был принят Закон РМ от 22 июля 2004 г. № 284-XV «Об услугах информационного общества»⁴.

В деятельности правоохранительных органов сотрудникам необходимо четко учитывать пределы действия закона. Поэтому следует учитывать, что рассматриваемый Закон РМ применяется к поставщикам услуг, зарегистрированным и/или учрежденным в РМ, поставщикам услуг, деятельность которых направлена на РМ, а также к предоставляемым ими услугам.

Так, деятельность поставщика услуг, представленная на его веб-странице или веб-странице посредника, считается направленной на РМ, если еще до предполагаемого заключения договора с потребителем, проживающим на территории РМ, соответствующие веб-страницы и глобальная деятельность поставщика достаточно ясно свидетельствуют о его намерении вступить в индивидуальном порядке в торговые отношения с потребителями, проживающими в РМ или на территории нескольких стран, включая РМ.

Сочетание по меньшей мере двух из следующих элементов, перечень которых не является исчерпывающим, может являться признаком того, что деятельность поставщика услуг направлена на страну проживания потребителя: международный характер деятельности; указание

¹ Кирюхин, В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса / В. В. Кирюхин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии : IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94.

² Виноградова, Е. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса (Лаза-ревские чтения – 2022)» / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.

³ Кирюхин, В. В. Цифровая полиция для цифрового общества / В. В. Кирюхин // Цифровая трансформация системы МВД России : Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / под ред. И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 357-363; Трансформация информационного права / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2023. – 256 с.

⁴ Официальный монитор Республики Молдова, №138-146, 13 августа 2004 года, Ст.741.

нескольких маршрутов с отправной точкой из других стран до местонахождения поставщика услуг; использование языка или валюты, обычно применяемых в стране местонахождения потребителя, при условии, что они отличаются от языка или валюты, обычно используемых в стране местонахождения поставщика услуг, и возможность забронировать или подтвердить бронь именно на этом языке; оплата соответствующих услуг службы интернет-ссылок с целью облегчения доступа лиц, находящихся в стране проживания потребителя, к веб-странице или к услугам поставщика услуг или посредника; использование имени домена высшего уровня, отличного от названия страны местонахождения поставщика услуг.

Признаками, являющимися недостаточными для определения, что деятельность поставщика услуг направлена на страну проживания потребителя, являются: доступность веб-страницы и/или услуг поставщика либо его посредника в стране, на территории которой проживает получатель; указание адреса электронной почты и другой контактной информации; указание языка или валюты, которые обычно используются в стране место нахождения поставщика услуг.

Достоинством Закона РМ является раскрытие в нем основных используемых понятий: «электронное сообщение», «коммерческое сообщение», «потребитель», «получатель услуг», «поставщик услуг, учрежденный в определенной стране», «электронная почта», «услуга информационного общества», «услуга, предоставленная с помощью электронных средств», и ряда других.

Выделим базовое понятие – «услуга информационного общества», под которой понимается любая услуга с целью получения вознаграждения, предоставляемая на расстоянии при помощи электронных средств и по индивидуальному запросу получателя услуги, включая продажу товаров в режиме онлайн. Услуги информационного общества не ограничиваются исключительно услугами, в результате которых заключаются онлайн-договоры, но в той мере, в какой они представляют собой экономическую деятельность, включают и услуги, предоставление которых не оплачивается получателем услуг, например, рассылка информации в режиме онлайн или коммерческих сообщений либо услуги, предоставляющие инструменты поиска, доступа и восстановления данных. Услугами информационного общества являются и услуги, состоящие в передаче информации посредством сети электронных коммуникаций, в обеспечении доступа к сети электронных коммуникаций или размещении информации, предоставляемой получателем услуги. Услуги, которые передаются в режиме "точка–точка", такие как предоставление видео услуг по запросу или рассылка коммерческих сообщений по электронной почте, также являются услугами информационного общества.

В понимании настоящего закона не являются услугами информационного общества следующие виды деятельности: услуги, оказанные в присутствии поставщика и получателя, даже если при этом предполагается использование электронного оборудования; услуги, имеющие материальное выражение, даже если они оказываются посредством электронных средств; услуги, предоставленные без использования сети Интернет (офлайн-услуги), такие как распространение программ на устройствах для хранения данных; услуги, которые не предоставляются посредством систем электронной обработки и хранения данных, а именно - услуги голосовой телефонии, факс/телекс; услуги, предоставленные посредством голосовой телефонии или факса; прямые продажи по телефону/факсу; услуги, оказанные путем передачи данных без индивидуального запроса с целью их одновременного получения неограниченным количеством индивидуальных получателей (передача в режиме "точка–многоточка"), такие как - услуги трансляции или ретрансляции аудиовизуальных программных комплексов, телетекст.

В соответствии с ч. (5) ст. 5 Закона РМ предоставление услуг информационного общества поставщиком услуг, учрежденным в другой стране, не может быть ограничено на территории РМ при условии соблюдения им положений национального законодательства.

Однако в отступление от положений ч. (5) ст. 5 Закона РМ уполномоченные органы публичной власти могут принимать меры, необходимые для поддержания общественного порядка, предотвращения, расследования и раскрытия преступлений, осуществления уголовного преследования, защиты несовершеннолетних, для борьбы с призывами в любой форме к розни по признаку расы, пола, религии или национальности, с унижением человеческого достоинства, для защиты здоровья населения, национальной обороны и безопасности, для защиты потребителей и инвесторов. Перечисленные меры применяются в соответствии с положениями, установленными действующими законодательными и иными нормативными актами, против любых услуг информационного общества, которые угрожают или представляют серьезный риск нанесения вреда достижению вышеперечисленных целей, а также должны быть соразмерны этим целям.

Субъектами отношений по предоставлению услуг информационного общества могут быть физические и юридические лица, в том числе иностранные, независимо от вида собственности и организационно-правовой формы (за исключением лиц, осуществляющих деятельность на основе предпринимательского патента), а также государство как субъект права, которые участвуют в отношениях по предоставлению услуг информационного общества в качестве: поставщиков услуг; получателей услуг; посредников в отношениях по предоставлению услуг информационного общества.

Получатели услуг несут в соответствии с законом ответственность за содержание информации, по их запросу переданной и хранящейся посредством сетей электронных коммуникаций поставщиками услуг.

Поставщик услуг обязан предоставлять получателям услуг и государственным контрольным органам свободный, прямой и постоянный доступ к достоверной информации о себе в электронной форме на румынском языке. По собственной инициативе данная информация может быть предоставлена дополнительно и на любом другом широко используемом языке.

В целях обеспечения обмена электронными документами и электронными сообщениями поставщики и получатели услуг могут на договорной основе пользоваться услугами посредника в отношениях по предоставлению услуг информационного общества, связанных с организацией и управлением соответствующими информационными системами и сетями электронных коммуникаций.

Нарушение поставщиками услуг положений настоящего закона влечет, по обстоятельствам, гражданскую, уголовную или правонарушительную ответственность согласно закону. Поставщики услуг несут ответственность за предоставленную по собственной инициативе или от

своего имени информацию.

В случае если услуга информационного общества состоит в хранении информации, предоставленной получателем услуги, поставщик услуг не несет ответственности за хранимую информацию по запросу соответствующего получателя услуги (формы хранения, именуемые hosting) при условии, что поставщик услуг не располагает сведениями о том, что деятельность или хранящаяся информация незаконна, и в отношении исков о возмещении ущерба не осведомлен о фактах или обстоятельствах, свидетельствующих о незаконном характере соответствующей деятельности или информации.

Поставщик услуг обязан незамедлительно принять меры по удалению информации или блокированию доступа к ней с момента обнаружения незаконного характера деятельности или хранящейся информации.

Считается, что поставщик услуг осведомлен о незаконном характере деятельности или хранящейся информации либо о фактах или обстоятельствах, свидетельствующих о явной незаконности соответствующей деятельности или информации, в случае, если поставщик:

а) получает в письменной форме изданное в соответствии с положениями законодательства распоряжение судебной инстанции или уполномоченного органа публичной власти, в котором констатируется незаконный характер деятельности или специфической информации, хранящейся на серверах поставщика услуг или на подконтрольных ему серверах, с требованием удалить соответствующую веб-страницу или заблокировать доступ к ней;

б) получает письменное уведомление (в оригинале) от заинтересованного лица, в котором последнее сообщает под свою ответственность, что определенная деятельность или специфическая информация, хранящаяся на серверах поставщика или на подконтрольных ему серверах, является незаконной, с требованием удалить соответствующую веб-страницу или заблокировать доступ к ней.

Уведомление, указанное в пункте б) части (3) ст. 17 Закона РМ, считается действительным, если содержит следующие сведения: а) дату уведомления; б) фамилию, имя, место проживания, гражданство, дату и место рождения, место работы в случае, если уведомляющая сторона является физическим лицом; название, организационно-правовую форму, юридический адрес, фамилию и имя администратора (руководителя), если уведомляющая сторона является юридическим лицом; в) фамилию, имя и место проживания получателя уведомления или – в случае юридического лица – название и юридический адрес; г) описание оспариваемых фактов и точное местонахождение; д) причины, по которым данная информация должна быть удалена или заблокирована, включая ее указание и доказательства, свидетельствующие о предполагаемых фактах; е) копию письма, адресованного автору или издателю оспариваемой информации или деятельности, с требованием удалить или заблокировать информацию либо доказательства невозможности установления контактов с автором.

После получения уведомления, указанного в пункте б) части (3) ст. 17 Закона РМ, поставщик услуг без необоснованного промедления отправляет уведомление получателю услуг, которому оказывает услуги по хранению соответствующей веб-страницы. Получатель услуг без необоснованного промедления сообщает в письменной форме поставщику услуг о своем согласии или несогласии с поступившим требованием. В случае получения поставщиком услуг несогласия получателя соответствующей услуги в течение 10 рабочих дней со дня отправки уведомления, указанного в пункте б) части (3) ст. 17 Закона РМ, он освобождается от обязанности удалить соответствующую веб-страницу или заблокировать доступ к ней. По требованию заинтересованного лица судебная инстанция вправе обязать поставщика удалить соответствующую веб-страницу или заблокировать доступ к ней. В случае получения поставщиком услуг письменного согласия получателя соответствующей услуги или отсутствия ответа в течение 10 рабочих дней со дня отправки уведомления, указанного в пункте б) части (3) ст. 17 Закона РМ, поставщик услуг обязан незамедлительно удалить соответствующую веб-страницу или заблокировать доступ к ней.

Положения части (1) ст. 17 Закона РМ не применяются в случае, если получатель услуги действует под руководством или под контролем поставщика услуг.

Органы внутренних дел РМ и органы национальной безопасности РМ наделены полномочиями по мониторингу и контролю услуг информационного общества.

Важно учитывать закрепленные в Законе РМ обязанности поставщиков услуг (ст. 25). Так, поставщики, оказывающие услуги доступа в Интернет или постоянного хранения информации, обязаны предоставлять в распоряжение общественности доступные и видимые инструменты (средства), позволяющие любому лицу доводить до сведения соответствующих поставщиков услуг информацию об осуществляемых видах деятельности, составляющих предусмотренные статьями 140, 175-1, 208-1, 279-2 и 346 Уголовного кодекса РМ преступления, совершенные получателями услуг посредством этих услуг. Поставщики услуг после получения подобной информации обязаны незамедлительно информировать уполномоченные органы публичной власти о незаконной деятельности, осуществляемой получателями услуг посредством этих услуг.

Поставщики услуг обязаны оперативно сообщать уполномоченным органам публичной власти по их запросу информацию, позволяющую идентифицировать получателей услуг, с которыми поставщики услуг заключили договоры о постоянном хранении информации. Информация может запрашиваться уполномоченными органами публичной власти в соответствии с их компетенциями только в случае, если у них есть доказательства, позволяющие сделать вывод, что услуги, предоставленные поставщиком, используются получателем услуг для осуществления незаконной деятельности, включая передачу незаконной информации.

Уполномоченным органом публичной власти, которому поставщики услуг обязаны сообщать информацию, предусмотренную частью (1) ст. 25 Закона РМ, является Министерство внутренних дел РМ, а уполномоченными органами публичной власти, которым поставщики услуг обязаны сообщать информацию, предусмотренную частью (2) ст. 25 Закона РМ, являются Министерство внутренних дел, Служба информации и безопасности и Генеральная прокуратура.

В случае если получатель услуг отправляет с помощью электронных средств коммуникации оферту на заключение договора или информацию в отношении акцепта оферты поставщика услуг на заключение договора, поставщик услуг обязан подтвердить получение оферты или по обстоятельствам информации в отношении акцепта оферты одним из следующих способов: 1) незамедлительная отправка доказательства получения по электронной почте или с помощью другого эквивалентного индивидуального средства связи по адресу, указанному получателем; 2) подтверждение получения оферты или подтверждение акцепта оферты с помощью средства, эквивалентного использованному для отправки оферты или информации в отношении акцепта оферты, как только оферта или акцепт оферты были получены поставщиком услуг, при условии, что такое подтверждение получатель услуг сможет сохранить и воспроизвести.

Таким образом, правоохранительные органы РФ являются публичными органами, наделенными компетенцией в области услуг информационного общества. Прежде всего, эти органы реализуют информационные, административные и охранительные полномочия юрисдикционного характера. Сложность решаемых задач в области услуг информационного общества предполагает координацию их деятельности и взаимодействие с иными уполномоченными органами, что также требует тщательного правового регулирования.

По мнению автора, необходимо расширять сравнительно-правовые исследования в рассматриваемой области с целью расширения перечня правовых средств, которые можно использовать для реализации органами внутренних дел своих полномочий в сфере услуг информационного общества¹.

Список литературы:

1. Кирюхин, В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса / В. В. Кирюхин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии : IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94
2. Виноградова, Е. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022»)» / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.
3. Трансформация информационного права / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2023. – 256 с
4. Кирюхин, В. В. Цифровая полиция для цифрового общества / В. В. Кирюхин // Цифровая трансформация системы МВД России : Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / под ред. И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 357-363.
5. Редкоус, В.М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2(70). – С. 107-116.

References:

1. Kiryukhin, V. V. Citizen Participation in the Protection of Public Order: in Search of a Reasonable Balance / V. V. Kiryukhin // Law and Order in the Third Millennium: IX Baltic Legal Forum. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kaliningrad, December 12, 2020. - Kaliningrad: Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - P. 93-94
2. Vinogradova, E.V. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings - 2022") / E. V. Vinogradova, M. N. Kobzar-Frolova // Administrative law and process. - 2022. - No. 5. - P. 79-88
3. Transformation of information law / T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev, V. B. Naumov [et al.]. – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 256 p.
4. Kiryukhin, V. V. Digital police for a digital society / V. V. Kiryukhin // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Collection of scientific articles based on the materials of the International Forum. In 2 parts, Moscow, October 20, 2022 / edited by I. G. Chistoborodov. Volume Part 1. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - P. 357-363.
5. Redkous, V.M. Using foreign experience for the purpose of preparing strategic planning documents in the field of public security in the CIS member states / V.M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 2 (70). - P. 107-116.

¹ Редкоус, В.М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2(70). – С. 107-116.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ АКЦИОНЕРОВ LEGAL ASPECTS OF PROTECTING SHAREHOLDERS' INFORMATION RIGHTS

БАШИРИНА Евгения Николаевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий. 450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: evgeniya-gk2009@mail.ru;

КАЗАМИРОВ Анатолий Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. 450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40.
E-mail: kazamirov71@mail.ru;

ФИРСОВА Наталья Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия. 450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: nataliviktoria@mail.ru;

BASHIRINA Evgeniya Nikolaevna,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology. 450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.
E-mail: evgeniya-gk2009@mail.ru;

KAZAMIROV Anatoly Ivanovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan. 450008, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 40.
E-mail: kazamirov71@mail.ru;

FIRSOVA Natalia Viktorovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. Ufa, Russia. 32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076.
E-mail: nataliviktoria@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается правовой аспект защиты информационных прав акционеров, приводятся нормы ФЗ «Об акционерных обществах», которые претерпели изменения, в части получения информации о деятельности корпорации и знакомства с ее бухгалтерской и иной документацией. Указывается, что законодатель существенно ограничил объем информационных прав участника общества, по сравнению с предыдущей редакцией Закона об акционерных обществах. Приводится анализ материалов судебной практики, по данному вопросу.

Abstract. The article discusses the legal aspect of protecting the information rights of shareholders, provides the norms of the Federal Law "On Joint Stock Companies", which have undergone changes, in terms of obtaining information about the activities of the corporation and familiarization with its accounting and other documentation. It is indicated that the legislator has significantly limited the scope of information rights of a company participant, compared to the previous edition of the Law on Joint Stock Companies. An analysis of judicial practice materials on this issue is provided

Ключевые слова: законодательство, корпоративные права, акционерное общество, акционеры, информационные права, защита прав, ответственность.

Keywords: legislation, corporate rights, joint-stock company, shareholders, information rights, protection of rights, responsibility.

Для цитирования: Баширина Е.Н., Казамиров А.И., Фирсова Н.В. Правовые аспекты защиты информационных прав акционеров // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 61-63. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_61.

For citation: Bashirina E.N., Kazamirov A.I., Firsova N.V. Legal aspects of protecting shareholders' information rights // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 61-63. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_61.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Последние значительные изменения в корпоративное законодательство внесены Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и главным образом касались прав акционеров на доступ к информации[1]. До внесения изменений акционеры владеющие более двадцати пяти процентов акций в акционерном обществе имели доступ к значительному объему корпоративной информации, в том числе на доступ к информации о финансово- хозяйственной деятельности общества за период, предшествующий их владению акциями.

В настоящее время объем информационных прав акционера значительно уменьшен. Так, согласно ч. 1 ст. 65.2 ГК РФ[2], участники корпорации вправе получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией. По смыслу ст. 91 Закона об акционерных обществах в зависимости от количества голосующих акций общество обязано обеспечить акционерам доступ к корпоративной информации, информации о финансово-хозяйственной деятельности[3].

При этом, согласно п. 6 ч. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах общество вправе отказать акционеру в доступе к корпоративной информации о финансово-хозяйственной деятельности, если документ относится к периодам, не относящимся к периоду владения акционером акциями общества, за исключением информации о сделках, исполнение по которым осуществляется в период владения акционером акциями общества. Указанное относится не только к новым участникам общества, но и к участникам, зарегистрированным в реестре акционеров с момента создания общества (п. 3 ч. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)[4, С. 170]. Следует также обратить внимание, что подтверждением ста-

туса участника и периода владениями акциями в настоящее время является выписка из реестра акционеров и справочная информация по лицевому счету акционера в акционерном обществе. При этом выписка из Единого государственного реестра юридических лиц не содержит информации об акционерах корпоративной организации, поскольку список акционеров ведется соответствующим реестродержателем.

Полагаем, что указанный пункт направлен исключительно на защиту акционерного общества от злоупотреблений своими правами со стороны участника общества, поскольку последний, до внесения изменений мог затребовать пакет документов, объем которого может существенно затруднить нормальную деятельность общества.

В некоторых случаях объемы запрашиваемой информации могут превышать сто тысяч листов, что является затруднительным и с точки зрения предоставления, и с точки зрения затрат на их изготовления. Для защиты в практике используются внутренние правила корпоративной организации, отраженные в уставе юридического лица о необходимости предварительной оплаты расходов на изготовления запрашиваемых документов, однако, по общему правилу общество не вправе отказывать акционеру на доступ к информации без предварительной оплаты (п. 10 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 144 от 18 января 2011 г. «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ», далее - Информационное письмо № 144)[5].

Вместе с тем, п. 5 Информационного письма № 144 предусмотрено, что с момента приобретения статуса участника хозяйственного общества лицо может требовать предоставления документов общества, независимо от даты составления этих документов. Указанное Информационное письмо № 144 применяется и в действующей редакции Закона об акционерных обществах.

Из изложенного следует, что п. 5 Информационного письма № 144 противоречит действующему Закону об акционерных обществах, не допускающий получение акционером информации о финансово-хозяйственной деятельности корпоративной организации, раннее возникновения статуса акционера[6].

Анализируя объем информационных прав акционера, владеющего более чем двадцати пяти процентов голосующих акций, следует отметить, что законодатель существенно ограничил объем информационных прав участника общества, по сравнению с предыдущей редакцией Закона об акционерных обществах. Указанное ограничение несмотря на очевидную защиту прав корпорации, существенно ущемляет права участников общества, поскольку влечет к злоупотреблениям со стороны контролирующих лиц. Кроме этого, возникает риск вовсе не узнать о нарушенном праве, или узнать за истечением срока на его защиту.

В настоящее время для защиты прав акционерного общества законом предусмотрено достаточное количество прав, в частности, акционерное общество вправе отказать в предоставлении информации в связи с неоднократным запросом ранее полученных документов, или, например, в связи с наличием у акционера фактической конкуренции либо аффилированности с конкурирующим обществом, отсутствием правомерного интереса в запрашиваемой информации, установлением обязанности по предварительной оплате расходов на изготовление и так далее. На практике применяются и недобросовестные попытки ограничить акционера в доступе к корпоративной информации. Так, например, из анализа общедоступных источников информационной сети «Интернет» открытое акционерное общества «УЖХ Орджоникидзевского района городского округа город Уфа Республики Башкортостан» на своем официальном сайте устанавливает стоимость изготовления одной копии документов как сорок девять рублей семнадцать копеек, включая в затраты налог на добавленную стоимость и расходы на заработную плату оператора[7].

Указанное нарушает информационные права акционеров такого акционерного общества, поскольку рыночная стоимость распечатки документов не превышает и пяти рублей за один лист.

Также возникают ситуации, при которых акционерное общество предпринимает попытки запросить деловую цель у акционера, владеющего более чем двадцати пяти процентов голосующих акций общества. Однако такая попытка не всегда заканчивается успешно без доказательств недобросовестности акционера. Так, например, согласно правовой позиции Пятого арбитражного апелляционного суда, указанной в постановлении от 20 апреля 2018 г. по делу № А51-22982/2017[8], в требовании акционера (акционеров), владеющего менее чем двадцатью пятью процентами голосующих акций общества, о предоставлении документов и информации, предусмотренных пунктами 2 и 3 настоящей статьи, должна быть указана деловая цель, с которой запрашиваются документы. Однако как установлено выше, истцы в совокупности владеют более двадцати пяти процентов голосующих акций, в связи с чем указание деловой цели не требуется.

Полагаем, что указанные механизмы достаточны для защиты прав акционерного общества.

Обращаясь к механизмам защиты прав акционеров, следует отметить положения статей 15.19, 15.23.1, 25.23 КоАП РФ[9], устанавливающие административную ответственность для общества в виде штрафной санкции (до семи ста тысяч рублей) и санкций для исполнительного органа общества (вплоть до дисквалификации), стимулирующие общество к исполнению обязательств. Обращение в административные органы должно быть исключительным, поскольку для целей понуждения к соблюдению Закона об акционерных обществах в корпоративную деятельность используется административный ресурс в виде Центрального Банка России, что не должно быть ординарной ситуацией с точки зрения корпоративного и частного права в целом.

Кроме того, акционер не лишён права истребовать запрашиваемые документы через суд, а для целей стимулирования общества к своевременному исполнению решения суда установить судебную неустойку - астрент (п. 28 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушения обязательств»)[10].

Таким образом, механизмы защиты прав акционеров и акционерного общества на доступ к информации должны быть соблюдены с учетом баланса интересов. В настоящее время в результате реформирования корпоративного законодательства, слабой стороной в корпоратив-

ных отношения в контексте доступа к информации является участник общества.

К сожалению, возникают ситуации, при которых акционерные общество, пользуясь указанными правами, отказывают в предоставлении запрашиваемой информации, при этом единственной целью такого отказа служит не желание общества (контролирующих лиц, мажоритарных акционеров) раскрывать механизмы вывода активов общества, доводящие корпоративную организацию до несостоятельности (банкротства).

Вместе с этим, со стороны участника общества также может возникнуть ситуация, при которой акционер для личных корыстных целей пользуется своими информационными правами, «выматывая общество бумажной работой», тем самым нанося вред хозяйственной деятельности. Однако указанное вполне пресекается механизмами защиты прав общества (отказ в предоставлении документов в отсутствии правомерного интереса, злоупотреблении правом).

В контексте указанного, ограничение законодателем предоставления информации по периоду владения акциями является излишним, поскольку добросовестное общество в лице контролирующих лиц не должно скрывать совершенные ими сделки, а само такое право для целей «due diligence» никоим образом не вредит обществу, а, наоборот, способствует нормальному анализу финансово-хозяйственной деятельности со стороны его нового участника, то есть дополнительному контролю деятельности общества, единоличного исполнительного органа, иных контролирующих лиц со стороны участников самого общества [11, С. 81-82].

С учётом вышеуказанного, полагаем, что действующее законодательство Российской Федерации в настоящее время существенно ограничило возможность акционеров проводить комплексную проверку финансово- хозяйственной деятельности акционерного общества, в связи с чем механизмы защиты прав акционеров и акционерного общества не обеспечивают баланс интересов участников корпоративных правоотношений.

Обозначенную проблему предлагаем решить посредством внесения изменений в Закон об акционерных обществах, и, при этом, для целей соблюдения баланса интересов участника и корпорации - ограничить доступ акционеров к информации общества не по временному периоду, а по цели и мотивам запрашиваемой информации.

В таком случае у всех участников корпоративных правоотношений с учетом имеющихся механизмов защиты будет возможность как получить предусмотренные законом документы в установленном порядке, так и отказать в её предоставлении с отсылкой на злоупотребление правом.

При этом при обоснованных косвенных доказательствах злоупотребления правом, бремя доказывания отсутствия противоправного умысла возлагать на акционера. Полагаем, что добросовестному участнику не составит труда доказать свою добросовестность.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
4. Баширина Е. Н. Современная классификация источников гражданского права / Е. Н. Баширина, Н. В. Фирсова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 9-1(72). – С. 170-173.
5. Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» [Электронный ресурс]. URL: http://supcourt.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2021 (дата обращения: 05.06.2024).
6. Требование акционера о предоставлении информации. Как правильно подготовить запрос // <https://www.glavbukh.ru/hl/11969-predostavlenie-dokumentov-aktsioneru/> (дата обращения: 05.06.2024).
7. Официальный интернет-сайт ОАО «УЖХ Орджоникидзевского района городского округа город Уфа Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: <https://ujh.ordj.ru/docs/138/> (дата обращения: 05.02.2024).
8. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20 апреля 2018 г. по делу № А51-22982/2017 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушения обязательств» // Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/> (дата обращения: 05.06.2024).
11. Баширина Е.Н. Восстановление правового положения владельца бездокументарных ценных бумаг как один из способов защиты прав / Е. Н. Баширина, Н.В. Фирсова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1, № 2(104). – С. 81-93.

References:

1. Federal Law of July 29, 2017 No. 233-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Joint Stock Companies" and Article 50 of the Federal Law "On Limited Liability Companies" // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (access date: 06/05/2024).
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (access date: 06/05/2024).
3. Federal Law of December 26, 1995 No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies" // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (access date: 06/05/2024).
4. Bashirina E. N. Modern classification of sources of civil law / E. N. Bashirina, N. V. Firsova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – No. 9-1(72). – pp. 170-173.
5. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 18, 2011 No. 144 "On some issues of the practice of consideration by arbitration courts of disputes regarding the provision of information to participants in business companies" [Electronic resource]. URL: http://supcourt.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2021 (access date: 06/05/2024).
6. Shareholder's request for information. How to properly prepare a request // <https://www.glavbukh.ru/hl/11969-predostavlenie-dokumentov-aktsioneru/> (date of access: 06/05/2024).
7. Official website of OJSC "UZHKh Ordzhonikidze district of the urban district of the city of Ufa of the Republic of Bashkortostan" [Electronic resource]. URL: <https://ujh.ordj.ru/docs/138/> (access date: 02/05/2024).
8. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated April 20, 2018 in case No. A51-22982/2017 // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (access date: 06/05/2024).
9. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (access date: 06/05/2024).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violations of obligations" // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/> (date of access: 06/05/2024).
11. Bashirina E.N. Restoring the legal status of the owner of uncertificated securities as one of the ways to protect rights / E. N. Bashirina, N. V. Firsova // Bulletin of the Volga University named after. V.N. Tatishcheva. – 2023. – Т. 1, No. 2(104). – pp. 81-93.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_64

УДК 34.096

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Modern prerequisites for studying the institution of citizenship of the Russian Federation

БУВАКА Наталья Анатольевна,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России им. И.Ф. Шилова.
680045, Россия, г. Хабаровск, ул. Путевая, 12а.
E-mail: nabu@inbox.ru;

ПОТАПОВА Мария Дмитриевна,

инспектор отделения по вопросам гражданства и разрешительно визовой работы отдела по вопросам миграции
(по обслуживанию Индустриального района) отдела полиции № 3 УМВД России по г. Хабаровску.
680045, Россия, г. Хабаровск, ул. Королева, 14.
E-mail: mariyadmitrievna.p@yandex.ru;

Buvaka Natalia Anatolyevna,

Senior Lecturer of the Department of General Legal Disciplines
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680045, Khabarovsk, Putevaya St., 12a.
E-mail: nabu@inbox.ru;

Potapova Maria Dmitrievna,

Inspector of the Department for Citizenship and Permit and Visa Work of the Department for Migration Issues
(for servicing the Industrial District) of Police Department No. 3 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Khabarovsk.
680045, Khabarovsk, Koroleva St., 14.
E-mail: mariyadmitrievna.p@yandex.ru

Краткая аннотация: Совершенствование нормативно-правовых актов Российской Федерации в вопросах, касающихся гражданства – это важная проблема, которая имеет непосредственное отношение к правовому статусу как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, временно или постоянно проживающих на территории нашей страны. Вопросы, касающиеся гражданства Российской Федерации, имеют огромное значение, поскольку определяют принадлежность каждого человека к конкретному государству, со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями. В современном, стремительно развивающемся мире гражданство становится не только формальным признаком, позволяющим официально находиться на определенной территории и пользоваться её благами, но и фактором, влияющим на социальное, экономическое и правовое положение личности. Поэтому законодательство в области гражданства должно соответствовать современным реалиям и учитывать изменения в обществе.

Abstract: Improving the normative legal acts of the Russian Federation in matters concerning citizenship is an important issue that is directly related to the legal status of both citizens of the Russian Federation and foreign citizens and stateless persons temporarily or permanently residing in our country. Issues concerning the citizenship of the Russian Federation are of great importance, since they determine the affiliation of each person to a specific state, with all the ensuing rights and obligations. In the modern, rapidly developing world, citizenship is becoming not only a formal feature that allows one to officially reside in a certain territory and enjoy its benefits, but also a factor influencing the social, economic and legal status of an individual. Therefore, legislation in the field of citizenship must correspond to modern realities and take into account changes in society.

Ключевые слова: гражданство Российской Федерации, миграционная политика, законодательство Российской Федерации, иностранные граждане, права человека, гражданство иностранных государств, множественное гражданство.

Keywords: citizenship of the Russian Federation, migration policy, legislation of the Russian Federation, foreign citizens, human rights, citizenship of foreign states, multiple citizenship.

Для цитирования: Бувака Н.А., Потапова М.Д. Современные предпосылки исследования института гражданства Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 64-66. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_64.

For citation: Buvaka N.A., Potapova M.D. Modern prerequisites for studying the institution of citizenship of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 64-66. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_64.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. устанавливает, что каждый человек имеет право на гражданство и никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство (ст. 15). Еще в 1923 г. установлено, что в современном международном праве вопросы гражданства находятся в исключительном ведении каждого государства [1, с. 507]. Несмотря на то, что Российская Федерация с 7 апреля 2022 г. приняла решение о досрочном прекращении своих полномочий как члена Совета ООН по правам человека, она и дальше намерена вносить свой вклад в укрепление конструктивного диалога по правам человека. В соответствии с международными нормами и собственным законодательством каждая страна обладает эксклюзивным правом определять состав своих граждан. Это положение находит своё отражение в третьей статье Европейской конвенции о гражданстве, датированной 1997 годом [2].

В контексте получения гражданства Российской Федерации важно учитывать не только формальные требования к кандидатам, но и их личные обстоятельства, сподвигнувшие их к перемене гражданства, включая исторические, правовые, социально-экономические и иные факторы. Прозрачность и справедливость процедур получения гражданства являются ключевыми принципами, поскольку гражданство должно быть результатом законного и обоснованного выбора со стороны кандидата [3, с. 296].

Основания приобретения гражданства Российской Федерации имеют иностранные граждане, прожившие 5 лет по виду на жительство,

имеющие легальный источник дохода, владеющие русским языком, а также, в некоторых случаях, отказавшиеся от имеющегося у них гражданства иностранного государства, если это предусмотрено законодательством [4, ст. 3215].

Процесс получения гражданства в разных странах мира существенно отличается и может представлять собой длительный и сложный путь. На сложность процедуры влияет множество факторов: законодательство страны, экономическая ситуация, политическая стабильность, а также уровень коррупции. В некоторых странах, например, в Швейцарии или Германии, для получения гражданства необходимо проживать на территории страны не менее 8-12 лет, демонстрировать интеграцию в общество, знание языка и законов. Также сложности могут возникнуть из-за требований к отказу от первоначального гражданства или необходимости доказательства экономической неприкосновенности [5, с. 136]. На мой взгляд, законодательство Российской Федерации, в частности вопросы приобретения гражданства, также нуждается в значительной доработке, опираясь на практику зарубежных стран. Важно, чтобы приобретение гражданства стало не привилегией, а плодом упорного труда на благо нашего государства.

Возможность отмены решения о получении гражданства Российской Федерации также требует тщательной проработки в отечественном законодательстве. Это должно происходить в случаях, когда выявляются факты мошенничества, угрозы безопасности, целостности и конституционного строя нашего государства, а также иные серьезные обстоятельства, противоречащие интересам Российской Федерации. Однако процедура отмены решения о получении гражданства должна предусматривать право на защиту и возможность пересмотра решения на основании справедливых и объективных аргументов гражданина [6].

Вопросы, касающиеся прекращения гражданства Российской Федерации, регулируются IV главой Закона о гражданстве и X главой Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства, которое было утверждено Указом Президента Российской Федерации 22 ноября 2023 года № 889. Одним из ключевых оснований для отказа от гражданства, указанным в статье 22 Закона о гражданстве, является желание гражданина самостоятельно отречься от гражданства Российской Федерации, что рассматривается как добровольное решение.

Еще одним основанием для отмены решения о гражданстве является нарушение отечественного законодательства. В тексте обсуждаются два основных момента нарушения законодательства. Во-первых, рассматривается случай, когда лицо распространяет неправдивую информацию о своем обязательстве соблюдать законы и Конституцию Российской Федерации, что может включать в себя подготовку к преступлению или попытку его совершения, а также действия, которые могут угрожать национальной безопасности страны. Во-вторых, описывается ситуация, когда обнаруживается, что данное лицо предоставило поддельные или недействительные документы, или дало ложные сведения, что стало основанием для решения о предоставлении или признании гражданства Российской Федерации.

Дополнительные основания, как указано в международных договорах Российской Федерации, также обеспечивают возможность изменения или сохранения гражданства.

Несмотря на то, что данная норма является диспозитивной, законодательством Российской Федерации не предусмотрено принятие решения об отмене гражданства лицам, получившим гражданство в соответствии со ст. 16 Закона о гражданстве (лица имеют сына, дочь или хотя бы одного родителя (усыновителя), являющегося гражданином Российской Федерации и проживающего в Российской Федерации), если в отношении лица, ставшего для них «основанием для приобретения гражданства», принято такое решение. Например, в отношении гражданина «Х» принято решение об отмене гражданства Российской Федерации, в связи с обнаружением факта представления им поддельных документов – свидетельства о рождении, но поскольку гражданин «Х» фактически являлся гражданином Российской Федерации порядка нескольких лет, его мать, жена и ребенок также успели приобрести гражданство Российской Федерации [7, ст. 3215]. Несмотря на то, что после установления факта представления гражданином «Х» поддельных документов, что фактически лишает его семью права на приобретение гражданства Российской Федерации, в отношении них не может быть принято решения об отмене гражданства, что на наш взгляд является пробелом в отечественном законодательстве, требующим проработки. Одной из первоочередных задач, решающих данную проблему, должно стать внесение изменений в ч. 1 ст. 22 Закона о гражданстве РФ. Необходимо добавить пятый пункт и установить в качестве основания для прекращения гражданства РФ факт аннулирования основания для получения гражданства Российской Федерации.

Лишать гражданства человека разрешается лишь в ситуациях, когда тот приобрел его путем натурализации и только в первые пять лет после этого. Это регламентировано как международной Конвенцией 1961 года о предотвращении безгражданства, так и национальными законами, например, в Германии (ст. 16 Основного закона ФРГ), Испании (ч. 2 ст. 11 Испанской Конституции) и Швеции (§ 7 Конституции Швеции), а также в России (ч. 3 ст. 6 Конституции РФ). Основная цель этого законодательства – контроль за действиями, которые не соответствуют законам принимающего государства. Важно подчеркнуть, что лишать лицо гражданства недопустимо, если это приведет к потере гражданства без возможности получения нового, превращая индивида в апатрида [8].

В отношении двойного гражданства страны СНГ и Балтии демонстрируют различные подходы, которые отражают сложность и неоднозначность данной правовой концепции. Например, Казахстан, Туркменистан и Эстония обычно не разрешают наличие двойного гражданства, тогда как Грузия и Узбекистан могут предоставить такую возможность, но лишь в очень ограниченных и специальных обстоятельствах. На мой взгляд, что отсутствие унифицированного подхода в этих странах объясняется тем, что сама проблематика множественного гражданства является достаточно запутанной и многогранной [9, с. 6]. В Российской Федерации отношение к множественному гражданству иное – любой гражданин нашей страны имеет право по собственному волеизъявлению иметь гражданство иностранного государства и жить за пределами Российской Федерации. При этом данные лица не лишаются возможности получать доходы, как от предпринимательской деятельности, так и различные государственные субсидии и выплаты, независимо от своего морального отношения к покинутой стране. Директор Всероссийского центра изуче-

ния общественного мнения Валерий Фёдоров сообщил, что с февраля 2022 года Россию покинули от 817 до 922 тыс. человек. Доля российских граждан, покинувших страну с начала специальной военной операции, оказалась рекордной за последние сто лет. Помимо обычных граждан, Россию покинули и известные медийные личности – звёзды эстрады, блогеры, журналисты и пр., доля которых публично, посредством социальной сети Интернет, распространяют заведомо ложную информацию об исполнении государственными органами РФ своих полномочий. Уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность за данные деяния в виде штрафа, либо исправительными или принудительными работами, либо лишением свободы, однако, на наш взгляд, если лицо распространяет негативную, лживую, порочащую репутацию страны, как и среди её граждан, так и на международной арене, оно фактически выражает своё нежелание иметь принадлежность к российскому государству [10, с. 320]. Если вновь обратиться к Закону о гражданстве и Конституции РФ, можно заметить некоторые противоречия. Согласно Конституции РФ, гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований приобретения, однако, согласно Закону о гражданстве, принять решение об отмене гражданства можно только в отношении лица, приобретавшего гражданство. Считаем, что данное неравенство нуждается в тщательной проработке и необходимо внести изменения как в Закон о Гражданстве Российской Федерации, так и в ст. 44, ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, добавить к видам наказания лишение гражданства РФ, а в перечень санкций ст. 207.3 УК РФ также добавить лишение гражданства Российской Федерации.

В контексте возможности лишения гражданства, важно, чтобы законодательство устанавливало чёткие критерии и процедуры, которые гарантировали бы справедливость и законность такого решения. Лишение гражданства должно быть взвешенным и обоснованным шагом, который учитывает защиту прав и законных интересов гражданина. В этом вопросе ключевое значение имеет соблюдение принципов правового государства и защита прав человека и гражданина.

Таким образом, совершенствование законодательства в области получения, отмены решения о получении и возможности лишения гражданства Российской Федерации должно быть направлено на создание баланса между гарантией прав личности и обеспечением национальной безопасности и интересов нашего государства. Важно, чтобы законодательство в этой сфере отражало современные вызовы и потребности российского общества, соблюдало принципы законности, справедливости и защиты прав человека и гражданина, соответствовало международным стандартам и обеспечивало создание устойчивого и развивающегося общества.

Список литературы:

1. Броунли Я., Под ред.: Тункин Г.И., Пер.: Андрианов С.Н.: Международное право. В 2-х книгах: Перевод с английского. Кн. 2: Москва – 1977, 507 с.
2. Европейская конвенция о гражданстве ETS № 166 (Страсбург, 6 ноября 1997 г.) // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». – URL: <https://base.garant.ru/2541605/> (дата обращения: 22.09.2024).
3. Права человека : учеб. пособие / под ред. И. В. Гончарова ; Ун-т прокуратуры РФ. – Москва : Проспект, 2020. – 296 с.
4. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ (принят ГД ФС РФ 18 апреля 2023 года) // Собрание законодательства РФ. – 2024 – № 18 ст. 3215
5. Правовые и организационные особенности миграционной политики в ряде зарубежных стран : учеб. пособие / Т. А. Прудникова, С. А. Егоров, С. А. Акимова ; под ред. А. С. Прудникова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – 136 с.
6. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012_02007040001 (дата обращения: 22.04.2024).
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21 июня 2002 года) (ред. от 10.07.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2024 – № 18 ст. 3215
8. Конвенция о сокращении безгражданства (Нью-Йорк, 30 августа 1961 г.) // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». – URL: <https://base.garant.ru/2541075/> (дата обращения: 22.04.2024).
9. Белов А. В. Международно-правовые аспекты двойного гражданства: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 6.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2024 г. – Москва : Эксмо, 2024. – 320 с. – (Кодекс). – ISBN 978-5-04-195983-8.

References:

1. Brownlie Ya., Ed.: Tunkin G.I., Transl.: Andrianov S.N.: International Law. In 2 books: Translation from English. Book 2: Moscow - 1977, 507 p.
2. European Convention on Nationality ETS No. 166 (Strasbourg, November 6, 1997) // EPS "GARANT System": GARANT-Maximum. All Russia / NPP "GARANT-SERVICE-UNIVERSITY". - URL: <https://base.garant.ru/2541605/> (date of access: 09/22/2024).
3. Human Rights: textbook / edited by I.V. Goncharov; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – Moscow: Prospect, 2020. – 296 p.
4. On the citizenship of the Russian Federation: Federal Law of April 28, 2023 No. 138-FZ (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on April 18, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024 – No. 18, Art. 3215
5. Legal and organizational features of migration policy in a number of foreign countries: textbook / T. A. Prudnikova, S. A. Egorov, S. A. Akimova; edited by A. S. Prudnikov. – Moscow: UNITY-DANA: Law and Right, 2017. – 136 p.
6. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012_02007040001 (date of access: 04/22/2024). 7. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on June 21, 2002) (as amended on July 10, 2023, with amendments and additions, entered into force on March 1, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2024 - No. 18, Art. 3215
8. Convention on the Reduction of Statelessness (New York, August 30, 1961) // EPS "GARANT System": GARANT-Maximum. All Russia / NPP "GARANT-SERVICE-UNIVERSITY". - URL: <https://base.garant.ru/2541075/> (date of access: 04/22/2024).
9. Belov A. V. International legal aspects of dual citizenship: author's abstract. diss. candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2002. P. 6.
10. Criminal Code of the Russian Federation with amendments and additions as of February 1, 2024 - Moscow: Eksmo, 2024. - 320 p. - (Code). - ISBN 978-5-04-195983-8.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ УЧЁТА ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ Legislative aspects of the unified system of accounting of real estate objects

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

МАЛЁШИНА Людмила Михайловна,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

E-mail: docentglm@gmail.com;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.

127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.

E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

MALESHINA Lyudmila Mikhailovna,

PhD of technical sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.

127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.

E-mail: docentglm@gmail.com

Краткая аннотация. В статье на основании нормативно-правовой базы регулирования отношений в системе единого государственного кадастра недвижимости и ряда Федеральных Законов их изменяющих, дополняющих и корректирующих проанализированы изменения, коснувшиеся учета, оценки, получения сведений о земельно-кадастровых отношениях, что в свою очередь дает право утверждать: все предложенные изменения единой системы учёта объектов недвижимости способствуют интересам пользователей, владельцев и государства.

Abstract. The article, based on the regulatory framework for regulating relations in the system of the unified state real estate cadastre and a number of Federal Laws amending, supplementing and correcting them, analyzes changes that affected the accounting, assessment, and obtaining information on land-cadastral relations, which in turn gives the right to assert: all proposed changes to the unified system of accounting for real estate objects contribute to the interests of users, owners and the state.

Ключевые слова: кадастровый учет, объекты недвижимости, кадастровая оценка, кадастровая стоимость, единый государственный кадастр недвижимости.

Keywords: cadastral registration, real estate, cadastral valuation, cadastral value, unified state real estate cadaster.

Для цитирования: Шатская И.И., Малёшина Л.М. Законодательные аспекты единой системы учета объектов недвижимости // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 67-69. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_67.

For citation: Shatskaya I.I., Maleshina L.M. Legislative aspects of the unified system of accounting of real estate objects // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 67-69. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_67.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Кадастровый учет - специальное государственное учетно-оценочное мероприятие, включающее систему действий по описанию, учету, оценке всех объектов недвижимости и получения сведений о таких объектах для налогообложения. Кадастровый учет является обязательным требованием к каждому земельному участку сельскохозяйственного, лесного, дачно-садового и прочего назначения, участков для жилищной застройки; зданий и сооружений, независимо от их целевого назначения, объектов незавершенного строительства; помещений в зданиях, единых имущественных комплексов, в том числе предприятий; машино-местах и иных видов недвижимости с учетом стандартных параметров, позволяющих их идентифицировать для получения своего уникального номера [1]. Единая система учёта объектов недвижимости один из основных рычагов регулирования отношений между пользователями, владельцами и государством экономическими методами и выражается в подтверждении прав собственности и обеспечения правовой защиты имущества для собственников и покупателей, а также в получении полного объема достоверной и систематизированной информации для начисления налогов, контролирования использования земель, соблюдения требований к застройкам, проведения учёта сделок с недвижимостью для государства. Согласно ст. 1 п. 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ) Государственным кадастровым учетом признается внесение сведений в Единый государственный реестр недвижимости для того, чтобы подтвердить существование объекта недвижимости.

Ответственность за внесение сведений в кадастр недвижимости несет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (далее - Росреестр), который осуществляет постановку на кадастровый учет объектов недвижимости в собственной базе данных. Информационная база содержит официальные сведения по каждому объекту имущественного права, расположенному на территории России. Уникальная база данных по кадастровому учету позволяет любому заинтересованному лицу получить первичные сведения об объекте права, путём просмотра информации на публичной карте или заказав необходимые документы из Росреестра.

Современные требования к кадастровому учету, действуют с вступления в силу Закона № 218-ФЗ, на основании которого сведения, содержащиеся в Государственном кадастре недвижимости, стали считаться сведениями, содержащимися в Едином государственном реестре недви-

жимости (ЕГРН), выписка из которого подтверждает кадастровый учет, регистрацию возникновения и перехода прав на недвижимость с 1 января 2017 г. [1]. Введение Закона № 218-ФЗ значительно упростило регистрацию прав на недвижимое имущество, изменив процесс оформления документов, сделав его максимально понятным, удобным и оперативным. Кроме того, сохранность сведений в электронном реестре стала более надёжной и защищённой, в том числе и благодаря резервному копированию, расширены и уточнены данные, внесённые в ЕГРН, которые обеспечивают полноту информации и влияют на правильность налогообложения [1].

Однако в следующем году за принятием Закона № 218-ФЗ были приняты новые нормативно-правовые акты, регулирующие сферу недвижимости, среди них и новая редакция закона Федерального закона от 22.12.2014 № 447-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», об обязательном межевании, продлении дачной амнистии до марта 2020 г., проектное финансирование - отказ от договоров долевого участия в строительстве, завершающей стадией которого стал период с 1 июля 2019 г. Принятые поправки и положения практически продолжили совершенствование нормативной базы с учетом практики, а также достижений научного и технического прогресса - введение электронной закладной, внедрение блокчейна, постепенный переход на проектное финансирование строительства. Так, с 2018 г. заработал новый Федеральный закон от 03.08.2018 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который принципиально изменил порядок получения разрешительной документации на строительство домов, упростив схему получения разрешения на строительство. Закон коснулся владельцев дачных участков: временные постройки, которые имели статус в выписке из ЕГРН, перешли в статус садовых домиков и получили разрешение на сезонное проживание в них. Также в этом году изменились нормативные документы для строительства производственных помещений, общественных зданий.

Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определил порядок строительства. Дачная амнистия коснулась жилых и садовых домов на земле, предназначенной не только для ведения гражданами садоводства, но и для индивидуального жилищного строительства и личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта. Регистрации подлежат также садовые домики, гаражи, бани, хозяйственные постройки. Незарегистрированные дома и строения могут быть признаны самовольными постройками, что в дальнейшем грозит их сносом. Огородникам разрешено строить временные постройки, садоводам - строительство садовых домиков (далее – СНТ). Кроме этого, только СНТ предоставлено право строительства строений, которые относятся к категории жилищное или ИЖС.

Согласно Федеральному закону от 14.02.2024 № 20-ФЗ «О внесении изменения в статью 70 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости"» действие упрощенного порядка регистрации прав на объекты имущества общего пользования садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ продлевается до 2031 г.

Федеральный закон № 338-ФЗ от 03.08.2018 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предопределил новые правила, которые включают: первое - нотариус должен принять у собственника документы и заявление на регистрацию, и не позднее 1 рабочего дня отправить в Росреестр на регистрацию. Второе - непосредственно на месте нотариус заверяет электронную подпись собственника и подтверждать личность, если ранее этого не было осуществлено заявителем. Для дольщиков регистрация через нотариуса стала обязательной, как и для несовершеннолетних и недееспособных лиц.

Федеральный закон от 30.04.2021 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» детализировал отношения между Многофункциональным деловым центром (далее - МДЦ), Росреестром и учреждением госрегистрации прав и кадастра, связанные с приемом документов, в частности, перевод принятых документов из бумажной в электронную форму, что в свою очередь позволило сократить сроки рассмотрения документов. Кроме того, предусмотрена возможность подачи ряда заявлений, не связанных с переходом и ограничением прав через личный кабинет правообладателя без подписания его усиленной квалифицированной электронной подписью. При этом идентификация личности правообладателя идёт посредством Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) портала государственных и муниципальных услуг (далее – Госуслуг).

Также изменения в Закон № 218-ФЗ позволили *уточнить*: полномочия органа госрегистрации прав; состав сведений ЕГРН; основания для кадастрового учета и/или госрегистрации прав на недвижимое имущество; перечень случаев, когда кадастровый учет и госрегистрация прав проходят одновременно и по-отдельности; порядок подачи заявления о кадастровом учете и/или госрегистрации прав и иных необходимых документов, в т. ч. электронных и/или их электронных образов документов, посредством выездного приема, личного кабинета; состав сведений, предоставляемых в орган регистрации в порядке межведомственного информационного взаимодействия; порядок исправления ошибок в ЕГРН; уточнён порядок предоставления сведений из ЕГРН. А также запретить создание сайтов для перепродажи сведений ЕГРН; расширить перечень лиц, по заявлениям которых осуществляется кадастровый учет и/или госрегистрация прав; изменить правила кадастрового учета и госрегистрации на объект незавершенного строительства, при строительстве этапами. Скорректирована была и процедура внесения в ЕГРН сведений о решении об изъятии объекта недвижимости. Теперь их вносят не в реестр прав на недвижимость, а в кадастр недвижимости.

В 2021 г. вступил в силу ряд поправок Федерального закона от 05.04.2021 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так называемый закон «гаражная амнистия», распространяемый на объекты гаражного назначения, который дал возможность стать владельцем земельного участка под гаражом в упрощенном порядке, при этом надел достается собственнику совершенно безвозмездно. Закон позволит гражданам в течение 5 лет, до 2026 года, бесплатно получить в собственность государственные и муниципальные земельные участки, на которых находятся их гаражи. При этом предусмотрели одновременный кадастровый учет и регистрацию права собственности на гараж и земельный участок, на котором он расположен.

Федеральный закон от 24.07.2023 № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

РФ» начал регулировку статуса гаражных комплексов и территорий гаражного назначения. Закон установил порядок управления общим имуществом гаражных кооперативов, проведение общих собраний и уплаты членских взносов.

В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2021 № 478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» граждане Российской Федерации получили право приобрести бесплатно в собственность земельный участок, который находится в его пользовании, если на таком земельном участке расположен жилой дом. В 2023 г. упрощена процедура постановки на государственный кадастровый учёт многоквартирных домов. Ранее для этого орган местного самоуправления должен был подготовить проект межевания территории, теперь же это можно сделать на основании схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории. Основанием стал Федеральный закон от 24.07.2023 № 368-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон О государственной регистрации недвижимости».

Федеральный закон от 04.08.2023 № 438-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым предусмотрено сокращение срока исправления ошибок в Едином государственном реестре недвижимости с трёх до одного месяца с момента направления правообладателю решения о необходимости исправления. Также на момент исправления реестровой ошибки разрешено увеличение площади участка не более чем на 10% или уменьшение не более чем на 5% от исходной площади. Кроме того, на основании этого закона начали действовать изменения в Градостроительном кодексе, которые разрешили устанавливать границы населённых пунктов и территориальных зон, даже если те пересекаются с границами земельных участков.

Законодательство в области государственной кадастровой оценки не стало исключением из правил изменения и корректировки. На сегодняшний день государственная кадастровая оценка представляет собой совокупность процедур, направленных на определение кадастровой стоимости объекта недвижимости для целей налогообложения (налога на имущество; земельного налога) и иных предусмотренных законодательством целей (арендной платы государственного или муниципального имущества; выкупной стоимости государственного или муниципального имущества; размера денежной компенсации при разводе или получении наследства), в том числе, на основе рыночной и иной информации, связанной с экономическими характеристиками использования объекта.

Кадастровая стоимость - одна из основополагающих характеристик, определяющих размер земельного, имущественного налогов, арендных платежей, платы за фактическое пользование и пользование сервитутом, а также выкупной стоимости недвижимого имущества, находящегося в публичной собственности. Кадастровая стоимость используется для целей налогообложения, определения арендной платы или при продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для расчета стоимости нотариальных действий и госпошлины за выдачу нотариального свидетельства при наследовании объектов недвижимости, а также при подаче иска в суд по имущественным спорам [2].

Единый нормативный акт о кадастровой оценке проводится в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 №237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» и применяется с 2016 г. По нему работают все регионы страны, бюджетные учреждения, комиссии при Росреестре [3].

Среди нововведений - Федеральный закон от 31.07.2020 № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который направлен на получение объективной кадастровой стоимости объектов недвижимости. С его принятием кадастровая оценка стала проводиться чаще, а следовательно, кадастровая стоимость объекта недвижимости стала сопоставима его рыночной стоимостью.

В 2023 г. проведена общероссийская оценка кадастровой стоимости всех земельных участков. Новая стоимость действует с 2023 г., по этой стоимости рассчитываются налоги. Также поменялась периодичность оценочных работ для всех регионов, кроме городов с федеральным статусом (вместо 3 лет теперь периодичность составит 1 раз в 4 года, но для городов федерального значения, как и ранее, оценку можно проводить 1 раз в 2 года). Кроме того, изменился порядок рассмотрения споров о размере кадастровой стоимости (регионы могут досрочно вводить новый порядок оспаривания через бюджетную комиссию, а с 2026 г. эти правила начнут применяться по всей стране) и меняется порядок судебного оспаривания (теперь собственникам нужно подавать административный иск, который будет рассматриваться по нормам КАС РФ).

В 2023 г. переоценили остальные объекты недвижимости (здания, помещения, сооружения, машино-места и объекты незавершённого строительства), их кадастровая стоимость обновилась с 2024 г. Результаты переоценки будут использоваться при расчете налогов в 2024 г. С 1 января 2025 г. вступают в силу результаты новой кадастровой оценки объектов недвижимости, которые будут учитываться при расчёте налогов на имущество. Повышение не затронет предпринимателей, так как в отношении объектов недвижимости организаций налоги взимаются от балансовой стоимости. У физических лиц налоги на имущество вырастут не более чем на 10%, кроме того, определен существенный ряд льгот для определенных категорий граждан. С 2024 г. налоговые инспекции начали автоматически получать данные об уничтожении имущества от других ведомств. Это необходимо для того, чтобы не платить налог за утраченную недвижимость. Кроме того, срок подачи декларации по налогу на имущество организаций перенесён с 25 марта на 25 февраля, а срок уплаты остался прежним - 28 февраля.

Таким образом, можно заключить, что земельно-кадастровые отношения продолжают динамично развиваться, что, в свою очередь способствует постоянному дополнению и совершенствованию законодательства в области ведения государственного кадастра недвижимости.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения 07.11.2024).
2. Шатская И. И. Правовое регулирование кадастровой оценки и налогообложения объектов недвижимости на современном этапе // *Аграрное и земельное право.* – 2019. – № 12(180). – С. 100-102.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О государственной кадастровой оценке» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения 07.11.2024).

References:

1. Federal Law of July 13, 2015 No.218-FZ "On State Registration of Real Estate" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (accessed November 7, 2024).
2. Shatskaya I. I. Legal regulation of cadastral valuation and taxation of real estate at the present stage // *Agrarian and land law.* – 2019. – No. 12(180). – P. 100-102.
3. Federal Law of July 3, 2016 No. 237-FZ (as amended on December 19, 2022) "On State Cadastral Valuation" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (accessed November 7, 2024).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» ON THE ISSUE OF THE LEGAL CATEGORY "ECONOMIC SECURITY"

ХАЙДАРОВ Артур Иьгизович,

мировой судья судебного участка по Шаранскому району Республики Башкортостан.

г. Уфа, Республика Башкортостан, 450000, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

ПОНОМАРЕВА Екатерина Владимировна,

начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент.

ул. Муksинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

Khaidarov Artur Ilgizovich,

Justice of the Peace of the judicial district in the Sharansky district of the Republic of Bashkortostan

Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russia.

E-mail: k021@mail.ru;

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna,

Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines

of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация. В современных условиях обеспечение экономической безопасности играет важную роль в развитии гражданских правоотношений. В настоящее время до сих пор нет единого понимания термина «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта». Авторы в данной статье рассмотрели институт экономической безопасности, как правовая категория.

Abstract. In modern conditions, ensuring economic security plays an important role in the development of civil relations. Currently, there is still no common understanding of the term "economic security of an economic entity". In this article, the authors considered the institute of economic security as a legal category.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, угрозы экономической безопасности, хозяйствующий субъект, юридическое лицо.

Keywords: economic security, national security, threats to economic security, business entity, legal entity.

Для цитирования: Хайдаров А.И., Пономарева Е.В. К вопросу о правовой категории «экономическая безопасность» // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 70-71. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_70.

For citation: Khaidarov A.I., Ponomareva E.V. On the issue of the legal category "economic security" // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 70-71. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_70.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024

Если хочешь быть богатым,
нужно быть финансово грамотным.
Р. Кийосаки

В условиях глобализации социального пространства, в рамках обеспечения национальной безопасности наиболее популяризируется вопрос об её экономической составляющей. Термин «экономическая безопасность» впервые вошел в употребление в 1934-е годы во времена «великой депрессии». Ф.Д. Рузвельт, который на тот момент являлся президентом США, своим указом создал Федеральный комитет по экономической безопасности, который по сути не занимался вопросами обеспечения экономической безопасности в классическом современном понимании, а был всего лишь комитетом по индивидуальной работе с определенными безработными лицами [1, с. 314].

В 1985 году Организацией объединенных наций без голосования была принята резолюция и Международной экономической безопасности, в которой термин «экономическая безопасность» получил нормативное определение. Цель данного документа – решить проблемы с безработицей, создавая новые предприятия и обеспечить качественный уровень жизни, создавая благоприятные условия для развития стран в различных сферах. Следующим этапом эволюции института экономической безопасности можно считать подготовленный доклад для выступления секретарю Генеральной Ассамблеи ООН на 42 сессии в 1987 году. В данном докладе была представлена Концепция международной экономической безопасности, которая включала себя анализ существующих проблем у государств по обеспечению экономической безопасности и пути их решения.

В России впервые заговорили об экономической безопасности в начале 1990-х годов. Поднял данный дискуссионный вопрос Л.И. Абалкин в Институте экономики РАН. Катализатором обсуждения этого вопроса стали, появившиеся внутри и вне России экономические угрозы безопасности. После проведенных научных изысканий в законодательстве стали появляться определенные новеллы. Первым нормативно-правовым актом, в котором термин «экономическая безопасность» закрепился, — является Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации. Данный документ был одобрен Президентом Российской Федерации [2]. Стратегия была разработана с целью оздоровления экономики страны и выведении ее на другой уровень. Для этого необходимо было создавать благоприятные условия жизни для населения, развивать наукоемкое производство, при этом учитывать постоянные противостояния как внутренним, так и внешним угрозам. Этот документ определял, что обеспечение экономической безопасности является составной частью поддержания национальной безопасности.

Для решения экономических задач в стратегии обозначены угрозы экономической безопасности Российской Федерации: имущественная дифференциация населения; повышенный уровень бедности; нарушения в структуре экономики России; неравномерное развитие субъектов РФ в социальной и экономической сферах; повышенный криминальный фактор в обществе и на производстве [2, 3].

Для того чтобы выполнить все намеченные цели в стратегии, было предложено создать систему определенных параметров, так назы-

ваемых количественных и качественных индикаторов, превышения которых сигнализировало бы о том, что экономическая безопасность в определенном субъекте или РФ в целом под угрозой. И как следствие возникала бы необходимость применять специальные рычаги противодействия. Рычагами в данном случае выступают меры стабилизирующего экономического характера. Согласно стратегии экономической безопасности государство в рамках осуществления экономической безопасности в лице федеральных органов исполнительной власти, должно заниматься выявлением ситуаций, когда происходит выход за вышеупомянутые пороговые значения.

Также в Указе РФ Президент РФ определил, что экономическая безопасность РФ должна обеспечиваться следующим образом: Совет Безопасности РФ рассматривает концепцию федерального бюджета, Правительство РФ координирует всю деятельность федеральных органов исполнительной власти для того, чтобы обеспечить реализацию мер по противодействию и превенции экономической безопасности.

До сих пор остается наиболее актуальным и не решенным до конца вопросом – создание системы органов, которая бы обеспечивала экономическую безопасность России. В современных реалиях отдельного органа, который бы занимался только обеспечением экономической безопасности, не существует [4, 5 с. 26].

В настоящее время согласно действующему законодательству Российской Федерации обеспечением экономической безопасности занимаются следующие участники отношений: Президент Российской Федерации; Совет безопасности, в составе которого находится Управление экономической безопасности; Федеральное собрание Российской Федерации; Правительство Российской Федерации; Федеральные органы исполнительной власти (например, Министерство обороны Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации и др.); Правоохранительные органы (например, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, имеющая управление экономической контрразведки, Служба внешней разведки Российской Федерации, Федеральная таможенная служба Российской Федерации и др.); органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления и другие [6, 7 с. 36-39].

Отдельно следует упомянуть о структурном подразделении Центрального аппарата МВД Российской Федерации – Управление экономической безопасности и противодействия коррупции, деятельность которого направлена на противодействие экономическим и налоговым преступлениям на федеральном и региональном уровнях. За первое полугодие 2023 года данное подразделение системы МВД Российской Федерации выявило 45829 правонарушений в экономической сфере [8]. Данные преступления в основном совершались против собственности. Также необходимо отметить, что совершены противоправные посягательства в 2023 году на много меньше, чем в прошлом году по сравнению с аналогичным периодом.

Государство обеспечивает экономическую безопасность системно, а именно начиная от законодательной разработки концепций, доктрин, стратегий и заканчивая непосредственной реализацией мер различного характера, что подтверждается системностью работы государства. В реалиях современной России вопрос нормативно-правового регулирования очень актуален. Хотя термин «экономическая безопасность» определен на законодательном уровне, но все же в настоящее время требует законодательной доработки [9, 10].

Список литературы:

1. Стрельников К.А. Правовое регулирование обеспечения экономической безопасности в США // Военно-юридический журнал. – 2009. – № 4. – С.314.
2. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (основные положения): утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 (утратила силу) // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. основополагающие государственные документы. Ч. I. М. 1998.
3. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 17, ст. 2546.
4. Валько Д.В. Экономическая безопасность [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 150 с. – Режим доступа: URL: <https://urait.ru/bcode/475742/p.21> (дата обращения 11.10.2024).
5. Гончаров В.В. Экономическая безопасность Российского государства как перспективный приоритетный национальный проект // Российский следователь. – 2010. – № 8. – С. 25 – 29.
6. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность: теория и практика // Р.Ф. Исмагилов. – СПб., 2000. – 309 с.
7. Пролетенкова С.Е., Быков Б.А. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: анализ, эффективность, перспективы // Административное право и процесс. – 2019. – № 8. – С. 36 – 39.
8. Информационный ресурс. РБК. Битва за щебень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/23/09/2011/5703ec8e9a79477633d3819d> (дата обращения: 21.09.2024).
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика / Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников, С.В. Степашин. – СПб., 2001. – 322 с.
10. Максимова Е.В., Герасимов А.П. Понятие экономической безопасности и ее правовой режим // Всероссийская научно-практическая конференция «Роль юридической общественности в решении проблем обеспечения национальной безопасности»: сб. материалов. – Сибай, 2011. – С.36.

References:

1. Strel'nikov K.A. Legal regulation of economic security in the USA // Military Law Journal. - 2009. – No. 4. – p.314.
2. The State strategy of economic security of the Russian Federation (main provisions): approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 608 of April 29, 1996 (expired) // Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects. Fundamental state documents. Ch. I. M. 1998.
3. The strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030: the decree of the President of the Russian Federation. Federation dated May 13, 2017 No. 208 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2017. – No. 17, art. 2546.
4. Valko D.V. Economic security [Electronic resource]: textbook for universities. – M.: Publishing house "Yurait", 2022. – 150 p. – Access mode: URL: <https://urait.ru/bcode/475742/p.21> (accessed 11.10.2024).
5. Goncharov V.V. Economic security of the Russian state as a promising priority national project // The Russian researcher. - 2010. – No. 8. – pp. 25-29.
6. Ismagilov R.F. Economic security: theory and practice // R.F. Ismagilov. – St. Petersburg, 2000. – 309 p.
7. Proletenkova S.E., Bykov B.A. The strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030: analysis, efficiency, prospects // Administrative law and process. – 2019. – No. 8. – pp. 36-39.
8. Information resource. RBC. The battle for rubble [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/23/09/2011/5703ec8e9a79477633d3819d> (accessed: 09/21/2024).
9. Ismagilov R.F., Salnikov V.P., Stepashin S.V. Economic security of Russia: concept – legal foundations – policy / R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov, St. Stepashin. – St. Petersburg, 2001. – 322 p.
10. Maksimova E.V., Gerasimov A.P. The concept of economic security and its legal regime // All-Russian scientific and practical conference "The role of the legal community in solving problems of ensuring national security": collection of materials. – Sibai, 2011. – p. 36.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_72

УДК 347.963

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ
«ЭКСТРЕМИЗМ» И «ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS OF «EXTREMISM»
AND «EXTREMIST ACTIVITY»: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS**

ХОВАНОВ Илья Сергеевич,
аспирант ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева».
302026, Россия, г. Орёл, Орловская область, ул. Комсомольская, д. 95.
E-mail: khovanov.i@yandex.ru;

KHOVANOV Ilya Sergeevich,
graduate student of the Orel State University.
302026, Orel, Oryol region, st. Komsomolskaya, 95.
E-mail: khovanov.i@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется разграничение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в современной юридической науке и практике. Рассматриваются различные подходы к определению данных понятий, существующие в доктрине и законодательстве. Обосновывается необходимость их четкого разграничения для повышения эффективности противодействия экстремизму правовыми средствами. Предлагаются авторские дефиниции экстремизма и экстремистской деятельности.

Abstract: The article analyzes the problem of differentiating the concepts of «extremism» and «extremist activity» in modern legal science and practice. Various approaches to the definition of these concepts existing in doctrine and legislation are considered. The necessity of their clear differentiation to improve the effectiveness of countering extremism by legal means is substantiated. The author's definitions of extremism and extremist activity are proposed.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, законодательство, правоприменительная практика, юридическая наука.

Keywords: extremism, extremist activity, countering extremism, legislation, law enforcement practice, legal science.

Для цитирования: Хованов И.С. Дифференциация понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность»: теоретические и прикладные аспекты // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 72-74. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_72.

For citation: Khovanov I.S. Differentiation of the concepts of "extremism" and "extremist activity": theoretical and applied aspects // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 72-74. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_72.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

В современных условиях экстремизм представляет серьезную угрозу национальной безопасности, конституционному строю и целостности Российской Федерации. Эффективное противодействие экстремизму невозможно без четкого определения данного феномена в праве и научной доктрине. Однако анализ действующего законодательства и научной литературы свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию экстремизма и его соотношению со смежными понятиями, в частности с экстремистской деятельностью [10, с. 465].

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ оперирует понятием «экстремистская деятельность», приравнивая его к термину «экстремизм» [1]. Данный подход подвергается справедливой критике в юридической литературе. Так, А.Г. Хлебушкин указывает, что смешение в одном определении идеологических и поведенческих элементов является теоретически неверным [9, с. 242]. С.Н. Фридинский также считает, что разграничение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» имеет принципиальное значение для теории и практики противодействия экстремизму [8, с. 26].

Экстремизм базируется на радикальной идеологии, которая отвергает существующие общественные нормы, ценности и институты. Носители экстремистских взглядов стремятся к коренному переустройству социальной и политической системы, часто оправдывая применение насилия для достижения своих целей. При этом экстремистская идеология может иметь различную направленность - политическую, националистическую, религиозную, экологическую и др. Объединяющим признаком является радикализм, нетерпимость к альтернативным точкам зрения, склонность к силовым методам решения социальных противоречий [3, с. 216].

Одним из ключевых признаков экстремизма является отрицание существующего государственного и правового порядка. Экстремистские воззрения отвергают легитимность действующих политических институтов, правовых норм и процедур. Они ставят под сомнение фундаментальные конституционные принципы - народовластие, верховенство права, равенство перед законом, идеологическое многообразие. Носители экстремистской идеологии позиционируют себя как силу, противостоящую официальной власти и всей политико-правовой системе государства [2, с. 304].

Таким образом, экстремизм представляет собой не просто отдельные радикальные идеи, а целостное мировоззрение, альтернативный социально-политический проект, претендующий на преобразование основ существующего строя. В этом заключается особая общественная опасность экстремизма, которая выходит за рамки обычных правонарушений.

В отличие от экстремизма как идеологического феномена, экстремистская деятельность представляет собой реализацию, практическое воплощение радикальных идей и установок. Это целенаправленная деятельность субъектов - организаций, групп, отдельных лиц, разделя-

ющих экстремистские взгляды и стремящихся к претворению их в жизнь противоправными методами.

Экстремистская деятельность выражается в совершении конкретных общественно опасных, противоправных действий, посягающих на защищаемые законом социальные ценности. Это могут быть как насильственные преступления против личности, так и массовые беспорядки, вандализм, хулиганство по мотивам ненависти и вражды. Кроме того, экстремистская деятельность охватывает пропаганду и публичную демонстрацию экстремистской символики, финансирование экстремистских организаций, вовлечение новых членов и т.д. [7, с. 105].

Важно подчеркнуть, что экстремистская деятельность носит не спонтанный, а целенаправленный характер. Она подчинена достижению определенных целей, вытекающих из экстремистской идеологии - захвату политической власти, территориальному обособлению, изменению конституционного строя и др. Субъекты экстремистской деятельности сознательно избирают противоправные методы как инструмент социально-политической борьбы [6, с. 96].

Таким образом, если экстремизм - это система радикальных антиобщественных идей и установок, то экстремистская деятельность - это совокупность противоправных действий по их реализации. Тем самым данные понятия соотносятся как общее и частное, форма и содержание. Четкое разграничение идеологической и поведенческой составляющих имеет принципиальное значение для правовой квалификации экстремизма и дифференциации ответственности за различные его проявления.

Разграничение экстремизма и экстремистской деятельности необходимо также для построения комплексной системы противодействия данному явлению. Общепризнано, что борьба с экстремизмом не может ограничиваться только правоохранными мерами, а должна носить всеобъемлющий, многоаспектный характер. Это предполагает сочетание политических, социально-экономических, информационных, воспитательных и иных мер воздействия.

В идеологическом плане противодействие экстремизму должно быть направлено на профилактику радикализации, предотвращение распространения экстремистских идей и установок. Здесь важную роль играет формирование в обществе атмосферы неприятия любых форм ксенофобии, нетерпимости, национальной или религиозной исключительности. Требуется активная просветительская работа, особенно среди молодежи, по разъяснению опасности экстремистских воззрений [5, с. 70]. В информационной сфере необходима последовательная борьба с пропагандой экстремизма в СМИ и сети Интернет, блокирование соответствующего контента.

Разграничение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Четкое определение этих категорий необходимо для правильной квалификации противоправных деяний, для дифференциации ответственности, а также для выработки адекватных мер противодействия.

Отсутствие единого подхода к пониманию экстремизма и его соотношению с экстремистской деятельностью в законодательстве и правоприменительной практике порождает серьезные проблемы. Смешение идеологических и поведенческих аспектов приводит к размыванию границ между преступлениями экстремистской направленности и иными правонарушениями, связанными с экстремизмом.

В результате может иметь место как необоснованное расширение понятия экстремизма и привлечение к ответственности за деяния, не представляющие реальной общественной опасности, так и, напротив, непривлечение к ответственности лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность под прикрытием реализации права на свободу мысли и слова, свободу объединений.

Кроме того, нечеткость и расплывчатость понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» препятствует эффективной реализации принципа законности в противодействии экстремизму. Без ясного законодательного определения экстремистских проявлений невозможно обеспечить единообразное применение антиэкстремистских норм, исключить злоупотребления и произвольные толкования в правоприменительной практике.

Указанная проблема имеет комплексный характер, затрагивая как сферу научного осмысления данного феномена, так и область законодательного регулирования и правоприменения. Решение этой проблемы требует последовательных усилий по выработке четких правовых дефиниций экстремизма и экстремистской деятельности, закреплению их на законодательном уровне.

Представляется, что в основу такого разграничения должна быть положена дифференциация идеологической и практической составляющих экстремизма. Экстремизм следует рассматривать как приверженность крайним идеологическим воззрениям, отрицающим существующие общественные нормы и ценности. Экстремистская же деятельность представляет собой целенаправленную реализацию этих воззрений путем совершения противоправных действий.

Законодательное закрепление такого подхода позволит выстроить четкую систему антиэкстремистских норм, дифференцировать составы правонарушений и меры ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяний. Это создаст надежную правовую основу для борьбы с экстремизмом, исключив возможности для произвольного правоприменения.

В то же время, важно подчеркнуть, что правовые меры являются лишь частью комплексного противодействия экстремизму. Не менее значимы усилия по профилактике радикализации общественного сознания, развенчанию экстремистских идей и установок, созданию атмосферы нетерпимости к любым проявлениям ксенофобии и нетерпимости. Только сочетание правовых и идеологических инструментов способно обеспечить эффективное противостояние экстремизму как серьезнейшему вызову современности.

Подводя итог, следует отметить, что проблема разграничения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» остается актуальной как для юридической науки, так и для практики противодействия экстремизму. Дальнейшие усилия научного сообщества и законодателя должны быть направлены на выработку четких правовых дефиниций этих явлений, закрепление критериев их разграничения. Это позволит создать прочную правовую базу для борьбы с экстремизмом, обеспечить соблюдение принципа законности и недопустить необоснованного ограни-

чения прав и свобод граждан.

В то же время, правовые меры должны сочетаться с целенаправленной работой по профилактике радикализации общества, созданию атмосферы неприятия экстремизма во всех его проявлениях. Только такой комплексный подход способен обеспечить эффективное противодействие экстремизму как угрозе основам конституционного строя и безопасности государства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие. - М.: Волтерс Клувер, 2011. - 304 с.
3. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. - М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. - 216 с.
4. Воронцов С.А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2013. - Т. 6. - № 4. - С. 6-18.
5. Зубалова О.А. Социальная профилактика экстремизма в молодежной среде // Государственная служба и кадры. - 2018. - № 4. - С. 68-75.
6. Ильин Е.П. Об организации деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму и о недостатках в ее правовом регулировании // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2012. - № 8. - С. 92-98.
7. Сергун Е.П. Соотношение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 99-105.
8. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.
9. Хлебущкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 242 с.
10. Хованов И.С. О некоторых проблемах противодействия прокуратурой Российской Федерации экстремизму в интернете // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 460-471.

References:

1. Federal Law of 25.07.2002 № 114-FZ «On Combating Extremist Activity» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031.
2. Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Qualification of Crimes of an Extremist Nature: A Textbook. - M.: Wolters Kluwer, 2011. - 304 p.
3. Burkovskaya V.A. Criminal Religious Extremism in Modern Russia. - M.: Institute of Legal and Comparative Studies, 2005. - 216 p.
4. Vorontsov S.A. On the Need to Improve Public Policy and Management in the Sphere of Security // Problem Analysis and Public Administration Design. - 2013. - Vol. 6. - № 4. - P. 6-18.
5. Zubalova O.A. Social prevention of extremism among young people // Public service and personnel. - 2018. - № 4. - P. 68-75.
6. Ilyin E.P. On the organization of the activities of internal affairs bodies to counter extremism and the shortcomings in its legal regulation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2012. - № 8. - P. 92-98.
7. Sergun E.P. The relationship between the concepts of "extremism" and «extremist activity» // Legal Culture. 2013. № 1 (14). P. 99-105.
8. Fridinsky S.N. The fight against extremism: criminal-legal and criminological aspects: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2003. 26 p.
9. Khlebushkin A.G. Criminal extremism: concept, types, problems of criminalization and penalization: dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2007. 242 p.
10. Khovanov I.S. On some problems of counteraction of extremism on the Internet by the prosecutor's office of the Russian Federation // Issues of Russian justice. 2023. № 26. P. 460-471.

**ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА
И НАЗЕМНОГО ГОРОДСКОГО ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА
В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ОТ 08.11.2007 № 259-ФЗ**
**Problems of regulation of motortransport and land-based
Urban electric transport in Federal Law No.259-FZ dated 08.11.2007**

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич,

кандидат экономических наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
доцент кафедры уголовного и административного права
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.
2-я Красноармейская ул., 4, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

БЕШЕНЦЕВ Иван Дмитриевич,

студент автомобильно-дорожного факультета
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
2-я Красноармейская ул., 4, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия.

E-mail: ivanbeshentsev@yandex.ru;

POPKOV Dmitry V.,

Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova str., 1.

E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Law
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law
Saint Petersburg State Maritime Technical University, PhD in Law, Associate Professor.
2nd Krasnoarmeyskaya str., 4, St. Petersburg, 190005, Russia.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

BESHENTSEV Ivan Dmitrievich,

student of the Automobile and Road Engineering Faculty
of the St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
2nd Krasnoarmeyskaya str., 4, St. Petersburg, 190005, Russia.

E-mail: ivanbeshentsev@yandex.ru

Краткая аннотация: В транспортном законодательстве в настоящий момент нет единых положений, обеспечивающих устойчивое развитие какого-либо вида транспорта. Наиболее остро данная проблема встает в случае с общественным транспортом – автомобильным и наземным городским электрическим. Многообразие законодательных актов с зачастую противоречащими друг к другу положениями активно обсуждается в экспертных кругах, в которых давно пришли к единому выводу - создать один единственный акт, и максимально конкретизировать его положения. В настоящем исследовании рассматриваются проблемы, касающиеся Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ – ответственность пассажира за безбилетный проезд, согласование межрегиональных маршрутов и соблюдение расписаний в перевозках «По пути».

Abstract: Currently, there are no uniform provisions in transport legislation that ensure the sustainable development of any type of transport. This problem is most acute in the case of public transport – automobile and ground urban electric. The variety of legislative acts with often contradictory provisions is actively discussed in expert circles, which have long come to a common conclusion – to create a single act, and to specify its provisions as much as possible. This study examines the problems related to Federal Law No. 259-FZ of 08.11.2007 – passenger responsibility for stowaway travel, coordination of interregional routes and compliance with timetables in transportation "On the way".

Ключевые слова: пассажирский транспорт общего пользования, безбилетный проезд, дублирование, маршрутная сеть, корреспонденции.

Keywords: public passenger transport, fare evasion, duplication, route network, correspondence.

Для цитирования: Попков Д.В., Шеншин В.М., Бешенцев И.Д. Проблемы регулирования автомобильного транспорта и наземного городского электрического транспорта в Федеральном законе от 08.11.2007 № 259-ФЗ // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 75-78. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_75.

For citation: Popkov D.V., Shenshin V.M., Beshentsev I.D. Problems of regulation of motortransport and land-based Urban electric transport in Federal Law No.259-FZ dated 08.11.2007 // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 75-78. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_75.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» принят с целью формирования единого законодательного акта, определяющего общие условия перевозок пассажиров и багажа, грузов автобусами, трамваями, троллейбусами, легковыми автомобилями, грузовыми автомобилями, в том числе с использованием автомобильных прицепов, автомобильных полуприцепов.

Указанный закон устанавливает общие условия предоставления услуг пассажирам, фрахтователям, грузоотправителям, грузополучателям, перевозчикам, фрахтовщикам на объектах транспортных инфраструктур. Главным недостатком данного закона является поверхностный

характер рассмотрения многих аспектов работы общественного транспорта, постольку поскольку большинство из них прописаны в Законе, следовательно, видны и правовые пробелы, которые позволяют отходить от законных действий, как перевозчикам, так и городским администрациям. Ликвидация этих пробелов должна по идее решаться подзаконными актами. Первоначально в Федеральном законе было допущено много размытых понятий, которые необходимо конкретизировать.

В первую очередь Закон № 259-ФЗ не конкретно устанавливает контроль занарушением пассажира в части безбилетного проезда. После вступления его в силу, многие регионы начали вводить в свои законы об административных правонарушениях ответственность за безбилетный проезд. Происходило это до 2010 года, в котором Генеральная Прокуратура Российской Федерации начала приносить протесты, после появления, которых схема усложнилась, и полностью ушла на рассмотрение прокуратур регионов. В данном случае противоречия наблюдались между федеральным и региональным законодательством.

Отметим, что в соответствии с пунктом «и» статьи 71 Конституции Российской Федерации в ведении Российской Федерации находится федеральный транспорт.

Статья 76 Конституции Российской Федерации предусматривает, что по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй статьи 76 Основного Закона страны. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

Если согласно Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», полномочия по организации транспортного обслуживания закреплялись за органами государственной власти субъекта Российской Федерации – то взаимоотношения в процессе этого транспортного обслуживания регулировались федеральным законодательством, в том числе ответственность за безбилетный проезд. Соответственно, осуществление надзора за нарушениями правил и норм, установленных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях является исключительно полномочиями федеральных, а не региональных прокуратур, в связи с чем часть регионов исключили из своих законов об административных правонарушениях надзор за нарушениями оплаты проезда.

Тем более, сналожением ответственности за безбилетный проезд возникали проблемы не только с наказанием (назначением и получением штрафа) но и с самими полномочиями, связанные с составлением протокола об административном правонарушении. Разрешить противоречие пытались в 2015 году, при принятии Федерального закона от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные положения транспортного законодательства Российской Федерации. Тогда директор департамента государственной политики в области автомобильного и городского пассажирского транспорта Минтранса РФ А. С. Бакирей разослал по регионам запрос, касающийся особенностей привлечения ответственности и составления актов, на что регионы ответили, что такие прецеденты были весьма редко¹. На этом вопрос был закрыт, так как в законодательстве (закон № 259-ФЗ) было определено, что проблема оплаты проезда является исключительно проблемой перевозчика. Минтранс России сформировал некоторые предложения, однако они не вошли ни в одно изменение или дополнение существующего законодательства до 2021 года.

В 2021 году концепция изменилась. Сбор выручки стал проблемой региональной власти, так как городской транспорт постепенно готовили к переходу на работу по брутто-контрактам. С марта 2021 года вступили в силу изменения в закон № 259-ФЗ, которые передали регионам право самостоятельно вводить штрафы за безбилетный проезд, а из КоАП РФ убрали статью 11.18 (часть 3 ее гласила о том, что безбилетный проезд в автобусе междугородного сообщения влечет наложение административного штрафа в размере ста рублей). Данные нововведения помогли решить большую часть проблем, и в первую очередь у прокуратуры вопросов к введению на региональном уровне ответственности за безбилетный проезд не возникало. Решен вопрос и со сбором выручки – теперь ее собирают на уровне 70-80% от нормы, напомним, ранее лишь 50-60%.

Если проблема, касающаяся сбора выручки, более-менее была решена, то к классификации маршрутов появились дополнительные вопросы. В принятом в 2007 году законе № 259-ФЗ деление было следующим: «Перевозки пассажиров и багажа, грузов осуществляются в городском, пригородном, междугородном, международном сообщении». По смыслу, он близок к не действующему приказу Минавтотранса РСФСР от 31.12.1981 № 200, где было четкое разграничение: городские – в черте города, пригородные – на расстояние 50 км от черты города, междугородные – за чертой города (другого населенного пункта) на расстояние более 50 км, а также деление на внутрирайонные (начинающиеся и оканчивающиеся в пределах одного административного района), внутриобластные, внутрикраевые и внутриреспубликанские маршруты. Однако, в законе от 13.07.2015 № 220-ФЗ, пригородные маршруты ушли в рамки городского округа и в итоге мы получили межрегиональный, смежный межрегиональный, межмуниципальный и муниципальные маршруты.

Несоответствие в законодательстве привело к следующим вопросам. В пределах региона есть как минимум два реестра, муниципальный и межмуниципальный. Муниципалитет устанавливает свои маршруты, в то время как регион устанавливает свои. При этом, начинаясь даже от 100 м. за административной границей населенного пункта и дальше маршрут следует по городу, максимально дублируя любой, часто самый популярный городской маршрут. Однако в разных реестрах они де-юре друг друга не дублируют, что усложняет процедуру согласования региональных маршрутов с муниципалитетом. Как нетрудно догадаться, выручка в таком случае за проезд по территории муниципалитета самому муниципалитету не идет, а городские маршруты ощутимо теряют популярность.

¹ Величину штрафа для «зайцев» определяют законом. <https://iz.ru/news/673707>

К тому же здесь скрывается причина появления закона № 220-ФЗ в целом. У закона № 259-ФЗ была проблема в том, что организация перевозок регулируется непосредственно правилами осуществления перевозок, не учитывая внешние факторы, такие, как территория, пассажиропоток и т.д. В данном случае, вид сообщения и вид маршрута существуют параллельно, и один другой не исключает. Однако, их основная проблема – это совместное использование городских территорий для перевозок пассажиров в различных видах сообщения по различным маршрутам. Дублирование маршрутов не являетсяотячающим для города фактором: интенсивность движения транспортных средств на остановочных пунктах (ОП) может влиять только на загрузку улично-дорожной сети (УДС), причем не всегда это плохо: лучше междугородние маршруты довести до центрального узла города, чем перегружать пассажиров с внушительным багажом на окраине в микроавтобус с неподходящим для большинства этих пассажиров маршрутом. Более существенный предмет спора между городом и регионом – совместное использование остановочных пунктов, и если дублирование лежит в плоскости объемов совместных корреспонденций пассажиров, а не физической трассировки маршрутов, то остановочные пункты эти корреспонденции и формируют.

Ситуацию разъясняет то, что федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ и федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ четко разделяют полномочия органов местного самоуправления и субъектов Российской Федерации. Соответственно, остановочные пункты делятся по этому же принципу – тот, кто ими владеет, вправе распоряжаться маршрутами, их обслуживающими. Единственные объекты, слабо поддающиеся данному регулированию – автовокзалы и автостанции. И долгие годы существуют ситуации, когда так называемый внешний транспорт использует инфраструктуру транспортных средств, работающих в городском сообщении. Весь вопрос заключается в востребованности этой инфраструктуры пассажирами и ее пропускной способности. Многие возражат, что ключевой вопрос – выгодополучатель, однако это неважно в случае взаимного соглашения между регионом и городом. Если для региона главной дилеммой становится удобное сообщение с городом, то для этого самого города возникает проблема дублирования по корреспонденциям пассажиров – из нее вытекает сложность в получении прибыли за обслуживание остановочных пунктов.

В 2017 году в законе № 220-ФЗ дополняется частью 1.1 статьи 12. Вновь возникло противоречие: ужесточена процедура согласования субъектом Российской Федерации своих межмуниципальных маршрутов с городом (как правило, инфраструктура городская) – выгодно для муниципалитетов, но и город стал ограничен в своих действиях на участках функционирования межмуниципальных маршрутов на своей же территории. В итоге на практике данное разногласие привело к необязательности его исполнения, а к обычным «договоренностям», зачастую не без коррупционной составляющей. Обычно маршруты с более протяженным участком по территории города согласовываются с ним, а если по территории региона – с регионом. И на территории муниципалитета более нет остановочных пунктов, принадлежащих субъекту Российской Федерации.

И, наконец, третья, более широко обсуждаемая проблема в последнее время, по причине запуска сервиса перевозок по требованию, и, тем более, открытие возможности оплаты проезда льготными проездными билетами¹. Вопрос складывается к законодательному обеспечению этого сервиса. Закон № 220-ФЗ регулирует исключительно «отношения по организации регулярных перевозок пассажиров», а согласно закону № 259-ФЗ основными характеристиками регулярных перевозок являются наличие маршрута и расписания. У сервиса «По пути» их нет. Более того, при определении маршрута по закону № 259-ФЗ остановки должны следовать в установленном порядке. Возможно, данный закон допускает вариант перевозки с посадкой и высадкой пассажиров в любом не запрещенном правилами дорожного движения месте по маршруту регулярных перевозок, но там и перевозка осуществляется по установленному маршруту. Сам же сервис «По пути» четко определяет, что установленного маршрута движения у него нет, а посадка и высадка только в установленных остановочных пунктах. Также и расписание – сервис работает на анализе большого количества запросов, и время прибытия автобуса на остановку высчитывается исходя из средневзвешенного времени.

Намного ближе данный сервис подходит к варианту «Заказная перевозка» – более того, соответствует всем признакам. Механизм выглядит следующим образом: компания «По пути» составляет с перевозчиком договор фрахтования, и продает через приложение билеты, а пассажир, оплатив «По пути» проезд, предъявляет водителю факт оплаты проезда. Однако есть небольшой нюанс, затрагивающий оплату проезда: в случае осуществления транспортировки на основании договора перевозки пассажира последний платит перевозчику, а при заказных перевозках транспортировка осуществляется на основании договора фрахта, и оплачивает её именно фрахтователь. Но в сервисе «По пути» водителю деньги не оплачиваются, а брутто-контракты с этой точки зрения больше соответствуют определению заказных перевозок, которые не запрещается осуществлять по расписанию и установленному маршруту.

В таком случае, признав сервис «По пути» соответствующим требованиям законодательства, но не являющимся регулярными перевозками, мы позволяем в большом количестве появиться аналогичным сервисам, которые построят свою маршрутную сеть, не требующую получения разрешения исполнительной власти в виде свидетельств и прочих «условностей», просто грамотно выстроив механизм оплаты проезда.

Дилемма кроется в п. 9 части 1 ст. 2 закона № 259-ФЗ – то есть там, где дается определение маршрута регулярных перевозок. По этому определению, выведем признаки регулярных перевозок: наличие расписания и наличие определенных в установленном порядке начального, конечного и промежуточного остановочных пунктов, через которые обязан следовать маршрут. Мы выходим на развилку: либо перевозчик признает факт осуществления перевозок по расписанию и маршруту – в таком случае, маршрут должен быть запланирован, согласован с ГАИ (абз. 5 п. 15 Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностей должностных лиц по обеспечению БДД, утв. Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090) и разыгран по конкурсу, как по закону № 220-ФЗ полагается. Либо же перевозка считается заказной – в этом случае необходимо оформить перевозку как заказную: с указанием всех фрахтователей (пассажиров), времени отправления от начальной остановки и убывания с конечной остановки на отстой. Нельзя отправлять в рейс машины регулярно, то есть без заказа. И приоритет

¹ Стало возможно ездить на автобусах «По пути» по карте москвича <https://www.interfax.ru/moscow/895057?ysclid=m281jbeok8491176464>

маршрутных транспортных средств, установленный ПДД, не будет относиться к таким перевозкам: выделенные полосы не занимать, под знаком «Остановка запрещена» не тормозить, остановки маршрутным транспортным средствам освобождать без задержки. Маршрутных трафаретов не устанавливать, постоянных маршрутов не формировать, посадку или высадку «по пути» без заключения договора фрахтования не осуществлять.

Фрахтовщику никто не запретит ездить в определенных зонах (как пример исторический центр, где пропускная способность отрегулирована городскими перевозчиками), потому что если договор регулярных перевозок пассажиров публичный (ч. 1 ст. 19 закона № 259-ФЗ, ст. 426 ГК РФ), то договор перевозки пассажиров по заказу – уже нет (см. ст. 27 закона № 259-ФЗ). Таким образом, при желании всегда можно разграничить – где перевозки регулярные, где заказные (там учет должен быть более строгий, чем на регулярных рейсах), а где – нелегальные перевозки.

В данном случае может помочь договор фрахтования. Если по этому договору транспорт предоставляется для перевозки неопределенного круга лиц, то водитель не имеет права требовать оплату непосредственно с пассажиров, потому что за все платит фрахтователь. А если круг пассажиров определен договором фрахтования, то при посадке они должны быть идентифицированы в соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 27 закона № 259-ФЗ и п.п. 74 и 75 Правил перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом (утв. Постановлением Правительства РФ от 01.10.2020 № 1586). Поэтому при должном инструктаже инспекторов ДПС и транспортной инспекции нелегальным перевозчикам всегда можно задать вопросы, на которые они не смогут ответить, – соответственно, их можно будет в любой момент снять с линии с наложением штрафа и конфискацией транспортного средства.

С чем связаны недопонимания и двойные стандарты в основном регуляторе работы автомобильного и городского наземного электрического транспорта – закона № 259-ФЗ, и сопряженным с ним законодательными актами?

Специалисты выделяют несколько причин. Во-первых, люди, которые вложили наибольший вклад в создание законов № 259-ФЗ и 220-ФЗ, не обладали компетенциями в области пассажирских перевозок, и тем более практического опыта регулирования работы общественного транспорта.

Во-вторых, продолжают существовать лоббисты определенных видов пассажирских перевозок, и такие лакуны в законодательстве они используют для своих маневров. К примеру, активное участие в разработке закона № 220-ФЗ принимали интересанты от различных статусных компаний московских маршрутных такси – как позже оказалось, не только московских¹. И целью там было под предлогом повышения качества перевозок снизить конкуренцию на линии.

В-третьих, транспортные инженеры при представлении законов, даже когда их допускают к этому процессу, почти всегда рассматривают маловажные детали и крайне редко дают замечания по существу, а даже если дают, то непосредственные интересанты принятия определенного решения начинают разными способами ограничивать этот процесс – им важно реализовать свои планы, и доказать их необходимость органам власти, пусть даже специалисты и напишут отрицательную рецензию.

И, наконец, в-четвертых, окончательное принятие решений по закону всегда принимается одним человеком – будь это министр, глава департамента или даже крупный столичный перевозчик – во главу угла он с неизбежностью поставит свои интересы, настолько, насколько будет возможность.

Эти причины позволяют нам сделать вывод о том, что любое законодательное решение не является априори верным и правильным. Ведь было бы так – не стало бы возможности получать выгоду очень многим заинтересованным лицам. Всегда ли это плохо? Отнюдь. С одной стороны, вроде бы неправильно они делают с точки зрения привычной схемы управления, с другой – иногда эти заинтересованные лица остаются единственными, кто оказывает транспортное обслуживание, и даже иногда намного выгоднее для пассажиров – за счет безопасности в первую очередь. По этой же причине нужно отблагодарить всех коммерческих перевозчиков, которые в наиболее кризисные 1990-е и 2000-е взяли на себя основной объем перевозок, и справились с этим намного лучше государственных перевозчиков. Выводы каждый может сделать самостоятельно.

Список литературы:

1. Морозов С.Ю. Постатейный комментарий к федеральному закону от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Комментируют специалисты. Монография. Саратов. 2009 г. С. 147
2. Резников С.М., Мячков К.Ю. Реализация 220-ФЗ на муниципальном уровне // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых. Сборник трудов VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Челябинск. 2019 г. С. 384-389
3. Енин Д.В. Постановка задачи оптимизации управления комплексными системами на примере городского пассажирского транспорта // Повышение эффективности лесозаготовок малолесных районов России. Сборник трудов международной конференции. Воронеж. 2002 г. С. 84-87
4. Старов Д.А. Проблема правовой природы административной ответственности за безбилетный проезд в Российской Федерации // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции. Симферополь. 2024 г. С. 897-904
5. Гулый И.М. Развитие сервисов интегрированной мобильности МААСв столичном мегаполисе // Вестник евразийской науки. № 6, Т. 14. Санкт-Петербург. 2022 г. С. 15-23

References:

1. Morozov S.Y. Article-by-article commentary to Federal Law No. 259-FZ dated November 8, 2007 "Charter of motor transport and urban ground electric transport" // Experts comment. Monograph. Saratov. 2009 p. 147
2. Reznikov S.M., Myachkov K.Yu. The implementation of 220-FZ at the municipal level // Actual problems of modern science: the view of the young. Proceedings of the VIII All-Russian (with international participation) scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists. Chelyabinsk. 2019 pp. 384-389
3. Enin D.V. Setting the task of optimizing the management of complex systems on the example of urban passenger transport // Improving the efficiency of logging in low-forest areas of Russia. Proceedings of the international conference. Voronezh. 2002 pp. 84-87
4. Starov D.A. The problem of the legal nature of administrative liability for stowaway travel in the Russian Federation // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions. Collection of articles based on the results of the II international scientific and practical conference. Simferopol. 2024, pp. 897-904
5. Gulyi I.M. Development of integrated mobility services in the capital megalopolis // Bulletin of Eurasian Science. No. 6, vol. 14. St. Petersburg. 2022, pp. 15-23

¹ На прежний маршрут: Смольному дали правовые основания для переноса транспортной реформы <https://www.kommersant.ru/doc/4350676>

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION: PAST, PRESENT, FUTURE PROSPECTS

ХОРОШКО Ирина Вячеславовна,

старший преподаватель
Института Академии ФСИН России по кафедре гражданского права и процесса.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: horoshko88@mail.ru;

Khorohko Irina Vyacheslavovna,

senior prepodavatel' of the Institute of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia at the Department of Civil Law and Procedure.
390000, Russia, Sennaya str., 1.
E-mail: horoshko88@mail.ru

Краткая аннотация: представленное исследование проведено по вопросу разрешения международных торговых конфликтов через коммерческий арбитраж. Автором проанализированы исторические и правовые аспекты формирования органов арбитража. В ходе анализа были выявлены этапы, способствовавшие развитию данного метода урегулирования споров в международной торговле, а также установлены текущие тенденции развития.

Abstract: The presented research was conducted on the issue of resolving international trade conflicts through commercial arbitration. The author analyzes the historical and legal aspects of the formation of arbitration bodies. During the analysis, the stages that contributed to the development of this method of dispute settlement in international trade were identified, as well as current development trends were established.

Ключевые слова: международная арбитражная практика, разрешение споров в сфере международных торговых отношениях, история международного коммерческого арбитража, международный коммерческий арбитражный суд, внешнеторговая арбитражная комиссия.

Keywords: international arbitration practice, dispute resolution in the field of international trade relations, history of international commercial arbitration, international commercial arbitration court, foreign trade arbitration commission.

Для цитирования: Хорошко И.В. Эволюция международного коммерческого арбитража: прошлое, настоящее, перспективы будущего // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 79-81. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_79.

For citation: Khoroshko I.V. The evolution of international commercial arbitration: past, present, future prospects // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 79-81. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_79.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Цель исследования состоит в проведении сравнительно-правового исторического анализа становления и тенденциях совершенствования такого способа восстановления и защиты нарушенного или оспариваемого права в торговых отношениях как международный коммерческий арбитраж, в определении основных значимых этапов развития данного правового института.

Объектом исследования выступают имеющиеся исторические данные и сведения об эволюции способов разрешения торговых споров в отечественном и международном праве.

Международный коммерческий арбитраж - это один из ключевых инструментов в области разрешения споров, возникающих в рамках внешнеэкономических контрактов. Этот метод приобретает все большую популярность в мире с каждым годом, и сегодня он считается неотъемлемой частью глобальной системы торговли. Важно отметить, что международный коммерческий арбитраж стал неотъемлемой частью современной практики разрешения споров в сфере международных бизнес-сделок.

Исследователи также подчеркивают, что этот вид арбитража сложился не только в международной практике, но и имеет свои корни в истории России. Отечественные истоки данного института уходят в далекое прошлое, до времен Древней Руси. Здесь уже тогда понимали важность использования независимого и профессионального арбитража для разрешения споров и конфликтов в сфере коммерческих отношений.

С развитием мировой экономики и увеличением объемов международной торговли международный коммерческий арбитраж становится еще более актуальным. «Необходимо заметить, что российская наука использует значительный зарубежный опыт, накопленный за столетия правоприменения в области международного коммерческого арбитража» [4, С. 197].

В XI — XII веках, когда были заключены Договорные и Рядные грамоты князей, а также в 1649 году было принято Соборное Уложение, в правовых документах четко оговаривались механизмы третейского разбирательства споров, возникающих в сфере хозяйственной деятельности. Эти нормы не утратили своей актуальности и сохранялись в течение нескольких столетий, вплоть до XIX века. В свете этих законов становится ясным, что помимо стремления к укреплению самодержавия, существовала необходимость в развитии экономики и поддержке отечественного купечества. Важно отметить, что в соседних государствах свободные и прибыльные торговые отношения признавались ключевым элементом государственной политики.

С начала XVII века в России начались значительные изменения в сфере торговли и экономики, что привело к необходимости упорядочить правоотношения в этой области. В этот период были приняты Таможенный Устав 1653 года и Новоторговый Устав, утвержденный в 1667 году. Их целью стало не только защита местных купцов от иностранных конкурентов, но и создание справедливых условий для развития торговли в стране.

Основным принципом, введенным данными документами, стало рассмотрение дел по принципу «одного окна». Это подразумевало, что дела купцов должны были рассматриваться в едином порядке, чтобы избежать бюрократических затяжек и временных задержек. Для эффективного разрешения споров в сфере торговли и экономики были учреждены специализированные таможенные суды. Они состояли из представителей дворянства и купечества, что обеспечивало комплексное рассмотрение конфликтов как между русскими гражданами, так и между иностранцами.

Таможенные суды не только разрешали споры и конфликты, но и способствовали развитию торговли и экономики в целом. Их деятельность была направлена на обеспечение порядка и справедливости в области коммерческих отношений и укреплению позиций России на международной торговой арене.

С развитием общества и ростом экономики возникла необходимость создания учреждений, способствующих развитию коммерческих отношений. Такие организации возникли в результате потребности в эффективной торговле и обмене товарами. Среди них - бурмистрская палата (1699 г.) и Коммерц-Коллегия, занимавшаяся вексельными и торговыми делами (1719 г.). Эти учреждения стали отправной точкой для дальнейшего развития торговых отношений и правовой защиты купечества.

Но настоящим событием стало введение в действие Устава о таможенном словесном суде в 1727 г. Этот институт был призван разрешать споры между купцами и носил важное значение для торгово-правовых отношений. Несмотря на то, что таможенные суды не получили широкого распространения, их внедрение имело свои плюсы и минусы. Отмечались преимущества внедрения таможенных судов, среди которых было выделено уважение к судебной автономии торговцев. Разрешение споров по уставам и указам, а не по личным убеждениям судей, являлось важным шагом к установлению конкретных норм права в сфере торговли.

Следующим важным шагом стало утверждение Положения о третейском суде в 1831 году, которое в дальнейшем было включено в Свод законов 1833, 1842 и 1857 годов. Этот документ проложил путь к урегулированию конфликтов путем арбитража и способствовал развитию альтернативных методов разрешения споров. Положение 1831 года в корне изменило подход к юридическим вопросам, связанным с представителями купцов, а также сделало более прозрачным и понятным процесс ведения дел в суде. Новые правовые аспекты, внедренные в этот период, стали основой для дальнейших реформ в области коммерческого правосудия.

В истории Российской империи существует интересный период, связанный с установлением узаконенного третейского суда для разбора споров между членами товарищества и акционерных компаний. Данное учреждение имело целью разрешение конфликтов как между акционерами, так и между компаниями и посторонними лицами. Для проведения процедур ему предписывалось руководствоваться правилами и обычаями общей торговой практики.

С июня 1832 года введен в действие Устав о торговой несостоятельности, что послужило важным шагом в развитии коммерческого права. В результате этого были образованы коммерческие суды, внедрившие новые стандарты разрешения экономических споров. Коммерческий суд, схожий с современным его пониманием, впервые появился в Российской империи в XIX веке. Это событие стало важным шагом в становлении правовой системы и законодательства, регулирующего взаимоотношения в сфере коммерции.

История международного коммерческого арбитража в России берет начало в давние времена. Начиная с крупных торговых центров, таких как Нижний Новгород и Архангельск, арбитражные суды постепенно развивались и распространялись по всей стране. Важность данного института была подчеркнута исследованиями, а необходимость системы коммерческих арбитражей стала ясной для многих. Необходимость в таком механизме разрешения споров усилилась с течением времени, и впервые официальное решение ВТАК было принято 15 ноября 1933 года.

Обсуждая роль Внешнеторговой арбитражной комиссии (ВТАК) в истории Советского Союза, следует отметить, что уже на начальном этапе ее деятельности было замечено, что споры из внешнеторговых контрактов могут быть рассмотрены постоянно действующим арбитражем. Это было упомянуто в ряде двусторонних международных торговых договоров, заключенных СССР в предвоенный период. В течение нескольких лет до Великой отечественной войны ВТАК рассмотрела около ста правовых споров, подтверждая свою значимость и репутацию.

Начиная свою работу, ВТАК активно привлекал к участию в своих разбирательствах организации, фирмы и учреждения из различных стран Азии, Европы и Америки. Это позволило комиссии приобрести международное признание и укрепить свою позицию в мире арбитража. Благодаря разнообразию участников и рассматриваемых дел, ВТАК стала неотъемлемой частью международного правосудия и мирового торгового сообщества. Практика работы ВТАК в период до Великой отечественной войны выявила ее способность к объективному разрешению сложных споров, что сделало комиссию ценным инструментом для развития внешнеэкономических связей СССР с другими странами.

Среди споров, рассматриваемых в контексте высокого профессионализма арбитров, особое внимание следует обратить на темы, которые представляют собой вызов даже для опытных экспертов. Одной из таких тем является установление применимого права и определение собственной компетенции. Важно отметить, что в процессе разрешения споров арбитражными судами применялись не только нормы советского законодательства, но и международного права. Этот факт подчеркивает глобальный характер арбитражных процедур и их значимость для международного бизнеса.

Кроме того, следует отметить, что деятельность ВТАК привлекала внимание не только внутри страны, но и за рубежом. Интерес иностранных юридических и деловых кругов к работе ВТАК объясняется не только желанием критически оценить ее, но и стремлением изучить механизмы и подходы, используемые в арбитражных процедурах. Таким образом, активность ВТАК имела значительное влияние как на отечественное, так и на международное правовое сообщество.

На данном историческом этапе споры с предприятиями, фирмами и организациями других государств были скорее исключением, чем правилом. Однако, с ростом интенсивности экономических связей между социалистическими странами, количество дел, рассматриваемых Ко-

миссией, значительно возросло. По мере приближения к концу 1980-х годов, число рассматриваемых дел достигло трехсот. Более того, практика разрешения споров в арбитраже была тесно связана с применением унифицированных актов, принятых в рамках Совета экономической взаимопомощи. Эти акты регламентировали основные разновидности внешнеэкономических операций между социалистическими странами и создавали основу для решения возникающих разногласий. Подчеркнем, что важным аспектом этой практики было стремление к мирному и взаимовыгодному урегулированию споров, что способствовало устойчивому развитию экономических отношений между странами. Таким образом, арбитраж стал важным инструментом обеспечения стабильности и прогресса в сфере внешнеэкономического сотрудничества.

После Второй мировой войны взаимные разногласия между СССР и восточно-европейскими странами были не столь значительны. Однако в последующие два десятилетия ВТАК столкнулась с растущим числом правовых споров, возникающих в процессе научно-технического и экономического сотрудничества между государствами-членами Совета экономической взаимопомощи. Эти вызовы требовали от комиссии новых подходов и стратегий для успешного разрешения споров и поддержания своей репутации как авторитетного арбитражного органа. И важным моментом в истории института международного коммерческого арбитража стало переименование ВТАК в Арбитражный суд при Торгово-промышленной палате СССР в 1987 году. Это событие отразилось на дальнейшем развитии института, который стал играть все более значимую роль в разрешении торговых споров. Однако, в период последующих лет активное развитие института немного замедлилось из-за существенных изменений в правовой системе и социально-экономической структуре государства.

Следующей важной вехой в истории института стало принятие в 1993 году Закона о международном коммерческом арбитраже. Этот закон стал первым единым нормативным актом, который четко определил организацию и деятельность международного торгового арбитража. В частности, Закон выделил Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) и Морскую арбитражную комиссию (МАК) при Торгово-промышленной палате РФ в качестве ключевых институтов в этой сфере. Сегодня институт международного коммерческого арбитража функционирует на основе современного законодательства, включая Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» и другие нормативные акты. Этот путь развития от простых предпосылок до сложных правовых механизмов показывает важность и неотъемлемость международного арбитража в современном мире.

Согласно указанию Верховного Совета Российской Федерации от 7 июля 1993 года, Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) был учрежден как правопреемник Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате СССР. Это важное решение закрепило новые полномочия и ответственности МКАС, установив его как важное институциональное звено в разрешении торговых споров.

С момента своего создания МКАС активно развивался и совершенствовал свою деятельность, укрепляя свою авторитетность как международное экспертное учреждение. Благодаря постоянному стремлению к совершенству и инновациям, МКАС стал неотъемлемой частью мирового сообщества по разрешению торговых споров. Его деятельность способствует стабильности и прозрачности в международных коммерческих отношениях, обеспечивая эффективное разрешение споров и защиту интересов сторон.

Институт международного коммерческого арбитража – это сложная система, на протяжении времени которой оказали влияние различные факторы. Начиная от времен Древней Руси, где уже можно увидеть первые отголоски предпосылок будущего института, и заканчивая нашими днями. Этот путь развития поднимается на новый уровень в современных условиях, где структуры и механизмы арбитража подвергаются новым вызовам и изменениям. «Популярность международного коммерческого арбитража в мире растет с каждым годом, и сейчас уже невозможно представить себе другой способ разрешения споров, особенно в современных условиях глобального развития мировой торговли» [3, С. 690].

Современный арбитражный процесс не просто основан на законах и нормах, он также зависит от принципов и практик, которые формировались на протяжении веков, его развитие свидетельствует о постоянной стремительной эволюции правовой системы, адаптируясь к новым вызовам и требованиям бизнеса мирового формата.

Список литературы:

1. Андреева М.В. История развития международного коммерческого арбитража в России / М. В. Андреева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 53 (395). — С. 43-48. — URL: <https://moluch.ru/archive/395/87474/> (дата обращения: 21.10.2024).
2. Жаткина А.В. Международный коммерческий арбитраж как средство разрешения торговых споров: анализ практики // Студент – Исследователь – Учитель. Материалы 22 Межвузовской студенческой научной конференции. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 2021. С. 684-690.
3. Шкараденюк И.А. Риски международного коммерческого арбитража в Российской Федерации в связи с влиянием международных санкций // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции материалы всероссийской научно-практической конференции. том 10. Сыктывкар, 2023, С. 196-201.

References:

1. Andreeva M.V. The history of the development of international commercial arbitration in Russia / M. V. Andreeva. — Text : direct // Young scientist. — 2021. — № 53 (395). — Pp. 43-48. — URL: <https://moluch.ru/archive/395/87474/> (date of application: 10/21/2024).
2. Zhatkina A.V. International commercial arbitration as a means of resolving trade disputes: an analysis of practice // Student – Researcher – Teacher. Materials of the 22nd Interuniversity Student Scientific Conference. A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2021. pp. 684-690.
3. Shkaradenok I.A. Risks of international commercial arbitration in the Russian Federation in connection with the impact of international sanctions // X Legal readings: The Russian state and law: vectors of development based on traditions materials of the All-Russian scientific and practical conference. Volume 10. Syktyvkar, 2023, pp. 196-201.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT FOR THE PLACEMENT OF LINEAR OBJECTS ON LAND PLOTS

ГАВРИЛЮК Мария Никитична,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры горного, земельного и экологического права
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.
119991, Россия, г. Москва, проспект Ленинский, 65, корп. 1.
E-mail: rogdestveno@inbox.ru;

GAVRILYUK Maria Nikitichna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Mining, Land and Environmental Law
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU).
65 Leninsky Prospekt, building 1, Moscow, 119991.
E-mail: rogdestveno@inbox.ru

Краткая аннотация: в статье проанализированы проблемы правового обеспечения условий размещения (строительства и эксплуатации) линейных объектов на земельных участках. Исследуется понятийный аппарат такой правовой категории, как «линейный объект», описываются особенности линейных объектов, определяются критерии отнесения объектов к линейным, анализируется вопрос о соотношении понятий «линейный объект – объект недвижимости – объект капитального строительства». Рассматриваются правовые условия, связанные с размещением линейных объектов на земельных участках. Выявляются основные преимущества и недостатки различных видов прав на земельные участки, предоставляемые для целей строительства и эксплуатации линейных объектов.

Abstract: the article analyzes the problems of legal support for the conditions of placement (construction and operation) of linear objects on land plots. The conceptual apparatus of such a legal category as "linear object" is investigated, the features of linear objects are described, the criteria for classifying objects as linear are determined, the question of the relationship between the concepts of "linear object – real estate object – capital construction object" is analyzed. The legal conditions related to the placement of linear objects on land plots are considered. The main advantages and disadvantages of various types of rights to land plots provided for the purposes of construction and operation of linear facilities are identified.

Ключевые слова: земельные отношения, линейный объект, объект капитального строительства, публичный сервитут, земельный участок.

Keywords: land relations, linear object, capital construction object, public easement, land plot.

Для цитирования: Гаврилюк М.Н. Проблемы правового обеспечения размещения линейных объектов на земельных участках // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 82-85. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_82.

For citation: Gavrilyuk M.N. Problems of legal support for the placement of linear objects on land plots // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 82-85. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_82.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Понятие линейного объекта

Понятие и содержание такой правовой категории «линейный объект» долгие годы остается одним из сложных в законодательства. Несмотря на то, что вопросы размещения объектов усовершенствованы за последние годы¹, однако разнообразие нормативных правовых актов в части перечисления видов линейных объектов², и отсутствие унификации законодательства в части единообразного определения линейного объекта, критериев его создания влечет за собой правовую неопределенность в данном вопросе.

Не добавляют ясности и дополнительные названия линейных объектов, так, например, законодателем выделяются такие понятия, как линейно-кабельные сооружения, сети инженерно-технического обеспечения³, магистральная инфраструктура⁴, а также линейные объекты топливно-энергетического комплекса⁵. Эта множественность терминов создает дополнительные трудности при реализации инвестиционно-строительного цикла и оформления проектно-разрешительной документации на данные объекты. Так, например, в ряде случаев проблематично идентифицировать сети, как самостоятельные линейные объекты, или напротив, линейные объекты в качестве сетей инженерно-технического обеспечения.

Согласно Классификатору объектов капитального строительства, утвержденному приказом Минстроя России от 2 ноября 2022 г. № 928/пр, ОКС выделены сооружения трубопроводного транспорта, инженерные сети; всего указано более 80 видов линейных объектов, которые относятся к ОКС. Разнообразие линейных объектов нуждается в системном регулировании, в частности необходима дополнительная систематизация линейных объектов в едином классификаторе с выделением линейных объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в отдельную группу, например, на основе их функционального назначения с разграничением объектов нефтегазовой инфраструктуры и комплекса⁶.

¹ См. подробнее: Галь, М. Е. Особенности размещения линейных объектов / М. Е. Галь // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 11(254). – С. 21-27. – EDN EEBPAE; Мельников Н. К вопросу о понятии линейного объекта и некоторых особенностях правового режима земельных участков, занятых такими объектами / Н. Мельников // Хозяйство и право. – 2017. – № 10(489). – С. 92-103. – EDN ZIGROT.

² См., например, Гражданский кодекс РФ (ст. 133.1), Градостроительный кодекс РФ (п. 10.1 ст. 1), Водный кодекс РФ (пп. 5 п. 3 ст. 11, ст. 51.2), Лесной кодекс РФ (п. 4 ч. 1 ст. 21), Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (пп. 6 п. 1 ст. 7) и др.

³ Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ от 4 января 2010 г. N 1 ст. 5.

⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ от 3 августа 2020 г. N 31 (часть I) ст. 5013.

⁵ Федеральный закон от 21 июля 2011 года N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ от 25 июля 2011 г. N 30 (часть I) ст. 4604.

⁶ Кравцова А.С. Эколого-правовое регулирование строительства и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса: специальность 12.00.06 "Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кравцова Айнура Сабьргалиевна, 2022. – 212 с. – EDN EQYHCA.

Исходя из анализа нормативных правовых актов и судебной практики можно выделить следующие *критерии отнесения объекта к линейному*:

- *протяженность* (параметры/характеристики) линейного объекта, с учетом показателей, содержащихся в утвержденной проектной документации, а также в разрешении на строительство;
- *всегда сооружение или объект, включающий в свой состав сооружение* («простая» или «сложная» вещь); линейный объект может быть частью производственно-технического комплекса (ПТК), когда входит в его состав;
- *наличие связи с землей*, что обуславливается требования гражданско-правового законодательства;
- *наличие зон с особыми условиями использования территорий (ЗООИТ¹)*;
- возможность размещения линейных объектов на единой трассе (единой территории), но на разных уровнях, в отличие от зданий/сооружений площадного типа, где осуществляется формирование земельного участка под каждым объектом.

Также можно выделить следующие *особенности линейных объектов*:

- обычно не ограничивают собственников в праве использования их земельных участков;
- имеют сравнительно ограниченный срок службы, варьирующий от 5 до 60 лет, при этом их расположение может изменяться с течением времени;
- характеризуются значительной протяженностью, что обуславливает их размещение на большом количестве земельных участков;
- в ряде случаев обладают высокой социальной значимостью, необходимы для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Для решения вопроса о том, относится ли *линейный объект к недвижимости (недвижимому имуществу)* следует проанализировать следующее:

- соответствие требованиям Гражданского кодекса РФ (ст. 130);
- линейные объекты, которые не прошли процедуру ввода в эксплуатацию в соответствии с установленными правилами, вероятнее всего, не могут быть признаны недвижимым имуществом (существует позиция Минстроя России, исходя из которой линейные объекты являются разновидностью (подвидом) объектов капитального строительства (ОКС)²;
- объектами недвижимости признаются линейные объекты, введенные в эксплуатацию в установленном порядке³;
- подпадают ли отдельные линейные объекты под действие специальных нормативных правовых актов⁴;
- что описано в проектной документации линейного объекта, поскольку именно на стадии его создания осуществляется решение вопроса об отнесении его к недвижимости;
- кадастровый инженер, который устанавливает характеристики объекта, исходя из указанных сведений устанавливает факт отнесения объекта к объекту недвижимости либо если дело рассматривается в судебном порядке, то суд устанавливает принадлежность объекта к недвижимости.

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что все введенные в эксплуатацию в качестве ОКС линейные объекты (в т.ч. и подземные), в соответствии с требованиями статьи 55 Градостроительного кодекса РФ, подпадают под понятие «недвижимость»⁵.

Виды линейных объектов

Как отмечается в научной литературе, линейные объекты могут включать в себя недвижимые и движимые вещи и иметь в своем составе подземные, наземные и надземные части⁶, а также быть основными или вспомогательными объектами. Вопрос об отнесении некоторых вещей в составе линейных объектов к движимому имуществу является предметом судебных разбирательств (например, суды говорят о том, что наличие фундамента не является достаточным основанием для отнесения к недвижимости⁷).

Линейные объекты можно условно подразделить на две группы, исходя из необходимости (или отсутствия таковой) получения разрешения на строительство. В первом случае, регулирование осуществляется в соответствии с п. 5 ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса РФ, а также Перечнем, утвержденным постановлением Правительства РФ от 12 ноября 2020 г. № 1816, который описывает ситуации, при которых для строительства или реконструкции объектов капитального строительства не требуется разрешения на строительство⁸. К числу таких объектов относятся, например, ЛЭП с напряжением до 35 кВ включительно, автодороги IV и V категорий. Во другом случае, когда требуется разрешение на строительство, нужно обращать внимание на то входит ли данное полномочие в компетенцию соответствующего органа власти. Так, например, в случае строительства/реконструкции ОКС, расположенного на территории двух субъектов Российской Федерации, разрешение на строительство выдает Минстрой России.

Также все линейные объекты можно разделить еще на две группы в зависимости от того, требуется ли оформление прав на земельный участок. В первую группу входят случаи, когда необходимо оформление прав под линейными объектами. Вторая группа включает ситуации, когда оформление таких прав не требуется (например, согласно п. 8 ст. 90 Земельного кодекса РФ для подземных объектов трубопроводного

¹ См. подробнее: Гаврилюк, М. Н. Особенности установления отдельных зон с особыми условиями использования территорий / М. Н. Гаврилюк // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2019. – № 8(175). – С. 39-41. – EDN VUHFTU.

² Письмо Минстроя России от 11 июля 2018 года N 30418-АС/08 «Об отнесении линейных объектов к объектам капитального строительства» // СПС «Консультант плюс».

³ Письмо Департамента недвижимости Минэкономразвития России от 29.07.2019 N ДЗ3и-25714 «О критериях разграничения движимого и недвижимого имущества» // СПС «Консультант плюс».

⁴ Например, Федеральный закон «О связи», Федеральный закон «Об автомобильных дорогах».

⁵ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2023 по делу N 88-21354/2023 // СПС «Консультант плюс».

⁶ Мельников, Н. К вопросу о понятии линейного объекта и некоторых особенностях правового режима земельных участков, занятых такими объектами / Н. Мельников // Хозяйство и право. – 2017. – № 10(489). – С. 100. – EDN ZIGROT.

⁷ Зрелов, А. П. Линейные объекты связи, как объекты движимого или недвижимого имущества / А. П. Зрелов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11(191). – С. 91 – DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_90. – EDN JWKZGB.

⁸ СЗ РФ от 23 ноября 2020 г. N 47 ст. 7520.

транспорта, относящихся к линейным объектам, оформление прав собственников объектов такого транспорта не требуется). Так, Конституционный суд РФ делает вывод о том, что арендовать земельный участок для подземного газопровода у его собственника не требуется. Это объясняется тем, что специфика данного объекта и отсутствие рисков негативных последствий при использовании земли обусловлены особенностями реализации принципа единства судьбы земельных участков и объектов, прочно с ними связанных¹.

Следует отметить, что правовая неопределенность сохраняется в отношении других подземных линейных объектов, таких как линии электропередачи (ЛЭП). В отличие от них, статья 90 Земельного кодекса РФ четко регулирует лишь правоотношения, связанные с подземным размещением объектов трубопроводного транспорта. При этом, исходя из буквального толкования норм, возникает требование об оформлении правоустанавливающих документов на земельный участок, на котором находится подземный линейный объект.

Правовые условия для размещения линейных объектов

Размещение линейных объектов публичного значения определяется на основе документов территориального планирования, включая схемы, регулирующие подобное планирование². Согласно п. 10 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ, данные схемы, касающиеся размещения линейных объектов, должны обновляться не реже одного раза в 20 лет. Формирование земельных участков для строительства/реконструкции линейных объектов публичного значения возможно исключительно на основании утвержденного проекта межевания территории (ПМТ), за исключением случаев, когда документация по планировке территории (ДПТ) не требуется. С 24 сентября 2024 года вступило в силу положение о расширении списка линейных объектов, для которых не требуется подготовка ДПТ при проведении строительства или реконструкции³.

Процедура оформления разрешительной документации имеет существенные различия, в зависимости от того, на землях какой категории планируется размещать линейный объект. Так, например, размещение линейного объекта на землях лесного фонда⁴ имеет следующую последовательность: 1) оформление проектной документации на лесной участок; 2) формирование лесного участка (его части); 3) заключение договора аренды или субаренды лесного участка; 4) утверждение и разработка ПМТ и ППТ; 5) строительство линейного объекта осуществляется только после подачи лесной декларации и в соответствии с утвержденным планом освоения лесов.

Законодательством установлены случаи: обязанности подготовки ППТ и когда ППТ не требуется. Здесь следует отметить, что Градостроительный кодекс РФ не содержит положений об отсутствии необходимости подготовки проектной документации применительно к КС (в том числе и на линейные объекты), выдача разрешений на которые не требуется.

Права на земельные участки, предназначенные для размещения линейных объектов

В зависимости от различных правовых оснований, ситуации застройщика и вида линейного объекта существуют различные варианты возможности оформления прав на земельные участки для его размещения.

1. *Собственность* (сроки оформления зависят от конкретных условий, на практике данный титул почти не используется). В случае, если существует возможность установить сервитут для размещения линейного объекта, суд не удовлетворит требование о выкупе земельного участка⁵.

2. *Аренда*, сроки оформления аренды или субаренды могут варьироваться от 3 до 7 месяцев (при условии, что категория земель и вид разрешенного использования остаются неизменными).

Недостатки данного титула: а) финансовые и временные затраты на формирование (образование) земельных участков; б) отсутствие исключительного права (невозможность приобретения земельного участка); в) практически всегда стоит вопрос о смене категории земель. К достоинствам данного титула можно отнести следующее: а) предпочтительный способ оформления прав под некоторыми видами линейных объектов (например, автомобильные дороги); б) в случае строительства подземного объекта методом ГНБ земельные участки образуются только там, где они используются, обязанности оформлять права над подземными частями по-прежнему нет (п. 8 ст. 90 Земельного кодекса РФ).

3. *Публичный сервитут*. Срок оформления сервитута варьируется от 15 до 50 дней, при этом точные границы участка, зарегистрированные права или вид разрешенного использования не влияют на данный процесс. Публичный сервитут устанавливается на срок от 10 до 49 лет (п. 1 ст. 39.45 Земельного кодекса РФ), при этом возможно его продление на новый срок, если соответствующее ходатайство подается до истечения срока действия сервитута. Границы публичного сервитута, установленного для размещения линейных объектов, могут определяться двумя различными способами. Для большинства случаев размещения линейных объектов целесообразно оформлять права на землю через публичный сервитут.

4. *Безвозмездное пользование* (статьи 24 и 39.10 Земельного кодекса РФ).

5. *Использование земельных участков, находящихся в публичной без предоставления или установления сервитута*. В соответствии с положениями статьи 39.33 Земельного кодекса РФ, а также нормативными актами¹, допускается эксплуатация земельного участка без оформ-

¹ См. определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 138-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сингх Елены Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 39.36, пунктом 8 статьи 90 Земельного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 Перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов» // СПС «Консультант плюс».

² См. подробнее: Пространственное развитие Российской Федерации: основа геостратегии и геополитики страны / Ю.А. Цыпкин, М.Н. Гаврилюк, В.О. Петров [и др.] // Московский экономический журнал. – 2023. – Т. 8, № 4. – DOI 10.55186/2413046X_2023_8_4_223. – EDN AQXJHU.

³ Это предусмотрено постановлением Правительства РФ от 14.09.2024 № 1264 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. N 1816».

⁴ Гаврилюк М.Н. Упрощенный порядок оформления прав на земельные участки для строительства линейных объектов в лесном фонде / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 2(182). – С. 39-42. – EDN TPRXQJ.

⁵ См.: постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2023 по делу N А12-10280/2023 // СПС «Консультант плюс».

ления прав. Сроки такого использования определяются в соответствии с законодательством каждого субъекта РФ². Документом, подтверждающим возможность размещения сооружений на таких землях, выступает разрешение, выданное уполномоченным органом³. Законы регионов устанавливают особенности регулирования подобных случаев. Так, могут быть установлены основания для отказа в размещении объекта, если его строительство противоречит целевому использованию участка.

Недостаток эффективного и всеобъемлющего нормативного регулирования в данной области создает значительные препятствия для градостроительного и инвестиционного развития территорий.

Список литературы:

1. Галь М.Е. Особенности размещения линейных объектов / М.Е. Галь // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 11(254). – С. 21-27. – EDN EEBPAE.
2. Гаврилюк, М. Н. Особенности установления отдельных зон с особыми условиями использования территорий / М. Н. Гаврилюк // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2019. – № 8(175). – С. 39-41. – EDN VUHFTU.
3. Гаврилюк М.Н. Упрощенный порядок оформления прав на земельные участки для строительства линейных объектов в лесном фонде / М.Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 2(182). – С. 39-42. – EDN TPRXQJ.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 190-ФЗ // СЗ РФ от 3 января 2005 г. N 1 (часть I) ст. 16
5. Зрелов А.П. Линейные объекты связи, как объекты движимого или недвижимого имущества / А.П. Зрелов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11(191). – С. 90-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_90. – EDN JWKZGB.
6. Кравцова А.С. Эколого-правовое регулирование строительства и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса: специальность 12.00.06 "Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кравцова Айнура Сабьргалиевна, 2022. – 212 с. – EDN EQYHCA.
7. Мельников Н. К вопросу о понятии линейного объекта и некоторых особенностях правового режима земельных участков, занятых такими объектами / Н. Мельников // Хозяйство и право. – 2017. – № 10(489). – С. 92-103. – EDN ZIGROT.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 138-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сингх Елены Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 39.36, пунктом 8 статьи 90 Земельного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 Перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов» // СПС «Консультант плюс».
9. Письмо Департамента недвижимости Минэкономразвития России от 29.07.2019 N Д23и-25714 «О критериях разграничения движимого и недвижимого имущества» // СПС «Консультант плюс»
10. Письмо Минэкономразвития России от 04.03.2016 № 6013-ПК/Д23 «О порядке осуществления государственной регистрации прав на сооружения, созданные с применением технологии горизонтально направленного бурения» // СПС «Консультант плюс».
11. Постановление Правительства РФ от 14.09.2024 N 1264 "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. N 1816" // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) номер опубликования: 0001202409160014, дата опубликования: 16.09.2024
12. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2023 по делу N А12-10280/2023 // СПС «Консультант плюс».
13. Приказ Министра России от 2 ноября 2022 г. N 928/пр «Об утверждении классификатора объектов капитального строительства по их назначению и функционально-технологическим особенностям (для целей архитектурно-строительного проектирования и ведения единого государственного реестра заключений экспертизы проектной документации объектов капитального строительства)», зарегистрировано в Минюсте РФ 20 февраля 2023 г., регистрационный N 72411 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 20 февраля 2023 г. N 0001202302200011
14. Пространственное развитие Российской Федерации: основа геостратегии и геополитики страны / Ю.А. Цыпкин, М.Н. Гаврилюк, В.О. Петров [и др.] // Московский экономический журнал. – 2023. – Т. 8, № 4. – DOI 10.55186/2413046X_2023_8_4_223. – EDN AQXJHU.
15. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ от 25 июля 2011 г. N 30 (ч. I) ст. 4604.
16. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ от 3 августа 2020 г. N 31 (часть I) ст. 5013.

References:

1. Gal M.E. Features of the placement of linear objects / M.E. Gal // Property relations in the Russian Federation. – 2022. – № 11(254). – Pp. 21-27. – EDN EEBPAE.
2. Gavriluk M.N. Features of the establishment of separate zones with special conditions for the use of territories / M.N. Gavriluk // Land management, cadastre and land monitoring. – 2019. – № 8(175). – Pp. 39-41. – EDN VUHFTU.
3. Gavriluk M.N. The main directions of improving registration legislation: the formation of registry law in Russia / M.N. Gavriluk // Property relations in the Russian Federation. – 2021. – № 8(239). – Pp. 99-110. – EDN GDPOQC.
4. Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 N 190-FZ // SZ RF of January 3, 2005 N 1 (Part I) Article 16
5. Zrelov A.P. Linear communication objects as objects of movable or immovable property / A.P. Matrelov // Law and the state: theory and practice. – 2020. – № 11(191). – Pp. 90-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_90. – EDN JWKZGB.
6. Kravtsova A.S. Ecological and legal regulation of construction and operation of linear facilities of the oil and gas complex: specialty 12.00.06 "Land law; natural resource law; environmental law; agrarian law": dissertation for the degree of Candidate of Law / Kravtsova Ainura Sabyrgalievna, 2022. – 212 p. – EDN EQYHCA.
7. Melnikov N. On the question of the concept of a linear object and some features of the legal regime of land plots occupied by such objects / N. Melnikov // Economy and law. – 2017. – № 10(489). – Pp. 92-103. – EDN ZIGROT.
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 28, 2021 No. 138-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Singh Elena Borisovna for violation of her Constitutional Rights by paragraph 3 of Article 39.36, paragraph 8 of Article 90 of the Land Code of the Russian Federation, as well as paragraph 1 of the List of types of objects that can be placed on lands or land plots owned by the state or municipal, without the provision of land plots and the establishment of easements" // SPS "Consultant plus".
9. Letter of the Real Estate Department of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 07/29/2019 N D23i-25714 "On criteria for distinguishing movable and immovable property" // SPS Consultant Plus
10. Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 03/04/2016 No. 6013-PK/D23 "On the procedure for state registration of rights to structures created using horizontally directional drilling technology" // SPS "Consultant plus".
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/14/2024 No. 1264 "On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 12, 2020 No. 1816" // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru) / publication number: 0001202409160014, date of publication: 09/16/2024
12. The decision of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated 10/17/2023 in the case N А12-10280/2023 // SPS "Consultant plus".
13. Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated November 2, 2022 No. 928/pr "On approval of the classifier of capital construction facilities according to their purpose and functional and technological features (for the purposes of architectural and construction design and maintenance of the unified State register of expert opinions on design documentation of capital construction facilities)", registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on February 20, 2023, registration number 72411 // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) February 20, 2023 N 0001202302200011
14. Spatial development of the Russian Federation: the basis of geostategy and geopolitics of the country / Yu.A. Tsyppkin, M.N. Gavriluk, V.O. Petrov [et al.] // Moscow Economic Journal. – 2023. – vol. 8, No. 4. – DOI 10.55186/2413046X_2023_8_4_223. – EDN AQXJHU.
15. Federal Law No. 256-FZ dated July 21, 2011 "On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities" // Federal Law of the Russian Federation dated July 25, 2011 No. 30 (Part I) of Article 4604.
16. Federal Law No. 254-FZ dated July 31, 2020 "On the Specifics of Regulating Individual Relations in for the purpose of modernization and expansion of the main infrastructure and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation dated August 3, 2020 No. 31 (Part I) of Article 5013.

¹ Постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1300 утвержден Перечень видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публично-государственному сервитуту.

² Например, см.: постановление Правительства Астраханской области от 15 июля 2015 г. № 362-П // СПС «Консультант плюс».

³ Например, на территории Челябинской области порядок и условия размещения объектов на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, утверждены приказом Министерства имущества Челябинской области от 30.06.2015 № 178-П // СПС «Консультант плюс».

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_86

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN THE FIELD OF DIGITAL INNOVATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

КИМ Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры «Конституционное и муниципальное право» юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: dr.kim-kimen@mail.ru;

НАЗАРОВА Надежда Николаевна,

магистрант юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: nadya_nazarova_2016@mail.ru;

KIM Alexander Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.
677007, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42.
E-mail: dr.kim-kimen@mail.ru;

NAZAROVA Nadezhda Nikolaevna,

Master's student of the Faculty of Law of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.
677007, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42.
E-mail: nadya_nazarova_2016@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается конституционно-правовой статус экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации. Приводится краткая историческая справка о введении экспериментальных правовых режимов в российском законодательстве. Авторы приходят к выводу, что наиболее подвержен риску нарушения конституционный принцип равенства всех перед законом.

Abstract. The article examines the constitutional and legal status of experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation. A brief historical background is provided on the introduction of experimental legal regimes into Russian legislation. The authors conclude that the constitutional principle of equality of all before the law is most at risk of violation.

Ключевые слова. Экспериментальный правовой режим, регуляторная песочница, цифровые инновации, конституционно-правовой статус, конституционные принципы.

Keywords. Experimental legal regime, regulatory sandbox, digital innovations, constitutional and legal status, constitutional principles.

Для цитирования: Ким А.Н., Назарова Н.Н. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 86-88. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_86.

For citation: Kim A.N., Nazarova N.N. Constitutional and legal foundations of experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 86-88. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_86.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

В создании передовых цифровых технологий заинтересованы многие государства, так как это может помочь занять ключевые места на мировой политической арене, а также способствует обеспечению национальной безопасности. При этом создание и развитие таких инноваций, как квантовые технологии, искусственный интеллект, беспилотные транспортные средства и т.д., стало одновременно и вызовом для многих стран, так как наравне со значительными преимуществами в виде повышения уровня жизни общества, страны сталкиваются и с рядом существенных проблем в виде возможности нарушения прав и свобод человека, причинения вреда различной степени серьезности и т.д. Из-за того, что вышеуказанные цифровые технологии являются абсолютно новыми, в законодательствах стран нет институтов, по аналогии с которыми можно урегулировать данную сферу общественных отношений. Тогда на помощь и пришли экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций.

Как отмечает Е.А. Громова, «применение регуляторных песочниц позволяет стимулировать развитие конкурентоспособных цифровых технологий, а также определить оптимальные подходы к их регулированию за счет возможности временного неприменения к субъектам такого режима отдельных требований действующего законодательства» [2]. Экспериментальные правовые режимы созданы как раз для того, чтобы выявить наиболее приемлемое правовое регулирование к совсем новым правоотношениям.

Основными преимуществами внедрения экспериментальных правовых режимов являются: во-первых, тестирование цифровых инноваций в рамках экспериментальных правовых режимов существенно снижает риски нарушения действующего законодательства; во-вторых, использование экспериментальных правовых режимов позволяет регуляторам адаптировать действующее законодательство к изменяющимся условиям и требованиям цифровой трансформации.

В 2018 году в России впервые был применен экспериментальный правовой режим для тестирования финтех-инноваций. Создание

этой регуляторной песочницы было предложено Центральным Банком России в рамках «Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов» [3]. Далее с целью обеспечения возможности проведения тестирования инновационных продуктов, услуг, сервисов и бизнес-моделей в прозрачной регуляторной среде не только в финтех сфере, но и в других отраслях, начинаются работы по разработке законодательной основы для регуляторных песочниц.

Первым существенным шагом вперед стало принятие Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [5], согласно которому преследовалась цель урегулировать вопросы применения искусственного интеллекта в области здравоохранения, а также предоставления разработчикам данной технологии доступа к медицинским данным путем отступления от требований законодательства о защите персональных данных.

Уже после этого был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее – ФЗ об ЭПР). Следует отметить, что сфера применения экспериментальных правовых режимов в России не ограничивается финтех-инновациями, а является весьма широкой, например, согласно ч. 2 ст. 1 данного Закона экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций могут устанавливаться по таким направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, как медицинская деятельность; проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высоко автоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов; иные направления [4]. Как известно, стать участниками экспериментального правового режима, согласно данному Закону, могут юридические лица и индивидуальные предприниматели.

В связи с новизной указанного института особо актуальным становится рассмотрение конституционно-правовых основ экспериментальных правовых режимов. Как известно, в Конституции Российской Федерации отсутствует прямое упоминание экспериментальных правовых режимов, что вполне понятно, так как Конституция Российской Федерации закрепляет именно базовые основополагающие принципы и не затрагивает такие частные случаи, как правовое регулирование экспериментальных правовых режимов. Однако, если мы обратимся к конституционным нормам, содержащим положения о регулировании принципов правового, демократического, федеративного государства, недопустимости ограничения конституционных прав и свобод граждан, законности и верховенстве Конституции РФ, равенстве всех перед законом, а также поддержки конкуренции, свободного использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, единстве экономического пространства на территории РФ, то мы сможем сделать вывод о конституционно-правовом статусе регуляторных песочниц в нашем государстве.

Важным шагом вперед при внедрении экспериментальных правовых режимов в российское законодательство стало внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. Так, была введена статья 75.1, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны, обеспечивается социальное партнерство. Также п. «м» ст. 71 был дополнен положением о том, что в исключительном ведении Российской Федерации также находится обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Такие нововведения в действительности обусловлены нарастающими и быстро ускоряющимися процессами цифровизации абсолютно всех правоотношений. Причем особое внимание уделяется безопасности граждан при применении цифровых инноваций, что довольно остро стоит на повестке современного правового регулирования указанных правоотношений.

Экспериментальные правовые режимы напрямую касаются конституционных принципов единого экономического пространства, тесно связанного с правом свободного использования своих способностей и имущества для ведения предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. ст. 8 и 34 Конституции РФ). Это обусловлено тем, что такие режимы предусматривают иное, отходящее от ранее установленного, правовое регулирование, вследствие чего на территориях с применением экспериментальных правовых режимов, как правило, устанавливаются особые экономические условия для участников регуляторной песочницы. При этом реализация принципа единого экономического пространства способствует созданию равных экономических условий для участников бизнеса в стране. Считается, что принцип недопустимости ограничения конституционных прав и свобод граждан и нарушения единства экономического пространства в РФ, закрепленный в ст. 4 ФЗ об ЭПР, направлен как раз таки на защиту статей 8 и 34 Конституции РФ.

Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ), Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). При этом на основании ч. 3 ст. 5 ФЗ об ЭПР положения программы экспериментального правового режима могут исключать или изменять действие положений федерального закона в случае, если это прямо предусмотрено соответствующим федеральным законом. В соответствии с указанными нормами мы можем утверждать, что основополагающий принцип законности соблюдается, ведь основной целью введения экспериментального правового режима выступает необходимость проверки альтернативного правового регулирования.

Наиболее спорным в контексте конституционно-правовых основ регуляторных песочниц остается рассмотрение принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Риск нарушения данного конституционно-правового принципа проистекает из сущности экспериментальных правовых режимов, так как ими устанавливается иное правовое регулирование для неопределенного круга лиц, при этом общее правовое регулирование для лиц, не участвующих в регуляторной песочнице, остается прежним. При этом Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 22.07.2002 г. № 14-П указал, что «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмыслен-

ности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона» [6]. При этом в п. 6 ст. 4 ФЗ об ЭПР закрепляется, что одним из принципов экспериментального правового режима является «определенность специального регулирования по времени, кругу лиц и, если иное не вытекает из существа экспериментального правового режима, ограничение специального регулирования в пространстве».

Введение экспериментального правового режима, включающего положения о стимулировании конкретного круга лиц, должно базироваться на существующих конституционно значимых принципах, закрепленных в п. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. В ФЗ об ЭПР данные цели никак не упоминаются, при этом во взаимосвязи с указанными целями находится принцип недопустимости ограничения конституционных прав и свобод граждан, нарушения единства экономического пространства на территории РФ, что закрепляется в п. 1 ст. 4 ФЗ об ЭПР. При установлении несоответствия таким конституционным принципам, как равенство всех перед законом и правовая определенность, в каждом конкретном случае следует исходить из фактической и юридической разницы в объеме прав и обязанностей субъектов данных правоотношений. А именно следует изучать разницу в объеме прав и обязанностей между непосредственными участниками экспериментального правового режима и иными лицами, не участвующими в правоотношениях, регулируемых экспериментальным правовым режимом.

Одной из первых попыток применения экспериментального правового режима на территории Российской Федерации стало введение такого режима в Томской области. Так, 24 марта 2022 года было подписано Постановление Правительства РФ №458 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области». Как отмечает А.И. Григорьев, «реализация Программы экспериментального правового режима фактически позволит сформировать для Опытного района применения беспилотных авиационных систем экспериментальную основу деятельности высокотехнологичной отрасли применения беспилотников и практически отработать все предложения по совершенствованию нормативно-правовой и нормативно-технической базы» [1].

Таким образом, конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов исходят из норм Конституции РФ, а именно из статей 1, 4, 8, 15, 55, 71, 72 и 75.1 и ряде других норм. При этом наиболее подвержен риску нарушения при введении экспериментального правового режима конституционный принцип равенства всех перед законом, однако, мотивы введения экспериментального правового режима, соответствия конституционно значимым целям, оправданны. Применение альтернативного правового регулирования служит подспорьем для дальнейшего внедрения в общее правовое регулирование методов, использованных при применении регуляторной песочницы.

Список литературы:

1. Григорьев А.И. Реализация Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по безопасной эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области // Технологии безопасности жизнедеятельности. 2023. No 2. С. 5–7. DOI: 10.17223/7783494/2/1.
2. Громова Е. А. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций (регуляторные песочницы) в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. No 3. С. 20–30. DOI: 10.12737/jzsp.2023.032.
3. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов. URL: http://regulation.nprts.ru/ru/upload/on_2018_2020.pdf (дата обращения: 19.09.2024).
4. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 19.09.2024).
5. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 19.09.2024).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37848/ (дата обращения: 19.09.2024).

References:

1. Grigoriev A.I. The implementation of the Program of the experimental legal regime in the field of digital innovations for the safe operation of unmanned aircraft systems in the Tomsk region // Life safety technologies. 2023. No. 2. pp. 5-7. DOI: 10.17223/7783494/2/1.
2. Gromova E. A. Experimental legal regimes in the field of digital innovations (regulatory sandboxes) in Russia and foreign countries // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2023. Vol. 19. No. 3. pp. 20-30. DOI: 10.12737/jzsp.2023.032.
3. The main directions of financial technology development for the period 2018-2020. URL: http://regulation.nprts.ru/ru/upload/on_2018_2020.pdf (date of appeal: 09/19/2024).
4. Federal Law No. 258-FZ of 07/31/2020 (as amended on 08/08/2024) "On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ / (date of access: 09/19/2024).
5. Federal Law No. 123-FZ dated 04/24/2020 "On Conducting an Experiment to establish special Regulation in order to create the necessary conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ / (date of access: 09/19/2024).
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/22/2002 No. 14-P "On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of the Federal Law "On Restructuring of Credit Institutions", paragraphs 5 and 6 of Article 120 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with complaints from citizens, a complaint from the regional public organization "Association for Protection the rights of shareholders and depositors" and the complaint of JSC Voronezh Design Bureau of antenna-feeder Devices // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37848/ / (date of access: 09/19/2024).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЖЕНЩИН FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF WOMEN'S WORK

ФАИЗОВА Кристина Александровна,

старший преподаватель кафедры экологического и трудового права
Института права Уфимского университета науки и технологий.
450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
E-mail: faizova.cristina@yandex.ru;

Faizova Kristina Aleksandrovna,

Senior Lecturer at the Department of Environmental and Labor Law
Institute of Law Ufa University of Science and Technology.
450005, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevsky str., 131.
E-mail: faizova.cristina@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены и проанализированы как общие, так и особенные требования, правила, регулирующие труд женщин в Российской Федерации.

Abstract: The article examines and analyzes both general and specific requirements and rules governing women's work in the Russian Federation.

Ключевые слова: труд женщин, трудовой договор, условия труда, правовое регулирование, законодательство.

Keywords: women's work, employment contract, working conditions, legal regulation, legislation.

Для цитирования: Фаизова К.А. Особенности правового регулирования труда женщин // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 89-91. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_89.

For citation: Faizova K.A. Features of the legal regulation of women's work // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 89-91. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_89.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2024

В последнее время на территории России устанавливается все больше гарантий организации труда женщин. Такое положение обусловлено тем, что на данный момент все больше женщин в возрасте от 23 до 35 лет при устройстве на работу сталкиваются с определенными трудностями, так как работодатели женщин в репродуктивном возрасте относят к группе риска на рынке труда. Такая негативная тенденция стала наблюдаться в связи с ускоренными темпами развития рыночных отношений, в условиях которых работодателям стало не выгодно предоставлять женщинам различные льготы, связанные с воспитанием и рождением детей.

Однако, на сегодняшний день можно сказать, что вопрос с выплатами пособий в связи с рождением ребенка и уходом за ним в возрасте до полутора лет практически решен – пособия выплачиваются Социальным Фондом Российской Федерации, что значительно снизило финансовую нагрузку на работодателей. В то же время, временные вакансии, которые образуются в связи с уходом женщины в декретный отпуск, используют меньшим спросом, чем постоянные, а в это время у организации отсутствует списочный работник, выполняющий определенные функции. Именно поэтому барышни в репродуктивном возрасте не привлекают нынешних работодателей по сей день.

Статьей 37 высочайшего нормативного акта Российской Федерации определено, что каждый имеет ей-богу на оплачиваемый не ниже установленного законом уровня и безопасный труд, защиту от безработицы [1].

Помимо Конституции РФ, трудовые отношения в России регулируются Трудовым кодексом РФ (позднее – ТК РФ) [2], статьей 251 которого определено, что женский труд находится под специальной защитой государства. В частности, статья 253 ТК РФ запрещает женщинам работать во вредных и опасных условиях, а также быть занятыми на подземных работах, за исключением тех случаев, как скоро их труд не связан с подъемом и переноской тяжестей и осуществлением дел в санитарии и домашнем обслуживании.

В то же время, согласно статье 209 того же документа, под вредными условиями труда необходимо понимать некоторые факторы производственного процесса, которые могут привести к заболеванию работника, воздействуя на него. Под опасными, в собственную очередь, понимается совокупность факторов, которые могут привести к его травме [2].

Постановлением Правительства Российской Федерации № 162 «Об утверждении Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» (далее – Постановление Правительства № 162, Перечень), подтвержден запрет на работу женщин по профессиям, включенным в перечень. В настоящий список входит множество профессий, в частности, монтажники горных автомашин. Также женщины не могут выполнять работу по подъему и движению тяжелых предметов. Такие нормы определены в Приказе Министерства труда и общественной защиты РФ № 629н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для представительниц слабого пола при подъеме и перемещении тяжестей вручную» [3]. Одна из особенностей заключается в том, что барышни могут работать на опасных работах при наличии документов, подтверждающих экономическую безопасность условий труда – результатов специальных оценок.

М. Гусенко подмечает, что «телерь женщины могут водить самосвалы, работать под территорией или выполнять другие работы, которые раньше были запрещены. Это случается, когда Министерство труда Российской Федерации (далее – Минтруд Российской Федерации) изменяет палитра тяжелых работ и производств с вредными или опасными условиями труда, при которых запрещен женский труд» [5].

Учитывая тот факт, что вопросы правового регулирования женского труда являются очень важными для общества в полость, то директор уп-

равления рынка труда и социального партнерства Российского союза промышленников и коммерсантов – М. Москвина, отметила, что на практике возникают разногласия между решением работодателя взять на работу даму и контролирующими органами – трудовой инспекцией [5].

Примечательно, что Минтруд РФ впрямь намерен пересмотреть Постановление Правительства, запрещающее женщинам трудиться по определенным профессиям со слов главы департамента условий, и охраны труда – В. Коржа на Всероссийской неделе охраны труда в Сочи [7].

Некоторые научные работники отмечают факт настоящей действительности о том, что женщинам на данный старт запрещено трудиться по большому перечню профессий и специальностей. В то же уран, общество, пытаясь разрешить данный вопрос, предпринимает поползновения к тому, которые оказываются тщетными [6].

Так, при рассмотрении данной темы необходимо особое внимание уделить судебной практике по этому вопросу. М. обратилась в суд с иском к ООО с требованием о возложении обязанности на ООО (там – Общество) в кратчайший срок создать условия труда и сделать вывод с ней трудовой договор. Истец утверждала, что окончила Самарский речной техникумы по специальности «Судовождение на внутренних водных путях и в прибрежном купании», ей присвоена квалификация техника-судоводителя. Истец подала челобитная о приеме на работу на должность моториста-рулевого на теплоход. Заявление было рассмотрено и одобрено, впрочем, несмотря на одобрение ее кандидатуры, руководством с ней не был заключен трудовой каф. Истец полагает, что действиями Общества нарушаются ее трудовые права, в взаимосвязи с чем, просит суд обязать Общество в кратчайший срок создать условия труда и заключить с ней трудовой договор.

В свою очередь, Представитель Ответчика разъяснил, что в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом сам, под свою ответственность, принимает необходимые кадровые решения и финал трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, считается правом, а не обязанностью работодателя. На момент обращения Гражданки М. о способе на работу свободных вакансий должности моториста-рулевого не наличествовало, как и не имеется в настоящее время, в связи с чем, не имеется оснований, обязывающих Общество сделать вывод трудовой договор. Кроме того, в силу Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении коих запрещается применения труда женщин, запрещено использовать женский пол труд на должностях машинной команды судов всех видов флота, а тоже.одновременно у Истца отсутствуют необходимые квалификационные свидетельства моториста-рулевого, что тоже.одновременно является препятствием для рассмотрения её кандидатуры на указанную должность. Поэтому, предполагая исковые требования Истца незаконными и необоснованными, Ответчик умолял в удовлетворении исковых требований отказать. Таким образом, разрешая торговля, выслушав пояснения сторон, исследовав материалы дела, суд постановил отказать в удовлетворении исковых притязаний об обязанности в кратчайший срок создать условия труда Гражданки М. и сделать вывод с ней трудовой договор [4].

Действительно, законом установлено, что труд надобно носить безопасный характер, а каждый имеет право на безопасный метод труд, особенно женщины, которые в силу своего фалда рожают и воспитывают детей. Однако, на практике складывается обратная чс – большую долю профессий составляют те, которые входят в реестр профессий с опасными или вредными условиями. Так, здоровье человека, как наиболее ценный и важный ресурс, на сегодняшний день, можно заявить, утратило значение по сравнению со многими другими интересами и ценностями.

Однако В. Корж – лидер департамента условий и охраны труда Минтруда, считает, что время уходит от прямого перечисления «запрещенных» профессий, потому что техучеба и технологии не стоят на месте [7]. Поэтому Минтруд РФ предлагает не составлять перечни профессий, где женщинам априори нельзя было бы работать, а подтвердить блок вредных производственных факторов, при наличии которых физический труд женщин будет ограничен, а также перечень отдельных видов дел с опасными условиями труда.

Специальные нормы установлены в отношении беременных представительниц слабого пола и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет. Для них не устанавливается испытания при приеме на работу в соответствии со статьей 70 Трудового кодекса РФ.

Статьей 298 Трудового кодекса РФ устанавливается воспрещение на привлечение к работам, выполняемым вахтовым методом, беременных дам и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

Для беременных представительниц слабого пола запрещается отправлять их в служебные командировки, привлекать к сверхурочной работе и работе в пастьба время, выходные и нерабочие праздничные дни.

Статья 254 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает специальные гарантии для защиты здоровья и безопасности беременных женщин на рабочем месте. В случае, раз медицинское заключение подтверждает беременность, женщины имеют фригольд на снижение нагрузки, перераспределение обязанностей на более легкую работу или афагия воздействия вредных факторов на производствах, сохраняя при этом средний уровень заработной платы.

При посещении медицинских учреждений для неперемного обследования, беременным женщинам гарантируется сохранение заработка на бывшем месте работы.

Оплата за отпуск во время беременности и родов обязана соответствовать следующим условиям:

- основание для получения отпуска – изречение женщины и наличие корректно оформленного медицинского заключения об лимитировании трудоспособности (лист нетрудоспособности);
- продолжительность отпуска во время беременности и родов составляет 70 (при многоплодной беременности - 84) календарных день до родов и 70 (в случае сложных родов - 86, при рождении двух или наиболее детей - 110) календарных дней после родов;
- выплата пособия в соответствии с объемами, определенными федеральными законами о государственном социальном страховании.

По закону, маме предоставляется право оформить отпуск для заботы о ребенке, коему еще не исполнилось трех лет. Выплаты по социальному страхованию в этот суперпериод определены законом и гарантированы.

Отпуском могут воспользоваться не исключительно мать, но и отец, бабушка, дедушка, другие родственники или покровитель, ухаживающие за ребенком.

Также предусмотрено предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска. Согласно заметке 260 Трудового кодекса Российской Федерации, беременные женщины имеют все шансы получить ежегодный оплачиваемый отпуск до, после или во время отпуска по уходу за ребенком. При данном воспользоваться таким отпуском можно независимо от продолжительности работы у работодателя, т.е. нет требования о шестимесячном непрерывном стаже работы у данного работодателя.

Нормы права о труде устанавливают ограничения и запреты на расторжение трудового договора с беременными представительницами слабого пола, а также лицами, имеющими семейные обязательства, лишь в явных случаях. Согласно статье 261 ТК РФ, расторжение трудового договора с беременной представительницей слабого пола по инициативе работодателя запрещается. Исключение составляет случай, как скоро фирма закрывается или предприниматель прекращает работу. В случае решения срочного трудового договора, беременным женщинам предоставляются меры поддержки. Если завершается срок трудового договора в период беременности, то по требованию представительницы слабого пола его продление должно произойти до окончания этого периода. Женщина, с чьим трудовым договором продлен канцелинг на время беременности, должна предоставлять справку о беременности по притязанию работодателя один раз в три месяца.

В случае рождения ребенка прекращение контракта со срочным работником выполняется вместе с окончанием отпуска. В иных ситуациях, увольнение женщины происходит в пределах 7 дней со времени, как-нибудь работодатель получил информацию о факте окончания беременности.

В праве РФ нет других преимуществ или выгод при прекращении контракта с беременными представительницами слабого пола.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что правовые общепризнанных мерок по охране труда женщин имеют множество особенностей, коие работодатели должны учитывать при использовании женского труда. На наш соображение, основная задача работодателей заключается, прежде всего, в том, дабы учитывать двигательные навыки и минимизировать негативное воздействие на репродуктивную функцию представительниц слабого пола а также создавать безопасные и благоприятные условия труда.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СПС КонсультантПлюс, 2024.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 08 августа 2024 г. № 268-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс, 2024.
3. Приказ Минтруда России от 14 сентября 2021 г. № 629н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъеме и движении тяжестей вручную» // СПС КонсультантПлюс, 2024.
4. Решение Самарского районного суда от 15 сентября 2017 г. по делу № 2-1885/2017 // СПС КонсультантПлюс, 2024.
5. Гусенко М. В горящее сражение войдет: Женщин могут допустить на опасную работу [Электронный гидресурс]: URL:<https://permsovprof.ru/novosti-i-publikacii/v-gorjavee-delo-vojdjet.html>
6. Чумаченко Д.Р. Особенности регулирования труда женщин в российской федерации // Актуальные проблемы применения норм гражданского права и процесса, трудового права, семейного права. 2017. № 6. С. 233-237.
7. Минтруд намерен изменить перечень вредных профессий для женщин [Электронный ресурс]: URL:<https://russian.rt.com/russia/news/502638-mintrud-professii-zhenschiny>

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS ConsultantPlus, 2024.
2. The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (with the latest amendments and additions of August 8, 2024 No. 268-FZ) // SPS ConsultantPlus, 2024.
3. Order of the Ministry of Labor of Russia dated September 14, 2021 No. 629n "On approval of the maximum permissible load standards for women when lifting and moving heavy objects manually" // SPS ConsultantPlus, 2024.
4. Decision of the Samara District Court dated September 15, 2017 in case No. 2-1885/2017 // SPS ConsultantPlus, 2024.
5. Gusenko M. The burning case will include: Women may be allowed to do dangerous work [Electronic resource]: URL: <https://permsovprof.ru/novosti-i-publikacii/v-gorjavee-delo-vojdjet.html>
6. Chumachenko D.R. Features of regulating women's labor in the Russian Federation // Actual problems of applying the norms of civil law and procedure, labor law, family law. 2017. No. 6. P. 233-237.
7. The Ministry of Labor intends to change the list of harmful professions for women [Electronic resource]: URL: <https://russian.rt.com/russia/news/502638-mintrud-professii-zhenschiny>

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Specifics of modern legislative process in the subjects of the Russian Federation

ФАТИХ Никита Мохамедович,

аспирант кафедры «Конституционного и муниципального права» юридического факультета,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

677013, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

E-mail: nikitafatih@mail.ru;

КИМ Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционного и муниципального права»,

юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

677013, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

E-mail: dr.kim-kimen@mail.ru;

Fatih N. M. M. Kim,

Postgraduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law,

North-Eastern Federal University in Yakutsk.

677013, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskyst, 42.

E-mail: nikitafatih@mail.ru;

Kim Alexander Nikolaevich,

Ph.D. in Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law,

North-Eastern Federal University in Yakutsk.

677013, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskyst, 42.

E-mail: dr.kim-kimen@mail.ru

Краткая аннотация: В статье акцентируется внимание на ключевых аспектах функционирования российской политической системы, особенно на роли и взаимодействии субъектов Федерации в процессе законодательного формирования. Различные регионы России имеют свои уникальные особенности и задачи, которые могут требовать специфических законодательных решений. Современная Россия сталкивается с различными политическими вызовами, и законодательный процесс на региональном уровне играет важную роль в решении этих задач. Автор стремится к развернутому анализу современного законодательного процесса в субъектах России, выявлению его особенностей и влияния на различные аспекты жизни в стране.

Abstract: The article focuses on the key aspects of the functioning of the Russian political system, especially on the role and interaction of the subjects of the Federation in the process of legislative formation. Different regions of Russia have their unique features and tasks, which may require specific legislative solutions. Modern Russia faces various political challenges, and the legislative process at the regional level plays an important role in addressing these challenges. The author aims at a detailed analysis of the modern legislative process in the constituent entities of Russia, identifying its peculiarities and its impact on various aspects of life in the country.

Ключевые слова: законодательный процесс, Конституция Российской Федерации, правотворчество, стадии законодательного процесса, законодательная инициатива.

Keywords: legislative process, Constitution of the Russian Federation, lawmaking, stages of the legislative process, legislative initiative.

Для цитирования: Фатих Н.М., Ким А.Н. Специфика современного законодательного процесса в субъектах Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_92.

For citation: Fatikh N.M., Kim A.N. Specifics of modern legislative process in the subjects of the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_92.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Актуальность. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации - это часть процесса создания законов, который осуществляется на региональном уровне. Он представляет собой последовательность этапов, на которых обсуждаются, принимаются, опубликовываются и начинают действовать законы, касающиеся конкретных регионов.

Проблема. Важно отметить, что право инициативы в законодательном процессе на региональном уровне определено региональным законодательством и может различаться в разных субъектах Российской Федерации. Это значит, что субъекты правительства и представительные органы в каждом регионе могут иметь свои собственные правила и процедуры внесения законодательных инициатив.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с законодательным процессом в субъектах РФ.

Конституция Российской Федерации предоставляет субъектам федерации право самостоятельно определять структуру органов власти в соответствии с принципами конституционного строя и общими принципами организации законодательных и исполнительных органов власти. Важным источником правового регулирования законодательного процесса на региональном уровне является сама Конституция Российской Федерации. В ней закреплены общие принципы и формы законотворчества субъектов Федерации, а также их полномочия в сфере законодательной деятельности.

Прежде всего, Конституция России устанавливает основные принципы, такие как признание прав и свобод человека, государственный суверенитет, народовластие, разделение властей и другие. Эти положения имеют приоритетное значение при определении статуса субъектов Российской Федерации и предметов ведения и полномочий органов власти на федеральном и региональном уровнях. Нормы, касающиеся разграничения полномочий между органами власти России и ее субъектами, определены в статье 11 части 3 Конституции РФ.¹ Кроме того, статьи

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.10.2023).

главы 3 Конституции России представляют особый интерес. Например, статьи с 71 по 73 определяют предметы ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определяя тем самым сферы, в которых региональное законодательство имеет приоритет. Статья 76 устанавливает систему нормативных актов, которые разрабатываются в результате законодательного процесса. Статья 77 подчеркивает, что субъект Федерации имеет право самостоятельно создавать свою систему органов власти в соответствии с конституционными принципами.¹

Важным законодательным актом, который регулирует законодательный процесс в регионах России, является Федеральный закон от 21 декабря 2021 года N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».² Этот федеральный закон устанавливает основные полномочия законодательных и представительных органов власти в субъектах Российской Федерации. Он также определяет процедуры принятия нормативных актов на уровне региона и перечень вопросов, которые могут регулироваться нормативными актами субъектов Федерации.

Помимо Федерального закона, который устанавливает общие принципы организации органов власти в субъектах Российской Федерации, следует отметить Федеральный закон № 172 от 17 июля 2009 года «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов».³ Этот закон устанавливает правовые и организационные основы для проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов с целью выявления в них признаков коррупции.

Федеральный закон № 32-ФЗ от 4 апреля 2005 года «Об Общественной палате Российской Федерации» регулирует статус Общественной палаты РФ и определяет порядок проведения общественной экспертизы проектов федеральных и региональных законов, а также проектов нормативно-правовых актов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.⁴

Кроме того, важными источниками права, регулирующими законодательный процесс на уровне субъектов России, являются указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, Федеративный договор и другие внутригосударственные договоры.

Следует также уделить внимание постановлениям Конституционного Суда РФ, которые имели существенное влияние на развитие законодательного процесса. Существует дискуссия в науке о том, следует ли рассматривать решения Конституционного Суда как источник права и о юридической природе этих позиций. Однако, в практике они рассматриваются как источники права в российской правовой системе. Наглядным примером может служить постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 1996 года «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области».⁵

Можно сделать вывод, что на федеральном уровне существует обширная нормативно-правовая база, которая регулирует законодательный процесс и предоставляет субъектам Российской Федерации указания для их законотворчества. Аналогично, на региональном уровне субъектов Федерации также существуют акты, имеющие высший юридический статус в системе нормативных актов субъектов России. К ним относятся законы субъектов РФ и подзаконные акты.

Так согласно законам Алтайского края, Новосибирской области, Кемеровской области и Красноярского края, их законодательные органы имеют особый статус и роль.

Рассмотрим их подробнее в таблице 1.

Таблица 1 Структура и статус законодательных органов в регионах России (на примере Алтайского и Красноярского края, Новосибирской и Кемеровской областей)

Регион	Законодательный орган	Статус и роль
Алтайский край	Алтайское краевое Законодательное Собрание	Единственный и постоянно действующий орган законодательной власти Алтайского края, осуществляющий все полномочия законодательного органа государственной власти края в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Уставом (Основным Законом) Алтайского края и законами края.
Новосибирская область	Законодательное Собрание Новосибирской области	Высший и постоянно действующий законодательный орган государственной власти Новосибирской области, действующий в рамках органов власти области.
Кемеровская область	Совет народных депутатов Кемеровской области	Единственный и всегда действующий орган законодательной власти Кемеровской области.
Красноярский край	Законодательное Собрание Красноярского края	Постоянно действующий и единственный законодательный орган власти Красноярского края.

Источник: проанализировано автором по данным Закона Алтайского края от 08.05.2001 г. N 22-ЗС «Об Алтайском краевом Законодательном Собрании» (с изменениями и дополнениями), Закона Новосибирской области от 05.12.2011 г. N 152-ОЗ «О законодательном собрании Новосибирской области», Закона Кемеровской области от 19.01.2004 г. N 1-ОЗ «О совете народных депутатов Кемеровской области» (принят советом народных депутатов Кемеровской области 26.12.2003 г. N 251), Уставный Закон Красноярского края от 29.01.2009 г. N 8-2864 «О законодательном собрании Красноярского края» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/region> (дата обращения: 30.10.2023).

Согласно мнению различных авторов, правотворчество представляет собой процесс, направленный на подготовку, издание, совер-

¹ Там же.

² Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 30.10.2023).

³ Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 N 172-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» от 04.04.2005 N 32-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 N 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23007/ (дата обращения: 30.10.2023).

шенствование или отмену правовых норм. Этот процесс имеет две основные формы: непосредственное правотворчество, включая референдумы, и опосредованное правотворчество, связанное с деятельностью государственных органов.¹

Стадия законодательного процесса, согласно Анисимовой Е.А., представляет собой совокупность процессуальных действий, которые направлены на достижение конкретного правового результата. Эти стадии различаются по характеру действий и результата, а их последовательность определена процессуальными нормами, что позволяет разделять задачи законодательной деятельности на этапы. Каждая стадия имеет определенные временные рамки и свою цель.²

А.С. Пиголкин представляет стадии законодательного процесса как стадию предварительного формирования государственной воли (правотворческая инициатива), стадию возведения государственной воли в закон (стадия обсуждения), и стадию официального оглашения принятого нормативного правового акта.³

Из анализа научной литературы и нормативно – правовой базы, можно сделать следующие выводы:

1. Право законодательной инициативы является правом (и в некоторых случаях обязанностью) субъектов, которые обладают соответствующими полномочиями для осуществления определенных действий. До того момента, пока эти субъекты, предусмотренные законом, не воспользуются своим правом, то есть не внесут законопроект (законодательное предложение) для рассмотрения в орган законодательной власти, процедура принятия закона не может начаться.

2. Право на законодательную инициативу может быть реализовано путем внесения законопроекта в готовом виде или путем внесения законодательного предложения.

3. Результатом права законодательной инициативы является необходимость для органа законодательной власти рассмотреть внесенный законопроект (законодательное предложение) в соответствии с установленным конституцией (уставом) порядком и принять по нему одно из решений.

4. Важно отличать внесение законопроектов (законодательных предложений) субъектами права законодательной инициативы от предложений, которые вносятся лицами, не обладающими этим правом.

В статье 104 Конституции Российской Федерации указывается, что право законодательной инициативы принадлежит различным органам и институтам, включая Президента Российской Федерации, Совет Федерации, его членов, депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, а также законодательные органы субъектов Российской Федерации. Кроме того, право на законодательную инициативу принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам, входящим в их компетенцию.⁴

С другой стороны, статьей 26 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливается, что с правотворческой инициативой могут выступать инициативные группы граждан, обладающих избирательным правом. При этом, минимальное число членов инициативной группы определяется нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования и не может превышать 3 процента от общего числа жителей муниципального образования, имеющих избирательное право.⁵

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что законодательный процесс в Российской Федерации представляет собой сложную и многоэтапную систему действий, которая завершается принятием закона. Этот процесс характеризуется строгой формализацией и жесткими нормами, установленными в конституционном праве. Данный процесс включает как обязательные этапы, которые необходимо выполнить, так и факультативные, которые могут быть применены в зависимости от конкретной ситуации.

Важно отметить, что каждый этап законодательного процесса имеет свои особенности и требования, которые должны соблюдаться. Эта система обеспечивает прозрачность и законность процесса создания законов, что является важным элементом правовой системы России.

Список литературы:

1. Анисимова Е. А. Референдумный законодательный процесс субъектов Российской Федерации // Юридические исследования. – 2022. – №4. – С. 25-33
2. Анисимова Е. А. Актуальные проблемы законодательного процесса // Вопросы юридического сообщества Вологодской области. – 2019. – № 3. – С. 34-40.
3. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. Второе издание, переработанное и дополненное. – М.: Книжный мир, 2012. – С. 440.
4. Залоило М. В. Законодательный процесс в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 45-57.
5. Ильин В. В. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации // Столыпинский вестник. – 2021. – Т. 3. – № 3. – С. 152-158.
6. Иношва А.Д. Особенности правового статуса органа законодательной власти субъекта Российской Федерации // Экономика и социум. – 2021. – № 7(86). – С. 290-296.
7. Пиголкин А.С. Правотворчество // Проблемы общей теории государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2000. – С. 319.
8. Шабанов Х. М. Особенности организации законодательной власти в субъектах РФ // SciencesofEurope. – 2020. – № 59-3 (59). – С. 68-72.

References:

1. Anisimova E.A. The referendum legislative process of the subjects of the Russian Federation // Legal studies. – 2022. – No. 4. – pp. 25-33
2. Anisimova E.A. Actual problems of the legislative process // Issues of the legal community of the Vologda region. – 2019. – No. 3. – pp. 34-40.
3. Borisov A.B. A large legal dictionary. The second edition, revised and expanded. – M.: Knizhny mir, 2012. – p. 440. 4. Zaloilo M.V. Legislative process in the Russian Federation: current state and development prospects // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2023. – No. 1. – pp. 45-57.
5. Ilyin V.V. Legislative process in the subjects of the Russian Federation // Stolypin Bulletin. – 2021. – vol. 3. – No. 3. – pp. 152-158.
6. Inyusheva A.D. Features of the legal status of the legislative authority of the subject of the Russian Federation // Economics and Society. – 2021. – № 7(86). – Pp. 290-296.
7. Pigolkin A.S. Lawmaking // Problems of the general theory of state and law / Edited by V.S. Nersisyan. – M., 2000. – C. 319.
8. Shabanov H.M. Features of the organization of legislative power in the subjects of the Russian Federation // Sciences of Europe. – 2020. – № 59-3(59). – Pp. 68-72.

¹ Борисов А.Б. Большой юридический словарь. Второе издание, переработанное и дополненное. – М.: Книжный мир, 2012. – С. 440.

² Анисимова Е.А. Референдумный законодательный процесс субъектов Российской Федерации // Юридические исследования. – 2022. – № 4. – С. 25-33

³ Пиголкин А.С. Правотворчество // Проблемы общей теории государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2000. – С. 319.

⁴ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 30.10.2023).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGIME OF THE STATE BORDER

САМИГУЛЛИН Рафис Минниханович,

кандидат юридических наук, профессор кафедры управления в органах внутренних дел
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доцент.
ул. Муксинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.
E-mail: srm0204@mail.ru;

SAMIGULLIN R.M.,

Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Management in the Internal Affairs Bodies
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Associate Professor.
Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: srm0204@mail.ru

Краткая аннотация: в статье раскрывается нормативно-правовая база регулирования правового режима государственной границы Российской Федерации, определяются режимы работы государственной границы, выделяются основные положения защиты государственной границы.

Abstract: The article reveals the regulatory framework for regulating the regime of the state border of the Russian Federation, defines the modes of operation of the state border, highlights the main provisions of the protection of the state border.

Ключевые слова: государственная граница, пограничная зона, пограничный режим, территория, государство.

Keywords: state border, border zone, border regime, territory, state.

Для цитирования: Самигуллин Р.М. Конституционно-правовой режим государственной границы // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 95-97. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_95.

For citation: Samigullin R.M. Constitutional and legal regime of the state border // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 95-97. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_95.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

Эффективная охрана государственной границы любого государства, в том числе и России, может быть осуществлена только в том случае, если проработано правовое регулирование ее режима. На сегодняшний день правовые основы, регулирующие охрану и защиту государственной границы Российской Федерации, регулируются Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и законами РФ.

При этом следует выделить следующие положения защиты государственной границы, которые зафиксированы в Конституции РФ:

- основной принцип обеспечения безопасности России в пограничной зоне – это использование конституционной модели, построенной на единстве таких понятий, как защита суверенитета, целостности и независимости страны. Охрана государственной границы в данном случае выступает как составная часть процесса;

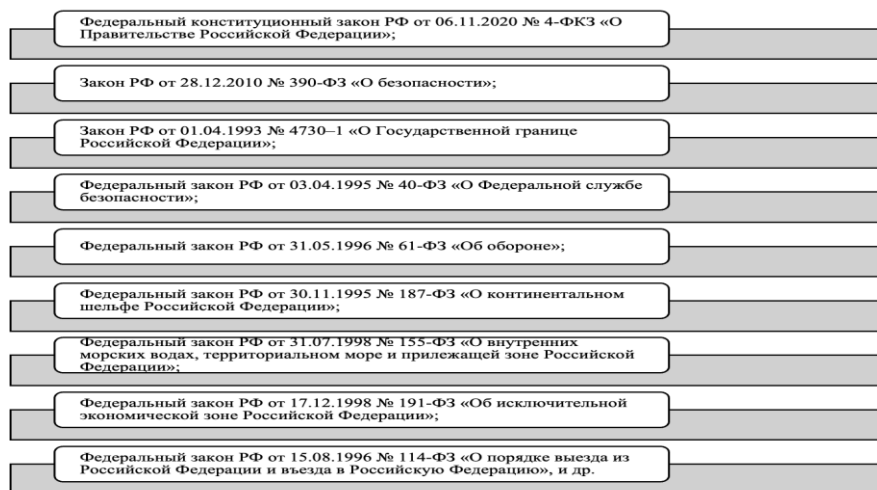
- создание единой системы безопасности для реализации ценностей демократии;

- объектами защиты выступают государственная граница, территориальное море, воздушное пространство, исключительная экономическая зона и континентальный шельф. При этом Россия ставит перед собой обязанности нести ответственности не только за определение их статуса, но и защиту их от возможного посягательства;

- определение предметов совместного ведения между РФ и субъектами с точки зрения обеспечения процесса охраны государственной границы. Непосредственно установление режима пограничной зоны на приграничной территории – такой предмет совместного ведения. То есть защита прав и свобод человека и гражданина (не важно, какого государства) на приграничной территории приобретает повышенную важность, с точки зрения обеспечения законности процесса, соблюдения правопорядка и общественной безопасности;

- для охраны государственной границы огромное значение имеет общепризнанность принципов и норм международного права и понимание того, что международные договоры Российской Федерации – это составная часть законодательной системы.

На рисунке 2 представлены основные нормативные акты в сфере защиты Государственной границы РФ.

Таким образом, нормативная основа регулирования режима государственной границы РФ направлена на то, чтобы качественно обеспечить защиту интересов государства. Также режим государственной границы поддерживается на основании международных договоров. Они различны по своему содержанию и объектам исследования. Так, международный договор может регулировать процесс прохождения государственной границы, систему обозначений пограничных линий, уточнения специфики прохождения определенных участков границы. Очень важными являются договоры, которые регулируют в целом режим границы или его отдельные элементы. К ним относятся и использование приграничных территорий, охрана границы, уход за пограничными знаками, обеспечение стабильности на границе и др. [2, с. 372].

Отдельно стоит указать на такой фактор, как стабильность государственной границы. Он выступает одним из основных факторов, оказывающих влияние на уровень стабильности в целом международных отношений. Именно по этой причине международное право содержит в себе обычную и договорно-правовую норму. В них оговаривается, что правопреемство государство не должно затрагивать границ и пограничного режима, которые устанавливаются на основании договоров. Данное положение закреплено в статье 11 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. На основании данного положения государство-преемник должно в полной мере ориентироваться на соблюдение договора о границах, который был установлен государство-предшественником.

Неприкосновенность границ сопредельных государств является предметом пристального внимания. На их основании нормы внутригосударственного и международного права устанавливается режим, который определяет механизм и порядок пропуска и передвижения через границу.

Проанализируем основные вопросы регулирования режима государственной границы.

Содержанием государственной границы называется порядок, который направлен на сохранение и поддержание в надлежащем состоянии оборудования, пограничных знаков и пограничных просек, осуществление контрольных осмотров и др.

Согласно положениям международного права, со стороны государства должны быть выполнены действия, которые позволяют сделать процесс ее прохождения ясным и видимым. При этом для пограничных знаков и просек существуют специальные требования, которые описаны в демаркационных документах. Сопредельные государства делят между собой обязанности, необходимые для обеспечения обязанностей по уходу за пограничными знаками. Пограничные просеки должны осматриваться в установленные сроки в режиме совместного проведения мероприятий.

Особого внимания в режиме государственной границе заслуживает процесс пересечения ее не только лицами, но и транспортными средствами. Также необходимо обратить внимание на правила перемещения через границу грузов, товаров и животных. Процесс перехода, переезда или перелета государственной границы лицами, а также пересечение ее транспортными средствами осуществляется только в пункте перехода границы. Данный пункт должен быть открыт для международного движения в двустороннем порядке. Установление или изменение пункта перехода границы осуществляется на основании договоров, заключенных сопредельными государствами. В процессе пересечения государственной границы должен соблюдаться порядок. Воздушные суда пересекают государственную границу посредством использования специальных коридоров полета. Возможность пересечения государственной границы без такого коридора должна быть отрегулирована компетентными органами государства [1].

Необходимо указать на такой вариант пересечения государственной границы, как вынужденное. Оно осуществляется в случае наступления чрезвычайных обстоятельств. К ним относятся авария, стихийное бедствие, несчастный случай, ледовые условия, которые угрожают безопасности судна. Также допускается такой вариант пересечения границы в случае буксировки поврежденного судна. К вынужденным причинам относится и доставка спасенных людей, а также необходимость оказания срочной медицинской помощи для пассажиров или членов экипажа.

Товары, грузы и животные перемещаются через государственную границу также в определенном месте. Для них установлен специальный порядок, который утвержден в международных договорах, а также правилами внутригосударственного значения.

Пропуск через государственную границу, грузов, товаров, транспортных средств и животных невозможен без осуществления пограничного контроля. Также, в зависимости от правил страны, могут потребоваться и другие виды контроля. К ним относятся таможенный, санитарный, карантинный, иммиграционный, фитосанитарный, ветеринарный и другие. Процесс пропуска должен быть осуществлен непосредственно в пункте пропуска через государственную границу. Он заключается в том, что происходит признание законности процесса пересечения границы. Пропуск может быть осуществлен только при наличии и предъявлении документов, которые подтверждают право на въезд или выезд. Также должны быть предъявлены документы на все транспортные средства, товары, грузы и животных, которые пересекают границу. Обязательное требование – действительность данных документов.

Регламентирование въезда и выезда на территорию России осуществляется положениями Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. Также определенные процессы определены международными договорами РФ. Для иностранных граждан необходимо предъявить следующие документы, которые дадут им право на въезд: паспорт, виза. Для определенных граждан возможно дополнение к данному перечню.

Если иностранный гражданин получает разрешение на въезд в Россию на условиях постоянного проживания, то ему должна быть выдана иммиграционная виза. Если гражданин другого государства въезжает для временного пребывания, то ему должна быть предоставлена неиммиграционная виза. При этом возможен вариант договора между государствами, который происходит на основании упрощенного порядка. Безвизовый въезд – вариант такой договоренности.

Граждане СНГ наделены правами въезда, выезда и передвижения на территории его участников в безвизовом режиме. Им достаточно иметь документы, которые удостоверяют их личность, или подтверждают гражданство. Данное право было установлено статьей 1 Соглашения о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников от 9 октября 1992 г.

Граждане, имеющие дипломатический или служебный паспорт, а также паспорт моряка на территории одного государства, имеют возможность безвизового порядка въезда, выезда и пребывания на территорию другого государства.

Также необходимо обратить внимание на особенности ведения всех вариантов деятельности на государственной границе. С этой точки зрения интересна хозяйственная, промысловая и иная деятельность. Так, проблемными являются моменты охоты, рыболовства, сельского, лесного или горного дела [1].

Осуществление любого варианта деятельности около государственной границы должно вестись так, чтобы оно не причиняло ущерб не только территории сопредельного государства, но и здоровью населения, всем видам безопасности страны. Очень важно не создавать помехи процессу обеспечения сохранности государственной границы.

С точки зрения регулирования данного процесса можно привести в пример соглашение Российской Федерации и Китайской Народной Республики о руководящих принципах совместного хозяйственного использования отдельных островов и прилегающих к ним акваторий на пограничных реках (1997 г.). В соглашении указано, что государственная граница с двух сторон имеет полосы определенной ширины (в среднем – до 20 метров). На данных полосах ведение хозяйственной деятельности либо полностью запрещено, либо может быть допущено в случае возникновения исключительных обстоятельств.

Также у государств имеется право высказывания варианта запрещения ведения на определенном участке государственной границы какого-либо промысла или вида работ.

Разрешение с иностранными государствами инцидентов, связанных с нарушением указанных правил.

Лица, воздушные суда, морские и речные суда, другие транспортные средства, пересекающие государственную границу в нарушение правил, признаются нарушителями границы и должны нести ответственность.

Для решения вопросов, связанных с соблюдением режима государственной границы, и разрешения пограничных инцидентов государства назначают пограничных представителей (пограничных комиссаров, пограничных уполномоченных) и их заместителей. Места их официального пребывания, полномочия и порядок деятельности определяются соглашениями. Постановлением Правительства РФ от 15 мая 1995 г. утверждено Положение о пограничных представителях Российской Федерации.

Пограничные представители принимают необходимые меры для предотвращения случаев нарушения режима государственной границы. Они обязаны провести расследование и принять надлежащие меры в случае обстрела через границу или совершения насильственных действий в отношении лиц, находящихся на территории другого государства, убийства, ранения или иного нанесения вреда здоровью граждан в результате действия через границу, незаконного перехода (пересечения) границы и других нарушений режима границы [3].

Законом «О Государственной границе Российской Федерации» пограничный режим устанавливается в пограничной зоне, в территориальном море, а также на определенных участках внутренних вод РФ, если они имеют выход к Государственной границе.

Пограничной зоной Российской Федерации является полоса местности шириной до 5 километров вдоль Государственной границы на суше, морского побережья РФ, российских берегов пограничных рек, озер и иных водоемов, а также острова на указанных водоемах [1].

Пограничный режим включает правила:

а) въезда (прохода), временного пребывания, передвижения лиц и транспортных средств в пограничной зоне, которые осуществляются по документам, удостоверяющим личность, индивидуальным пропускам, выдаваемым органами и войсками Федеральной пограничной службы России. Устанавливаются место и время въезда и выезда из пограничной зоны, маршруты передвижения, продолжительность и иные условия пребывания транспортных средств. Право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пограничной зоне может быть ограничено (ст. 8 Закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»);

б) хозяйственной, промысловой и иной деятельности, проведения массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в пограничной зоне. Конкретные работы и мероприятия в пограничной зоне проводятся с разрешения органов и войск Федеральной пограничной службы;

в) учета, содержания и использования российских маломерных судов и средств передвижения по льду. Российские маломерные самоходные и несамоходные суда и средства передвижения по льду подлежат обязательному учету и хранению на пристанях, причалах, в других пунктах базирования;

г) ведения промысловой, исследовательской, изыскательской деятельности в территориальном море и внутренних водах РФ, российской части вод пограничных рек, озер и иных водоемов. Эта деятельность осуществляется с уведомлением органов и войск Федеральной пограничной службы, а во внутренних и пограничных водах – с их разрешения [3, с. 389].

Список литературы:

1. Каламкарян, Р. А. Международное право : учебник для вузов / Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2024. - 541 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-16851-8. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/545457> (дата обращения: 31.10.2024).
2. Международное публичное право: учеб. / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби Изд-во Проспект, 2005. — С. 372.
3. Попова, Л. И. Организация таможенного контроля товаров и транспортных средств : учебное пособие для вузов / Л. И. Попова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2024. - 248 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-17255-3. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/532743> (дата обращения: 31.10.2024).

References:

1. Kalamkarian, R.A. International law: textbook for universities / R.A. Kalamkarian, Yu.I. Migachev. - 5th ed., reprint. and add. — M.: Yurait Publishing House, 2024. - 541 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-16851-8. - Text: electronic // Yurait educational platform [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/545457> (date of application: 10/31/2024).
2. International public Law: textbook / L.P. Anufrieva, D.K. Bekashev, K.A. Bekashev, V.V. Ustinov [et al.]; ed. by K.A. Bekashev. — 4th ed., reprint. and additional. — M.: TK Welby Publishing House Prospect, 2005. — p. 372.
3. Popova, L.I. Organization of customs control of goods and vehicles: a textbook for universities / L.I. Popova. - 4th ed., reprint. and add. - M.: Yurait Publishing House, 2024. - 248 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-17255-3. - Text: electronic // Yurait Educational platform [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/532743> (date of request: 31.10.2024).

К ВОПРОСУ О НОВОМ ПОДХОДЕ К ПРОИЗВОДСТВУ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

On the issue of a new approach to the scientific examination of normative legal acts

БЕРДАЛИЕВ Кайрат Чолпонкулович,

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики.
720010, Кыргызская Республика, г. Бишкек, Ленинский район, проспект Чуй, 164 А.
E-mail: kairatberdaliev@gmail.com;

BERDALIEV Kairat Cholponkulovich,

Doctor of Law, Leading Researcher
Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.
720010, Kyrgyz Republic, Bishkek, Leninsky district, Chui Avenue, 164 A.
E-mail: kairatberdaliev@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена к созданию нового подхода в производстве научной экспертизы нормативных правовых актов, основанному на рассмотрении четырех уровней: - анализа самого материала, - анализ процессов, - анализ функциональных структур, - анализ организации материала (морфологии). Предлагаемый подход обеспечивает системное исследование документа, включая анализ концептуальной идеи, принципов и терминологии; идентификация и диагностика субъектов и участников правовых отношений; распределение полномочий между субъектами; концептуальную организацию текста и морфологическую целостность акта. Такой анализ позволяет выявить сильные стороны, пробелы и несоответствия, а также сформулировать рекомендации для повышения качества и эффективности нормативного правового акта. Статья иллюстрирует значимость подхода, акцентируя внимание на необходимости его совершенствования для достижения устойчивого правового регулирования.

Abstract: The article is dedicated to the creation of a new approach to conducting scientific expertise of normative legal acts, based on the consideration of four levels: analysis of the material itself, analysis of processes, analysis of functional structures, and analysis of the organization of material (morphology). The proposed approach ensures a systematic study of the document, including the analysis of conceptual ideas, principles, and terminology; identification and diagnosis of subjects and participants in legal relations; distribution of powers among subjects; conceptual organization of the text; and morphological integrity of the act. This analysis allows identifying strengths, gaps, and inconsistencies, as well as forming recommendations to improve the quality and effectiveness of the normative legal act. The article illustrates the importance of this approach, emphasizing the need for its improvement to achieve sustainable legal regulation.

Ключевые слова: Анализ процессов; морфология нормативного правового акта; научная экспертиза; нормативные правовые акты; правовое регулирование; системный подход; устойчивое развитие общества; функциональные структуры.

Keywords: Process analysis; morphology of normative legal acts; scientific examination; normative legal acts; legal regulation; systemic approach; sustainable development of society; functional structures.

Для цитирования: Бердалиев К.Ч. К вопросу о новом подходе к производству научной экспертизы нормативных правовых актов // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 98-101. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_98.

For citation: Berdaliev K.Ch. On the issue of a new approach to the scientific examination of normative legal acts // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 98-101. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_98.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Причиной к разработке нового подхода к производству научной экспертизы нормативных правовых актов (далее - НПА) послужил тот факт, что в Законе Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах» имеется институт проведения «научной экспертизы». Однако, ни в научной, ни в юридической литературе нет четкого и конкретного алгоритма проведения данного вида экспертизы. В настоящее время, государственные органы в рамках реализации права о проведении научной экспертизы направляют свои проекты НПА в соответствующие институты Национальной академии наук Кыргызской Республики. Однако, до сих пор, единого подхода к проведению научной экспертизы нет. В этой связи, данная статья направлена исключить данный пробел. Так, общеизвестно, что природа не предстает перед нами разделенной на дисциплины. Нет явлений физических, химических, биологических и т. д. Дисциплины - это способы, которыми мы изучаем явления: они обусловлены точками зрения, а не объектами наблюдений. Следовательно, разбиение науки на дисциплины представляет собой соответствующую систему знаний. Ее организацию нельзя смешивать с организацией самой природы [1, 12]. Аналогичная ситуация и с организацией политической власти — это структура, созданная человеком для управления обществом. Она отражает конкретные точки зрения, обусловленные ценностями, приоритетами и культурными и этическими нормами, а не естественную природу социальных взаимодействий или управления.

Природа в своем изначальном виде не имеет границ и разделений — это единое целое, которое мы, чтобы лучше понять и объяснить, разрезаем на удобные части. Однако такие части всегда условны и субъективны, зависят от наших способов познания и целей. Разделение науки на физику, химию, биологию, экономику и другие дисциплины является следствием наших попыток проникнуть в глубину различных аспектов реальности. Это не более чем инструмент, а не отражение сущности самой природы.

То же самое можно сказать о политической власти. Ее организация не диктуется законами природы, она зависит от человеческого опыта, социального контекста и исторических традиций. Политические системы, такие как демократия, монархия, анархия или диктатура, являются конструкциями, созданными для управления обществом. Они создаются для упрощения координации, защиты интересов и разрешения конфликтов, которые неизбежны в любой сложной социальной группе. Но, как и в случае с дисциплинами, эти структуры подвержены изменениям и зависят от культурных, социальных и исторических контекстов.

Одна из важных идей, которые вытекают из этой аналогии, заключается в необходимости перехода от разделения к интеграции. Мир стал слишком сложным, чтобы продолжать рассматривать его через узкие призмы отдельных дисциплин или идеологий. Нам нужно больше внимания уделять междисциплинарным исследованиям и межкультурному диалогу, которые помогут найти новые решения старых проблем.

Например, экология и климатология используют данные из физики, химии, биологии, экономики и социологии для понимания глобальных изменений. Эти примеры показывают, что интеграция различных дисциплин позволяет создавать более полное и глубокое понимание реальности.

В политике интеграция также становится ключевым условием успешного управления. Современные вызовы, такие как пандемия, изменение климата, терроризм, миграционные кризисы, киберугрозы требуют глобального сотрудничества и учета интересов всех сторон. Это подразумевает не только реформы на уровне отдельных государств, но и создание новых форм международного взаимодействия, основанных на взаимопонимании и уважении культурных различий. Именно поэтому важно не забывать о целостности. В попытках разложить мир на части мы рискуем потерять его изначальную красоту и гармонию. Для того чтобы достичь подлинного прогресса, нужно научиться видеть за деталями общую картину и стремиться к созданию систем, которые отражают эту целостность.

Общеизвестно, что государство есть организация политической власти. В юридической литературе высказываются различные подходы к организации политической власти. Например, элементами (подсистемами) любой политической системы выступают: а) организационный (институциональный), куда входят государство, политические партии, общественно-политические организации и движения, а также политические отношения, складывающиеся между ними; б) регулятивный (нормативный), включающий в себя право, политические нормы и традиции, некоторые нормы морали и т.д.; в) функциональный компонент, представляющий основные направления деятельности политической системы; г) идеологический компонент, в виде политического сознания господствующего класса, идеологические и психологические характеристики системы [2, 128].

Все четыре компонента в организации политической власти реализуются посредством целеустремленной деятельности субъектов политической власти. Эти четыре компонента политической системы формируют сложный механизм, через который государство реализует свои цели и поддерживает общественный порядок. *Организационный компонент* играет ключевую роль в структурировании политической власти, задавая формальные и неформальные правила взаимодействия между институтами власти и общественными движениями, что обеспечивает стабильность и предсказуемость политических процессов.

Регулятивный компонент устанавливает нормы, регулирующие действия субъектов политической системы и поддерживающие законность и легитимность власти. Система правовых и моральных норм ограничивает действия участников политического, общественного процесса, что позволяет минимизировать произвольность и злоупотребления со стороны власти. Правовые нормы, в том числе конституционные принципы, законы, подзаконные акты, а также традиции и обычаи, создают основу для правового порядка, определяя права и обязанности всех участников.

«Функциональный компонент» задает цели и задачи, которые государство и его институты реализуют на практике. Через этот компонент выражаются политические стратегии, программы субъектов политической власти, направленные на удовлетворение интересов и потребностей общества, включая защиту прав граждан, обеспечение безопасности, экономическое и социальное развитие. Функциональный аспект связывает абстрактные принципы и идеалы с конкретными действиями, определяя приоритетные направления государственной политики.

Идеологический компонент поддерживает легитимность политической системы, формируя общественное сознание и убеждения, которые обосновывают существующую власть и укрепляют её устойчивость. Идеология отражает интересы доминирующих групп, но также играет важную роль в формировании общего мировоззрения, ценностей и убеждений граждан, что способствует интеграции общества и его солидарности вокруг основных политических целей. Данный компонент отражен в национальных стратегиях, стратегических программах. Отдельные признаки данного компонента можно увидеть в преамбулах Основного закона страны.

Таким образом, все четыре компонента политической системы неразрывно связаны и взаимодействуют, обеспечивая целостное функционирование государства как организации политической власти. Данное обстоятельство определило дальнейшее развитие науки. Поэтому, *«ученые стремились достичь понимания функционирования целого на основе анализа структуры частей и структурных связей между частями. В настоящее время мы все больше и больше стремимся проникнуть в структуру частей системы, опираясь на понимание функционирования всей системы как целого»*[1, 14].

Итак, современный этап развития науки требует более глубокого осмысления целостного подхода к разработке нормативных правовых актов. В условиях возрастания сложности социальных, экономических и технологических систем становится очевидным, что традиционные методы научной экспертизы больше не способны в полной мере отвечать на запросы современного общества. Это актуализирует задачу разработки новой методологии, которая учитывала бы не только структурные элементы проектов нормативных актов, но и их функционирование в рамках общей системы государственного управления и взаимодействия с обществом.

Во-первых, новая методология должна строиться на основе системного анализа, где проекты нормативных правовых актов рассматриваются не как изолированные документы, а как часть сложной системы общественных отношений. Это подразумевает анализ взаимодействий между различными правовыми нормами, их влияния на социальные процессы и обратного воздействия общества на функционирование этих норм.

Во-вторых, проекты нормативных актов зачастую затрагивают сразу несколько сфер жизни общества. Например, Цифровой кодекс КР одновременно связан с вопросами права, этики, экономики, социальной справедливости и безопасности. Новая методология должна обеспечивать участие экспертов из разных областей, чтобы обеспечить всесторонний анализ предлагаемых решений.

В-третьих, важно учитывать не только непосредственное воздействие нормативного правового акта, но и его потенциальные последствия в долгосрочной перспективе.

В-четвертых, в условиях быстро меняющейся среды нормативные правовые акты должны быть гибкими, чтобы оставаться актуальными. А чтобы они были гибкими, они изначально должны гармонично вписываться не только в систему действующего законодательства, но и актуальному курсу политики руководства страны.

Научная экспертиза нормативных правовых актов должна не только выявлять слабые стороны предлагаемых решений, но и предлагать пути их устранения. Это особенно важно в условиях ускоренного изменения технологий, международных обязательств и возрастающей сложности социальных систем.

Мысль о необходимости рассматривать процессы, как естественные, так и социальные, с позиции целостности и системного подхода с самого начала направила нас к системно-структурному анализу. При этом акцент делается на интерпретацию системы как целостного единства, охватывающего несколько уровней описания: уровень анализа самого материала (НПА); уровень процессов; уровень функциональных структур; уровень организации материала (морфологии).

Установлено, что для системного представления объекта требуется обязательное рассмотрение его характеристик на всех вышеуказанных уровнях анализа.

Таким образом, мы предлагаем в рамках производства научной экспертизы нормативных правовых актов исследовать 4 аспекта:

1. Уровень анализа самого материала (НПА). Рассмотрение самого проекта НПА в контексте проведения научной экспертизы нормативных правовых актов подразумевает анализ базового содержания текста проекта, используемых терминов, на которых строится вся нормативная конструкция, базовые принципы, сфера применения и др. Это своего рода «сырье» законодательства, его исходная база, которая определяет, как нормы будут интерпретироваться и функционировать в правовой системе.

На данном этапе анализ самого материала (проекта) включает:

- лексический и семантический анализ;
- проверка точности используемых в проекте НПА терминов.
- соответствие определений и используемых терминов действующему законодательству и их однозначность интерпретации. Например, термин «устойчивое развитие» может трактоваться по-разному в зависимости от контекста. Неоднозначность на этом уровне приведет к проблемам в интерпретации и применении норм.
- анализ соответствия содержания НПА базовым конституционным принципам;
- проверка согласованности с вышестоящими нормативными правовыми актами (определить насколько НПА интегрирован в общую правовую систему).

Следует отметить, что данный этап анализа по своей сути схож со специализированными видами экспертиз, которые проводятся уполномоченным государственным органом. Вместе с тем, главным отличием выступает семантический анализ проекта и определение наличия всех обязательных признаков для соответствующего уровня нормативных правовых актов (кодекс, закон, подзаконный акт).

Если проект НПА сформулирован с ошибками или упущениями, это создает правовую неопределенность и препятствует реализации нормативного правового акта. На этом этапе закладываются основы, которые влияют на всю правоприменительную практику.

2. Уровень процессов. На этапе анализа проекта НПА в контексте и на этапе «уровень процессов» описывается динамическое функционирование правовых норм в политической, социальной, экономической и административной среде. На этом этапе рассматривается, как нормы, закрепленные в проекте НПА, воплощаются в правоприменительной практике, как они влияют на общественные отношения и регулируют взаимодействие различных субъектов. Другими словами, данный этап является ключевым, который связывает содержание правовой нормы с ее практическим применением. Этот уровень представляет собой динамическую часть системы, фокусирующуюся на том, как положения нормативного правового акта воплощаются в действиях и взаимодействиях участников общественных и административных процессов.

На этапе анализа уровня процессов исследуются следующие аспекты:

- как заложенные в нормативном правовом акте нормы, правила, процедуры и механизмы будут функционировать на практике;
- как внедрение НПА приведет к изменениям в существующих общественных, экономических или административных процессах;
- как различные участники (государственные органы, институты гражданского общества, граждане) будут исполнять, интерпретировать и применять нормы в своей деятельности;

На этом этапе анализируется:

- ясность и выполнимость процедур;
- уровень детализации процессов и механизмов, чтобы избежать неопределенности в применении.

Дополнительно, на данном этапе оценивается динамика изменений (какие процессы изменятся после введения нормативного правового акта):

- поведенческие изменения у субъектов правовых отношений (например, переход субъектов предпринимательства на новые налоговые правовые отношения);
- административные изменения, включая перестройку существующих организационных, административных процедур;
- политические, социально-экономические последствия, такие как рост благосостояния или снижение социальной напряженности.

Какие могут быть у НПА проблемы, которые можно диагностировать на этапе «анализа процессов»:

- отсутствие четких механизмов реализации норм и положений НПА. Например, подобная проблема может привести к тому, что процесс исполнения становится зависимым от субъективных решений (в силу больших дискреционных полномочий) отдельных органов или лиц;
- неполное описание процедур, либо отсутствие подзаконных актов, которые описывают детализированное описание процедур. Отсутствие детализации может привести к правовой неопределенности, что затрудняет применение норм на практике;

- игнорирование реального контекста, то есть реального положения вещей в правоприменительной практике. Если нормы не адаптированы к текущим организационно-правовым возможностям субъектов или не учитывают существующие административные, правовые и иные барьеры, они становятся невыполнимыми.

Значение «уровня процессов» является критически важным для успешной реализации нормативных правовых актов. Именно на этом уровне нормы из текста превращаются в реальные действия и начинают влиять на общественные отношения. Пренебрежение этим уровнем в процессе разработки НПА может привести к неработающим или малоэффективным правовым нормам.

3. Уровень функциональных структур. Анализ «функциональных структур» в научной экспертизе нормативных правовых актов представляет собой уровень, который описывает, как создаваемые нормы права структурируют и распределяют функции между различными субъектами, органами и процессами. Он фокусируется на механизмах взаимодействия участников системы, их полномочиях, обязанностях и ответственности. Этот план особенно важен, так как он определяет, каким образом нормативный правовой акт «работает» как функциональная система, обеспечивая достижение как своих, так и целей вышестоящей системы.

«Функциональные структуры» являются структурно-функциональным скелетом НПА, который обеспечивает его действенность и эффективность. Если функциональная структура плохо проработана, это может привести к следующим проблемам: - дублирование функций, что создает избыточные бюрократические барьеры; - невыполнимость норм из-за отсутствия необходимых правовых условий или полномочий; - конфликты между субъектами и участниками правоотношений из-за недостаточной координации или размытых полномочий.

Если функциональные обязанности и механизмы взаимодействия определены четко, процессы становятся предсказуемыми и прозрачными. Детальная проработка функциональной структуры — необходимое условие для создания действенного законодательства, способного достигать заявленных целей и эффективно регулировать общественные отношения.

4. Уровень организации материала (морфологии). Исследование на уровне организации материала (морфологии) представляет собой уровень, на котором изучается структура и внутреннее устройство нормативного правового акта. Он охватывает организацию текста закона, его логическую согласованность, иерархию норм, а также связь между различными элементами акта. Этот уровень фокусируется на том, как текст НПА организован в единую систему, которая позволяет эффективно функционировать в реальной среде и быть понятным для всех участников правового регулирования.

Базовые направления анализа при данном уровне:

- логическая структура текста (логика структурирования элементов НПА: разделов, глав, параграфов, статей, частей, пунктов, абзацев и др., их последовательность и логичность расположения);
- морфологическая связь между элементами НПА (выявление дублирований, противоречий, коллизий, пробелов);
- соответствует ли структура НПА системе правового регулирования в данной области;
- иерархия норм системы (нормативный правовой акт должен иметь четкую внутреннюю иерархию в зависимости от целей и задач НПА, а именно расположение общих положений, частных положений, дополнительных положений, переходных норм и др.);
- логическая согласованность элементов НПА (элементы НПА представлены в логической последовательности, от общих принципов к деталям: сначала описываются общие положения и принципы, а затем механизмы их реализации).

Отличие *данного уровня* от *уровня анализа самого материала* заключается в том, что при *«анализе морфологии»*, эксперт не выходит за рамки самого НПА и ищет логику структурирования внутри системы. При *«анализе самого материала»* производится соотношение НПА с другими элементами системы законодательства и выходит за пределы своей системы. Данный *уровень анализа (морфология)* обеспечивает нормативному правовому акту четкую, логически выстроенную и функциональную структуру, которая является необходимым условием для его применения и достижения целей правового регулирования. Без проработки этого уровня анализа текст НПА становится неэффективным инструментом, а нормы - трудными как для восприятия, так и для использования. Морфология акта связывает его содержание с функцией, делая его понятным, прозрачным и действенным в реальной правоприменительной практике.

Таким образом, производство научной экспертизы посредством использования системно-структурного анализа может выступить ключевым инструментом для обеспечения действенности, эффективности и гармоничности национального законодательства. Каждый из описанных уровней выполняет свою уникальную роль, дополняя и усиливая другие.

Уровень *«анализа самого материала»* обеспечивает точность исходных понятий, которые формируют основу НПА. От качества этого уровня зависит четкость и однозначность правового регулирования. Уровень *«функциональных структур»* задает рамки для взаимодействия участников правовых отношений, распределяя роли, функции и ответственность между субъектами. Уровень *«организации материала»* обеспечивает логическую согласованность и упорядоченность текста, делая нормы понятными и применимыми. Уровень *«процессов»* описывает, как нормы функционируют в реальной среде, определяя их влияние на общественные и административные взаимодействия.

Комплексная проработка этих уровней позволяет создать нормативные правовые акты, которые не только соответствуют правовым и социальным ожиданиям, но и эффективно реализуются на практике. Это делает законодательство инструментом, способным решать актуальные задачи, минимизировать конфликты и обеспечивать устойчивое развитие общества в условиях постоянно меняющихся угроз и вызовов.

Список литературы:

1. Аюф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. Пер с англ. Под ред. И. А. Ушакова. М. «Сов. радио», 1974, 272 с.
2. Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2005. С. 128.

References:

1. Akoff R., Emery F. About purposeful systems. Translated from English. Edited by I. A. Ushakov. M. "Soviet Radio", 1974, 272 p.
2. Morozova L.A. Theory of state and law. M., 2005. p. 128.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_102

УДК 338.24

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»**
**Selected issues of creation, development and operation
of state information systems using the unified digital platform
of the Russian Federation «State Technologies»**

ПОЛУЯНОВА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com;

Poluyanova Elena Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the department of private law disciplines of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com

Краткая аннотация: в статье проанализированы положения нормативных правовых актов, касающиеся создания, развития и эксплуатации единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии», а также рассмотрены вопросы формирования государственных информационных систем с использованием данной цифровой платформы.

Abstract: The article analyzes the provisions of regulatory legal acts concerning the creation, development and operation of the unified digital platform of the Russian Federation "State Technologies", and also considers the issues of formation of state information systems using this digital platform.

Ключевые слова: информационное пространство, информационные технологии, информационное общество, единая цифровая платформа, государственные информационные системы, инфраструктурные технологические сервисы, цифровая трансформация Федеральной службы исполнения наказаний России, уголовно-исполнительная система.

Keywords: information space, information technologies, information society, unified digital platform, state information systems, infrastructural technological services, digital transformation of the Federal Penitentiary Service of Russia, penal enforcement system.

Для цитирования: Полуянова Е.В. Отдельные вопросы создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «Государственные технологии» // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 102-104. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_102.

For citation: Poluyanova E.V. Selected issues of creation, development and operation of state information systems using the unified digital platform of the Russian Federation «State Technologies» // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 102-104. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_102.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Российская Федерация, также как многие развитые и развивающиеся страны мира, стремится к созданию собственного информационного пространства. Информационное пространство любого государства формируется в ходе развития информационных технологий. Информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ) [1]. Применение информационных технологий при формировании информационного пространства в Российской Федерации невозможно без создания и развития информационного общества. Определение основных направлений развития информационного общества, потребности общества и государства в достижении заданной цели отражены в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 (далее – Стратегия) [2]. В Стратегии сформулированы задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Формирование информационного общества России невозможно без использования информационно-коммуникационных технологий, которые являются основой стратегического развития и неотъемлемой частью управленческих систем в ключевых отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Соответствующие положения отражены в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 [4]. В тезисах программы одними из ключевых факторов развития информационного общества в Российской Федерации являются доступность и качество контента в современном информационном пространстве. В рамках данной государственной программы действует национальная программа «Цифровая экономика РФ» и федеральный проект «Цифровое государственное управление», которые включают в себя цифровую трансформацию системы государственного управления, и обеспечивают новый уровень предоставления государственных услуг,

необходимых для повышения качества жизни граждан и развития бизнеса. В 2020 году, в целях повышения эффективности информационного взаимодействия граждан, государственных органов и коммерческих организаций, Постановлением Правительства РФ от 12.10.2020 № 1674 установлено проведение в период с 01.11.2020 по 31.05.2022 эксперимента по формированию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «Государственные технологии» (далее – «ГосТех») [5]. Данная цифровая платформа организована для создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем. Поясним, что государственная информационная система, это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств, созданных на основании федеральных законов, законов субъектов РФ, а также на основании правовых актов государственных органов (п. 3 ст. 2, п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона № 149-ФЗ).

По окончании эксперимента, учитывая положительный опыт его проведения, в 2022 году распоряжением Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р утверждена Концепция создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» [6]. В указанном распоряжении сформулировано понятие «платформа «ГосТех» – это цифровая экосистема, включающая в себя единую программно-аппаратную среду, цифровые продукты, информацию, информационные технологии, государственные информационные системы, необходимые для реализации функций платформы, а также совокупность нормативных правовых актов, обеспечивающих деятельность участников отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием данной платформы. По мнению В.С. Залюбовина и В.Н. Гришина, платформа «ГосТех», это полностью независимая от иностранных технологий платформа, на которой можно быстро и безопасно «собрать» государственные информационные системы [9, 69].

Уточним, что для осуществления функционирования любой информационной системы, в том числе и с использованием данной платформы, необходимо наличие лиц, являющихся поставщиками цифровых продуктов – это юридические или физические лица, предоставляющие необходимую информацию в ее базу данных. Также, в целях обеспечения работы платформы, кроме поставщиков цифровых продуктов необходимо наличие пользователей поставляемой информации. Пользователями являются – государственные органы и внебюджетные фонды, организации, уполномоченные на осуществление мероприятий по эксплуатации государственных информационных систем на платформе «ГосТех».

До момента образования платформы «ГосТех», каждое ведомство занималось созданием государственных информационных систем, необходимых для решения государственных задач, самостоятельно. При этом на формирование информационной системы конкретной государственной структуры требовалось выделять не только существенное количество часов рабочего времени сотрудников, но и значительные финансовые ресурсы, которые были необходимы для выполнения работ. Следует отметить, что за счет применения единых стандартов и интеграционного подхода при разработке информационных систем, единая цифровая платформа «ГосТех» имеет неоспоримые преимущества, так как включает в свое функционирование удобные сервисы, спроектированные с учетом реальных потребностей пользователей. Преимущества, которыми обладает единая цифровая платформа «ГосТех» представлены на рисунке 1.

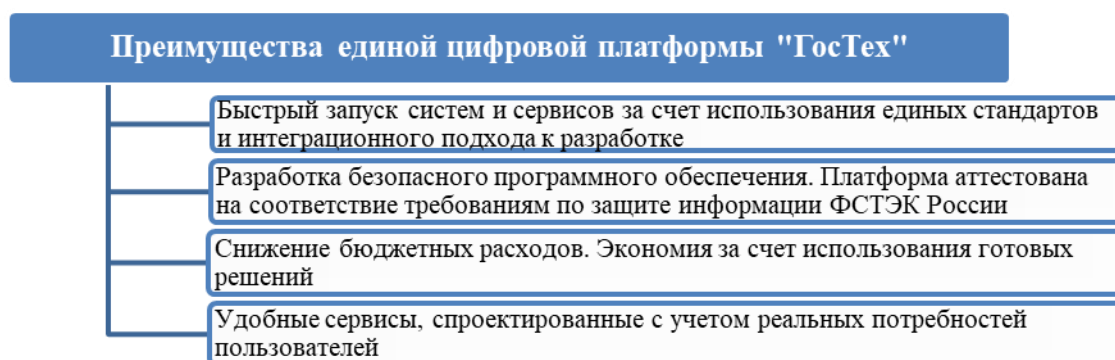

Рисунок 1. Преимущества единой цифровой платформы «ГосТех».

Использование данной платформы способствует снижению временных затрат и ускоряет процесс запуска всех сервисов в полноценную работу, повышает скорость ввода в эксплуатацию информационных систем для оказания государственных услуг и осуществления государственных функций. Кроме того, одним из важнейших положительных факторов в работе данной платформы является обеспечение информационной безопасности используемых и размещаемых в ней цифровых продуктов. Участники команды по созданию государственных информационных систем, представляющие платформу «ГосТех», осуществляют разработку безопасного программного обеспечения, аттестованного на соответствие требованиям по защите информации, не составляющей государственную тайну, которые закреплены в положениях приказа Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России от 11.02.2013 № 17 [8].

Работа платформы «ГосТех» по цифровой трансформации системы государственного управления и использование проверенных технологий формирования цифровых продуктов, способствует появлению условий для выработки единой государственной политики, применяемой при создании государственных информационных систем, в том числе и в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России). Указом президента Российской Федерации от 11.04.2022 № 201 во ФСИН России создано Управление цифровой транс-

формации ФСИН России [3]. Вновь созданное подразделение призвано выполнять задачи, закрепленные положениями «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года №1138-р [7]. Задачи по формированию и проведению единой технической политики в области цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также по обеспечению информационной безопасности сведений, не составляющих государственную тайну, вносимых в государственные информационные системы УИС РФ, создаются, в том числе, с использованием единой цифровой платформы «ГосТех».

В заключение следует отметить, что обеспечение деятельности предприятий и организаций на базе единой цифровой платформы «ГосТех», на современном этапе, представляет особую значимость в организации инновационной деятельности, осуществляемой в условиях геополитической нестабильности и влияния экономических санкций в отношении России со стороны недружественных государств [10, 129]. Государственные информационные системы, создаваемые с использованием рассматриваемой цифровой платформы, способствуют решению одной из основных задач государства – оказанию государственных услуг гражданам и организациям. Безусловно, работа по реализации проекта по функционированию единой цифровой платформы «ГосТех» востребована и будет продолжена. Информационные технологии должны совершенствоваться, развивая коммуникативные процессы, формирующиеся в обществе. Цифровая трансформация России направленная на решение этой задачи, выполняет функции по предоставлению гражданам и организациям необходимых качественных государственных услуг, которые и в дальнейшем будут востребованы. Разработанная единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех» позволяет унифицировать поставленные задачи, имея при этом бесспорные временные и финансовые преимущества по созданию государственных информационных систем за счет масштабирования и автоматизации всех необходимых процессов. Проект по формированию и функционированию платформы «ГосТех» позволит реализовать цели и задачи, поставленные Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 по цифровой трансформации и развитию информационного общества Российской Федерации [2].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2022 № 201 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (с изменениями на 23 мая 2024 года) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2020 № 1674 «О проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.10.2022 № 3102-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» и плана мероприятий («дорожной карты») по ее созданию // СПС «КонсультантПлюс».
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России от 11.02.2013 № 17 «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Залубовин В. С., Гришин В. Н. Переход к экономике данных на основе Единой цифровой платформы «ГосТех» // Вестник науки № 3 (72) том 1. 2024. С. 67 - 72.
10. Тюкавкин Н.М., Житяева О.И., Романова А.А. Направления развития информационно-методического обеспечения предприятий промышленного комплекса на базе единой цифровой платформы РФ «Гостех» // Вестник Самарского Университета. Экономика и управление. 2024. Т. 15. № 2. С. 129-139.

References:

1. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 08.08.2024) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (with amendments and additions, introduction, effective from 09/01/2024) // SPS "ConsultantPlus".
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/9/2017 No. 203 "Strategy for the development of the Information Society of the Russian Federation for 2017-2030" // SPS "ConsultantPlus".
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 201 dated 04/11/2022 "On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 04/15/2014 No. 313 "On approval of the State Program of the Russian Federation "Information Society" (as amended on May 23, 2024) // SPS "ConsultantPlus".
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1674 dated 12.10.2020 "On conducting an experiment on the creation, translation and development of State information systems and their components on the unified digital platform of the Russian Federation "Gostech" // SPS "ConsultantPlus".
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/21/2022 No. 3102-r "On approval of the Concept of Creation and Functioning of the Unified Digital Platform of the Russian Federation "Gostech" and the action plan ("roadmap") for its creation // SPS "ConsultantPlus".
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // SPS "ConsultantPlus".
8. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia dated 02/11/2013 No. 17 "On approval of requirements for the protection of information that does not constitute a State Secret contained in State information systems" // SPS "ConsultantPlus".
9. Zalyubovin V.S., Grishin V. N. Transition to a data economy based on a single digital platform "Gostech" // Bulletin of Science No. 3 (72) volume 1. 2024. pp. 67-72.
10. Tyukavkin N.M., Zhityaeva O.I., Romanova A.A. Directions of development of information and methodological support for enterprises of the industrial complex on the basis of the unified digital platform of the Russian Federation "Gostech" // Bulletin of the Samara University. Economics and management. 2024. Vol. 15. No. 2. pp. 129-139.

КОМФОРТНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДА, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ COMFORTABLE WORKING CONDITIONS AFFECTING THE PRESERVATION AND STRENGTHENING OF HUMAN RESOURCES IN THE HEALTHCARE SYSTEM

ЕРЕМИН Виталий Валентинович,

доцент кафедры трудового права,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская область, 410056, Россия.
E-mail: eremin.trud@yandex.ru;

EREMIN Vitaly Valentinovich,

Associate Professor of the Department of Labor Law, Saratov State Law Academy,
Chernyshevsky str., 104, Saratov, Saratov Region, 410056, Russia.
E-mail: eremin.trud@yandex.ru

Краткая аннотация: система здравоохранения России испытывает нехватку медицинских кадров. Автор статьи считает, что благоприятные факторы работы в значительной мере повышают привлекательность медицинской профессии для молодежи и снижают уровень профессионального выгорания работающих медицинских специалистов.

Abstract: The Russian healthcare system is experiencing a shortage of medical personnel. The author of the article believes that favorable work factors significantly increase the attractiveness of the medical profession for young people and reduce the level of professional burnout of working medical professionals.

Ключевые слова: медицинские организации, кадровый потенциал медицинских организаций, медицинские работники, комфортные условия труда, жилье для медицинских работников.

Keywords: medical organizations, human resources of medical organizations, medical workers, comfortable working conditions, housing for medical workers.

Для цитирования: Еремин В.В. Комфортные условия труда, влияющие на сохранение и укрепление кадрового потенциала в системе здравоохранения // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 105-107. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_105.

For citation: Eremin V.V. Comfortable working conditions affecting the preservation and strengthening of human resources in the healthcare system // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 105-107. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_105.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Увеличение численности населения в условиях ухудшения естественной среды обитания человека, замены натуральных продуктов питания суррогатами и другие факторы влияют на рост заболеваемости, вследствие чего возникает необходимость в расширении сферы оказания медицинских услуг и увеличении численности медицинского персонала. Проблема кадрового «голода» в системе здравоохранения наблюдается не только в отдельных субъектах РФ, в целом по России, но и всех стран Мира [1]. О нехватке медицинских специалистов в России было сказано Президентом РФ Путиным В.В. на прямой линии и большой пресс-конференции 14 декабря 2023 г. [2] Решение проблем сохранения и укрепления кадрового потенциала здравоохранения во многом определяется социальным статусом врача, находящегося в зависимости от «материально-технического обеспечения рабочего места врача, уровня заработной платы, достаточного количеством времени отведенного на прием одного пациента, взаимоотношениями с органами здравоохранения» [3, с. 215], создания комфортной среды жизни, удовлетворенности своим выбором профессии, самореализации в качестве специалиста.

Российский национальный проекты «Здравоохранение» [4] определяет ключевые цели, одной из которых является достижение практически полной укомплектованности врачами и медсестрами подразделений, оказывающих амбулаторную помощь. С целью реализации указанного проекта разработан федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», предполагающий необходимость «не только ликвидации кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь, но и обеспечение высокого уровня квалификации молодых специалистов, приходящих в отрасль здравоохранения, предоставления им возможности непрерывного повышения квалификации в соответствии с профессиональной потребностью» [4].

Представляется, что преодоление обозначенных проблем, связанных с обеспечением страны медицинскими специалистами, возможно различными правовыми способами, на которые влияют и субъективные факторы, отражающие потребности конкретного человека в выбранной профессии врача. Определение правовых способов сохранения и укрепления кадрового потенциала организаций здравоохранения невозможно без оценки потребностей человека, осуществляющего свою профессиональную деятельность.

Самая эффективная мотивация выбора профессии – это призвание, что, несомненно, очень важно для работы врачом. Как отмечают С.Ю. Макурова и И.В. Сатина, «молодежь, приходя к решению работать врачами, забывает об истинном предназначении профессии – оказание помощи людям в тяжелой жизненной ситуации. Истинный врач лечит не только тело, он в первую очередь должен быть врачомателем души» [5]. Служение долгу сглаживает острые углы возникающих проблем, в том числе бытового характера. Формирование в общественном сознании положительного образа врача, популяризация важности медицинской деятельности мотивируют молодежь к выбору данной профессии. Однако в условиях массовой потребности в медицинских услугах и необходимости обеспечения системы здравоохранения специалистами медицинского профиля сложно решать кадровые вопросы только путем выявления природных особенностей каждого кандидата, следует также учитывать оп-

ределенные требования по профессиональному отбору.

Удержание на рабочих местах уже работающих специалистов возможно, в том числе путем расширения системы обучения, переобучения и повышения квалификации по медицинским специальностям. Например, в г. Москве серьезное значение уделяется профессиональному развитию медицинских специалистов, реализуются мероприятия регионального проекта «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами (город федерального значения Москва)», в рамках которого «развиваются программы дополнительного профессионального образования для специалистов с высшим и средним медицинским образованием, создаются условия для планомерного роста профессионального уровня знаний и умений медицинских работников, проводятся оценочные процедуры в форме аккредитации медицинских специалистов на допуск к работе по специальности и аттестация на квалификационную категорию» [6, с. 24]. Повышение уровня квалификации медицинских специалистов в совокупности с другими условиями отвечает требованиям качества оказываемой населению медицинской помощи, что является одной из приоритетных задач при реализации конституционного права граждан на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ).

Профессия врача имеет свои особенности, обусловленные обстоятельствами восстановления здоровья человека и спасения его жизни. Подобные условия приводят к быстрому выгоранию и деформации личности. По мнению ряда специалистов, «развитие синдрома профессионального выгорания у медицинских работников является одной из причин дефицита кадров» [7, с. 1]. Категория людей, с которыми приходится работать медицинским работникам, испытывает негативные эмоции, которые автоматически перекладываются на врачей. В конечном итоге, казалось бы, врачи адаптируются к подобным условиям и становятся невосприимчивыми к боли и страданиям пациентов, но все же подобные ситуации оказывают разрушительное влияние на психофизическое состояние врачей на подсознательном уровне. Для решения данной проблемы научным сообществом предлагается «систематизация штатного расписания медицинских работников в рамках медицинской организации с учетом их загруженности, совместительства, числа занимаемых ставок; создание прозрачной многоуровневой системы нематериальной мотивации» [7, с. 17]; использование моральных критериев оценки профессиональных достижений в форме различных поощрительных механизмов; применение мер по реабилитации медицинских работников путем оборудования комнат психологической разгрузки, создание специальных лечебных и санаторно-курортных учреждений для врачей.

Решение вопроса удержания кадров в современном обществе невозможно без создания комфортной социальной среды, то есть благоприятной обстановки на рабочих местах. Отсутствие благоприятных (комфортных) условий труда не позволяет специалисту в полной мере раскрыть свой профессиональный потенциал. Российское трудовое законодательство не устанавливает требование о создании условий труда, соответствующие требованиям комфорта. В Трудовом кодексе РФ применяются другие термины по определению качества условий труда: достойные (абз. 6 ч. 1 ст. 2), благоприятные (ст. 1, 41, 48), справедливые и безопасные (ст. 2) – все это в равной степени следует отнести к комфортным условиям труда, создание которых О. Д. Жданов рассматривает как право на психологически комфортные справедливые условия труда, то есть формирование нормального социально-психологического климата в коллективе [8].

Медицинские организации не являются исключением, они должны не только оснащаться современным техническим оборудованием, использовать в медицинской деятельности передовые информационные технологии, но и иметь помещения, оформленные в определенном дизайнерском стиле, позволяющему снимать психологическое напряжение. В настоящий момент действуют Программы поддержки первичного звена здравоохранения в субъектах РФ, разработанные с учетом требований Постановления Правительства РФ от 9 октября 2019 г. № 1304 «О модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации» [9]. Такая региональная программа действует в Саратовской области, на ее основе создан Брендбук [10] программы «Модернизация первичного звена здравоохранения» Саратовской области; цель проекта – «создание комфортной среды для сотрудников, пациентов и посетителей медицинских организаций первичного звена здравоохранения, формирование положительного имиджа» [11].

Создание комфортной среды невозможно без обеспечения врачей жильем, в том числе молодых специалистов по окончании учебного заведения. Так, в г. Саратове по инициативе спикера Госдумы В. Володина для медицинских работников построено и продолжает строиться ведомственное жилье, что способствует решению кадрового вопроса [12]. Это, несомненно, очень важное событие для Саратова и области в целом, которое будет способствовать привлечению и сохранению медицинских кадров в регионе. Однако, как показывает практика, выделение жилья не всегда способствует закреплению кадров на территориях, испытывающих трудности с укомплектованностью медицинскими кадрами, что наглядно представлено в исследовании Е.А. Андреевой и Л.Б. Карачуриной, которые приводят различные факторы, влияющие на миграцию врачей внутри Тверской области, при предоставлении жилья или соответствующей компенсации [13]. Полученное в собственность жилье может быть продано, и специалист уезжает в другую местность, поэтому создание благоприятных условий проживания (развитие социальной, транспортной, культурной и пр. инфраструктуры) – это комплексная задача, которая должна решаться на местном уровне в отношении всего населения территории проживания.

Не менее важная составляющая мотивации сохранения кадрового потенциала – материальное стимулирование в виде достойной оплаты труда, подъемных при переезде к новому месту работы, дополнительных гарантий социального характера. Важное значение в это м случае имеет высокий уровень материального обеспечения медицинских работников, зависящий в том числе от финансовых возможностей регионов. По мнению В.А. Сауткиной, «основные причины критической ситуации с кадровым обеспечением больниц и поликлиник связаны с отсутствием внятных стратегий подготовки специалистов и недостатком инвестиций в систему медицинского образования. Врачи из провинциальных городов стараются переехать в столицу и другие благополучные регионы на постоянное место жительства, поскольку средняя зарплата врача в

Москве на конец 2021 г. составила 142 447 руб., а в дотационных регионах всего – 30-35 тыс.» [14, с. 144, 145].

Анализ рассмотренных и выявление других способов обеспечения системы здравоохранения медицинскими кадрами возможно в ходе проведения научно-практического исследования, основанного на изучении опыта зарубежных стран, положительных результатах региональных программ обеспечения медицинскими кадрами, причин снижения популярности профессии врача и пр. Для объективной оценки состояния системы здравоохранения потребуется проведение социологического опроса следующих категорий лиц: молодежи (школьников), которые находятся в процессе выбора профессии; обучающихся в учебных заведениях и получающих медицинские специальности; работающих в системе здравоохранения, в бюджетных и платных организациях; уволившимся медицинским работникам, например, перешедших в другие медицинские организации, поменявших профессию; пациентов и других заинтересованных лиц. Такое исследование должно проводиться при формировании федеральных и государственных региональных программ формирования кадрового потенциала медицинских организаций.

Список литературы:

1. ВОЗ: К 2035 году пациенты останутся без врачей [электронный ресурс]. URL: <https://vladmedicina.livejournal.com/93582.html> (дата обращения: 05.07.2024); Проблема дефицита медицинских кадров и пути ее решения // Сетевое издание «Современные проблемы науки и образования». URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16466> (дата обращения: 05.07.2024).
2. Полная стенограмма «Итогов года» с Владимиром Путиным. 14 декабря 2023 г. // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27594/4865984/> (дата обращения: 05.07.2024).
3. Ахмерова К.Д., Аверьянова В.Ю. Профессия врача: проблемы и перспективы // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 1. С. 215.
4. Министерство здравоохранения Российской Федерации URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/>; <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/kadry> (дата обращения: 06.07.2024).
5. Макурова С.Ю., Сатина И.В. Молодежь и профессия врача: деньги или гуманизм // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4. № 3 (23). С. 148-149.
6. Коленикова О.А., Токсонбаева М.С. Кадровый потенциал Московского здравоохранения. Тенденции 2017-2021 г.г. // Московская медицина. 2022. № 2 (48). С. 22-28.
7. Профессиональное выгорание и качество жизни врачей в Российской Федерации в 2021 г. / Самофалов Д.А., Чигрина В.П., Тюфилин Д.С., Чаргазия Л.Д., Китнюк К.Г., Кобякова О.С., Деев И.А. // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69. № 1. С. 1 (23 с). Электронный ресурс - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53252798_43928201.pdf (дата обращения: 08.07.2024).
8. Жданов О.Д. Право на психологически комфортные справедливые условия труда // Мудрый Экономист [сайт]. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/67082-pravo-psixologicheski-komfortnye-spravedlivye-usloviya-truda> (дата обращения: 15.08.2024).
9. О модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 9 октября 2019 г. № 1304 (в ред. от 21.12.2023) // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5731; – 2024. – № 1. – Ст. 146.
10. Брендбук – это руководство по фирменному стилю и управлению брендом. URL: <https://www.os-design.ru/blog/brandbook> (дата обращения: 18.08.2024).
11. Материалы по созданию визуального образа мероприятий программы модернизации первичного звена здравоохранения (Брендбук) // Министерство здравоохранения Саратовской области [сайт]. URL: <http://minzdrav.saratov.gov.ru/arkhiv-doc/Брендбук%20ПМП33.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
12. Строительство служебного жилья для медиков помогает решению кадрового вопроса в здравоохранении региона [электронный ресурс] // ВКонтакте. Кировский Саратов. URL: https://vk.com/wall-220998920_7868 (дата обращения: 01.11.2024).
13. Андреева Е.А., Карачурина Л.Б. Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3 (163). С. 316-338. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46454228_59844643.pdf (дата обращения: 11.07.2024).
14. Сautкина В.А. Кадровый потенциал цифровой медицины: траектории развития и повышения конкурентоспособности // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 141-151.

References:

1. WHO: By 2035, patients will be left without doctors [electronic resource]. URL: <https://vladmedicina.livejournal.com/93582.html> (date of application: 07/05/2024); The problem of shortage of medical personnel and ways to solve it // Online publication "Modern problems of science and education". URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16466> (date of application: 07/05/2024).
2. The full transcript of the "Results of the Year" with Vladimir Putin. December 14, 2023 // Komsomolskaya Pravda. URL: <https://www.kp.ru/daily/27594/4865984/> (date of access: 07/05/2024).
3. Akhmerova K.D., Averyanova V.Yu. The profession of a doctor: problems and prospects // Bulletin of medical Internet conferences. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 215.
4. Ministry of Health of the Russian Federation URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/>; <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/kadry> (date of application: 07/06/2024).
5. Makerova S.Yu., Satina I.V. Youth and the profession of a doctor: money or humanism // Current directions of scientific research of the XXI century: theory and practice. 2016. Vol. 4. No. 3 (23). Pp. 148-149.
6. Kolennikova O.A., Toksonbayeva M.S. Human resources potential of Moscow healthcare. Trends 2017-2021 // Moscow medicine. 2022. No. 2 (48). Pp. 22-28.
7. Professional burnout and the quality of life of doctors in the Russian Federation in 2021 / Samofalov D.A., Chigrina V.P., Tyufilin D.S., Chargazia L.D., Kitnyuk K.G., Kobaykova O.S., Deev I.A. // Social aspects of public health. 2023. Vol. 69. No. 1. P. 1 (23 с). Electronic resource - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53252798_43928201.pdf (date of application: 07/08/2024).
8. Zhdanov O.D. The right to psychologically comfortable fair working conditions // Wise Economist [website]. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/67082-pravo-psixologicheski-komfortnye-spravedlivye-usloviya-truda> (date of application: 08/15/2024).
9. On the modernization of the primary health care system of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated October 9, 2019 No. 1304 (as amended, dated 21/12/2023) // NW of the Russian Federation. – 2019. – No. 41. – St. 5731; – 2024. – № 01. – Article 146.
10. The brandbook is a guide to corporate identity and brand management. URL: <https://www.os-design.ru/blog/brandbook> (date of application: 08/18/2024).
11. Materials on creating a visual image of the measures of the primary health care modernization program (Brandbook) // Ministry of Health of the Saratov region [website]. URL: <http://minzdrav.saratov.gov.ru/arkhiv-doc/Брендбук%20ПМП33.pdf> (date of application: 07/10/2024).
12. The construction of office housing for doctors helps to solve the personnel issue in the health care of the region [electronic resource] // VKontakte. Kirovsky Saratov. URL: https://vk.com/wall-220998920_7868 (date of application: 01.11.2024).
13. Andreeva E.A., Karachurina L.B. Strategies of migration of doctors to peripheral municipalities (on the example of the Tver region) // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2021. No. 3 (163). Pp. 316-338. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46454228_59844643.pdf (date of application: 07/11/2024).
14. Sautkina V.A. Human resource potential of digital medicine: trajectories of development and competitiveness improvement // Social and labor research. 2022. No. 3 (48). Pp. 141-151.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, УСТАНОВЛИВАЮЩУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ВОЗЛОЖЕННОЙ СУДЕЙ ОБЯЗАННОСТИ ПРОХОЖДЕНИЯ ДИАГНОСТИКИ, ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ, ЛЕЧЕНИЯ ОТ НАРКОМАНИИ И (ИЛИ) МЕДИЦИНСКОЙ И (ИЛИ) СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
On some aspects of the implementation of administrative and tort legislation, which establishes responsibility for non-fulfillment of the duty assigned by the judge to undergo diagnostics, preventive measures, drug addiction treatment and (or) medical and (or) social rehabilitation at the present stage

ШИШКИН Павел Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Сибирский юридический институт МВД России.

ул. Рокоссовского, 20, г. Красноярск, Красноярский край, 660131, Россия.

E-mail: pavel_shishkin83@mail.ru;

Shishkin P.E.,

Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rokossovsky str., 20, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660131, Russia.

E-mail: pavel_shishkin83@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при применении административно-деликтного законодательства, устанавливающего ответственность за неисполнение возложенной судьей обязанности прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации. Выявлен ряд проблем теоретического и практического характера, а также предложены способы их разрешения.

Abstract: the article deals with current problems arising in the application of administrative and tort legislation, which establishes responsibility for failure to fulfill the duty assigned by a judge to undergo diagnostics, preventive measures, drug addiction treatment and (or) medical and (or) social rehabilitation. A number of theoretical and practical problems have been identified, as well as ways to solve them have been proposed.

Ключевые слова: наркотики, наркомания, немедицинское потребление, лечение от наркомании, медицинская реабилитация, социальная реабилитация, административная ответственность, объект административного правонарушения, административный штраф, административный арест, обязательные работы.

Keywords: drugs, drug addiction, non-medical consumption, drug addiction treatment, medical rehabilitation, social rehabilitation, administrative responsibility, the object of an administrative offense, administrative fine, administrative arrest, mandatory work.

Для цитирования: Шишкин П.Е. О некоторых аспектах реализации административно-деликтного законодательства, устанавливающей ответственность за неисполнение возложенной судьей обязанности прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации на современном этапе // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 108-110. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_108.

For citation: Shishkin P.E. On some aspects of the implementation of administrative and tort legislation, which establishes responsibility for non-fulfillment of the duty assigned by the judge to undergo diagnostics, preventive measures, drug addiction treatment and (or) medical and (or) social rehabilitation at the present stage // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 108-110. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_108.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Проблема немедицинского потребления наркотиков продолжает оставаться угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, угрозами национальной безопасности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков являются недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, социальной реабилитации больных наркоманией и социализации больных наркоманией, а также неэффективное применение правового механизма побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения от наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации [1, п. 9]. В соответствии с данными Государственного антинаркотического комитета в 2022 году в Российской Федерации было зарегистрировано 391 660 пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков (+ 08%, в 2021 году – 388 392). При этом, как отмечается также в докладе, согласно результатам социологических исследований число респондентов, имеющих опыт хотя бы однократного потребления наркотиков, оценивается в 8,2 млн. человек, а число респондентов, потребляющих наркотики как регулярно, так и эпизодически, составляет 0,8 % населения или 1,2 млн. человек [2].

Согласно федеральной ведомственной статистике МВД России сотрудниками полиции территориальных органов в 2023 году было выявлено 149 896 (– 2000 или – 8,3% АППГ) административных правонарушений в области оборота наркотиков, из них по ст. 6.8 – 133215 (– 498 АППГ), по ст. 6.9 – 105640 (+ 2532 АППГ), по ст. 6.9.1 – 22793 (– 3160 АППГ), по ч. 2 ст. 20.20 – 7614 (– 104 АППГ), по ч. 3 ст. 20.20 – 68 (– 2 АППГ), по ст. 20.21 (за появление в общественном месте в состоянии наркотического опьянения) – 566 (– 11 АППГ) административных правонарушений [7], что свидетельствует о тенденции к незначительному снижению количества выявленных административных правонарушений в рассматриваемой нами и наглядно иллюстрирует тезис о недостаточной эффективности профилактической деятельности в указанной области, а также о наличии недостатков в реализации правового механизма побуждения наркопотребителей к избавлению от пагубной зависимости и возвращению к социально позитивному образу жизни.

При этом имеет место тенденция к существенному снижению числа выявляемых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации

Федерации административных правонарушений в 2023 году, предусмотренных статьей 6.9.1 КоАП РФ, а именно на 13,9 % или 3160 правонарушений по отношению к 2022 году [8]. На наш взгляд, указанные статистические сведения нельзя оценивать однозначно положительно как результат эффективной реализации сотрудниками полиции территориальных органов МВД России, и указанная тенденция требует научного анализа.

Кроме того, на наш взгляд, созданный механизм побуждения наркозависимых, совершивших административные правонарушения в области немедицинского потребления и незаконного оборота наркотиков, к лечению от наркомании, медицинской и социальной реабилитации в виде возложения судьей обязанности прохождению диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации, обеспеченный мерами административного принуждения, содержащимся в ст. 6.9.1 КоАП РФ, требует дальнейшего совершенствования, а практика его реализации – повышения эффективности.

В ходе проведенных исследований в указанной области был выявлен ряд проблем, имеющих как теоретический, так и практический, прикладной характер, влияющий на эффективность применения указанных мер административно-правового воздействия.

В соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах лицу, признанному больным наркоманией либо потребляющему наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, суд может возложить на такое лицо обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Указанные обязанности не относятся к административным наказаниям, и могут быть возложена на лицо и без его привлечения к административной ответственности. Вместе с тем, в случае уклонения от их исполнения лицо будет привлечено к административной ответственности, предусмотренной ст. 6.9.1 КоАП РФ [10, С. 7].

Следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено. Не противоречит данному тезису п. 14 Порядка организации работы [3], поскольку в данном случае речь идет о документах и основаниях, предусмотренных п. 13 Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ [4]. Согласно указанным положениям, должностное лицо органа внутренних дел в течение 3 дней снимает с учета наркопотребителя в случае поступления в орган следующих документов:

- извещение от медицинской организации и (или) учреждения социальной реабилитации о завершении исполнения лицом обязанности;
- вступившее в законную силу постановление судьи об отмене исполнения лицом обязанности;
- документ, служащий основанием для государственной регистрации смерти, предусмотренный статьей 64 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»;
- вступившее в законную силу решение суда о признании лица безвестно отсутствующим.

В случае, если лицо привлечено к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ и по-прежнему не исполняет возложенные на него обязанности, оно может быть повторно привлечено к административной ответственности после вступления в законную силу предыдущего постановления о назначении административного наказания по ст. 6.9.1 КоАП РФ. Однако, такая возможность напрямую зависит от формы объективной стороны данного административного правонарушения (не посещение, самовольное оставление медицинской организации, невыполнение более двух раз предписания лечащего врача) [5]. Так, на основании разъяснений Верховного Суда Российской Федерации административное правонарушение, предусмотренное статьей 6.9.1 КоАП РФ, выражающееся в том, что лицо, на которое возложена обязанность, не обратилось в соответствующую организацию или учреждение до истечения установленного судьей в постановлении периода, не является длящимся.

Таким образом, лицо, первоначально не явившееся в соответствующую организацию или учреждение до истечения установленного судьей в постановлении периода, может быть привлечено по статье 6.9.1 КоАП один раз, поскольку срок явки для исполнения обязанности истек, а его восстановление законом не предусмотрено.

В сложившейся ситуации сотрудникам органов внутренних дел необходимо ходатайствовать перед судом о повторном возложении обязанности и установлении нового срока для начала ее исполнения, что позволит осуществить применение ответственности в соответствии со ст. 6.9.1 КоАП РФ [9, С. 3]. Вместе с тем, длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. Так, противоправное деяние, ответственность за которое предусмотрена статьей 6.9.1 КоАП, может являться длящимся в случае непосещения медицинской организации или учреждения социальной реабилитации, а также самовольное оставление лицом, уже привлеченным к административной ответственности по статье 6.9.1 КоАП РФ, медицинской организации или учреждения социальной реабилитации.

Таким образом, в данных случаях лицо может быть привлечено к административной ответственности по указанной статье КоАП РФ неоднократно в течение всего периода исполнения возложенной обязанности [9, С. 4].

Необходимо, отметить, что рассматриваемые нормы уже являлись предметом толкования Верховного Суда РФ [6]. Однако позиция самого Суда за последние годы существенно изменилась. В частности, в 2016 году Верховный Суд констатировал, что рассматриваемое нами правонарушение является длящимся, даже в форме непосещения лицом, на которое судом возложена соответствующая обязанность, медицин-

ской организации или учреждения социальной реабилитации. В то время как аналогичная форма административного правонарушения в 2021 году признана судом не подпадающей под категорию делящихся.

На наш взгляд, указанные изменения обусловлены особенностями правоприменительной практикой органов внутренних дел, заключающейся в том, что в случае если лицо уклонилось от обращения в медицинскую организацию или организацию социальной реабилитации в установленный срок (в контексте Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 2021 г.), оно может быть привлечено к административной ответственности многократно, например, ежемесячно при поступлении ответа на запрос из медицинской организации и организации, осуществляющей социальную реабилитацию. Указанная особенность правоприменения существенно увеличивает нагрузку как на сотрудников полиции, уполномоченных на составление протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.9.1 КоАП РФ, так и судебные органы, уполномоченные рассматривать дела по данным административным правонарушениям.

Данная тенденция, на наш взгляд, подтверждается существенным снижением в 2023 г. числа выявляемых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.9.1 КоАП РФ. В частности, по данным ведомственной статистики, количество выявленных правонарушений уменьшилось на 13,9 % или 3160 фактов по отношению к 2022 г., что свидетельствует не столько о повышении эффективности реализации механизма побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к исполнению обязанности, возложенной на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, сколько изменением правоприменительной практики с учетом разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, включенных в Обзор судебной практики № 2 от 2021 г.

Следует отметить, что п. 13 постановления Правительства РФ от 28.05.2014 № 484 не предусматривает такого основания для снятия лица с учёта как привлечение к административной ответственности, предусмотренной ст. 6.9.1 КоАП РФ. При составлении сотрудниками полиции протокола об административном правонарушении за повторное привлечение лица к административной ответственности необходимо отразить факт повторности его привлечения к административной ответственности за аналогичное правонарушение, что является обстоятельством, отягчающим административную ответственность, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, в случае если с момента исполнения административного наказания за аналогичное правонарушение не прошел 1 год, т.е. данное лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ.

На наш взгляд, необходимо вносить существенные изменения в перечень оснований для снятия с учёта, предусмотренные Правилами контроля в целях оптимизации осуществления правоприменительной практики в изучаемой нами сфере.

Список литературы:

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733.
2. Доклад Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 году / Электронный ресурс : https://правовая-наркология.rf/images/documents/norm_akt_2023/report_on_drug_situation_in_russia_2022.pdf (дата обращения: 15.09.2024)
3. Об утверждении порядка организации работы в органах внутренних дел Российской Федерации по осуществлению контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также порядка учета, оформления, ведения, хранения, передачи и уничтожения необходимых для этого документов : приказ МВД России от 26.02.2018 № 111 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 20.09.2024).
4. Об утверждении Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ : Постановление Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 20.09.2024).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2021 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 20.05.2024)
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016).
7. Центр статистической информации ГИАЦ МВД России : [Электронный ресурс ведомственной сети МВД России] URL: <https://svps.mvd.ru/c/portal/layout> (дата обращения: 20.09.2024 года).
8. Центр статистической информации ГИАЦ МВД России : [Электронный ресурс ведомственной сети МВД России] URL: <https://svps.mvd.ru/c/portal/layout> (дата обращения: 20.09.2024 года)
9. Алгоритм привлечения к административной ответственности лиц по статье 6.9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ГУНК МВД России, исх. 1/1187 от 05.02.2024) – С. 3.
10. Цуканов, Н. Н. Реализация сотрудниками органов внутренних дел положений Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313–ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (административно-правовой аспект)" : методические рекомендации / Н. Н. Цуканов, П. Е. Шишкин. – Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018.

References:

1. On approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030 : Decree of the President of the Russian Federation dated November 23, 2020 No. 733.
2. Report of the State Anti-Drug Committee on the drug situation in the Russian Federation in 2022 / Electronic resource : https://правовая-наркология.rf/images/documents/norm_akt_2023/report_on_drug_situation_in_russia_2022.pdf (accessed 09/15/2024)
3. On approval of the procedure for organizing work in the internal affairs bodies of the Russian Federation to monitor the fulfillment by a person of the obligation assigned to him by a judge when imposing an administrative penalty to undergo diagnostics, preventive measures, drug addiction treatment and (or) medical and (or) social rehabilitation in connection with the consumption of narcotic drugs or psychotropic substances without a doctor's appointment or new potentially dangerous psychoactive substances, as well as the procedure for accounting, registration, maintenance, storage, transfer and destruction of the necessary documents : Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02/26/2018 No. 111 // SPS ConsultantPlus (accessed 09/20/2024)
4. On approval of the Rules for Monitoring the Fulfillment by a Person of the obligation assigned to him by a judge when imposing an administrative penalty to undergo diagnosis, preventive measures, drug addiction treatment and (or) medical and (or) social rehabilitation in connection with the Consumption of Narcotic drugs or Psychotropic substances without a doctor's appointment or new potentially dangerous psychoactive substances : Resolution Government of the Russian Federation No. 484 dated May 28, 2014 // SPS ConsultantPlus (accessed 09/20/2024).
5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 30, 2021) // SPS ConsultantPlus (accessed 05/20/2024)
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 04/13/2016).
7. Statistical Information Center of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia : [Electronic resource of the departmental network of the Ministry of Internal Affairs of Russia] URL: <https://svps.mvd.ru/c/portal/layout> (date of application: 09/20/2024).
8. Statistical Information Center of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia : [Electronic resource of the departmental network of the Ministry of Internal Affairs of Russia] URL: <https://svps.mvd.ru/c/portal/layout> (date of application: 09/20/2024)
9. The algorithm for bringing persons to administrative responsibility under Article 6.9.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences (GUNK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ex. 1/1187 of 02/05/2024) – p. 3.
10. Tsukanov, N. N. Implementation by employees of internal affairs agencies of the provisions of Federal Law No. 313–FZ dated November 25, 2013 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (administrative and legal aspect)": methodological recommendations / N. N. Tsukanov, P. E. Shishkin. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ВИДОВ The transformation of the content of the administrative process and the characteristics of its types

КРУГЛОВА Юлия Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры конституционного, административного и финансового права
юридического факультета Ульяновского государственного университета.
432970, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 40/9.
E-mail: kindersurprais77@mail.ru;

Kruglova Yulia Borisovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Financial Law,
Faculty of Law, Ulyanovsk State University.
432970, Ulyanovsk, Goncharova str., 40/9.
E-mail: kindersurprais77@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу содержания юридического процесса, а именно административного правоприменительного процесса. Сделан вывод, что к административному правоприменительному процессу относится деятельность органов судебной власти и деятельность органов исполнительной власти по рассмотрению и разрешению индивидуальных административных дел, как содержащих правовые разногласия, и так и дел бесспорного характера. Принятие такой правовой позиции будет иметь прямые правовые последствия в виде кодификации административного процесса.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the content of the legal process, namely the administrative law enforcement process. It is concluded that the administrative law enforcement process includes the activities of judicial authorities and the activities of executive authorities for the consideration and resolution of individual administrative cases, both containing legal differences and cases of an undisputed nature. The adoption of such a legal position will have direct legal consequences in the form of codification of the administrative process.

Ключевые слова: правоприменительный юридический процесс, административный процесс, индивидуальные административные дела, административный спор, судебные органы, органы исполнительной власти, кодификация административного процесса.

Keywords: law enforcement legal process, administrative process, individual administrative cases, administrative dispute, judicial authorities, executive authorities, codification of the administrative process.

Для цитирования: Круглова Ю.Б. Трансформация содержания административного процесса и характеристика его видов // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 111-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_111.

For citation: Kruglova Yu.B. The transformation of the content of the administrative process and the characteristics of its types // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 111-113. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_111.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Одним из факторов, послужившим основой для трансформации понятия административного процесса явилось принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. До этого момента главенствовала правовая научная позиция, согласно которой к административному процессу относилась только деятельность органов исполнительной власти по рассмотрению и разрешению как бесспорных, так и содержащих спор, административных делах[1]. Причем деятельность судебных органов по разрешению спорных административных дел и дел об административных правонарушениях относилась исключительно к гражданскому процессу, несмотря на тот факт, что Кодекс РФ об административных правонарушениях регламентировал порядок применения отдельных видов административных наказаний и предусматривал порядок обжалования вынесенных постановлений.

В настоящее время административный процесс уже выделен в качестве отдельного вида процесса. Однако в науке административного права остается не решенным вопрос о понимании, структуре и сущности административного процесса.

Полагаем, что наиболее объективным является комплексный подход к анализу содержания и сущности административного процесса. Суть комплексного подхода: (административный процесс включает в себя три составляющие) административные процедуры (отсутствует спор), административная юрисдикция (рассмотрение споров органами исполнительной власти) и административная юстиция (рассмотрение спорных дел судебными органами – как по делам об административных правонарушениях, так и по делам, происходящих из публичных правоотношений). Примерно такой же позиции придерживается М.А. Штатина, которая также подразделяет административный процесс на три вида [2].

Наибольшую полемику вызывает отнесение к административному процессу деятельности несудебных органов по рассмотрению индивидуальных споров и дел, из сферы публичного управления. Логика достаточно проста – если в правоотношении не участвуют органы судебной власти, значит не может идти речь о процессе, а речь идет о юридической процедуре. Тот факт, что исполнительные правоприменительные органы каждодневно оценивают правомерность поведения субъектов, квалифицируют их деяния как административные правонарушения и назначают административные наказания, не влияют на отнесение «процедуры» к процессу.

На наш взгляд логика дихотомии нарушена по причине того, что критерием для разграничения является не содержание деятельности, а субъект, который эту деятельность совершает. Как было указано выше, деятельность по оценке, квалификации и вынесению наказания присуща именно административной юстиции. Административная процедура не имеет своей целью применение мер принуждения, в том числе и мер

административной ответственности.

Мало того, следует сослаться на положения правовой теории, в которой под процессом понимают стадийную деятельность как судебных, так и несудебных органов государственной власти, направленную на рассмотрение и разрешение административных дел, как спорного, так и бесспорного характера [3]. Поэтому можно утверждать, что основным в определении принадлежности к процессу должно быть содержание и стадийность действий, а не выбор субъекта, который эту деятельность осуществляет. В данном случае содержание процесса – разрешение индивидуального юридического дела или спора, реализуемое поэтапно. Относительно такого элемента правоприменения как субъект, имеет смысл выделять судебный правоприменительный процесс и внесудебный правоприменительный процесс. В рамках судебного правоприменительного процесса можно назвать гражданский, уголовный и другие виды процесса. В рамках внесудебного правоприменительного процесса можно говорить о производстве: по делам об административных правонарушениях, лицензионное производство, разрешительное производство, регистрационное производство и так далее. Большинство из производств в рамках внесудебного правоприменительного процесса имеют нормативно установленные стадии, неограниченный круг субъектов (иногда с указанием статуса субъекта, например, в производстве по делам об административных правонарушениях выделены специальные субъекты – переводчик, эксперт и т.д.), содержат процессуальные действия, присутствующие только процессу (например, приостановление регистрации перехода права собственности на объекты недвижимого имущества).

Сказанное свидетельствует, что административный процесс осуществляется не только судами в процессе правоприменительной деятельности, но и органами исполнительной государственной власти также в процессе правоприменительной деятельности, но не в форме правосудия.

Также следует обосновать принадлежность правоприменительной деятельности органов государственной власти к административному процессу и еще рядом факторов.

Представители научного сообщества утверждают, что правоприменительный процесс всегда связан с разрешением правового спора, разногласия. По субъектному составу в процессе должны существовать спорящие стороны и субъект, который это разногласие разрешает на основании правовых норм. Полагаем, что данное утверждение не охватывает весь спектр содержания правоприменительного процесса. Для правильного понимания содержания, процесс должен рассматриваться как совокупность урегулированных правом стадий деятельности, имеющих своей целью достижение определенного результата. Исходя из такой трактовки деятельность любых правоприменительных органов, судебных или внесудебных, связанных со спором или не связанных со спором, должна оцениваться как административный процесс. Признак стадийности прослеживается практически в каждом производстве, осуществляемом органами исполнительной власти. Можно выделить стадию принятия документов, их рассмотрение (в том числе правовая экспертиза), вынесение властного решения, стадия обжалования вынесенного решения и стадия исполнения решения (например, выдача документов).

Что касается довода о том, что бесспорные дела не могут являться предметом юридического процесса. В опровержение утверждения приведем пример: в рамках гражданского процесса рассматриваются дела об установлении фактов, которые не связаны с наличием разногласий между сторонами. С другой стороны – производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое в том числе и судами, также формально можно отнести к бесспорным, так как в процессе участвует только правонарушитель, а должностное лицо, составившее протокол, выступает только как свидетель. Тем не менее, все ученые однозначно относят такой вид производства к правоприменительному административному процессу.

Таким образом, под административным процессом следует понимать правоприменительную деятельность судов, органов исполнительной власти направленную на рассмотрение и разрешение индивидуальных административных дел, как связанных с правовыми разногласиями (вытекающими из публичных отношений и из совершенных административных правонарушений), так и бесспорного характера.

Описанная правовая позиция в науке получила название интегративная концепция понимания административного процесса. Интегративная концепция основана на том, что административный процесс включает в себя не только деятельность органов исполнительной власти по бесспорным административным делам и административным спорам, но и деятельность органов судебной системы по разрешению конкретных административных споров и дел, связанных с привлечением к административной ответственности.

Логично формируется структура административного процесса, в котором можно сформулировать две части:

- 1) публичный административный процесс, реализуемый органами исполнительной власти;
- 2) административный процесс, осуществляемый органами судебной системы.

В части о публичном административном процессе должны содержаться положения о правоприменительной деятельности органов публичной власти внешней направленности, их должностных лиц, в целях правильного достижения результата по конкретному управленческому делу. Достижение результата должно происходить в свойственной для органов публичной власти несудебных формах на основе материальных норм различных отраслей права. Именно в этой части административного процесса сформированы специальные правовые механизмы, позволяющие индивидуальным и коллективным субъектам использовать предоставленные им права и исполнять возложенные на них обязанности. Механизмы направлены на реализацию прав и обязанностей в сфере предпринимательской деятельности, права собственности на недвижимое имущество, свободы передвижения, воинской обязанности и так далее. Но не только позитивная правоприменительная деятельность публичных органов представлена в данном виде административного процесса. Определенная часть процесса представлена и правоохранительной деятельностью в связи с неправомерными действиями управляемых субъектов – применением мер административного принуждения. В любом случае административный правоприменительный процесс органов публичной администрации имеет свою процессуальную форму – административ-

ное производство.

Применительно к судебному административному процессу – это правоприменительная деятельность органов судебной власти, имеющая целью рассмотрение и разрешение индивидуальных административных дел, вытекающих как из публичных правоотношений, так и в связи с совершением административных правонарушений. Практически во всех случаях административному судебному процессу предшествует публичный административный процесс, когда индивидуальное административное дело полностью или частично разрешено органами публичной администрации. Судебные органы выступают в качестве контролера законности принимаемых по делу решений.

Так же, как и во внесудебном административном процессе, в судебном административном процессе выделяют две его разновидности: оспаривание актов органов публичной администрации и оспаривание применения мер административного принуждения.

Полномочия субъектов названных видов правоприменительного административного процесса различаются: только публичные органы в рамках правоприменительного административного процесса, в отличие от судебных органов, могут возбуждать административные управленческие дела. Для органов судебной системы необходимо направление в суд соответствующего процессуального документа.

Процессуальная форма для названного в законе судебного правоприменительного процесса – административное судопроизводство, порядок осуществления которого регламентирован Кодексом административного судопроизводства РФ. Здесь необходимо отметить такую специфику, как множественность процессуальных норм, регламентирующих судебное правоприменение. Регламентируют деятельность судебных органов и КАС РФ, и АПК РФ, и КоАП РФ.

Таким образом, административный правоприменительный процесс осуществляется и органами власти судебной системы и органами исполнительной власти по спорным и бесспорным административным делам.

Полагаем, что теоретическое осмысление содержания и видов административного правоприменительного процесса позволит законодателю кодифицировать отдельные вид процесса по различным правовым формам: Кодекс административного судопроизводства РФ (включая в том числе и производство по делам об административных правонарушениях, которые могут рассматриваться только судами и Административно-процессуальный кодекс РФ, который включит в себя и производства по конкретным административным делам по процедурам, и по производству по делам об административных правонарушениях, реализуемые органами публичного управления.

Список литературы:

1. Сорокин В.Д. Проблемы административного процесса. М.: Юридическая литература, 1968. — 144 с.
2. Штатина М.А. Эволюция теории административного процесса в научных работах заслуженного юриста российской федерации Н.Г. Салищевой//Административное право и процесс. – 2017. - № 6. – С. 19-24.
3. Мишко, Р.С. Юридический процесс: монография / Р. С. Мишко. - Москва: КноРус, 2017. – 193с.

References:

1. Sorokin V.D. Problems of the administrative process. M.: Legal literature, 1968. — 144 p.
2. Shtatina M.A. Evolution of the theory of administrative process in the scientific works of the Honored Lawyer of the Russian Federation N.G. Salishcheva//Administrative law and process. – 2017. - No. 6. – pp. 19-24.
3. Mishko, R.S. The legal process: monograph / R. S. Mishko. - Moscow: KnoRus, 2017. – 193s.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_114

УДК 342.56

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ THE ACTIVITIES OF THE CONSTITUTIONAL COURTS IN FOREIGN COUNTRIES AIMED AT ENSURING HEALTH PROTECTION

ИЛЬИНЫХ Александр Владимирович,
старший преподаватель Высшей школы публичного права,
Тихоокеанский государственный университет.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 008245@pnu.edu.ru;

Ilinykh Alexander Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Higher School of Public Law,
Pacific National University.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
E-mail: 008245@pnu.edu.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу деятельности органов конституционного правосудия в отдельных зарубежных странах по вопросам, связанным с охраной здоровья населения. В рамках анализа особое внимание обращено на конституционную практику правовой регламентации использования биоаналогов, использования экспериментальных лекарств на людях, абортов, отказов от лечения заболеваний, отказов от профилактических прививок. Автором сделаны выводы о противоречивости и изменчивости конституционной практики деятельности органов зарубежного конституционного контроля в направлении охраны здоровья населения.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of constitutional judicial bodies in certain foreign countries on issues related to public health protection. As part of the analysis special attention to the constitutional practice of legal regulation of the use of biosimilars, the use of experimental drugs on humans, abortions, refusals to treat diseases, refusals from preventive vaccinations is paid. The author draws conclusions about the inconsistency and variability of the constitutional practice of the activities of foreign constitutional control bodies in the field of public health protection.

Ключевые слова: конституционный суд, правовое регулирование, конституционная практика, зарубежные страны, охрана здоровья, судебное решение.

Keywords: constitutional court, legal regulation, constitutional practice, foreign countries, health protection, judicial decision.

Для цитирования: Ильиных А.В. Деятельность конституционных судов в зарубежных странах, направленная на обеспечение охраны здоровья // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 114-117. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_114.

For citation: Ilinykh A.V. The activities of the constitutional courts in foreign countries aimed at ensuring health protection // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 114-117. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_114.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Деятельность конституционных судов в зарубежных странах во многом аналогична деятельности Конституционного Суда РФ. Они обладают схожими функциями и полномочиями, но могут иметь разные названия. Кроме того, юридическая сила решений может быть не абсолютной, а ограниченной международным правосудием, например, деятельностью Европейского Суда по правам человека.

Вместе с тем, органы зарубежного конституционного правосудия, зачастую, решают те же вопросы в области обеспечения охраны здоровья населения, что и Конституционный Суд РФ.

Обратимся к конкретным правовым позициям, формируемым в зарубежной конституционно-правовой практике по направлению охраны здоровья населения.

В первую очередь, рассмотрим вопрос о биоаналогах. Аналогами считаются лекарственные препараты, воспроизведённые на основе оригинальных препаратов, т.е. это их копии. Преимуществом использования аналогов является экономия бюджетных средств, ведь аналоги создаются с целью более дешёвой замены оригинала. Как правило, аналоги абсолютно идентичны оригинальным лекарственным препаратам. Например, в США благодаря воспроизведённым лекарственным препаратам экономия бюджета за последние 10 лет составила более 1 трлн дол [1, с. 29]. В то же время биоаналоги могут не в полной мере соответствовать оригинальным лекарственным препаратам.

Однако, поскольку клиническая эффективность биоаналогов часто не доказана или доказана плохо, постольку в зарубежном законодательстве и соответственно в конституционно-правовых позициях подход к использованию биоаналогов разный. Как правило, биоаналоги имеют очень сложную структуру, особый порядок производства, особый контроль к качеству и т.п. Наибольшие сложности в оценке о возможности замены оригинальных препаратов биоаналогами заключаются в том, что их компоненты могут быть одинаковыми на первичной стадии производства, однако методы и приёмы их переработки – разными, что может сказаться на эффективности лечения ими.

Например, даже в странах Европейского Союза отсутствует однозначный подход к биоаналогам. В одной из своих директив Европарламент дал разъяснения по поводу использования биоаналогов. Суть разъяснений заключается в том, что если биоаналог по своему составу или процессу производства не соответствует оригинальному лекарственному препарату, необходимо проводить отдельные клинические испытания по нему в целях его дальнейшей регистрации [2]. Таким образом, регистрация биологически аналогичного препарата должна проводиться на общих основаниях, что и для всех других препаратов.

В отличие от российского законодательства в рамках деятельности Европейского Союза и его органов действует особые акты, регламентирующие оборот и производство соответствующих лекарственных препаратов. Так, руководство по биоаналогам содержит требования к био-

аналогам, их качеству, указания по работе с ними на этапах доклинических и клинических испытаний и т.п. [3]

В европейской конституционно-правовой практике известны случаи, когда деятельность конституционных судов приводила не к улучшению ситуации с лекарственными препаратами, а к ухудшению.

Так, Конституционный Суд Италии в одном из своих актов постановил предоставлять экспериментальное лекарство от раковых опухолей не только лицам, которые дали своё добровольное согласие на проведение над ними эксперимента, но и малоимущим гражданам. Такое решение было принято в целях предоставления равного доступа малоимущих слоёв населения к охране здоровья. Фактически Конституционный Суд разрешил проводить эксперименты над отдельными категориями граждан. При этом средства из государственного бюджета на соответствующую программу выделялись значительные. Как итог, было подорвано доверие населения не только к соответствующим лекарственным препаратам, но и к деятельности высшего судебного органа Италии [4, с. 45].

Рассмотрим другой пример, положительный. В его рамках также затрагивается проблема обеспечения граждан необходимыми лекарственными препаратами в аспекте эффективности. Так, в Федеральный конституционный суд Германии поступило обращение от гражданина с требованием, чтобы к нему применили альтернативные способы лечения ввиду безуспешности традиционного лечения. Данный гражданин страдал от прогрессирующей мышечной дистрофии. Сложность заключалась в том, что по закону система немецкого медицинского страхования распространяла своё действие только на традиционные (строго определённые в нормативных актах) методы лечения. Всё, что выходило за указанные пределы, не считалось страховым случаем, следовательно, не оплачивалось пациенту. Поэтому гражданин и обратился в высшую судебную инстанцию. В итоге, Федеральный конституционный суд Германии в своём решении указал, что положения Закона о страховании не могут ограничивать право граждан на охрану здоровья и соответственно распространять своё действие исключительно на традиционные методы лечения. Ведь в ряде случаев такие методы могут быть неэффективны. Соответственно некоторые категории граждан лишаются права на бесплатное лечение при том, что их здоровье застраховано. Кроме того, реализация ряда базовых конституционных прав, в первую очередь, на жизнь с сочетанием того, что Германия является социальным государством, не должна создавать ситуаций, при которых гражданин лишается своего здоровья, будучи застрахованным в системе обязательного медицинского страхования. Социальный характер государства в совокупности с правом на жизнь также предопределяет возможность доступа к альтернативным способам лечения при неэффективности традиционных в случае, когда лицо страдает от тяжёлого заболевания при существовании возможности спасти жизнь человека. В обоснование своего решения в пользу заявителя Федеральный конституционный суд Германии указал, что поскольку гражданин является участником системы государственного медицинского обязательного страхования, что, как правило, свидетельствует о невозможности самостоятельно изыскать средства на дорогостоящее лечение, постольку он имеет право на лечение всеми доступными способами. В данном случае обременение в виде обязательного медицинского страхования обуславливает соответствующее право на любое лечение [5, с. 70].

Таким образом, Федеральный конституционный суд Германии при принятии своего решения, исходил из содержания общеправовых конституционных принципов и приоритета жизни и здоровья людей, а не из «буквы» закона. Кроме того, ни в коем случае недопустим формальный подход к проблеме обеспечения медикаментами и надлежащем лечением населения. В противном случае создаётся угроза жизни и здоровью людей, а также угроза необоснованного расходования средств государственного бюджета.

Существуют и достаточно интересные правовые позиции высшего органа судебной власти Франции – Конституционного Совета – по вопросам о защите права на информацию, о врачебной тайне в области охраны здоровья населения. Так, положения Семейного кодекса Франции позволяют женщине, родившей ребёнка, скрыть данные о своей личности. При этом такие сведения могут стать доступными после смерти указанной женщины при отсутствии выраженного при её жизни несогласия на разглашение таких сведений, а при жизни – исключительно с её согласия. При рассмотрении одного из дел о конституционности указанных положений Конституционный Совет Франции пришёл к выводу, что они в полной мере соответствуют конституционным нормам [6, с. 38].

Приведённый пример интересен в аспекте другого решения высшей судебной инстанции Франции. Гражданским кодексом Франции запрещено проводить ДНК-исследования в отношении умершего лица для установления происхождения ребёнка или при назначении либо прекращении опеки родителей, если при жизни в явном виде не было выражено согласие на это умершего лица [7]. Конституционный Совет Франции и это положение признал соответствующим Конституции [6, с. 38].

В результате, получается, что по отношению к схожим общественным отношениям Конституционный Совет Франции вынес противоположные решения. В первом случае он провозгласил презумпцию согласия, а во втором – несогласия. А ситуации были аналогичными. Однако, по-видимому, Конституционный Совет Франции руководствовался приоритетом одних групп правоотношений перед другими. Тем не менее, некоторые конституционно-правовые позиции зарубежных судебных инстанций могут быть противоречивыми.

Существуют и другие области, связанные с охраной здоровья, по которым высшие судебные инстанции конституционного уровня формируют свои самые разнообразные позиции. Например, это касается абортов. Так, в нашем государстве отсутствует чёткая позиция Конституционного Суда РФ по указанному вопросу. Однако в зарубежной конституционной практике этот вопрос не только часто однозначно решается законодателем, но и находит отражение в решениях высших судебных инстанций. Причём соответствующая практика чрезвычайно богата.

Так, в США проверкой на соответствие Конституции законодательных актов занимается Верховный Суд США. Он одним из первых в зарубежной практике рассмотрел вопрос о праве на аборт на предмет соответствия нормам Конституции. Это произошло в 1973 году в деле «Ро против Уэйд» [8]. Примечательно, что Верховный Суд США связал право женщины на аборт не со сферой охраны здоровья, а с правом на неприкосновенность частной жизни, которое, по мнению Суда, включает в себя право лиц женского пола самостоятельно решать вопрос о беременно-

сти и родах. Это не удивительно, ведь старейшая Конституция мирового демократического сообщества – Конституция США – содержит не так много прав и свобод в сравнении с конституциями современных государств. Верховный Суд США праву на аборт не придал статуса абсолютного. Высшая судебная инстанция указала, что существуют определённые сроки, в течение которых может быть реализовано соответствующее право матери. В том случае, если плод способен самостоятельно выжить вне организма матери, мать теряет право на аборт, так как плод приобретает самостоятельную конституционно-правовую защиту, имея право на жизнь. Но это происходит только на последнем триместре беременности.

В 1975 году Федеральный конституционный суд ФРГ сформулировал совершенно иную позицию. Он установил, что осуществить аборт нельзя ни на каком сроке беременности, обусловив это необходимостью защиты человеческого достоинства ещё неродившегося ребёнка [9]. Однако после объединения Германии Конституционный суд изменил свою позицию, оставив за законодателем право не устанавливать ответственность за осуществление аборта в первом триместре. Соответствующая позиция послужила основанием для внесения изменения в германское законодательство [10, с. 45]. Таким образом, зарубежная конституционно-правовая практика по вопросам охраны здоровья может быть основанием для внесения изменений в действующее законодательство.

По вопросу абортов можно привести пару решений Конституционного Суда Венгрии. В 1991 году он обосновал положение о необходимости законодательной дифференциации правового положения плода в зависимости от сроков беременности, её специфики: чем больше срок, тем выше ответственность за аборт [11]. В 1998 году, исходя из интересов плода Конституционный Суд Венгрии постановил, чтобы законодатель однозначно определил ситуации, в которых допустимо прерывание беременности по медицинским показаниям. Высший судебный орган обусловил правку законодательства необходимостью достижения более эффективного баланса интересов между правом на частную жизнь матери и правом на жизнь плода [12].

В польском законодательстве до 1997 года действовало положение о допустимости абортов в случаях трудных финансовых и личных обстоятельств. Однако в мае 1997 год Конституционный трибунал Польши признал указанное положение не соответствующим Конституции, так как оно нарушает высшее право человека – право на жизнь [13].

Высшие конституционные инстанции Канады, Франции и Нидерландов в 2000-х гг. даже признали право на компенсации от государства за ненадлежащее рождение, т.е. рождение ребёнка с генетическими отклонениями, обуславливающими инвалидность. Как правило, в обоснование соответствующих решений закладывалось право матери на полную информацию о рисках при рождении ребёнка, а также право сделать аборт при наличии риска врождённых генетических заболеваний [14].

Интересны в зарубежной конституционной практике и случаи особой ответственности родителей при охране здоровья детей. Так, родители несовершеннолетнего ребёнка отказались от лечения ракового заболевания курсом химиотерапии по мотивам религиозной принадлежности. Родители являлись членами секты «Свидетели Иеговы». Чешский конституционный суд, принимая решение в пользу несовершеннолетнего ребёнка, указал, что родители своим решением отнимают единственную надежду на оздоровление и таким образом ставят в опасность его здоровье и жизнь [15, с. 312].

В некоторых случаях встречаются и другие столкновения между различными правами граждан. Так, охрана здоровья населения относится к числу важнейших направлений деятельности государств. В результате, в целях защиты от инфекционных заболеваний во многих государствах проводится вакцинация. Однако не все граждане желают проходить вакцинацию и делать прививки своим детям по религиозным мотивам, по мотивам целесообразности и т.п. В результате законодатель вынужден устанавливать обязательность вакцинации для населения. Ввиду этого ряд недовольных граждан обращается в органы конституционного контроля, чтобы отстоять своё право на свободу в выборе средств и методов лечения. Однако конституционная практика сложилась не в пользу указанной категории граждан. Например, в 2017 году Конституционный Суд Италии определил, что обязательная вакцинация детей в школах является оправданной мерой, направленной на охрану здоровья детей и не может быть отменена или предполагать добровольное согласие при отсутствии медицинских противопоказаний [16]. Обязательность вакцинации была подтверждена в решениях конституционных судов некоторых европейских стран: Франции, Чехии, Хорватии, Словакии, Словении, Республики Македонии [17, с. 8].

Подводя итог анализу зарубежной конституционно-правовой практики по вопросам охраны здоровья населения, отметим следующие ключевые нюансы.

Во-первых, полномочия большинства органов конституционного контроля в зарубежных странах во многом схожи с полномочиями Конституционного Суда РФ. Так, высшие судебные инстанции наделяются правом изменять или отменять нормы действующего законодательства, противоречащие конституции; проводят проверку жалоб и запросов различных субъектов: граждан, организацией, судей при рассмотрении конкретных дел о соответствии конституциям нормативных правовых актов государства и т.п.

Во-вторых, направления охраны здоровья в зарубежных странах весьма многогранны, поэтому проанализировать все из них просто невозможно. Вместе с тем, обращение к некоторым из таких направлений позволяет утверждать о некоторых схожих тенденциях в конституционно-правовой практике большинства зарубежных стран. Например, в тех государствах, где инцест является уголовно наказуемым деянием, конституционные суды, как правило, оставляют в силе соответствующие запретительные нормы. Главный аргумент – необходимость охраны здоровья нынешних и будущих поколений. Хотя в некоторых государствах аргументация по данному вопросу не связана с охраной здоровья.

В-третьих, некоторые категории конституционно-правовых споров являются типичными не только в зарубежной практике, но и в российской. Это, в первую очередь, касается вопросов о возможности применения лекарственных препаратов в качестве экспериментальных, например, биоаналогов. Однако подход к решению соответствующей проблемы в разных странах неодинаков. Если, по мнению органов консти-

туционного контроля, в США любой биоаналог должен проходить полную регистрацию, то в Италии в отдельный период времени экспериментальное лекарство от рака предоставлялось малоимущим под предлогом доступности лекарственных препаратов с одобрения Конституционного Суда.

В-четвёртых, некоторые вопросы, находящие своё разрешение в конституционной практике отдельных государств, скорее всего, в будущем могут стать предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Это касается, в первую очередь, аборт и инцеста.

В целом же, практика деятельности органов зарубежного конституционного контроля в направлении охраны здоровья населения показывает, что она бывает противоречивой и может меняться с течением времени. Однако в любом случае указанная практика преследует в качестве цели обеспечение гарантий реализации прав человека не только в медицинской сфере, но и в иных смежных отраслях, хотя обращение именно к конституционным нормам об охране здоровья при принятии соответствующих решений не всегда имеет место быть.

Список литературы:

1. Сарапкин И.Н. Биоаналоги в России и за рубежом: конституционно-правовой аспект / И.Н. Сарапкин // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 29-33.
2. Директива Европарламента 2004/27/EC [сайт]. URL: http://ec.europa.eu/health/documents/eudralex/vol-1/index_en.htm. (дата обращения: 10.11.2024).
3. Guideline on Similar Biological Medicinal Products containing Biotechnology-Derived Proteins as Active Substance: Quality Issues, EMEA/CHMP/49348/05. [сайт]. URL: http://www.ema.europa.eu/ema/index.jsp?curl=pages/regulation/general/general_content_000330.sp&mid=WC0b01ac058002956b. (дата обращения: 10.11.2024).
4. Шайо А. Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав / А. Шайо // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 39-51.
5. Люббе-Вольфф Г. Принцип социального государства в практике Федерального конституционного суда Германии / Г. Люббе-Вольфф // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 67-76.
6. Блохин П.Д. Врачебная тайна при жизни и после смерти (комментарий на полях Определения Конституционного Суда РФ) / П.Д. Блохин // Медицинское право. 2018. № 5. С. 33-43.
7. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. 592 с.
8. United States Supreme Court. *Roe v. Wade*. Application no. 70-18. Judgment of 22 January 1973. [сайт]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/case.html>. (дата обращения: 10.11.2024).
9. Решение Федерального конституционного суда ФРГ от 25 февраля 1975 года, 1 BvF 1, 2, 3, 4, 5, 6/74, BVerfGE 39.
10. Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами / С.А. Белов // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37-56.
11. Решение Конституционного суда Венгрии от 17 декабря 1991 года 64/1991 // *Magyar Kozlony*. 139/1991.
12. Решение Конституционного суда Венгрии от 23 ноября 1998 года 48/1998 // *Magyar Kozlony*. 105/1998.
13. Решение Конституционного трибунала Польши от 28 мая 1997 года K 26/96 // *Orzecznictwo Trybunalu Konstytucyjnego – Zbiór uzedowy*. 1997. Nr 2. Poz. 19.
14. Giesen I. The Use and Influence of Comparative Law in "Wrongful Life" Cases // *Utrecht Law Review*. Vol. 8. 2012. No. 2. P. 35-54.
15. Кашкин С.Ю. О работе секции права Европейского союза на Кутафинских чтениях 28 ноября 2012 г. / С.Ю. Кашкин // *Lex russica*. 2013. № 3. С. 302-319.
16. Постановление Конституционного суда Италии от 22 ноября 2017 г. [сайт]. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/comunicatistampa/CC_CS_20171122143132.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
17. Маркова Е.Н. Право на отказ от обязательной вакцинации в соответствии с религиозными убеждениями: pro et contra / Е.Н. Маркова // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 3-9.

References:

1. Sarapkin I.N. Biosimilars in Russia and Abroad: Constitutional and Legal Aspect / I.N. Sarapkin // *Constitutional and Municipal Law*. 2016. No. 6. pp. 29-33.
2. The Directive of the European Parliament 2004/27/EC [website]. URL: http://ec.europa.eu/health/documents/eudralex/vol-1/index_en.htm (date of application: 10.11.2024).
3. Guideline on Similar Biological Medicinal Products containing Biotechnology-Derived Proteins as Active Substance: Quality Issues, EMEA/CHMP/49348/05. [website]. URL: http://www.ema.europa.eu/ema/index.jsp?curl=pages/regulation/general/general_content_000330.sp&mid=WC0b01ac058002956b (date of application: 10.11.2024).
4. Shaio A. Possibilities of Constitutional Control in the Sphere of Social Rights / A. Shaio // *Comparative Constitutional Review*. 2007. No. 4 (61). pp. 39-51.
5. Lubbe-Wolff G. The Principle of the Social State in the Practice of the Federal Constitutional Court of Germany / G. Lubbe-Wolff // *Comparative Constitutional Review*. 2008. No. 1 (62). pp. 67-76.
6. Blokhin P.D. Medical Secrecy During Life and after Death (Commentary on the Margins of the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation) / P.D. Blokhin // *Medical Law*. 2018. No. 5. pp. 33-43.
7. The French Civil Code (Napoleon's Code). M.: Infotrope Media, 2012. 592 p.
8. United States Supreme Court. *Roe v. Wade*. Application no. 70-18. Judgment of 22 January 1973. [website]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/case.html> (date of application: 10.11.2024).
9. The Decision of the Federal Constitutional Court of Germany dated February 25, 1975-yes, 1 BvF 1, 2, 3, 4, 5, 6/74, BVerfGE 39.
10. Belov S.A. Limits of Universality of Constitutionalism: the Influence of National Values on the Practice of Decision-making by Constitutional Courts / S.A. Belov // *Comparative Constitutional Review*. 2014. No. 4. pp. 37-56.
11. The Decision of the Constitutional Court of Hungary dated December 17, 1991 64/1991 // *Magyar Kozlony*. 139/1991.
12. The Decision of the Constitutional Court of Hungary of November 23, 1998 48/1998 // *Magyar Kozlony*. 105/1998.
13. The Decision of the Constitutional Tribunal of Poland of May 28, 1997 K 26/96 // *Orzecznictwo Trybunalu Konstytucyjnego – Zbiór uzedowy*. 1997. Nr 2. Poz. 19.
14. Giesen I. The Use and Influence of Comparative Law in "Wrongful Life" Cases // *Utrecht Law Review*. Vol. 8. 2012. No. 2. P. 35-54.
15. Kashkin S.Y. On the Work of the European Union Law Section at the Kutafin Readings on November 28, 2012 / S.Y. Kashkin // *Lex russica*. 2013. No. 3. pp. 302-319.
16. The Ruling of the Constitutional Court of Italy dated November 22, 2017 [website]. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/comunicatistampa/CC_CS_20171122143132.pdf (date of application: 10.11.2024).
17. Markova E.N. The Right to Refuse Compulsory Vaccination in Accordance With Religious Beliefs: pro et contra / E.N. Markova // *State Power and Local Self-Government*. 2019. No. 2. pp. 3-9.

ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ В СЛУЧАЕ ПЕРЕОФОРМЛЕНИЯ ПРАВА ПОСТОЯННОГО (БЕССРОЧНОГО) ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ: ОБЗОР ПОДХОДОВ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

The procedure for determining the amount of rent in the case of renewal of the right of permanent (indefinite) use of land: an overview of approaches in judicial practice

ДЕРХО Даниил Сергеевич,

председатель Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа,
доцент кафедры гражданского права Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук.
ул. Короленко, 12, г. Омск, Омская обл., 644010, Россия.
E-mail: derxo@list.ru;

Derkho Daniil Sergeevich,

Chairman of the Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug,
Associate Professor of the Department of Civil Law of the Siberian Law University, Candidate of Legal Sciences.
Korolenko str., 12, Omsk, Omsk region, 644010, Russia.
E-mail: derxo@list.ru.

Краткая аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению сложившихся в судебной практике подходов к определению пределов императивности установленного земельным законодательством порядка ценообразования по договору аренды публичного участка, заключенному путем переоформления права постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок; анализу критериев и условий сохранения льготного годового размера арендной платы.

Abstract: This article is devoted to: consideration of the approaches that have developed in judicial practice to determining the limits of the imperativeness of the pricing procedure established by land legislation under a lease agreement for a public plot concluded by reissuing the right of permanent (indefinite) use for a land plot; analysis of criteria and conditions for maintaining a preferential annual rent.

Ключевые слова: земельный участок; аренда публичного земельного участка; переоформление права постоянного (бессрочного) пользования; льготная арендная плата; земельное законодательство.

Keywords: land plot; lease of a public land plot; renewal of the right of permanent (indefinite) use; preferential rent; land legislation.

Для цитирования: Дерхо Д.С. Порядок определения размера арендной платы в случае переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком: обзор подходов в судебной практике // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 118-120. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_118.

For citation: Derkho D.S. The procedure for determining the amount of rent in the case of renewal of the right of permanent (indefinite) use of land: an overview of approaches in judicial practice // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 118-120. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_118.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2023

Абзацем первым пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»¹ предусмотрена обязанность юридических лиц (за рядом исключений) переоформить право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков² или приобрести земельные участки в собственность.

Федеральным законом от 24.07.2007 № 212-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части уточнения условий и порядка приобретения прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности»³ пункт 2 статьи 3 Вводного закона изложен в новой редакции, согласно которой в случае переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды размер арендной платы устанавливается в пределах двух процентов кадастровой стоимости арендуемых земельных участков, а для земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения – в пределах трех десятых процента кадастровой стоимости арендуемых земельных участков (абзац третий пункта 2 статьи 3 Вводного закона).

Как следует из пояснительной записки к проекту Закона № 212-ФЗ, мотивом к установлению соответствующих правил ценообразования послужила необходимость стимулирования участников гражданского оборота к переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на арендные отношения.

В силу положений пункта 2 статьи 422, пункта 1 статьи 424 ГК РФ, пункта 3 статьи 65 ЗК РФ в редакции, действовавшей до 01.03.2015, и статьи 39.7 ЗК РФ в действующей редакции за находящиеся в публичной собственности земельные участки, переданные в аренду без проведения торгов по договорам, заключенным после введения в действие ЗК РФ, взимается арендная плата, которая определяется в порядке, установленном соответственно Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации (включая земельные участки, право собственности на которые не разграничено) и органами местного самоуправления, и относится к категории регулируемых цен.

Таким образом, норма закона, устанавливающая предельный размер арендной платы при переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками, является императивной⁴, в связи с чем обязательна при определении размера арендной платы для всех публичных собственников⁵, что усилено абзацем седьмым пункта 2 статьи 3 Вводного закона¹, согласно которому изменение годового раз-

¹ Далее – Вводный закон.

² В этом случае согласно подпункту 11 пункта 2 статьи 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) договор аренды земельного участка заключается без проведения торгов.

³ Далее – Закон № 212-ФЗ

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 02.07.2013 № 15824/12 по делу № А60-38184/2011

⁵ Пункт 29 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019; обзор № 7 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015.

мера арендной платы, определенного в соответствии с настоящим пунктом, может предусматриваться договорами аренды указанных земельных участков только в связи с изменением кадастровой стоимости соответствующего земельного участка.

Вместе с тем, пунктом 8 статьи 39.8 ЗК РФ определен срок заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, например: для строительства, реконструкции зданий, сооружений на срок от трех до десяти лет (подпункт 1), для сельскохозяйственного производства на срок от трех до сорока девяти лет (подпункт 11), для эксплуатации здания, сооружения его собственником на срок до сорока девяти лет (подпункт 17).

Длительное время в правоприменительной практике доминировала точка зрения, согласно которой существование обозначенной выше льготной ставки арендной платы ограничено сроком действия первоначально заключенного договора аренды, тогда как на момент заключения без проведения торгов нового договора аренды² положения подпункта 11 пункта 2 статьи 39.6 ЗК РФ не могут быть применены ввиду утраты правообладателем земельного участка статуса землепользователя в связи с осуществленным ранее переоформлением права постоянного (бессрочного) пользования на такой земельный участок, что исключает основания для применения порядка расчета арендной платы, определенного пунктом 2 статьи 3 Вводного закона³.

Подобное толкование закона признано неправильным и преодолено рядом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым: при заключении такого договора аренды на новый срок арендная плата не может быть выше установленного пунктом 2 статьи 3 Вводного закона предела⁴; при переходе в установленном порядке прав и обязанностей арендатора по договору аренды, заключенному в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования, к другому лицу правила определения арендной платы по такому договору сохраняются⁵; иное толкование норм земельного законодательства ставило бы в неравное положение лиц, переоформивших право постоянного (бессрочного) пользования на договор аренды⁶.

Приведенные выше правовые позиции высшей судебной инстанции определяют общее правило о том, что при пролонгации договора аренды, ранее заключенного в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, льготная ставка арендной платы, предусмотренная пунктом 2 статьи 3 Вводного закона, подлежит сохранению.

Вместе с тем, дискуссионным может считаться **вопрос о том**, допускает ли приведенное выше правовое регулирование свободу усмотрения сторон в части, например, сокращения установленного первоначальным договором⁷ срока аренды и исключения по отношению к дальнейшим периодам пользования земельным участком оснований для применения пункта 2 статьи 3 Вводного закона.

Первый мыслимый подход может быть обоснован принципом свободы договора (статья 421 ГК РФ) и состоит в том, что согласно пункту 1 статьи 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

Исходя из буквального понимания положений пункта 2 статьи 3 Вводного закона, можно прийти к выводу о том, что льготный годовой размер арендной платы представляется в случае переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков, то есть при заключении соответствующего договора аренды и в пределах срока его действия, а также при последующей пролонгации (то есть при увеличении периода арендных отношений).

Соответственно, если после заключения договора аренды земельного участка при переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования на определенный срок (например, на 49 лет), стороны договора заключили дополнительное соглашение, которым сократили период аренды (например, до 10 лет), то в отсутствие оснований для признания подобного дополнительного соглашения недействительной сделкой, его следует толковать как правомерный отказ арендатора от своего права (пункт 2 статьи 9, пункт 6 статьи 450 ГК РФ), поэтому дальнейшее взимание арендной платы производится без учета предусмотренной пунктом 2 статьи 3 Вводного закона льготной цены.

Согласно **второму подходу, непосредственно представленному в судебной практике**⁸, в период сохранения (в том числе путем пролонгации) между сторонами⁹ арендных отношений, сформированных в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования, такое усмотрение на изменение порядка ценообразования у них отсутствует.

Так, право долгосрочной аренды земельного участка, включающее в себя в качестве одного из элементов льготную арендную ставку, является гражданским правом (статья 8, 128 ГК РФ), которое арендатор согласно пункту 1 статьи 9 ГК РФ осуществляет по своему усмотрению.

Пунктом 2 статьи 9 ГК РФ предусмотрено общее правило о том, что отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом (пункт 2 статьи 9 ГК РФ).

Одним из таких случаев является предусмотренная пунктом 6 статьи 450.1 ГК РФ возможность лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, при наступлении обстоятельств, предусмотренных законом или договором и служащих основанием для осуществления определенного права по договору, заявить отказ от осуществления этого права, блокирующий возможность его последующей реализации по тем

¹ Введен в действие Федеральным законом от 27.12.2009 № 342-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части уточнения условий и порядка приобретения прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности»

² По окончании срока действия договора, заключенного в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

³ «Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер, утв. Минэкономразвития России 24.12.2018.

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2023 № 307-ЭС22-29274.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 306-ЭС23-2852.

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2020 № 302-ЭС19-23916.

⁷ Заключенного в порядке переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

⁸ Постановление от 20.09.2022 Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делу № А03-11179/2021.

⁹ А также их универсальными и сингулярными правопреемниками.

же основаниям (за исключением случаев, когда аналогичные обстоятельства наступили вновь).

В более общем виде в качестве допустимых случаев отказа от реализации гражданского права могут быть названы и предусмотренные законом механизмы прекращения договорных связей, в том числе, на основе волеизъявления одной из сторон, как направленные на прекращение обязательства в целом (пункт 2 статьи 453 ГК РФ).

Применительно к арендным отношениям такой отказ от осуществления права может быть реализован, в частности, путем расторжения договора аренды по основаниям статей 619, 620 ЗК РФ¹, последствием которого будет прекращение обременения земельного участка и утрата оснований для внесения платы, в том числе, по льготной цене. В этом случае последующая передача публичным собственником земельного участка в аренду путем заключения нового договора будет осуществляться уже на общих основаниях, без учета положений подпункта 11 пункта 2 статьи 39.6 ЗК РФ и пункта 2 статьи 3 Вводного закона.

В иных обстоятельствах, то есть при сохранении обязательств из первоначально заключенного договора аренды, в том числе, при пролонгации арендных отношений (заключении договора на новый срок), императивно установленный порядок определения арендной платы (регулируемая цена)² также сохранится.

Соответственно, заключение сторонами дополнительного соглашения о сокращении установленного первоначальным договором срока аренды не исключает по отношению к дальнейшим периодам пользования земельным участком оснований для применения пункта 2 статьи 3 Вводного закона, поскольку само по себе не лишает арендатора права на заключение такого договора на новый срок³.

Иное неизбежно приведет к отступлению от общеправового принципа юридического равенства в отношении лиц, переоформивших право постоянного (бессрочного) пользования на договор аренды, и по-разному определивших первоначальный срок аренды⁴, тогда как согласно пункту 12 статьи 39.7 ЗК РФ при заключении договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов срок этого договора устанавливается по выбору арендатора⁵.

Изложенный выше (второй) подход представляется более корректным, последовательным и соответствующим существу правового регулирования, нашедшему отражение в приведенных по тексту правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации.

Вместе с тем, его применение на практике может потребовать дополнительного разъяснения вопроса о том, каковы временные пределы существования ценовой льготы, установленной пунктом 2 статьи 3 Вводного закона, а именно, ограничены ли они максимальным сроком аренды земельного участка, установленным пунктом 8 статьи 39.7 ЗК РФ, либо могут простираться за его границы при последующем продлении арендных отношений. Так, если до исчерпания предельных сроков аренды, предусмотренных подпунктами 11 и 17 пункта 8 статьи 39.8 ЗК РФ (для сельскохозяйственного производства и для эксплуатации здания, сооружения его собственником), должно пройти еще достаточно много времени⁶, то в отношении земельных участков переоформленных в аренду для строительства, реконструкции зданий, сооружений⁷ на срок до десяти лет⁸, соответствующий вопрос уже может быть достаточно актуальным.

Отвечая на него, следует иметь в виду, во-первых, изложенную в пояснительной записке к проекту Закона № 212-ФЗ цель установления льготного ценообразования⁹, а, во-вторых, системную связь пункта 2 статьи 3 Вводного закона с подпунктом 11 пункта 2 статьи 39.6 ЗК РФ, закрепляющим соответствующее основание для получения земельного участка в аренду без торгов.

Совокупность приведенных элементов рациональности позволяет предположить, что право на льготную арендную ставку должно существовать: в номинальных пределах установленных пунктом 8 статьи 39.7 ЗК РФ сроков заключения договоров аренды со дня заключения первоначального договора аренды при переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования (например, для сельскохозяйственного производства – в пределах 49 лет – с возможностью «разовой выборки» этого срока либо последовательным заключением любого количества дополнительных соглашений); но в любом случае – до утраты арендатором права на получение земельного участка в аренду для соответствующей цели на очередной срок без торгов.

Список литературы:

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 306-ЭС23-2852.
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2020 № 302-ЭС19-23916.

References:

1. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES23-2852 dated 06/27/2023.
2. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 302-ES19-23916 dated 04/02/2020.

¹ Либо по иным специальным основаниям.

² подпункт 11 пункта 2 статьи 39.6 ЗК РФ, пункт 2 статьи 3 Вводного закона.

³ Как и в случае, который рассмотрен в определении Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2023 № 307-ЭС22-29274.

⁴ В том числе, в заключаемых по различным основаниям дополнительных соглашениях.

⁵ С учетом обозначенных выше пределов, предусмотренных пунктом 8 статьи 39.7 ЗК РФ.

⁶ Даже при исчислении со дня принятия Вводного закона – еще не менее 25 лет.

⁷ Как например, в ситуации, рассмотренной постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2016 по делу № А40-19754/2015.

⁸ Подпункт 1 пункт 8 статьи 39.8 ЗК РФ.

⁹ Создание стимула к скорейшему переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на арендные отношения, то есть к совершению однократного юридически значимого действия, а не созданию долгосрочной преференции по отношению к иным арендаторам публичных земельных участков.

ТЕНДЕНЦИИ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ Trends in establishing administrative responsibility in the field of personal data

МАЛЁШИНА Людмила Михайловна,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: docentglm@gmail.com;

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

MALESHINA Lyudmila Mikhailovna,

PhD of technical sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: docentglm@gmail.com;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

Краткая аннотация. Актуальность работы обусловлена тем фактом, что хищение информации, в том числе персональных данных, является основным мотивом нарушителей информационной безопасности. Автор провел анализ аналитических отчетов компаний Positive Technologies и InfoWatch, уполномоченного федерального органа исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных - Роскомнадзора. В статье рассмотрены основные тенденции развития российского законодательства в сфере обеспечения и защиты персональных данных.

Abstract. The relevance of the work is due to the fact that the theft of information, including personal data, is the main motive of information security violators. The author analyzed the analytical reports of the companies Positive Technologies and InfoWatch, the authorized federal executive body for the protection of the rights of personal data subjects - Roskomnadzor. The article examines the main trends in the development of Russian legislation in the field of ensuring and protecting personal data.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, информационная безопасность, персональные данные, хищение информации.

Keywords: administrative responsibility, administrative offenses, information security, personal data, theft of information.

Для цитирования: Малёшина Л.М., Шатская И.И. Тенденции установления административной ответственности в области персональных данных // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 121-124. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_121.

For citation: Maleshina L.M., Shatskaya I.I. Trends in establishing administrative responsibility in the field of personal data // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 121-124. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_121.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Введение. Анализ аналитических отчетов Positive Technologies и InfoWatch, являющихся ведущими российскими разработчиками решений для обеспечения информационной безопасности организаций, позволил прийти к выводу, что в общем срезе утечек конфиденциальной информации традиционно наибольшую долю составляют персональные данные (далее - ПДн). Похищенные ПДн используются злоумышленниками в разных целях, например для мошеннических операций, шантажа или фишинговых кампаний с целью выманивания денежных средств.

В 2023 году произошел существенный рост количества скомпрометированных ПДн, обрабатываемых в информационных системах российских коммерческих компаний, государственных организаций, силовых структур и органов власти [1]. Постепенно доля инцидентов, завершившихся утечкой ПДн, стала снижаться и в I квартале 2024 года опустилась до уровня 2022 года и составила 37%, а во II квартале 2024 года снизилась до 25%. Тем не менее, несмотря на некоторое снижение общего количества утечек ПДн и их доли среди других типов данных, злоумышленникам удается скомпрометировать крупные компании и извлекать большие базы данных [2].

Результаты исследования и их обсуждение. Информацию о проблемах, возникающих при обработке ПДн, можно извлечь из отчетов о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее - Роскомнадзор), как уполномоченного федерального органа исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных (URL: <https://rkn.gov.ru/>). Конституционное право граждан на обращение в федеральные органы государственной исполнительной власти является наиболее часто реализуемым во взаимоотношениях граждан и власти, позволяющее влиять на их деятельность. Центральным аппаратом и территориальными органами Роскомнадзора в полном объеме обеспечивается реализация права граждан на обращения в государственные органы в целях защиты

своих конституционных прав и свобод.

Сравнительный анализ тематик обращений в Роскомнадзор, поступивших за пятилетний период, показывает высокую активность граждан в части реализации ими законодательно закрепленных прав в сфере защиты ПДн (рис. 1). Начиная с 2020 года, наблюдается ежегодный прирост числа обращений по нарушению прав в сфере защиты прав субъектов ПДн. Например, за 2023 году в Роскомнадзор поступило 71 589 обращения (+27,3% по сравнению с 2020 годом), из них: 2 433 гражданина обратились с просьбой о разъяснении отдельных положений Федерального закона №152-ФЗ; 1 363 – о разъяснении вопросов по ведению реестра операторов ПДн (URL: <https://pd.rkn.gov.ru/operators-registry/>); 64 027 – с жалобами на неправомерное использование их персональных данных. Отметим, что в 2019 году впервые с момента реализации Роскомнадзором функций регулятора в сфере защиты ПДн годовое количество поданных жалоб в данной сфере (34%) превысило количество поданных жалоб в сфере связи (24%).

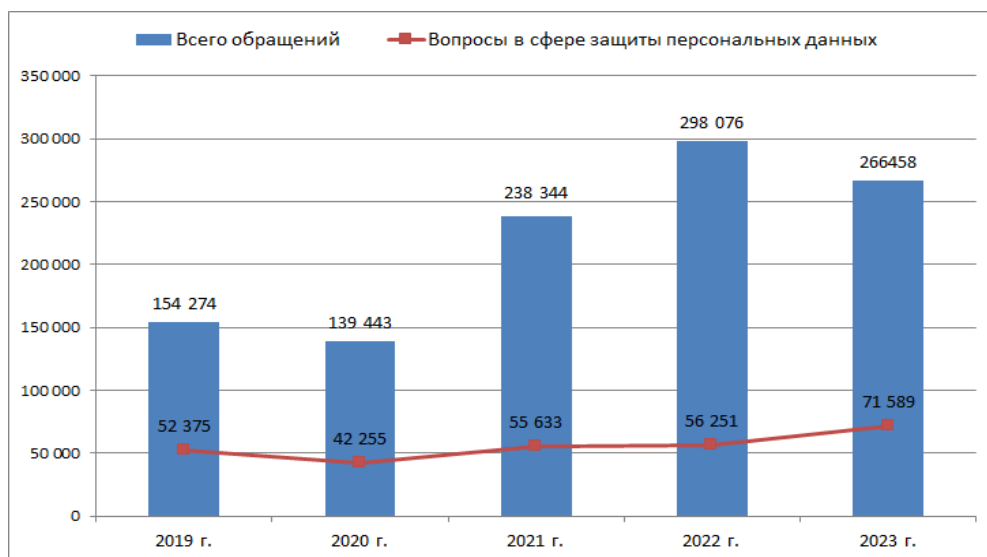

Рисунок 1. Динамика обращений граждан (без учета дубликатов), поступающих в Роскомнадзор и территориальные органы

Увеличение обращений граждан по вопросам защиты ПДн свидетельствует о повышении уровня правовой культуры общества, а также о появлении дополнительных возможностей для защиты прав граждан, предоставляемых государственными органами, в том числе Роскомнадзором, на который возложено обеспечение контроля и надзора за соответствием обработки персональных данных требованиям Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Так в 2023 году территориальными органами Роскомнадзора по результатам контрольных (надзорных) мероприятий было составлено 1 269 протоколов об административных правонарушениях по ст. 13.11, 13.14, 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), по результатам рассмотрения которых наложено административных штрафов на общую сумму 149 800 000 рублей.

Согласно данным официальной статистики (табл. 1) на фоне ежегодного уменьшения числа рассмотренных дел, связанных с привлечением к административной ответственности за нарушение правил защиты информации, в том числе ПДн [3], наблюдается увеличение суммы наложенных административных штрафов, что может быть вызвано поправками, вносимыми в КоАП РФ.

Таблица 1. Официальная статистика по статьям 13.11, 13.11.1, 13.12 ч. 2, 4, 5, 13.13, 13.14 КоАП РФ за 2019-2023 гг. [4]

Показатель	Отчетный период				
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего рассмотрено дел	1 683	1 071	704	617	916
Сумма административных штрафов (тыс. руб.)	4 308	10 599	44 976	59 396	143 334

С 27 марта 2021 года вступили в силу положения Федерального закона от 24.02.2021 № 19-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», согласно которым были увеличены штрафы за нарушение законодательства РФ в области ПДн, предусмотрены штрафы за повторные нарушения и исключена мера административного наказания в виде предупреждения (табл. 2).

Таблица 2. Штрафные санкции, предусмотренные ст. 13.11 ч. 1 – 5 КоАП РФ [5]

Части ст. 13.11 КоАП РФ	Штрафные санкции (в тыс. руб.)		
	Граждане	Должностные лица	Юридические лица
1. Обработка ПДн в случаях, не предусмотренных законодательством РФ в области ПДн	влечет предупреждение <i>или</i> наложение штрафа:		
	1 – 3	5 – 10	30 – 50
	в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 19-ФЗ:		
	2 – 6	10 – 20	60 – 100
1.1. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 13.11	введена Федеральным законом от 24.02.2021 № 19-ФЗ		
	4 – 12	20 – 50	100 – 300
2. Обработка ПДн без согласия в письменной форме субъекта ПДн на обработку его ПДн в случаях	3 – 5		
	10 – 20		
	15 – 70		
	в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 19-ФЗ:		
	6 – 10	20 – 40	30 – 150
	в ред. Федерального закона от 12.12.2023 № 589-ФЗ:		
	10 – 15	100 – 300	300 – 700
2.1. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 13.11	введена Федеральным законом от 24.02.2021 № 19-ФЗ		
	10 – 20	40 – 100	ЮЛ 300 – 500
	в ред. Федерального закона от 12.12.2023 № 589-ФЗ:		
	15 – 30	300 – 500	ЮЛ 1 000 – 1 500
3. Невыполнение оператором обязанности по обеспечению неограниченного доступа к документу, определяющему политику оператора в отношении обработки ПДн	влечет предупреждение <i>или</i> наложение штрафа:		
	0,7 – 1,5	3 – 6	ЮЛ 15 – 30
	в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 19-ФЗ:		
	1,5 – 3	6 – 12	ЮЛ 30 – 60
4. Невыполнение оператором обязанности по предоставлению субъекту ПДн информации, касающейся обработки его ПДн	влечет предупреждение <i>или</i> наложение штрафа:		
	1 – 2	4 – 6	ЮЛ 20 – 40
	в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 19-ФЗ:		
	2 – 4	8 – 12	ЮЛ 40 – 80
5. Невыполнение оператором требования субъекта ПДн по защите прав субъектов ПДн об уточнении ПДн, их блокировании или уничтожении	влечет предупреждение <i>или</i> наложение штрафа:		
	1 – 2	4 – 10	ЮЛ 25 – 45
	в ред. Федерального закона от 24.02.2021 № 19-ФЗ:		
	2 – 4	8 – 12	ЮЛ 50 – 90
5.1. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 5	введена Федеральным законом от 24.02.2021 № 19-ФЗ		
	20 – 30	30 – 50	ЮЛ 300 – 500

В целях обеспечения сохранности персональных данных Федеральным законом от 21.07.2014 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» были внесены поправки в Федеральный закон «О персональных данных», обязывающие операторов ПДн обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение ПДн российских граждан с использованием баз данных, находящихся на территории РФ. Обязанности по локализации обработки ПДн распространяются и на иностранных операторов при усло-

вии использования доменного имени, связанного с РФ или его субъектами, а также при наличии русскоязычной версии сайта. Поправки вступили в силу 1 сентября 2015 года, но административная ответственность за безопасность ПДн была установлена только в 2019 году Федеральным законом от 02.12.2019 № 405-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

За невыполнение оператором при сборе ПДн, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", обязанности по локализации предусмотрено наложение административного штрафа на граждан в размере от 30 тысяч до 50 тыс. руб.; на должностных лиц - от 100 тыс. до 200 тыс. руб.; на юридических лиц - от 1 млн. до 6 млн. руб. (ч. 8 ст. 13.11 КоАП РФ). А в случае повторного нарушения влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 50 тыс. до 100 тыс. руб.; на должностных лиц - от 500 тыс. до 800 тыс. руб.; на юридических лиц - от 6 млн. до 18 млн. руб. (ч. 9 ст. 13.11 КоАП РФ).

23 декабря 2023 года вступил в силу Федеральный закон от 12.12.2023 № 589-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который не только повысил величину административного штрафа за нарушения в области ПДн, но и дополнил КоАП РФ статьей 13.11.3. Нарушение требований в области размещения биометрических персональных данных, предусматривающую наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 100 тыс. до 300 тыс. руб.; на юридических лиц - от 500 тыс. до 1 млн. руб.

Выводы. Ожидается, что изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, такие как введение новых и увеличение уже предусмотренных административных штрафов за нарушение законодательства РФ в области ПДн, повысят безопасность персональных данных. Но проводимые мероприятия по совершенствованию нормативно-правовой базы не будут иметь ожидаемого эффекта до тех пор, пока операторы персональных данных не выстроят эффективные системы защиты информационных систем во взаимодействии с органами власти, а сами пользователи не станут ответственнее относиться к личной информации.

Список литературы:

1. Утечки информации ограниченного доступа в России за 2022-2023 [Электронный ресурс] // InfoWatch: сайт. – URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/rossiya-utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-2022-2023-gody> (дата обращения: 07.11.2024).
2. Утечки конфиденциальных данных из организаций – 1-е полугодие 2024 [Электронный ресурс] // Positive Technologies: сайт. – URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/utechki-dannyh-aktualnye-ugrozy-pervogo-polugodiya-2024-dlya-organizacij/#id9> (дата обращения: 07.11.2024).
3. Малешина Л. М. Административные правонарушения, связанные с безопасностью персональных данных и защитой информации: изучение судебной практики // Вестник Юридического института МИИТ. – 2022. – № 4(40). – С. 37-41.
4. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // api-пресс.рф: сайт. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 07.11.2024).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024, с изм. от 06.11.2024).

References:

1. Leaks of restricted access information in Russia for 2022-2023 [Electronic resource] // InfoWatch: website. – URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/rossiya-utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-2022-2023-gody> (access date: 11/07/2024).
2. Leaks of confidential data from organizations - 1st half of 2024 [Electronic resource] // Positive Technologies: website. – URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/utechki-dannyh-aktualnye-ugrozy-pervogo-polugodiya-2024-dlya-organizacij/#id9> (date of access: 11/07/2024).
3. Maleshina L. M. Administrative offenses related to the security of personal data and information protection: a study of judicial practice // Bulletin of the MIT Law Institute. – 2022. – No. 4(40). – pp. 37-41.
4. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource] // api-press.rf: website. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (access date: 11/07/2024).
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on October 29, 2024, as amended on November 6, 2024).

О ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ On the digitalization of public administration

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич,

профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации,
кандидат экономических наук.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.
E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
доцент кафедры уголовного и административного права
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат юридических наук, доцент.
190121, Россия, г. Санкт-Петербург, Лоцманская ул., 3.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

POPKOV Dmitry V.,

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation,
Candidate of Economic Sciences.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova str., 1.
E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Law at St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law
Saint Petersburg State Maritime Technical University, PhD in Law, Associate Professor.
3, Lotsmanskaya str., Saint Petersburg, 190121, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: Цифровизации как деятельности государства в современной России уделяется пристанное внимание. Рассматриваемая государственная деятельность ежегодно показывает все большее развитие. Исследователями проделана значительная работа, отмечается, что одним из успешно развивающихся направлений является цифровизация государственного управления.

Abstract: Digitalization as an activity of the state in modern Russia is given close attention. The government activity under consideration shows an increasing development every year. Researchers have done a lot of work, it is noted that one of the successfully developing areas is the digitalization of public administration.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровизация; информационная безопасность; киберугрозы; государственное управление.

Keywords: digital transformation; digitalization; information security; cyber threats; public administration.

Для цитирования: Попков Д.В., Шеншин В.М. О цифровизации государственного управления // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 125-130. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_125.

For citation: Popkov D.V., Shenshin V.M. On the digitalization of public administration // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 125-130. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_125.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Риски, с которыми сталкиваются граждане нашей страны и государство в целом в ходе цифровизации, и способы борьбы с ними достаточно обширны. Сегодня российское законодательство, конечно же, серьезно нуждается в модернизации и корректировке, прогресс сейчас развивается быстрее, чем норма права.

В указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» обозначен крайне важный аспект согласно которому «На фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем *растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления*» (выделено нами – Д.П., В.Ш.).

Как и любая иная деятельность государства, государственное управление подвергается процессу цифровизации.

Цифровизация – это неотъемлемая часть современной жизни, инструмент для достижения целей каждого из действующих национальных проектов¹, помимо прочего она повышает эффективность, скорость и удобство работы исполнительных органов власти², а также инструментов, которые используют граждане, она охватывает все сферы нашей жизни, в том числе рабочие процессы, начиная от возможности получать прогнозы погоды и заканчивая самыми разными технологиями.

Сегодня цифровые услуги прочно вошли в повседневную жизнь людей, при этом максимально активно интернет-сервисами пользуется молодежь. Другие ключевые ежедневные пользователи цифровыми услугами – высокообразованные, материально обеспеченные, жители городов-миллионников. Перевод повседневной рутины в цифровой формат для подавляющего большинства пользователей электронными сер-

¹ Боровицкий, А. М. Трансформация образовательной системы в военных учреждениях Росгвардии / А. М. Боровицкий // *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. – 2024. – № 1(19). – С. 55-64. – EDN CFLSKU.

² Горошко, И. В. Цифровизация - современный тренд развития правоохранительных органов / И. В. Горошко // *Обозреватель*. – 2022. – № 2(385). – С. 98-110. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_98. – EDN QTEYHC.

висами сопряжен с повышением комфорта, экономией времени.

Молодое поколение чаще ценит разнообразие выбора товаров и услуг в цифровом формате, а самое старшее – возможность решать вопросы, не выходя из дома. Несмотря на разность поколений в частоте использования, восприятия цифровизации, россияне едины во мнении насчет главной опасности использования цифровых услуг – обеспечение безопасности данных.

Стоит отметить, что информирование, направленное на повышение онлайн-безопасности и цифровых компетенций, будет способствовать повышению активности пользователей электронными услугами в разных направлениях и сферах жизни. Это является одним из направлений работ в рамках национальной цели развития страны «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Президентом Российской Федерации подписан Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В документе в качестве одной из основных национальных целей развития Российской Федерации значится – *цифровая трансформация государственного и муниципального управления* (выделено нами – Д.П., В.Ш.).

В августе 2024 года Президент Российской Федерации утвердил перечень поручений по итогам расширенного заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета.

Для реализации национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» в поручения вошли:

обеспечение устойчивой связи и высокоскоростной доступ к интернету в малочисленных и приграничных населенных пунктах, удаленных районах, а также на федеральных автодорогах и железнодорожных путях общего назначения;

льготные кредиты на модернизацию и увеличение пропускной способности сетей телефонной связи, увеличение мощности мобильных LTE-сетей и развертывание сетей 5G;

завершить создание беспроводных Wi-Fi-сетей в государственных и муниципальных общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях;

изучить вопрос обеспечения врачей скорой помощи и учителей отечественными планшетами на базе российской ОС.

развитие группировки космических аппаратов в целях обеспечения связи и телерадиовещания,

модернизация и цифровая трансформация «Почты России».

Главные целевые показатели цифровой трансформации, которые позволят говорить об успешном достижении соответствующей национальной цели к 2030 году, закреплены в подп. «д» п. 2 Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474.

В 2022 году, к примеру, все плановые показатели национальной цели были перевыполнены. Так, уровень достижения цифровой зрелости составил 65,8% (плановый показатель равнялся 56,2%), доля массовых социально значимых услуг в электронном виде – 99,97% (план: 65%), доля домохозяйств, которым обеспечен широкополосный доступ к Интернету, – 86,1% (план: 80%), объем вложений в отечественные IT-решения – 521,9 млрд руб. (уровень увеличения – 157,4%, плановый – 156%).

«Уровень цифровой зрелости – это такой комплексный показатель, где учитывается и число специалистов, которые работают в IT-сфере, используют технологии, и объемы расходов на цифровые решения, и другие метрики. Этот показатель как раз свидетельствует о том, что российской цифровой экономике удалось адаптироваться к новым условиям и эффективно выстроить совместную работу государства и бизнеса».

Такое опережение планов, по мнению представителей, как органов власти, так и непосредственно IT-компаний, стало возможным, в том числе, благодаря существенному расширению видов и объемов государственной поддержки IT-отрасли.

Посмотрим, по каким направлениям наиболее активно идет работа и какие планы у государства в этом направлении.

Считаем необходимым остановиться на указе Президента РФ от 18.09.2023 № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» которым предусмотрено, что представление гражданами сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, либо иных документах, выданных гражданам государственными органами, в электронной форме с использованием мобильного приложения Единого портала госуслуг приравнивается в случаях, определенных Правительством Российской Федерации по согласованию с ФСБ России, к предъявлению указанных документов.

Минцифры России на основании информации, представленной юридическими лицами, ведет реестр, содержащий данные о юридических лицах и видах их деятельности, для осуществления которых используются сведения, представленные с использованием мобильного приложения, а юридические лица вправе осуществлять получение и (или) проверку сведений, представленных с использованием мобильного приложения, с момента внесения соответствующих данных в реестр.

На сегодняшний день Россия входит в число лидеров по уровню внедрения базовых государственных электронных систем.

Распоряжением Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» на период до 2030 года актуализировано стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления.

Видно, что Правительство Российской Федерации продолжает проводить системную работу в сфере цифровизации государственного управления.

Стратегическое направление в области цифровой трансформации в сфере госуправления до 2030 года предусматривает: сокращение сроков предоставления госуслуг в онлайн-формате; обеспечение дальнейшего перехода на электронный документооборот органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений;

автоматизацию и упрощение межведомственного взаимодействия.

Ранее распоряжением Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» были утверждены мероприятия по цифровой трансформации государственного управления:

Цифровая трансформация государственного управления подразумевает, в частности, создание:

единой платформы исполнения функций по государственному и муниципальному контролю;

единой системы предоставления государственных и муниципальных услуг;

типового автоматизированного рабочего места государственного служащего на базе «облачных» технологий;

единой платформы разработки государственных информационных систем.

Документом также определены приоритеты, цели, задачи, проблемы и вызовы цифровой трансформации государственного управления, а также участники ее реализации.

Распоряжением Правительства России от 17 апреля 2024 г. № 959-р утверждено Стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения. Документ содержит перечень приоритетов, задач и целей цифровизации здравоохранения, главным из которых является создание «цифровых двойников» пациентов, проектов (в том числе, – искусственный интеллект, персональные медицинские помощники, информационная безопасность) оценку текущего «цифрового» состояния отрасли, а также индикаторы цифровой трансформации и показатели проектов, в частности:

доля дистанционных записей на прием к врачу,

доля граждан – пользователей ЕПГУ,

доля граждан, которые находятся под диспансерным наблюдением и использующих дистанционный мониторинг состояния своего здоровья (от 10% в 2024 году до 50% в 2030, но лишь в пилотных регионах),

доля телемедицинских консультаций на ЕПГУ,

доля случаев оказания медпомощи, по которым предоставлены ЭМД в подсистеме ЕГИСЗ,

создание цифровых двойников для застрахованных лиц (100% в 2025 г.),

количество мидизделий с технологиями ИИ (3 мидизделия – в 2024 году, в 2030 году – 12 изделий).

Государство намерено до 2030 года внедрить в сфере здравоохранения новые информационные технологии, в том числе нейротехнологии и ИИ, работу с большими данными, технологии беспроводной связи.

На развитие искусственного интеллекта в 2024 году выделено свыше 5 млрд руб. из федерального бюджета. Об этом заявил Председатель Правительства РФ М. Мишустин на стратегической сессии «Развитие искусственного интеллекта», которая состоялась 26 сентября 2023 года.

В настоящее время гранты на реализацию проектов в области ИИ от государства получают ВШЭ, Иннополис, Сколтех, Институт системного программирования РАН, МФТИ, Национальный исследовательский университет ИТМО. Средства выделяются на реализацию проектов для приоритетных отраслей экономики.

Председатель Правительства РФ отметил необходимость развития правовой базы в этой области. Он напомнил, что в России уже действуют восемь экспериментально-правовых режимов (два в сфере медицины, шесть – в области высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных летательных аппаратов). Экспериментально-правовые режимы позволяют проверить новые технологии на практике до начала их повсеместного использования и уже по результатам создавать законодательную базу.

В России также действует Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.), к которому компании могут присоединиться на добровольной основе (в настоящее время таких организаций около 270).

М. Мишустин также рассказал, что рынок искусственного интеллекта активно развивается – в 2023 году, например, его объем достиг почти 650 млрд руб., рост составил примерно 18%. В области задействовано около тысячи российских организаций.

Также искусственный интеллект активно внедряется во все отрасли экономики. В лидерах – финансовый сектор (95% предприятий применяют в работе ИИ). Напомним, согласно результатам совместного исследования Минэкономразвития России, Фонда «Общественное мнение» и Сбера «Предприниматели России: исследовательский мониторинг» ИИ пользуются 45% российских бизнесменов.

Цифровая платформа Искусственного Интеллекта (далее - ИИ) для государственного управления может быть развернута в ближайшие годы, а к 2030 году планируется создать не менее 30 ИИ-решений для государственного управления и социальной сферы.

Внедрение ИИ в государственное управление отвечает задачам нового нацпроекта «Экономика данных» и указу Президента РФ о поправках к Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

По информации Минэкономразвития России от 05.10.2022 «В России запустили платформу цифровых решений нацпроекта «Производительность труда», которая поможет бизнесу начать цифровизацию предприятия.

Исходя из потребностей предприятия, платформа подберет программное обеспечение для повышения эффективности работы производства, логистики, IT, маркетинга и продаж, управления финансами и персоналом. Предварительный отбор поставщиков гарантирует пользова-

тельскую поддержку. Также эксперты помогут оформить закупку ПО и заявку на софинансирование, субсидию или грант.

Воспользоваться платформой цифровых решений могут предприятия, подходящие по критериям нацпроекта «Производительность труда». Это компании с оборотом более 400 млн рублей из отраслей торговли, строительства, сельского хозяйства, транспортной сферы и обрабатывающей промышленности. Доля иностранного участия не должна превышать 50%.

В развитие настоящего исследования обратим внимание на то, что Минцифры России приглашает поступать на «цифровые кафедры» в вузы. Такие кафедры позволяют студентам получить дополнительное IT-образование. Оно доступно студентам: 2-4 курсов бакалавриата; 2-5 курсов специалитета; магистратуры не IT-профиля и ординатуры. Об этом министерство напомнило на своем официальном сайте.

В среднем курс длится 10 месяцев, при этом не менее 60% учебного времени отводится на прохождение практики в IT-компаниях. Преподавателями на «цифровых кафедрах» являются представители Ростелекома, Сбербанка, Яндексa, VK, Росатома, РЖД и других компаний. В числе тематик обучения значатся:

- анализ данных в финансово-экономической сфере;
- VR-технологии в здравоохранении;
- умные технологии в машиностроении;
- цифровое моделирование энергетических систем;
- роботизированные системы в сельском хозяйстве.

В 2024-2025 учебном году в проекте примут участие 106 вузов, в которых откроются более 174,5 тыс. мест для желающих получить дополнительную IT-квалификацию. По окончании обучения студентам выдадут дипломы о профпереподготовке.

Условия поступления и порядок подачи заявки может отличаться в разных вузах – их целесообразно уточнять в самой образовательной организации. Поступить на «цифровую кафедру» можно было до конца сентября 2024 года.

«Благодаря «цифровым кафедрам» будущие медики смогут использовать в работе ИИ, инженеры освоят промышленное ПО, а аййтишники углубят свои знания», – отмечает Минцифры России. За период обучения студенты изучат языки программирования, основы информационной безопасности, научатся работать с искусственным интеллектом и новыми информационными технологиями на российском ПО.

Гражданам и бизнесу теперь доступно еще больше услуг, которые они могут получить в Цифровом профиле. Перечень пополнился на 42 услуги для юридических лиц (всего их стало 45) и на 4 услуги – для физических (теперь их 47).

В продолжение нашей темы отметим, что цифровизация государственного управления осуществляется не только на федеральном, но и на региональном уровне¹. Так в 2023 году в Нижнем Новгороде введена в эксплуатацию Цифровая платформа «Умный регион». Это единая экосистема, объединяющая платформу управления муниципалитетом и информационно-аналитическую систему ситуационного центра, предназначенную для сбора, хранения и анализа данных/процессов по основным направлениям деятельности региона.

В рамках цифровой трансформации государственных услуг в регионе осуществляется переход к концепции «0-0-0». Это когда для получения услуги не нужен ручной ввод информации при заполнении формы, нет бумажных документов, которые нужно предоставлять, нет длительного ожидания – все оказывают онлайн и в автоматическом режиме.

Постановлением Губернатора Ненецкого автономного округа от 30.08.2022 № 55-пг «Об утверждении стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ненецкого автономного округа» утверждена стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ненецкого автономного округа.

Основной целью цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ненецкого автономного округа является достижение высокой степени цифровой зрелости основных отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления для оказания качественных государственных услуг населению и бизнесу, формирования качественной и безопасной среды для жизни и развития, обеспечения доступности и качества образования, здравоохранения и социальной поддержки.

Для достижения поставленной цели предусмотрено решение следующих задач:

- предоставление доступа к верифицированному цифровому образовательному контенту и сервисам участникам образовательных отношений на безвозмездной основе;
- увеличение охвата населения, у которого медицинская информация хранится в электронном структурированном виде и доступна для пациента и его лечащего врача вне зависимости от медицинской организации, в которой оказывается медицинская помощь;
- обеспечение медицинскими организациями доступа для граждан к электронным медицинским документам посредством личного кабинета пациента «Мое здоровье» на ЕПГУ;
- повышение уровня цифровизации цепочки поставщиков коммунальных услуг (производство, сбыт, транспортировка, потребление);
- использование автоматизированных технологий организации дорожного движения и контроля за соблюдением правил дорожного движения;
- повышение импортнезависимости и устойчивости функционирования транспортной отрасли;
- повышение производительности труда и развития государственной экономики;
- устранение избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в рамках контрольно-надзорной

¹ Ронжина, Н. А. Развитие системы кибербезопасности в Российской Федерации как основное условие обеспечения национальной информационной безопасности / Н. А. Ронжина, А. А. Глазатов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 24-34. – EDN QOBZJV.

деятельности;

обеспечение работоспособности региональных информационных систем в режиме 365 x 7 x 24;

реализация единых процессов предоставления мер социальной защиты (поддержки) гражданам, в том числе без сбора документов независимо от места проживания гражданина;

создание единой точки доступа граждан и работодателей к информационным сервисам в сфере труда и занятости;

сокращение временных затрат на процедуры получения исходно-разрешительной документации в инвестиционно-строительном цикле;

повышение количества массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде в сфере строительства;

переход исключительно на электронный обмен информации между участниками строительной отрасли;

развитие инструментов снижения затрат потребителей на покупку электрической энергии, развитие рынка микрогенерации;

интеграция современных технологий и цифровых продуктов в процессы работы учреждений культуры;

создание условий для обучения слушателей курсов повышения квалификации.

Отметим, что успехи России в области цифровой трансформации фиксируются не только на национальном, но и на международном уровне. Например, в рейтинге цифровизации государственного управления Всемирного банка Россия в 2022 году вошла в десятку лидеров¹.

При этом нельзя не обратить внимания на то, что в условиях цифровой трансформации обеспечение информационной безопасности имеет ключевое значение. В 2022 году вопросы кибербезопасности встали как никогда остро: по данным Правительства Российской Федерации, число кибератак на автоматизированные системы управления увеличилось на 80%, причем фокус сместился с финансового на государственный сектор². «В министерствах и ведомствах уже назначены руководители, которые персонально отвечают за информационную безопасность, – это, к сожалению, требования времени. И в субъектах Российской Федерации, и во всех федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ) уже созданы так называемые киберштабы. С начала 2022 года успешно отражено почти 50 тыс. серьезных кибератак, зафиксировано 1,6 тыс. инцидентов – все они расследованы, успешно закрыты, подготовлены рекомендации по их дальнейшему предотвращению. Выявлено несколько тысяч различных компьютерных уязвимостей, которые ФСТЭК России добавил в банк данных угроз безопасности информации».

Напомним, необходимость создания в ФОИВ, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, государственных фондах, государственных компаниях и иных организациях, созданных на основании федеральных законов, стратегических предприятиях, системообразующих организациях и других юридических лицах, являющихся субъектами КИИ, структурных подразделений по информационной безопасности с возложением персональной ответственности за ее обеспечение на руководителей этих органов и организаций предусмотрена Указом Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации».

Кроме того, согласно документу с 1 января 2025 года перечисленным органам и организациям запрещается использовать средства защиты информации из недружественных стран. По прогнозам Правительства Российской Федерации, полный переход на отечественные аналоги таких продуктов произойдет даже раньше.

Вместе с тем, информационная безопасность в рассматриваемом контексте совсем недавно была нарушена. Речь идет о том, что Российские суды столкнулись с «инцидентом информационной безопасности», который вывел из строя множество ресурсов, составляющих общую судебную ИТ-структуру. Об этом «инциденте» говорится в документе судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.

Документ содержит внушительных размеров перечень сервисов, вышедших из строя в результате «инцидента» – он состоит из девяти пунктов, среди которых ГАС «Правосудие» и сайты федеральных и арбитражных судов, а также интернет-телефония арбитражных судов.

При этом документ совершенно не описывает характер «инцидента информационной безопасности», повлекший за собой столь масштабные виртуальные разрушения, а также не раскрывает его природу. Но, согласно информации из открытых источников, это была крупномасштабная хакерская атака.

Хакерам удалось сломать интернет-сайты федеральных арбитражных судов на домене arbit.ru, а вместе с ними – и сайты мировых судей на домене msudf.ru. Помимо этого, перестали функционировать модуль «Электронное правосудие» (ej.sudf.ru) и личные кабинеты работников судов.

Полностью не работают службы электронной почты ГАС «Правосудие» и интернет-портал ГАС «Правосудие». Также хакеры добрались до портала технической поддержки с внешними информационными системами и модуля «ЭПр-СМЭВ» (Электронное правосудие – Система межведомственного электронного взаимодействия, обеспечивает взаимодействие с порталом «Госуслуг»). Далее, в списке приведены: подсистема (ПИ) «Недвижимость и ПИ ВКС, которая содержит расписание сеансов видеоконференцсвязи.

Судам необходимо рассмотреть вопросы совершенствования приказного производства – в том числе перспективы использования ИИ в целях автоматизированной подготовки проектов судебных приказов. С соответствующей инициативой в свое время выступал Председатель Верховного суда РФ В. Лебедев в ходе состоявшегося 15 сентября 2022 года совещания с делегатами X Всероссийского съезда судей от судов, осуществляющих правосудие в ЮФО и СКФО³.

¹С рейтингом GovTech Maturity Index 2022 можно ознакомиться на сайте Всемирного банка (worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard)

²Бондуrowsкий, В. В. Меры по противодействию вызовам и угрозам коллективной безопасности: основные итоги ноябрьской (2023 года) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности / В. В. Бондуrowsкий, С. В. Поспелов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 34-41. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-34-41. – EDN AMXXIV.

³ <https://www.garant.ru/news/1566310/?ysclid=m2a9suboa947348024>

В частности, речь шла о проработке возможности направления в электронном виде распоряжений, требований, поручений, вызовов и обращений судов. Целесообразность такой реформы объясняется судебной нагрузкой.

Председатель ВС РФ отметил, что на сегодняшний день востребованность электронных ресурсов судебной системы России сохраняется – об этом свидетельствует статистика. К примеру, за 6 месяцев 2022 года в электронном виде в суды подано более 2,5 млн документов – на 35% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Напомним, с 28 августа 2022 года официально предусмотрена возможность обращения в суды через МФЦ в соответствии с принципом одного окна (п. 26.1 Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг).

Таким образом, поиск адекватных и выверенных решений поможет в дальнейшем сформировать целостную систему нормативно-правового регулирования цифровизации государственного управления.

Исследуемое понятие довольно быстро вошло в сознание граждан, пользующихся преимуществом данного направления государственного развития.

Принимаемые государством решения показывают необходимость дальнейшего развития цифровизации государственного управления.

Список литературы:

1. <https://www.garant.ru/news/1566310/?ysclid=m2a9suboa947348024>
2. Бондуровский, В. В. Меры по противодействию вызовам и угрозам коллективной безопасности: основные итоги ноябрьской (2023 года) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности / В. В. Бондуровский, С. В. Поспелов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 34-41. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-34-41. – EDN AMXXIV.
3. Боровицкий, А. М. Трансформация образовательной системы в военных учреждениях Росгвардии / А. М. Боровицкий // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2024. – № 1(19). – С. 55-64. – EDN CFLSKU.
4. Горошко, И. В. Цифровизация - современный тренд развития правоохранительных органов / И. В. Горошко // Обозреватель. – 2022. – № 2(385). – С. 98-110. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_98. – EDN QTEYHC.
5. Ронжина, Н. А. Развитие системы кибербезопасности в Российской Федерации как основное условие обеспечения национальной информационной безопасности / Н. А. Ронжина, А. А. Глазатов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 24-34. – EDN QOBZJV.

References:

1. <https://www.garant.ru/news/1566310/?ysclid=m2a9suboa947348024>
2. Bondurovsky, V. V. Measures to counteract challenges and threats to collective security: the main results of the November (2023) session of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization / V. V. Bondurovsky, S. V. Pospelov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 34-41. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-34-41. – EDN AMXXIV.
3. Borovitsky, A.M. Transformation of the educational system in military institutions of the Russian Guard / A.M. Borovitsky // Military-legal and humanitarian sciences of Siberia. – 2024. – № 1(19). – Pp. 55-64. – EDN CFLSKU.
4. Goroshko, I. V. Digitalization - a modern trend in the development of law enforcement agencies / I. V. Goroshko // Obozrevatel. – 2022. – № 2(385). – Pp. 98-110. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_98. – EDN QTEYHC.
5. Ronzhina, N. A. Development of the cybersecurity system in the Russian Federation as the main condition for ensuring national information security / N. A. Ronzhina, A. A. Glazatov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 1(58). – Pp. 24-34. – EDN QOBZJV.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ON THE ISSUE OF THE EXERCISE OF ELECTORAL RIGHTS IN THE PENITENTIARY SYSTEM

ШАНАЗАРОВА Елена Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: alyonapov@mail.ru;

САВЕЛЬЕВА Ольга Евгеньевна,

доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: oes57@mail.ru;

Shanazarova Elena Vitalievna,

Associate Professor of the Department of public law disciplines'
of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of law, Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: alyonapov@mail.ru;

Savelieva Olga Evgenyevna,

Associate Professor at the Department of Finance Law and Customs Business of Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.
E-mail: oes57@mail.ru

Краткая аннотация: в статье раскрываются правовые аспекты реализации избирательного права в пенитенциарной системе, а так же анализируются конституционно-правовые ограничения избирательных прав граждан находящихся в местах лишения свободы по приговору суда. Право имеет особое значение в обеспечении порядка в жизни социума. Одной из актуальных задач является создание и установление прав и свобод общества для гармоничного существования и функционирования государства в целом. Основной целью статьи является выполнение анализа относительно важности принципа равного избирательного права в Российской Федерации, в том числе предоставление права лицам, осужденным к лишению свободы. Нормативные акты, касающиеся осуществления осужденными активного избирательного права, нуждаются в дальнейшей законодательной доработке, принимая во внимание дифференцированный подход к исполнению наказаний, сложившуюся судебную практику и опыт других стран.

Abstract: The article reveals the legal aspects of the implementation of the right to vote in the penitentiary system, as well as analyzes the constitutional and legal restrictions on the electoral rights of citizens who are in places of deprivation of liberty by court verdict. Law is of particular importance in ensuring order in the life of society. One of the urgent tasks is to create and establish the rights and freedoms of society for the harmonious existence and functioning of the state as a whole. The main purpose of the article is to analyze the importance of the principle of equal suffrage in the Russian Federation, including granting the right to persons sentenced to imprisonment. Normative acts concerning the exercise of active suffrage by convicts need further legislative refinement, taking into account the differentiated approach to the execution of sentences, established judicial practice and the experience of other countries.

Ключевые слова: избирательное право, принцип равного избирательного права, конституционное право, общественные отношения, осужденный условно, лишение свободы, право голосовать.

Keywords: electoral law, the principle of equal suffrage, constitutional law, public relations, probation, imprisonment, the right to vote.

Для цитирования: Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. К вопросу о реализации избирательных прав в пенитенциарной системе // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 131-133. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_131.

For citation: Shanazarova E.V., Savelieva O.E. On the issue of the exercise of electoral rights in the penitentiary system // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 131-133. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_131.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

Принцип равного избирательного права один из основополагающих принципов демократического управления, который играет ключевую роль в политической системе Российской Федерации. Этот принцип обеспечивает равные возможности для всех граждан участвовать в выборах, что, в свою очередь, имеет ряд важных последствий для функционирования общества и государства. Равное избирательное право способствует искреннему и свободному выражению воли народа. Оно гарантирует, что все граждане, независимо от их социального статуса, расы, пола или убеждений, могут участвовать в формировании власти. Это основной принцип, позволяющий обществу реализовывать идеи демократии и удовлетворять разнообразие интересов [1].

Если все граждане имеют равные права на участие в выборах, результаты этих выборов воспринимаются как более легитимные. Это способствует укреплению доверия к институтам власти и повышает готовность граждан поддерживать решения, принимаемые властью [2].

В учреждениях уголовно-исполнительной системы также проводятся выборы, которые являются неотъемлемой частью избирательного процесса в Российской Федерации. Право участвовать в голосовании предоставляется следующим категориям лиц:

- обвиняемые и подозреваемые, находящиеся в следственных изоляторах;
- лица, состоящие на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях и осуждённые к принудительным работам, если их избирательные

права не ограничены;

- лица, осуждённые к ограничению свободы, могут проголосовать на избирательном участке по месту регистрации;
- лица, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста, могут проголосовать по месту жительства.

Представители участковых комиссий посещают таких избирателей на дому.

Ограничение избирательных прав распространяется на лиц, признанных судом недееспособными, а также на тех, кто содержится в местах лишения свободы по приговору суда.

Статья 32 Конституции РФ, лишаящая избирательных прав граждан, находящихся в местах лишения свободы, является предметом неоднозначных толкований и дискуссий. По своей сути, это положение, учитывая исторический контекст и философско-правовые аспекты, представляет собой дополнительное уголовное наказание, применяемое судом помимо основного – лишения свободы. Важно подчеркнуть, что это не самостоятельное наказание, а именно дополнение к основному, усиливающее его воздействие на осужденного. Его применение основывается на прямом действии части 3 статьи 32 Конституции РФ, и эта норма действует автоматически, без необходимости вынесения отдельного судебного решения о лишении избирательных прав.

Исторически, лишение избирательных прав было инструментом политического подавления, использовавшимся различными режимами для устранения диссидентов и контроля над населением. В современных демократических обществах подобные практики подвергаются критике, поскольку ограничение гражданских прав, даже в рамках уголовного наказания, должно быть тщательно взвешено и соразмерно совершенному преступлению. Вопрос о том, насколько справедливо лишать человека права голоса за совершенное преступление, остается открытым и обсуждается правоведами и политическими деятелями.

Существуют различные точки зрения на целесообразность такого дополнительного наказания. Сторонники сохранения данного положения в Конституции утверждают, что лишение избирательных прав является важной составляющей системы уголовного наказания, способствующей изоляции преступника от общества и предотвращению его влияния на политические процессы. Они аргументируют свою позицию тем, что преступник, находясь в изоляции, утрачивает легитимность участия в формировании общественного мнения и принятия решений, затрагивающих интересы всего общества. Однако, противники данной нормы подчеркивают, что такое наказание противоречит принципу равенства перед законом, закрепленному в Конституции. Они считают, что лишение избирательных прав не способствует ресоциализации осужденного, не имеет профилактической функции, и, напротив, может усугубить его отчужденность от общества, затрудняя его адаптацию к реальной жизни после освобождения. Более того, лишение избирательных прав может нести в себе элементы дискриминации, особенно в отношении социально уязвимых групп населения, имеющих более высокий риск попадания в места лишения свободы [3].

Современные подходы к уголовному наказанию все чаще акцентируют внимание на ресоциализацию осужденных, а не только на их изоляцию и наказание. Эффективность дополнительного наказания в виде лишения избирательных прав под вопросом именно в свете этой парадигмы. Его применение в нынешнем виде действительно не полностью соответствует заявленным целям уголовного наказания – восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предотвращению новых преступлений. Остается неясным, как лишение права голоса способствует достижению этих целей. Более того, некоторые юристы предлагают рассматривать альтернативные меры, которые могли бы быть более эффективными и гуманными, например, участие осужденных в общественно полезном труде или образовательных программах во время отбывания наказания. Для более эффективного и справедливого подхода к данному вопросу, необходимо провести глубокий анализ эффективности нынешней системы, оценить влияние данного наказания на рецидивную преступность, а также изучить международный опыт. Возможно, стоит рассмотреть пересмотр данной нормы Конституции или, по крайней мере, внесение изменений в ее практическое применение.

Необходимо отметить, что предлагаемая инициатива правоведов о предоставлении заключенным активного избирательного права, то есть права голоса на выборах и референдумах, является сложной и многогранной проблемой, требующей глубокого анализа с учетом различных аспектов права, морали и общественной безопасности.

В нынешнем законодательстве РФ заключенные лишены этого права, что вызывает острые дискуссии. Сторонники предоставления права голоса аргументируют свою позицию тем, что лишение этого права противоречит принципу всеобщего избирательного права, гарантированного Конституцией РФ. Граждане, даже находящиеся в местах лишения свободы, остаются членами общества и имеют право выражать свою гражданскую позицию. Они также могут влиять на политику, которая напрямую затрагивает их будущее и жизнь общества в целом. Однако, противники данной инициативы подчеркивают существование потенциального риска, который заключается в манипулировании заключенными политическими силами, во влиянии криминальных авторитетов на избирательный процесс.

Кроме того, стоит учитывать специфику избирательной системы и организационные сложности, связанные с обеспечением честного и прозрачного голосования в местах лишения свободы. Для предотвращения возможных злоупотреблений необходимо разработать и внедрить строгие механизмы контроля и обеспечения тайны голосования, исключающие всякое давление на заключенных.

А вот предложение о введении дополнительного вида наказания в виде лишения пассивного избирательного права для лиц, осужденных к пожизненному или длительному сроку заключения, представляется более обоснованным. Лишение права быть избранным логично следует из сущности совершённого преступления, демонстрируя несоответствие осужденного занимать государственные должности или участвовать в политической жизни. При этом, важно четко определить критерии применения этого наказания, чтобы избежать произвола и обеспечить единообразное применение закона.

Таким образом, возможно изменение ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, как путем добавления фразы «Не имеют права быть избранными

граждане, подвергнутые уголовному наказанию в виде лишения избирательных прав», что требует тщательного юридического анализа и широкого общественного обсуждения. Такое изменение потребует не только корректировки федерального законодательства о выборах и референдумах, но и пересмотра региональных нормативных актов. Необходимо разработать четкие критерии определения «лишения избирательных прав» как вида уголовного наказания, а также установить порядок восстановления этого права после отбытия наказания. Кроме того, стоит рассмотреть возможность дифференцированного подхода к лишению избирательных прав, учитывающего характер и тяжесть совершенного преступления. Например, для лиц, осужденных за мелкие преступления, лишение избирательных прав может быть нецелесообразно, в то время как для лиц, совершивших тяжкие преступления против государства или личности, такое наказание может быть оправдано.

В целом, решение вопроса о предоставлении заключенным активного и лишении пассивного избирательного права требует взвешенного подхода, сочетающего принципы справедливости, безопасности и уважения к правам человека. Необходимо учитывать все потенциальные риски и выгоды, а также разработать эффективные механизмы контроля и предотвращения злоупотреблений. Только комплексный подход, основанный на тщательном анализе и широком общественном обсуждении, позволит найти оптимальное решение, соответствующее современным реалиям и принципам правового государства.

Список литературы:

1. Авилова О.Е., Герасименко Т.В. Принципы избирательного права // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. М., 2008, № 2.
2. Лазарев В.В., Чучелина Н.Н. Избирательные права граждан: опыт конституционно-правового исследования // Журнал российского права. М.: Норма, 2005, № 6.
3. Мельникова Н. А., Сизов Д. О. Ограничение избирательных прав осужденных как проявление политического абсентеизма // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4 (48).

References:

1. Avilova O.E., Gerasimenko T.V. Principles of electoral law // "Black holes" in Russian Legislation. Law Journal. Moscow, 2008, No. 2.
2. Lazarev V.V., Chuchelina N.H. The electoral rights of citizens: the experience of constitutional and legal research // Journal of Russian Law. M.: Norm, 2005, No. 6.
3. Melnikova N. A., Sizov D. O. Restriction of the electoral rights of convicts as a manifestation of political absenteeism // Penitentiary science. 2019. Vol. 13, No. 4 (48).

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_134

УДК 349.414

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ НУЖД ГОСУДАРСТВА ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE SEIZURE OF LAND FOR THE NEEDS OF THE STATE

ГЛУШКО Ольга Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: angelkolieva@mail.ru;

GLUSHKO Olga Alexandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law,
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
Kalinin str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация: Статья направлена на исследование новел и действующего законодательства, регулирующего вопросы, возникающие в связи с изъятием земельных участков для государственных нужд. Анализируя правоприменительную практику, выдвигаются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Abstract: The article is aimed at researching novelties and current legislation regulating issues arising in connection with the seizure of land for state needs. Analyzing the law enforcement practice, proposals are put forward to improve the current legislation.

Ключевые слова: земельный участок, изъятие земель, градостроительное планирование, градостроительное законодательство, земельное законодательство.

Key words: land plot, land seizure, urban planning, urban planning legislation, land legislation.

Для цитирования: Глушко О.А. К вопросу о правовом регулировании изъятия земельных участков для нужд государства // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 134-138. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_134.

For citation: Glushko O.A. On the issue of legal regulation of the seizure of land for the needs of the state // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 134-138. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_134.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Условия, при наличии которых допускается изъятие земли для публичных нужд, регламентированы ст. 56.3 Земельного кодекса РФ. Согласно п. 1 ст. 56.3 ЗК РФ допускается изъятие земли под строительство объектов федерального, регионального или местного уровня, если они имеются в документах планирования территории, утвержденных в установленном законом порядке.

Таким образом, существенное значение для установления достаточности оснований для применения института принудительного возмездного изъятия участков приобретает определение перечня достаточных документов территориального планирования и соблюдение порядка их утверждения.

В п. 3 ст. 9 ГрК РФ содержится положение о том, что при выдаче разрешений на строительство необходимо опираться на территориальное планирование, требования к документации по которому утверждаются Минэкономразвития России – этот орган имеет такое полномочие в настоящее время (п. 13 ст. 9 ГрК РФ) [1].

К документам, на основании которых планируются территории, являются различного рода схемы размещения таких объектов, как:

1. транспорт, включая сами дороги всех видов и объекты дорожной инфраструктуры (вокзалы и аэропорты).
2. объекты военного назначения и обеспечения государственной безопасности.
3. объекты сферы связи, образования, науки, здравоохранения, энергетики.

При планировании размещения отдельных объектов, например, промышленно опасных, дополнительно также существует требование о проведении экспертизы такой документации на соответствие всем требованиям, с учетом планируемой деятельности[2].

Итак, изъятие земли при планировании объектов любого уровня допускается при наличии надлежащим образом составленной и утвержденной документацией градостроительного планирования территории. Если таковых документов нет, в качестве обоснования для публичного изъятия земли могут быть положены следующие документы:

- документы о признании той или иной территории особо охраняемой – в таком случае земля, на которой она находится, изымается у собственника в федеральную и региональную собственность, в зависимости от уровня особо охраняемой природной территории;
- принятие на себя международных обязательств Россией или ее субъектом в связи с заключением международного договора, предусматривающего размещение какого-либо объекта или иным образом связанного с необходимостью изъятия земли;
- недропользование в области таких ресурсов, которые не могут находиться в частной собственности (например, обнаружение нефти или газа на участке частного лица);
- признание многоквартирного дома аварийным и изъятие земельного участка под ним в связи с необходимостью его сноса.

Необходимо отметить новеллу, которая действует с начала августа 2019 года – теперь решение об изъятии участка для публичных

нужд при строительстве федеральных, региональных или местных объектов увеличено – теперь оно составляет шесть лет с момента утверждения плана территории[3].

Основное условие изъятия участка как у собственников, так и у землевладельцев, землепользователей и арендаторов — это предварительное и равноценное возмещение. Об этом говорится в п. 1 ст. 281 ГК РФ. При определении суммы компенсации принимается во внимание рыночная стоимость изымаемого участка, рыночная стоимость права собственности или иных прав (если земельный участок находится только во владении и пользовании), рыночная стоимость недвижимости, находящейся на изымаемом земельном участке, а также размер убытков, включая упущенную выгоду (п.2 ст.281 ГК РФ).

С 1 апреля 2015 года действует ст. 56.8 ЗК РФ, в соответствии с которой определяется сумма компенсации убытков для землевладельцев, не являющихся собственниками изымаемой земли 4]. При этом необходимо учитывать привязку рыночной стоимости земли при определении суммы компенсации к разрешенному использованию на дату изъятия (п. 5 ст. 56.8 ЗК РФ). Данное положение нашло отражение в материалах судебной практики [5].

Основные вопросы, которые возникают при изъятии земли для публичных нужд, связаны с определением размера компенсации, предоставляемой в связи с ее принудительным изъятием. В соответствии со ст. 281 ГК РФ норма об определении суммы такой компенсации сформирована достаточно четко – компенсация производится по рыночной стоимости изымаемой земли, которая определяется в процессе независимой оценки согласно законодательству об оценочной деятельности.

Понятие убытков в гражданском законодательстве является одним из самых сложных и спорных, при этом если прямые расходы лица можно определить на основании подтверждающих документов, то упущенную выгоду – второй компонент убытков, - определить достаточно сложно. Каждое заинтересованное лицо склонно указывать невероятную прибыльность теряемого бизнеса или, применительно к земле, изымаемого у него участка, в целях максимизации получаемой компенсации. Итак, при определении размера убытка, который имел место при изъятии земли для нужд государства, следует в обязательном порядке учитывать такие расходы землевладельца, как:

- уже произведенные расходы землевладельца, например, по выравниванию участка, по его расчистке от мусора или сорной травы, по высушиванию, по орошению и т.д.;
- расходы, связанные с обязательствами перед третьими лицами;
- расходы, связанные с утратой недвижимости.

Расчет упущенной выгоды включает в себя определение разницы между всеми возможными доходами от использования земли и расходами, которые нужно произвести для получения этого дохода, за минусом положенных к уплате налогов. По сути, определение суммы упущенной выгоды представляет собой экономическое ее обоснование, которое производится по правилам классического финансового анализа [6,с195].

Анализ судебной практики показывает, что упущенная выгода и ее расчет составляют значительную часть судебных дел, которые разбиваются по одной схеме – сначала истец заявляет иск о взыскании максимальной суммы упущенной выгоды, затем ответчик оспаривает каждую позицию расчета такой суммы, затем суд проводит третью независимую объективную оценку, проверяя как обоснованность включения в расчет упущенной выгоды той или иной строки, так и порядок определения ее суммы [7]. В целом, исследование всех дел, в которых заявлялись требования о компенсации упущенной выгоды и эти требования удовлетворялись судом, показывали, что ни разу суд не удовлетворил полную сумму, заявленную истцом.

Как разъяснил Верховный Суд, при изъятии земли для нужд государства не нужно доказывать сам факт причинения собственнику или иному землевладельцу имущественного вреда, - априори считается, что, если у лица изъяли его собственность или иным образом нарушили его вещные права на недвижимость, он терпит убытки, в связи с этим, не нужно доказывать размер причиненных убытков. При том уполномоченный на принятие решения об изъятии земли орган всегда предлагает свой расчет, с которой собственник или иной землевладелец волен или согласиться или не согласиться, но, если он не соглашается, он должен представить свое надлежащее обоснование с расчетами.

Особенности расчета суммы компенсации при расчете рыночной стоимости потерянных от изъятия участка вещных прав определены в п. 3 ст. 56.8 ЗК РФ, и они сводятся к следующему:

- если изымается право безвозмездного пользования или аренды земли, его стоимость компенсируется, исходя из суммы арендной платы за аналогичный по своим характеристикам участок на срок пользования, а если такой не установлен – на 9-летний срок;
- при изъятии земельного участка, который находился на праве бессрочного безвозмездного пользования гражданином, стоимость компенсации оценивается как стоимость такого участка при его передаче в его собственность.

Следует отметить, что предоставление компенсации при изъятии земли для публичных нужд не только на собственников, но и на иных владельцев является показателем повышенной защищенности землевладения вне зависимости от его оснований. То есть выкупная цена участка заменено термином компенсации, что более отвечает сущности этого механизма возмещения[8,с.116].

В зависимости от наличия различных прав на земельный участок у юридических или физических лиц определяется рыночная стоимость различных объектов оценки.

Итак, концептуально замена термина «выкупная цена» на термин «замещение» обозначает не просто особенности понятийного аппарата, а совершенно новый подход к пониманию убытков землевладельцев от реализации планов публичной власти, - теперь возмещаются не только убытки собственникам, но и упущенная выгода пользователей земли, включая их неисполненные обязательства перед иными лицами[9,с.487].

В качестве примера можно привести следующее дело. Компания ГК «Автодор» обратилась с иском об изъятии участка у собственника

для строительства дороги. Проблема заключалась в том, что землевладелец оспаривал сумму компенсации, а не само основание для изъятия земли. Однако, суд оценил сумму компенсации, нашел ее обоснованной и удовлетворил в полном объеме требование об изъятии участка [10].

Порядок определения суммы возмещения указан в п. 1 ст. 56.8 ЗК РФ, - в соответствии с этой нормой возмещение основывается на рыночной стоимости земли или прав на нее, порядок определения которой установлен законодательством об оценочной деятельности [11] с учетом особенностей, установленных ст. 56.8 ЗК РФ.

При определении суммы возмещения стоимости учитывается не только стоимость самой земли с учетом ее категории, но и стоимость размещенных на ней недвижимых неотделимых от нее объектов, кроме построенных незаконно (п. 8 ст. 56.8 ЗК РФ).

Для того, чтобы иметь право на получение компенсации в счет изымаемой земли, не требуется заключения дополнительного соглашения между собственником и иным титульным владельцем и уполномоченным на изъятие органом, - сумма причиненного ущерба и компенсации прописывается в соглашении об изъятии или в решении суда, которое выносится по итогам оспаривания такой стоимости. Например, в одном деле было принято решение об изменении расчета суммы упущенной выгоды изъятием земли для строительства олимпийской автомобильной трассы [12].

Следует отметить, что в настоящее время законодатель гибко подходит к удовлетворению интересов лица, у которого изымается земля, - возмещение можно получить не в денежном эквиваленте, а в натуре, то есть когда собственнику взамен изымаемого предоставляется другой участок, максимально сходный с изымаемым по своим характеристикам (п. 3 ст. 56.9 ЗК РФ). Правила замены участков определены в главе V.1 ЗК РФ и могут быть применены не только при изъятии земли, находившейся в собственности, но и в аренде (п. 5 ст. 56.9 ЗК РФ).

При реализации этого института действуют такие исключения, - он может быть реализован только при одновременном согласии на это собственника изымаемого участка и органа, который предлагает такой обмен. При этом собственник изымаемой земли должен указать на то, что он желает получить участок взамен изымаемого и направить заявление в уполномоченный орган. Процедура натурального возмещения стоимости участка вторична по сравнению с процедурой выплаты денежной компенсации.

Предоставляемая взамен изымаемой земля должна стоять на кадастре, быть индивидуализированной, - именно по официальным кадастровым параметрам производится установление факта идентичности земли и соответствие ее изымаемой [13].

Следует также отметить, что компенсация деньгами является первичным способом защиты нарушенных прав собственника, натуральный обмен участков не всегда применим по такой основной причине, как отсутствие самих участков, которые можно предоставить взамен изымаемого. Следует согласиться с А.Г. Григорьевой о том, что такая замена вторична и является реализацией вторичного порядка удовлетворения прав собственника [14, с.73].

На практике порядок удовлетворения требований собственника земли посредством предоставления ему участка взамен изымаемого может привести к коррупционным нарушениям. Например, подтасовка определенных параметров земли может повлечь за собой совершенно неравноценный обмен, когда собственник участка взамен изымаемого получает высоколиквидный участок, действительная рыночная стоимость которого в разы превышает то, что он потерял. То есть если бы он получил денежную компенсацию, он бы получил ее значительно меньше, чем ту, которую получил в натуральном выражении. Так, в одном деле антимонопольные органы обратились в суд, оспорив порядок, по которому была предоставлена другая земля взамен изымаемой. В счет компенсации была отведена земля, на которой вскоре была произведена ликвидная постройка, но тот участок мог бы быть продан в порядке аукциона другим заинтересованным лицам; такое распределение нарушило права третьих лиц на равный конкурентный доступ к ликвидным землям, которые можно предоставить под жилищное строительство. Такая ситуация не только нарушает право на конкуренцию, но и лишает бюджет потенциальной возможности поступления средств от продажи земель [15].

Итак, натуральное удовлетворение интересов собственника изымаемой земли является вторичным по сравнению с денежным порядком, который априори применяется ко всем видам процедур изъятия, это скорее, исключение из правил, нежели само правило.

В 2017 году эти выводы получили подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который указал, что удовлетворение интересов собственника в получении компенсации убытка в связи с принудительным прекращением права его собственности на недвижимые объекты должно производиться, по общему правилу, в денежной форме и, как исключение, может быть произведено в натуральной при предоставлении ему земельного участка взамен изымаемого [16].

Также разъяснения термину риска, который несет владелец изымаемой земли при постройке зданий, сооружений или иных неотделимых улучшений земли после того, как им было получено уведомление об изъятии участка. Верховным Судом разъяснено, что никакие дополнительные расходы собственника или иного землевладельца участка не возмещаются с момента, когда ему было передано уведомление о том, что его земля подлежит изъятию. Единственные улучшения, которые будут компенсированы собственнику земли, — это такие, которые обусловлены необходимостью обеспечения пожарной безопасностью объекта, ликвидации последствий аварий или их предотвращения.

В случае возникновения спора о размере компенсации в счет возмещения изымаемой земли, в обязательном порядке проводится ее оценка по правилам ее проведения, установленной в законе.

Документально изъятие земли для нужд государства оформляется соглашением между собственником и органом власти, при этом такое соглашение или заключается в принудительном порядке судом или добровольно собственником изымаемой земли. Такое решение принимает орган власти того уровня, для удовлетворения чьих нужд изымается участок (в зависимости от того, для чьих нужд изымается владение) (п. 3 ст. 279 ГК РФ, ст. 56.2 ЗК РФ).

Принятое решение об изъятии земли не является безусловным и окончательным. Такое решение можно обжаловать посредством по-

дачи административного иска в суд, срок на обжалование – три месяца с момента, когда землевладелец узнал об изъятии земли (п. 1 ст. 219 КАС РФ [17]). Анализ оснований, по которым обжалуются решения органов власти об изъятии земли, показывает, что, как правило, истцы указывают, что либо нужды, под которые изымаются участки, не являются государственными или общественно-необходимыми, а также тот факт, что нельзя было решить проблему размещении объекта иным образом, то есть соблюдение порядка изъятия, предусмотренного в ст. 49 ЗК РФ.

Следует отметить, что изымаемая земля может находиться не только на праве собственности у бывшего владельца, который поучает компенсацию ее стоимости, но и на праве аренды, причем в таком случае арендатор имеет право на получение компенсации в виде упущенной выгоды от использования участка в течение срока аренды.

При направлении собственнику или землевладельцу уведомления об изъятии участка для публичных нужд ему также одновременно направляется оценочный отчет, которым определяется сумма компенсации в счет изымаемой земли (п. 4 ст. 56.10 ЗК РФ). В том случае, если собственник земли не согласен с размером возмещения, он вправе обжаловать его, но при этом им должны быть предоставлены обосновывающие документы, в том числе, иной отчет другой компании по оценке недвижимости (п. 9 ст. 56.10 ЗК РФ).

Основными проблемами на практике оценки рыночной стоимости земельного участка при определении суммы компенсации при его изъятии является сравнительный подход, то есть сравнение с аналогичными сделками по купле-продаже недвижимости в данную единицу времени. Здесь основными причинами, по которым этот подход дает погрешность, являются следующие:

- сложно найти аналогичные земельные участки, поскольку, кроме их параметрических данных (квадратура и геометрия участка), его стоимость зависит от ряда параметров – наличие или отсутствие склона, вид с участка, наличие подъездных путей к нему, дальность расположения от проездных дорог, наличие растительности и ее качество, оснащение коммуникациями и т.д.;

- в условиях введения налога на получение дохода от продажи недвижимости при владении ею менее 5 лет многие собственники, не желая выплачивать налоги, при заключении сделки прописывают заниженную стоимость участка, тогда как фактическая рыночная стоимость остается за пределами документального оформления;

- при оценке объявлений о продаже участков можно выявить два негативных фактора – это неосведомленность реальных собственников о стоимости своей земли и завышенная цена участков, указываемая в объявлениях о продаже земли; но более опасны так называемые не существующие объявления, которые распространяют агентства недвижимости для того, чтобы привлечь внимание потенциального покупателя и получить звонок. Такое объявление занижает общий рынок цены на землю, а также может фактически «обрушить» рыночную стоимость оцениваемого объекта.

В совокупности эти причины существенно затрудняют понимание аналогичных продаж при определении рыночной стоимости изымаемого для публичных нужд участка. Кроме того, эти факторы позволяют получать при оценке земли нужную ее стоимость, например, при заключении ипотечных сделок, - фактически, оценка как институт независимого определения стоимости земельного участка, превращается в вспомогательный инструмент рынка земли, ее истинное назначение теряет смысл. По справедливому замечанию Н.А. Исаковой эти причины также являются основным поводом оспаривания оценки выкупаемой для публичных нужд земли [18, с. 18].

Следует отметить, что землевладелец вправе оспорить стоимость изымаемой земли только до момента, когда им будет заключен договор об изъятии, - подписанием такого договора, как разъясни Верховный Суд, правообладатель фактически соглашается с суммой компенсации, которая определена за его землю. После подписания такого договора оспаривать стоимость земельного участка, даже проведением другой независимой оценки, нельзя.

При рассмотрении дела об оспаривании стоимости изымаемой земли суд вправе назначить проведение независимой оценки с согласия сторон (статьи 82-87 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее - АПК РФ [19]). Процессуальный статус оценщика, который привлекается к участию в деле, это третье лицо, которое заявляет самостоятельных требований на предмет спора (ст. 51 АПК РФ).

Департамент градостроительства администрации г. Красноярск обратился в суд с исковыми требованиями к Ахрамейко Г.Б., Ахрамейко С.С., Ахрамейко Д.С., Ахрамейко А.С., Ахрамейко Е.В. об изъятии для нужд государства, жилого дома и земельного участка. В адрес Ахрамейко Г.Б. был направлен проект соглашения, согласно которому собственнику предложено денежное возмещение за изымаемый объект недвижимости в размере 5120 000 рублей, убытки в размере 288000 рублей. Сторонами спора не достигнуто соглашение о выкупной стоимости изымаемого имущества. Суд пришел к выводу, что размер денежной компенсации за изымаемый объект недвижимости с учетом убытков, причиненных изъятием недвижимого имущества суд определяет в сумме 7155 000 рублей (6681000 + 474000) [20].

В случае, если собственник земельного участка или землевладелец не передает изъятую землю добровольно или чинит препятствие публичным органам, то такой орган вправе обратиться в суд с иском об изъятии земельных участков для публичных нужд, но при этом землевладелец вправе обратиться со встречными исковыми требованиями, но если при этом он подписал договор, то стоимость изымаемого участка он оспаривать уже не может, при этом в решении суда обязательно делается отметка о том, что стоимость земли не оспаривалась – этот факт будет иметь преюдициальное значение [21].

Подводя итоги работы, следует заключить следующие выводы:

Земли для публичных нужд могут быть изъяты у собственника или иного землевладельца при наличии следующих условий, которых необходимо и достаточно для реализации этого института: будущее строительство объектов местного, регионального или федерального значения; включение их в территориальное планирование или признание территориями одной из особых, которые предполагают только государственную собственность на землю. Единственной категорией земель, которая не может быть изъята, являются земли особо охраняемой природной терри-

тории, предоставленные специальным управляющим ими государственными организациями, кроме предусмотренных законом случаев.

Мерой защитой интересов собственников земли или землепользователей является установление такого условия для изъятия земли, как включение объектов, которые планируется на них разместить, в официальные территориальные градостроительные документы (п. 1 ст. 56.3 ЗК РФ). Таким образом, установление четкого перечня оснований для изъятия земли для нужд государства является мерой защиты землевладельцев от необоснованно национализации земли.

Список литературы:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ с изм. и доп. от 25 декабря 2023 г. // Собрание СЗ РФ. 2005. №1 (часть I). Ст. 16.
2. О сохранении требований к проектной документации по планировке территории в части размещения линейных объектов требованиям технических регламентов: Письмо ФАУ «Главгосэкспертиза России» от 27.11.2015 № 1-13/2962// СПС «Консультант Плюс».
3. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 283-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4442.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ с изм. и доп. от 14 февраля 2024 г. // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2016. № 27 (часть II). Ст. 4294.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.12.2014) // СПС «Консультант Плюс».
6. Каленков А.Ю. Оценка возмещения убытков вследствие изъятия земельных участков для государственных (муниципальных) нужд: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. - С. 195-200.
7. О применении судами некоторых положений разд. I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // СПС «Консультант Плюс».
8. Зотова Д.С. Определение рыночной стоимости земельных участков при их изъятии для государственных и муниципальных нужд // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 9. - С.116-119.
9. Землякова Г.Л., Самончик О.А. Некоторые проблемы защиты прав собственников при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т.29. вып. 4. - С. 487-494.
10. Апелляционное определение Московского областного суда от 14.03.2016 по делу № 33-6388/2016 // СПС «Консультант Плюс».
11. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 года № 135-ФЗ с изм. и доп. от 14.02.2024 г. // СЗ РФ. 1998 г. № 31 Ст. 3813.
12. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2012 по делу № А32-15522/2011 // СПС «Консультант Плюс».
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.03.2018 № Ф08-11293/2017 по делу № А77-28/2017 // СПС «Консультант Плюс».
14. Григорьева А.Г. Процедура изъятия земельных участков для государственных нужд // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5.- С. 73-75.
15. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2019 № 18АП-3246/2019 по делу № А07-21210/2018 // СПС «Консультант Плюс».
16. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2963-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бехтольда Ивана Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Гражданского кодекса Российской Федерации и Земельного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 1.
17. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
18. Исакова Н.А. Защита прав собственника при изъятии земельного участка в интересах государства // Современная наука. 2015. № 4. - С. 18-19.
19. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
20. Решение Октябрьского районного суда г. Красноярск № 2-4493/2017-М-1822/2017 М-1822/2017 от 19.06.2017 по делу № 2-4493/2017 // СПС «Консультант Плюс».
21. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 ноября 2016 года № Ф05-16730/2016 по делу № А40-238841/15 // СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004, with amendments and additions. dated December 25, 2023 // Assembly of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2005. No.1 (Part I). Article 16.
2. On maintaining the requirements for the design documentation for the layout of the territory in terms of the placement of linear objects to the requirements of technical regulations: Letter from the FAA "Glavgosexpertiza of Russia" dated 11/27/2015 No. 1-13/2962// SPS Consultant Plus.
3. On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 283-FZ dated 08/02/2019 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Article 4442.
4. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ with amendments and additions. dated February 14, 2024 // Federal Law of the Russian Federation. 2001. No. 44. Article 4147; 2016. No. 27 (Part II). Article 4294.
5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 24, 2014) // SPS "Consultant Plus".
6. Kalenkov A.Yu. Assessment of compensation for losses due to the seizure of land for state (municipal) needs: problems of legal regulation // Current problems of Russian law. 2018. No. 4. - pp. 195-200.
7. On the application by courts of certain provisions of Section I. Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 // SPS Consultant Plus.
8. Zotova D.S. Determination of the market value of land plots when they are withdrawn for state and municipal needs // Skif. Questions of student science. 2017. No. 9. - pp.116-119.
9. Zemlyakova G.L., Samonchik O.A. Some problems of protecting the rights of owners in the seizure of land plots for state and municipal needs // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2019. Vol.29. issue 4. - pp. 487-494.
10. Appeal ruling of the Moscow Regional Court dated 03/14/2016 in case no. 33-6388/2016 // SPS Consultant Plus.
11. On Valuation Activities in the Russian Federation: Federal Law No. 135-FZ dated 07/29/1998, with amendments and additions. dated 02/14/2024 // Law of the Russian Federation. 1998 No. 31 Art. 3813.
12. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 12/29/2012 in case No. A32-15522/2011 // SPS Consultant Plus.
13. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 03/22/2018 No. F08-11293/2017 in case No. A77-28/2017
14. Grigorieva A.G. The procedure for the seizure of land plots for state needs // Theory and practice of social development. 2016. No. 5.- pp. 73-75.
15. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated 04/09/2019 No. 18AP-3246/2019 in case No. A07-21210/2018 // SPS Consultant Plus.
16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/19/2017 No. 2963-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Bechtold Ivan Yuryevich for violation of his constitutional rights by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Land Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2018. № 1.
17. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 02.12.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. St. 1391.
18. Isakova N.A. Protection of the rights of the owner in the seizure of land in the interests of the state // Modern science. 2015. No. 4. - pp. 18-19.
19. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended on 12/22/2019) // SZ RF. 2002. No. 30. St. 3012.
20. The decision of the Oktyabrsky district court of Krasnoyarsk No. 2-4493/2017-2-4493/2017 -M-1822/2017 M-1822/2017 dated 06/19/2017 in case No. 2-4493/2017 //
21. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated November 8, 2016 No. F05-16730/2016 in case No. A40-238841/15 // SPS "Consultant Plus".

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА» ON THE ISSUE OF THE TERM "ECONOMIC SECURITY OF AN ECONOMIC ENTITY"

ХАЙДАРОВ Артур Иьгизович,

мировой судья судебного участка по Шаранскому району Республики Башкортостан.

г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

ПОНОМАРЕВА Екатерина Владимировна,

начальник кафедры административно-правовых дисциплин

Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ул. Муксинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

Khaidarov Artur Ilgizovich,

Justice of the Peace of the judicial district in the Sharansky district of the Republic of Bashkortostan.

Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: k021@mail.ru;

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna,

Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация. В современных условиях обеспечение экономической безопасности играет важную роль в развитии гражданских правоотношений. В настоящее время до сих пор нет единого понимания термина «экономическая безопасность». Авторы в данной статье предприняли попытку и представили авторское определение «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта».

Abstract. In modern conditions, ensuring economic security plays an important role in the development of civil relations. Currently, there is still no common understanding of the term "economic security". The authors in this article have attempted and presented the author's definition of "economic security of an economic entity".

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, угрозы экономической безопасности, хозяйствующий субъект, юридическое лицо.

Keywords: economic security, national security, threats to economic security, business entity, legal entity.

Для цитирования: Хайдаров А.И., Пономарева Е.В. К вопросу о термине «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта» // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 139-140. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_139.

For citation: Khaidarov A.I., Ponomareva E.V. On the issue of the term "economic security of an economic entity" // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 139-140. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_139.

Статья поступила в редакцию: 17.10.2024

*Чтобы сделать разумный выбор,
надо прежде всего знать,
без чего можно обойтись.
И. Кант*

На сегодняшний день не принято единой формулировки «экономической безопасности хозяйствующего субъекта». При этом на законодательном уровне отсутствует четкое понимание «хозяйствующий субъект, предпринимательские структуры, организация», но закреплено в нормах гражданского законодательства Российской Федерации понятия «предприятие», «юридические лица», «предпринимательская деятельность» [1]. Законодателем также не выделены и основные структурные компоненты экономической безопасности, и каким образом проводится оценка ее уровня.

Большинство ученых экономистов, давая определение экономической безопасности, используют словосочетание «состояние экономики». В методике благодаря этому приему, возможно, проанализировать уровень экономической безопасности [2].

Обращаясь к Стратегии национальной безопасности РФ можно выделить следующие показатели, которые характеризуют состояние экономической безопасности:

уровень безработицы среди работоспособного населения;

соотношение доходов и расходов среднего слоя населения (платежеспособного);

рост цен на потребительскую корзину;

рост уровня инфляции;

уровень развития здравоохранения, культуры, образования, науки [3 с. 53-58].

Ученые и практики в сфере экономики определяют, что под экономической безопасностью следует понимать «состояние экономики, которое характеризуется устойчивостью к воздействию внутренних и внешних негативных факторов и обеспечиваемая гарантированной защитой персональных интересов» [4 с. 25-29].

При этом В.К. Сенчагова придерживается мнения о том, что сущность экономической безопасности определяется, как состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних производств. [5, с. 22]. В вышеуказанной точке зрения автор говорит о важной роли институтов власти по защите национальных интересов в сфере экономики. А также, отмечается, что экономическая безопасность состоит также и в создании экономических и правовых условий, которые позволяют исключить криминализацию общества. [6 с. 164-169].

В экономической науке существует множество дефиниций, определяющих понятие «экономическая безопасность». Встречаются и такие термины, которые включают совокупность условий, факторов, которые обеспечивают независимость национальной экономики, определяют ее стабильность и способность к постоянному совершенствованию. Так, не исключением является определение «экономическая безопасность», отраженная в научных трудах В. Панькова. По мнению данного ученого под экономической безопасностью следует понимать «такое состояние национальной экономики, которое характеризуется ее устойчивостью, «иммунитетом» к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса воспроизводства, подрывающих достигнутый уровень жизни населения и тем самым вызывающих повышенную социальную напряженность в обществе, а также угрозу существованию государства» [7 с. 5]. Из выше изложенного определения предполагается, что экономика может противостоять внутренним и внешним угрозам, если она развивается в режиме расширенного воспроизводства.

Понятие «экономическая безопасность» должна отвечать современным реалиям. Существующие различные точки зрения понимания «экономическая безопасность» свидетельствуют о ее неоднозначности, многогранности и сложности понятия [4 с. 25 – 29]. Так по мнению, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова и С.В. Степашина под экономической безопасностью следует понимать «состояние национальной экономики, способной обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей при условии поддержания на достаточном уровне социально-политической и военной стабильности государства, а также технико-экономическую независимость и неуязвимость страны от внешних и внутренних угроз и влияний» [8, 9]. Что касается сущности данной категории с точки зрения Р.Ф. Исмагилова необходимо рассмотреть через понятия «развитие» и «устойчивость» [8, 9].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, проанализировав различные точки зрения ученых и практиков, отметим, что определение «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта» существует только в экономической теории, законодательного же определения данного понятия на данный момент не существует. В рамках проведенного мониторинга предлагаем на законодательном уровне под термином «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта» понимать, как один из институтов национальной безопасности, обеспечивающих состояние защищенности от внешних и внутренних посягательств, а также охрану прав, свобод и законных интересов хозяйствующих субъектов, как участников экономических отношений.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. –Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Валько Д.В. Экономическая безопасность [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 150 с. – Режим доступа: URL: <https://urait.ru/bcode/475742/p.21> (дата обращения 11.11.2023).
3. Клочкова М.В. Экономическая безопасность предприятия как необходимый элемент управления предприятием в современной рыночной экономике // Системное управление. – 2014. – №4 (25). – С. 53-58.
4. Гончаров В.В. Экономическая безопасность Российского государства как перспективный приоритетный национальный проект // Российский следователь. – 2010. – № 8. – С. 25 – 29.
5. Сенчагова В.К. Экономическая безопасность России // ЭКО. – 2019. – № 5. – С. 22.
6. Кустов А.М. Криминалистическая концепция механизма преступления // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2016. – № 2. – С. 164 – 169.
7. Паньков В. Экономическая безопасность: мирохозяйственный и внутренний аспект // Внешнеэкономические связи. – 1992. Вып. 8. – С. 5-8.
8. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность: теория и практика //Р.Ф. Исмагилов. – СПб., 2000. – 309 с.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика / Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников, С.В. Степашин. – СПб., 2001. – 322 с.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated November 30, 1994. –Text : electronic // ConsultantPlus system : [website]. – URL: <http://www.consultant.ru> (date of reference: 05.10.2023).
2. Valko D.V. Economic security [Electronic resource]: textbook for universities. – M.: Publishing house "Yurait", 2022. – 150 p. – Access mode: URL: <https://urait.ru/bcode/475742/p.21> (accessed 11.11.2023).
3. Klochkova M.V. Economic security of an enterprise as a necessary element of enterprise management in a modern market economy // System management. – 2014. – №4 (25). – Pp. 53-58.
4. Goncharov V.V. Economic security of the Russian state as a promising priority national project // A Russian investigator. - 2010. – No. 8. – pp. 25-29.
5. Senchagova V.K. Economic security of Russia // ECO. – 2019. – No. 5. – p. 22.
6. Kustov A.M. Criminalistic concept of the crime mechanism // Bulletin of the Moscow University of Finance and Law. - 2016. – No. 2. – pp. 164-169.
7. Pankov V. Economic security: global economic and internal aspects // Foreign economic relations. – 1992. Issue 8. – pp. 5-8.
8. Ismagilov R.F. Economic security: theory and practice //R.F. Ismagilov. – St. Petersburg, 2000. – 309 p.
9. Ismagilov R.F., Salnikov V.P., Stepashin S.V. Economic security of Russia: concept – legal foundations – policy / R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov, St. Stepashin. – St. Petersburg, 2001. – 322 p.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PARLIAMENTARY CONTROL IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ГЛЕБОВА Юлия Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Административного и финансового права
Оренбургского института (филиала)
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».
460000, Россия, г.Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50.
E-mail: grichaeva@mail.ru;

GLEBOVA Julia Ivanovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Administrative and Financial Law
Orenburg Institute (branch) Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA).
50 Komsomolskaya str., Orenburg, 460000, Russia.
E-mail: grichaeva@mail.ru

Краткая аннотация: Развитие института парламентского контроля Российской Федерации актуализирует совершенствования правового регулирования этих вопросов на региональном уровне. В статье рассматриваются две правовые модели его институционализации на региональном уровне: конституционного и законодательного регулирования форм и процедур контроля. Очевидно, что при сохранении многообразия форм правовой регламентации парламентского контроля на региональном уровне, необходима унификация понятийно-терминологического аппарата этого института, отражающего его сущность и характерные признаки, а также приведение правового регулирования контрольных полномочий законодательных органов на региональном уровне к единым стандартам с учетом требований федеральных законов и спецификой системы законодательных органов субъекта Федерации.

Abstract: The development of the institute of parliamentary control of the Russian Federation actualizes the improvement of legal regulation of these issues at the regional level. The article considers two legal models of its institutionalization at the regional level: constitutional and legislative regulation of forms and procedures of control. It is obvious that while preserving the diversity of forms of legal regulation of parliamentary control at the regional level, it is necessary to unify the conceptual and terminological apparatus of this institution, reflecting its essence and characteristic features, as well as bring the legal regulation of the control powers of legislative bodies at the regional level to uniform standards, taking into account the requirements of federal laws and the specifics of the system of legislative bodies of the subject of the Federation.

Ключевые слова: Парламентский контроль, субъекты Российской Федерации, институционализация, Устав Оренбургской области, Законодательное Собрание Оренбургской области.

Parliamentary control, subjects of the Russian Federation, institutionalization, the Charter of the Orenburg region, the Legislative Assembly of the Orenburg region.

Для цитирования: Глебова Ю.И. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 141-144. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_141.

For citation: Glebova Yu.I. *Parliamentary control in the constituent entities of the Russian Federation // Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 141-144. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_141.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

В ст. 31 Устава Оренбургской области [14] установлено, что Законодательное Собрание является не только постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти Оренбургской области, но и контрольным органом. Данное положение вытекает из федерального законодательства. Так, в чч.1,2 статьи 7 Федерального закона от 21 декабря 2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [3] закреплено, что законодательный орган субъекта Российской Федерации является представительным и единственным законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. А в подпункте 1 части 4 статьи 8 этого же Федерального закона установлено, что Законодательный орган субъекта Российской Федерации в пределах и формах, установленных конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации и законами субъекта Российской Федерации:

- осуществляет наряду с другими уполномоченными на то органами контроль за соблюдением и исполнением законов субъекта Российской Федерации, исполнением бюджета субъекта Российской Федерации, исполнением бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов субъекта Российской Федерации, соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации;

- осуществляет иные полномочия, установленные Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации.

Следовательно, законодательный орган субъекта Российской Федерации является не только представительным и единственным законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, но и наделен контрольными полномочиями.

В законодательстве и правовой литературе чаще упоминается термин «парламентский контроль». Несмотря на неоднократные попытки инициирования принятия на федеральном уровне федерального закона, который бы регулировал по аналогии с Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 77-ФЗ «О парламентском контроле» [2] общественные отношения, связанные с осуществлением парламентского контроля на уровне субъектов Российской Федерации, так и остались попытками.

В настоящее время в отсутствие кодифицированного акта, в котором бы содержались как общетеоретические понятия парламентского контроля в субъектах Российской Федерации (его цели, принципы, формы, субъекты, объекты, задачи и так далее), так и отдельные процедур-

ные аспекты его осуществления, нормы, предусматривающие возможность и порядок осуществления контрольных полномочий парламентами субъектов Российской Федерации, разбросаны по множеству нормативных правовых актов, как федерального, так и регионального уровня. Причем это не только федеральные законы или законы субъектов Российской Федерации, но и указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и даже приказы федеральных органов исполнительной власти (например, Приказ МВД России от 26 декабря 2023 г. N 1011 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России»), что не только не способствует их унификации в отношении всех субъектов Российской Федерации, но и затрудняет практику реализации данных полномочий.

Анализ законодательства субъектов Федерации, регламентирующего региональный парламентский контроль, свидетельствует о существовании двух правовых моделей его институционализации: конституционного и законодательного регулирования форм и процедур контроля [7].

Первая модель, предполагающая указание в региональном учредительном акте не только законодательной, представительной, но и контрольной функции парламента, нашла свое отражение в Конституции Республики Саха (Якутия) (ст. 54), однако не получила широкого распространения в других субъектах. Даже в конституциях субъектов Федерации, принятых относительно недавно (например, Конституция Республики Крым 2014 г.), отсутствуют специальные нормы, закрепляющие контрольную функцию парламента, хотя основные формы парламентского контроля устанавливаются через отдельные полномочия законодательного органа. Это позволяет сделать вывод о том, что конституционной реформой 2020 г. на федеральном уровне институту конституционного контроля было придано особое значение, что повлекло появление ст. 103.1 в тексте гл. 5 «Федеральное Собрание», и открыло новые возможности его регламентации на уровне учредительных актов субъектов Федерации.

Вторая модель основывается на законодательной регламентации регионального института парламентского контроля, она отличается многовариантностью и представлена следующими правовыми способами: 1) в законах, закрепляющих правовой статус парламента, либо в законах о контрольной деятельности или контрольных полномочиях законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (например, Закон Республики Адыгея «О Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея», закон Республики Бурятия «О контрольных полномочиях», закон Кировской области «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области» и др.); 2) в законах о контроле за исполнением законов субъектов (они, например, приняты в Пермском, Ставропольском, Хабаровском краях, Республике Алтай, Республике Башкортостан, Удмуртской Республике, Чукотском автономном округе и др.); 3) в специальных законах о парламентском контроле, основанных на нормах Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (подобные законы приняла большая группа субъектов Российской Федерации: Республика Ингушетия, Республика Татарстан, Чеченская Республика, Астраханская, Волгоградская и Магаданская области и др.); 4) в законах, посвященных отдельным формам парламентского контроля – парламентскому расследованию (например, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Чеченская Республика и др.) либо депутатскому запросу (например, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург). В ряде субъектов Федерации вопросы направления депутатских запросов могут также регулироваться законодательством о статусе депутатов (например, Алтайский край, Республика Дагестан, Республика Карелия и др.).

Контрольные полномочия Законодательного Собрания Оренбургской области предусматриваются в законодательстве Оренбургской области.

В соответствии со ст. 35 Устава Оренбургской области Законодательное Собрание:

- утверждает областной бюджет и отчет об его исполнении, представленные Губернатором области.

В соответствии со ст. 34 Устава Оренбургской области Законодательное Собрание:

- заслушивает ежегодные отчеты Губернатора области о результатах деятельности Правительства области, в том числе по вопросам, поставленным Законодательным Собранием;

- осуществляет иные полномочия, установленные Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, настоящим Уставом и законами Оренбургской области.

В Оренбургской области действует закон от 3 ноября 2017 г. N 646/151-VI-ОЗ «О парламентском контроле в Оренбургской области» [15], предметом регулирования которого являются общественные отношения, связанные с осуществлением Законодательным Собранием Оренбургской области, комитетами, комиссиями и депутатскими объединениями (фракциями) Законодательного Собрания, депутатами Законодательного Собрания, комиссией по депутатскому расследованию, Счетной палатой Оренбургской области контрольных функций (далее - парламентский контроль). В статье 5 определены формы парламентского контроля:

- заслушивание Законодательным Собранием информации Правительства Оренбургской области о ходе выполнения законов Оренбургской области, постановлений Законодательного Собрания;

- проведение Законодательным Собранием, комитетами Законодательного Собрания, Счетной палатой мероприятий по осуществлению парламентского контроля в сфере бюджетных правоотношений;

- рассмотрение Законодательным Собранием вопроса о недоверии (доверии) Губернатору Оренбургской области, первому вице-губернатору - первому заместителю председателя Правительства Оренбургской области;

- заслушивание Законодательным Собранием ежегодных отчетов о результатах деятельности Правительства Оренбургской области, представленных Губернатором Оренбургской области, в том числе по вопросам, поставленным Законодательным Собранием;

- направление депутатских запросов;

- направление депутатских обращений;

- заслушивание на заседаниях Законодательного Собрания информации руководителей исполнительных органов государственной власти Оренбургской области, ответов указанных должностных лиц на вопросы депутатов Законодательного Собрания в рамках «правительственного часа», а также заслушивание информации указанных должностных лиц на заседаниях комитетов Законодательного Собрания;
- заслушивание на заседаниях Законодательного Собрания выступлений должностных лиц местного самоуправления муниципальных образований Оренбургской области и ответов на вопросы депутатов Законодательного Собрания;
- заслушивание на заседаниях Законодательного Собрания ежегодных отчетов начальника Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Оренбургской области о деятельности полиции;
- назначение на должность и освобождение от должности председателя Счетной палаты, первого заместителя председателя, заместителя председателя Счетной палаты, аудиторов Счетной палаты;
- проведение депутатских слушаний и заседаний «круглых столов»;
- проведение депутатских расследований;
- мониторинг правоприменительной практики законов Оренбургской области.

Раздел IV Регламента Законодательного Собрания Оренбургской области, утвержденного Постановлением Законодательного Собрания Оренбургской области от 22 декабря 2007 года N 1865 «Формы депутатской деятельности. Контрольные полномочия Законодательного Собрания» детально раскрывает порядок реализации данных форм парламентского контроля.

Таким образом, в Оренбургской области действует многоуровневая система правового регулирования контрольных полномочий Законодательного Собрания Оренбургской области.

Хотя многие субъекты Российской Федерации, в том числе Оренбургская область, пошли по пути принятия собственных законов, устанавливающих цели, принципы, формы парламентского контроля, а также перечень субъектов, которые наделены правом его проведения (также, например, закон Хабаровского края от 26 марта 2003 г. N 109 «Об осуществлении Законодательной Думой Хабаровского края контроля за соблюдением и исполнением законов Хабаровского края», Закон Сахалинской области от 28 апреля 2014 г. N 22-30 «О контрольной деятельности Сахалинской областной Думы», Закон Владимирской области от 5 ноября 2009 г. N 145-О3 «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Владимирской области» и т.д.), понятно, что контрольные полномочия законодательных органов ограничиваются только контролем за соблюдением законодательных актов, тогда как в других содержится более широкий перечень направлений контроля, включая бюджетно-финансовый контроль (исполнение бюджета, целевое использование бюджетных и кредитных средств), социально-экономический (контроль результативности программ развития) и др. И даже, несмотря на многоуровневый характер правового регулирования контрольных полномочий законодательных органов в ряде регионов, их регламентация является недостаточной и по большей части фрагментарной, дублирует нормы федерального законодательства без практического закрепления на региональном уровне.

Что же представляет собой региональный парламентский контроль на современном этапе развития российского общества? На данном этапе происходит формирование и развитие теоретико-правовых подходов к вопросам формирования регионального парламентского контроля. И. В. Зайцева, например, отмечает особую значимость парламентского контроля для становления парламентаризма в субъектах РФ [6], А. С. Лолаева называет его «важным сегментом» системы парламентского контроля в России, который не является территориальным продолжением федерального парламентского контроля, но обладает собственным функциональным назначением [11]. Н. В. Петухова обращает внимание на неоднородность региональной правовой основы парламентского контроля [13], В. А. Галуева – на целесообразность использования в федеральной практике парламентского контроля отдельных составляющих регионального парламентского контроля [5]. По мнению Д. В. Азарова, «региональный парламентский контроль может рассматриваться как показатель демократичности федеративных отношений», выступает элементом системы российского федерализма [4]. При этом исследователями выделяются такие негативные тенденции, как смешение видов и форм регионального парламентского контроля в научных исследованиях и в нормативных правовых актах, тогда как форма выступает вариантом осуществления контроля в пределах его конкретного вида. Очевидно, среди ученых нет единой точки зрения на его дефиницию, также как нет и юридического нормативного определения данного понятия. Мы поддерживаем Карасева А. Т. и Гиздатову А. Р., которые определяют парламентский контроль в Российской Федерации «как конституционно-правовую возможность и практику высшего законодательного представительного органа государственной власти, его членов и образуемых им структурных органов по мониторингу и проверке законности осуществления полномочий органами исполнительной власти, их должностными лицами и иными лицами с целью последующей оценки их деятельности и возможного применения мер реагирования» [8]. Данное понятие они применяют по отношению к контрольным полномочиям Федерального Собрания Российской Федерации, но, безусловно, применимо оно и к органам законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Основы правового регулирования парламентского контроля в субъектах Российской Федерации заложены Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ, в соответствии с которым, законодательный орган субъекта Федерации: – в пределах и формах, установленных конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации и законами субъекта РФ, осуществляет наряду с другими уполномоченными на то органами контроль за соблюдением и исполнением законов субъекта Российской Федерации, исполнением бюджета субъекта Федерации, исполнением бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов субъекта РФ, соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации (п. 1 ч. 4 ст. 8); – заслушивает ежегодный отчет о результатах деятельности высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, в том числе по вопросам, поставленным законодательным органом субъекта Российской Федерации, представленный высшим должностным лицом

субъекта Российской Федерации или председателем высшего исполнительного органа субъекта Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 8); – заслушивает информацию о деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в соответствующем субъекте Российской Федерации (п. 5 ч. 1 ст. 8); заслушивает руководителей исполнительных органов субъекта Российской Федерации, должностных лиц местного самоуправления, приглашенных на заседание законодательного органа субъекта Федерации (ч. 8 ст. 11).

Однако имеющаяся фрагментарность правового регулирования института регионального парламентского контроля на федеральном уровне, с одной стороны, стимулирует субъекты РФ на принятие собственных законов, регламентирующих контрольные полномочия законодательных органов субъектов Федерации, и устанавливает основные формы парламентского контроля в субъектах РФ, которые они обязаны осуществлять, с другой – обуславливает необходимость гармонизации системы парламентского контроля, действующего на федеральном и региональном уровнях.

Ввиду вышеизложенного, полагаем очевидной, при сохранении многообразия форм правовой регламентации парламентского контроля на региональном уровне, необходимость унификации понятийно-терминологического аппарата этого института, отражающего его сущность и характерные признаки.

Считаем также целесообразно приведение правового регулирования контрольных полномочий законодательных органов на региональном уровне к единым стандартам с учетом требований федеральных законов и спецификой системы законодательных органов субъекта Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2024).
2. О парламентском контроле: федеральный закон от 7.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2304; 2022. – № 12. – Ст. 1785.
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21.12.2021 № 4314-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 8973.
4. Азаров, Д. В. Конституционно-правовое регулирование регионального парламентского контроля как механизма обеспечения разделения и взаимодействия властей в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. – 27 с.
5. Галуева, В. А. Отчеты высших исполнительных органов государственной власти как форма парламентского контроля в России: федеральный и региональный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2015. – 26 с.
6. Зайцева, И. В. Формы непосредственного парламентского контроля за органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (На примере Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. – 28 с.
7. Заметина Т. В., Куликова С. А., Каменская Е. В. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: проблемы правового регулирования и практики реализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 60–71. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-60-71> (дата обращения 01.11.2024).
8. Карасев А.Т., Гиздатов А.Р. Парламентский контроль в системе государственного контроля в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9 (58) – С. 34-38.
9. Лаптева, М. Н. Контрольные полномочия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации (на примере Краснодарского края) / М. Н. Лаптева, К. С. Чурин. // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 452-455. – URL: <https://moluch.ru/archive/147/4126> (дата обращения: 02.07.2024).
10. Карасев А.Т., Гиздатов А.Р. Парламентский контроль в системе государственного контроля в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9 (58) – С. 34-38.
11. Лолаева, А. С. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2014. – это 26 с.
12. Маркгейм М.В., Минасян А.А. Взаимодействие палат Федерального Собрания: конституционно-правовые параметры и ресурсы оптимизации. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 144 с.
13. Петухова, Н. В. Парламентский контроль в системе народного представительства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2017. – 32с.
14. Устав (Основной Закон) Оренбургской области от 20 ноября 2000 г. N 724/213-ОЗ (принят Законодательным Собранием Оренбургской области 25 октября 2000 г.) (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»: дата обращения: 28.06.2024).
15. О парламентском контроле: закон Оренбургской области от 3 ноября 2017 года N 646/151-VI-ОЗ // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.06.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12.12.2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, dated 03/14/2020 No. 1-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 31. – Article 4398; Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 06/28/2024).
2. On parliamentary control: Federal Law No. 77-FZ of 05/27/2013 (as amended on 03/14/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 19. – St. 2304; 2022. – № 12. – Article 1785.
3. On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 4314-FZ of 12/21/2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 52. – Part 1. – Article 8973.
4. Azarov, D. V. Constitutional and legal regulation of regional parliamentary control as a mechanism for ensuring the separation and interaction of authorities in the subjects of the Russian Federation: abstract of the thesis ... cand. Jurid. M., 2014. – 27 p.
5. Galueva, V. A. Reports of the highest executive bodies of state power as a form of parliamentary control in Russia: federal and regional aspects: abstract ... cand. Jurid. sciences'. Rostov n/A, 2015. – 26 p.
6. Zaitseva, I. V. Forms of direct parliamentary control over the executive authorities of the subjects of the Russian Federation (On the example of the Far Eastern Federal District): author's abstract. dis. ... cand. Jurid. sciences'. Vladivostok, 2004. – 28 p.
7. Zametina T. V., Kulikova S. A., Kamenskaya E. V. Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation: problems of legal regulation and implementation practice // Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2023. Vol. 23, issue 1. pp. 60-71. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-60-71> (accessed 01.11.2024).
8. Karasev A.T., Gizdatov A.R. Parliamentary control in the system of state control in the Russian Federation // Actual problems of Russian law. – 2015. – № 9 (58) – Pp. 34-38.
9. Lapteva, M. N. Control powers of the legislative (representative) body of state power of the subject of the Russian Federation (on the example of the Krasnodar Territory) / M. N. Lapteva, K. S. Churin. // A young scientist. – 2017. – № 13 (147). – Pp. 452-455. – URL: <https://moluch.ru/archive/147/4126> (date of reference: 07/02/2024).
10. Karasev A.T., Gizdatov A.R. Parliamentary control in the system of state control in the Russian Federation // Actual problems of Russian law. – 2015. – № 9 (58) – Pp. 34-38.
11. Lolaeva, A. S. Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation: issues of theory and practice: abstract. ... cand. Jurid. M., 2014. – this is 26 p.
12. Markheim M.V., Minasyan A.A. Interaction of the chambers of the Federal Assembly: constitutional and legal parameters and optimization resources. - M.: Yurilitinform, 2019. – 144 p.
13. Petukhova, N. V. Parliamentary control in the system of the People's representation of the Russian Federation: abstract. ... cand. Jurid. M., 2017. – 32с.
14. The Charter (Basic Law) of the Orenburg region dated November 20, 2000 N 724/213-OZ (adopted by the Legislative Assembly of the Orenburg region on October 25, 2000) (with amendments and additions). Access from the help. - the legal system "Garant": date of application: 06/28/2024).
15. On parliamentary control: the law of the Orenburg region of November 3, 2017 N 646/151-VI-OZ // Access from the reference. - the legal system "Garant" (date of application: 06/28/2024).

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Digital justice in the context of civil proceedings: definition, features and prospects

ГАБАЗОВ Тимур Султанович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, д. 32.
E-mail: gts.82@mail.ru;

Gabazov Timur Sultanovich,

senior lecturer of the department of civil law and process
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University named after. A.A. Kadyrov».
364907, Chechen Republic, Grozny, st. Sheripova, 32.
E-mail: gts.82@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию цифрового правосудия в контексте гражданского судопроизводства. В работе рассматривается определение цифрового правосудия, его особенности и перспективы в сфере гражданского судопроизводства. Автор проводит анализ современных тенденций в использовании цифровых технологий в судебной практике, выявляет преимущества и недостатки цифрового правосудия, а также обсуждает возможные перспективы развития данной области. Работа имеет целью проанализировать влияние цифрового правосудия на современную систему гражданского судопроизводства и выявить его потенциал для улучшения эффективности и доступности юстиции.

Abstract: The article is devoted to the study of digital justice in the context of civil proceedings. The paper examines the definition of digital justice, its features and prospects in the field of civil proceedings. The author analyzes current trends in the use of digital technologies in judicial practice, identifies the advantages and disadvantages of digital justice, and also discusses possible prospects for the development of this area. The work aims to analyze the impact of digital justice on the modern civil justice system and identify its potential for improving the efficiency and accessibility of justice.

Ключевые слова: цифровое правосудие, э-юстиция, цифровизация, искусственный интеллект, суд, гражданское судопроизводство.

Keywords: digital justice, e-justice, digitalization, artificial intelligence, court, civil proceedings.

Для цитирования: Габазов Т.С. Цифровое правосудие в контексте гражданского судопроизводства: определение, особенности и перспективы // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 145-147. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_145.

For citation: Gabazov T.S. Digital justice in the context of civil proceedings: definition, features and prospects // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 145-147. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_145.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

В условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации общества цифровое правосудие становится все более актуальной темой. Как правильно отметили в своем исследовании Э.А. Ахтаева и А.А. Нурадиева, цифровизация всех сфер общественной жизни – является необходимым элементом социально-экономического развития государства [1]. При этом строго придерживаясь не только принципа законности, но и принципа справедливости, выступающего своеобразным фундаментом в механизме реализации юридической ответственности [3].

В контексте гражданского судопроизводства цифровое правосудие - это использование современных информационных технологий для:

- улучшения доступа к юридическим услугам, оказываемым государством,
- ускорения процесса разрешения споров,
- повышения эффективности судебной системы.

Цифровое правосудие, или электронная юстиция (в будущем может использоваться сокращение э-юстиция), представляет собой набор технологий и методов, используемых для того, чтобы сделать юридические услуги более доступными, эффективными и справедливыми. Данное понятие приобретает все большее значение для современной судебной системы в результате стремительного развития информационных технологий и цифровизации всех сфер жизни общества.

Это уже свершившийся факт, который необходимо принять и развивать на благо государства и общества.

История цифрового правосудия начинается с появления первых компьютеров и систем электронной обработки информации. В 1960-х и 1970-х годах судебные органы начали впервые использовать компьютерные системы для автоматизации учета и обработки данных. Это существенно упростило административные процессы и повысило эффективность судебных учреждений.

В 1990-2000 годах с развитием Интернета и цифровых коммуникаций в мире начался активный процесс внедрения электронных форм подачи процессуальных документов и обмена документами. Системы электронного документооборота позволили ускорить процессы подачи и рассмотрения документов, а также сократить бумажную нагрузку в судах.

Дальнейшее развитие цифрового правосудия связано с внедрением онлайн-судопроизводства, что дает возможность проводить судебные заседания онлайн, посредством Интернета. Это значительно упрощает участие сторон в процессе, особенно когда они расположены в отдаленных районах или за рубежом.

Важным этапом в истории цифрового правосудия стало внедрение электронных систем ведения дел и электронных архивов, которые существенно упростили доступ к информации о судебных процессах и повысили прозрачность судебной системы.

Сегодня цифровое правосудие продолжает развиваться и интегрироваться во все аспекты судебной системы. В частности, технологии искусственного интеллекта активно внедряются для автоматизации процессов принятия решений, анализа доказательств и прогнозирования исходов судебных дел.

Таким образом, история цифрового правосудия отражает постепенное развитие технологий и их интеграцию в функционирование судебной системы с целью повышения доступности, эффективности и справедливости юридических услуг. Ожидается, что в будущем цифровое правосудие продолжит развиваться и интегрироваться в судебную систему. Хотя пока нельзя сказать, что это произойдет в ближайшее время в свете постоянных угроз для России со стороны киберпреступников. Например, с 7 октября 2024 года произошел сбой в работе ГАС «Правосудие» и недоступны сайты судов общей юрисдикции¹. По состоянию на 23 октября 2024 года ситуация не исправлена. По данным СМИ, ответственность за это взяла на себя проукраинские хакеры².

Говоря о цифровом правосудии, почти все исследователи обращаются к передовому опыту Китая [2], и это вполне оправданно. Хотя следует отметить, что и другие государства активно внедряют искусственный интеллект (далее - ИИ). Например, в Великобритании ИИ используется для прогнозирования решений Европейского суда по правам человека; в США создана система, позволяющая выявлять ложные показания человека на судебных заседаниях [4].

Российская Федерация также активно занимается развитием цифровых технологий (в том числе с использованием ИИ) в процессуальных отраслях права.

Важную роль играет активное внедрение и расширение функционала государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»). Хотелось бы отметить, что изначально эта цифровая платформа была встречена с некоторой настороженностью, но время показало ее крайнюю востребованность. К сожалению, некоторые суды до сих пор не хотят адаптироваться к тенденциям нового времени.

Ключевым аспектом цифрового правосудия является обеспечение гражданам доступа к юридической помощи через цифровые платформы. Это может включать онлайн-консультации с адвокатами, возможность подачи и отслеживания исков онлайн, а также доступ к электронным базам данных и информационным ресурсам для самостоятельного изучения юридических вопросов. Благодаря использованию современных информационных технологий люди могут получить необходимую юридическую помощь в любое время и из любой точки мира. Это особенно важно для людей, которые живут в отдаленных районах или имеют ограниченный доступ к суду лично.

Важным аспектом цифрового правосудия также является внедрение электронного документооборота в судебные процессы. Это позволяет ускорить обмен информацией между сторонами и судом, упростить процедуру подачи документов и заявлений, а также снизить бюрократическую нагрузку на участников судопроизводства. Таким образом, цифровое правосудие помогает ускорить процесс разрешения споров. Онлайн-подача исков, электронный обмен документами и возможность проводить судебные заседания онлайн позволяют сократить время, затрачиваемое на рассмотрение дел, и ускорить процесс достижения правосудия.

Еще одним важным аспектом цифрового правосудия является использование информационных технологий для автоматизации процессов принятия решений. Это может включать использование алгоритмов и ИИ для анализа больших объемов данных и принятия решений в гражданских процессах.

Кроме того, цифровое правосудие повышает уровень прозрачности и простоты доступа к информации, связанной с судебными разбирательствами. Граждане имеют возможность следить за состоянием своих дел, получать информацию о ходе судебных процессов и участвовать в них удаленно, что способствует укреплению доверия к судебной системе.

Перспективы цифрового правосудия в условиях гражданского судопроизводства связаны с повышением доступности и эффективности юридических услуг для граждан, сокращением сроков разрешения споров, сокращением бюрократических издержек, повышением качества принимаемых решений.

Однако для успешной реализации цифрового правосудия необходимо учитывать технические, организационные, правовые и этические аспекты, а также обеспечить защиту данных и конфиденциальность участников судебного разбирательства.

Можно с уверенностью сказать, что цифровое правосудие — это концепция, которая становится все более актуальной для современного общества. Следовательно, важность цифрового правосудия для современного общества заключается в обеспечении доступности, эффективности и справедливости юридических услуг, ускорении процесса разрешения споров, повышении эффективности судебной системы и повышении прозрачности судебных процессов. Внедрение цифровых технологий в правоохранительные и юридические органы способствует повышению качества правосудия и защите прав граждан в цифровую эпоху.

Как уже говорилось выше, э-юстиция – это новое направление в современной судебной системе, которое активно использует цифровые технологии для повышения доступности, эффективности и справедливости юридических услуг. В контексте гражданского правосудия цифровое правосудие открывает новые горизонты и возможности для судебной системы.

Но, несмотря на все положительные стороны этих технологических процессов, невозможно обойтись без человека в роли судьи, если

¹Официальная страница Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://vk.com/cdvsrf> (дата обращения: 24.10.2024).

²<https://www.rbc.ru/society/09/10/2024/67063c8a9a7947f696448192> (дата обращения: 24.10.2024).

при рассмотрении дела возникает коллизия применяемых норм или противоречие доказательств. И действительно, А.П. Фоков задал правильный вопрос: «...как оцифровать справедливость или учет смягчающих или отягчающих вину обстоятельств?» [5].

Подводя итог, можно прийти к выводу, что перспективы развития цифрового правосудия в гражданском судопроизводстве связаны с повышением доступности юридических услуг, повышением эффективности судебной власти и повышением качества судебных решений. Для успешной реализации этих перспектив необходимо продолжить развитие цифровых технологий, обеспечить информационную безопасность и конфиденциальность данных, обучать сотрудников судебной системы и граждан использованию новых цифровых инструментов.

Список литературы:

1. Ахтаева, Э. А. Развитие цифровизации в системе государственного и муниципального управления / Э. А. Ахтаева, А. А. Нурадиева // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2023. – № 4(52). – С. 93-99. – DOI 10.36684/chesu-2023-52-4-93-99.
2. Журкина, О. В. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая / О. В. Журкина, Е. И. Максименко // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 6-1. – С. 138-143. – DOI 10.34670/AR.2020.63.35.051.
3. Идрисов, Х. В. Категория справедливости в мусульманской системе права и исламском религиозном мировоззрении: от относительной справедливости к абсолютной / Х. В. Идрисов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2023. – № 1(49). – С. 86-92. – DOI 10.36684/chesu-2023-49-1-86-92.
4. Магамедова, З. В. Цифровое правосудие в российском и зарубежном законодательстве / З. В. Магамедова // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития : Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 18–19 апреля 2023 года. – Барнаул: ООО «Пять плюс», 2023. – С. 148-149.
5. Фоков, А. П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» / А. П. Фоков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8(135). – С. 119-124.

References:

1. Akhtaeva, E. A. Development of digitalization in the system of state and municipal government / E. A. Akhtaeva, A. A. Nuradiyeva // Bulletin of the Chechen State University. A.A. Kadyrov. – 2023. – No. 4(52). – pp. 93-99. – DOI 10.36684/chesu-2023-52-4-93-99.
2. Zhurkina, O. V. Digital justice on the example of Chinese Internet courts / O. V. Zhurkina, E. I. Maksimenko // Issues of Russian and international law. – 2020. – T. 10, No. 6-1. – pp. 138-143. – DOI 10.34670/AR.2020.63.35.051.
3. Idrisov, Kh. V. The category of justice in the Muslim system of law and the Islamic religious worldview: from relative to absolute justice / Kh. V. Idrisov // Bulletin of the Chechen State University. A.A. Kadyrov. – 2023. – No. 1(49). – pp. 86-92. – DOI 10.36684/chesu-2023-49-1-86-92.
4. Magamedova, Z. V. Digital justice in Russian and foreign legislation / Z. V. Magamedova // Russia in the 21st century: global challenges, priorities and development prospects: Materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists, Barnaul, April 18–19, 2023. – Barnaul: Five Plus LLC, 2023. – P. 148-149.
5. Fokov, A. P. Electronic justice in the People's Republic of China: digital reality and the organization of "smart court" / A. P. Fokov // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2021. – No. 8(135). – pp. 119-124.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННОЙ ОДНИМ ИЗ СУПРУГОВ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ, НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Some aspects of the recognition of a transaction made by one of the spouses on the disposal of common property as invalid

МЕНЯЙЛО Людмила Николаевна,

кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин

ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

E-mail: m.lyudmila.78@mail.ru;

МЕНЯЙЛО Дмитрий Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационно-компьютерных технологий

в деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».

344015, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

E-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru;

ЛУБСКИЙ Роман Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры административного права

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России».

344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

E-mail: roma-thebest@mail.ru;

БОЛТЕНКОВА Юлия Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки

ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

E-mail: boltenkova_y@bk.ru;

Menyailo Lyudmila Nikolaevna,

Candidate of political sciences, Associate Professor, Deputy head of the Department of Civil Law Disciplines,

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.

71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.

E-mail: m.lyudmila.78@mail.ru;

Menyailo Dmitry Vasilyevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information and Computer Technologies in the activities

of Internal Affairs Bodies, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.

71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.

E-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru;

Lubsky Roman Anatolyevich,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law

of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

83 Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russia.

E-mail: roma-thebest@mail.ru;

Boltenkova Yulia Vladimirovna,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Tactical and Special Training,

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.

71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.

E-mail: boltenkova_y@bk.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются некоторые положения гражданского законодательства о совершении сделок с общим имуществом; нормы семейного права о законном и договорном режиме имущества супругов. Обращается особое внимание на отдельные аспекты признания сделки, совершенной одним из супругов по распоряжению общим имуществом, недействительной. Рассматриваются нормы законодательства, устанавливающие требования к нотариальному удостоверению согласия супруга на совершение сделок с общим имуществом, требования к содержанию согласия супруга. Кроме того, исследуются проблемные аспекты получения согласия супруга на заключение предварительного договора по отчуждению общего имущества, правила отзыва предварительного согласия на совершение сделки, возникновение возможности нарушения прав и интересов иных участников правоотношений в связи с отзывом ранее полученного предварительного согласия. Данные аспекты приобретают особую актуальность в условиях развивающихся имущественных отношениях в современной России.

Abstract: The article analyzes some provisions of civil legislation on transactions with common property; norms of family law on the legal and contractual regime of marital property. Special attention is paid to certain aspects of the recognition of a transaction made by one of the spouses on the disposal of common property as invalid. The article considers the norms of legislation establishing requirements for notarization of the spouse's consent to transactions with common property, requirements for the content of the spouse's consent. In addition, the problematic aspects of obtaining the consent of the spouse to conclude a preliminary agreement on the alienation of common property, the rules for revoking prior consent to a transaction, the possibility of violating the rights and interests of other participants in legal relations in connection with the revocation of previously obtained prior consent are being investigated. These aspects are of particular relevance in the context of developing property relations in modern Russia.

Ключевые слова: общее имущество супругов, сделки, распоряжение общим имуществом, согласие на совершение сделки, недействительность сделки.

Keywords: common property of spouses, transactions, disposal of common property, consent to the transaction, invalidity of the transaction.

Для цитирования: Меняйло Л.Н., Меняйло Д.В., Лубский Р.А., Болтенкова Ю.В. Некоторые аспекты признания сделки, совершенной одним из супругов по распоряжению общим имуществом, недействительной // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_148.

For citation: Menyailo L.N., Menyailo D.V., Lubsky R.A., Boltenkova Yu.V. Some aspects of the recognition of a transaction made by one of the spouses on the disposal of common property as invalid // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_148.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2024

Формирование института недействительности сделок основывается на нормах, отвечающих современным тенденциям развития общественных отношений. Любая сделка совершается с определенной целью – достижение правового результата, влекущего возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Недействительной является сделка, которая признается таковой судом, по предусмотренным в законе основаниям, либо недействительна независимо от такого признания (п. 1, ст.166 ГК РФ)

По словам Е. А. Суханова: «Представляется, что сделкой можно считать только правомерное действие» [8. С. 210], однако в юридической литературе существует и обратное суждение. Что правомерность или неправомерность юридически значимого действия, именуемого сделкой, не влияет на её действительность. Данные характеристики лишь определяют последствия совершенной сделки.

Сделки играют многогранную роль в общественной жизни общества. Поэтому в ст. 8 ГК РФ, предусмотрено, что действительны будут любые сделки, которые не запрещены законом – принцип свободы сделок.

Однако недействительность обратно пропорциональна общим и специальным основаниям действительности сделок.

Общим основанием недействительности для всех сделок – является несоответствие совершаемой сделки требованиям законодательства и иных нормативно-правовых актов. В гражданском законодательстве выделены следующие основания недействительности сделок:

- совершенные с целью, противоречащей установленным основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК);
- мнимые и притворные (ст. 170 ГК);
- совершенные юридическим лицом, если они противоречат целям его деятельности (ст.173 ГК РФ);
- совершенные с нарушением представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица (ст.174 ГК РФ);
- если сделка совершена в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено (ст. 174.1 ГК РФ);
- под влияние существенного заблуждения (ст.178 ГК РФ);
- под влиянием обмана, насилия или угрозы (ст.179 ГК РФ);
- кабальная сделка (ст. 179 ГК РФ);

Кроме того, в соответствии со статьями 165 и 171 ГК РФ, существуют и иные основания признания сделок недействительными.

Помимо указанного, ст. 253 ГК РФ включает условия признания недействительной сделки, совершённой участником совместной собственности при отсутствии согласия другого участника совместной собственности. Анализ семейного законодательства позволяет сделать вывод, что положения п. 3 ст. 253 ГК РФ и положения абз. 2. п. 3 ст. 35 СК РФ в вопросе оспаривания сделки с общим имуществом без согласия второго супруга тождественны.

Что касается распоряжения одним из супругов общим имуществом без согласия другого супруга и признания такой сделки недействительной, то здесь есть определенные тонкости.

Конечно, на практике имеют место ситуации, когда один из супругов без согласия второго супруга совершает сделку по распоряжению общей совместной собственностью. И не редко второй супруг просит признать такую сделку недействительной.

Изначально нужно отметить, что к таким правоотношениям применяется законный режим имущества супругов. В данном случае не имеет правового значения на кого оформлено или записано такое имущество. Например, если в ЕГРН указана информация о государственной регистрации права собственности на недвижимость и правообладателем выступает один из супругов, это не отменяет законного режима имущества супругов и соответственно оба супруга являются собственниками объекта недвижимости.

Однако указанное правило применимо, если иное не содержится в заключенном супругами брачном договоре (п.1 ст. 33, ст. 34 СК РФ; ст. 256 ГК РФ). Иными словами брачный договор, заключенный в установленном порядке и в соответствии с требованиями законодательства меняет законный режим имущества супругов на договорной.

Что касается законного режима имущества супругов, то владение, пользование и распоряжение осуществляется с учетом обоюдного согласия супругов, а в случае если сделка по распоряжению совершается одним из супругов, то согласие второго супруга предполагается. Видим, что по общему правилу закон устанавливает презумпцию взаимного согласия супругов для реализации правомочия распоряжения общим имуществом, то есть предполагается, что один из супругов, заключающий сделку по отчуждению совместного имущества, действует с предварительного одобрения второго супруга (п. п. 1, 2 ст. 35 СК).

Указанное обстоятельство ставит второго супруга в невыгодное положение, так как в случае возникновения спора бремя доказывания факта распоряжения общим имуществом без его согласия лежит на стороне, оспаривавшей сделку [5]. Авторы, исследующие подобную проблематику склоняются к тому, что второй «...супруг ущемлен в своих как имущественных правах и интересах, так и поставлен в невыгодное положение непосредственно в судебном процессе» [1, С. 326], имея в виду необходимость доказывания отсутствия согласия.

Согласимся в данном случае с позицией А.А. Добровинского, справедливо отметившего, что «... Верховный Суд создает серьезный дисбаланс в защите имущественных прав супругов, отдавая совершенно необоснованное предпочтение правам супруга, совершившего сделку с общим имуществом» [2, С. 65].

Стоит также отметить, что к общей совместной собственности супругов не относится имущество:

- полученное вторым супругом в дар;
- в наследство;
- приобретенное до вступления в брак;

- приобретенное в браке, но на личные средства, полученные до вступления в брак;
- в порядке приватизации.

В остальных случаях второй супруг является законным совладельцем имущества, приобретенного во время брака.

В отдельных случаях законодательство предусматривает необходимость получения нотариально удостоверенного согласия второго супруга на заключение сделки, а именно:

- на совершение сделки по распоряжению имуществом, право на которое подлежит государственной регистрации;
- на совершение сделки, для которой законом установлена нотариальная форма;
- на совершение сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации (ст. 35 СК РФ).

Отсутствие нотариально удостоверенного согласия второго супруга на распоряжение недвижимым имуществом может вызвать ряд сложностей и проволочек.

В случае, если между супругами был заключен брачный договор, то он меняет законный режим имущества супругов на договорной (п. 1 ст. 42 СК РФ). Если брачный договор устанавливает режим раздельной собственности супругов, то на совершение сделки с данным имуществом согласия второго супруга не требуется. При отчуждении одним из супругов доли в общей собственности на имущество супругов в отношении которого брачным договором установлена общая долевая собственность согласия второго супруга также не требуется.

Согласие супруга оформляется у нотариуса с последующим удостоверением документа. Для оформления согласия на распоряжения общей совместной собственностью необходимо присутствие обоих супругов или того, кто это согласие предоставляет. Документ может составляться в свободной форме с обязательным отражением следующей информации:

- паспортные данные супругов;
- тип и суть предстоящей сделки;
- описание объекта недвижимости;
- данные о заключении брака;
- срок действия согласия;
- информация о второй стороне сделки (покупателе, например), если известна;
- дата и подпись.

Отзыв согласия осуществляется также у нотариуса. Это возможно до отчуждения общего имущества супругов и до окончания срока действия соглашения.

Сделка по распоряжению общим имуществом супругов может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия второго супруга в следующих случаях:

- при обращении в суд с соответствующим иском;

- если будет установлено и доказано, что вторая сторона в такой сделке знала или заранее должна была знать о несогласии второго супруга на совершение сделки.

Представить доказательства того, что приобретатель общего совместного имущества является недобросовестным, а так же то, что он знал об отсутствии согласия второго супруга на отчуждение общего имущества не всегда представляется возможным.

Кроме того, не во всех случаях очевидно, что имущество находится в общей совместной собственности супругов. Соответственно это затрудняет возврат отчужденного имущества в общую собственность супругов в рамках двусторонней реституции и признания сделки недействительной.

Однако, если сделка требовала обязательного нотариального удостоверения письменного согласия второго супруга, и сделка совершена без такого удостоверения, то обязанность супруга, обратившегося с требованием в суд, доказывать тот факт, что вторая сторона в сделке знала или должна была знать об отсутствии такого согласия, законом не предусмотрена.

Законодатель в данном случае устанавливает специальные правила, суть которых заключается в том, что в приоритете безусловное восстановление нарушенных имущественных прав второго супруга, не давшего согласие на отчуждение общего имущества перед добросовестностью приобретателя (п. п. 2, 3 ст. 35 СК РФ; ст. ст. 166, 173.1 ГК РФ).

Государственная регистрация перехода права собственности на общее имущество не находится в зависимости от наличия или отсутствия согласия второго супруга на совершение сделки. В соответствии с ч. 5 ст. 38 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» при отсутствии письменного согласия второго супруга на отчуждение недвижимого имущества Росреестр вносит в ЕГРН запись об отсутствии такого согласия и одновременно вносит запись о государственной регистрации права собственности за покупателем [4].

Кроме того, в установленных гражданским законодательством случаях, согласие на отчуждение общего имущества можно признать недействительным. Так, в соответствии со ст. ст. 178, 179 ГК РФ согласие на совершение сделки может быть оспорено и признано судом недействительным, если оно было получено под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств.

Признание недействительным оспариваемого согласия влечет в дальнейшем оспаривание сделки по отчуждению (распоряжению) общего имуществом и признание ее недействительной.

Особый практический интерес представляют ситуации, когда осуществляется отзыв предварительного согласия вторым супругом на совершение основной сделки, после заключения предварительного договора.

В гражданском законодательстве на сегодняшний день отсутствуют нормы, осуществляющие регулирование таких случаев и определяющих порядок действий после отзыва предварительного согласия на совершение сделки вторым супругом с общим имуществом.

Однако из существа семейных правоотношений и анализа норм семейного права следует, что возможность отзыва предварительного согласия на заключение сделок по отчуждению общего имущества возможна в случаях возникновения обстоятельств, влекущих утрату согласия второго супруга относительно распоряжения их общим имуществом (например, в интересах семьи; в интересах несовершеннолетних детей или совершеннолетних, но нетрудоспособных детей и т.д.).

Отзыв предварительного согласия на совершение сделки по распоряжению общим имуществом супругов способен затронуть интересы и права других участников правоотношений, возникших в связи с полученным ранее согласием на заключение предварительного договора по распоряжению таким имуществом. В связи с этим возникает резонный вопрос о периоде времени, в который можно отозвать предварительное согласие.

Из анализа законодательства и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» выходит, что «...возможность отзыва предварительного согласия утрачивается с того момента, когда оно повлияло на правоотношения иных участников оборота, а именно послужило основанием для возникновения их прав и обязанностей на основании договора. Отзыв согласия допускается до того, как стороны, основываясь на согласии третьего лица, вступили в договорные отношения» [7].

Также отзыв согласия должен сопровождаться предварительным уведомлением сторон основного договора, а в случае возникновения убытков в связи с отзывом согласия – возмещением этих убытков. Данная позиция судов является общеприменимой ко всем видам сделок.

Анализ законодательства позволяет выявить следующие существенные характеристики юридической конструкции предварительного договора:

- предварительный и основной договор представляют собой взаимосвязанные договоры;
- заключение предварительного договора представляет собой выражение воли на заключение основного договора;
- заключение предварительного договора влечет возникновение обязанности заключить основной договор (в контексте нашего исследования в том числе и по отчуждению общего имущества супругов);
- уклонение от заключения основного договора влечет понуждение к его заключению в судебном порядке.

Таким образом, данное вторым супругом согласие на заключение предварительного договора нужно рассматривать как правовое основание, влекущее возникновение прав и обязанностей иных участников правоотношений в рамках заключенного договора, направленного на отчуждение имущества супругов. С момента заключения сторонами предварительного договора второй супруг утрачивает возможность отзыва согласия, а действия направленные на отзыв согласия не влекут юридических последствий.

Отметим, что современное отечественное законодательство, направленное на регулирование имущественных отношений супругов и закрепляющее «презумпцию согласия» на распоряжение общим имуществом, ставит в неравное положение супругов, устанавливая правила оспаривания сделок при отсутствии согласия, необходимость предоставления суду объективных доказательств в том, что второй супруг не давал согласия на заключение сделки по отчуждению совместного имущества, а контрагент по сделке был осведомлен об этом. Тем не менее, как показывает практика, отсутствие согласия супруга на совершение сделки по отчуждению общего имущества может привести к тому, что сделка будет оспорена вторым супругом и с большой долей вероятности признана недействительной.

Список литературы:

1. Аблятипова, Н. А., Григорчук, Н. В. Особенности согласия супругов на совершение сделок по распоряжению имуществом // Бюллетень науки и практики. 2023. Т.9. № 11. С. 323-329.
2. Добровинский, А. А. Некоторые аспекты толкования и применения ст. ст. 35, 39, 45 СК РФ в судебной практике // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т.15. № 4 (113). С. 63-73.
3. Иванова, Ю. А. Принцип свободы договора в гражданском праве / Ю. А. Иванова, Л. Н. Меняйло, В. И. Федулов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 69-71.
4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон № 218 от 13.07.2015 (ред. от 08.08.2024) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.07.2016 №18-КГ16-50 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Особенности заключения брачного договора несовершеннолетними вступающими в брак / Л. Н. Меняйло, И. В. Тищенко, О. В. Панфилова, М. М. Старосельцева // Проблемы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 96-99.
7. Решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 29 июня 2022 г. по делу № 2-532/2022 // <http://arbitr.garant.ru/#/document/330342888>.
8. Суханов Е. А. Гражданское право: классический университетский учебник / Е.А. Суханов. 1 том. Москва. 2006. С. 210.

References:

1. Abylatipova, N. A., Grigorchuk, N. V. Peculiarities of spouses' consent to transactions on the disposal of property // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol.9. No. 11. pp. 323-329.
2. Dobrovinsky, A. A. Some aspects of the interpretation and application of Articles 35, 39, 45 of the RF IC in judicial practice // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 4 (113). pp. 63-73.
3. Ivanova, Yu. A. The principle of freedom of contract in civil law / Yu. A. Ivanova, L. N. Menyailo, V. I. Fedulov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 5. - pp. 69-71.
4. On State Registration of Real Estate: Federal Law No. 218 dated 07/13/2015 (as amended on 08/08/2024) // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
5. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.07.2016 No. 18-KG16-50 // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
6. Features of concluding a marriage contract by minors entering into marriage / L. N. Menyailo, I. V. Tishchenko, O. V. Panfilova, M. M. Staroseltseva // Gaps in Russian legislation. – 2016. – No. 7. – pp. 96-99.
7. The decision of the Vsevolozhsk City Court of the Leningrad Region dated June 29, 2022 in case No. 2-532/2022 // <http://arbitr.garant.ru/#/document/330342888>
8. Sukhanov E. A. Civil law: a classical university textbook / E.A. Sukhanov. Volume 1. Moscow. 2006. p. 210.

К ВОПРОСУ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ ON THE ISSUE OF THE PROBLEM OF INHERITANCE OF DIGITAL ASSETS

ЧЕТЫРКО Елизавета Константиновна,

студент Института Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: chetyrkoliza@gmail.com;

CHETYRKO Elizaveta Konstantinovna,

Student of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya St., 1.

E-mail: chetyrkoliza@gmail.com

Краткая аннотация: Статья рассматривает актуальные вопросы наследования цифровых активов в России на фоне стремительного развития цифровых технологий. Автор анализирует, как новые объекты гражданских прав требуют пересмотра традиционных подходов к наследственному праву. Обсуждаются сложности, связанные с определением прав владельцев цифровых активов, их наследованием и правовой природой этих объектов. Упомянуты международные практики регулирования в США и Нидерландах. В заключение подчеркивается необходимость разработки новых законодательных механизмов для обеспечения защиты прав наследников и упрощения процесса наследования в условиях цифровой экономики.

Abstract: The article examines current issues of digital asset inheritance in Russia against the backdrop of the rapid development of digital technologies. The author analyzes how new objects of civil rights require a revision of traditional approaches to inheritance law. The difficulties associated with determining the rights of digital asset owners, their inheritance and the legal nature of these objects are discussed. International regulatory practices in the United States and the Netherlands are mentioned. In conclusion, the need to develop new legislative mechanisms to ensure the protection of the rights of heirs and simplify the inheritance process in the digital economy is emphasized.

Ключевые слова: Цифровые технологии, наследственное право, цифровые права, аккаунт, социальная сеть, криптовалюта, цифровые активы, наследование цифровых активов, виртуальные объекты, интернет.

Keywords: Digital technologies, inheritance law, digital rights, account, social network, cryptocurrency, digital assets, inheritance of digital assets, virtual objects, Internet.

Для цитирования: Четырко Е.К. К вопросу проблемы наследования цифровых активов // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 152-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_152.

For citation: Chetyrko E.K. On the issue of the problem of inheritance of digital assets // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 152-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_152.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Введение. Цифровые активы - аккаунты в социальных сетях, криптовалюты, токены и прочие виртуальные ресурсы - стали частью нашей повседневной жизни и обрели значительную экономическую ценность. Однако юридические механизмы регулирования этих активов требуют доработки. В связи с этим возникает необходимость адаптации правовых норм под существующую реальность, а именно стремительного роста цифрового пространства для защиты интересов наследников в условиях

Цель исследования. Цель исследования заключается в анализе правовых механизмов, регулирующих наследование цифровых активов, и выявлении проблем, возникающих в этой области, а также поиск возможных путей совершенствования законодательства для защиты интересов наследников и владельцев цифровых активов.

Методы исследования. В данном исследовании применялся метод анализа и сравнения. Метод анализа проявляется в разборе различных аспектов наследования цифровых активов, таких как аккаунты в социальных сетях, цифровых финансовых активов, а также изучении существующих правовых норм и проблем их применения, а посредством сравнительного метода произошло сравнение российского законодательства с международной практикой регулирования наследования цифровых активов, включая опыт США и Нидерландов.

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни и теперь даже такой консервативной отрасли права как наследственное право требуются доработки. Развитие цифровых технологий повлияло на право, так как породило новые объекты гражданских прав. В нашу жизнь вошли такие слова как «аккаунт», «криптовалюта», «цифровая валюта» и т.п. Данные понятия существуют достаточно давно, однако, попытки урегулирования цифровых прав были предприняты только 2019 году, таким образом, цифровые права вошли в Гражданский Кодекс в качестве объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), а в ст. 141.1 были приведены их основные признаки. Норма 141.1 является бланкетной, а значит исчерпывающего понятия, что относится к цифровым правам у нас нет. Возможно, мы скоро придем к тому, что сформируется отдельная отрасль права – цифровое право, а также цифровой кодекс, ведь цифровизация стала неотъемлемой частью нашей жизни, но пока есть проблемы с регулированием цифровых активов, ведь это не что-то материальное, а виртуальные объекты, которые находятся в виртуальном пространстве. Проблема наследования цифровых прав является актуальной, в силу того, что цифровое имущество является обезличенным, а некоторые вовсе не могут быть объектами наследования в силу своей специфики, поэтому необходимо проанализировать механизм наследования цифровых активов после смерти их владельца.

Рассмотрим один из наиболее распространенных видов цифровых активов – аккаунт в социальных сетях, который включает в себя результаты творческой и интеллектуальной деятельности, такие как фотографии, видео, тексты и многое другое. Такой контент может иметь значительную ценность, особенно если его создатель является публичной личностью с миллионами подписчиков и преданных поклонников.

Если аккаунт личный, то его предоставление третьим лицам, а именно наследникам может привести к нарушению тайны переписки, которая гарантируется ч.2 ст. 23 Конституции РФ. В то же время аккаунты с большим количеством подписчиков могут выступать в качестве ком-

мерческих площадок, то есть данный аккаунт будет иметь материальную ценность.

Также существуют различные публичные сообщества, например для магазинов, такие сообщества нацелены на получение прибыли и являются каналом сбыта продукции, такие аккаунты могли бы включаться в наследственную массу и передаваться по наследству.

Цветкова Е. С. считает, что для оформления наследственных прав на указанное имущество оно должно быть учтено на балансе компании или ИП, и, соответственно, нотариус при оформлении наследства должен истребовать данные бухгалтерской отчетности для проверки соблюдения соответствующего требования[1].

Важно учитывать, что передача аккаунта по наследству может привести к «смешению личностей». Однако эту проблему можно решить, уведомив администрацию социальной сети о переходе страницы к новому пользователю. Это позволит новому пользователю осуществлять профессиональную деятельность от своего имени.

Теперь рассмотрим возможность наследования цифровых финансовых активов. В перечень наиболее распространенных финансовых цифровых активов, обращающихся в интернет-пространстве и представляющих материальную ценность, можно включить криптовалюты: альткоины, стейблкоины, эфиры, биткоины, токены, NFT-токены, а также цифровые подарочные карты, монетизированные каналы YouTube и иных платформ, корпоративные сайты, доменные имена и бизнес-аккаунты[1]. Также сюда можно отнести и цифровой рубль, который возможно станет одним из самых надежных платежных средств. Надо сказать, Центральный Банк России подчеркивает, что цифровой рубль будет выполнять все те же привычные для населения функции[4].

В этих целях необходимо разработать долгосрочную и эффективную стратегию по продвижению цифрового рубля на мировой арене, что в условиях санкций сделать будет достаточно проблемно[5].

Характерными чертами цифровых активов является то, что они существуют только в виртуальном пространстве и могут быть воспроизведены только с помощью технических средств.

Без обладания личной информации, то есть логина и пароля, процесс наследования цифровых активов, а в особенности по закону - усложняется, такое наследство невозможно включить в наследственную массу, признать выморочным, разделить между супругами, обратиться взыскание в процедурах несостоятельности (банкротстве) или исполнительном производстве. Таким образом, возможность установить обладателя цифрового права необходима также для защиты прав наследников, супругов, кредиторов обладателя цифровых прав.

Хорошо, когда наследодатель сам позаботился и составил завещание с паролем от криптокошелька, но если он этого не сделал и, например, внезапно умер, в таком случае доступ к кошельку навсегда утерян. Эти права обладают экономической ценностью и активно участвуют в гражданском обороте, что делает их потенциально наследуемыми.

Пока в России криптовалюта не признается средством платежа, а только в качестве средства сбережения и инвестирования. Объем сделок в сети Интернет растет каждый год, а рыночная капитализация криптовалют сопоставима с половиной ВВП России[3].

Как отмечает президент Федеральной нотариальной палаты Константин Корсик: «Несмотря на виртуальность цифровых прав и цифровых активов, они де-факто существуют, представляют имущественную ценность, следовательно, накладывают на обладателей соответствующие права и обязанности»[2].

Одна из наиболее значительных проблем заключается в оформлении наследственных прав на цифровые активы. Основная сложность связана с тем, что собственника данных активов определить почти невозможно, по сути зайти в криптокошелек может тот, у кого есть пароль от него, то есть любой человек может стать владельцем, криптокошельки подлежат регистрации прав собственности и не имеют реестра владельцев.

Одним из решений проблемы наследования криптокошелька это автоматическая передача аккаунта другому лицу, а именно наследнику, если в течении определенного времени с этим кошельком не совершали никаких операций. Но для этого надо вмешаться в систему, что противоречит принципам блокчейна.

Таким образом, с технической точки зрения данный вопрос является не урегулирован, необходимо разработать новые подходы к регулированию наследования в контексте цифровых прав, чтобы обеспечить защиту интересов наследников и учесть специфику этих активов.

В международной практике для решения проблемы управления цифровыми активами применяется множество подходов. К примеру, в некоторых странах распространено использование режима ценных бумаг для цифровых активов, а также включение уникального кода доступа к реестру в завещания. В США был принят Единообразный закон о доступе фидуциаров к электронным активам (Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, FADA), который дает владельцам цифровых активов право передавать информацию своим хранителям о том, кто может получить доступ к этим активам. Однако на данный момент этот закон касается в основном аккаунтов в социальных сетях, платёжных системах и электронных почтовых ящиках.

Параллельно в Нидерландах Ассоциация нотариусов инициировала создание "цифрового хранилища", где клиенты смогут надежно хранить свои цифровые данные и коды доступа. Это шаг к созданию более защищенной среды для управления личными активами в цифровом формате.

В России также активно ведутся работы над законодательным регулированием этой сферы. В проекте Федерального закона № 373645-7 "О системе распределенного национального майнинга" предполагается создание распределённого реестра цифровых транзакций. Эта база данных будет доступна только физическим лицам и индивидуальным предпринимателям, зарегистрированным в реестре и использующим систему идентификации для доступа к государственным информационным системам. Аналогичные требования содержатся в проекте Федераль-

ного закона № 419059-7 "О цифровых финансовых активах", где доступ к реестру будет возможен исключительно через цифровой кошелек, открываемый оператором обмена после прохождения процедуры идентификации.

Если эти законопроекты будут приняты, это поможет частично решить проблему наследования цифровых прав и обеспечить наследникам доступ к активам, которые, возможно, ранее были бы утеряны в бескрайних просторах Интернета. В условиях стремительно развивающегося цифрового мира такая законодательная основа необходима для защиты прав и интересов как индивидуумов, так и их наследников.

Заключение. Развитие цифровых технологий предъявляет новые требования к правовому регулированию наследственных отношений. Цифровые активы, такие как криптовалюта, аккаунты в социальных сетях, и другие виртуальные объекты приобретают значимую экономическую ценность, что делает их потенциальными объектами наследования. Однако отсутствие правовой ясности и проблемы с доступом к этим активам усложняют их включение в наследственную массу. Для решения этих вопросов требуется создание специализированных механизмов наследования цифровых прав, что позволит защитить интересы наследников и обеспечить правовую стабильность в этой динамично развивающейся сфере.

Список литературы:

1. Цветкова Е.С. «Особенности оформления наследственных прав на цифровые активы» // Наследственное право, № 3, 2023 г., С: 33-36.
2. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты «Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата». URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasle-dovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata> (дата обращения 10.02.2023).
3. Черных А.В. «К вопросу о проблеме наследования, раздела и принудительной реализации цифровых прав» // Наследственное право, № 3, 2023 г., С: 19-21.
4. Ивлиев П.В., Ананьева Е.О. «Цифровой рубль: перспективы применения в России» // Право и государство: теория и практика, № 8 (224), 2023 г., С: 65-67.
5. Ивлиев П.В., Игнатьева С.В., Старовойтова О.Э. «Правовое регулирование актуальных проблем применения цифрового рубля в современной России» // Теория государства и права, № 4 (33), 2023 г., С: 118-126.

References:

1. Tsvetkova E.S. "Features of registration of inheritance rights to digital assets" // Inheritance law, No. 3, 2023, pp.: 33-36.
2. Official website of the Federal Notary Chamber "Procedure for inheritance of digital assets: opinion of notary experts". URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasle-dovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata> (date of access 10.02.2023).
3. Chernykh A.V. "On the issue of inheritance, division and compulsory implementation of digital rights" // Inheritance law, No. 3, 2023, pp.: 19-21.
4. Ivliev P.V., Ananyeva E.O. "Digital Ruble: Prospects for Application in Russia" // Law and State: Theory and Practice, No. 8 (224), 2023, pp. 65-67.
5. Ivliev P.V., Ignatyeva S.V., Starovoytova O.E. "Legal Regulation of Current Problems of Using the Digital Ruble in Modern Russia" // Theory of State and Law, No. 4 (33), 2023, pp. 118-126.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ И ЗНАКОВ ОБСЛУЖИВАНИЯ LEGAL PROTECTION OF TRADEMARKS AND SERVICE MARKS

МАГОМАДОВА Эльза Исаевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.
E-mail: Zeka0708@mail.ru;

MAGOMADOVA Elsa Isaevna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
A.A.Kadyrov Chechen State University.
32 A. Sheripova str., Grozny, Chechen Republic, 364024.
E-mail: Zeka0708@mail.ru

Краткая аннотация: В исследуемой проблеме рассматривается правовая охрана товарных знаков и знаков обслуживания. В современном обществе значительно повысился спрос на развитие творческого и интеллектуального потенциала людей. Это коснулось и экономической сферы общества. Постепенно физическая работа заменяется на интеллектуальное генерирование идей и разработок, которые являются одним из важнейших признаков конкурентоспособности предприятий на современном рынке. В связи с этим довольно быстрыми темпами происходит развитие научно-технического прогресса: предприятия выходят на новые рынки, выпуская все более разнообразную и массовую продукцию.

Abstract: The legal protection of trademarks and service marks is considered in the problem under study. In modern society, the demand for the development of people's creative and intellectual potential has increased significantly. This also affected the economic sphere of society. Gradually, physical work is being replaced by intellectual generation of ideas and developments, which are one of the most important signs of the competitiveness of enterprises in the modern market. In this regard, the development of scientific and technological progress is taking place at a fairly rapid pace: enterprises are entering new markets, producing more and more diverse and mass-produced products.

Ключевые слова: гражданское право, договор, товар, товарный знак, знак обслуживания, продавец, покупатель.
Keywords: civil law, contract, product, trademark, service mark, seller, buyer.

Для цитирования: Магомадова Э.И. Правовая охрана товарных знаков и знаков обслуживания // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 155-160. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_155.

For citation: Magomadova E.I. Legal protection of trademarks and service marks // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 155-160. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_155.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Мнообразие производителей и выпускаемой ими продукции на современном рынке приводит изготовителей к необходимости индивидуализации своих товаров. Подобными средствами индивидуализации служат товарные знаки и знаки обслуживания.

В динамично развивающейся структуре рынка, насыщенной огромным потоком конкурентной борьбы, товарные знаки и знаки обслуживания обретают огромное значение. Для всех без исключения компаний становится чрезвычайно важным не только внедрить свою продукцию в рыночное пространство, но и обеспечить ей выразительность, отчетливо выделяющую ее от продукции конкурентов. Средством, способным в разы увеличить узнаваемость изделий и прикрепить к ним стойкие ассоциативные связи, несомненно, выступает товарный знак. Этот инструмент позволяет эффективно отграничить продукт от аналогичных предложений и создает заметное преимущество в сложных условиях рыночной конкуренции.

Ключевую роль в поддержании неприкосновенности знаков индивидуализации играют системы, задействованные в защите и управлении интеллектуальной собственности. Подразумевается множество механизмов, каждый из которых может иметь свое выражение через патенты, товарные знаки, знаки обслуживания, объекты интеллектуальной собственности, защищенные авторским правом, а также торговые марки. Данные инструменты и системы правового регулирования могут быть применены в разнообразных сочетаниях, обеспечивая надежное сохранение результатов творческой и интеллектуальной деятельности и технологических новшеств.

Обеспечение защиты интеллектуальной собственности предусмотрены Конституцией Российской Федерации в статье 44. Согласно этой статье интеллектуальная собственность представляет собой основу для определения хозяйственной эффективности и культурного прогресса общества. Такое правовое закрепление позволяет авторам, законным правообладателям осуществлять право на защиту своих интересов и результатов творческой деятельности.

Необходимость правовой защиты товарных знаков и знаков обслуживания возникает из довольно распространенной проблемы многочисленного копирования средств индивидуализации начинающими производителями у предприятий монополистов или организаций широко известных покупательской аудитории на российском и мировом рынках.

Объектом курсовой работы гражданско-правовые отношения, возникающие в сфере правовой защиты и охраны товарных знаков и знаков обслуживания.

Предметом курсовой работы являются нормы гражданского законодательства в сфере средств индивидуализации.

Цель данной работы: провести всесторонний и комплексный анализ предусмотренных законодательством мер правовой защиты и охраны товарных знаков и знаков обслуживания.

Средства индивидуализации на сегодняшний день выступают неотъемлемой частью предпринимательства и рыночной экономики в целом. Товарные знаки и знаки обслуживания как формы марочного обозначения продукции выступают наиболее эффективным способом привлечения внимания со стороны покупателей и позволяют выделить данный товар среди множества однородных.

Современный маркетинг в части продвижения товара и его реализации взял за основу формирование и размещение именно товарных знаков и знаков обслуживания как средств индивидуализации, позволяющих целевой аудитории, один раз познакомившись с конкретной продукцией, в дальнейшем без особых усилий узнать ее среди обширного рынка сходных товаров.

В рамках конкурентного рынка, товарные знаки обрели свое предназначение в качестве уникальных идентификаторов, которые разграничивают не только изделия, но и производителей. Именно такие символы или слова стали ключевым элементом в вопросах отождествления изделия на рынке, поскольку экономическая среда, основанная на конкурентной борьбе, не может существовать без выразительных инструментов различия.

По мнению К. Веркмана появление средств индивидуализации обусловлено тем, что современная рыночная система, ориентированная на потребителей, не в состоянии выдержать нарастающий объем производимой продукции без ее разграничения и введения идентификаторов.

Значимость правильного применения товарного знака в предпринимательской сфере не может быть излишне преувеличена, учитывая, что его корректное использование является неотъемлемым условием успеха коммерческой деятельности.

Согласно статье 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Для того, чтобы претендовать на статус товарного знака, обозначение должно отличаться от уже зарегистрированных символов, чтобы избежать смешения и путаницы среди однородных товаров на рынке. Идентичными считаются знаки, схожие с другими известными товарными знаками по структуре и компонентам, относящимися к тем же классам продукции. Сложность возрастает в случаях, когда происходит анализ сходства обозначений, которые не являются полными дубликатами. Существующее законодательство предусматривает запрет на использование обозначений, крайне близких к уже узнаваемым торговыми знаками, чтобы поддерживать порядок и ясность на рынке. [4, 206 с.]

Размещение информации о производителе на товаре не может быть признанным в качестве товарного знака. Требования к товарному знаку прежде всего заключаются в способности потребителя легко ассоциировать маркировку с определенным товаром и компанией, исключая вероятность путаницы с изделиями, выпущенными конкурирующими предприятиями. Соответственно, обозначение способно стать товарным знаком лишь посредством его функциональности, позволяющей безошибочно идентифицировать товары на рынке.

Для удобства категория «товарный знак» используется совместно с категорией «знак обслуживания». Объединение данных категорий в Гражданском кодексе Российской Федерации (параграф 2 гл. 76 части 4 ГК РФ) свидетельствует о том, что товарный знак и знак обслуживания имеют идентичный правовой статус и регулируются одними и теми же законодательными нормами. Требования, предъявляемые к товарным знакам при их официальной регистрации, не имеют как таковых различий с требованиями, предъявляемыми при регистрации знаков обслуживания. Действующее законодательство не предусматривает норм, которые бы распространяли свое действие только на товарные знаки или только на знаки обслуживания.

Однако, несмотря на то, что две данные категории употребляются законодателем совместно, это вовсе не означает, что их можно отождествлять.

Согласно законодательному определению, знаком обслуживания признается обозначение, служащее для идентификации выполняемых работ или оказываемых услуг.

Таким образом можно четко понять их различия: товарный знак применяется для идентификации товаров среди множества однородных, а знак обслуживания служит отличительным признаком для предоставляемых работ или услуг. Из этого можно сделать вывод, что данные понятия хоть и сходны между собой и подлежат правовому регулированию, основанному на одних и тех же нормативных актах, они не тождественны и не взаимозаменяемы.

Однако для упрощения процесса регистрации в жизни различие двух данных категорий стираются, поскольку одни и те же символы и обозначения могут быть зарегистрированы одновременно как идентификаторы товаров и услуг одного предприятия или предпринимателя, а также нескольких предпринимателей.

Товарные знаки и знаки обслуживания выполняют одновременно несколько функций:

1. Отличительная;
2. Защитная;
3. Гарантийная;
4. Рекламная.

Отличительная функция является самой важной функцией средств индивидуализации в целом и в том числе товарных знаков. Она позволяет потребителям отличать конкретные товары от однородных товаров. Выступая как показатель источника производства, товарные знаки направляют потребителей к выбору продуктов конкретного изготовителя, которому они отдают предпочтение. Товарные знаки выступают как надежный механизм в разграничении продуктов различных производителей, у которых характеристики могут быть схожими.

Защитная функция заключается в исключительном праве на использование товарного знака, его обладатель получает возможность

защищать продукцию, выходящую на рынок, от недобросовестных изготовителей и подделок.

Гарантийная функция требует от производителей адекватного подтверждения высоких стандартов качества предоставляемой продукции. Суть заключается в непрерывном совершенствовании товаров, что является неотъемлемым элементом конкурентной борьбы на рынке.

Рекламная функция заключается в том, что знаковая известность торговой марки, подкрепленная рыночным доверием, становится залогом эффективности реализации продуктов, тем самым утверждая положительное влияние рекламных кампаний на коммерческие результаты деятельности различных фирм.

Особенности появления и развития правовой охраны товарных знаков и знаков обслуживания

История возникновения товарного знака берет свое начало еще с глубокой древности. Ученые полагают, что первые прообразы товарных знаков появились еще в пятом веке до нашей эры. В Древней Индии ремесленники подписывали созданные ими товары, которые после отправляли в Персию. Подобного рода обозначения использовались в Древней Греции, Риме, Китае. Ремесленники и мастера клеймили свои изделия, что служило своеобразной гарантией качества товара и отличительным знаком, по которому можно было распознать изготовителя и идентифицировать его.

Даже в Древнем мире люди творчески подходили к задумке отличительных знаков, например, в Помпее искусные виноделы использовали придуманное ими обозначение, которое представляло собой некое слияние слов «Везувий» и «вино» при продаже произведенного ими вина.

В Древней Греции гончары ставили клейма на каждое свое творение. Клейма совмещали в себе несколько функций: с одной стороны, они служили своеобразным аналогом современного обозначения «ГОСТ» на упаковках и означали, что изделие соответствует установленным стандартам, а с другой стороны, каждый мастер дорабатывал клеймо по-своему, добавляя к нему индивидуальные элементы: цифры, буквы, символы, которые позволяли распознать изделие конкретного мастера среди десятков других. Таким образом ученым известно более трехсот тысяч различных видов клейм того времени. В большинстве штампы изготавливали прямоугольной или треугольной формы, с различными вариациями расположения текста, однако некоторые представляли собой рисунки, образы животных, птиц, а иногда и целые композиции.

В средние века количество производимых товаров возросло в тысячи раз, поэтому изготовители различного рода товаров нуждались в отличительных обозначениях, которые бы выделяли их продукцию среди других. Ремесленники постепенно стали объединяться в гильдии и использовали многообразные клейма, штампы, росписи и знаки как гарантию качества, так как в гильдиях устанавливались критерии, которым должны были соответствовать изделия.

В период с 12 по 15 века ремесленники зачастую ставили клейма на холодное оружие (кинжолы, мечи, кинжалы), а также на ювелирные изделия (золотые и серебряные украшения).

Позднее с развитием промышленности каждое отдельно взятое предприятие начало устанавливать свои образцы и стандарты маркировки. Клейма, состоящие из многочисленных цифр, букв и обозначений заменялись на лаконичные символы.

После установления международных торговых связей разрозненные товарные знаки постепенно стали подстраиваться под международные установленные образцы.

Нормативно-правовая основа по защите товарных знаков зародилась в середине 19 века и возвестила о новом этапе в истории экономической деятельности. Именно в этот период в различных государствах начали формироваться и внедряться законодательные акты, призванные охранять уникальность и идентификацию различного рода изделий. В Российской Империи в 1830 году было утверждено Положение о клеймении изделий русских мануфактур, фабрик и заводов.

В 1891 году статус товарных знаков приобрел международное правовое значение с подписанием Мадридского соглашения, юридически регулирующего их регистрацию на территориях разных стран. К этому соглашению присоединился и СССР в 1976 году, становясь частью сформированного странами участниками Специального союза, задачей которого была унификация разнообразия законов о регистрации товарных знаков.

На современном этапе лишь обозначение «товарный знак» сохраняет свою правовую значимость и признается в юридической сфере, в то время как понятие «торговая марка», хотя и широко распространена, находит применение преимущественно в контексте экономических исследований.

Эти шаги отражают непрерывное стремление к совершенствованию механизмов защиты и управления правами на интеллектуальную собственность в соответствии с мировыми стандартами и требованиями. [9, 177 с.]

В вопросах регулирования правовой охраны товарных знаков, наряду с действующими законодательными актами, ключевую роль играет ряд разъяснений, изданных Роспатентом. Сюда входят информационные письма и объяснения, которые помогают интерпретировать и дополнять законы. Среди них выделяется информационное письмо от 20 мая 2009 года № 3 «Об определении заинтересованности лица, подавшего заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием».

Некоторые Приказы Роспатента придавали практическую значимость нормам законодательства, не вступая в противоречие с ним. Примером такого регулятивного акта является Приказ от 19 августа 2008 года № 94. Этот документ устанавливает временный порядок, касающийся процедур, связанных с прекращением охраны торговых знаков, вошедших во всеобщее употребление наименованиями для товаров определенного рода.

Гражданско-правовые способы охраны прав на товарные знаки и знаки обслуживания

Товарный знак – один из важнейших и эффективных способов продвижения выпускаемых товаров на рынке. С увеличением количества производителей на рынке и развивающейся тенденцией на оформление и использование товарных знаков и знаков обслуживания как идентификаторов продукции конкретных изготовителей и установлением гарантий качества, все больше появлялось недобросовестных производителей, желающих «нажиться за чужой счет». На рынке появлялось все больше фальсифицированной и контрафактной продукции, изготовители которой размещали на ней товарные знаки известных производителей. Таким образом они вводили потребителей в заблуждение, повышая спрос на выпускаемые изделия: дешевые и некачественные подделки выдавали за оригинальную продукцию известных мастеров.

Для того, чтобы взять под контроль появление многочисленных подделок и защитить права и репутацию добросовестных организаций и предприятий, необходимо было введение правовых мер защиты прав на товарные знаки и знаки обслуживания. Меры в этой сфере, осуществляемые в рамках защиты интеллектуального права, подчеркивают важность и актуальность охраны торговых марок, товарных знаков и знаков обслуживания, демонстрируя их значимость на фоне непрерывно развивающегося рынка.

Акцент в политике Правительства Российской Федерации относительно обеспечения неприкосновенности интеллектуальной собственности составляют противодействие фальсификации продукции, борьба с нарушениями, имеющими отношение к результатам интеллектуальной деятельности в сфере производства и продаж научных достижений.

Право на товарный знак или знак обслуживания могут приобретать предприятия, организации, объединения, общественные организации, осуществляющие производственную, торговую деятельность, предоставляющие различного рода услуги, зарегистрированные в качестве юридического лица. Физическое лицо также может стать обладателем исключительного права на товарный знак или знак обслуживания, если оно осуществляет предпринимательскую деятельность по производству и/или продаже товаров и оказанию услуг. Лицо приобретает статус предпринимателя с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Действенная охрана результатов интеллектуальной деятельности становится недостижимой без разработки и внедрения законных процедур, способных препятствовать незаконной торговле контрафактными и фальсифицированными товарами, которые проникают на российский рынок. Такая деятельность устанавливает приоритетность на государственном уровне, поскольку оно прямо воздействует на деятельность отечественных производителей, содействует конкурентоспособности национальных изготовителей, а также оберегает внутренний экономический рынок от контрафактов. В совокупности это стимулирует экономический прогресс страны.

Одним из главнейших направлений защиты права на товарные знаки выступает о прекращении незаконного использования товарного знака и знака обслуживания. Подобное действие нередко направлено на пресечение будущих нарушений, например, в случае если продукция, на которую помещен товарный знак, принадлежащий другому производителю, готовится к выходу на рынок.

В части 1 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации указано понятие контрафактной продукции. Согласно этому положению контрафактными являются товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение.

Таковые действия охватывают исключение из товаров, этикеток и упаковок каких-либо обозначений, создающих путаницу в различии с оригинальными товарными знаками. Кроме того, нарушитель обязуется очистить от подобных маркировок (незаконно использованных знаков обслуживания) все материалы, связанные с исполнением работ и оказанием услуг, что включает в себя документацию и любые рекламные кампании.

1. Данные методы правовой охраны применяются зачастую на безоговорной основе. В ситуациях использования товарного знака на лицензионной основе использование правообладателем мер по обеспечению защиты его исключительных прав обусловлено положениями, указанными в лицензионном договоре. Права обладателя исключительных прав подлежат обеспечению через реализацию процедур и методов, заранее оговоренных в договоре.[11, 269 с.]

В сфере гражданско-правовой защиты исключительных прав на товарные знаки и знаки обслуживания отсутствие вины нарушителя не освобождает его от прекращения действий и устранения последствий, нарушающих права правообладателей. Акцент должен быть сделан на том, что иммунитет к ответственности нарушителя отсутствует, и применение мер по восстановлению законных прав и устранению нарушений обязательно к исполнению и не зависят от наличия или отсутствия в подобных действиях вины.

Также на основании части 4 статьи 1515 Гражданского кодекса правообладатель может по своему усмотрению потребовать от нарушителя либо возмещения убытков, вызванных незаконным использованием товарных знаков или знаков обслуживания, либо выплаты компенсации, размер которой определяется решением суда.

Нарушение прав на товарные знаки и знаки обслуживания.

В современном мире распространение фальшивых и контрафактных изделий набирает обороты, угрожая экономическому благосостоянию Российской Федерации. Анализ показывает, что на рынке от 30% до 50% товаров являются подделками. Эта тенденция подрывает не только финансовую стабильность, но и качество предлагаемой потребителям продукции, вызывая беспокойство среди специалистов в области экономической безопасности.

В контексте защиты интеллектуальной собственности, особое внимание уделяется защите прав на знаки обслуживания от незаконных воздействий. Понятие «нарушение прав на товарные знаки» становится ключевым в данной области. Противоправное использование знаков, отождествляющих определенные товары или услуги с конкретным производителем, порождает насущную необходимость разработки эффективных механизмов правоприменения.

В соответствии с статьей 1229 ч. IV Гражданского кодекса действия, влекущие за собой использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации без получения разрешения правообладателя признаются противозаконными.

Дополнительно в части 2 статьи 1484 Гражданского кодекса представлен перечень вариантов применения зарегистрированных товарных знаков и знаков обслуживания на товарах или при предоставлении услуг. Действия, изложенные в данном перечне применения товарных знаков будет считаться законными лишь при использовании государственно зарегистрированных средств индивидуализации правообладателем или же другим лицом (владельцем) на основании лицензионного договора или другом законном основании.

Часть 3 статьи 1484 Гражданского кодекса предусматривает, что «никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначение в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникает вероятность смешения».

Признаками состава рассматриваемого противоправного деяния выступают:

1. противоправное использование товарного знака на товарах, в отношении которых зарегистрирован товарный знак;
2. схожесть используемых средств индивидуализации;
3. отсутствие разрешения правообладателя.

Если проводить анализ данного правонарушения, то ключевым в данном действии будет выступать его состав, а именно такие элементы состава правонарушения как: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Состав деяния, противоречащего законодательству об охране товарных знаков, не предполагает специальный статус правонарушителя. Иными словами, для совершения такого нарушения не требуется быть лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью. Субъект данного правонарушения общий.

Законодательство выделяет такие формы вины как умысел и неосторожность. Когда средство индивидуализации применяется субъектом, не имеющим на это права, и при этом субъект осознает, что данный товарный знак законно зарегистрирован за другим лицом, признается, что правонарушение совершается умышленно. Чтобы отнести действие к умышленному, необходимо доказать его стремление воспользоваться чужим товарным знаком с целью извлечения выгоды, несмотря на осознание законодательно установленных ограничений. Ситуации, когда субъект без намерения использует товарный знак, принадлежащий другому лицу, признаются неосторожным правонарушением. Это происходит, когда, в случае проявления должного внимания и бдительности, субъект мог бы и должен был осознать принадлежность использования знака другому лицу. Ответственность налагается на нарушителя независимо от того, осуществлял он противоправные деяния осознанно или неосознанно, поскольку обладание необходимыми знаниями или их отсутствие не снимает с нарушителя обязанности уважать права правообладателей в сфере интеллектуальной собственности.

Однако с другой стороны международным законодательством устанавливается некое исключение из данных правил. Лицо, использующее товарный знак, принадлежащий другому лицу, может быть избавлено от ответственности, если оно использовало товарный знак не зная того, что он зарегистрирован за иным хозяйствующим субъектом, и при этом не имело возможности проверить данный факт. Статья 6 bis Парижской конвенции признает подобное действие законным, а использование знака добросовестным. Вопреки этому, правообладателям торговых знаков предоставляется право оспорить право на регистрацию товарного знака или потребовать прекращения использования данного товарного знака. При этом без привлечения данного лица к ответственности и без обязанности возмещения убытков.

Недобросовестные хозяйствующие субъекты, применяя товарные знаки, принадлежащие другим лицам, неправомерно используют сложившуюся репутацию известного производителя. Это приводит к искажению рыночных механизмов, когда поддержка интереса к продукции правонарушителя осуществляется незаслуженно, за счет чужой известности. Такие действия вызывают скрытое смещение потребительских предпочтений в пользу подделок, в ущерб подлинных товаров, что порождает финансовые потери для владельца оригинального товарного знака и ведет к уменьшению спроса на него.

Законодательные нормы, нацеленные на защиту честной конкуренции в рыночной среде, предписывают не только борьбу с недобросовестной конкуренцией, но и воспрепятствование попыткам монополизации рынка путем приобретения исключительного права на средства индивидуализации. Конституционный Суд Российской Федерации установил, что приобретением исключительных прав также признается регистрация средств индивидуализации широко известных со времен советской эпохи, подобные действия трактуются как недопустимое злоупотребление правом. Данное действие имеет потенциал для недобросовестного сужения конкурентной борьбы и, следовательно, таковые деяния рассматриваются как способ использования гражданских прав для препятствования свободной конкуренции. [12, 42 с.]

Изучение темы курсовой работы позволяет сделать выводы и сформировать свое собственное мнение в отношении специфики и особенностей правового положения товарных знаков и знаков обслуживания, а также способов их правовой охраны.

Возникновение потребности дифференциации товаров различных категорий при помощи уникальных знаков датируется еще глубокой древностью. Эволюционировав сквозь года, идентификационные отличия этих знаков преобразовались, пройдя путь от простого доказательства собственности до знака качества мастера и, наконец, до сложного инструмента маркетинга.

Сегодня товарный знак имеет решающее значение в борьбе за предпочтения потребителя, неизменно выступая как весомый аргумент при совершении покупки и обеспечивая гарантию качества продукции и выделяя товар среди сотен похожих. От собственнической метки к влиятельному маркетинговому орудью – этот переход иллюстрирует преобразование роли товарных знаков и их всегда актуальное значение как стимула приобретения и гаранта качества.

Товарный знак – это обозначение, в котором могут использоваться цифры, буквы, знаки, символы, изображения, позволяющее отличить продукцию конкретного производителя от однородной продукции, представленной на рынке. Знаки обслуживания в свою очередь выступают обозначениями, которые отличают предоставленные работы или оказанные услуги от схожих работ или услуг на потребительском рынке.

Товарные знаки и знаки обслуживания, как и в целом средства индивидуализации в современном мире приобрели достаточно большое значение, так как рынок с каждым годом расширяется, компании производители выходят на новые платформы продаж, осваивают новые территории и приобретают иные компании, количество производимой продукции с каждым годом растет.

Права на товарные знаки и знаки обслуживания, закрепленные на законодательном уровне, отражают признание государственными институтами значимости защиты экономических интересов предпринимателей. Такая охрана средств индивидуализации связана с защитой личных прав и свобод, а также значимых аспектов предпринимательской и другой экономической деятельности.

Правоотношения, возникающие в связи с использованием товарных знаков и знаков обслуживания, относятся к сфере гражданских прав, следовательно, инициатива реализации мер защиты принадлежит непосредственно правообладателям, исключая активное вмешательство со стороны государственных структур.

Современная система законодательства, во главе с Гражданским кодексом Российской Федерации предусматривает правовой механизм юридической защиты прав на товарные знаки и знаки обслуживания, которые на законных основаниях зарегистрированы за соответствующими юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Список литературы:

2. Алексеев С.С., Алексеева О.Г., Беляев К.П. Гражданское право: учебник в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М: Статут, 2018
3. Адуев А.Н., Белогорская Е.М. Товарный знак и его правовое значение. / А.Н. Адуев, Е.М. Белгородская – М.: Юрид. лит., 1972. – 72с.
4. Близнац И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: учебник для вузов. / И.А. Близнац, К.Б. Леонтьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Проспект, 2014
5. Васильева С.А., Жукова Г.А. Психология маркетинга: Учебное пособие. – Санкт-Петербург. ИЭО СПбУТУиЭ, 2008. – 206 с.
6. Веркман К. Товарные знаки: создание, психология, восприятие. Пер. с англ. / К. Веркман – М.: «Прогресс». – 1986 г. – 519 с.
7. Ворожевич А.С., Гринь О.С., Корнеев В.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. Т. 4. М.: Статут, 2019. –
8. Григорьев И.Г. становление развития товарного знака. // Молодой ученый. – 2018. - №13 (199). – С. 165-168. – URL: <https://moluch.ru/archive/199/49023/>
9. Дайксель А., Брандмейер К., Глинтерник Э. М. Товарный знак в Европе и в России // Вопросы теории и истории под ред. М.С. Каган // СПб.: Славия. - 2002. – 183
10. Иванов Е. Г. История развития понятия товарного знака и его функций // Юридическая наука. – 2014. - №3. – 177 с.
11. Научно-практический (постатейный) комментарий к части четвертой ГК РФ / Под редакцией Ю.А. Дмитриева, А.А. Молчанова. – «Деловой двор», 2008г.
12. Невская М.А., Сухарев Е.Е., Тарасова Е.Н. Авторское право в издательском бизнесе и СМИ. Практическое пособие. М.: Дашков и Ко, 2008. – 269 с.
13. Права на товарный знак: монография / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожевич, В.В. Голофаев и др.; отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 42 с.

References:

1. Alekseev S.S., Alekseeva O.G., Belyaev K.P. Civil law: textbook in 2 vols. 3rd ed., reprint. and add. M: Statute, 2018 –
2. Aduyev A.N., Belogorskaya E.M. Trademark and its legal significance. / A.N. Aduyev, E.M. Belgorodskaya – M.: Yurid. lit., 1972. – 72s.
3. Gemini I.A., Leontiev K.B. Copyright and related rights: textbook for universities. / I.A. Gemini, K.B. Leontiev. – 2nd ed., reprint. and additional information: Prospect, 2014
4. Vasilyeva S.A., Zhukova G.A. Psychology of marketing: A textbook. – St. Petersburg. IEO SPBUTUie, 2008. – 206 p.
5. Werkman K. Trademarks: creation, psychology, perception. Translated from English / K. Werkman – M.: "Progress". – 1986 – 519 p.
6. Vorozhevich A.S., Grin O.S., Korneev V.A. Intellectual property law: Textbook. Vol. 4. M.: Statute, 2019. –
7. Grigoriev I.G. the formation of trademark development. // A young scientist. – 2018. - №13 (199). – Pp. 165-168. – URL: <https://moluch.ru/archive/199/49023/>
8. Daiksel A., Brandmeyer K., Glinternik E. M. Trademark in Europe and in Russia // Questions of theory and history, edited by M.S. Kagan // St. Petersburg: Slavia. - 2002. – 183
9. Ivanov E. G. The history of the development of the concept of a trademark and its functions // Yuridicheskaya nauka. – 2014. - No.3. – 177 p.
10. Scientific and practical (article-by-article) commentary on Part four of the Civil Code of the Russian Federation / Edited by Yu.A. Dmitriev, A.A. Molchanov. – "Delovoy Dvor", 2008
11. Nevskaya M.A., Sukharev E.E., Tarasova E.N. Copyright in the publishing business and the media. Practical guide. M.: Dashkov and Co., 2008. – 269 p.
12. Trademark rights: monograph / D.V. Afanasyev, A.S. Vorozhevich, V.V. Golofaev, etc.; ed. by L.A. Novoselova. M.: NORM, INFRA-M, 2016. 42 p.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ABOUT SOME PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE CIVIL PROCESS

ХАБИЕВА Заира Докуевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.
E-mail: xabieva.zaira@bk.ru;

KNABIEVA Zaira Dokuevna,

Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure Kadyrov Chechen State University.
364024, Chechen Republic, Grozny, A.D. Sheripova str. 32.
E-mail: xabieva.zaira@bk.ru

Краткая аннотация. Статья рассматривает роль и правовой статус прокурора в гражданском судопроизводстве России, подчеркивая его функции как гаранта законности и общественных интересов. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при определении статуса прокурора, который, по мнению исследователей, находится на пересечении ролей истца и представителя государства. Обсуждаются правовые и процессуальные аспекты, влияющие на участие прокурора в делах, включая его функции в защите неопределённого круга лиц и необходимость стандартизации письменного заключения.

Abstract. The article examines the role and legal status of the prosecutor in civil proceedings in Russia, emphasizing the prosecutor's functions as a guarantor of legality and public interests. Special attention is given to issues arising from defining the prosecutor's status, which, according to researchers, lies at the intersection of the roles of plaintiff and state representative. Legal and procedural aspects influencing the prosecutor's participation in cases are discussed, including functions in protecting an indefinite group of persons and the need to standardize written conclusions.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, прокурор, статус прокурора, защита прав, представительство, судебные стандарты, неопределённый круг лиц.

Keywords: civil proceedings, prosecutor, prosecutor's status, rights protection, representation, judicial standards, indefinite group of persons.

Для цитирования: Хабиева З.Д. О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 161-163. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_161.

For citation: Khabieva Z.D. About some problems of the prosecutor's participation in the civil process // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 161-163. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_161.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

В процессе формирования современного демократического государства, основанного на верховенстве закона, приоритет отдается защите прав и свобод человека. Ключевую роль в этом играет участие прокурора в гражданских делах, что служит гарантией правовой защиты. Однако участие прокурора в гражданском процессе вызывает различные вопросы, главным образом из-за ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК), которая определяет его права и обязанности по сравнению с истцом. Уточнение статуса прокурора имеет важное теоретическое и практическое значение, помогая определить его роль и обязанности в гражданском судопроизводстве [1, с. 136].

С одной стороны, прокурора можно рассматривать как фактически выступающего в роли истца, поскольку гражданские дела традиционно носят состязательный характер и требуют присутствия истца и ответчика. Сторонники этого мнения утверждают, что поскольку прокурор инициирует дело, он принимает на себя роль истца, неся ответственность за предоставление доказательств и подачу ходатайств на равных условиях с защитой [2, с. 344]. В противоположность этому, М. А. Вукотич утверждает, что прокурора нельзя приравнивать к истцу, так как у него отсутствует личный интерес в споре, который обязателен для сторон в гражданских делах. В отличие от истцов, прокуроры не вовлечены в правовой конфликт и не имеют прямых прав на кону; их роль заключается исключительно в обеспечении законности и справедливости исхода [1, с. 134]. Это различие подчеркивает необходимость создания особой правовой базы для определения позиции прокурора в гражданском праве.

Выводы А. А. Ференса-Сороцкого не подтверждаются напрямую Гражданским процессуальным кодексом РФ. Статья 38 ГПК устанавливает, что лицо, интересы которого представляются в суде другим лицом, выступает как истец. Некоторые исследователи считают, что прокурор выполняет роль «процессуального истца», реализуя некоторые права истца, такие как подача или изменение исков, хотя он не имеет личного интереса в исходе дела [3, с. 103].

М. С. Шакарян утверждает, что, выступая как процессуальный истец, прокурор выполняет функцию доказывания фактов в деле, не сталкиваясь с прямыми юридическими последствиями. Г. Л. Осокина добавляет, что если иск подается для защиты прав другого лица, это роль процессуального истца, тогда как лица, защищающие свои собственные интересы, являются «материальными истцами». В. Н. Щеглов поддерживает эту точку зрения, видя в прокуроре активную сторону, защищающую права и законные интересы [3, с.104].

Однако эти интерпретации остаются спорными. В ГПК РФ отсутствует понятие «процессуальный истец», что делает эту концепцию сугубо теоретической. Ференс-Сороцкий считает, что истец по своей природе является процессуальным субъектом и не может существовать вне этих отношений, так как концепция не применяется к материальным правоотношениям, где фигурируют стороны, такие как работодатель или арендатор.

Кроме того, в отличие от истцов, прокуроры не несут судебных расходов, не могут заключать мировые соглашения, быть объектом встречного иска и действуют только от имени государства. Статья 45 ч. 2 ГПК подтверждает, что если прокурор отказывается от дела, поданного в защиту другого лица, дело может продолжиться, если это лицо также не откажется от иска. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор действует исключительно от имени государства, обеспечивая законность и справедливость, а не преследуя личные интересы. Подобные разграничения существуют и в западных правовых системах, где прокурор не рассматривается как процессуальная сторона.

В немецкой и швейцарской правовой мысли концепция «процессуального истца» может выходить за рамки традиционной модели кредитор-должник. Например, в соответствии с § 265 Гражданского процессуального уложения Германии (1877 г.), при уступке требования первоначальный кредитор остается процессуальной стороной, если другая сторона не соглашается на уступку, даже если у него нет личного интереса. Такая роль «процессуального истца», известная как *Prozeßführungsbefugnis* или *Prozeßstandschaft*, позволяет одному лицу действовать в интересах прав другого [4, с. 243].

В российских гражданских делах, однако, бенефициар обычно не является стороной в деле, а выступает лишь в роли свидетеля, и полномочия процессуального истца передаются ему. Значение этой концепции в немецком праве было неверно истолковано в России, что затрудняет определение прокурора как «процессуального истца» в соответствии со ст. 34 ГПК, которая отличает прокурора от других сторон.

Третья точка зрения рассматривает прокурора как представителя государства, действующего исключительно в общественных интересах [5, с. 17]. И. Г. Рябова указывает, что роль прокурора в гражданских делах - защищать интересы государства, а не частные претензии [6, с. 145], а Гуреева добавляет, что эта роль отражает обязанность прокурора по надзору за соблюдением законности. Действия прокурора в гражданском суде представляют всю прокуратуру, однако, согласно статье 51 ГПК, прокуроры формально представляют не государство, а интересы органа прокуратуры. Таким образом, согласно действующему законодательству, статус прокурора ограничивается представительством интересов прокуратуры, а не государства.

Возникают практические вопросы, когда прокурора определяют как представителя: как обозначать в иске как самого прокурора, так и представляемое им лицо? Какие документы подтверждают его полномочия? Такие неясности усложняют концепцию представительства. Термин «представитель государства» также вызывает вопросы, так как может применяться к любому чиновнику и не отражает уникальную процессуальную роль прокурора.

А. Л. Иванов и А. А. Власов предлагают альтернативный взгляд: признавая роль прокурора в защите интересов государства в гражданских делах, они не считают необходимым вводить дополнительные термины для обозначения его статуса [7, с. 85]. Власов предлагает использовать просто «прокурор», что лучше передает его сложные обязанности как представителя государства и квази-истца [8, с. 222]. Иванов соглашается, отмечая, что функции прокурора сочетают элементы обеих ролей, поскольку он осуществляет некоторые права истца для защиты общественных интересов (Иванов, 2009). Эти взгляды подчеркивают неопределенность статуса прокурора, связанную с пробелами и несоответствиями в законодательстве. Для ясности можно было бы внести изменения в закон, формально определяющие обязанности прокурора без дополнительных терминов, акцентируя их роль в защите общественных и государственных интересов.

Еще одной сложной темой является полномочие прокурора представлять «неопределенный круг лиц» согласно ст. 45 ГПК. Это понятие остается нераскрытым, и ученые предлагают различные трактовки. Н. С. Батаева определяет его как большую, неограниченную группу потенциальных истцов, пострадавших от действий одного ответчика, что включает как текущие, так и будущие нарушения [9, с. 32]. И. В. Решетникова и В. В. Ярков предлагают количественный критерий, предполагая, что группа должна включать не менее сорока граждан, хотя это число кажется произвольным и без четкого обоснования [10, с. 88].

В обзоре судебной практики 2004 г. Верховный суд России описал «неопределенный круг лиц» как тех, кого нельзя индивидуализировать, привлечь в процесс в качестве истцов или указать в решении. Однако эта трактовка может быть неточной; согласно ГПК, истцы добровольно участвуют в процессе и не могут быть привлечены судом, в отличие от ответчиков или третьих лиц без самостоятельных требований [11, с. 11]. Определение Верховного суда не привело к единообразию судебной практики, и суды продолжают интерпретировать это понятие по-разному, что приводит к неоднозначным решениям. По закону, прокуроры могут подавать иски от имени граждан только в случае, если они сами не могут это сделать по причине здоровья, возраста, недееспособности или других существенных причин. Эти критерии недостаточно четко определены. Например, «состояние здоровья» остается неясным, что вызывает вопросы, относится ли это к ограничивающему заболеванию или любому состоянию, которое может ухудшиться во время процесса. В одном из обзоров судебной практики Рязанский областной суд ограничил представительство прокурором по состоянию здоровья лишь серьезными хроническими заболеваниями, такими как инвалидность I группы или тяжелая зависимость [12]. О. Фирсова утверждает, что прокуроры должны представлять не только лиц с документально подтвержденными заболеваниями, но и тех, чье здоровье может ухудшиться под воздействием стресса от самостоятельного обращения в суд, включая беременных женщин и лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями [13, с. 10].

Суды по-разному оценивают инвалидность как основание для представительства, и некоторые не считают ее автоматически обоснованной причиной, что, кажется, противоречит Федеральному закону № 181-ФЗ.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» определяет инвалидность как нарушение здоровья, вызывающее стойкие ограничения функций организма и требующее социальной защиты. Поскольку Конституция РФ определяет Россию как социальное государство, инвалидность должна быть включена в ГПК как основание для участия прокурора. Кроме того, Министерству здравоохранения следует разработать рекомендации по состояниям, препятствующим гражданам защищать свои права, а также критерии и требования к документации.

Статья 45 ГПК указывает возраст как основание для участия прокурора, хотя конкретные возрастные категории не обозначены. С. Ф. Афанасьев и В. Ф. Борисова считают, что это положение, вероятно, относится к пожилым гражданам, так как Гражданский кодекс уже определяет несовершеннолетних (до восемнадцати лет) как лиц, не обладающих полной дееспособностью. Проблемы возникают, когда суды отказывают в участии прокурора в делах несовершеннолетних, полагая, что их интересы могут защищать законные представители. Однако такой подход игнорирует тот факт, что прокурор действует исключительно в интересах ребенка, а не вместо его опекуна.

Также обсуждается включение пожилых граждан в эту категорию. О. Фирсова поддерживает это, предполагая, что физические и пси-

хологические возрастные изменения могут помешать эффективной самозащите. Другие основания для участия прокурора включают такие случаи, как стихийные бедствия, наличие иждивенцев, неграмотность или невозможность получить необходимые документы, однако эти критерии остаются расплывчатыми и трудными для применения.

Оценочные формулировки в ст. 45 ГПК усложняют роль прокурора, оставляя термины «возраст» и «состояние здоровья» неопределенными, что затрудняет определение правомочности. Более четкие критерии и дополнительные основания для вмешательства могли бы стандартизировать эту роль. Отсутствие стандартных требований к форме заключения прокурора в гражданских делах также создает несогласованность. Прокуроры обычно высказывают заключение устно, но некоторые предлагают добавить письменную форму в ГПК, что позволило бы включить подробное обоснование и официальную документацию в материалы дела.

С. Г. Бывальцева и С. В. Тетюев утверждают, что письменное заключение предпочтительнее, так как оно повышает ответственность прокурора и укрепляет авторитет судебной власти. Письменная форма требует тщательной подготовки, что обеспечивает изучение материалов дела, учет различных точек зрения и формирование четкой позиции [14, с. 100]. В сложных делах письменное заключение помогает избежать упущения важных деталей и минимизирует риск неполной или неточной записи секретарем суда. Они также рекомендуют перенять опыт Казахстана, где заключение прокурора оформляется письменно и приобщается к делу.

С другой стороны, О. Н. Исаенкова и А. Н. Григорьев выступают против обязательного письменного заключения, полагая, что протоколы достаточно полно фиксируют заявления, а новые доказательства, представленные в суде, могут сделать заранее подготовленное заключение устаревшим. Ю. Н. Извекова добавляет, что требование пересмотра заключения в письменной форме может задерживать процесс, поэтому предпочтительнее устное изложение с записью в протокол.

Вопрос о стандартизации структуры и содержания заключения также актуален. Бывальцева предлагает добавить в ГПК специальную статью, описывающую формат заключения, предлагая сделать его ясным, полным и обоснованным, включая требования заявителя, установленные факты, подтверждающие доказательства, правовые нормы, выводы и распределение расходов. Разделение заключения на вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части с надлежащим оформлением может улучшить его точность и эффективность.

Форма и содержание заключения прокурора остаются неопределенными в российском законодательстве, что сказывается на эффективности работы прокуроров и целостности судебной системы. Опыт других стран, таких как Казахстан, может стать полезным ориентиром. В приказе Генерального прокурора Казахстана № 21 от 2016 г. содержатся требования к заключению прокурора, включая название дела, стороны, детали иска, оценку доказательств, применимые законы и выводы прокурора. К материалам дела приобщаются только мотивировочная и резолютивная части, подписанные руководителем прокуратуры, что обеспечивает качество и согласованность. Установление аналогичных стандартов, даже через ведомственные регламенты, повысило бы роль прокуроров в гражданских делах, улучшило бы подготовку к суду и сделало их аргументы более убедительными.

Список литературы:

1. Вихут М.А. Правовое положение прокурора, предъявившего иск в интересах другого лица // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. 2024. № 10. С. 134–137.
2. Чечот Д. М. Участники гражданского процесса // Избранные труды по гражданскому процессу / сост. А. А. Ференс-Сороцкий, Е. Ю. Новиков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та. 2022. 614 с.
3. Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2021. С. 103–104.
4. Walder-Richli H. U. Zivilprozessrecht nach Gesetzen des Bundes und Kantons Zürich unter Berücksichtigung anderer Zivilprozessordnungen. Zürich: Schulthess Verlag AG, 2022. 594 p.
5. Гуреева О.А. Проблемы определения правового статуса прокурора в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 8. С. 16–19.
6. Рябова И. Г. Проблемы определения процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 144–146.
7. Иванов А. Л. Прокурор как лицо, участвующее в деле в российском гражданском судопроизводстве: проблемы определения правового статуса // Вестник Московского университета - тета МВД России. 2009. № 4. С. 84–87.
8. Власов А. А. Гражданский процесс. М.: Эксмо, 2006. 463 с.
9. Батаева Н. С. Судебная защита прав и интересов неопределенного круга лиц: автореф. дис канд. юрид. наук. М.: Москов. гос. юрид. акад., 1999. 32 с.
10. Решетникова И. В., Ярков В. В. Защита прав неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. С. 73–104.
11. Эрделевский А. М. О неопределенном круге лиц в гражданском процессе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2014. № 1. С. 10–14.
12. Слугин А. А. Обзор судебной практики Рязанского областного суда от 06.12.2016 г. по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/> (дата обращения: 11.11.2019).
13. Фирсова О. А. Состояние здоровья как обоснование предъявления иска прокурором // Законность. 2007а. № 2. С. 9–11.
14. Ергашев Е. Р. О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 95–102.

References:

1. Vikut M.A. The legal position of a prosecutor who sued in the interests of another person // Questions of theory and practice of prosecutorial supervision. 2024. No. 10. p. 134-137.
2. Chechot D. M. Participants in civil procedure // Selected works on civil procedure / comp. A. A. Ferens-Sorotsky, E. Yu. Novikov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. state University, 2022. 614 p.
3. Shcheglov V. N. Subjects of the judicial civil process. Tomsk: Tomsk Publishing House. Unita, 2021. pp. 103-104.
4. Walder-Richli H. U. Zivilprozessrecht nach Gesetzen des Bundes und Kantons Zürich unter Berücksichtigung anderer Zivilprozessordnungen. Zürich: Schulthess Verlag AG, 2022. 594 p.
5. Gureeva O. A. Problems of determining the legal status of a prosecutor in civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2020. No. 8. pp. 16-19.
6. Ryabova I. G. Problems of determining the procedural position of a prosecutor in civil proceedings // Actual problems of law: materials IV International Scientific Conference (Moscow, November 2015). Moscow: Buki-Vedi, 2015. pp. 144-146.
7. Ivanov A. L. Prosecutor as a person involved in the case in Russian civil proceedings: problems of determining the legal status // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. pp. 84-87.
8. Vlasov A. A. Civil procedure. M.: Eksmo, 2006. 463 p.
9. Bataeva N. S. Judicial protection of the rights and interests of an indefinite circle of persons: abstract. dis cand. Jurid. M.: Moscow State Law. akad., 1999. 32 p.
10. Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. Protection of the rights of an indefinite circle of persons in civil proceedings // Judicial reform: problems of civil jurisdiction. Yekaterinburg: Publishing House of Humanities. unita, 1996. pp. 73-104.
11. Erdelevskiy A.M. On an indefinite circle of persons in civil proceedings // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2014. No.1. p.10-14
12. Slugin A. A. Review of judicial practice of the Rязan Regional Court dated 06.12.2016 in cases related to the prosecutor's appeals to the court of general jurisdiction in accordance with Article 45 of the CPC of the Russian Federation // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/> (date of request: 11.11.2019).
13. Firsova O. A. State of health as a justification for filing a claim by the prosecutor // Legality. 2007a. No. 2. pp. 9-11.
14. Ergashev E. R. On the problems of legal regulation and application of legal means of the prosecutor involved in the consideration of civil cases by the courts // Russian Law Journal. 2017. No. 3. pp. 95-102.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_164

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НОРМ РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА С ДРУГИМИ ПРАВОВЫМИ СИСТЕМАМИ COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE NORMS OF THE RUSSIAN INHERITANCE LAW WITH OTHER LEGAL SYSTEMS

ЕРМАКОВ Андрей Вячеславович,

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС).
ул. Миклухо-Маклая, 55А, г. Москва, 117279, Россия.
E-mail: aspirant8381@mail.ru;

МАКСИМОВА София Юрьевна,

магистр, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС).
ул. Миклухо-Маклая, 55А, г. Москва, 117279, Россия.
E-mail: aspirant8381@mail.ru;

ЕРМАКОВ Andrey Vyacheslavovich,

Candidate of Law, Head of the Department of Civil and Business Law,
The Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS).
Miklukho-Maklaya str., 55A, Moscow, 117279, Russia.
E-mail: aspirant8381@mail.ru;

MAXIMOVA Sofia Yuryevna,

Master's degree, Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS).
Miklukho-Maklaya str., 55A, Moscow, 117279, Russia.
E-mail: aspirant8381@mail.ru

Публикация выполнена в рамках НИР 13-ГЗ.

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы связанные с вопросами наследственного права, законодательства в области наследования в таких странах, как Испания, ФРГ, Франция и Венгрия.

Abstract: The article discusses issues related to the issues of inheritance law, legislation in the field of inheritance in countries such as Spain, Germany, France and Hungary.

Ключевые слова: наследственное право, законодательство, правила наследования, нормы, правила, порядок, закон, завещание, правовая система.

Keywords: inheritance law, legislation, rules of inheritance, norms, rules, procedure, law, will, legal system.

Для цитирования: Ермаков А.В., Максимова С.Ю. Сравнительно-правовое исследование норм российского наследственного права с другими правовыми системами // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 164-166. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_164.

For citation: Ermakov A.V., Maximova S.Yu. Comparative legal study of the norms of Russian inheritance law with other legal systems // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 164-166. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_164.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Наследственное право играет важную роль в общей системе правовых норм, регулирующих собственность граждан. Оно является неотъемлемой частью законосообразного урегулирования отношений, связанных с передачей имущества от одного поколения к другому.

Современная общественно-экономическая система стремится к совершенствованию распределительных отношений и установлению четких правил наследования. Возможность передать свое имущество близким родственникам и получить наследство от них создает чувство стабильности и уверенности в общественных отношениях. Наследование является важным механизмом передачи общественных ценностей и материальных ресурсов от предыдущего поколения к следующему. Оно обеспечивает сохранение семейных и кровных связей, продолжение рода, сохранение семейной традиции и культурных ценностей.

Наследственное право также служит средством защиты интересов наследников, обеспечивая им право на получение имущества, обязательства по оплате наследственного налога и способы решения споров, связанных с наследством.¹

Таким образом, наследственное право имеет большое значение для общества и индивида, поскольку оно способствует стабильности и уверенности в современных общественных отношениях и обеспечивает сохранение семейных и культурных ценностей. Изменения в третьей части Гражданского кодекса РФ, касающиеся завещательного распоряжения денежными средствами в банках, стали причиной возникновения проблем для граждан. Ранее, по ГК РСФСР, оформление такого распоряжения было проще и не требовало нотариального заверения. Кроме того, деньги не входили в состав наследственного имущества и не подвергались правилам наследования. Однако новые правила, которые предписывают нотариальное заверение завещательного распоряжения, стали для граждан неудобными и сложными. Передача денежных средств наследникам стала требовать излишних формальностей, что вызвало недовольство среди населения. Нововведения в законодательстве оказали негативное влияние на процесс передачи наследства денежного характера, усложнив его и создав проблему в правовом поле. Поэтому необходимо обратить внимание на эту проблему и провести дальнейшие изменения в законодательстве, чтобы облегчить гражданам процесс

¹Дмитриев М.А. К вопросу о наследовании в российском гражданском праве / М.А. Дмитриев // Юрист. - 2012. - № 8. - С. 22 - 25.

оформления завещательных распоряжений в отношении денежных средств.¹ Однако введение общего порядка наследования денежных вкладов может привести к изменению этой ситуации. В таком случае, отказополучатель не будет зависеть от воли наследника и будет иметь право на получение доли наследства, несмотря на любые завещательные распоряжения.

Введение общего порядка наследования денежных вкладов может быть положительным шагом в современной общественно-экономической среде. Это может способствовать снижению возможных споров и конфликтов между наследниками, так как отказополучатели будут иметь законные права на получение своей доли.

Несмотря на это, следует учитывать, что введение общего порядка наследования может ограничить свободу завещания. Завещательные распоряжения о денежных средствах будут иметь меньшую значимость и могут быть проигнорированы в результате наследования согласно общему порядку.

Таким образом, введение общего порядка наследования денежных вкладов имеет свои преимущества и недостатки. Это может способствовать установлению справедливости и предотвращению конфликтов, однако может ограничить свободу завещания и уменьшить значимость завещательных распоряжений. Каждое государство должно решать этот вопрос исходя из своих ценностей и потребностей общества. Завещательный отказ может быть подписан от руки завещателя или нотариусом, что делает его более юридически значимым. Кроме того, завещательный отказ может быть оспорен в случае недостижения его целью. Также текст подчеркивает, что завещательный отказ не может быть одновременно указан в паре с обязательством наследника передать другому лицу право пользования жилым помещением. Нарушение требований, установленных Гражданским кодексом в отношении составления завещания, может привести к его недействительности. Отсюда следует, что важно внимательно ознакомиться с действующим законодательством и правильно составить завещание, чтобы избежать возможных проблем и споров наследников. Завещательный отказ - важное правовое средство, предусмотренное законодательством. Согласно этому правилу, при передаче права собственности на наследственное имущество другому лицу по завещательному отказу, право пользования данным имуществом сохраняет свою силу. Это означает, что получатель сможет использовать наследственное имущество, однако не станет его полным и бесспорным владельцем.²

Завещательный отказ является распространенной практикой в таких странах, как Испания, ФРГ, Франция и Венгрия. В их гражданском законодательстве предусматриваются и другие виды завещательных распоряжений, такие как договор о наследовании и дарении на случай смерти, а также договор, регулирующий ожидаемое наследство.

Такие разнообразные виды завещательных распоряжений позволяют гражданам зарубежных стран широко использовать наследственное право и налагать определенные ограничения на передачу имущества. Это стимулирует развитие экономики и бизнеса, а также обеспечивает стабильность в сфере наследственных отношений.³

Таким образом, завещательный отказ и другие виды завещательных распоряжений играют важную роль в гражданском законодательстве различных стран. Они обеспечивают гибкость и защиту интересов граждан, а также способствуют развитию наследственного права.

Договор о наследовании является особой формой передачи наследства, в которой наследодатель обязуется назначить определенное лицо своим наследником взамен за определенные услуги или платежи. Этот договор может быть заключен наследодателем с самим наследником или третьей стороной. Однако договор о наследовании может быть сделан только в отношении части наследства, которая не была учтена в завещании.

Венгерское законодательство предоставляет право на заключение договора о наследовании исключительно потомкам наследодателя. Это означает, что лица, не являющиеся родственниками наследодателя, не имеют права заключать такой договор.

Завещательное возложение, в отличие от завещательного отказа, предполагает, что наследник должен выполнить определенные действия во благо общества. Это может быть, например, благотворительное пожертвование или создание фонда. Таким образом, завещательное возложение позволяет наследодателю продолжать свою благотворительную или общественную деятельность и после своей смерти.⁴

Таким образом, договор о наследовании и завещательное возложение представляют собой способы передачи наследства, которые дают наследодателю возможность определить своих наследников и влиять на распределение своего имущества в соответствии со своими пожеланиями и целями. Однако с развитием общества и усилением роли частной собственности, необходимо было привести наследственное право в соответствие с новыми реалиями. Введение нового раздела в Гражданский кодекс и является ответом на эту потребность.

Согласно положениям закона, наследство может иметь как материальное, так и нематериальное значение. Это значит, что наследник может получить не только имущество, но и иные права, которые были у завещателя. Также стоит отметить, что наследство может быть возложено на одного или нескольких наследников. Это значит, что наследство может быть поделено между несколькими наследниками или же передано одному из них.

Отдельное внимание необходимо уделить ответственности наследников по уходу за домашними животными завещателя. Наследникам может быть поручено заботиться о животных, что является важным аспектом социальной ответственности.

Кроме того, положения о завещательном отказе (легата) отражает изменения в социально-экономической ситуации в обществе. Этот

¹ Гатин А.М. Захарова Н.А. Гражданское право: учебное пособие. – М.: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013, 430с.

² Козлова Н. В., Панкратов П. А. У истоков российской цивилистики. - М: Норма, 2010. – 132с.

³ Волкова Н.А. Наследственное право / Н.А. Волковой, М.В. Максютин. 3-е издание, перераб. и доп. - М.: Юнити: Закон и право. 2008. - 72 с.

⁴ Зайцева Т.И. Нотариальная практика: ответы на вопросы / Т.И. Зайцева. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 192с.

институт является важным механизмом распределения имущества и может быть использован для благотворительных целей или передачи имущества определенным лицам.¹

Ранее наследственное право не было основной отраслью законодательства и имело ограничения на наследование. Однако с развитием экономики и общества, стало ясно, что изменения необходимы. Содержание раздела о наследственном праве в Гражданском кодексе Российской Федерации позволяет современному наследственному праву быть более современным и эффективным в соответствии с изменяющимися социально-экономическими реалиями. Люди часто не интересуются наследственными правоотношениями и не планируют свое наследство. Однако, когда у них появляется имущество значительной стоимости, они начинают задумываться о том, как будет распределено их наследие.²

Кроме того, с изменением экономической ситуации граждане стали активнее приобретать недвижимость и землю. Они стали более заинтересованы в сохранении и увеличении стоимости своего имущества.

Советский период ограничивал возможности накопления имущества из-за экономических и законодательных ограничений. Однако, в настоящее время существующий Гражданский кодекс предоставляет ясные и конкретные нормы относительно исполнения завещаний. Люди могут волею установить, как будет распределено их имущество после смерти.

Таким образом, интерес к наследственным правоотношениям возникает лишь при наличии наследуемого имущества значительной экономической ценности. Но важно иметь в виду, что планирование наследства и последующее исполнение завещания имеют большое значение для сохранения и передачи имущества по воле наследодателя. Кодекс ввел различные изменения в сферу завещательного права. Закон предоставляет возможность завещателю поручить исполнение своего завещания гражданину - душеприказчику. Однако, важно отметить, что душеприказчик должен дать свое согласие на это. Согласие душеприказчика может быть выражено различными способами: в его собственноручной надписи на завещании, в приложенном к нему заявлении или в заявлении, которое должно быть подано нотариусу в течение месяца со дня открытия наследства.

Одной из важных деталей является также то, что исполнитель завещания имеет право требовать вознаграждения за свои услуги. Конечно, при этом должны быть учтены необходимые расходы на исполнение завещания. Если это предусмотрено в самом завещании, то исполнитель может требовать вознаграждение за счет наследства. Практика - душеприказчиков уже давно существует во многих развитых странах.

Список литературы:

1. Дмитриев М.А. К вопросу о наследовании в российском гражданском праве / М.А. Дмитриев // Юрист. - 2012. - № 8. - С. 22 - 25.
2. Гатин А.М. Захарова Н.А. Гражданское право: учебное пособие. - М.: Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013, 430с.
3. Козлова Н. В., Панкратов П. А. У истоков российской цивилистики. - М: Норма, 2010. – 132с.
4. Волкова Н.А. Наследственное право / Н.А. Волковой, М.В. Максютин. 3-е издание, перераб. И доп. - М.: Юнити: Закон и право. 2008. - 72 с.
5. Зайцева Т.И. Нотариальная практика: ответы на вопросы / Т.И. Зайцева. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 192с.
6. Козлова Н. В., Панкратов П. А. У истоков российской цивилистики. - М: Норма, 2010. – 132с.
7. Шилохвост О.Ю. Наследование по закону в Российском гражданском праве О.Ю. Шилохвост. - М.: Проспект, 2006. - 116 с.

References:

1. Dimitriev M.A. On the issue of inheritance in Russian civil law / M.A. Dmitriev // Lawyer. - 2012. - No. 8. - pp. 22-25.
2. Gatin A.M. Zakharova N.A. Civil law: a textbook. - M.: Corporation "Dipol", AI Air Media, 2013, 430с.
3. Kozlova N. V., Pankratov P. A. At the origins of Russian civil law. - M: Norm, 2010. – 132s.
4. Volkova N.A. Inheritance law / N.A. Volkova, M.V. Maksyutina. 3rd edition, pre-rab. And additional - M.: Unity: Law and Law. 2008. - 72 p.
5. Zaitseva T.I. Notary practice: answers to questions / T.I. Zaitseva. - M.: Volters Kluver, 2008. - 192s.
6. Kozlova N. V., Pankratov P. A. At the origins of Russian civil law. - M: Norm, 2010. – 132s.
7. Shilokhvost O.Y. Inheritance by law in Russian civil law O.Y. Shilokhvost. - M.: Prospect, 2006. - 116 p.

¹ Козлова Н. В., Панкратов П. А. У истоков российской цивилистики. - М: Норма, 2010. – 132с.

² Шилохвост О.Ю. Наследование по закону в Российском гражданском праве О.Ю. Шилохвост. - М.: Проспект, 2006. - 116 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ПО ДОВЕРЕННОСТИ Some features of receiving government services by proxy

МОРИН Александр Владимирович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», кандидат юридических наук, доцент.
ул. Муксинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

MORIN Alexander Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу письменного уполномочия, выдаваемого одним лицом другому лицу для представительства перед Социальным фондом России. Автор обращает внимание на особенности предоставления доверенности и некоторые сложности ее проверки.

Abstract: The article is devoted to the analysis of a written authorization issued by one person to another person for representation before the Social Fund of Russia. The author draws attention to the features of providing a power of attorney and some difficulties in checking it.

Ключевые слова: представительство, доверенность, машиночитаемая доверенность, Социальной фонд России, государственные услуги по доверенности.

Key words: representation, power of attorney, machine-readable power of attorney, Social Fund of Russia, government services by proxy.

Для цитирования: Морин А.В. Некоторые особенности предоставления государственных услуг по доверенности // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 167-169. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_167.

For citation: Morin A.V. Some features of receiving government services by proxy // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 167-169. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_167.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2024

Доверенностью, согласно действующему гражданскому законодательству, признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами¹. С точки зрения науки гражданского права ее в некотором смысле можно даже назвать разновидностью фидуциарной сделки, основанной на доверии. В этой связи нам она представляется в качестве определенного инструмента, позволяющего передать определенному лицу (представителю) некий круг полномочий, в том числе, например, полномочия представлять доверителя при обращении в Социальной фонд России за получением услуги по выплате правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуальных лицевых счетов (порядок получения соответствующей услуги утвержден постановлением Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 59п (далее - административный регламент))².

В главе 10 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель регламентировал и определенные требования, которым должен соответствовать указанный нами выше документ. К ним, например, отнесены требования касающиеся содержания и удостоверения доверенности (в определенных случаях), а также требования, касающиеся передоверия. В этой связи хотелось бы обратить внимание на ряд значимых аспектов, имеющих существенное значение при обращении поверенного в Социальной фонд России за получением различных услуг.

Прежде всего, на примере вышеуказанного нами административного регламента отметим, что к документам (один из документов по выбору заявителя), подтверждающим полномочия поверенного относятся: – доверенность, подтверждающая право действовать от имени доверителя; – документ, удостоверяющий полномочия представителя организации; – доверенность, оформленная в соответствии со статьей 59 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате³. К указанным документам предъявляются и определенные требования. Так, при подаче соответствующего документа в территориальный орган фонда необходим его оригинал; при подаче с использованием услуг почтовой связи следует предоставить нотариально заверенную копию, а в случае использования Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) соответствующий документ должен быть заверен усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса в соответствии с требованиями к формату изготовленного нотариусом электронного документа⁴.

Обратим внимание на тот факт, что доверенности, в соответствии с гражданским законодательством могут быть составлены в простой письменной форме или быть нотариально удостоверенными (законом предусмотрена и возможность использования доверенностей, приравненных к нотариально удостоверенным). В этой связи возникает закономерный вопрос: каким образом работники социального фонда России осуществляют проверку указанных доверенностей на их действительность?

В случае нотариально оформленных доверенностей, на наш взгляд особых проблем не возникает, поскольку на портале geestr-dover.ru

¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, текст с изменениями и дополнениями от 13 марта 2024 г. – Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).

² Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по выплате правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуальных лицевых счетов : постановление Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 59п – Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).

³ Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, текст с изменениями и дополнениями от 24 июля 2023 г. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 11.10.2024).

⁴ Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по выплате правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуальных лицевых счетов : постановление Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 59п – Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).

Федеральной нотариальной палатой любой желающий, а не только работник государственного органа, может проверить, действительна ли нотариальная доверенность и выдавалась ли она вообще. Что же касается органов предоставляющих государственные и муниципальные услуги, а также выполняющих государственные и муниципальные функции, то они, в случае предъявления нотариально удостоверенного документа могут проверить как его подлинность, так и содержание¹.

С проверкой же доверенностей приравненных к нотариально удостоверенным, возникают определенные проблемы. В первую очередь они связаны с проверкой полномочий и компетенций лиц их удостоверивших в соответствии с ч. 2 ст. 185.1 Гражданского кодекса РФ.

Законодатель к ним отнес:

- начальников госпиталей, санаториев и других военно-лечебных учреждений, в которых доверитель находится на излечении, его заместителей по медицинской части, а при их отсутствии старших или дежурных врачей;
- командиров (начальников) частей, соединений, учреждений или заведений; где нет нотариальных контор и других органов, совершающих нотариальные действия для заверения доверенности военнослужащих и работников, а также членов их семей;
- начальников соответствующих мест лишения свободы (для лиц, находящихся в местах лишения свободы);
- руководителей (заместителей) стационарных организациях социального обслуживания для заверения доверенностей совершеннолетних дееспособных граждан там проживающих.

В этом случае, как нам представляется, проверка должна осуществляться непосредственно по месту выдачи такой доверенности. То есть сотруднику (в нашем случае – Социального фонда России) необходимо в рамках межведомственного взаимодействия обратиться с официальным запросом в соответствующее место лишения свободы, воинскую часть, стационарную организацию социального обслуживания. Подобное обращение может быть адресовано и в соответствующее лечебное учреждение, поскольку доверенность на получение заработной платы и иных платежей, связанных с трудовыми отношениями, на получение вознаграждения авторов и изобретателей, пенсий, пособий и стипендий или на получение корреспонденции, за исключением ценной корреспонденции, может быть удостоверена организацией, в которой доверитель работает или учится, и администрацией стационарного лечебного учреждения, в котором он находится на излечении (ч. 3 ст. 185.1 Гражданского кодекса РФ)².

Проверка же доверенностей не требующих обязательного нотариального заверения сводится к изучению всех необходимых к указанию реквизитов для каждого индивидуально конкретного случая. К общим из них отнесены: наименование документа, дата и место выдачи, данные доверителя, данные доверенного лица, срок действия доверенности, полномочия, которые предоставляет доверенность доверенному лицу, возможность передоверия функций, данные доверителя.

В качестве частного случая, в целях обеспечения полного обмена документами с Социальным фондом России доверенность, выдаваемая от имени юридического лица (индивидуального предпринимателя) должна предусматривать такие полномочия как: – подписание и представление сведений для индивидуального (персонифицированного) учета и сведений о страховых взносах, иной отчетности; – осуществление запроса (подача заявления) на проведение сверки расчетов с Социальным фондом России; – получение документации, адресованной доверителю – компании (либо индивидуальному предпринимателю), включая и справку о состоянии расчетов с Социальным фондом России; – внесение изменений в отчетность; – подача заявления на различные выплаты, перерасчеты; – совершение иных действий по представлению интересов компании (индивидуального предпринимателя) в Социальном фондом России.

Обратим также внимание на то, что с 2022 г. в Российской Федерации инициирован процесс внедрения в деятельность государственных органов машиночитаемой доверенности. Она представляет собой доверенность на право подписи электронных документов и одновременно является цифровым аналогом бумажной доверенности. (с первого сентября 2023 г. использование машиночитаемой доверенности стало обязательным)³.

В заключение следует отметить, что институт доверенности в жизнедеятельности, как государства, так и граждан сегодня играет одну из значимых ролей. С одной стороны доверенность рассматривается современным обществом как действенный механизм защиты доверителя во взаимоотношениях поверенного с третьими лицами. С другой же – как способ обеспечения поддержки населения в процессе предоставления государством ему различного вида услуг.

Список литературы:

1. Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по выплате правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуальных лицевых счетов : постановление Правления Пенсионного фонда РФ от 19 апреля 2022 г. № 59п - Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).
2. *Россиянам открыли доступ к базе данных по нотариальным доверенностям / официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/46826/>*
3. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, текст с изменениями и дополнениями от 13 марта 2024 г. – Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).

References:

1. Administrative regulations for the provision by the Pension Fund of the Russian Federation of state services for the payment of pension savings funds recorded in the special part of individual personal accounts to the legal successors of deceased insured persons : Resolution of the Board of the Pension Fund of the Russian Federation dated April 19, 2022 No. 59p – Text : electronic // ConsultantPlus system : [website]. – URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 10/20/2024).
2. Russians have been given access to the database on notarial powers of attorney / official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation : [website]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/46826/>
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ, text with amendments and additions dated March 13, 2024 – Text : electronic // ConsultantPlus system : [website]. – URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 10/20/2024).

¹ *Россиянам открыли доступ к базе данных по нотариальным доверенностям / официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/46826/>*

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, текст с изменениями и дополнениями от 13 марта 2024 г. – Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 536-ФЗ. – Текст : электронный // Система КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2024).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ РОССИИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МОЛОДЕЖНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ Legal regulation of the Russian information environment in the field of combating youth extremism

ЕДРЕЕВ Тамерлан Шайх-Магомедович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, д. 32.
E-mail: edreevtam@mail.ru;

Edreev Tamerlan Shajkh-Magomedovich,

senior lecturer of the department of civil law and process of Chechen State University named after. A.A. Kadyrov.
364907, Chechen Republic, Grozny, st. Sheripova, 32.
E-mail: edreevtam@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования информационной среды в контексте борьбы с молодежным экстремизмом. Анализируется содержание Доктрины информационной безопасности, основные направления государственной политики в области обеспечения информационной безопасности подрастающего поколения. В статье отдельно изучаются причины молодежного экстремизма, влияние социальных сетей на сознание пользователей, способы и методы деструктивного воздействия. На основе анализа действующего законодательства автор предлагает возможные направления дальнейшего развития отечественного права в целях обеспечения баланса соблюдения информационных прав личности и вопросов защиты личности, общества и государства в информационной среде.

Abstract: The article examines the problematic aspects of the legal regulation of the information environment in the context of the fight against youth extremism. The content of the Information Security Doctrine, the main directions of state policy in the field of ensuring information security of the younger generation are analyzed. The article separately studies the causes of youth extremism, the influence of social networks on the consciousness of users, methods and methods of destructive influence. Based on an analysis of current legislation, the author suggests possible directions for the further development of domestic law in order to ensure a balance of compliance with individual information rights and issues of protecting the individual, society and the state in the information environment.

Ключевые слова: информационная безопасность, экстремизм, молодежь, Интернет, социальная сеть, идеология.

Keywords: information security, extremism, youth, Internet, social network, ideology.

Для цитирования: Едреев Т.Ш.-М. Правовое регулирование информационной среды России в сфере борьбы с молодежным экстремизмом // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 169-171. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_169.

For citation: Edreev T.S.-M. Legal regulation of the Russian information environment in the field of combating youth extremism // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 169-171. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_169.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Информация на протяжении всей человеческой истории выступала в качестве важного и ценного ресурса. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в 20 веке и их скачкообразное развитие в настоящее время обеспечили человечество практически неограниченными возможностями по обмену и накоплению информации, существенному сокращению времени ее распространения и фактическому исчезновению каких-либо географических препятствий для коммуникации. Основным инструментом, обеспечившим столь взрывной рост обмена информацией в глобальном масштабе, стала сеть Интернет, охватившая практически весь земной шар.

При этом, наряду со множеством безусловно положительных преимуществ, Интернет, как и многие другие изобретения и достижения человеческой цивилизации, стал удобным средством совершения правонарушений различного рода. Речь идет как о преступной деятельности отдельных физических лиц, так и преступных организаций, в том числе международных, использующих потенциал Интернета для беспрепятственного и трансграничного доступа к информационным системам органов и служб государственной власти, юридических и физических лиц. Помимо этого, Интернет стал дополнительной площадкой противостояния между государствами как посредством кибератак на информационные системы противника, так и путем более изощренной и сложной деятельности в виде информационной войны, направленной на воздействие на сознание населения.

Доктрина информационной безопасности России от 2016 года [1] указывает, что одной из информационных угроз, с которыми сталкивается Россия, является деятельность специальных служб иностранных государств, осуществляющих информационно-психологическое воздействие на граждан России с целью внутренней дестабилизации. Также в указанном документе обозначается, что другой серьезной информационной угрозой является деятельность террористических и экстремистских организаций, которая направлена не только на краткосрочные акции по дестабилизации обстановки (например, ложные звонки о заложенных бомбах), но и длительную работу по распространению террористической либо экстремистской идеологии среди российских граждан, созданию террористических или экстремистских ячеек на территории страны в целях последующего использования.

В Доктрине отдельно подчеркивается, что подобное информационное воздействие особое внимание обращает на молодежь, которая в силу ряда причин, в первую очередь социальной незрелости и недостаточного личного опыта, более подвержена внешнему воздействию.

Общественная активность молодежи очень велика, чем зачастую и пользуются различные лица, привлекающие молодых людей к

гражданской и иной активности [2].

Современная молодежная политика в России характеризуется комплексностью и многоступенчатостью, стремлением к широкому охвату молодежной аудитории и адаптацией имеющегося комплекса мер к региональной специфике. Эффективная реализация той или иной молодежной программы невозможна без адаптации ее содержания к особенностям региона, в котором планируется ее реализация, так как российские субъекты отличаются в силу множества факторов, в числе которых можно отметить соотношение городского и сельского населения, культурно-исторические особенности, религиозные взгляды, уровень социально-экономического развития и т.д.

В статье 4 ФЗ от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» закреплено, что одной из целей молодежной политики является формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям.

Общезвестно, что особое влияние на рост экстремистских настроений оказывает социально-экономическое положение семей, наличие возможностей получения образования и дальнейшего трудоустройства. Прочие факторы, которые были указаны ранее, во взаимосвязи с социально-экономическим положением выступают в качестве дополнительных факторов, придавая центральной проблеме материального неблагополучия атрибуты иных проблем для девиантного поведения представителей молодежи.

Безусловно, формирование системы нравственных и смысловых ориентиров невозможно в отрыве от реалий жизни, в которых находится молодой человек, поскольку отсутствие возможностей для самореализации приводит к критическому отношению к декларируемым государством и обществом идеалам, которые могут не находить своего отражения в реальности. Существенное влияние материального положения на рост экстремистских настроений среди молодежи можно проследить на примере многих исторических периодов, которые отмечались стремительным изменением поведения граждан в условиях резкого и глубокого слома привычных общественных отношений и социально-экономического статуса.

В то же время, безусловно, социально-экономические сложности, хотя и объясняют в большинстве случаев возникновение экстремистских взглядов, не могут выступать в качестве оправдания. В этой связи государство должно особое внимание обращать на информационную сферу, которая оказывает влияние на правосознание молодых лиц, формируя их отношение к тем или иным вопросам.

Нужно отметить, что проблема формирования правосознания не только среди молодежи как отдельной социально-демографической группы, но и всего населения страны является достаточно сложной и разнообразной. Действительно, возникновение того или иного типа правосознания невозможно в краткосрочный период времени, более того, даже смена нескольких поколений в условиях существования неизменного политического режима не является гарантией закрепления требуемого типа правосознания. Указанная позиция особенно актуальна, когда речь идет о молодом поколении, которое всегда отличается стремлением к протестному поведению и бунтарству, выражению новых взглядов и критике существующих порядков, а также стремлением изменить окружающие реалии в соответствии со своими представлениями. Конфликт поколений в этом плане не является чем-то новым, высказывания о нем сохранились даже в исторических записках, датированных периодами до нашей эры. В то же время такая характерная особенность поведения молодых людей располагает их в зоне риска влияния экстремистских идей, вовлечения в группы и движения, в которых молодые люди зачастую становятся ведомыми лицами, с помощью которых заинтересованные и остающиеся в тени лица реализуют собственные интересы. В этом плане представления об идеалах (общественная справедливость, власть народа, соблюдение требований морали или религии, честное государство) становятся удобными инструментами, с помощью которых осуществляется манипулирование поведением молодежи, ее радикализация и использование для удовлетворения целей внешних или внутренних акторов.

В рассматриваемом контексте особенно острой проблема распространения экстремизма среди молодежи стала в связи с проведением Специальной военной операции на территории Украины, так как на население России оказывается планомерное и масштабное воздействие с целью внутренней дестабилизации обстановки и создания новых очагов напряжения. Говоря об этой деятельности, отдельного внимания заслуживает ситуация в сети Интернет, так как посредством социальных сетей, во-первых, распространяется вредная и опасная информация, во-вторых, с российскими пользователями вступают во взаимодействие лица, преследующие преступные цели, в том числе и для психологического воздействия и развития экстремистских настроений.

Одним из ответов государства на увеличивающееся число правонарушений, совершаемых подростками по поручению неизвестных лиц в сети Интернет, стало ужесточение действующего уголовного законодательства по ряду статей УК РФ и снижение возраста уголовной ответственности [3]. Вместе с тем, надо признать, что данная мера, не является достаточной в контексте борьбы с экстремизмом, поскольку речь идет не только о совершении правонарушения, но и об изменении морально-ценностных ориентиров подростков, что имеет негативный и долгосрочный эффект для общества и государства.

Наибольшую эффективность может оказать сочетание методов препятствования распространению террористических материалов (включая блокировку и удаление сайтов) и профилактических мероприятий [4, С. 24].

Как отмечалось ранее, вопросы правового регулирования информационной сферы в контексте противостояния росту молодежного экстремизма имеют особое значение, поскольку именно Интернет и массовые медиа выступают в качестве основных средств распространения экстремистских настроений.

Реформирование ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в том числе внесение изменений в августе 2024 года, ознаменовало усиление внимания со стороны государства к проблемам распространения информации

в сети Интернет. Создание и ведение Роскомнадзором в соответствии со статьей 10.6 № 149-ФЗ реестра блогеров, имеющих более 10 тысяч подписчиков, становится, во-первых, удобным инструментом контроля и надзора со стороны уполномоченных органов, во-вторых, может способствовать повышению ответственного поведения со стороны Интернет-ресурсов, являющихся площадками для блогеров, включенных в указанный реестр.

Нужно подчеркнуть, что данная мера была продиктована веяниями современного времени, так как законодательство о регулировании средств массовой информации является не достаточным в вопросах распространения массовой информации. Как неоднократно отмечалось, СМИ среди молодежи как источник получения информации не являются основными, большее популярностью пользуются, например, телеграмм-каналы или блоги в социальных сетях, аудитория которых зачастую многократно превышает аудиторию официальных СМИ.

Подводя итог, отметим, что дальнейшее развитие законодательства в информационной сфере не должно идти по пути жестких ограничений и запретов.

Тотальный запрет доступа несовершеннолетних к Интернету, социальным сетям не является панацеей, поскольку «запретный плод» всегда сладок [5, С. 505].

Доступ и распространение информации должны быть свободными с учетом соблюдения российского законодательства, при этом правила работы в отечественной информационной сфере должны быть понятными и простыми. Политика чрезмерных запретов и ограничений может негативным образом повлиять на отношение молодежи к политике государства в сфере информационной безопасности и, что особенно опасно, ограничение доступа к другим источникам может подорвать доверие к, например, официальным источникам информации.

Список литературы:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации - Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646;
2. Калинина С. Б. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации // Наука. Общество. Оборона. 2018. №2 (15). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiemetodyverbovkimolodezhivterroristicheskioorganizatsii> (дата обращения: 30.10.2024).
3. Едрев, Т. Ш. М. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений посредством сети Интернет // Информационные технологии обеспечения комплексной безопасности в цифровом обществе: Сборник материалов VI Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 19–20 мая 2023 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 214-216
4. Ахьядов, Э. С. М. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 22-25. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-3-22-25.
5. Габазов, Т. С. Информационная безопасность детей и подростков // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: Сборник материалов конференции, Грозный, 22 февраля 2023 года. Том 2023. – Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2023. – С. 503-506

References:

1. Doctrine of information security of the Russian Federation - Approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646;
2. Kalinina S. B. Psychological methods of recruiting youth into terrorist organizations // Science. Society. Defense. 2018. No. 2 (15). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiemetodyverbovkimolodezhivterroristicheskioorganizatsii> (date of access: 10/30/2024).
3. Edreev, T. Sh. M. Involvement of minors in committing crimes via the Internet // Information technologies for ensuring comprehensive security in a digital society: Collection of materials of the VI All-Russian youth scientific and practical conference with international participation, Ufa, May 19–20, 2023. – Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2023. – P. 214-216
4. Akhyadov, E. S. M. Prevention of extremism and terrorist behavior of youth in the Internet space // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3. – P. 22-25. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-3-22-25.
5. Gabazov, T. S. Information security of children and adolescents // Annual final scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers: Collection of conference materials, Grozny, February 22, 2023. Volume 2023. – Grozny: Chechen State University named after Akhmat Abdulkhamidovich Kadyrov, 2023. – P. 503-506

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_172

УДК 34

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КАВКАЗСКОЙ СЕМЬИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Legal aspects of the Caucasian family in national republics: traditions and modernity

ГАБАЗОВ Тимур Султанович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, д. 32.
E: mail: gts.82@mail.ru;

Научный руководитель:

САФРОНОВА Елена Викторовна,

доктор юридических наук, профессор,
руководитель Центра трансграничных правовых исследований НИУ «БелГУ».
308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Победы, 85.
E: mail: gts.82@mail.ru;

Gabazov Timur Sultanovich,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
FSBEI HE «Chechen State University named after. A.A. Kadyrov».
364907, Chechen Republic, Grozny, st. Sheripova, 32.
E: mail: gts.82@mail.ru;

Scientific supervisor:

Safronova Elena Viktorovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Center for Cross-Border Legal Research,
National Research University "BelSU".
85 Pobedy str., Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.
E: mail: gts.82@mail.ru

Краткая аннотация. Семья является основополагающим институтом в жизни любого общества, и в кавказских культурах она играет особенно важную роль. Статья исследует уникальные особенности семейных отношений на Кавказе, сочетая как традиционные обычаи, так и современные правовые нормы. В работе рассматриваются исторические корни кавказских семейных структур, их влияние на социальные и правовые аспекты жизни, а также изменения, происходящие в условиях глобализации и урбанизации. В данной статье мы рассмотрим ключевые элементы, формирующие правовую природу кавказской семьи, а также проанализируем взаимодействие традиций и современности в контексте правового регулирования семейных отношений. Автор анализирует, как традиционные ценности, такие как патриархальность, роль женщины и институт брака, пересекаются с современными правовыми нормами и требованиями. Особое внимание уделено правовым вызовам, связанным с защитой прав членов семьи, а также механизмам их реализации в контексте местного законодательства. Статья подчеркивает важность учета культурных особенностей при разработке правовых норм и политики, направленных на поддержку семейных отношений в регионе. Приведены маркеры, которые, скорее всего, являются основой будущей трансформации традиционной кавказской семьи. Однако мы не оцениваем их. Это сделают будущие поколения.

Abstract. The family is a fundamental institution in the life of any society, and in Caucasian cultures it plays a particularly important role. The article explores the unique features of family relationships in the Caucasus, combining both traditional customs and modern legal norms. The work examines the historical roots of Caucasian family structures, their impact on social and legal aspects of life, as well as changes occurring in the context of globalization and urbanization. In this article we will consider the key elements that form the legal nature of the Caucasian family, and also analyze the interaction of traditions and modernity in the context of the legal regulation of family relations. The author analyzes how traditional values, such as patriarchy, the role of women and the institution of marriage, intersect with modern legal norms and requirements. Particular attention is paid to legal challenges related to the protection of the rights of family members, as well as mechanisms for their implementation in the context of local legislation. The article highlights the importance of taking cultural considerations into account when developing legal norms and policies aimed at supporting family relationships in the region. Markers are given that are most likely the basis for the future transformation of the traditional Caucasian family. However, we do not rate them. Future generations will do this.

Ключевые слова: патриархальная структура, брак, правовой статус семьи, традиции, заключение брака, развод.

Keywords: patriarchal structure, marriage, legal status of the family, traditions, marriage customs, divorce.

Для цитирования: Габазов Т.С., Сафронова Е.В. Правовые аспекты кавказской семьи в национальных республиках: традиции и современность // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_172.

For citation: Gabazov T.S., Safronova E.V. Legal aspects of the Caucasian family in national republics: traditions and modernity // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_172.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Многонациональный характер России обусловил формирование широкого и богатого исторического пласта взаимодействия законодательства и обычаев народов России в вопросах регулирования семейно-брачных отношений. Ещё в период существования Российской империи государство учитывало национальные особенности народов в вопросах правового регулирования, что находило отражение в законодательстве, в том числе в семейном праве. Такая практика гарантировала эффективный симбиоз правовых норм, сочетающих государственное регулирование, правовые обычаи и религиозные верования народов России.

Институт семьи всегда был активным предметом исследований различных научных школ, семья рассматривалась с разных ракурсов и точек зрения, предпринималось множество методов ее изучения с помощью таких наук как социология, история и конечно же право. Однако мы

постараемся рассмотреть этот вопрос отходя от общего к частному, взяв за основу лишь отдельный регион России - Северный Кавказ с его многонациональным составом.

Кавказские народы обладают богатым культурным наследием, в котором семья занимает центральное и даже сакральное место. Традиционные семейные отношения основаны на уважении, взаимопомощи и поддержке. Важным аспектом является патриархальность, где только старший мужчина в семье в подавляющем большинстве принимает ключевые решения. Эти традиции влияют на правовые нормы, регулирующие семейные отношения.

Патриархальные структуры в кавказских семьях определяют не только внутренние отношения, но и социальный статус каждого члена семьи. Мужчина часто выступает в роли добытчика и защитника, в то время как женщина отвечает за ведение домашнего хозяйства, быт и воспитание детей. Это разделение ролей может оказывать влияние на правовые аспекты, такие как расторжение брака, распределение имущества и права на опеку над детьми.

На Северном Кавказе старшее поколение по-прежнему играет важную роль в принятии решений о браке, разводе и воспитании детей. Уважение к родителям и старшим членам семьи считается священным. В некоторых случаях молодые люди могут столкнуться с конфликтами между своими желаниями и ожиданиями родителей, что создает дополнительные правовые и моральные дилеммы. Однако подобные ситуации крайне редки в семьях с ярко выраженным патриархальной основой, где воля отца – домовладыки - является беспрекословной.

В современных правовых системах республик Северного Кавказа существует необходимость интеграции традиционных норм с современным законодательством. В большинстве случаев законы о семье основываются на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации и Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ), однако местные обычаи могут влиять на вопросы брака, развода и опеки над детьми.

При этом появляются новые адаты, возникающие на уровне отдельного субъекта, которые не противоречат нормам действующего законодательства. На это указывает в своих научных исследованиях Х.В. Идрисов [3]. Например, на территории Чеченской Республики, благодаря активной пропаганде со стороны руководства республики и мусульманского духовенства, в настоящее время обязательное медицинское обследование вступающих в брак на наличие ВИЧ-инфекции носит императивный характер, что полностью соответствует положениям статьи 15 СК РФ [7].

А.М. Цалиев считает, что нормы обычного права даже сейчас активно восполняют пробелы в действующем законодательстве [8, с. 47].

С учетом исторического опыта можно предположить, что включение отдельных норм и принципов мусульманского права и адата в российскую правовую систему - вполне вероятная перспектива развития законодательства ряда республик в составе Российской Федерации, в частности на Северном Кавказе [6].

Брак. Брак в кавказских обществах рассматривается как не только личное дело, но и социальный контракт между двумя семьями. Заключение брака часто сопровождается традиционными обрядами, которые могут иметь юридическую силу. Например, в некоторых культурах существуют обряды выкупа невесты, которые формируют обязательства для обеих сторон.

Традиционные обряды заключения брака могут включать различные ритуалы, такие как сватовство, празднование помолвки и свадебные торжества. Эти мероприятия не только укрепляют связи между семьями, но и служат основой для правовых обязательств [5, с. 195-198]. Например, в случае расторжения брака могут возникнуть споры о том, какие обязательства были выполнены во время заключения брака.

Одной из ключевых тенденций является влияние исламских заповедей на процесс бракосочетания у многих народов Северного Кавказа. Ислам играет важную роль в формировании семейных ценностей и традиций, а также определяет правила заключения брака. В современном кавказском обществе можно наблюдать возрастающее влияние исламских норм на выбор партнера для вступления в брак (у молодых возникает самостоятельность в решении этого вопроса), брачные процедуры и семейные обязанности, что опять создает определенные коллизии между обычным правом и религиозными началами, ставя под сомнение авторитет патриархальной семьи.

Социальное признание брака, его легитимность зависит от заключения брака в форме никаха (мусульманского обряда бракосочетания). В свою очередь, обращение в ЗАГС для заключения официального брака не считается чем-то обязательным и зависит от других обстоятельств (например, участие в различных видах социальных программ) [2, с. 197]. Есть семьи, в которых муж и жена никогда не ставят заветные штампы в паспорта, но это никого не смущает. Ведь главным свидетелем создания новой семьи является Всевышний и само общество [1, с. 437]. Не забываем и о многоженстве, которое разрешено в исламе и широко распространено в республиках Северного Кавказа, не встречая никакого осуждения со стороны местного общества.

В отдельных республиках мусульманское духовенство стало проводить регистрацию браков, заключенных по религиозным обычаям, выдавая «духовное» свидетельство о его регистрации с указанием всех необходимых данных о супругах и свидетелях этого действия (например, Чеченская Республика).

И как правильно заметил ученый-исследователь Т.Ш.-М. Едреев в этом проявляется двойственное правосознание в исследуемом регионе [2]. Здесь происходит смешивание божественного закона с человеческим законом [4].

Развод. Процедура развода может варьироваться в зависимости от местных обычаев. В некоторых случаях развод может быть оформлен через органы ЗАГСа, а в других — через традиционные механизмы разрешения конфликтов. Например, в некоторых кавказских обществах развод может быть осуществлён через вмешательство старших членов семьи или общины.

И действительно, брак не может быть расторгнут через правовые институты государства, если он не был официально оформлен через них.

Развод в кавказских культурах часто воспринимается как социальный позор для обеих сторон, что может затруднить процесс его оформления. Женщины могут сталкиваться с дополнительными трудностями в поиске нового супруга после развода из-за предвзятости общества.

В некоторых регионах Северного Кавказа, исповедующих ислам, при повторном браке установлен меньший размер махра (добрачного подарка женщине).

Вследствие развода возникают трудности с определением места жительства и порядка общения с детьми.

Следует отметить, что современные женщины стали более независимыми, поскольку благодаря государству (образование, работа, пенсия) отпала зависимость от мужчины-добытчика. В настоящее время женщина может материально обеспечить себя и своего ребенка, но, к сожалению, стали забывать, что ребенку необходимо соответствующее воспитание со стороны мужчины.

Опека и алименты. Вопросы опеки над детьми также могут регулироваться как современным законодательством, так и обычаями. Традиционно дети остаются с матерью, поскольку у детей часто возникает сильная эмоциональная связь с матерью, что способствует их чувству безопасности и стабильности. При этом отец должен иметь возможность работать, чтобы полностью обеспечить своего ребенка всем необходимым, он не может и не должен делать своего ребенка финансовым бременем для бывшей жены.

Однако в некоторых случаях отцы могут требовать опеку в соответствии с местными законами. Ребенок создает определенные трудности матери, когда она хочет создать новую семью. В кавказских семьях не принято, чтобы женщина при вступлении в новую семью приводила своих детей от первого брака. В силу своей патриархальной природы, зачастую противоречащей шариату, отцы забирают детей у матерей, а в некоторых случаях даже запрещают и препятствуют их общению.

Важно отметить, что право на получение алиментов также может зависеть от культурных норм. До недавнего времени в традиционных обществах Северного Кавказа было довольно странно слышать об алиментах, однако в последнее время они стали активно встречаться в судебной практике регионов, что еще раз подтверждает о разложении родовых (клановых) связей. Процесс эмансипации, начатый еще в советский период, обеспечил женщин определенной автономией и независимостью, что дает им возможность в какой-то степени игнорировать мнение семьи в отдельных вопросах.

Правовые механизмы защиты прав детей. Современное законодательство предоставляет различные механизмы защиты прав детей в случае развода родителей. Однако применение этих механизмов может сталкиваться с трудностями из-за традиционных представлений о роли мужчин и женщин в семье.

Как отмечалось ранее, для многих жителей республик Северного Кавказа характерна двойственность правосознания, при которой в вопросах регулирования брачно-семейных отношений каждая отдельная семья может отдавать предпочтение как требованиям религии и обычаев, так и правилам, прописанным в официальном законодательстве. Нужно подчеркнуть, что подобный подход, например, при разводе, с одной стороны, может обеспечить стороны возможностью бесконфликтного урегулирования большей части проблемных аспектов развода, но, с другой стороны, может выступить в серьезное противоречие с требованием законодательства, особенно когда речь идет о детях. Патриархальный уклад многих семей требует оставления детей с отцом, в то время как такое решение может противоречить интересам несовершеннолетних.

С глобализацией и изменением социальных норм кавказские семьи сталкиваются с новыми вызовами. Увеличение миграции, изменение ролей мужчин и женщин в обществе, а также доступ к образованию влияют на традиционные семейные структуры. Это создает необходимость пересмотра правовых норм для обеспечения защиты прав всех членов семьи.

В результате миграции многие молодые люди Северного Кавказа покидают свои родные места в поисках работы и лучшей жизни. К сожалению, наблюдается сильная миграция за границу (в основном в страны Западной Европы). Это может нарушить традиционные семейные связи и создать новые правовые вопросы, такие как распределение имущества и опека над детьми.

Изменения в социально-экономическом положении женщин приводят к тому, что они все чаще становятся главными добытчиками в семье. Это может изменить динамику власти внутри семьи и повлиять на правовые нормы, касающиеся раздела имущества и алиментов.

Увеличение доступа к образованию для женщин способствует изменению их роли в обществе. Образованные женщины становятся более независимыми и могут оспаривать традиционные нормы, что также влияет на правовые аспекты семейных отношений.

О меняющемся характере кавказской семьи в национальных республиках свидетельствует возрастающее число судебных дел, связанных с бракоразводным процессом. Указанная тенденция позволяет утверждать, что, несмотря на сильные позиции религиозных норм и адатов, многие участники бракоразводного процесса остаются неудовлетворенными решениями традиционных институтов разрешения конфликтов, в связи с чем отдают предпочтение государству в лице уполномоченных органов. Такое правовое поведение граждан во многом обусловлено тем, что исполнение решения суда может быть обеспечено государственным механизмом принуждения в лице Федеральной службы судебных приставов, в то время как исполнение решения, основанного на религиозных нормах, полностью зависит от воли и усмотрения сторон. Соответственно, при обстоятельствах, когда стороны в принципе недоговороспособны, единственной инстанцией, которая в состоянии поставить итоговую точку в споре, является суд.

Следует согласиться с мнением Д.Ю. Шапсугова о том, что правовая система обеспечения мира на Северном Кавказе должна формироваться на всех уровнях общественной организации и отражаться в восстановлении роли обычного права, поскольку его игнорирование означает отрицание преемственного развития правового мира на Северном Кавказе [9, с. 585].

Изучение брака с социокультурной точки зрения помогает построить сложную и динамичную картину семьи и представлений о семейных отношениях. Сегодня приходится констатировать, что через интенсификацию переходных процессов кавказская семья осознает «двойные»

характеристики переходного процесса, которые влияют на ее роль и место ее присутствия в социокультурной реальности.

Таким образом, современная северокавказская семья сочетает в себе традиционные и современные социокультурные аспекты, адаптируясь к новым условиям жизни в современном обществе. Семья сохраняет свою важность и играет первостепенную роль в сохранении национальной культуры и самобытности [1, с. 438].

Наряду с этим, знание особенностей обычного права изучаемых народов способствует лучшему пониманию их социума, его современного состояния и тенденций дальнейшего развития. Консервативность и приверженность традициям, свойственная народам Северного Кавказа, в контексте исследования его обычного права, дает возможность понимания причин и иных особенностей, которые отличают его от других субъектов России. И, безусловно, при должном понимании и грамотном применении этих знаний, качество государственного управления, эффективность законодательного регулирования могут выйти на более высокий уровень. Адат до сих пор продолжает играть немаловажную роль в среде традиционных обществ Кавказа.

Правовые аспекты кавказской семьи представляют собой сложное взаимодействие традиций и современных норм. Понимание этого взаимодействия важно для разработки эффективной правовой политики, которая будет учитывать культурные особенности и обеспечивать защиту прав всех членов семьи. Важно продолжать исследовать и адаптировать правовые рамки, чтобы они соответствовали меняющемуся обществу и его нуждам.

Понимание особенностей обычного семейного права отдельных народов позволит федеральному центру в полной мере использовать опыт, связанный с укреплением семьи, брака, защиты интересов несовершеннолетних, а также учитывать национальные особенности при проведении правовых реформ, в целях укрепления единства многонационального народа Российской Федерации и формированию единой российской нации.

Из всего вышесказанного видно, что могут пустить корни только эффективные нормы обычного права, которые можно и нужно трансформировать в национальное законодательство, учитывающее благосостояние граждан и социальное равенство.

Закрепление норм обычного права на уровне законодательных положений государства приближает их к тождеству таких понятий, как законность и справедливость:

во-первых, эти правила созданы самими людьми, они действительно работают и в большинстве своем принимаются ими, во-вторых, они будут санкционированы государством, то есть узаконены и защищены уже существующие в народе правила.

Список литературы:

1. Габазов, Т. С. Современные особенности и тенденции в институте заключения брака у чеченского народа / Т. С. Габазов, А. Б. Сулейманова // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: Сборник материалов конференции, Грозный, 02 марта 2024 года. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2024. – С. 435-439. – DOI 10.36684/119-1-2024-435-439.
2. Едреев, Т. Ш. М. Правовой плюрализм чеченцев: отдельные примеры / Т. Ш. М. Едреев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции., Москва, 17 мая 2023 года. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Печатный цех, 2023. – С. 196-199.
3. Идрисов Х.В. Соотношение норм шариата и норм адатного права у вайнахов: традиционные аспекты и религиозные императивы // Государство и право. – 2024. – № 1. – С. 159-168. – DOI 10.31857/S1026945224010158.
4. Идрисов Х. В. Сравнительный анализ мировоззренческих принципов мусульманской правовой системы с западноевропейской правовой мыслью и правом // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2023. – № 2(50). – С. 115-125. – DOI 10.36684/chesu-2023-50-2-115-125.
5. Осмаев М.К. Чеченцы: обычаи, традиции, обряды (историкокультурные аспекты проблемы). Монография. – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2016. – 176 с.
6. Рассказов Л.П., Рассказов В.Л. «Роль шариата и адата в правовом регулировании общественных отношений на Северном Кавказе в дореволюционный, советский и постсоветский периоды» // Философия права, № 5 (66), 2014, С. 73-77.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ// URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2024 г).
8. Цалиев А. М. Основы традиционной правовой культуры народов Кавказа (на примере правовой культуры осетин) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 40–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-40-49>.
9. Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.

References:

1. Gabazov, T. S. Modern features and trends in the institution of marriage among the Chechen people / T. S. Gabazov, A. B. Suleymanova // Annual final scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers: Collection of conference materials. Grozny, March 02, 2024. – Grozny: Chechen State University named after. A.A. Kadyrova, 2024. – P. 435-439. – DOI 10.36684/119-1-2024-435-439.
2. Edreev, T. Sh. M. Legal pluralism of Chechens: selected examples / T. Sh. M. Edreev // Current problems of society, economics and law in the context of global challenges: collection of materials of the XX International Scientific and Practical Conference., Moscow, May 17, 2023. Volume Part 1. – St. Petersburg: Printing shop, 2023. – P. 196-199.
3. Idrisov H.V. The relationship between the norms of Sharia and the norms of adat law among the Vainakhs: traditional aspects and religious imperatives // State and Law. – 2024. – No. 1. – P. 159-168. – DOI 10.31857/S1026945224010158.
4. Idrisov H. V. Comparative analysis of the ideological principles of the Muslim legal system with Western European legal thought and law // Bulletin of the Chechen State University. A.A. Kadyrov. – 2023. – No. 2(50). – pp. 115-125. – DOI 10.36684/chesu-2023-50-2-115-125.
5. Osmaev M.K. Chechens: customs, traditions, rituals (historical and cultural aspects of the problem). Monograph. – Grozny: publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chechen State University", 2016. – 176 p.
6. Rasskazov L.P., Rasskazov V.L. "The role of Sharia and adat in the legal regulation of social relations in the North Caucasus in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods" // Philosophy of Law, no. 5 (66), 2014, pp. 73-77.
7. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // URL: <https://cloud.consultant.ru> (access date: October 10, 2024).
8. Tsaliev A. M. Fundamentals of the traditional legal culture of the peoples of the Caucasus (on the example of the legal culture of the Ossetians) // North Caucasian Legal Bulletin. 2022. No. 2. P. 40–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-40-49>.
9. Shapsugov D. Yu. Problems of the theory and history of power, law and state. M.: Lawyer, 2003. 685 p.

ОХРАНА ТРУДА КАК ИНСТИТУТ ТРУДОВОГО ПРАВА LABOR PROTECTION AS AN INSTITUTION OF LABOR LAW

КУЗНЕЦОВА Инна Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Владимирский филиал РАНХиГС,
600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: kuzina33@mail.ru;

МАТВЕЕВА Тамара Павловна,

старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: matveeva33@mail.ru;

Kuznetsova Inna Anatolievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation.
59a Gorky Street, Vladimir, 600017, Russia.
E-mail: kuzina33@mail.ru;

Matveeva Tamara Pavlovna,

senior lecturer of the department of private law disciplines of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: matveeva33@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию правового института охраны труда в Российской Федерации. Проведен юридический анализ проблематики рассматриваемой темы, поставлена и выполнена цель исследования. Целью исследования является внесение предложений по улучшению законодательства Российской Федерации. При проведении исследования использовались методы анализа, синтеза, формально-юридический метод, метод абстрагирования и сравнительный метод. Авторами проанализированы дискуссионные мнения исследователей по вопросу нормативно-правового определения понятия охраны труда, которое должно основываться на определенных исходных идеях и постулатах, определяющих ее сущность и обуславливающих основные направления, т. е. ключевых принципах охраны труда. В частности, предложены корректировки в статье 209 Основные понятия ТК РФ (определение охраны труда), и в статье 209.1 ТК РФ Основные принципы обеспечения безопасности труда, которые могут быть использованы как определение охраны труда в целом, так охраны труда осужденных.

Abstract: The article is devoted to the study of the legal institute of labor protection in the Russian Federation. A legal analysis of the problems of the topic under consideration has been carried out, the purpose of the study has been set and fulfilled. The purpose of the study is to make proposals to improve the legislation of the Russian Federation. The research used methods of analysis, synthesis, formal legal method, method of abstraction and comparative method. The author analyzes the controversial opinions of researchers on the issue of the normative legal definition of the concept of labor protection, which should be based on certain initial ideas and postulates that define its essence and determine the main directions, i.e. the key principles of labor protection. In particular, adjustments are proposed in Article 209 of the Basic Concepts of the Labor Code of the Russian Federation (definition of labor protection), and in Article 209.1 of the Labor Code of the Russian Federation The Basic principles of labor safety, which can be used as a definition of labor protection in general, and labor protection of convicts.

Ключевые слова: трудовое право, трудовой кодекс, охрана труда, принципы охраны труда, охрана труда осужденных, внесение предложений по совершенствованию трудового законодательства Российской Федерации.

Keywords: labor law, labor Code, labor protection, principles of labor protection, labor protection of convicts, making proposals to improve the labor legislation of the Russian Federation.

Для цитирования: Кузнецова И.А., Матвеева Т.П. Охрана труда как институт трудового права // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 176-178. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_176.

For citation: Kuznetsova I.A., Matveeva T.P. Labor protection as an institution of labor law // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 176-178. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_176.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

В современном обществе институт охраны труда стал неотъемлемой частью трудового права, в связи с чем признается одним из важнейших направлений государственной политики. Его актуальность возрастает в связи с всесторонним развитием производственной сферы, формированием новых видов деятельности, на которых могут быть заняты граждане для осуществления трудовой деятельности. При этом, по мере увеличения разнообразия трудовой деятельности возрастает количество рисков, связанных с ее осуществлением. Такие риски могут заключаться в вероятности производственного травматизма, получения профессиональных заболеваний, а также несчастных случаев. Охрана труда направлена на снижение перечисленных рисков, повышение гарантий и защищенности граждан при осуществлении ими трудовой деятельности, в том числе лиц осужденных к лишению свободы и выполняющих трудовую деятельность в условиях изоляции от общества, за некоторыми исключениями, касающихся ограничения регулирования трудовой деятельности законодательством о труде. Не смотря на то, что деятельность производства в уголовно-исполнительных учреждениях УИС имеют свою специфику, среди задач учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, также определена задача по привлечению осужденных к труду. Поэтому на них также распространяется требование о безопасности производственного процесса и расследовании несчастных случаев, произошедших с осужденными в период привлечения их к труду.

При исследовании государственно-правового регулирования любого института, в том числе и охраны труда, необходимо прибегнуть к теоретическому аспекту, включающему в себя определение категории, выявление его сущности, признаков и иных черт.

Прежде чем перейти к анализу определений охраны труда, следует сказать, что в России данный термин появился сравнительно недавно. По мнению многих исследователей [1] данного вопроса, его появление необходимо связывать с внешними и внутренними факторами. С одной стороны, в конце XIX - XX вв. в ряде европейских государств, а позднее и в мировом сообществе принимаются международные акты, неко-

торые нормы которых были реципированы в российскую правовую систему. С другой стороны, происходящие внутри России события первой половины XX в. обусловили необходимость перехода от рассмотрения трудового законодательства как средства для повышения производительности труда к его определению в качестве средства для охраны труда, в связи с чем, появление правового термина «охрана труда» необходимо связывать с политикой советского государства.

Несмотря на укоренившееся в праве и обиходе понятие «охрана труда», в научной сфере далеко не все согласны с верностью такой трактовки. Например, имеется точка зрения о том, что дефиниция «охрана труда» не может быть применима к тому набору мероприятий, которые она в себя объединяет. Представители данного течения указывают в качестве аргумента на грамматическое толкование термина, в соответствии с которым охрана применительно к труду предполагает охрану осуществляемой трудовой деятельности от воздействия каких-либо факторов извне, между тем сущность охраны труда по трудовому законодательству сводится к охране жизни и здоровья участников трудовых правоотношений, из чего следует несоответствие понятия своему содержанию [2].

Итак, определение охраны труда может быть нормативно-правовым, т.е. содержащимся в нормах действующего законодательства, либо научным, т.е. сформулированным представителями юридической науки. Нормативно-правовое определение понятия охраны труда закреплено в статье 209 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ)

В соответствии со ст. 209 ТК РФ, под охраной труда понимается «система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия» [3]. Всесторонность данного определения нередко оспаривается исследователями темы. С нашей точки зрения, в этом определении неуместным является слово «сохранение», значение которого в толковых словарях трактуется как удержание чего-либо в силе, оставление на том же уровне. При таком подходе исключается активная деятельность по обеспечению здоровья работника, выраженная в реализации отдельных мер (например, стимулирование, гарантии и т.д.). Поэтому, наиболее значимым и соответствующим охране труда можно предложить определение, содержащее слово «обеспечение», так как здесь можно говорить и о гарантиях, и о гарантийных выплатах, и о режиме работы и отдыха, и о безопасности работников, которые содержатся в различных институтах, но все направлены на защиту здоровья и жизни работников.

Кроме того, в легальном определении упоминается о сохранении жизни и здоровья работников в период осуществления трудовой деятельности. По нашему мнению это соотносимо может быть лишь к периоду, когда работник выполняет трудовую функцию.

Но охрана труда понятие объемное и должно включать также негативные последствия в другие периоды трудовой деятельности (например, вследствие длительности маршрута от дома до работы и обратно, а также наличия переработок у работника развилась ишемическая болезнь сердца, т.е. развитие болезни происходит, в том числе вне фактического рабочего времени). Что же касается такой категории работников, как осужденные к лишению свободы, то здесь охрану труда следует рассматривать именно относительно выполнения трудовой деятельности на производственных объектах исправительных учреждений УИС, т.к. обеспечение безопасности труда осужденных в исправительных колониях тесно связано с обеспечением безопасности в уголовно-исполнительных учреждениях в целом.

В науке в рамках определения понятия охраны труда ведутся дискуссии относительно определения правовой природы данной категории. Так, на сегодняшний день сложилось несколько основных подходов по данному вопросу, которые отдельные авторы выделяют для сущности данного понятия. Некоторые авторы предлагают рассматривать как институт трудового права, как принцип трудового права, другие как систему обеспечения безопасности жизни или как комплекс определенных мероприятий. [4]. Например, Н.А. Самарская предлагает рассматривать охрану труда как комплексную систему. С одной стороны данная система включает в себя обязательные требования безопасности труда, мероприятия, направленные на улучшение условий труда и сохранение жизни и здоровья работников при осуществлении ими трудовой деятельности, с другой стороны, обеспечивает максимальную эффективность при оптимальном расходовании необходимых для достижения поставленных целей ресурсов[5]. Направляется вывод о том, что в заложенном автором понятии охраны труда обеспечивается максимальная эффективность при использовании оптимального набора ресурсов и уменьшении вероятности негативных проявлений (в виде получения травм, заболеваний и т.д.).

М.А. Сороколетова и В.В. Федорков в своем труде определяют охрану труда как структуру, состоящую из мероприятий технического, гигиенического, социального и организационного характера, направленные на обеспечение здоровья и безопасности работника, а также формирование допустимых условий для осуществления им трудовой деятельности [6]. Из минусов определения можно указать на ужатый перечень входящих в охрану труда мероприятий (например, не упоминаются правовые мероприятия, фактически выступающие в качестве основы для реализации иных мероприятий).

Подольский В.А., например, сопоставляет охрану труда и систему государственного управления, в которой охрана труда, выступая элементом государственного управления, охраняет жизнь и здоровье работников, защищая на протяжении всей трудовой деятельности от различных неблагоприятных последствий. [7]. По нашему мнению, данное выделение охраны труда как элемента государственного управления сужает охрану труда как систему сохранения жизни и здоровья, а ведь нормы трудового законодательства, в том числе и законодательства об охране труда также распространяются на лиц, временно изолированных от общества, но осуществляющих в силу определенных обстоятельств трудовую деятельность.

В.И. Чудовский в формировании определения охраны труда исходит из нормативно-правового определения, зафиксированного в ТК РФ, предлагая его дополнить целевым признаком – направленность на обеспечение надлежащих и безопасных условий труда в рамках осуществления трудовой деятельности [8].

Наиболее же распространенной точкой зрения является определение охраны труда с позиции широкого и узкого подходов. Так,

А.С. Абрамова предлагает рассматривать под данным понятием в широком смысле как раз все многообразие применяемых средств, которые обеспечивают безопасность условий труда, здоровья работника. В узком смысле, по мнению автора, охрана труда сводится к конкретным правовым нормам, определяющим безопасное для жизни и здоровья работника выполнение своих трудовых обязанностей [9], которые

Реализация охраны труда должна основываться на определенных исходных идеях и постулатах, определяющих ее сущность и обуславливающих основные направления, т.е. принципах. Например, указание на принципы охраны труда как системы управления охраной труда закреплено в ГОСТ 12.0.230.1-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда, указывающие на принципы охраны труда:

- обеспечение безопасности и охраны здоровья работников организации посредством предупреждения травм, ухудшений здоровья, болезней и инцидентов, которые могут возникнуть в связи с осуществлением трудовой деятельности;
- соблюдение национальных законов и иных нормативных правовых актов, программ и коллективных соглашений по охране труда, а также иных требований, обязанность выполнения которых взяла на себя организация;
- обязательства по проведению с работниками и их представителями консультаций, привлечению данных лиц к активному участию в системе управления охраной труда;
- непрерывное совершенствование функционирования системы управления охраной труда [10].

Но следует заметить, что принципы, указанные в ст.209.1 раздела X ТК РФ касаются обеспечения безопасности труда. Это принцип предупреждения и профилактики, принцип минимизации повреждения здоровья и как таковой самостоятельной статьи относительно принципов охраны труда не выделено. И мы согласимся с авторами, которые придерживаются мнения, что следует рассматривать безопасность труда как одно из направлений охраны труда. Отсюда и принципы закрепленные в ст.209.1 ТК РФ могут определять направление обеспечения безопасности, без которого нельзя рассматривать сохранение жизни и здоровья работников в контексте охраны труда

Подводя итог исследованию, отметим, что действующее трудовое законодательство РФ предусматривает официальное определение охраны труда, принципы охраны труда. Тем не менее, в научной сфере сформировано множество иных подходов к определению понятия охраны труда, его сущности. Позиции авторов в понимании охраны труда показывают, что данная категория и содержание охраны труда многогранны и любое значение, предложенное авторами, имеет право быть и подвергаться глубокому анализу. Это говорит об актуальности исследуемого вопроса и его значимости в теории трудового права.

На основании проведенного анализа законодательства РФ и научных трудов, считаем, что наиболее полно отражающим сущность и содержание охраны труда является официальное определение, которое, однако, нуждается в некотором редактировании. Под охраной труда следует понимать систему правовых, социально-экономических, организационно-технических, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических, реабилитационных и иных мероприятий, направленных на обеспечение в процессе осуществления трудовой деятельности безопасности жизни и здоровья работников, а также предотвращение вызванных осуществлением трудовой деятельности неблагоприятных последствий для их жизни и здоровья в остальное от работы время. Также данное определение охраны труда может применяться к регулированию труда осужденных на предприятиях исправительных учреждений с учетом целей и задач уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

1. Монгуш А.Л., Чорбаа А.Т. Понятие, социальная обусловленность и современное состояние регулирования охраны труда в России // Sciences of Europe. 2018. № 26-3 (26). С. 34.
2. Погомий И.Н. Соотношение понятий «промышленная безопасность» и «охрана труда»: постановка проблемы // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 305.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.
4. Петров А.Я. Понятие охраны труда в правовых актах и совершенствование Трудового кодекса РФ // Кадровик. 2021. № 3. С. 77.
5. Самарская Н.А. Понятие «охрана труда»: новые подходы к конструированию дефиниции с помощью метода двухуровневой триадической дешифровки категории // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 43.
6. Сороколетова М.А., Федорков В.В. Понятие и значение охраны труда // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 86-7. С. 146.
7. Подольский В.А. Понятие охраны труда // NovaUm.Ru. 2021. № 30. С. 29.
8. Чудовский В.И. Понятие и социально-правовая характеристика охраны труда как элемента обеспечения надлежащих, безопасных и здоровых условий труда // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право. Сборник научных трудов. 2019. С. 323.
9. Абрамова А.С. Понятие охраны труда в России и Германии: сравнительный аспект // Национальное гуманитарное знание. Сборник научных трудов. Центр научных исследований «Интерплэй. Ростов-на-Дону, 2019. С. 11.
10. ГОСТ 12.0.230.1-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Руководство по применению ГОСТ 12.0.230-2007 (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.06.2016 № 601-ст) // М.: Стандартинформ, 2016.
11. Корякин Е. А. Охрана труда в производственной деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России (применительно к осужденным) [Текст]: монография / Е.А. Корякин. Нижний Новгород: Научноиздательский центр «Открытое знание», 2019. 383 с.

References:

1. Mongush A.L., Chorbaa A.T. The concept, social conditionality and the current state of labor protection regulation in Russia // Sciences of Europe. 2018. No. 26-3(26). p. 34.
2. Pogomyi I.N. Correlation of the concepts of "industrial safety" and "labor protection": statement of the problem // Issues of Russian justice. 2023. No. 24. p. 305.
3. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 08/04/2023, with amendments. dated 10/24/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (part 1), art. 3.
4. Petrov A.Ya. The concept of labor protection in legal acts and improvement of the Labor Code of the Russian Federation // Kadrovik. 2021. No. 3. P. 77.
5. Samarskaya N.A. The concept of "labor protection": new approaches to the construction of a definition using the method of two-level triadic decoding of a category // Socio-labor research. 2022. No. 3 (48). p. 43.
6. Sorokoletova M.A., Fedorkov V.V. The concept and meaning of labor protection // Trends in the development of science and education. 2022. No. 86-7. P. 146.
7. Podolsky V.A. The concept of labor protection // NovaUm.Ru. 2021. No. 30. p. 29.
8. Chudovsky V.I. The concept and socio-legal characteristics of labor protection as an element of ensuring appropriate, safe and healthy working conditions // Management in conditions of global transformations: economics, politics, law. Collection of scientific papers. 2019. p. 323.
9. Abramova A.S. The concept of labor protection in Russia and Germany: a comparative aspect // National humanitarian knowledge. Collection of scientific papers. The Center for Scientific Research "Interplay. Rostov-on-Don, 2019. p. 11.
10. GOST 12.0.230.1-2015. The interstate standard. The system of occupational safety standards. Occupational health and safety management systems. Guidelines for the application of GOST 12.0.230-2007 (put into effect by Order of Rosstandart dated 06/9/2016 No. 601-st) // M.: Standartinform, 2016.
11. Koryakin E. A. Labor protection in the production activities of correctional institutions of the penitentiary system of Russia (in relation to convicts) [Text]: monograph / E.A. Koryakin. Nizhny Novgorod: Scientific and Publishing center "Open Knowledge", 2019. 383 p.

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПРОДАЖЕ ТОВАРОВ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ BASIC RIGHTS OF CONSUMERS WHEN SELLING GOODS BY DISTANCE

ХАБИЕВА Заира Докуевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.
E-mail: xabieva.zaira@bk.ru;

KNABIEVA Zaira Dokuevna,

Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure Kadyrov Chechen State University.
364024, Chechen Republic, Grozny, A.D. Sheripova str. 32.
E-mail: xabieva.zaira@bk.ru

Краткая аннотация. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» регулирует отношения между покупателями и продавцами, расширяя и конкретизируя права потребителей по сравнению с общими положениями Гражданского кодекса РФ. Основные права, такие как право на информацию, возврат и обмен товара, а также компенсация за причиненный вред, играют важнейшую роль в защите интересов потребителей. Особое внимание уделено дистанционной торговле, где обеспечивается право на получение достоверной информации о товаре и право на осмотр товара при его получении. Это особенно важно, так как дистанционная торговля ограничивает возможность физической оценки товара перед покупкой. Исследуются также особенности правового регулирования деятельности агрегаторов и особенности ответственности продавцов за предоставление информации. Установленные правовые нормы призваны обеспечить повышенные гарантии для потребителей, приобретающих товары удаленно.

Abstract: The Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" regulates relations between buyers and sellers, expanding and specifying consumer rights in comparison with the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation. Basic rights, such as the right to information, return and exchange of goods, as well as compensation for damage caused, play a vital role in protecting the interests of consumers. Particular attention is paid to distance selling, where the right to receive reliable information about the product and the right to inspect the product upon receipt are ensured. This is especially important, since distance selling limits the possibility of physically assessing the product before purchase. The features of legal regulation of the activities of aggregators and the specifics of the responsibility of sellers for providing information are also examined. The established legal norms are designed to provide increased guarantees for consumers purchasing goods remotely

Ключевые слова: защита прав потребителей, Закон РФ, дистанционная торговля, право на информацию, возврат товара, агрегаторы, ответственность продавца, доставка, потребительские права.

Keywords: consumer protection, Law of the Russian Federation, distance selling, right to information, return of goods, aggregators, seller's liability, delivery, consumer rights.

Для цитирования: Хабиева З.Д. Основные права потребителей при продаже товаров дистанционным способом // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 179-181. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_181.

For citation: Khabieva Z.D. Basic rights of consumers when selling goods by distance // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 179-181. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_181.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ) регулирует отношения между покупателями и продавцами, определяя их правовой статус, который составляют такие категории, как права, обязанности и ответственность. Закон РФ существенно расширяет и конкретизирует права потребителей по сравнению с общими положениями Гражданского кодекса РФ. Можно выделить основные права потребителя, предоставляемые Законом РФ: право на информацию; право на возврат или обмен товара надлежащего качества; право на ремонт, возврат или обмен товара ненадлежащего качества; право на возмещение вреда, в том числе морального [1].

Анализируя права потребителя, Авдейчикова Е.В. также указывает на наличие у потребителя целого ряда прав, среди которых гарантии безопасности продукции, возможность возврата товара или получения компенсации за бракованный товар, а также право на подробную информацию о продукте и продавце [2]. С приведенной позицией следует согласиться, поскольку анализ законодательства однозначно позволяет заключить, что применительно к дистанционной торговле набор прав потребителя не отличается от общего, однако существуют некоторые особенности в их трактовке и реализации. Указанные особенности, безусловно, продиктованы наличием особой формы продажи – дистанционной, не предполагающей наличие физического магазина.

Ключевым правом потребителя, которое гарантировано Законом РФ, выступает право на информацию. Важность информации, которая носит полный и достоверный характер, в потребительских отношениях связана, на наш взгляд, с тем, что потребитель вступает в отношения с профессиональным участником экономических отношений, приобретая товары исключительно для личных нужд, то есть вне всякой связи с какой-либо деятельностью. При этом приобретаемые товары нередко имеют такие свойства и характеристики, которые человек, не являющийся специалистом в данной отрасли, объективно не может оценить, что может привести к неверному решению при совершении покупки.

Полагаем, что право на информацию при дистанционной продаже выступает одним из главных, поскольку покупатель не имеет возможности при заказе товара физически осмотреть товар, оценить его качество, иные потребительские характеристики, напрямую влияющие на выбор конкретного товара и даже на готовность заключить договор. Ознакомление с информацией о товаре происходит на основании предоставленных продавцом каталогов, описаний, фото- и видеоизображений. При этом даже достоверная информация может не давать возможность оценить потребительские свойства товара. В том числе это происходит и потому, что конечной целью продавца является продажа товара, следовательно, информация о товаре предоставляется исключительно выгодным для этого способом. Для изготовления каталогов продукции, доступной к дистанционной продаже, привлекаются профессиональные фотографы, иные специалисты, в результате чего при общей достоверности информации о товаре, о внешнем его виде могут складываться впечатления, принципиально отличающиеся от реальности.

Указанная особенность дистанционной продажи обусловила необходимость предоставить потребителю право на осмотр товара в мо-

мент его получения перед непосредственной оплатой. Кроме того, в момент доставки товара должна быть обеспечена информация о товаре в письменной форме, как того требуют положения ст. 10 Закона РФ. Помимо информации о товаре законодательство требует от продавца или цифровой платформы, на которой ведется дистанционная торговля, предоставлять информацию о доставке, которая должна давать четкое представление о том, каким способом, в какие сроки будет доставлен заказанный товар. Указанная информация для потребителя при дистанционном приобретении товара является критически значимой, поскольку доставка составляет важнейшую часть договора купли-продажи.

О.А. Белова в этой связи указывает на особенности ответственности продавца за нарушение права потребителя на информацию. В частности, нарушения требований о предоставляемой потребителю информации становится основанием для возложения на продавца ответственности за любые дефекты, возникшие после покупки, если они возникли из-за отсутствия такой информации [3, с. 22]. Полагаем, что степень ответственности, предусмотренной за нарушение права потребителя на информацию, свидетельствует о высокой важности информации для граждан, выступающих потребителем в отношениях дистанционной продажи товаров.

Однако в вопросах ответственности за нарушение права на информацию при дистанционной продаже возникает существенный вопрос о субъекте ответственности. Единственным упоминанием в законодательстве цифровой формы осуществления продажи товаров являются положения пп. 2.1 п. 2 ст. 12 Закона РФ, которым устанавливается ответственность владельца агрегатора информации о товарах (услугах) (далее – агрегатор). Само понятие агрегатора определяется в законодательстве как «организация либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами сайта или программы, которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца о заключении договора купли-продажи товара, заключить такой договор, а также произвести предварительную оплату путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов» [4].

В первую очередь, обращает на себя внимание способ определения сущностных признаков, наличие которых позволяет отнести тот или иной ресурс к категории агрегатора. В частности, на данный момент при буквальном толковании закона очевиден вывод о том, что агрегатором признается интернет-ресурс или программа, которые предоставляют одновременно как информацию о продавцах, так и организуют возможность осуществления оплаты товара путем безналичных расчетов. Следовательно, в том случае, когда ресурс организует заключение договора купли-продажи товара с условием оплаты при его фактическом получении, формально с точки зрения закона, такой ресурс исключается из состава агрегаторов и соответственно, не несет установленной для агрегатора ответственности. На этот недостаток обращает внимание целый ряд исследователей [5, с. 151].

Далее недостатком правового регулирования деятельности агрегатора выступает явное ограничение ответственности исключительно предоставлением информации о продавце и товаре. На данный момент агрегатор не несет ответственности ни за качество доставленного товара, ни за его комплектность, ни за оговоренные сроки доставки. Более того, даже ответственность за достоверность размещенной информации также может быть ограничена, если агрегатор не подвергал изменениям информацию, предоставленную ему продавцом. Некоторые исследователи, анализируя особенности правового регулирования деятельности агрегаторов, не видят серьезной проблемы в перечисленных нами коллизиях. В частности, Л.А. Чеговадзе указывает на то, что заключение сделки посредством цифровых посредников не влияет на степень ответственности продавца перед потребителем [6, с. 13]. Однако отметим, что фактически электронная торговля с использованием маркетплейсов предполагает комплектацию, и доставку, и хранение товара силами и средствами цифрового посредника.

Право потребителя на информацию, имеющую исчерпывающий характер, подтверждает и судебная практика. В частности, Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики от 19.10.2022 года при рассмотрении конкретного спора, связанного с предоставлением неполной информации о товаре, пришел к обоснованному выводу о том, что перечень информации, который закреплен законодательно, исчерпывающим не является, в связи с чем конкретный набор сведений, которые должны быть сообщены потребителю при покупке товара, должен определяться продавцом исходя из того, что эти сведения могут существенно повлиять на выбор потребителя. Так, суд указал, что при заключении договора купли-продажи продавец должен сообщить потребителю в том числе об обременении товара правами третьих лиц [7].

По мнению Королевой А.Н., с которым полагаем обоснованным согласиться, дистанционные продажи и электронная коммерция требуют особого внимания, особенно в части реализации прав и обязанностей покупателей [8]. Права и обязанности в дистанционной торговле обычно определяются договором, особенностью которого с учетом дистанционного способа продажи является оформление как предложения или пользовательского соглашения, которые содержат ключевые условия приобретения товаров с использованием конкретной торговой онлайн-площадки. Обязательным требованием выступает то, что договор (соглашение) должен быть представлен на сайте продавца для обеспечения прозрачности и оценки соблюдения требований законодательства. Важнейшим требованием является также размещение такой информации в доступной форме, что означает отсутствие трудностей при поиске нужной информации. Указанные выводы вытекают из положений Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года от 31 декабря 2020 года № 2463. Это постановление требует размещения предложения на сайте продавца [9].

Особым правом потребителя, которое предоставлено Законом РФ и выступает дополнительной гарантией соблюдения права потребителя при продаже товаров дистанционным способом, является право на отказ от товара и возврат товара без объяснения причин. При этом особенности реализации такого права находятся в прямой зависимости от момента передачи товара, что в данном случае играет роль юридического факта, поскольку передача товара прекращает право потребителя на отказ от товара. При этом с момента передачи товара начинает течь семидневный срок для возврата товара надлежащего качества. В этой связи нельзя не согласиться с позицией Т.М. Нинцовой, которая отмечает, что при оценке выполнения продавцом своей части договора дистанционной продажи критически важно определить момент, когда обязанность по передаче товара выполнена, что обычно зависит от согласованного способа доставки [10].

В этой связи обоснованным представляется требование к продавцу, которое обязывает его подробно описать не только вопросы, свя-

занные с доставкой товара, но и процедуру возможного возврата товара. Данные условия обязательно должны найти отражение в условиях договора, как того требует законодательство. Если продавец не информирует о порядке и способах направления претензий, потребители сохраняют право обратиться к продавцу любым доступным способом, что не может считаться нарушением установленной процедуры.

Н.Г. Неретина справедливо замечает, что покупатель должен убедиться при получении товара не только в соответствии доставленного товара условиям заказа и описанию, размещенному продавцом, но и в соблюдении продавцом оговоренных сроков доставки. В случае выявления каких-либо несоответствий следует незамедлительно сообщить продавцу [11]. Момент исполнения договора в данном случае определяется моментом передачи товара, который совпадает с физическим вручением товара покупателю в месте его доставки. Товар доставляется по выбранному потребителем адресу. Это может быть как место жительства покупателя, так и иные пункты доставки. Как нами указывалось ранее, доставка товара не означает его передачу, поскольку законодательством гарантировано право потребителя осмотреть и оценить товар, прежде чем произойдет его фактическое вручение. До момента передачи товара потребителю он вправе отказаться от товара в любой момент. Это право гарантировано независимо от вида заказанного товара и распространяется в том числе и на технически сложные товары. Указанный вывод сделан автором на основе анализа судебной практики. Так, суды, удовлетворяя требования потребителей об обязанности принять отказ от товара и возратить уплаченные за него денежные средства, в том случае, если товар был предварительно оплачен, ссылаются на отсутствие указания в законе какой-либо отсылки или конкретной нормы, в соответствии с которыми право на отказ от товара было бы ограничено в случае приобретения технически сложного товара [12].

Подводя итог проведенному в рамках настоящего параграфа исследованию, следует отметить, что в целом комплекс прав потребителей, которые пользуются дистанционным способом продажи товаров, в основном схож с общим набором прав, предоставляемых Законом РФ. Вместе с тем, способ продажи товара, который исключает возможность физического осмотра товара непосредственно в момент его выбора и принятия решения о покупке, предполагает необходимость установления повышенных гарантий соблюдения права на информацию. Кроме того, законом предусмотрено особое право потребителя на осмотр товара в момент его доставки до фактического получения, а также вытекающее из него право на отказ от товара до его передачи. При этом отказ от товара распространяется в том числе и на технически сложные товары.

Список литературы:

1. Закон РФ «О защите прав потребителей» (ЗОЗПП) от 07.02.1992 № 2300-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 27.10.2024).
2. Авдейчикова Е.В. Современное состояние рынка удалённой торговли в России: тенденции и проблемы развития / А.В. Авдейчикова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-rynka-udalonnouy-torgovii-v-rossii-tendentsii-i-problemy-razvitiya> (дата обращения: 3.10.2024).
3. Белова О.А. Сравнительный анализ продажи товара по образцам с договором дистанционной розничной купли-продажи / О.А. Боева // Мы и право: научно – практический журнал. 2020. № 2 (7). С. 22.
4. Закон РФ «О защите прав потребителей» (ЗОЗПП) от 07.02.1992 N 2300-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 27.10.2024).
5. Малышева Н.А. Платформа – не агрегатор? Перспективы частного правового регулирования цифровой инфраструктуры / Н.А. Малышева, А.С. Мельник // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 4. – С. 149-153.
6. Чеговадзе Л.А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам / Л.А. Чеговадзе // Цивилист. - 2022. - № 1. - С. 12-19.
7. Обзор судебной практики Президиума Верховного Суда РФ от 19.10.2022 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.vsrf.ru/documents/all/31641/> (дата обращения: 27.10.2024).
8. Королева А.Н. Защита прав потребителей в условиях формирования цифрового товарного рынка / А.Н. Королева // Юридический вестник Самарского университета. 2021. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-potrebiteliev-v-usloviyah-formirovaniya-tsifrovogo-tovarnogo-rynka> (дата обращения: 03.10.2024).
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года от 31 декабря 2020 года № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 27.10.2024).
10. Ниңчиева Т.М. Специфика договора дистанционной розничной купли-продажи // Евразийский научный журнал. 2017. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-dogovora-distantsionnoy-rozничnoy-kupli-prodazhi-1> (дата обращения: 03.10.2024).
11. Неретина Н.Г. О совершенствовании государственного надзора и контроля в сфере торговли через Интернет-магазин / Н.Г. Неретина // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1(14). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-gosudarstvennogo-nadzora-i-kontrolya-v-sfere-torgovii-cherez-internet-magazin> (дата обращения: 03.10.2024).
12. Решение мирового судьи судебного участка № 335 Тимирязевского района Коптевского судебного района г. Москвы от 01.06.2020 по делу № 2-155/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.ru/article/26846-distantsionnaya-torgovlya-obzor-sudebnoy-praktiki-za-2020-god> (дата обращения: 27.10.2024);

References:

1. Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" (ZOZPP) of 07.02.1992 No. 2300-1 (latest revision) [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access: 27.10.2024).
2. Avdeychikova E.V. Current state of the remote trading market in Russia: development trends and problems / A.V. Avdeychikova [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-rynka-udalonnouy-torgovii-v-rossii-tendentsii-i-problemy-razvitiya> (date of access: 3.10.2024).
3. Belova O.A. Comparative analysis of the sale of goods by samples with a remote retail sale and purchase agreement / O.A. Boeva // We and the Law: scientific and practical journal. 2020. No. 2 (7). P. 22.
4. Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights" (ZOZPP) of 02/07/1992 N 2300-1 (latest revision) [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access: 10/27/2024).
5. Malysheva N.A. Platform - not an aggregator? Prospects for private law regulation of digital infrastructure / N.A. Malysheva, A.S. Melnik // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 4. - P. 149-153.
6. Chegovadze L.A. Aggregators as objects of civil rights and the liability of their owners for obligations / L.A. Chegovadze // Civilist. - 2022. - No. 1. - P. 12-19. 7. Review of judicial practice of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 19, 2022 [Electronic resource] / Access mode: <https://www.vsrf.ru/documents/all/31641/> (date of access: 10/27/2024).
8. Koroleva A.N. Protection of consumer rights in the context of the formation of a digital commodity market / A.N. Koroleva // Legal Bulletin of Samara University. 2021. No. 3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-potrebiteliev-v-usloviyah-formirovaniya-tsifrovogo-tovarnogo-rynka> (date of access: 10/03/2024).
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 dated December 31, 2020 No. 2463 "On approval of the Rules for the sale of goods under a retail sale and purchase agreement, a list of durable goods that are not covered by the consumer's requirement for the free provision of a product with the same basic consumer properties during the period of repair or replacement of such a product, and a list of non-food products of proper quality that are not subject to exchange, as well as on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (date of access: 10/27/2024).
10. Nintsieva T.M. Specifics of a distance retail sale and purchase agreement // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 2. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-dogovora-distantsionnoy-rozничnoy-kupli-prodazhi-1> (date of access: 03.10.2024).
11. Neretina N.G. On improving state supervision and control in the field of trade through an online store / N.G. Neretina // Actual problems of our time: science and society. 2019. No. 1 (14). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-gosudarstvennogo-nadzora-i-kontrolya-v-sfere-torgovii-cherez-internet-magazin> (date of access: 03.10.2024).
12. Decision of the Justice of the Peace of Judicial Precinct No. 335 of the Timiryazevsky District of the Koptevsky Judicial District of Moscow dated 01.06.2020 in case No. 2-155/2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.law.ru/article/26846-distantsionnaya-torgovlya-obzor-sudebnoy-praktiki-za-2020-god> (date of access: 27.10.2024);

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_182

УДК 347.68

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ON THE ISSUE OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF INHERITANCE OF DIGITAL RIGHTS

ЛАЧИНА Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал, РАНХиГС.
ул. Горького, 59а, г. Владимир, Владимирская обл., 600017, Россия.
E-mail: zinnataly@yandex.ru;

LACHINA Elena Anatolyevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Vladimir branch, RANEPА.
Gorky str., 59a, Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: zinnataly@yandex.ru

Краткая аннотация. Автор исследует актуальную проблему наследования цифровых активов, которая становится все более значимой в контексте развития информационных технологий. Особое внимание в статье обращается на то, что существующее правовое регулирование не учитывает специфику наследования цифрового имущества, такого как электронные документы, социальные сети, веб-сервисы и другие цифровые активы. Это приводит к различным проблемам при передаче их правопреемникам. Статья проводит анализ зарубежного опыта по правовому регулированию наследования цифрового имущества, включая принятые законы и решения судов. Затем, на основе этого анализа, автор предлагает способы совершенствования национального правового регулирования.

Abstract. The author explores the actual problem of inheritance of digital assets, which is becoming increasingly important in the context of information technology development. Particular attention in the article is drawn to the fact that the existing legal regulation does not take into account the specifics of inheritance of digital property, such as electronic documents, social networks, web services and other digital assets. This leads to various problems when transferring them to their legal successors. The article analyzes foreign experience in the legal regulation of inheritance of digital property, including adopted laws and court decisions. Then, based on this analysis, the author suggests ways to improve national legal regulation.

Ключевые слова: цифровые права, наследование цифровых активов, проблемы наследования цифровых прав, цифровизация права, цифровые права как объект гражданских прав.

Keywords: digital rights, inheritance of digital assets, problems of inheritance of digital rights, digitalization of law, digital rights as an object of civil rights.

Для цитирования: Лачина Е.А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования наследования цифровых прав // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 182-184. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_182.

For citation: Lachina E.A. On the issue of improving the legal regulation of inheritance of digital rights // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 182-184. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_182.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

В современном мире цифровые технологии играют все более важную роль в нашей жизни. Мы используем такие устройства, как компьютеры, смартфоны и планшеты, для хранения и обработки больших объемов информации. Поскольку эта информация так важна для нас, проблема её наследования становится все более актуальной. С каждым годом количество пользователей различных цифровых платформ увеличивается, а следовательно и растут объемы цифрового имущества.

Кроме того, правовое регулирование наследования виртуального имущества до сих пор остается неясным и нечетким. Это можно связать с тем, что цифровое имущество имеет отличные характеристики от традиционного имущества. Например, цифровые активы могут храниться в облаке или на серверах вместо физического носителя, такого как дом или автомобиль.

Цифровые права, как объект гражданских прав, представляют собой совокупность прав и свобод, которыми обладают граждане в сфере цифровых технологий и интернета. Они являются неотъемлемой частью современной общественной жизни и обеспечивают гражданам основные гарантии и защиту в цифровой среде.

Одним из основных аспектов цифровых прав является право на доступ и свободу пользования информацией. Это означает, что каждый гражданин имеет право и возможность получать информацию, доступ к которой облегчен цифровыми технологиями. Также это включает право на свободу выбора и доступ к различным онлайн-ресурсам, включая социальные сети, новостные порталы и другие интернет-платформы.

Цифровые права также включают право на конфиденциальность и защиту личных данных. Граждане имеют право контролировать сбор, хранение и использование своих персональных данных в цифровой среде. Это включает право на информационную неприкосновенность, запрет на незаконное проникновение в личные данные и обязанность организаций и государства защищать конфиденциальность информации.

Другим важным аспектом цифровых прав является свобода слова и выражения. Граждане имеют право свободно общаться, выражать свои мнения и идеи в сети интернет без ограничений, цензуры. Они также имеют право на приватность и безопасность во время своей онлайн-коммуникации.

Цифровые права также включают право на образование, доступ к образовательным ресурсам и цифровым технологиям. Граждане имеют возможность использовать интернет для обучения, саморазвития и повышения своей профессиональной квалификации. Они имеют право на доступ к информации, образовательным курсам и виртуальным библиотекам, что способствует их личностному и профессиональному росту.

В целом, цифровые права как объект гражданских прав обеспечивают гражданам свободу, безопасность и защиту в сфере цифровых

технологий и интернета. Они регулируют отношения между гражданами, организациями и государством в цифровой среде, гарантируя каждому гражданину равные возможности и условия для участия в информационном обществе.

Так как подобные ситуации носят совершенно новый характер и относятся к относительно недавно появившейся сфере цифровых прав, то судебной практики ещё не достаточно. В нашем законодательстве хорошо проработана финансовая составляющая, а именно наследования цифровых финансовых активов, покупка и продажа цифровых ценных бумаг и так далее. Однако с вопросами правового регулирования наследования, как такового, цифрового имущества есть определенные сложности.

Например, в некоторых странах уже существуют законодательные или судебные решения относительно данного вопроса. Например, в американском штате Дэлавер был принят «Закон о доверительном доступе к цифровым активам и цифровым счетам» (Fiduciary Access to Digital Assets and Digital Accounts Act), который позволяет наследникам получить доступ к учетным записям умершего, содержащим различные электронные активы (переписка, документы, аудио- и видеоматериалы, лицензии, коды и т.д.).

В Германии действует принцип универсального наследования, согласно которому наследники получают все права и обязанности, а также имущество наследодателя. Право собственности и доступа к носителям информации, содержащим цифровые активы, также регулируется правилами, устанавливающими доступ и использование материальных активов.

Известно, что Верховный суд Германии принял решение от 12 июля 2018 III ZR 183/17, которое подтвердило право родителей девочки, покончившей жизнь самоубийством в 2012 году, на доступ к ее аккаунту в социальной сети Facebook для получения информации о произошедшем.

Однако, все случаи носят частный, либо локальный характер. Поэтому необходимо усовершенствовать правовые механизмы наследования цифрового имущества. Это позволит избежать недоразумений и конфликтов между наследниками. Кроме того, если мы сможем законодательно урегулировать наследования подобного имущества, то наша страна станет первой в мире кто смог урегулировать данную проблемную отрасль[1, с. 42-44].

Кроме того, необходимо установить правила доступа к цифровому имуществу после смерти владельца[2, с. 679]. Например, наследники должны иметь право доступа к электронной почте, аккаунтам в социальных сетях и другим онлайн-аккаунтам умершего человека. Однако следует установить четкие правила и процедуры доступа к такой информации, поскольку это может привести к нарушению конфиденциальности и безопасности данных.

Мнения ученых-цивилистов о развитии правового регулирования цифровых прав как объектов наследственных правоотношений различны. Однако большинство склоняется к мнению, что цифровые права должны быть интегрированы в существующую систему гражданского права, без создания отдельного регулирующего фонда. Это может быть достигнуто через толкование существующих правил, чтобы они могли применяться к цифровой среде. При этом необходимо учитывать новые вызовы, возникающие в цифровой сфере, и обеспечить адекватный уровень защиты для граждан.

Наследование цифровых прав в современном праве России является актуальной темой, которая требует серьезного исследования. С появлением все более широкого использования цифровых технологий в различных сферах жизни общества, возникает необходимость регулирования передачи прав на такие объекты в наследство.

Цифровые права относятся к нематериальным благам, которые имеют свою ценность и должны передаваться по наследству с учетом законодательных норм. В России данная проблема получила достаточно широкое обсуждение и, результатом этого, стала разработка и введение в действие соответствующего законодательства.

Основой для наследования цифровых прав является Гражданский кодекс Российской Федерации[3], регламентирующий вопросы наследования. Он определяет правила передачи имущества по наследству и отражает основные принципы этого процесса. Однако, с появлением вопросов о том, как передавать цифровые права, было принято решение разработать дополнительные нормы, учитывающие особенности такого вида имущества.

Таким образом, важным следствием признания важности нового объекта гражданских прав стало принятие Закона «О цифровых правах»[4], который заделал фундамент для применения норм права в вопросах присвоения, передачи и защиты цифровых прав. В соответствии с данным законом, цифровые права являются действительными объектами права и могут быть переданы по наследству наравне с другими видами имущества.

Однако, несмотря на принятие соответствующих нормативно-правовых актов, возникают определенные трудности в процессе наследования цифровых прав. Одна из них связана с вопросом о передаче доступа к цифровым активам, таким как электронные книги, цифровые фотографии и др. Пока что законодательство не предоставляет четких правил и способов передачи доступа к таким объектам.

Еще одной проблемой является защита интересов правопреемников в сфере цифровых прав. Не всегда наследник имеет возможность получить доступ к данным, которые хранятся в электронной форме, и не всегда предусмотрены способы защиты его прав при возникновении споров с третьими лицами.

Тем не менее, разработка современной системы наследования цифровых прав в России находится в процессе и представляет определенный интерес для исследования. Понимание и учет особенностей такого вида наследования в современном праве России поможет обеспечить защиту правопреемников и развитие цифровой среды в стране.

Считаем, что существует определенная необходимость дополнить Гражданский кодекс РФ (часть 3) статьей следующего содержания:

"1. Наследование цифровых прав осуществляется в соответствии с установленной в настоящем Кодексе процедурой наследования и дополнительными условиями, касающимися конкретных цифровых активов.

2. Цифровое наследство включает в себя все права, принадлежащие умершему физическому лицу на использование, доступ и управление цифровыми активами, включая, но не ограничиваясь, аккаунтами в социальных сетях, электронными почтами, цифровыми файлами, фотографиями, видео и другими электронными записями.

3. Наследники цифрового наследства имеют право получить доступ к цифровым активам умершего, при условии предоставления достаточной документации, подтверждающей их право на наследование.

4. Цифровые платформы и поставщики услуг обязаны сотрудничать с наследниками, обеспечивая доступ к цифровым активам умершего в рамках действующего законодательства.

6. Наследники несут ответственность за использование цифровых активов умершего в соответствии с действующем законодательством, праве на конфиденциальность и иными применимыми нормами, а также с принципами этики и цифровой безопасности."

В заключении можно сказать о том, что совершенствование правового регулирования наследования цифрового имущества является очень важной задачей как в современном мире, так и в нашей стране. Это поможет обеспечить защиту прав наследников и сохранить ценную информацию, которую мы храним в цифровом формате.

Список литературы:

1. Начарова А.В., Смирнова В.С., Оборов А.С. Цифровые права в системе объектов гражданского права // Достижения науки и образования. - 2021. - № 5(76). - С. 42-44.
2. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах цифровых прав // Россия: тенденции и перспективы развития, 2021. - № 16-1. - С. 679.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон Российской Федерации от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // <http://publication.pravo.gov.ru/>
4. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // <http://publication.pravo.gov.ru/>

References:

1. Nazarova A.V., Smirnov V.S., Oborov A.S. Digital rights in the system of objects of civil law // Achievements of science and education. - 2021. - № 5(76). - Pp. 42-44.
2. Erdelevsky A.M. On some issues of digital rights // Russia: trends and prospects of development, 2021. - No. 16-1. - p. 679.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part three): Federal Law of the Russian Federation No. 146-FZ dated 11/26/2001 (as amended on 07/24/2023) // <http://publication.pravo.gov.ru/>
4. Federal Law No. 34-FZ dated 03/18/2019 "On Amendments to Parts One, Two and Article 114 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // <http://publication.pravo.gov.ru/>

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ В СУДЕ ПО ИСКУ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ РЕЕСТРОВОЙ ОШИБКИ

Features of protection of land rights in court on a claim to correct a registry error

ЛОГИНОВ Александр Валерьевич,

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса,
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ).

430003, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск, ул. Федосеенко, 6.

E-mail: Loginov77@rambler.ru;

ХРАМОВА Ольга Евгеньевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса,
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ).

430003, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск, ул. Федосеенко, 6.

E-mail: modusv14@mail.ru;

СКВОРЦОВА Юлия Сергеевна,

Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)»,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса.

430003, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск, ул. Федосеенко, 6.

E-mail: juliav777tt@mail.ru;

ЛЕКСИНА Татьяна Ивановна,

Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)», преподаватель колледжа 1 категории.

430003, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск, ул. Федосеенко, 6.

E-mail: tany.pirogova@yandex.ru;

LOGINOV Alexander Valeryevich,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Sredne-Volzhsky Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation).

430003, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Fedoseenko str., 6.

E-mail: Loginov77@rambler.ru;

KHRAMOVA Olga Evgenievna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Sredne-Volzhsky Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure.

430003, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Fedoseenko str., 6.

E-mail: modusv14@mail.ru;

SKVORTSOVA Julia Sergeevna,

Sredne-Volzhsky Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),
Senior lecturer at the Department of Civil Law and Procedure.

430003, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Fedoseenko str., 6.

E-mail: juliav777tt@mail.ru;

LEKSINA Tatyana Ivanovna,

Sredne-Volzhsky Institute (branch) VGU (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation).

430003, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Fedoseenko str., 6.

College teacher of the 1st category.

E-mail: tany.pirogova@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности ведения переговоров между сторонами в процессе разрешения земельного спора об исправлении реестровой ошибки. Обоснован вывод о том, что стратегия и тактика ведения переговоров между сторонами в процессе рассмотрения земельного спора об исправлении реестровой ошибки должна отвечать критериям гибкости и вариативности. Основная цель – не допустить эмоциональной эскалации сторон и затягивания спора.

Abstract. The article discusses the specifics of negotiations between the parties in the process of resolving a land dispute on correcting a registry error. The conclusion is substantiated that the strategy and tactics of negotiations between the parties in the process of considering a land dispute on correcting a registry error should meet the criteria of flexibility and variability. The main goal is to prevent emotional escalation of the parties and prolongation of the dispute.

Ключевые слова: земельный участок, реестровая ошибка, ведение переговоров, землеустройство, межевание, исковые требования.

Keywords: land plot, registry error, negotiation, land management, surveying, claims.

Для цитирования: Логинов А.В., Храмова О.Е., Скворцова Ю.С., Лексина Т.И. Особенности защиты земельных прав в суде по иску об исправлении реестровой ошибки // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 185-186. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_185.

For citation: Loginov A.V., Khramova O.E., Skvortsova Ju.S., Leksina T.I. Features of protection of land rights in court on a claim to correct a registry error // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 185-186. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_185.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

В процессе реформы земельного законодательства и законодательства о регистрации недвижимости обозначился тренд на унификацию и слияние существовавших ранее отдельно реестров в единый информационный ресурс в форме Единого государственного реестра недвижимости (далее ЕГРН). В процессе совершенствования правовой регламентации кадастровой деятельности и методик осуществления землеустройства в текущей деятельности кадастровых инженеров нередко возникали ошибки, связанные с определением координат характерных точек границ земельных участков и пр.

Законодатель выделяет два вида ошибок, возникающих в процессе учета объектов недвижимого имущества: техническая ошибка и реестровая ошибка. В случае, когда «исправление технической ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи, содержащиеся в ЕГРН, такое исправление производится только по решению суда» (ч. 4 ст. 61 Закона о регистрации) [1]. Истцом по иску об исправлении реестровой ошибки может выступать

собственник объекта недвижимости или иной правообладатель, а также орган регистрации прав либо заинтересованное лицо, имеющее охраняемый законом интерес. Ответчиками по данному иску могут выступать правообладатели смежных земельных участков, в сведениях ЕГРН которых допущена ошибка [2, с. 46].

А.О. Гусев справедливо отмечает, что «иск об исправлении реестровой ошибки в своем предмете и основании должен предусматривать (а) описание ошибки с обоснованием квалификации соответствующих внесенных в ЕГРН сведений как ошибочных, а также (б) указание, в чем состоит исправление такой ошибки (внесение каких именно корректных и достоверных сведений в ЕГРН потребуется по результатам судебного разбирательства)» [3, с. 100].

В целях быстрого и благоприятного разрешения спорной ситуации на данной стадии гражданского процесса очень важно поддержание конструктивного диалога между всеми участниками процесса. Учитывая зачастую имеющийся «накал страстей» между истцами и ответчиками по спору об исправлении реестровой ошибки, судье и сторонам следует придерживаться следующей стратегии и тактики ведения переговоров.

Во-первых, нужно четко обозначить тезис о том, что в большинстве подобных ситуаций ни истец, ни ответчики не виноваты в возникновении имеющейся в ЕГРН реестровой ошибки. Скорее, здесь имеет место целый комплекс объективных и субъективных причин, способствующих возникновению реестровых ошибок. Так, к субъективным причинам следует отнести некачественное проведение землеустроительных работ вследствие халатного отношения к своим обязанностям кадастрового инженера. Например, чтобы ускорить процесс межевания земельных участков в границах СНТ, кадастровые инженеры, не выезжая на местность, нередко делают снимок с кадастровой карты и по нему начинают определять поворотные точки и границы отдельно взятых участков. Как следствие - нарушения процедуры межевания, границы отдельно взятых земельных участков по всему СНТ нередко смещаются в ту или иную сторону от фактически сложившихся на местности границ. В результате такого межевания мы получаем «эффект домино», когда все участки в границах СНТ одинаково смещаются в сторону от фактически закрепленных на местности границ. После передачи землеустроительной документации в Росреестр происходит фиксация ошибочных сведений в ЕГРН и, как следствие, возникает реестровая ошибка.

Сам по себе «эффект домино» в СНТ свидетельствует о более сложной ситуации, которая говорит о потенциале предъявления множественных исков к соседям-смежникам со схожими исковыми требованиями. Как один из вариантов рассматривается проведение нового межевания участков всего СНТ. Следует признать, что последний вариант малореализуем в силу того, что, во-первых, не все члены СНТ будут согласны оплатить такие работы, и, во-вторых, трудно представить себе ситуацию, что все члены СНТ будут согласны с новым проектом плана установления границ принадлежащих им земельных участков. Объективной причиной возникновения таких ошибок, на наш взгляд, является недостаточно динамичное совершенствование методик проведения кадастровых работ в условиях научно-технического процесса, т.е. в процессе применения новых знаний. Постоянное изменение вектора реформирования земельного законодательства приводит к возникновению технических и смысловых нестыковок между старыми и новыми нормами. Во-вторых, следует убедить стороны в том, что поскольку реестровая ошибка не является результатом действий сторон, то нужно планомерно и спокойно искать конструктивный выход из сложившейся ситуации. Как вариант, до сторон следует донести позицию о том, что доведение дела до назначения судебной землеустроительной экспертизы контрпродуктивно как для ответчиков, так и для истцов, так как это ведет к затягиванию дела. Аргументом на этом этапе может явиться и то обстоятельство, что помимо затягивания рассмотрения искового заявления истец понесет расходы на проведение такой экспертизы, которые, в случае удовлетворения иска, перейдут на ответчиков.

Поскольку исковые требования должны отвечать критерию исполнимости, «целесообразно, как один из вариантов, требовать исключения из ЕГРН сведений о границах земельных участков, в которых допущена ошибка, а также установления границ земельных участков по фактическому землепользованию исходя из местоположения границ такого земельного участка, существующих на местности пятнадцать лет и более. Последний факт, в частности, должен найти отражение в заключении кадастрового инженера (если экспертиза не проводилась) или заключении экспертов, сформированного по результатам судебной земельной экспертизы» [2, с. 47]. На этом этапе у ответчиков нередко возникают возражения, связанные с тем, что в результате удовлетворения иска и последующего исполнения Росреестром исковых требований об исключении из ЕГРН сведений о границах земельных участков, в которых допущена ошибка, данные сведения из ЕГРН будут исключены в отношении земельных участков как истцов, так и ответчиков. Причем, если истцы, исключая сведения с ошибкой, могут в самом исковом заявлении заявить требование об установлении границ своих участков с координатами по фактическому землепользованию, то сведения о границах земельных участках ответчиков, смежных с земельными участками истцов, будут просто исключены из ЕГРН. Данное обстоятельство зачастую служит одним из аргументов, препятствующих признанию иска ответчиками. Возникает вопрос: как можно преодолеть такие вполне резонные возражения и убедить ответчиков признать иск?

Как один из вариантов, можно предложить ответчикам, которые признают иск, после исключения координат их участков из ЕГРН, провести новое межевание за счет истцов. Однако такое будет возможно, если у ответчиков не будет спора по их границам с другими смежниками.

В заключение следует отметить, что стратегия и тактика ведения переговоров между сторонами в процессе рассмотрения земельного спора об исправлении реестровой ошибки должна отвечать критериям гибкости и вариативности. Основная цель – не допустить эмоциональной эскалации сторон и затягивания спора.

Список литературы:

1. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (с изм. и доп.) // Гарант: информационно-правовой портал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru> – Загл. с экрана.
2. Логинов, А.В. Институт исправления реестровых ошибок в российском земельном праве // Актуальные проблемы российского частного права: мат-лы VI науч.-практ. конф. Саранск, 2021. – С. 42 – 47.
3. Гусев, А.О. О некоторых особенностях судебных споров об исправлении реестровых ошибок // Арбитражные споры. – 2020. – № 1. – С. 78 – 102.

References:

1. On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (as amended and supplemented) // Garant: information and legal portal [Electronic resource] - Access mode: <https://www.garant.ru> - Title from the screen.
2. Loginov, A.V. Institute for Correction of Registry Errors in Russian Land Law // Actual Problems of Russian Private Law: Materials of the VI Scientific and Practical. Conf. Saransk, 2021. - Pp. 42 - 47.
3. Gusev, A.O. On Some Features of Court Disputes on Correction of Registry Errors // Arbitration Disputes. - 2020. - No. 1. - Pp. 78 - 102.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗРЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ СПОРОВ

On several problems arising when using mediation in the process of resolving housing disputes

РАДЖАБОВА Гюльназ Низамиевна,

магистрант кафедры Гражданского процесса по направлению Проблемы абитражного и гражданского процессуального права, Дагестанский государственный университет. ул. Батырая, 4а, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008, Россия. E-mail: nazka0283@gmail.com;

Rajabova Gulnaz Nizamievna,

Master's student of the Department of Civil Procedure in the field of Problems of admission and Civil Procedure law, Dagestan State University. 4a Batyraya str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia. E-mail: nazka0283@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем применения медиации в процессе разрешения жилищных споров в России. Несмотря на нормативное признание медиации как альтернативного способа урегулирования конфликтов, её использование в жилищных спорах остаётся ограниченным. В статье выявлены ключевые препятствия для широкого распространения медиации, среди которых недостаточная квалификация медиаторов, низкий уровень информированности населения о преимуществах процедуры, дороговизна медиативного процесса, а также неравномерное развитие медиации в регионах. Особое внимание уделяется вопросам интеграции медиации на стадии исполнительного производства. В статье предложены меры по совершенствованию процесса применения медиации для повышения её эффективности в урегулировании жилищных конфликтов.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the problems of mediation in the settlement of housing disputes in Russia. Despite the normative recognition of mediation as an alternative method of conflict resolution, its use in housing disputes remains limited. The article identifies key obstacles to the widespread dissemination of mediation, including insufficient qualifications of mediators, low public awareness of the benefits of the procedure, the high cost of the mediation process, as well as uneven development of mediation in the regions. Special attention is paid to the integration of mediation at the stage of enforcement proceedings. The article proposes measures to improve the process of using mediation to increase its effectiveness in resolving housing conflicts.

Ключевые слова: медиация, жилищные споры, альтернативное урегулирование споров, исполнительное производство, жилищный конфликт.

Keywords: mediation, housing disputes, alternative dispute resolution, enforcement proceedings, housing conflict.

Для цитирования: Раджабова Г.Н. О некоторых проблемах, возникающих при использовании медиации в процессе разрешения жилищных споров // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 187-189. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_187.

For citation: Rajabova G.N. On several problems arising when using mediation in the process of resolving housing disputes // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 187-189. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_187.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Основная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в низкой эффективности и ограниченном применении медиации при разрешении жилищных споров в России, несмотря на её потенциальные преимущества. В статье исследуются ключевые причины, препятствующие широкому применению медиации, и предлагаются возможные пути их преодоления.

Объектом исследования является процедура медиации в жилищных спорах, её применение в правовой системе России, а также проблемы, с которыми сталкиваются стороны при использовании этого механизма для разрешения жилищных конфликтов.

Новизна исследования заключается в систематизации проблем применения медиации при разрешении жилищных споров и предложении конкретных шагов для улучшения её эффективности. Предложены меры по снижению стоимости медиативных процедур, повышению квалификации медиаторов и развитию медиации в регионах. Также подчеркнута важность интеграции медиации в исполнительное производство. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования правовой базы применения медиации в жилищных спорах, а также в работе медиаторов, органов власти и судебной системы. Кроме того, предложения по развитию медиации могут быть применены при разработке программ по обучению медиаторов и популяризации медиации среди населения.

Медиация как один из альтернативных способов разрешения споров, постепенно находит своё место в правовой системе России. В то же время, несмотря на её потенциальные преимущества, в частности в области жилищных споров, она всё ещё остаётся недостаточно развитым и востребованным инструментом разрешения судебных споров. Применение медиации в жилищных спорах может значительно упростить и ускорить процесс урегулирования конфликтов, сократить судебные расходы и сохранить отношения между сторонами. Тем не менее, на практике возникают серьёзные проблемы, препятствующие широкому использованию медиации в этой области.

Начнем с того, что жилищные споры в России представляют собой одну из наиболее конфликтных и сложных категорий дел, часто связанных с разделом имущества, определением права собственности на жилье, помещения, предоставленными по договору социального найма, определением порядка их пользования и владения, с выселением и вселением в жилое помещение, арендой, взысканием коммунальных платежей и др. Эти конфликты могут быть весьма продолжительными и затрагивать интересы не только двух сторон, но и третьих лиц, что дела-

ет их решение через судебные органы не всегда эффективным. Применение медиации в таких спорах может существенно снизить нагрузку на суды, ускорить процесс урегулирования и дать сторонам возможность прийти к взаимоприемлемому решению.

Однако, несмотря на то что медиация официально признана законом как один из возможных способов урегулирования споров, её использование в практике жилищных отношений в России остаётся ограниченным. Это связано с рядом факторов, начиная с отсутствия чётких правовых механизмов применения медиации в жилищных спорах и заканчивая низким уровнем доверия к медиаторам и недостаточной осведомлённостью сторон о возможностях данной процедуры.

Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» стал важным шагом в развитии института медиации в России. Этот закон устанавливает ключевые принципы медиации, включая добровольное участие сторон, нейтральность медиатора, равноправие участников процесса, а также обязательное согласие обеих сторон на проведение медиации. Процедура медиации ориентирована на достижение сторонами взаимоприемлемого решения, что выгодно отличает её от судебных разбирательств, где итоговый вердикт может не устраивать одну из сторон.

Конкретно при разрешении жилищных споров, медиация нацелена на построение диалога между органом местного самоуправления, населением, управляющей организацией и иными участниками спора [1, с. 54]. В жилищных спорах медиация теоретически предоставляет уникальную возможность для быстрого и гибкого урегулирования конфликтов, при котором интересы всех сторон будут учтены.

Однако, несмотря на наличие нормативной базы, процесс медиации не получил широкого применения в жилищных спорах. Одной из причин этого является отсутствие специализированных положений, регулирующих использование медиации именно в жилищных отношениях. Закон в общих чертах описывает процедуру, но не учитывает специфику таких споров, что снижает её эффективность на практике. Важно также отметить, что многие жилищные споры связаны с правами третьих лиц (например, граждане, проживающие совместно с собственником жилого помещения), и это может затруднить использование медиации, так как она рассчитана в первую очередь на конфликты между двумя сторонами.

Одной из основных проблем в исследуемой сфере является отсутствие медиаторов с должной квалификацией. Квалификация медиаторов играет ключевую роль в эффективности процесса урегулирования споров. Однако на сегодняшний день в России требования к медиаторам недостаточно жёсткие, особенно если речь идёт о специфических областях права, таких как жилищное. Жилищные споры, как правило, затрагивают сложные юридические вопросы, требующие от медиатора глубоких знаний в области жилищного, земельного, гражданского и даже градостроительного законодательства. Например, споры о взыскании коммунальных платежей могут требовать от медиатора особых знаний в сфере законодательства о жилищно-коммунальном хозяйстве (Водный кодекс, Земельный кодекс, Закон об электроэнергетике, Закон о газоснабжении и др.).

Медиатор, не обладающий необходимой квалификацией, не может эффективно справиться с такими спорами. Он может не учесть все правовые аспекты или предложить решение, которое не будет соответствовать интересам обеих сторон. Это снижает доверие к процедуре медиации как способу разрешения конфликтов. Введение обязательных требований к медиаторам, включая наличие юридического образования и опыта работы в жилищных правоотношениях, могло бы существенно повысить качество медиации в этой области и увеличить её востребованность [2, с. 116].

Также среди проблем отметим и низкий уровень информированности граждан и юридических лиц о возможности использования медиации. Многие граждане не знают о том, что существует альтернатива судебным разбирательствам, которая может оказаться более быстрой и экономной.

Кроме того, многие участники жилищных споров считают судебную систему более надёжной и авторитетной, чем процедура медиации. Для многих граждан суд является единственным институтом, способным обеспечить защиту их прав, тогда как медиация, основанная на добровольности и компромиссе, воспринимается как менее действенный инструмент. Это недоверие усугубляется отсутствием обязательных медиативных оговорок в договорах, связанных, например, с арендой жилых помещений. Введение подобных оговорок могло бы существенно повысить популярность медиации, так как стороны были бы обязаны сначала попытаться разрешить конфликт с помощью медиатора, а уже затем обращаться в суд. Более того, широкое использование медиации в жилищной сфере способствует снижению социальной напряжённости, решению затяжных конфликтов и принятию эффективных решений, способных отвечать интересам всех участников конфликта [3, с. 40].

Более того, хотя медиация часто позиционируется как более быстрый и экономный способ разрешения споров, на практике жилищные споры могут оказаться столь же затратными, как и судебные разбирательства. Это связано с необходимостью проведения экспертиз, привлечения специалистов в области жилищного права и других смежных областей. Кроме того, процесс медиации может затянуться на значительный период времени, если стороны не могут прийти к согласию. Таким образом, медиация в жилищных спорах нередко оказывается столь же дорогой и продолжительной, как и судебные процессы.

Жилищные споры нередко требуют привлечения экспертов для оценки ущерба имущества (например, при заливе квартиры), контроля уровня шума, проведения независимой экологической экспертизы зданий, пожарно-технической экспертизы и др. Эти экспертизы могут быть дорогостоящими, и их проведение увеличивает общие расходы на разрешение спора. В то же время, если стороны не приходят к согласию в ходе медиации, они всё равно вынуждены обращаться в суд, что дополнительно увеличивает временные и финансовые затраты.

Для снижения стоимости медиации необходимо разрабатывать специализированные методики для разрешения жилищных споров, которые позволили бы ускорить процесс и сократить затраты. Кроме того, важно предусмотреть возможность государственной поддержки медиации в форме субсидирования услуг медиаторов или снижения стоимости экспертиз для участников споров с низкими доходами.

Одной из серьёзных проблем развития медиации в России является её неравномерное распространение по регионам. В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, уже существуют медиативные центры и развивается практика применения медиации в различных сферах, включая жилищные споры. Однако в регионах, особенно в сельской местности, институт медиации остаётся недостаточно развитым. Это особенно важно для жилищных споров, которые чаще возникают именно в сельских районах.

Отсутствие квалифицированных медиаторов, недостаток информационных кампаний и низкий уровень поддержки со стороны местных властей делают медиацию недоступной для многих граждан. В результате участники жилищных споров в регионах не имеют возможности воспользоваться этим инструментом для урегулирования конфликтов. Для решения этой проблемы необходимо развивать медиативные центры в каждом субъекте Федерации, обучать специалистов и проводить регулярные информационные кампании, направленные на повышение осведомлённости населения о возможностях медиации [4, с. 89].

Кроме того, важно учитывать специфику жилищных споров в разных регионах. В некоторых субъектах Федерации жилищных конфликты могут быть связаны с особенностями местного законодательства, что требует от медиаторов дополнительных знаний и опыта. Таким образом, развитие медиации в регионах должно учитывать не только общие требования к квалификации медиаторов, но и региональные особенности жилищных правоотношений.

Отметим также, что и на стадии исполнительного производства медиация также может оказаться полезной, так как она позволяет урегулировать конфликт даже после вынесения судебного решения. Однако в России её применение на этом этапе пока остаётся крайне ограниченным. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» допускает возможность заключения мирового соглашения на этапе исполнения судебных решений (ст. 50), но эта возможность редко используется. В основном это связано с тем, что стороны на данном этапе всё ещё находятся в состоянии конфликта и не готовы идти на компромисс. Кроме того, низкий уровень информированности участников процесса о возможности использования медиации на этом этапе также играет свою роль.

На стадии исполнительного производства конфликты могут возникать по поводу способов исполнения судебных решений, сроков или порядка передачи помещения или выселения из помещения. В таких ситуациях медиация могла бы помочь сторонам найти решение, которое устроит обе стороны, и избежать дальнейших конфликтов. Введение обязательного информирования сторон о возможности использования медиации на этапе исполнительного производства могло бы способствовать более широкому применению этого инструмента [5, с. 137].

Таким образом, на сегодняшний день процедура медиации при разрешении жилищных споров сталкивается с рядом проблем, среди которых недостаточная квалификация медиаторов, недостаточная информированность населения о возможностях и преимуществах процедуры медиации, дороговизна медиативного рассмотрения жилищных споров, неравномерное развитие медиации в центре и в регионах, слабая интеграция медиации в исполнительное производство.

Подводя итоги, отметим, что медиация обладает значительным потенциалом для разрешения жилищных споров в России, но её успешное применение требует решения ряда существующих проблем. Усиление правовой регламентации, повышение квалификации медиаторов, снижение стоимости и развитие медиации в регионах могут способствовать тому, что медиация станет по-настоящему востребованным и эффективным инструментом в сфере урегулирования жилищных споров.

Список литературы:

1. Журавлева Л.В. Одинец М.Г. Что такое медиация и новые возможности урегулирования конфликтов в ЖКХ // Председатель ТСЖ. - 2013. - № 1. - С. 54-55.
2. Калунув К.Е. Медиация как инновационный способ разрешения конфликтов в жилищно-коммунальном хозяйстве // Управление инновациями: теория, методология, практика. – 2013. – С. 115-119.
3. Литвинова Е.В. Пути разрешения конфликтов в сфере ЖКХ // Сервис в России и зарубежом. – 2014. – С. 31-45.
4. Панфилов М.А. и др. Медиация: история, современное состояние, проблемы и перспективы развития: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. - 131 с.
5. Торчкова И.А. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров: история возникновения и тенденции развития в современной России // Аграрное и земельное право. – 2023. - С. 137-139.

References:

1. Zhuravleva L.V. Odinets M.G. What is mediation and new opportunities for conflict resolution in housing and communal services // Chairman of the HOA. - 2013. - No. 1. - pp. 54-55.
2. Kalunov K.E. Mediation as an innovative way of conflict resolution in housing and communal services // Innovation management: theory, methodology, practice. - 2013. – pp. 115-119.
3. Litvinova E.V. Ways of conflict resolution in the housing and communal services sector // Service in Russia and abroad. – 2014. – pp. 31-45.
4. Panfilov M.A. et al. Mediation: history, current state, problems and prospects of development: monograph. M.: INFRA-M, 2022. - 131 p.
5. Torchkova I.A. Mediation as an alternative way of dispute settlement: the history of emergence and development trends in modern Russia // Agrarian and land law. – 2023. - pp. 137-139.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАШЕНИЯ О СОЗДАНИИ ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА LEGAL NATURE OF AN AGREEMENT ON SETTING UP A FARM ENTERPRISE

СЕЛЕЗНЕВА Айгуль Хамитовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента,
Башкирский государственный аграрный университет.
450001, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 34.
E-mail: selezneva.ufa@mail.ru;

SELEZNEVA Aigul Khamitovna,

PhD in Law, Associate Professor, Department of Economics and Management, Bashkir State Agrarian University.
450001 Republic of Bashkortostan, Ufa, st. 50th anniversary of October, 34.
E-mail: selezneva.ufa@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится анализ соглашения о создании КФХ, выявлены и рассмотрены отличительные черты такого соглашения, изучена юридическая литература и правоприменительная судебная практика по таким соглашениям, предложены меры по совершенствованию действующего законодательства.

Abstract. The paper analyzes an agreement on establishing a peasant farm enterprise. It identifies and examines the distinctive features of such an agreement. The study investigates the legal literature and law enforcement judicial practice on agreements of this type. It suggests measures to improve the current legislation.

Ключевые слова: КФХ, крестьянское (фермерское) хозяйство, соглашение о создании фермерского хозяйства, гражданско-правовой договор, учредительный договор, договоры о совместной деятельности, договоры, направленные на учреждение коллективных образований.

Keywords: peasant farm enterprise, agreement on setting up a farm enterprise, civil law agreement, foundation agreement, agreements on joint activities, agreements aimed at establishing collective entities.

Для цитирования: Селезнева А.Х. Правовая природа соглашения о создании фермерского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 190-193. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_190.

For citation: Selezneva A.Kh. Legal nature of the agreement on setting up a farm enterprise // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 190-193. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_190.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Актуальность

В процессе организации и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств у последних нередко возникают вопросы касательно соглашений о создании КФХ, содержания соглашения, его юридической силы, необходимости нотариального удостоверения или государственной регистрации, возможности внесения изменений, надобности разработки для фермерских хозяйств, создаваемых в качестве юридических лиц и иные вопросы, на которые не всегда есть возможность найти ответы в действующем законодательстве. В научной литературе труды, посвященные изучению таких соглашений, также отсутствуют, что вызывает актуальность настоящего исследования в современных условиях, когда КФХ, зарекомендовавшие себя как эффективная форма семейного аграрного предпринимательства, получают всё большее распространение.

Цели исследования

В настоящей работе автором поставлена цель изучить правовую природу соглашения о создании КФХ, выявить его отличительные черты и особенности, на основе анализа юридической литературы, норм действующего законодательства и правоприменительной практики выявить существующие пробелы и предложить меры по совершенствованию законодательства.

Начнем с анализа действующего законодательства.

Понятие соглашения о создании КФХ, обязательность разработки

Согласно пункту 5 статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации граждане вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, заключенного в соответствии с законом о крестьянском (фермерском) хозяйстве.

Из Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее – Закон № 74-ФЗ) следует, что соглашение о создании фермерского хозяйства (далее – Соглашение или соглашение о создании КФХ) заключают между собой граждане, изъявившие желание создать фермерское хозяйство (пункт 2 статьи 4); в последующем в Соглашение могут вноситься изменения, в частности, при изменении состава фермерского хозяйства (пункт 7 статьи 4), смене главы КФХ (пункт 2 статьи 18); в случае создания фермерского хозяйства одним гражданином заключение Соглашения не требуется (пункт 1 статьи 4).

В соответствии с пунктом 1 статьи 86.1 Гражданского кодекса Российской Федерации граждане, ведущие совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании КФХ, вправе создать юридическое лицо - крестьянское (фермерское) хозяйство.

Исходя из буквального толкования приведенных правовых норм, соглашение о создании КФХ как юридический документ должен быть у любого фермерского хозяйства, вне зависимости от организационно-правовой формы ведения бизнеса, за исключением случаев создания такого хозяйства одним гражданином. Однако, если у КФХ, представляющего собой договорное объединение граждан без образования юридического лица, Соглашение является своего рода основополагающим документом, исчерпывающим образом регламентирующим права и обязанности членов фермерского хозяйства, все возникающие между ними организационные и имущественные вопросы, то при создании юридического

лица – данные вопросы будут регламентироваться уже учредительным документом КФХ - уставом, а ранее заключённое Соглашение может утратить силу либо отойти на второй план. Полагаем, что соглашение о создании КФХ может применяться в таких организациях субсидиарно, например, для разрешения возможных конфликтов между членами КФХ, если устав не содержит соответствующих регламентирующих норм.

Содержание соглашения о создании КФХ

В силу пункта 3 статьи 4 Закона № 74-ФЗ **обязательными условиями** Соглашения являются следующие: о членах фермерского хозяйства; о признании главой КФХ одного из членов хозяйства, полномочиях главы КФХ и порядке управления фермерским хозяйством; о правах и об обязанностях членов фермерского хозяйства; о порядке формирования его имущества, порядке владения, пользования, распоряжения этим имуществом; о порядке принятия в члены фермерского хозяйства и порядке выхода из него; о порядке распределения полученных от деятельности фермерского хозяйства плодов, продукции и доходов.

Пунктом 6 этой же статьи Закона № 74-ФЗ предусмотрено, что в текст соглашения по усмотрению членов КФХ могут включаться и иные условия, не противоречащие гражданскому законодательству (**факультативные условия**). В частности, на наш взгляд, в него могут включаться такие условия как необходимость получения главой КФХ согласия членов фермерского хозяйства на совершение отдельных сделок (например, на получение кредитов, выдачу поручительства, приобретение особо ценного имущества), порядке принятия решений по таким вопросам (на общем собрании простым или квалифицированным большинством членов хозяйства либо единогласно), ответственности членов КФХ за неисполнение обязанностей, предусмотренных Соглашением и прочие. В силу закона (пункт 3 статьи 6) Соглашением может устанавливаться режим долевой собственности членов КФХ на его имущество – в отсутствие такой оговорки в Соглашении действует норма о том, что имущество фермерского хозяйства принадлежит его членам на праве совместной собственности.

Характеристика и отличительные черты соглашения о создании КФХ

Полагаем, что по своим юридическим характеристикам соглашение о создании КФХ является многосторонним, консенсуальным, возмездным и взаимным.

Характеристика соглашения как **консенсуального** обусловлена моментом его заключения, оно вступает в силу с момента как стороны достигли договорённости по всем условиям совместной деятельности; необходимости гражданам, объединяющимся в КФХ, совершить какое-либо действие для того, чтоб соглашение вступило в силу, действующее законодательство не содержит.

Соглашение предусматривает взаимные права и обязанности сторон, поэтому является **взаимным и многосторонним**, поскольку каждый из членов фермерского хозяйства выступает в качестве должника в отношении тех обязанностей, которые должно исполнить и кредитором в отношении тех прав, которые закреплены за ним Соглашением.

Несмотря на организационную природу данного Соглашения, предусматривающего не встречное исполнение обязательств другими членами фермерского хозяйства, а совместную их деятельность в целях достижения общих результатов, полагаем, что оно является **возмездным**, поскольку заключается в сфере ведения аграрного предпринимательства и направлено на получение части прибыли от такой деятельности как результата заключённого Соглашения.

Отличительными чертами Соглашения является то, что оно может заключаться только в сфере сельского хозяйства и только между лицами, которые могут участниками одного КФХ.

Долинская В.В. отмечает более подробно исследует видовые характеристики Соглашения и выделяет следующие:

- субъектный состав - исключительно дееспособные физические лица;
- характер деятельности - производственная или иная хозяйственная, предпринимательская;
- сфера деятельности - в области сельского хозяйства;
- характер участия - смешанный, внесение имущественных вкладов и обязательное личное (преимущественно трудовое) участие;
- правовой режим имущества - презумпция права общей совместной собственности;
- субсидиарная пролонгированная ответственность участников [5].

Важно – чтоб Соглашение соответствовало требованиям закона, в противном случае соглашение о создании КФХ может быть признано недействительным, даже при наличии формальных признаков такого соглашения.

Рассмотрим пример из судебной практики. Предметом спора по делу №А32-1342/2020 были иски о признании права собственности на объекты недвижимости, переданные в качестве имущественного вклада в созданное фермерское хозяйство бывшими членами колхоза. В целях узаконивания передачи объектов недвижимости было принято решение о вступлении бывших 54 ассоциированных членов колхоза в состав членов крестьянского хозяйства с последующим их выходом из его состава с получением денежной компенсации имущественных паёв. В доказательство обоснованности заявленных требований истцом было представлено соглашение о создании КФХ, подписанное указанными гражданами. Однако суды критически оценив представленное Соглашение, отказали в удовлетворении заявленных требований. В законе указано три квалифицирующих признака объединения граждан в фермерское хозяйство: наличие родственных и (или) свойственных связей между его членами, наличие в общей собственности имущества и совместное осуществление хозяйственной деятельности, которая основана на их личном участии; при отсутствии данных признаков, объединяющих членов КФХ, нельзя считать, что соглашение о создании КФХ соответствует требованиям закона – указал суд. По рассматриваемому делу было установлено, что члены КФХ, как до создания крестьянского хозяйства, так и после, не осуществляли совместно какую-либо хозяйственную деятельность, основанную на их личном участии, в связи с чем суд пришел к выводу о том, что вступление бывших членов колхоза в КФХ является недействительным из-за незаконного субъектного состава и отсутствия производственной деятельности

членов истца, в связи с чем право общей долевой собственности последнего на спорное имущество не возникло [12].

Форма соглашения о создании КФХ.

Исходя из толкования Закона № 74-ФЗ, соглашение о создании КФХ заключается в простой письменной форме путем составления одного документа, подписанного всеми членами фермерского хозяйства; обязательным приложением к нему являются копии документов, подтверждающих родство граждан, изъявивших желание создать КФХ (пункт 4 статьи 4).

Требования о нотариальной форме законодательство не предъявляет. Впрочем, при желании членов фермерского хозяйства и их финансовой возможности они могут добровольно обложить соглашение в нотариальную форму.

Государственная регистрация соглашения о создании КФХ не требуется. В перечне документов, представляемых в налоговый регистрирующий орган при создании КФХ как юридического лица либо для регистрации ИП, действующего как глава КФХ, данный документ отсутствует (ст. 12 и 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

Между тем, считаем это неправильным. Необходимо законодательно закрепить обязанность представления соглашения о создании КФХ на государственную регистрацию: для юридических лиц – в целях подтверждения заявителями условия, предусмотренного статьей 86.1 Гражданского кодекса Российской Федерации; для ИП, действующих в качестве глав фермерского хозяйства – доказательства статуса КФХ как договорного объединения граждан. Кроме того, в обоих случаях наличие в регистрационном деле соглашения поможет рядовым участникам фермерского хозяйства подтвердить в будущем свой статус как члена КФХ или условий, на которых стороны договорились совместно действовать. Например, такая необходимость может возникнуть при рассмотрении судебных споров между членами КФХ. В настоящее время суды нередко отказывают в удовлетворении требований о выплате имущественного вклада в связи с выходом из состава КФХ ввиду недоказанности членства в фермерском хозяйстве. Так, по делу № А51-10544/2022 в удовлетворении требований было отказано, хотя, казалось бы, ответчик не оспаривал факт заключения такого соглашения. Суд указал, что сам по себе факт заключения соглашения о создании КФХ не свидетельствует безусловно о его исполнении сторонами и о том, что результат заключения такого соглашения в виде создания КФХ и дальнейшего совместного участия сторон в нём состоялись; по сведениям налоговой службы, КФХ зарегистрировано на основании заявления ответчика как созданное одним гражданином, соглашение о создании КФХ при регистрации не представлялось [11].

При рассмотрении дела № А71-10600/2023 в суде апелляционной инстанции довод заявителя о том, что он является главой КФХ, что подтверждается соглашением о создании КФХ, также был отклонен судебной коллегией как несостоятельный, поскольку подписание данного соглашения в отсутствие последующей регистрации не имеет юридического значения [13].

Таким образом, судебная практика идет по признанию в качестве доказательств по делу только тех соглашений, что были представлены при государственной регистрации фермерских хозяйств.

Существующие подходы по правовой природе соглашения о создании КФХ

Как было сказано выше, специальные исследования, посвященные данной теме, в юридической литературе отсутствуют. Между тем, в трудах ученых-цивилистов по правосубъектности коммерческих корпоративных организаций можно встретить отдельные суждения о природе соглашения о создании КФХ.

Одни из цивилистов (Козлова Н.В., Филиппова С.Ю.) полагают, что оно является разновидностью договора о совместной деятельности или простого товарищества [9]. По мнению некоторых (Галиновская Е.А., Минина Е.Л., Ломакин Д.В., Ковальчук Н.И.), имеется определенное сходство соглашения о создании КФХ с учредительным договором [3, 4, 6]. Третьи полагают, что соглашение граждан о создании фермерского хозяйства без статуса юридического лица следует отнести к организационно-координирующему договору, а соглашение о создании КФХ со статусом юридического лица – к организационно-корпоративному договору, который исполняет функцию учредительного договора и действует до момента ликвидации юридического лица [8].

Согласимся с мнением коллег о схожести соглашения о создании КФХ с учредительным договором. Вместе с тем, в отсутствие законодательных норм об обязательности представления Соглашения при государственной регистрации фермерского хозяйства, оно не в полной мере отвечает признакам учредительного документа. Считаем целесообразным внесение соответствующих изменений в статьи 12 и 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», дополнив предусмотренный в них перечень документов Соглашением – при государственной регистрации фермерских хозяйств, наряду с другими документами или в качестве решения о создании юридического лица. Полагаем, что при внесении изменений в Соглашение, они также должны быть представлены в налоговый орган и храниться в регистрационном деле фермерского хозяйства.

Не согласимся с мнением о том, что соглашение о создании КФХ является договором простого товарищества. Как известно, КФХ является формой ведения аграрного предпринимательства, а пунктом 2 ст. 1041 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо предусмотрено, что сторонами такого договора, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации, тогда как в КФХ такой статус имеет только глава фермерского хозяйства. Таким образом, нормы статей 1041 – 1054 Гражданского кодекса Российской Федерации не могут быть применимы к рассматриваемым отношениям.

С другой стороны, договор простого товарищества является единственным видом договора, поименованным в Гражданском кодексе Российской Федерации, который регулирует отношения по объединению лиц в непровосубъектном образовании, не имеющем статуса юридического лица. Но даже этот факт не даёт основание применять нормы о простом товариществе к соглашению о создании КФХ, даже по аналогии закона. В судебной практике таких случаев применения норм нами также не найдено.

Романец Ю.В. выделяет общецелевую группу договоров, направленных на организацию совместной деятельности двух лиц и более в целях достижения общего для них экономического и / или юридического результата, отмечая при этом, что суть такого обязательства заключается не в конкретном результате, который достигается вступлением в подобные правоотношения, а во внутренних отношениях между объединившимися лицами, поэтому направленность таких договоров состоит в организации деятельности лиц, преследующих единую цель [7].

К таким общецелевым договорам Харитонов Ю.С. относит соглашение о создании КФХ. Характеризуя данную группу договоров, она пишет: «Отдельных усилий лица, особенно физического, далеко не всегда достаточно для достижения намеченных им целей, не всегда к тому же лицо располагает и большими средствами, необходимыми для дела. Поэтому отдельные лица ... стремятся действовать сообща, соединяя в той или другой комбинации свои средства и свои силы. Например, у одного могут быть средства, но не хватает умения открыть и вести задуманное дело в полном объеме, а у другого, наоборот, может быть такой навык, но нет необходимого стартового капитала. Совместная деятельность позволяет путем объединения средств, трудовых усилий, опыта и специальных знаний достигать экономического эффекта, недоступного при индивидуальной деятельности лиц. Образую имущественный и личный союз, своим совместным трудом такие лица могут достичь поставленной цели» [10]. Сказанное очень точно подходит и к фермерским хозяйствам.

Брагинский М.И. и Витрянский В.В. в своей монографии «Договорное право. Общие положения» [1], а в дальнейшем Брагинский М.И. в своих работах [2] проводят классификацию существующих договоров по принципу направленности их результата на 4 группы: 1) направленные на передачу имущества; 2) направленные на выполнение работ; 3) направленные на оказание услуг; 4) направленные на учреждение различных коллективных образований. В последнюю группу они относят учредительный договор и иные договоры, имеющие целью создание юридических лиц (например, акционерного общества, ассоциации и союза), а также договоры «о создании неправосубъектных объединений», в которых участники объединяются для совместной хозяйственной деятельности без образования юридического лица (в частности, договор простого товарищества). Хотя соглашение о создании КФХ авторы не упоминают, полагаем, исходя из признаков, характерных для данного Соглашения, что она также может быть включена в вышеуказанную группу.

В будущем, в рамках проводимой работы по совершенствованию гражданского законодательства, возможно внесение изменений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации (главу 55), изменив его название на «договоры о совместной деятельности», дополнив главу общими положениями, касающимися всех договоров «на учреждение коллективных образований», исключив из статьи 1041 упоминание на договор о совместной деятельности (в скобках) при характеристике договора простого товарищества, то есть распространив действие главы не только на договор простого товарищества, но и другие договоры о совместной деятельности, к коим можно будет отнести и соглашение о создании КФХ.

Выводы

Соглашение о создании КФХ является разновидностью гражданско-правовых договоров по совместной деятельности. Оно заключается гражданами, изъявившими желание создать фермерское хозяйство и в дальнейшем совместно действовать в целях получения прибыли от сельскохозяйственного производства, вне зависимости, какую форму ведения аграрного предпринимательства они выберут – юридического лица или государственной регистрации главы в качестве индивидуального предпринимателя. Для придания ему должной юридической силы данный документ должен обязательно представляться при государственной регистрации фермерского хозяйства и в дальнейшем, при внесении в него изменений. Институт соглашения о создании КФХ недостаточно изучен и урегулирован, что требует дальнейшего изучения, переосмысления и внесения изменений в действующее гражданское законодательство.

Список литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Книга 1 (3-е издание, стереотипное) М.: Статут. 2001. - 847 с.
2. Брагинский М.И. Договоры об учреждении коллективных образований // Право и экономика. 2003. № 3.
3. Галиновская Е.А., Минина Е.Л. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2004.
4. Долинская В.В. Крестьянское (фермерское) хозяйство как специализированная организационно-правовая форма агробизнеса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 9. С. 13 - 20.
5. Ковальчук Н.И. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». - Специально для системы ГАРАНТ, 2016.
6. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. - 146 с.
7. Романец Ю.В. Договор простого товарищества и подобные ему договоры (вопросы теории и судебной практики) // Вестник ВАС РФ. 1999. № 12.
8. Рыбаков В.А., Егорова М.А., Авдонина О.Г. Организационные отношения в крестьянском (фермерском) хозяйстве без статуса юридического лица // Гражданское право. 2015. № 3. С. 27 - 31.
9. Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / А.С. Ворожевич, О.И. Гентовт, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. Москва: Статут, 2022. - 350 с.
10. Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. - 304 с.
11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2023 № 05АП-1878/2023 по делу № А51-10544/2022.
12. Определение Верховного Суда РФ от 10.01.2022 № 308-ЭС21-25104 по делу № А32-1342/2020.
13. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2024 № 17АП-6342/2024-ГК по делу N А71-10600/2023.

References:

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law: General provisions. Book 1 (3rd edition, stereotypical) M.: Statute. 2001. - 847 p.
2. Braginsky M.I. Agreements on the establishment of collective formations // Law and economics. 2003. № 3.
3. Galinovskaya E.A., Minina E.L. Commentary on the Federal law "On peasant (farm) economy" (article by article). Moscow: Justicinform, 2004.
4. Dolinskaya V.V. Peasant (farm) economy as a specialized organizational and legal form of agribusiness // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. No. 9. p. 13-20.
5. Kovalchuk N.I. Scientific and practical commentary (article-by-article) to Federal Law No. 74-FZ dated June 11, 2003 "On Peasant (Farm) farming". - Especially for the GARANT system, 2016.
6. Lomakin D.V. Commercial corporations as subjects of corporate legal relations: textbook. M.: Statute, 2020. - 146 p.
7. Romanets Yu.V. The contract of simple partnership and similar contracts (issues of theory and judicial practice) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1999. No. 12.
8. Rybakov V.A., Egorova M.A., Avdonina O.G. Organizational relations in a peasant (farmer) farm without the status of a legal entity // Civil law. 2015. No. 3. pp. 27-31.
9. Individuals as subjects of Russian civil law: monograph / A.S. Vorozhevich, O.I. Gentovt, N.V. Kozlova et al.; ed. by N.V. Kozlova, S.Y. Filippova. M.: Statute, 2022. 350 p.
10. Kharitonova Yu.S. Management in civil law: problems of theory and practice. M.: Norm, Infra-M, 2011. - 304 p.
11. Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated 05/12/2023 No. 05AP-1878/2023 in case No. A51-10544/2022.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01/10/2022 No. 308-ES21-25104 in case No. A32-1342/2020.
13. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated 09/22/2024 No. 17AP-6342/2024-CC in case No. A71-10600/2023.

**КАТЕГОРИИ «ПОЛИТИКА», «ВОЗДЕЙСТВИЕ» И «РЕАГИРОВАНИЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**
**Categories of "Politics", "Impact" and "Response"
in the modern criminal-legal doctrine**

АНИСИМОВ Валерий Филиппович,
доктор юридических наук, доцент, профессор
Высшей школы права Югорского государственного университета.
628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.
E-mail: anisimovvf@gmail.com;

БЛАШКОВА Людмила Леонидовна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
Высшей школы права Югорского государственного университета.
628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.
E-mail: anisimovvf@gmail.com;

АКИНИНА Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
Высшей школы права Югорского государственного университета.
628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.
E-mail: anisimovvf@gmail.com;

Anisimov Valery Filippovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Higher School of Law Yugorsk State University.
628012, Khanty-Mansiysk, Chekhov St., 16.
E-mail: anisimovvf@gmail.com;

Blashkova Lyudmila Leonidovna,
Candidate of Law, Senior Lecturer of the Higher School of Law Yugorsk State University.
628012, Khanty-Mansiysk, Chekhov St., 16.
E-mail: anisimovvf@gmail.com;

Akinina Natalia Yurievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Higher School of Law of Yugra State University.
628012, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16.
E-mail: anisimovvf@gmail.com

Краткая аннотация: современная наука уголовного права ориентирована на поиск решений эффективного противодействия преступности без применения излишне строгих мер ответственности. Данные процессы получили наименование политики гуманизации российского уголовного законодательства. Выработка необходимых средств и механизмов противодействия преступности требуется определить комплекс базовых идеологических начал, которые представляют собой сущность уголовной политики государства. Но ни уголовная политика, ни ее элементы в современной правовой доктрине не получили должного раскрытия своего юридического содержания. На основе сопоставительного анализа предложенных в юридической науке определений сущности таких категорий, как: «Уголовная политика», «Уголовно-правовое воздействие» и «Уголовно-правовое реагирование» формулируется вывод по их соотношению друг с другом.

Abstract: modern science of criminal law is focused on finding solutions for effective combating crime without applying excessively strict measures of responsibility. These processes are called the policy of humanization of Russian criminal legislation. The development of the necessary means and mechanisms for combating crime requires defining a set of basic ideological principles that represent the essence of the criminal policy of the state. But neither criminal policy nor its elements in modern legal doctrine have received due disclosure of their legal content. Based on the comparative analysis of the definitions of the essence of such categories as "Criminal Policy", "Criminal-legal impact" and "Criminal-legal response" proposed in legal science, a conclusion is formulated on their relationship with each other.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовое реагирование, уголовная ответственность, наказание.

Key words: criminal policy, criminal-legal impact, criminal-legal response, criminal liability, punishment.

Для цитирования: Анисимов В.Ф., Блашкова Л.Л., Акинина Н.Ю. Категории «Политика», «Воздействие» и «Реагирование» в современной уголовно-правовой доктрине // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 194-198. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_194.

For citation: Anisimov V.F., Blashkova L.L., Akinina N.Yu. Categories of "Politics", "Impact" and "Response" in the modern criminal-legal doctrine // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 194-198. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_194.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Российское уголовное законодательство на протяжении последних десяти-пятнадцати лет переживает этап пересмотра отдельных основополагающих категорий, что вызвано некими идеологическими корректировками и изменениями в государственной политике противодействия преступности. Данное обстоятельство породило значительную волну дискуссий в научной литературе относительно обоснованности изменения курса уголовной политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства. В то же время научному анализу стали подвергаться и критерии социальной обусловленности направлений уголовной политики.

Результаты новейших исследований в области уголовной политики свидетельствуют об отсутствии в научной среде общепризнанного понимания сущности указанного явления, условий выделения ее структурных компонентов или, напротив, недопустимости рассмотрения уголов-

ной политики как сложной многоэлементной системы, обеспечивающей проведение в жизнь решений о криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, равно как и дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Неопределенность пределов общественных отношений, в которых осуществляется уголовная политика, неясная установка ее целей с последующим декомпонизированием на задачи, не могут привести к положительному результату – успешному противодействию преступности в российском обществе. По этой причине в настоящее время необходим научный анализ высказанных в теории уголовного права предложений относительно различных аспектов содержания уголовной политики, а также выбор оптимальной модели ее структурных элементов.

Деятельность государства, направленная на борьбу с преступностью, осуществляется в рамках общегосударственной политики развития. Применительно к деятельности об определении преступности и наказуемости общественно опасных деяний, назначению и последующему применению наказания и иных мер уголовной ответственности принято использовать термин «уголовная политика».

Еще в начале XX века Н.С. Таганцев указывал, что одним из возможных вариантов раскрытия содержания уголовной политики может быть деление на две части. Первая – криминологическая – охватывает науку о преступлении в его фактическом проявлении, причинах совершения запрещенных уголовным законом действий, психологию (биологию) преступления, которые отражают индивидуальные особенности преступника, а также уголовную социологию, характеризующую преступление как неизбежное явление, сопровождающее развитие общественных отношений. Вторая – пенология – изучает наказание как средство борьбы с преступлением [22, с. 893].

В настоящее время подходы к трактовке содержания уголовной политики меняются. Некоторые авторы уже обосновывают необходимость выделения в самостоятельные категории, например, уголовно-правовой, криминологической, уголовно-исполнительной и иной политики, которая так или иначе связана с противодействием и предупреждением преступности [17, с. 6].

Уголовная политика в широком значении понимается как разновидность общегосударственной политики в области борьбы с преступностью. Дав такую правовую оценку, Э.Ф. Побегайло отметил, что борьба с преступностью носит комплексный характер и с использованием самых разнообразных средств воздействия на преступность [21, с. 87]. На комплексный характер уголовной политики указывает С.С. Босхолов, доказывая, что она включает в себя государственную политику, направленную на борьбу с преступностью, научную теорию разработки эффективных мер противодействия преступности, а также совокупности политических, социологических и юридических знаний, определяемых предупреждением преступлений [5, с. 32].

И.М. Мацкевич дает определение уголовной политике как концентрированному выражению «... воли правящего режима конкретного государства в конкретный исторический период, направленной на борьбу с преступными проявлениями в целях защиты добропорядочных граждан и их собственности от преступников, а также защиты государственных институтов» [19, с. 3].

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин рассматривают уголовную политику в качестве фундаментальной базы для нормативного и практического регулирования между преступностью и обществом. [2, с. 9].

А.В. Наумов отметил, что она сводится к одному из направлений внутренней и внешней политики государства. Функциональное назначение уголовной политики заключается в определении стратегии и тактики борьбы с преступностью, где особое значение имеет криминализация и наказуемость общественно опасных деяний. [20, с. 3].

Сущность уголовной политики в узком значении сводится к деятельности по борьбе с преступностью, которая регламентируется исключительно уголовным законодательством. Например, Н.А. Беляев и В.К. Дюнов рассматривали уголовную политику как часть общей государственной политики, направленной на борьбу с преступностью и осуществляемой средствами уголовного права [4, с. 15; 19, с. 16].

М.П. Клейменов пишет об уголовной политике как о целенаправленной деятельности государства, целью которой является ограничение преступности средствами уголовно-правового воздействия (криминализация, пенализация, декриминализация, депенализация, формирование научных основ квалификации преступлений, обеспечение надлежащей правоприменительной деятельности [12, с. 28].

Противоречивые оценки и предложения ученых о понимании сущности и установления пределов уголовной политики вызваны различным отношением к субъектам, видам и средствам осуществления данной деятельности.

По нашему мнению, сведение основания уголовной политики к отрасли уголовного права чрезмерно сужает и объем и значение уголовной политики как части общегосударственной политики. Ее дробление на «уголовную», «уголовно-процессуальную», «уголовно-исполнительную», «криминологическую» и т.п. свидетельствует о подмене понятий «основание» и «средство» осуществляемой деятельности. Государство определяет политику борьбы с преступностью в целом. Снижение количественных и качественных показателей преступности, обеспечение надлежащей охраны правопорядка выступает стратегической целью, ради достижения которой создается и используется арсенал различных средств [18, с. 253]. Поэтому для общей борьбы с преступностью недостаточно обеспечить должное качество уголовно-правового регулирования, но без учета, например, особенностей уголовно-процессуальной регламентации деятельности дознания, прокуратуры, следственных и судебных органов в вопросах производства по уголовным делам; органов и учреждений уголовно-исполнительной системы – в вопросах исполнения назначенных в соответствии с уголовным законом наказаний; и т.п. Исходя из такой оценки, можно заключить, что уголовное законодательство, должно рассматриваться только в качестве одного из средств осуществления проводимой государством политики борьбы с преступностью.

Основанием же для осуществления такой политики является господствующая в обществе и государстве идеология [3, с. 23-24; 6, с. 253; 16, с. 19].

Справедливости ради все же следует отметить, что итоговые стратегические решения в области борьбы с преступностью, равно как и ответственность за эффективность их претворения в жизнь возлагаются на представителей органов государственной власти. Принимая во внимание

данное обстоятельство, в качестве основного субъекта уголовной политики следует признать государство в лице его органов и учреждений.

Границы уголовной политики определяются с помощью цели ее осуществления, т.е. борьбы с преступностью. Из этого следует, что деление уголовной политики на многочисленные «мелкие политики» противодействия отдельным группам преступлений [15, с. 277-283] является достаточно спорным решением. Различие в степени интенсивности уголовной репрессии в отношении разнородных групп преступлений диктуется разницей в их характере и степени общественной опасности, но не политикой, которая якобы формируется применительно к каждой группе деяний. Поэтому пределы уголовной политики определяются всем кругом общественно опасных деяний.

Полагаем, что справедливость высказанных мнений о широком понимании сущности уголовной политики может быть дополнительно обоснована существованием отдельных направлений государственной политики, целью которых является нейтрализация и устранение крайне негативных социальных явлений [7, с. 122].

В самом общем виде под мерами реализации уголовной политики можно понимать наказание, меры уголовной ответственности или меры уголовно-правового характера, предусмотренные действующим уголовным законом. Относительно недавно уголовно-правовое воздействие стало претендовать на терминологическое научное обособление. Хотя и в новейшей литературе встречаются случаи использования данной категории в значении профилактики преступного поведения [8, с. 58-60], применения уголовно-правовых норм [2, с. 12] и др.

В.К. Дуюнов одним из первых обозначил уголовно-правовое воздействие как самостоятельную проблему в уголовном праве. По его утверждению, уголовно-правовое воздействие обеспечивает нормальную жизнедеятельность общества, охраняет права и законные интересы личности, общества и государства от преступных посягательств и представляет собой рациональное и эффективное применение уголовно-правовых средств в качестве реакции государства на нарушение уголовных предписаний [10, с. 3, 6].

К формам такой реализации относятся: наказание, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, а стадии уголовно-правового воздействия (всего шесть стадий) определяются от принятия уголовно-правовой нормы, которая рассматривается как основание для уголовно-правового воздействия и до завершения уголовно-правового воздействия в связи с погашением или снятием судимости [11, с. 42], что также доказывает присутствие уголовно-правового воздействия и при нормативной регламентации уголовной ответственности, и при реализации назначенных судом мер государственного принуждения в отношении преступника.

Если В.К. Дуюнов сделал попытку обособления уголовно-правового воздействия в рамках проводимой государством уголовной политики, то Н.А. Лопашенко, напротив, в содержание уголовно-правового воздействия включила уголовное право, уголовное законодательство и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы всего того, что связано с преступлением и наказанием [17, с. 7].

Представители авторского коллектива под руководством А.И. Раюга, исследуя уголовно-правовое воздействие, заключили, что оно отождествляется с совокупностью предусмотренных УК РФ способов государственного принуждения в ответ на совершение общественно опасного деяния. В объем уголовно-правового воздействия включаются все меры, предусмотренные уголовным законом, применение которых возможно как к преступнику, так и к лицу, которое в момент совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости. Поэтому предусмотренный в УК РФ термин «меры уголовно-правового характера» авторы предлагают заменить на более емкий термин «уголовно-правовое воздействие» [24, с. 34].

Несмотря на частные различия подходов к решению исследуемых проблем, многие из перечисленных авторов обращали внимание на необходимость включения в терминологический аппарат науки уголовного права нового термина в связи с содержательной узостью терминов «уголовная ответственность» и «меры уголовно-правового характера» [14, с. 79].

М.В. Бавсун, проведя исследование различных аспектов уголовно-правового воздействия как научной категории, предложил признать в качестве такового основанную на официально-властном волеизъявлении систему закрепленных в уголовном законе мер, необходимых для обеспечения охраны интересов государства, общества и личности от преступных посягательств. Входящие в данную систему элементы сводятся к информационно-правовым, карательным и воспитательным средствам, а также мерам безопасности [3, с. 11].

Учитывая данные обстоятельства через призму содержания уголовной политики, мы приходим к выводу, что уголовно-правовое воздействие является частью уголовной политики, но уже ограничивается и кругом субъектов и мерами реализации. Иной подход не позволяет надлежащим образом разграничить данные уголовно-правовые категории. Если субъектами уголовной политики выступают государство, институты гражданского общества и даже отдельные граждане, то субъектом уголовно-правового воздействия является только государство в лице правоохранительных и судебных органов.

Реализация уголовно-правового воздействия осуществляется в процессе как законодательной, так и правоприменительной деятельности.

Анализ приведенных источников свидетельствует о том, что уголовная политика и уголовно-правовое воздействие уже рассматриваются в качестве научных терминов, хотя единства мнений относительно их ключевых характеристик еще не достигнуто. Но в отличие от уголовной политики и уголовно-правового воздействия категория «уголовно-правовое реагирование» в настоящее время еще только становится предметом научного исследования и обоснования необходимости включения в научный аппарат уголовного права.

В большинстве случаев какого-либо специального терминологического значения исследователи уголовно-правовому реагированию пока не придают. Обозначая предмет своего исследования как «уголовно-правовые средства реагирования», Е.А. Тимофеева не раскрывает суть данной категории, а описывает закрепленные уголовным законодательством меры ответственности за совершение отдельных противоправных действий, объединяемых общими юридическими признаками [23, с. 8-9].

Одним из первых исследователей, которые предложили теоретическое обоснование необходимости рассмотрения термина «уголовно-правовое реагирование» как обособленной научной категории, является М.П. Клейменов. Под уголовно-правовым реагированием он предложил понимать реализацию компетентными органами наказания, испытания и иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, или легальный отказ от такой реализации. [13, с. 10].

Уголовно-правовое воздействие и уголовно-правовое реагирование находятся в соотношении общего и частного. Реагирование, являясь ядром уголовно-правового воздействия, ограничивается рамками практической реализации уголовной ответственности – от отказа от применения к виновному наказания и иных предусмотренных уголовным законом мер, до применения наиболее строгих наказаний, которые предусмотрены санкциями норм Особенной части УК РФ [13, с. 10].

Уголовная политика, уголовно-правовое воздействие и уголовно-правовое реагирование могут относиться как к преступности в целом, так и к отдельным ее видам. Учитывая взаимосвязи всех перечисленных категорий, можно выявить специфические особенности уголовно-правового реагирования на отдельный вид преступности. Таковыми являются виды мер уголовной ответственности, которые обеспечивают наиболее эффективное превентивное воздействие, виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых к виновному в совершении преступления, основания и виды освобождения от уголовной ответственности или наказания, использование которых не противоречит принципу справедливости и одновременно отвечает требованию экономии уголовной репрессии.

Рассмотренные в настоящем исследовании категории правовой доктрины «Уголовно-правовое воздействие» и «Уголовно-правовое реагирование» являются компонентами уголовной политики РФ. Каждая из них отличается друг от друга специфическими задачами, кругом субъектов, а также применяемыми средствами. Уголовная политика, воздействие и реагирование основываются на общегосударственной идеологии и направлены на достижение единой цели – противодействие преступности.

Системный подход к определению уголовной политики государства, которая последовательно включает в себя средства и механизмы реализации уголовно-правового воздействия, а затем и уголовно-правового реагирования позволяет упорядочить деятельность всех органов государственной власти по борьбе с преступностью.

В частности, уголовная политика государства преследует главную цель, которая сводится к уничтожению преступности в обществе. Будучи многогранным социальным явлением, уголовная политика призвана решить значительное количество задач из самых разных областей общественной жизни: экономическое благосостояние населения, воспитание нетерпимости к нарушению требований уголовного законодательства. Учитывая масштабность цели, а также многоаспектность задач уголовной политики, субъектами последней являются и органы государственной власти, и институты гражданского общества.

На уровне уголовно-правового воздействия формируется одно из ключевых средств борьбы с преступностью – уголовный закон, положения которого определяют виды преступлений, а также меры уголовной ответственности, назначаемые за их совершение. Качество уголовно-правовых предписаний обеспечивается успешным решением значительного круга задач в области законодательной техники и дифференциации юридической ответственности, последовательным формированием институтов Общей и Особенной частей уголовного закона, их соответствием господствующей идеологии и положениям нормативных актов большей юридической силы. Субъектом уголовно-правового воздействия выступает, преимущественно, законодатель, а в исключительных случаях высшие органы судебной и исполнительной власти в рамках предоставляемых им возможностей реализации законодательной инициативы.

Уголовно-правовое реагирование преследует цель обеспечения справедливости применяемых наказаний и иных мер уголовной ответственности к виновным в совершении преступлений. Решаемые в ходе уголовно-правового реагирования задачи сводятся к обеспечению соразмерности уголовной репрессии, приоритету использования менее строгих мер государственного принуждения и непрерывности процесса ресоциализации осужденных. Субъектами уголовно-правового реагирования признаются органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, иные правоохранительные органы в части выполнения функций административного надзора, а также институты гражданского общества, участвующие в ресоциализации осужденных.

Список литературы:

1. Аминов Д. И., Полищук Д. А. Секреты эффективности уголовно-правовой политики // Российский следователь. 2013. № 18. С. 11-14.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. 291 с.
3. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.
4. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: изд-во ЛГУ, 1986. 175 с.
5. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: ЮрИнфоР, 1999. 293 с.
6. Голосков Л. В. Уголовная политика: правотворчество, правоприменение, правосознание : монография. М.: РУСАЙНС, 2023. 232 с.
7. Грушин Ф. В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2018. 630 с.
8. Дугинец А. С., Тищенко Ю. Ю. К вопросу о возможностях уголовно-правового воздействия на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2022. № 4. С. 58-60.
9. Дуюнов В. К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IV Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 17-21.
10. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 49 с.
11. Дуюнов В. К., Подройкина И. А., Закомолдин Р. В. Феномен наказуемости и наказания в механизме уголовно-правового воздействия : монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 256 с.
12. Клейменов М. П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 27-29.
13. Клейменов И. М., Клейменов М. П. Уголовно-правовое реагирование : монография. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2022. 204 с.
14. Корнеев С. А. Перспективные направления гуманизации уголовной политики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2. С. 73-81.
15. Лайкова Е. А., Шипов О. В. Уголовная политика в сфере борьбы с незаконной миграцией // Современный ученый. 2020. № 3. С. 277-283.
16. Лебедев С. Я. К вопросу об идеологии уголовной политики // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 19-20.

17. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 337 с.
18. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : мировой криминологический анализ / Ин-т государства и права Рос. акад. наук. М.: Норма, 1997. 497 с.
19. Мацкевич И. М. Модернизация уголовной политики (к постановке проблемы) / Современные проблемы уголовной политики : материалы III Международной научно-практической конференции (28 сентября 2012 года) : в 2 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. Т. 1. С. 3-13.
20. Наумов А.В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 3-9.
21. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики. Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Сателлит, 2004. С. 87-109.
22. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб.: Гос. тип., 1902. 216 с.
23. Тимофеева Е. А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 28 с.
24. Уголовно-правовое воздействие : монография / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 286 с.

References:

1. Aminov D. I., Polishchuk D. A. Secrets of the effectiveness of criminal law policy // A Russian investigator. 2013. No. 18. pp. 11-14.
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problems of Russian criminal policy. Moscow: Prospect, 2014. 291 p.
3. Bavsun M. V. Criminal legal impact: ideology, goals and means of implementation : abstract. dis. ...Dr. Yurid. sciences'. Omsk, 2013. 39 p.
4. Belyaev N. A. Criminal law policy and ways of its implementation. L.: publishing house of LSU, 1986. 175 p.
5. Bosholov S. S. Fundamentals of criminal policy: constitutional, criminological, criminal law and information aspects. Moscow: Yurinform, 1999. 293 p.
6. Goloskov L. V. Criminal policy: law-making, law enforcement, legal awareness : monograph. M.: RUSAINS, 2023. 232 p.
7. Grushin F. V. The system of factors determining the development of penal enforcement policy and penal enforcement legislation : dis. ...Dr. Yurid. sciences'. Ryazan, 2018. 630 p.
8. Duginets A. S., Tishchenko Yu. Yu. On the question of the possibilities of criminal law impact on the prevention of crimes // Russian investigator. 2022. No. 4. pp. 58-60.
9. Duyunov V. K. Criminal law policy in the policy of combating crime // Criminal law: development strategy in the XXI century : materials of the IV International Scientific and practical conference. M., 2007. pp. 17-21.
10. Duyunov V. K. Mechanism of criminal law impact: theoretical foundations and the practice of implementation : abstract. dis. ...Dr. Yurid. M., 2001. 49 p.
11. Duyunov V. K., Podroikina I. A., Zakomoldin R. V. The phenomenon of punishability and punishment in the mechanism of criminal legal influence : monograph. M.: Yurilitinform, 2022. 256 p.
12. Kleimenov M. P. The concept of criminal law policy // Bulletin of Omsk University. The series "Law". 2009. No. 4. pp. 27-29.
13. Kleimenov I. M., Kleimenov M. P. Criminal law response : monograph. M.: Russian State University of Justice, 2022. 204 p.
14. Korneev S. A. Promising directions of humanization of criminal policy // Legal science and law enforcement practice. 2021. No. 2. pp. 73-81.
15. Laikova E. A., Shipov O. V. Criminal policy in the field of combating illegal migration // A modern scientist. 2020. No. 3. pp. 277-283.
16. Lebedev S. Ya. On the ideology of criminal policy // Civil service and personnel. 2021. No. 3. pp. 19-20.
17. Lopashenko N. A. Fundamentals of criminal law impact: criminal law, criminal law, criminal law policy. St. Petersburg: Legal Center "Press", 2004. 337 p.
18. Luneev V. V. Crime of the XX century: world, regions and Russian trends : world criminological analysis / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: Norm, 1997. 497 p.
19. Matskevich I. M. Modernization of criminal policy (towards the formulation of the problem) / Modern problems of criminal policy : materials of the III International Scientific and Practical Conference (September 28, 2012) : in 2 volumes / edited by A.N. Ilyashenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. Vol. 1. pp. 3-13.
20. Naumov A.V. Criminal policy in the field of sentencing and execution of punishment: the contradiction between the legislative ideal and practice // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2009. No. 5. pp. 3-9.
21. Pobegailo E. F. The crisis of modern Russian criminal policy. Crime and criminal law: realities, trends and mutual influence / edited by N. A. Lopashenko. Saratov: Satellite, 2004. pp. 87-109.
22. Tagantsev N. S. Course of criminal law. St. Petersburg.: State type., 1902. 216 p.
23. Timofeeva E. A. Criminal law means of responding to evasion (malicious evasion) from serving a sentence: problems of differentiation of responsibility and legislative technique : abstract. ... cand. Jurid. sciences'. Krasnodar, 2008. 28 p.
24. Criminal legal impact: monograph / edited by A. I. Raroga. M.: Prospect, 2012. 286 p.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА ON THE NEED TO EXPAND THE GOALS OF COMPULSORY TREATMENT IN THE EXECUTION OF A SENTENCE

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России, доцент кафедры экономики, управления и права, Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

САВИН Андрей Александрович,

старший преподаватель кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: Aasavin33@mail.ru;

Zykov Daniil Alekseevich,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru;

Savin Andrei Aleksandrovich,

Senior lecturer of the Department of public law disciplines' of the faculty of law and management of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: Aasavin33@mail.ru

Краткая аннотация: Нередко лицами, очевидно находящимися в состоянии заболевания психики совершаются противоправные деяния, за которые наказание не может быть назначено в виде лишения свободы. В таких случаях судом принимается решение о назначении альтернативного наказания с возложением обязанности по прохождению лечения в специализированном учреждении амбулаторно. Естественно исполнение возложенных обязанностей должно быть проконтролировано, что возлагается на органы уголовно-исполнительной системы (далее УИС). О проблемах исполнения такого контроля мы рассмотрим в настоящей статье.

Abstract: Often, persons who are obviously in a state of mental illness commit illegal acts for which punishment cannot be imposed in the form of imprisonment. In such cases, the court decides on the appointment of an alternative punishment with the assignment of the obligation to undergo treatment in a specialized outpatient facility. Naturally, the performance of the assigned duties must be monitored, which is assigned to the bodies of the penal enforcement system (hereinafter referred to as the UIS). We will discuss the problems of performing such control in this article.

Ключевые слова: наказание, цели, заболевание, УИС, исполнение.

Keywords: punishment, goals, disease, UIS, execution.

Для цитирования: Зыков Д.А., Савин А.А. О необходимости расширения целей принудительного лечения при исполнении приговора // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 199-200. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_199.

For citation: Zykov D.A., Savin A.A. On the need to expand the goals of compulsory treatment in the execution of a sentence // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 199-200. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_199.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

Полагаем, что нам могут возразить и прокомментировать, что, например, принудительные меры медицинского характера применяются индивидуально с целью излечения или улучшения психического состояния конкретного лица и последующего возвращения его в лоно законопослушной части общества через осознание грани противоправного поведения, что в конечном итоге способствует предупреждению совершения с его стороны повторных общественно опасных деяний. Однако отметим, это следствие и итог деятельности медицинских работников в сфере их компетенций, обусловленных, в первую очередь, лечением, а не исполнением решения суда. Учитывая, что медицинские организации не входят в систему УИС, то это создает дополнительные проблемы исполнения приговора с возложенными дополнительными ограничениями. На основании вышеизложенного нельзя согласиться с мнением ученых, полагающих возможным достижение цели предупреждения совершения новых общественно опасных деяний и в том числе преступлений [1]. Вместе с тем, не всегда лица, имеющие психические заболевания, находятся в состоянии невменяемости, которое следует оценивать как крайнюю стадию психического заболевания. Для большинства лиц с заболеваниями психики характерны психические расстройства, не исключающие вменяемости, в связи с чем Ю. А. Герасина предлагает учитывать критерии опасности для себя и окружающих со стороны лица с психическим заболеванием, разделив их на наименьшую, небольшую, повышенную и особую [2].

Вместе с тем на страницах юридической печати можно встретить точки зрения, согласно которым указанный перечень предлагается дополнить путем его расширения и другими целями. Так, достаточно распространенным является мнение, в соответствии с которым среди указанных выше целей выделялась и цель приспособления больных к условиям социального общежития [3]. Необходимо отметить, что решение данного вопроса предлагалось возложить на органы УИС, однако до настоящего времени такое решение не принято. Аналогично представленным доводам, на наш взгляд, указанная цель во всем многообразии ее вариаций уже заложена в цель излечения или улучшения психического состояния. Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации (далее ФЗ РФ) от 02.07.1992 г. № 3185-1 медицинская реабилитация включается в психиатрическую помощь наряду с лечением, являясь его продолжением. Ее проведение способствует улучшению психического состояния, а следовательно, благоприятствует процессу адаптации, т. е. приспособлению к условиям проживания в

обществе. В связи с этим полагаем, что дополнение указанной целью представляется нецелесообразным. По названным же основаниям нерационально закрепление цели предупреждения новых эксцессов, которую среди основных двух целей предлагал к рассмотрению Б. А. Протченко [4]. Предупреждение новых эксцессов предполагает достижение конечной цели – излечения, которое не допускает повторения болезни.

В научной литературе встречается мнение и о наличии цели по охране личности больного или его прав [5], а также цели охраны или обеспечения безопасности, но уже общества от поведения и деяний психически больных лиц [6]. В целом, соглашаясь с предложением, отметим, что на их достижение нацелено все отечественное законодательство, в частности, ч. 2 ст. 2 ФЗ РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1: охрана личности и общества в целом является неотъемлемым аспектом реализации положений о принудительных мерах медицинского характера, а также всех других уголовно-правовых и медицинских мер. Ее включение в перечень целей рассматриваемых мер будет являться излишним, дублирующим, как и в отношении ранее рассмотренных целей, уже имеющие положения законодательства.

Существуют и другие взгляды на цели применения принудительных мер медицинского характера, однако в той или иной мере они пересекаются с указанными основными взглядами и доводами, а, следовательно, имеют те же недостатки, что и вышеуказанные варианты целей, в связи с чем полагаем возможным ограничиться представленными подходами. В этой части вопроса согласимся с учеными, считающими излишним дополнение ст. 98 УК РФ другими целями [7]. Наблюдение и лечение в амбулаторных условиях по приговору суда назначаются нечасто [8]. На возможность назначения лечения в амбулаторных условиях прямо указывают положения ч. 2 ст. 99 УК РФ: «суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера». Такая директива прямо предусмотрена постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», в соответствии с которым указывается на вид принудительных мер медицинского характера, который может быть применен судом к лицу, совершившему преступление и страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но нуждающемуся в лечении психического расстройства – амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра. Такая мера может быть применена при назначении уголовного наказания, в частности, наказания без изоляции от общества. К ней осуждается значительное число лиц, признанных виновными в совершении уголовно наказуемых деяний [8]. Несмотря на снижение численности осужденных в последние годы, которая составляет около 25 % от общего числа осужденных, официальные данные свидетельствуют о значительном потенциале применения рассматриваемого соединения.

На фоне представленных показателей судимости в России отметим, что совершение преступления само по себе свидетельствует о наличии признаков отклоняющегося поведения, что в свою очередь нередко может говорить о наличии проблем в психике человека. Безусловно, это утверждение не является аксиомой, однако во многих случаях оно имеет основания: некоторые формы девиантного поведения связаны с психическим состоянием человека. Не углубляясь в основы психологии отметим, что сказанное имеет лишь косвенное отношение к неосторожным преступлениям, а также к целому ряду преступлений, характеризующихся высоким уровнем технологичности и подготовки, например, преступления в сферах экономической деятельности, компьютерной информации, против интересов службы в коммерческих организациях и т. п.

На наш взгляд, также представляется возможным выявить признаки отклоняющегося поведения. Например, в основе экономических моделей поведения лежат психологические закономерности, в связи с чем, отклонение от них зачастую объясняется психологическими переменами, ведущими к иррациональному поведению лица. В отечественной литературе данный вопрос не получил широкого обсуждения, однако, зарубежные исследователи многократно обращались к нему [9]. К тому же и излишнее увлечение компьютерными программами зачастую приводит не только к проблемам с физическим здоровьем, но и психическим: помимо повышенного утомления, головных болей, расстройства сна и раздраженности, со временем проявляются и психические расстройства. На основании вышеизложенного можно заключить, что перечень целей принудительных мер медицинского характера, закрепленный в ст. 98 УК РФ, является излишним, как и дискуссии по вопросу его расширения: цель применения принудительных мер медицинского характера может быть лишь одна – излечение лиц или улучшение их психического состояния, закрепление юридических целей нецелесообразно и предполагается как само собой разумеющееся. Бесспорным является факт того, что исполнение возложенных обязанностей на осужденных не может оставаться бесконтрольным, что, в свою очередь, поднимает проблему наделения уполномоченных органов УИС полномочиями и компетенциями по исполнению подобных требований.

Список литературы:

1. Федорова Е. А. Предупреждение совершения новых деяний (преступлений) как цель применения принудительных мер медицинского характера // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-2. С. 102–103.
2. Герасина Ю. А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8.
3. К вопросу о принудительных мерах медицинского характера / И. Ф. Случевский [и др.] // Теоретическая конференция, посвященная вопросам советского исправительно-трудового права и советской исправительно-трудовой политики. Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1958. С. 24.
4. Протченко Б. А. Принудительные меры медицинского характера по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 3.
5. Журавлева Т. Н. Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002. С. 11.
6. Горобцов В. И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу Российской Федерации : учеб. пособие. Красноярск : КВШ МВД РФ, 1998. С. 22.
7. Герасина Ю. А. Цели применения принудительных мер медицинского характера // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 311.
8. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://cdep.ru/?id=79>.
9. Lewin S.B. (1996) Economics and Psychology: Lessons For Our Day from the Early Twentieth Century, Journal of Economic Literature, 34, p. 1293-1294.

References:

1. Fedorova E. A. Prevention of the commission of new acts (crimes) as the purpose of applying compulsory medical measures // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2017. No. 17-2. pp. 102-103.
2. Gerasina Yu. A. Compulsory medical measures: concept, types, application : abstract. dis. ... cand. Jurid. M., 2013. p. 8.
3. On the issue of compulsory medical measures / I. F. Sluchevsky [et al.] // Theoretical conference devoted to the issues of Soviet correctional labor law and Soviet correctional labor policy. L. : L. A. Zhdanov Leningrad State University 1958., p. 24.
4. Protchenko B. A. Compulsory medical measures for to the Soviet criminal law : an abstract of the dissertation ... cand. Jurid. M., 1979. p. 3.
5. Zhuravleva T. N. Institute of compulsory medical measures in the legislation of the Russian Federation : dis. ... cand. Jurid. sciences. Rostov n/A, 2002. p. 11.
6. Gorobtsov V. I. Compulsory medical measures against mentally ill persons under the Criminal Code of the Russian Federation : textbook. stipend. Krasnoyarsk : KVSH of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998. p. 22.
7. Gerasina Yu. A. The purpose of applying compulsory medical measures // Nauka i sovremennost. 2010. No. 4-2. p. 311.
8. Judicial statistics data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation : [website]. URL: <http://cdep.ru/?id=79>.
9. Levin S.B. (1996) Economics and Psychology: Lessons of the early twentieth century for our days, Journal of Economic Literature, 34, pp. 1293-1294.

ЭЛЕКТРОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ПРОБАЦИИ ELECTRONIC INTERACTION IN THE FIELD OF PROBATION

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. 600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67Е.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

СМБАТЯН Евгения Артаковна,

курсант Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. 600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67Е.
E-mail: ismbatian@mail.ru;

Gusev Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not related to the isolation of Convicts from Society, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

Smbatyan Evgeniya Artakovna,

cadet of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: ismbatian@mail.ru

Краткая аннотация. Достаточно важным вопросом является внедрение электронных способов межведомственного взаимодействия, поскольку объем работы у сотрудников всех ведомств и служб огромен и малейшее промедление и упущение сроков, закрепленных в нормативно-правовых актах, может повлечь за собой привлечение их к дисциплинарной ответственности и некачественному результату работы службы пробации в целом.

Abstract. A fairly important issue is the introduction of electronic methods of interdepartmental interaction, since the amount of work for employees of all departments and services is enormous and the slightest delay and missed deadlines set out in regulations may lead to their being brought to disciplinary liability and poor quality results of the work of the probation service in in general.

Ключевые слова. Исправительный центр, ФСИН, сотрудник УИС, пробация, исполнительная пробация, пенитенциарная пробация, межведомственное взаимодействие, электронные средства, единая система межведомственного электронного взаимодействия.

Key words. Correctional center, Federal Penitentiary Service, correctional system officer, probation, executive probation, penitentiary probation, interdepartmental interaction, electronic means, unified system of interdepartmental electronic interaction.

Для цитирования: Гусев А.С., Смбастьян Е.А. Электронное взаимодействие в сфере пробации // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 201-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_201.

For citation: Gusev A.S., Smbatyan E.A. Electronic interaction in the field of probation // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 201-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_201.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

С 1 января 2024 года вступил в законную силу федеральный закон от 06.02.2023 №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ №10)[1]. Обязанности по обеспечению пробации были возложены на уголовно-исполнительные инспекции. В 2024 году началось исполнение исполнительной пробации, а уже с 1 января 2025 года начнется исполнение постпенитенциарной пробации. Данное направление уже достаточно долгое время планировалось внедриться в российскую уголовно-исполнительную систему, однако сотрудники испытывают некоторые трудности при его реализации.

Служба пробации представляет собой направление деятельности по осуществлению надзора за подконтрольными лицами, оказания им помощи и руководства в целях социальной интеграции, а также содействия по обеспечению безопасности общества. Соответственно, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров прошли переподготовку и прошли квалифицированные курсы по обеспечению реализации пробации в Российской Федерации.

Согласно международным стандартам деятельность службы пробации должна осуществляться таким образом, чтобы достичь уважения других правоохранительных органов и общества[2]. При этом рекомендуется достигнуть межведомственных соглашений в целях оказания взаимной помощи в различных ведомствах, предоставления необходимой информации и формирования совместной отчетности перед компетентными органами.

Приказом ФСИН России от 30.12.2020 г. № 984 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний» была введена программа «Цифровой профиль осужденного»[3], которая предполагает наличие в указанном профиле всех данных об осужденном, в том числе биометрических. Данная программа эффективна при осуществлении мероприятий пробации лицами, в отношении которых применяется пробация. В настоящее время цифровой профиль осужденного особо актуален, поскольку достаточно большое количество осужденных заключают контракт и становятся участниками Специальной военной операции в Украине (далее по тексту – СВО).

Кроме того, говоря об электронном взаимодействии ведомств стоит отметить и имеющиеся уже на данный момент системы «Система

межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ)), «Паноптикум», «ФСИН.Сервис» и другие, их также можно использовать в целях реализации мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой для лиц, в отношении которых применяется пробация. Кроме того, для указанных целей также используются сервисы «Работа в России» для помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, найти работу. Известный сервис SkillBox также не остался в стороне и организовал платформу для обучения осужденным по цифровым профилям обучения #жизньпосле. Сайт имеет приятный, анимированный интерфейс, подробно описывает процедуру получения бесплатного обучения, вариацию профессий, а также мотивационные картинки и надписи [4].

Говоря о международном опыте применения probation стоит отметить некоторые различия в понятии «пробация» в России и зарубежных странах. То есть, в России пробация воспринимается как помощь осужденным и бывшим осужденным в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, а в зарубежных странах службы probation исполняют функции уголовно-исполнительных инспекций. То есть, для них пробация – альтернативный вид наказания, не связанный с изоляцией осужденного для общества. Практика США говорит о том, что для них пробация – инструмент экономии денежных средств на содержание осужденных в местах лишения свободы Япония одна из первых стран, которая стала внедрять в probation «защитные» функции, вовлекать волонтеров в процесс исправления осужденных. При этом в каждой из стран также предусмотрено межведомственное взаимодействие, поскольку в каждой стране службы probation относятся к разным ведомствам (министерству юстиции, прокуратуре и т.д.) [5]. Кроме того, в условиях настоящего времени тяжело обойтись без цифровизации и автоматизации процессов, что также предусмотрено в рамках осуществления probation, поскольку достаточно тяжело осуществлять взаимодействие без использования технических средств.

При реализации целей probation важное значение имеет межведомственное взаимодействие в данной сфере. Для этого законодательством РФ предусмотрены нормативно-правовые акты, касающиеся взаимодействия разных ведомств. В ФЗ №10 также указан порядок взаимодействия и электронные ресурсы, через которые возможно его реализация. К ним относятся: единая система межведомственного электронного взаимодействия, единый портал государственных и муниципальных услуг, система электронного документооборота уголовно-исполнительной системы и государственный портал «Работа России». На данный момент способы взаимодействия еще совершенствуются, и сотрудники активно обучаются его использованию. В этой связи представляется возможным урегулирование следующих вопросов:

1. Обеспечение доступа к базам данных различных ведомств, необходимых для инспекторов группы probation. Данная возможность помогла бы сократить бумажный документооборот между ведомствами и судами, переведя его в электронный. При этом сотрудники разных ведомств могли бы самостоятельно получать необходимую информацию, не доставляя неудобств сотрудникам другого ведомства.

2. При этом возможно внедрение электронного документооборота и формирования отчетности в сфере probation. Возможно ведение электронного личного дела по probation с доступом к нему необходимых ведомств и судов, что сократило бы как время сотрудника, так и материальные ресурсы. Кроме того, другим ведомствам было бы удобнее отвечать на запросы, письма и так далее уголовно-исполнительных инспекций.

Говоря о межведомственном электронном взаимодействии необходимо отметить, что законодательстве о probation предусмотрело такой формат и закрепило его в нормативно-правовых актах. Несмотря на это, в некоторых учреждениях до сих пор есть некоторые трудности в сфере осуществления электронного межведомственного взаимодействия. Одной из самых распространенных проблем является недостаточное финансирование и ограниченные ресурсы. Данная проблема соответственно затрудняет осуществление взаимодействия и препятствует качественному оказанию услуг в сфере probation. Решение этой проблемы является важным направлением уголовно-исполнительной политики, поскольку без четкого и слаженного механизма взаимодействия ведомств между собой, выполнение задач по профилактике и предупреждению совершения преступлений становится затруднительным и практически невозможным.

Список литературы:

1. О probation в Российской Федерации : [Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2024. №10.
2. О Европейских правилах probation : рекомендация № Rec(2010)1 Комитета министров Совета Европы : принята 20.01.2010 на 1075-ом заседании заместителей министров // URL: <https://base.garant.ru/70901586/>
3. Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний : приказ ФСИН России от 30.12.2020 г. № 984 // Собрание законодательства РФ. – 2021. №984.
4. Кашкина Е. В. К вопросу об организации взаимодействия участковых уполномоченных милиции и уголовно-исполнительных инспекций в работе с условно осужденными / Е. В. Кашкина // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2010. – № 3(16). – С. 70–74.
5. Тыныбеков Н. Т. Практика применения probation в зарубежных странах / Н. Т. Тыныбеков // Юридическая наука. – 2019. – № 5. – С. 51–55.

References:

1. On probation in the Russian Federation : [Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. No.10.
2. On European Probation Rules : Recommendation No. Rec(2010)1 of the Committee of Ministers of the Council of Europe : adopted on 01/20/20 at the 1075th meeting of Deputy Ministers // URL: <https://base.garant.ru/70901586/>
3. On approval of the departmental program of digital transformation of the Federal Penitentiary Service : Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 12/30/2020 No. 984 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. №984.
4. Koshkina E. V. On the issue of the organization of interaction between district police commissioners and penal enforcement inspections in working with probation prisoners / E. V. Koshkina // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – № 3(16). – Pp. 70-74.
5. Tynybekov N. T. The practice of probation in foreign countries / N. T. Tynybekov // Legal science. – 2019. – No. 5. – pp. 51-55.

ДОКУМЕНТЫ НЮРНБЕРГСКОГО И ТОКИЙСКОГО ТРИБУНАЛОВ В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПРИРОДА, ЗНАЧЕНИЕ, ПРИМЕНЕНИЕ THE DOCUMENTS OF THE NUREMBERG AND TOKYO TRIBUNALS IN THE CONTEXT OF THE DOCTRINE OF THE SOURCES OF CRIMINAL LAW: NATURE, MEANING, APPLICATION

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,

преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности

Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.

364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.

E-mail: alkhaustovam@gmail.com;

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,

Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University.

364024, Chechen Republic, Grozny, Sheripova str., 32 A.

E-mail: alkhaustovam@gmail.com

Краткая аннотация: Данная работа исследует правовой статус документов Нюрнбергского и Токийского трибуналов как источников современного российского уголовного права. Основное внимание уделяется их влиянию на международное и российское право, а также возможности их применения в рамках уголовного законодательства Российской Федерации. Обсуждаются ограничения использования этих документов в российской правоприменительной практике и предлагаются пути для их эффективной интеграции в национальное законодательство.

Abstract: This work examines the legal status of the documents of the Nuremberg and Tokyo Tribunals as sources of modern Russian criminal law. The main attention is paid to their impact on international and Russian law, as well as the possibility of their application within the framework of the criminal legislation of the Russian Federation. The limitations of the use of these documents in Russian law enforcement practice are discussed and ways for their effective integration into national legislation are proposed.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал, Токийский трибунал, международное уголовное право, российское уголовное право, источники права, приговоры трибуналов, бланкетные нормы, интерпретация уголовного права.

Keywords: Nuremberg Tribunal, Tokyo Tribunal, international criminal law, Russian criminal law, sources of law, verdicts of tribunals, blank norms, interpretation of criminal law.

Для цитирования: Алхастова М.В. Документы Нюрнбергского и Токийского трибуналов в контексте учения об источниках уголовного права: природа, значение, применение // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 203-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_203.

For citation: Alkhaustova M.V. The documents of the Nuremberg and Tokyo Tribunals in the context of the doctrine of the sources of criminal law: nature, meaning, application // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 203-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_203.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

Нюрнбергский и Токийский процессы признаются основополагающими для современного международного и международного уголовного права, поскольку они сформировали ключевые правовые принципы и структуры. Основные документы процессов, прежде всего уставы и приговоры, широко изучались в связи с их историко-правовым и международно-правовым значением, но их значимость как источников для современного российского уголовного права недостаточно исследована.

Пункт 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации подчеркивает, что он основан на принципах международного права, что требует более глубокого анализа правового статуса документов Нюрнбергского и Токийского процессов. Рассматривая эти документы как возможные источники права, необходимо учитывать два аспекта: юридический характер трибуналов и природу самих документов, которые разделяются на учредительные акты (создание и функционирование трибуналов) и итоговые приговоры.

Нюрнбергский трибунал был создан на основе Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (8 августа 1945 г.), поддержанного основными союзными державами и к которому присоединились еще 19 государств. Этот трибунал представлял собой механизм международного правосудия, а сопровождающие его документы, включая устав, относятся к международному праву.

В отличие от него, Токийский трибунал был учрежден Специальной прокламацией генерала Дугласа Макартура (19 января 1946 года), реализующей статью 10 Потсдамской декларации (26 июля 1945 года). В отличие от Нюрнбергского процесса, его создание не основывалось на прямом согласии государств, что породило дискуссии о его международно-правовой основе. Тем не менее, принятие и участие союзников в работе трибунала подтверждают его легитимность [1, с. 43].

Документы обоих трибуналов можно разделить на три группы: учредительные, итоговые и процессуальные. Процессуальные документы (например, обвинительные акты, показания свидетелей) являются доказательствами, но не источниками права. Учредительные документы определяют полномочия трибунала, а итоговые документы представляют собой вынесенные приговоры. Эти документы разнообразны: они включают нормы материального и процессуального уголовного права, применяемые трибуналами, а также организационные акты их создания. Например, ранние шаги к созданию Нюрнбергского трибунала включали декларации советского правительства (14 октября 1942 г.), совместные заявления 12 правительств (18 декабря 1942 г.) и декларации союзников (2 ноября 1943 г.). Хотя эти акты имели значительное значение в международном праве и политике, они не являлись формальными источниками права для трибуналов, будучи актами национального законодательства или декларативными актами. Таким образом, анализ здесь сосредоточен на итоговых, нормативных документах, определяющих преступления, рассмотренные Нюрнбергским и Токийским трибуналами.

Учредительные документы международных трибуналов, в частности их уставы, устанавливают материально-правовую основу их деятельности. Устав Нюрнбергского трибунала заслуживает особого внимания в силу его бесспорного международно-правового статуса и влияния на устав Токийского трибунала, который в значительной степени повторял его.

Приговор Нюрнбергского трибунала утверждает ключевой принцип: устав не был произвольной мерой победивших стран, а представ-

лял собой проявление существовавшего международного права, способствуя его развитию. Это утверждение подчеркивает два аспекта юридического значения устава:

1. **Ретроспективная роль.** Устав и вынесенный приговор подтвердили, что нормы международного права, запрещавшие рассматриваемые преступления, уже существовали на момент их совершения. Это обеспечило юридическую легитимность судов, соответствующих принципам законности и индивидуальной ответственности.

2. **Перспективная роль.** Устав стал источником международного права, формализуя и уточняя существующие правовые принципы, касающиеся преступлений против мира и человечности. Как отмечено в приговоре трибунала, международное право часто кодифицирует уже существующие принципы, подчеркивая роль устава как формального выражения международно-правовых норм [2, с. 51].

При оценке значения устава следует учитывать два аспекта:

1. **Катализатор новых норм.** Устав стал основой для последующих международно-правовых норм, повлияв на разработку таких ключевых документов, как Конвенция о предотвращении геноцида (1948), Женевские конвенции (1949) и Конвенция о неприменимости сроков давности к военным преступлениям (1968). Принципы устава также повлияли на Всеобщую декларацию прав человека (1948) и Международные пакты о правах человека (1966).

2. **Формальный источник международного права.** Устав должен рассматриваться не только как социально-исторический документ, но и как формальный источник современного международного права. Это подтверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (1) от 11 декабря 1946 г., которая утвердила принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала. Эти принципы были кодифицированы Комиссией международного права ООН в 1950 г., закрепив семь ключевых принципов, отраженных в ст. 6–12 устава Нюрнбергского трибунала [3, с. 5].

Устав Нюрнбергского трибунала и содержащиеся в нем принципы международного права являются частью современного международного права. Для определения его значимости в современном российском уголовном праве необходимо учитывать статью 15 Конституции РФ, статью 1 Уголовного кодекса РФ и правовой статус самого трибунала.

Анализируя влияние устава на российское уголовное право, можно выделить несколько ключевых аспектов:

1. **Ad hoc характер и ограниченный объем.** Хотя Нюрнбергский трибунал был создан на основе международного договора, он являлся *ad hoc* органом, созданным специально для суда над главными военными преступниками стран оси. Его юрисдикция была ограничена как по видам преступлений, так и по кругу обвиняемых. Поэтому устав не может быть признан прямым источником российского уголовного права.

2. **Признание общих принципов.** Только общепризнанные правовые принципы, подтвержденные уставом и приговором Нюрнбергского трибунала, а также официально закрепленные в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (1) от 11 декабря 1946 г., могут считаться формальными источниками права.

3. **Прямые и косвенные нормы.** Нормы международного уголовного права могут либо непосредственно устанавливать преступность деяний (относясь к Особенной части уголовного права), либо не устанавливать (относясь к Общей части). Прямое применение возможно для норм, таких как ответственность соучастников, в то время как другие нормы (например, модели преступлений, описанные в уставе и Резолюции 95 (1)) требуют дальнейших правовых действий для их имплементации в национальное законодательство [4, с. 113].

Таким образом, устав Нюрнбергского трибунала не может служить формальным источником российского уголовного права сам по себе; формальными источниками можно считать международно признанные принципы, кодифицированные ООН. Кроме того, только положения, устанавливающие общие правила ответственности, а не конкретные признаки составов преступлений (что является исключительной прерогативой уголовного закона), могут быть непосредственно применены судами.

Приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов, вынесенные 1 октября 1946 г. и 12 ноября 1948 г. соответственно, также должны быть учтены. Эти приговоры, хотя и не создают обязательного прецедента в англо-саксонском праве, оказывают значительное влияние на международное и национальное уголовное право, уточняя юридическую интерпретацию норм.

Согласно ст. 38 Статута Международного суда ООН, судебные решения являются вспомогательным средством для определения норм международного права. Следовательно, приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов действуют как интерпретативные ориентиры, формируя понимание преступлений против мира и человечности [5, с. 16]. Утверждение о том, что приговор Нюрнбергского трибунала является прецедентом, должно пониматься ограниченно. Решения *ad hoc* трибуналов не устанавливают прецеденты в смысле общего права, но обладают сильной интерпретативной силой, направляющей национальные и международные суды при применении принципов уголовного права.

В целом, хотя решения Нюрнбергского трибунала не являются формальными источниками права, они играют ключевую роль в интерпретации объективных и субъективных признаков преступлений против мира и человечности. Российские правоприменители должны учитывать эти приговоры при интерпретации норм национального уголовного права, касающихся таких преступлений.

Приговор Нюрнбергского трибунала имеет особое значение как источник в контексте введения ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ, которая устанавливает ответственность за реабилитацию нацизма, в частности за уголовное преследование за отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, и одобрение подтвержденных им преступлений. Статья 354.1 была принята Федеральным законом № 128-ФЗ от 5 мая 2014 г. История принятия ст. 354.1 показывает, что первоначальный проект закона предусматривал уголовную ответственность не только за искажение приговора Нюрнбергского трибунала, но и за приговоры других национальных судов, основанных на нем. Однако в окончательном варианте ответственность была ограничена отрицанием или одобрением нацистских преступлений, установленных исключительно приговором Нюрнбергского

трибунала. В ходе обсуждений были уточнены источники информации об отрицаемых фактах, а также терминология, связанная с трибуналом.

Верховный Суд РФ предлагал расширить действие ст. 354.1 на Международный военный трибунал для Дальнего Востока, но это предложение не было принято. Пояснительная записка к закону не содержала специального обоснования такого ограничительного выбора, подчеркивая лишь, что приговор Нюрнбергского трибунала является международным актом, принятым мировым сообществом после Второй мировой войны, и несет в себе историческую и гуманитарную значимость [6, с. 44]. Важным является то, что приговор Нюрнбергского трибунала сопровождался особым мнением судьи И.Т. Никитченко, представлявшего позицию СССР по некоторым фактам. Хотя это мнение имеет значение, оно не считается частью приговора с процедурной точки зрения и может оцениваться независимо.

Таким образом, для применения ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ имеет значение только официальный текст приговора Нюрнбергского трибунала. Статус приговора как источника информации, образующей предмет преступления, требует дальнейшего теоретического анализа. Ученые отмечают, что с введением ст. 354.1 приговор Нюрнбергского трибунала впервые был официально признан источником российского уголовного права с преюдициальным значением в соответствии со статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса, не требуя дополнительной проверки установленных фактов.

Ссылка на приговор Нюрнбергского трибунала в ст. 354.1 широко признается в юридической литературе как придающая ей бланкетный или отсылочный характер. Некоторые авторы прямо указывают, что бланкетный характер данной нормы заполняется приговором Нюрнбергского трибунала и его уставом, в то время как другие утверждают, что это особая форма бланкетной нормы, основанная на актах наднациональных судебных инстанций. Такая характеристика подчеркивает, что приговор завершает «пустой бланк» данной нормы, выполняя роль источника права в рамках российского уголовного права.

Бланкетный характер ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ является предметом дискуссий. Традиционно бланкетная диспозиция ссылается на нормативные правовые акты, либо в той же правовой области, либо из других отраслей права, для определения признаков преступления. Однако приговор Нюрнбергского трибунала, как акт применения права, не является нормативным правовым актом. Тем не менее, недавние изменения привели к тому, что эксперты стали допускать ссылки на судебные акты в рамках бланкетных диспозиций, учитывая, что некоторые составы преступлений содержат признаки, определенные в судебных решениях. Это видно на примере законов, запрещающих действия, связанные с участием в экстремистских или террористических группах, где преступный характер должен быть сначала подтвержден судом.

Не вдаваясь в теорию бланкетных норм, достаточно отметить, что отдельные признаки преступлений могут основываться на судебных решениях, что прямо допускается законодателем в Уголовном кодексе РФ. Такой подход соответствует более широкому пониманию права, подчеркивая, что правовые запреты не ограничиваются исключительно текстом нормативных актов, при условии, что обеспечивается официальная публикация любой относящейся к делу правовой информации для обеспечения правовой определенности. Озабоченность в связи с недоступностью текста приговора Нюрнбергского трибунала, который никогда не публиковался на официальных сайтах, является обоснованной и требует внимания.

В целом, приговор Нюрнбергского трибунала в контексте ст. 354.1 служит источником современного уголовного права, если его интерпретировать в соответствии с концепцией А.Э. Жалинского, который определяет источники права как «все существующие в текстовой форме способы выражения юридически релевантной информации». Однако более точно рассматривать этот приговор как источник конкретизации уголовно-правовой нормы [7, с. 33].

Историческое и международно-правовое значение документов Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского трибуналов не должно затмевать их важность для современного российского уголовного права. Тщательный анализ, основанный на статусе трибуналов и типах документов (учредительные и итоговые), позволяет сделать несколько выводов:

— **Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов.** Эти уставы сами по себе не могут считаться формальными источниками уголовного права. Формальные источники включают принципы международного права, подтвержденные Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (1) от 11 декабря 1946 г., признанные уставом Нюрнбергского трибунала.

— **Приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов.** Эти приговоры обладают обязательной интерпретативной силой для применения норм международного и внутреннего уголовного права и играют ключевую роль в понимании как объективных, так и субъективных признаков преступлений против мира и человечности.

— **Приговор Нюрнбергского трибунала.** Он служит источником для конкретизации уголовно-правовой нормы, предусмотренной в статье 354.1 Уголовного кодекса РФ.

Список литературы:

1. Васякина Е.В. Органы международной уголовной юстиции XX века: учебное пособие. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2020. – С. 42–43.
2. Седнев Р.И., Шаталов Е.А. Становление международных уголовно-правовых норм и правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности военных преступников Второй мировой войны // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 48–54.
3. Сафонов М.А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права // Пролог: журнал о праве. 2020. – № 4. – С. 5.
4. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 т., Т. 8 / отв. ред. Н.С. Лебедева. – М.: Юрид. лит., 2019. – С. 605.
5. Кибальник А.Г., Соломонович И.Г., Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Ставрополь: Сервисшкола, 2020. С. 16.
6. Конахин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. – С. 93.
7. Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2021. – С. 240.

References:

1. Vasyakina E.V. Bodies of international criminal justice of the XX century: a textbook. Orenburg: IPK Universitet LLC, 2020. – pp. 42-43.
2. Sednev R.I., Shatalov E.A. The formation of international criminal law norms and legal problems of criminal prosecution of war criminals of the Second World War // Russian law: education, practice, science. - 2019. - No. 2. - pp. 48-54.
3. Safonov M.A. The legal foundations of the Nuremberg trial: norms and sources of law // Prologue: Journal of Law. 2020. - No. 4. - p. 5.
4. The Nuremberg Trials. Collection of materials in 8 Volumes, Vol. 8 / ed. by N.S. Lebedev. - M.: Yurid. lit., 2019. - p. 605.
5. Kibalnik A.G., Solomonovich I.G., Shibkov O.N. Principles and norms of international law as sources of criminal law. - Stavropol: Service School, 2020. - p. 16.
6. Konyakhin V.P. Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian criminal law. St. Petersburg: Law Center Press, 2022. - p. 93.
7. Criminal law. Textbook. In 3 vols. Vol. 1. General part / edited by A.E. Zhalinsky. - M.: Gorodets, 2021. - p. 240.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_206

УДК 343.32

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЖИМА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ THE CONCEPT AND MEANING OF INFORMATION AND ANALYTICAL THE COMPANY'S WORK IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION TRADE SECRET REGIME

МАЛЫШЕВ Сергей Яковлевич,

кандидат юридических наук, доцент, Уфимский университета науки и технологий.
450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: malyss5@yandex.ru;

КИСЕЛЕВ Николай Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: nikolaykiselev138@yandex.ru;

MALYSHEV Sergey Yakovlevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology.
450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.
E-mail: malyss5@yandex.ru;

KISELEV Nikolay Nikolaevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova str., 2.
E-mail: nikolaykiselev138@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены основные проблемы системы организации информационно-аналитической работы подразделений службы безопасности компании. Авторы провели исследование содержания понятий «информационно-аналитическая работа», «информационно-аналитические потребности», «оперативно-значимые данные», выявили основные противоречия и проблемы в их толковании. Проведен сравнительный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы системы организации информационно-аналитической работы службы безопасности компании.

Abstract: The article considers the main problems of the information and analytical work organization system of the company's security service units. The authors conducted a study of the content of the concepts of "information and analytical work", "information and analytical needs", "operationally significant data" and identified the main contradictions and problems in their interpretation. A comparative analysis of regulatory legal acts regulating the issues of the organization of information and analytical work of the company's security service is carried out.

Ключевые слова: система организации информационно-аналитической работы, режим коммерческой тайны, экономическая безопасность, оперативно значимые данные, информационно-аналитическая потребность.

Keywords: information and analytical work organization system, commercial secrecy regime, economic security, operationally significant data, information and analytical need.

Для цитирования: Малышев С.Я., Киселев Н.Н. Понятие и значение информационно-аналитической работы компании в условиях осуществления режима коммерческой тайны // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 206-209. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_206.

For citation: Malyshev S. Ya., Kiselev N. N. The concept and meaning of the information and analytical work of the company in the context of the implementation of the trade secret regime // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 206-209. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_206.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Система организации информационно-аналитической работы компании регламентирована нормативными правовыми актами различного уровня, знание которых необходимо для сотрудников службы безопасности и иных должностных лиц организации в целях защиты своих экономических интересов и успешного ведения своего бизнеса в современных рыночных отношениях. Важное значение в деле обеспечения прав и свобод человека и гражданина имеет часть 1 статьи 24 Основного закона, где определено, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Эти важные правовые положения Конституции РФ имеют первостепенное значение в системе организации информационно-аналитической работы компании.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим важные общественные отношения в области прав и свобод человека и гражданина, в связи с осуществлением информационно-аналитической работы в условиях установления режима коммерческой тайны, является Конституция Российской Федерации [1]. Вопросы правовой охраны и защиты информации, составляющей коммерческую тайну, регламентированы в правовых положениях Федерального закона № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [2]. Кроме того, в пункте 3 постановления Конституционного Суда РФ № 25-П [3] указано, что Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] является базовым законом, устанавливающим правовые основы осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применения информационных технологий, обеспечения защиты информации.

Организация безопасности экономической деятельности компании (фирмы) во многом зависит от эффективности построения ее информационного сопровождения, т. е. системы организации информационно-аналитической работы на различных уровнях обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта, в том числе при установлении в компании режима коммерческой тайны.

Информационно-аналитическая работа является важной составляющей деятельности службы безопасности компании (фирмы), а информационно-аналитические подразделения службы безопасности выступают в роли «мозгового центра» субъекта экономической деятельности.

Необходимость существования информационно-аналитического подразделения службы безопасности и ее деятельность в целях устранения внутренних и внешних угроз экономической безопасности компании вызвана отдельными факторами, а именно:

- 1) существующее давление криминальных элементов на экономическую деятельность компании, активное участие организованных преступных групп (сообществ) в отечественном и международном бизнесе;
- 2) определенная степень коррумпированности государственных служащих органов государственной власти федерального, регионального уровней, а также отдельных сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц органов местного самоуправления;
- 3) существование в рыночных отношениях фактора недобросовестной конкуренции между хозяйствующими субъектами, использование незаконных, агрессивных форм и методов в конкурентной борьбе;
- 4) активизация и широта осуществления конкурентами промышленного шпионажа;
- 5) низкая правовая грамотность и компетентность многих хозяйствующих субъектов в вопросах экономической безопасности, в том числе установления и осуществления режима коммерческой тайны в компании, проведения в рамках правового поля конкурентной разведки;
- 6) существование на рынке теневой экономики, серых финансовых схем различных кредитных организаций, финансовых пирамид и иных форм мошенничества в финансово-экономической деятельности;
- 7) наличие высокой степени риска сделок без должного изучения хозяйствующим субъектом современного рынка, контрагентов и клиентов компании и др.

Информационно-аналитическая работа в компании (фирме) проводится в следующих целях и для решения определенных задач, которые должны быть четко сформулированы и конкретизированы перед субъектами-исполнителями такой работы, а именно:

- 1) целенаправленный поиск, сбор (получение, производство), обработка, оценка, использование, хранение информации по интересующим вопросам;
- 2) в целях принятия руководством компании эффективных управленческих решений обеспечить системность, своевременность, полноту, актуальность и достоверность поступления необходимой информации, выдача руководству обоснованных рекомендаций по интересующим вопросам;
- 3) обеспечить безопасность информационных ресурсов компании (фирмы), в том числе путем установления соответствующего режима конфиденциальности информации, выявление и устранение возможных незаконных каналов утечки информации;
- 4) выявление внутренних и внешних угроз информационной безопасности компании (фирме), а также причины и условия возникновения таких угроз и их устранение;
- 5) изучение, исследование и постоянный мониторинг рынка, а также конкурентной среды, устремления конкурентов и методы их конкурентной борьбы (добросовестная или недобросовестная конкуренция);
- 6) изучение криминогенной обстановки в месте (в регионе, области, городе, районе) экономических интересов компании (фирмы), выявление намерений криминальных структур в современном бизнесе (отечественном, международном) в отношении хозяйствующих субъектов;
- 7) изучение и проверка персонала, контрагентов, партнеров и клиентов компании (фирмы) на их лояльность, надежность, платежеспособность и кредитоспособность;
- 8) обеспечение законности в информационно-аналитической работе компании (фирме).

Информационно-аналитическая работа службы безопасности компании (фирмы) представляет собой основанную на законе деятельность по целенаправленному поиску, сбору (получению, производству), обработке, оценке, использованию, хранению информации в целях выдачи руководству обоснованных рекомендаций и принятия ими эффективных управленческих решений при обеспечении организации системности, своевременности, полноты и достоверности поступления необходимой информации по интересующим вопросам информационной и экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Следует отметить, что любого рода тайна (служебная, профессиональная, государственная, коммерческая и др.) непосредственно связана и всегда имеет прямую связь с информацией. Тайна она всегда является информационной, и коммерческая тайна не является исключением из этого правила. Можно сказать, что работа с информацией, составляющей коммерческую тайну – есть определенная особенность осуществления информационно-аналитической работы специальных субъектов в условиях установленного в компании режима коммерческой тайны.

Информационно-аналитическая работа службы безопасности предприятия осуществляется в форме *информационно-аналитического обеспечения и сопровождения* безопасности экономических (коммерческих) интересов хозяйствующего субъекта. Однако, для того чтобы информационно-аналитическая работа имела целеустремленный характер, а поставленные перед ней цели имели высокий уровень объективности и значимости, необходимо осуществлять на постоянной и системной основе изучение *информационно-аналитических потребностей* заинтересованных субъектов.

Информационно-аналитическая потребность – это объективная необходимость субъекта экономических отношений, состоящая в удовлетворении его стремлений в информационной осведомленности о различных обстоятельствах, условиях и процессах коммерческой деятельности в целях успешного ведения своего бизнеса, его защиты и устранения, возникающих при этом внутренних и внешних угроз. В целом информационно-аналитическая потребность хозяйствующего субъекта заключается в своевременном, достоверном и полном получении информации:

- 1) о различных состояниях и условиях отечественного и зарубежного рынков, их конкурентную среду;

- 2) о характере контрагентов, деловой репутации, профессионализме, надежности и др.;
- 3) о характеристике клиентов компании;
- 4) о личных и деловых качествах персонала компании, их лояльности и надежности;
- 5) о характеристике конкурентов, возможности использования ими методов недобросовестной конкуренции, их связи с криминальной средой и т. д.;
- 6) об условиях успешности и эффективности ведения на современном этапе развития своего бизнеса, анализе внутренних и внешних угроз его осуществления и их устранении;
- 7) об охране и защите информационной и экономической безопасности хозяйствующего субъекта, в том числе путем установления режима коммерческой тайны в отношении определенной информации, представляющей действительную или потенциальную коммерческую ценность.

Изучение и знание информационно-аналитических потребностей хозяйствующего субъекта позволяет:

- 1) определить круг интересов потребителей в необходимой для них информации;
- 2) установить первоочередность и значимость получения потребителями интересующей их информации, т. е. установить информационно-аналитические приоритеты;
- 3) организовать целенаправленное, регулярное, основанное на системном и своевременном характере получение потребителями полной, актуальной и объективной (достоверной) информации;
- 4) осуществить анализ полученной информации, исходя из информационно-аналитической потребности хозяйствующего субъекта, который должен лечь в основу правильности сделанных руководством компании выводов и непосредственно влиять на принятие ими эффективных управленческих решений в процессе осуществления его экономической деятельности;
- 5) определить, основываясь из информационно-аналитических потребностей хозяйствующего субъекта, виды и состав конфиденциальной информации компании, в отношении которой необходимо установление режима конфиденциальной информации, в том числе режима коммерческой тайны.

При осуществлении поиска информации сотрудникам подразделений службы безопасности компании необходимо ориентироваться на получение *оперативно значимых данных*. Под **оперативно значимыми данными** следует понимать информацию (сведения, данные), которая имеет важное значение в принятии компетентными должностными лицами компании эффективных организационно-управленческих решений, основанных на тщательной обработке и оценке полученной информации о характеристике лиц (физических, юридических), о состоянии и динамике развития обстановки, явлений, процессов и событий влияющих на успех осуществления экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

Следует обратить внимание на тот факт, что оперативно значимая информация всегда имеет прямое и непосредственное отношение к принятию должностными лицами компании эффективных организационно-управленческих решений. Важно отметить, что неэффективные принятые организационно-управленческие решения не могут иметь ничего общего с оперативно значимой информацией, так как последняя должна пройти этап тщательной ее обработки и оценки, на основе которых должностные лица должны сделать правильные выводы. Сложно представить себе ситуацию, когда должностное лицо компании при получении оперативно значимой информации делает правильные выводы, основываясь на глубокой и тщательной их обработке и оценке, но принимает неэффективные организационно-управленческие решения. В этой ситуации возникают множество вопросов к самому этому должностному лицу компании о его лояльности, надежности, личных, деловых и профессиональных качествах, а также о его адекватности и психологическом здоровье. Кроме того, необходимо указать, что оперативно значимая информация является основой для принятия должностным лицом правильного вывода, который ложится в основу осуществления им эффективного организационно-управленческого решения. Следовательно, оперативно значимая информация должна отвечать требованиям ее полноты, объективности (достоверности), относимости, актуальности и своевременности. Если полученная информация не отвечает требованию ее полноты, т. е. полученная информация имеет неполный, обрывочный характер, на основе которой сложно сделать должностному лицу правильный вывод, благодаря которому принимается эффективное организационно-управленческое решение, то эту информацию нельзя отнести к категории оперативно значимой. Однако, если должностное лицо компании делает правильный вывод из тщательной обработки и оценки нескольких отдельно полученных неполных информаций, т. е. из совокупности такой информации, то эту совокупную информацию необходимо рассматривать как оперативно значимую, так как она входит в содержание правильно сделанного должностным лицом вывода, на основе которого им принято эффективное организационно-управленческое решение. В связи с этим, оперативно-значимую информацию можно классифицировать следующим образом:

- полная оперативно значимая информация, на основе которой должностным лицом делается правильный вывод;
- совокупная оперативно значимая информация, на основе нескольких неполных, обрывочных информаций, которая в своей совокупности отвечает требованию ее полноты, должностным лицом делается правильный вывод.

Ситуация с совокупной оперативно значимой информацией сравнима с ситуацией, связанной с составлением пазлов, каждый из которых – это неполная, обрывочная информация, но только составление всех этих пазлов (неполной, обрывочной информации) в определенной последовательности и системе дает полное представление о картине (фактах, событиях и процессах). В практической деятельности, как правило, не всегда удается должностным лицам компании формировать свой правильный вывод на основе полной оперативно значимой информации, как правило, это происходит на основе совокупной оперативно значимой информации.

Информационно-аналитическая работа, прежде всего, предполагает наличие широкого района поиска оперативно значимой информации. Классификацию поиска и сбора (получения и производства) оперативно значимой информации целесообразно осуществлять в зависимости от границ ее поиска и сбора, а именно:

- 1) внутренний поиск и сбор оперативно значимой информации, который осуществляется внутри компании и среди его персонала, т. е. поиск и сбор интересующей информации производится на внутренних связях (отношениях) компании;
- 2) внешний поиск и сбор оперативно значимой информации, который осуществляется на внешних связях (отношениях) компании.

Таким образом, каналы поступления оперативно значимой информации могут быть внутренними и внешними. Однако для того, чтобы эти каналы существовали, необходимо наличие широко разветвленной сети поиска и сбора оперативно значимой информации, которая состоит из личностей, наделенными для этой работы необходимыми личными и деловыми качествами, т. е. субъектов поиска и сбора оперативно значимой информации.

Таким образом, система организации информационно-аналитической работы играет важную роль при обеспечении экономической безопасности компании. Режим коммерческой тайны всегда прямо и непосредственно связан с организацией информационно-аналитической работы в компании.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 27.10.2024).
2. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/121364> (дата обращения: 27.10.2024).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. N 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 27.10.2024).
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 27.10.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020). [electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (date of application: 10/27/2024).
2. Federal Law No. 98-FZ of July 29, 2004 "On Trade Secrets". [electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/121364> (date of appeal: 10/27/2024).
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2017 No. 25-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 5 of Article 2 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" in connection with the complaint of citizen A.I. Sushkov." – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (date of application: 10/27/2024).
4. Federal Law No. 149-FZ dated July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection". [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/document> (of appeal: 10/27/2024).

ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ FEATURES OF THE COLLECTION OF EVIDENCE BY THE DEFENSE IN CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS

АФАНАСЬЕВА Анна Александровна,

доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

E-mail: aphanasyeva@mail.ru;

Afanasyeva Anna Alexandrovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova str., 2.

E-mail: aphanasyeva@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проанализирована специфика собирания доказательств и исследованы возможности стороны защиты на собирание доказательств, обращено внимание на различные мнения ученых по исследуемой тематике, аргументирована своя точка зрения по изучаемому вопросу.

Abstract. The article analyzes the specifics of evidence collection and examines the possibilities of the defense side to collect evidence, draws attention to the various opinions of scientists on the subject under study, and argues their own point of view on the issue under study.

Ключевые слова: доказательства, адвокат, адвокатское расследование, досудебная стадия, органы предварительного расследования.

Keywords: evidence, lawyer, lawyer's investigation, pre-trial stage, preliminary investigation bodies.

Для цитирования: Афанасьева А.А. Особенности собирания доказательств стороной защиты в уголовном досудебном производстве // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 210-211. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_210.

For citation: Afanasyeva A.A. Features of the collection of evidence by the defense in criminal pre-trial proceedings // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 210-211. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_210.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Состязательность, как и процессуальное равноправие играет ключевую роль в обеспечении объективности уголовного судопроизводства, это означает, что сторона защиты имеет такие же юридические возможности, что и сторона обвинения, что позволяет защищать свои интересы, представлять аргументы, опровергающие обвинение. Но процесс реализации состязательного принципа судопроизводства в уголовном процессе в научных кругах и правоприменительной деятельности вызывает множество дискуссий, поскольку возникает вопрос о том, можно ли защитника считать «полноценным» участником собирания доказательств.

Для начала необходимо понять, что представляет из себя процесс собирания доказательств защитником. Е.Г. Мартынич процесс собирания доказательств защитником именует как «адвокатское расследование». «Адвокатское расследование» – это отдельный вид уголовно-процессуальной деятельности, но носящий вспомогательный характер, поскольку производится не по всем уголовным делам, а лишь по тем, в которых его производство подзащитным лицом признается как необходимое.

По его мнению в ныне действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) защитник участвует в сборе доказательств, поскольку это непосредственно прописано в ст. 86 УПК РФ, но весьма ограниченными способами, а те, теоретики и практики, кто не согласен с данной позицией, «живут» в советское время, когда у защитников и вовсе не было такого права. Е.Г. Мартынич приходит к выводу, что следует расширить права защитников при сборе доказательств и внести в УПК РФ некоторые изменения, например, ввести такое понятие, как производство «частных» процессуальных действий, а также внести поправки в некоторые нормы УПК РФ [1], [2, с. 9].

И.Л. Трунов предлагает предоставить защитнику право на составление итогового документа «адвокатского расследования» – оправдательного заключения, наряду с обвинительным заключением органа, производящего расследование. Данное положение можно вполне обосновать тем, что, во-первых, гарантируется соблюдение принципа состязательности, во-вторых, будет дана возможность проведения «частных» процессуальных действий, в – третьих, у защитника появится право собирать доказательства путем осуществления адвокатского расследования и признавать их допустимыми с процессуальной точки зрения [3, с. 9].

Мы не в полной мере разделяем позицию указанных авторов, придерживаясь мнения о том, что «адвокатское расследование» в основном сводится к оказанию противодействия органам, осуществляющим расследование. У защитника-адвоката отсутствуют полномочия на проведение следственных действий, его активность сводится к изучению материалов уголовного дела в процессе ознакомления с ними, анализ этих материалов и подготовка ходатайств для исключения доказательств уже в рамках судебного следствия. «Полноценным» субъектом оценочной деятельности защитника можно рассматривать только в судебном процессе, когда на этапе завершения предварительного следствия, защитник может проанализировать доказательственную информацию, имеющуюся у органов предварительного следствия, в дальнейшем выработать свою позицию, доказывающую невиновность лица или смягчающую его наказание, и предоставить ее суду.

Субъектами проверки доказательств, согласно ст. 87 УПК РФ, являются следователь, дознаватель, прокурор и суд, следовательно, и, как мы видим, защитник к числу таких субъектов не отнесен. Считаем, что защитник лишен тех правовых возможностей, которые есть у лица, ведущего расследование. Законодатель не уравновесил в правах стороны защиты и стороны обвинения, не предоставив защитнику право на

оценку и проверку доказательств.

По мнению А.В. Победкина, доказательства, собранные в процессе профессиональной деятельности защитником, должны быть допустимыми, поскольку в УПК РФ не установлен порядок их получения [4, с. 9].

Д.А. Маслова поддерживает право защитника собирать доказательства и считает, что нужно более подробно урегулировать данный процесс в УПК РФ [5, с. 9].

Иного мнения придерживаются Г.Г. Скребцов, который считает, что законодатель допустил терминологическую ошибку, указав в ч. 3 ст. 86 УПК РФ право защитника собирать доказательства. Его позиция такова: «защитник не собирает доказательства в процессуальном смысле этого слова, а обнаруживает сведения, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность» [6, с. 67].

Таким образом, на сегодняшний день в теории отсутствует единое мнение относительно участия защитника-адвоката в процессе доказывания.

Более того, закрепив за защитником право собирать доказательства путем опроса, законодатель породил новые вопросы, возникающие в практической деятельности: каков порядок опроса лиц, как должна быть зафиксирована информация, полученная в ходе опроса, как определить критерий допустимости данных доказательств?

К.М. Баева, выразила свое мнение о том, что законодатель, предоставляя право защитнику на получение предметов, документов и других сведений, не определяет ни характер этих предметов, документов, сведений, ни процедуру их получения, что может привести к спорам и необоснованным решениям следователя об отказе в приобщении собранных защитником сведений к материалам уголовного дела [7, с. 179].

Мнения ученых, специалистов и практических работников по данному поводу разнятся, поскольку одни считают, что собранная информация защитником не может являться доказательством, другие считают иначе, так как законодателем не закреплена процедура сбора доказательств, соответственно защитник ничего не нарушает и любая полученная информация должна рассматриваться как допустимое доказательство.

По мнению П.А. Лупинской информация и сведения, предоставленные защитником, не могут являться доказательствами, так как они не отвечают критерию допустимости, поскольку получены и закреплены не в процессуальном порядке [8]. Отсюда следует, что те документы и предметы, которые собраны защитником могут выступать в качестве доказательств, только если они будут приобщены к материалам уголовного дела уполномоченным на то субъектом. Вследствие чего, защитник является процессуально зависимым субъектом от органов, производящих расследование, в плане «легализации» тех сведений, которые собраны стороной защиты.

В следствии этого, на сегодняшний день практика «адвокатского расследования» в уголовном процессе остается неразрешенной и обсуждаемой проблемой, так как отдельные ее аспекты реализуются лишь частично, а вопросы его применения на практике являются предметом дискуссий. Защитник играет немаловажную роль в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса. Несмотря на то, что нормы УПК РФ предусматривают его участие в доказывании, но производство полноценного «параллельного расследования» невозможно.

При сохранении в неизменном виде структуры современного российского уголовного процесса и следственной формы досудебного производства сбор доказательств в досудебных стадиях неизбежно будет проводиться органами предварительного расследования, обладающими исключительными полномочиями на проведение следственных действий и фиксации их хода, а также результатов в протоколах, которые являются «правовым стандартом» формирования доказательства и представления его как «доказывающего факта».

В современном российском уголовном процессе доказательства полностью собираются в досудебном производстве – следственным путем. Завершается процесс собирания доказательства представлением его в обвинительном заключении, ином заключительном процессуальном решении по делу, принимаемом в стадии предварительного расследования.

Таким образом, попытки оспорить в условиях «состязательности» исторически сложившуюся парадигму уголовно-процессуального доказывания, лишить ее следственной формы и следственной власти на доказывание, «реформировать» предварительное расследование должны быть отвергнуты как разрушительные.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). ст. 4921.
2. Мартынич Е. Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) // Адвокатская практика. 2005. – №1. – С. 9.
3. Трунов И. Л. Совершенствование права на защиту в новом УПК // Российский следователь. – 2002. – №6. – С. 34
4. Победкин А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России / А. В. Победкин // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 57 Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. – 2007. – № 18. – С. 66.
5. Маслова Д. А. Участие адвоката-защитника в доказывании на стадии предварительного расследования / Д. А. Маслова // Адвокатская практика. – 2008. – № 3. – С. 17.
6. Скребец Г. Г. Участие защитника в собирании (формировании) доказательств // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – №18 – С. 66.
7. Баева К. М. «Собирание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения / К. М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 179.
8. Лупинская П. А. Собирание доказательств. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. М., 2013.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 12/18/2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.
2. Martynich E. G. Lawyer investigation: concept, nature, features and essence (to develop a model) // Lawyer practice. 2005. – No. 1. – p. 9.
3. Trunov I. L. Improvement of the right to protection in the new Code of Criminal Procedure // Russian investigator. – 2002. – No.6. – p. 34
4. Pobedkin A.V. Some issues of collecting evidence under the new criminal procedure legislation of Russia / A.V. Pobedkin // State and Law. - 2003. – No. 1. – p. 57 Bulletin of the South Ural State University. Series : Pravo. – 2007. – No. 18. – p. 66.
5. Maslova D. A. Participation of a defense lawyer in proving at the stage of preliminary investigation / D. A. Maslova // Law practice. – 2008. – No. 3. – p. 17.
6. Skrebets G. G. Participation of the defender in the collection (formation) of evidence // Bulletin of SUSU. – 2007. – No. 18 – p. 66.
7. Baeva K. M. "Collecting" evidence by a defense lawyer: the main problems and ways to resolve them / K. M. Baeva // Judicial power and criminal procedure. – 2018. – No. 2. – p. 179.
8. Lupinskaya P. A. Collecting evidence. Criminal procedure law of the Russian Federation : textbook. M., 2013.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_212

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ FEATURES OF THE PERSONALITY OF CRIMINALS, CONVICTED OF COMMITTING RAPE

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: yutish@list.ru;

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. В статье подвергаются анализу отдельные особенности личности преступников, которые осуждены за совершение изнасилования и отбывают наказание в исправительных учреждениях. В представленной работе подвергается исследованию рассматриваемая категория осужденных, которая объединена нами по способу совершения преступления, характеризующегося внезапностью нападения на потерпевшую. По результатам проведенного исследования приводятся выводы о том, что наиболее характерными особенностями личности осужденных за изнасилования, являются трудности в выборе сексуального партнера, неспособность индивидуализировать отношения интимного характера и слабая идентификация себя с мужской ролью.

Abstract. The article analyzes individual personality traits of criminals who are convicted of committing rape and are serving their sentences in correctional institutions. In the presented work, the category of convicts under consideration is being studied, which we have combined according to the method of committing a crime characterized by the suddenness of an attack on the victim. According to the results of the study, it is concluded that the most characteristic features of the personality of those convicted of rape are difficulties in choosing a sexual partner, the inability to individualize intimate relationships and weak identification with the male role.

Ключевые слова: личность преступника, осужденные за изнасилование, исправительные учреждения, отбывание наказания, противоправное поведение, социальные и психологические факторы.

Key words: criminal personality, convicted of rape, correctional institutions, serving sentences, illegal behavior, social and psychological factors.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю. Особенности личности преступников, осужденных за совершение изнасилования // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 212-214. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_212.

For citation: Tishchenko Yu.Yu. Features of the personality of criminals, convicted of committing rape // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 212-214. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_212.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Рассматривая на современном этапе особенности личности и поведения лиц, совершивших изнасилования, нам представляется, что для понимания истоков их преступного поведения необходимо исследовать социальные качества их личности, оценить их ценностно-нормативные сферы, направленность поведения и прогнозировать вероятность совершения повторного преступления. В результате проведения исследования, мы предполагаем установить какую именно роль играет личность преступника в системе факторов, детерминирующих совершение противоправных действий, а также формы и способы реализации преступного поведения.

Результаты проведенного нами исследования лиц, осужденных за совершение изнасилования, свидетельствуют о том, что для такой категории осужденных характерен достаточно высокий уровень внешних признаков социализации. К таким признакам мы относим: наличие специальности, образования, участия в общественной деятельности, прочные социальные связи с родственниками. Большинство осужденных за изнасилования не являются нарушителями установленного порядка отбывания наказания, избегают участия в группах отрицательной направленности, положительно относятся к труду и принимают участие в деятельности кружковых формирований.

Вышеуказанные социальные качества субъекта во многом как бы исключаются из системы факторов, детерминирующих совершение изнасилований, они отодвигаются на второй план и смещаются в сторону исследования психологических особенностей преступника. Однако это не означает их полного отрицания. Мы полагаем, что учет социальных факторов может объяснить некоторые причины изнасилований путем изучения социальных условий жизни индивида и особенностей формирования его личности, поскольку данные условия создают психологический облик преступника, указывают на его специфические черты, обуславливающие совершение рассматриваемого преступления. При этом следует согласиться с точкой зрения ученых, которые утверждают, что среди насильников заметна доля тех, кто имеет психические расстройства, однако нельзя говорить о том, что изнасилования совершаются психически неуравновешенными людьми [1, с. 23].

Исследование социальных качеств личности привело нас к изучению микросреды формирования личности преступников, совершивших изнасилования, а также к выяснению особенностей их социализации на стадии семейных отношений. Основной предпосылкой для исследования явилось предположение о том, что социальная среда в большей степени определяет, в каких социальных формах может быть реализована та или иная личность.

Отметим, что в самом общем виде психологическая структура личности и уровень адекватности осмысления ей своего социального статуса порождают специфические состояния и заставляют искать контакты для снятия этих состояний. При этом неадекватность желаемой

межличностной ситуации с той ситуацией, которая складывается при реальных жизненных обстоятельствах, ставит личность перед необходимостью ее корректирования. В случае, если последняя ситуация происходит за счет снижения личностных ожиданий в отношении самого себя, то это обстоятельство сопровождается нарастанием чувства тревожности. В таком случае преступники пытаются объяснить свое состояние изолированностью, скукой, неопределенностью, отсутствием взаимопонимания. Полагаем, что именно подобные состояния становятся начальным моментом для поиска способов снятия ощущений тревоги, которые не всегда осознанно мотивируют стремление к избеганию привычной обстановки.

Для лиц, совершивших изнасилования эта тревога связана с уходом в ситуацию, которая нормативно не предусмотрена их социальной ролью и вытекающими из нее обязанностями. Особую роль в конструировании этой ситуации играет сфера сексуальных отношений, в которых противоположный пол выступает в качестве объекта, с которым связано самоутверждение. В механизм поведения исследуемой категории лиц, включается насилие, которое является способом и одновременно необходимым условием достижения цели.

Изнасилование по объекту посягательства может рассматриваться как реализация неадекватного отношения к лицам противоположного пола, которое обусловлено наличием несогласованности между уровнями интеллектуального и нравственного развития. При этом личностный смысл противоправных действий сводится к отрицанию ценности женщины, освобождению от зависимого отношения к ней. Подобная форма отвержения скрыто содержится в планах преступников, совершивших изнасилования, а также в наборе их объективно и субъективно возможных поступков, обеспечивающих поиск необходимых ситуаций для совершения преступлений.

В поведении рассматриваемой категории преступников демонстрируется глубокая зависимая связь с женщиной. При этом противоположный пол субъективно воспринимается преступниками, с одной стороны, как более сильный или доминирующий, а с другой стороны присутствует его отрицание и потребность в автономии от него. В поведении насильников наблюдается стремление освободиться от подчиненной позиции и переместить свое реагирование в сторону агрессивного доминирования в тех ситуациях, которые изначально ощущаются ими как зависимые. Поэтому перенос агрессии и ее реализация могут протекать в условиях, исключающих наличие индивидуальных отношений, поскольку преступник не способен иным образом занять доминирующую позицию. Говоря простыми словами, для большинства лиц, осужденных за совершение изнасилования, индивидуальная форма общения с лицами противоположного пола достаточно сильно затруднена. Следует обратить внимание на точку зрения Е.В. Михайловой, которая аргументировано, отмечает, что причины рассматриваемого преступления связаны с особенностями самовосприятия преступника, его ощущением, собственной неполноценности [3, с. 45].

Таким образом, неспособность индивидуализировать отношения с женщинами в большей степени предопределяет способ совершения преступных действий и создание преступником различных криминальных ситуаций. Исходя из способов совершения изнасилований нами была выделена для рассмотрения одна из групп виновных, различающихся по характеру отношений с жертвой преступления и особенностям их поведения в условиях лишения свободы.

Рассматриваемая нами группа осужденных за совершение изнасилования была объединена по способу совершения преступления, характеризующегося внезапностью нападения на потерпевшую. Как правило, такие преступники выслеживают свою жертву, сознательно пытаются исключить возможное вмешательство окружающих, стремятся к исключению индивидуального общения с потерпевшей, обычно они нападают сзади, используя при этом удары по голове или удушение, чтобы избежать сопротивления жертвы.

Исследуемая категория осужденных с вышеуказанной формой поведения при совершении изнасилований характеризуется своеобразностью мышления, погруженностью в свои мысли, завышенной самооценкой, отсутствием способности к сопереживанию. Изученные нами материалы проведенных сотрудниками различных служб ИУ индивидуальных бесед с осужденными, а также анализ обстоятельств, совершенных ими преступлений свидетельствуют о том, что они все испытывают половое влечение к женщинам, однако не могут освободиться от ощущения их непонимания, униженности, отсутствия необходимого признания. Обратим внимание на мнение Л.В. Пономаревой, которая достаточно обосновано, отмечает, что общее, что объединяет насильников - это замкнутость, скрытность, отсутствие друзей, и обязательно наличие проблем в половой жизни [4, с. 57].

Для данной категории субъективно воспринимаемый отказ в признании становится психотравмирующим фактором и с определенной периодичностью нейтрализует действие защитной функции преувеличенного представления о себе. При этом сама угроза защитной функции порождает у них тревогу и обостряет стремление к освобождению из этого состояния, закрепление и активизация которого вызвана нарушением коммуникативных способностей в сфере интимных отношений. Невозможность конструктивно решить ситуацию, связанную с отсутствием внимания со стороны противоположного пола может быть вызвана отношениями отвержения со стороны женского пола, произошедшего еще в детском возрасте.

Большинство осужденных рассматриваемой категории имеют отрицательный эмоциональный фон детского периода жизни. Проведенные сотрудниками ИУ беседы с осужденными свидетельствуют о том, что в детском возрасте мать представляла для них центр эмоционального мира, а она психологически отвергала их доброжелательность. Как правило, отец часто отсутствовал дома исходя из занятости на работе, либо его позиция в семье носила зависимый характер от расположения матери. Таким образом, воспринятая в детстве система отношений зафиксировала потребность лица в определенной защите и обеспечении безопасности. В данном случае следует согласиться с мнением исследователей, которые справедливо отмечают, что психофизиологическое развитие в разные возрастные периоды происходит неравномерно, это в свою очередь отражается и на совершении преступлений [5, с. 64]. Получается, что из-за неудовлетворенности данной потребности окружающая среда воспринимается в детском возрасте как агрессивная, при этом происходит закрепление чувства недоверия, тревожности, формируется

реакция противоборства, которая развивается на фоне зависимости от матери, появляются чувства враждебности и одновременно собственной незащищенности. Практические сотрудники ИУ также поясняют, что в процессе проведения индивидуальных бесед с осужденными за изнасилование, последние испытывают дефицит общения и непонимания со стороны окружающих, считают, что с ними всегда обращались несправедливо и рассматривают это как личное оскорбление.

Говоря о поведении лиц, отбывающих наказание в ИУ за совершение изнасилования, следует отметить, что в условиях лишения свободы они отличаются зависимой позицией, замкнутостью, неспособностью определить свое место в системе отношений с осужденными. Как правило, они пытаются избегать нарушений режима, но в силу неопределенности их статуса и отсутствия авторитета в ближайшем окружении большинство из них оказываются в конфликтных ситуациях, которые связаны с их притеснением другими осужденными. На производстве возникают конфликтные ситуации с такими осужденными в основном при распределении рабочих мест с учетом характера труда и напряженности норм выработки. В силу отсутствия ответной реакции данные конфликты не имеют продолжения и не носят систематический характер. Полагаем, что отсутствие взаимной активности в конфликтных отношениях определяет их межличностную позицию, при которой поиск защиты и безопасности в условиях дефицита общения, непонимания окружающими, составляет основу их пассивного поведения. Поэтому их объединяет желание не вступать в конфликтные ситуации с осужденными и не доставлять неприятностей администрации ИУ. Данное качество является объединяющим для осужденных, рассматриваемой группы. Попытка описания указанной категории осужденных в основном заканчивается усредненным портретом, который может соответствовать представителям любой группы преступников. Пассивная установка личности большинства таких осужденных находит свое выражение в пониженном настроении, отсутствии интересов, в наличии суицидальных мыслей, в утрате профессиональной состоятельности.

Обобщенные данные проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что наиболее характерными особенностями личности осужденных за изнасилования являются трудности в выборе сексуального партнера, неспособность индивидуализировать отношения интимного характера и слабая идентификация себя с мужской ролью. Объединяющим началом является, с одной стороны, отрицательное или даже презрительное отношение к женщине, а с другой – психологическая зависимость на уровне половых влечений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для данной категории осужденных, совершенное ими преступление выступает как способ разрешения внутренних противоречий, в основе которых находится враждебное начало, сформировавшееся на ранних стадиях развития в отношениях с противоположным полом.

Список литературы:

1. Брылев В.И., Лях Л.А. Криминалистический анализ личности преступника и потерпевшей от изнасилования. Известия Тульского государственного университета. 2012. № 2. С. 19-24.
2. Гришин А.Г., Шахматов А.В. Оперативно-розыскная характеристика личности преступника, совершающего половые преступления в отношении малолетних и несовершеннолетних. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 199-207.
3. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 43-47.
4. Пономарева Л.В. Характеристика личности преступника по делам об изнасилованиях. Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 2. С. 54-64.
5. Руденко А.С., Алкаев Д.М. Характеристика личности осужденного по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5. С. 62-66.
6. Чумакова К.О. Индивидуальные психологические особенности личности обвиняемых по делам об изнасиловании несовершеннолетних. Молодой ученый. 2019. № 33. С. 51-54.

References:

1. Brylev V.I., Lyakh L.A. Criminalistic analysis of the personality of the perpetrator and the victim of rape. Proceedings of the Tula State University. 2012. No. 2. pp. 19-24.
2. Grishin A.G., Shakhmatov A.V. Operational investigative characteristics of the personality of a criminal who commits sexual crimes against minors and minors. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. pp. 199-207.
3. Mikhailova E.V. Criminological characteristics of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. Criminological journal. 2021. No. 1. pp. 43-47.
4. Ponomareva L.V. Characteristics of the criminal's personality in rape cases. Problems of economics and legal practice. 2007. No. 2. pp. 54-64.
5. Rudenko A.S., Alkaev D.M. Characteristics of the personality of a convicted person in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. No. 5. pp. 62-66.
6. Chumakova K.O. Individual psychological characteristics of the personality of the accused in cases of rape of minors. A young scientist. 2019. No. 33. pp. 51-54.

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, КАК ПАРАДИГМА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕГО СУБЪЕКТОВ PROVING IN CRIMINAL CASES, AS A PARADIGM OF THE PROCEDURAL ACTIVITY OF ITS SUBJECTS

АНТИПОВ Андрей Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России). 390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: antipovandrey89@mail.ru;

ОРЛОВ Николай Леонидович,

старший преподаватель кафедры пожарной безопасности и естественнонаучных дисциплин юридического факультета ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (Университет ФСИН России). 196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, 34.
E-mail: mr.nickor@mail.ru;

ANTIPOV Andrey Yuryevich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Regime Organization and Supervision in the Criminal Law Department of the Faculty of Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service" (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia) 390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: antipovandrey89@mail.ru;

ORLOV Nikolay Leonidovich,

Senior Lecturer at the Department of Fire Safety and Natural Sciences, Faculty of Law, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service (University of the Federal Penitentiary Service of Russia). 196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34.
E-mail: mr.nickor@mail.ru

Краткая аннотация: в статье исследуются элементы доказывания и его специфика. Делается вывод о том, что по всем уголовным делам этот процесс осуществляется в определенной последовательности, т.е. поэтапно. Каждый его этап отличается задачами, количеством участников, направленностью процессуальных действий и т.д. Последовательное и комплексное прохождение каждого из них призвано способствовать трансформации вероятностных суждений об обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления, в достоверные. Как единый процесс накопления знаний о личности, доказывание имеет свои особенности в каждой стадии уголовного процесса. В зависимости от процессуальных условий, в которых происходили собрание и проверка доказательств, уполномоченные должностные лица производят их оценку.

Abstract: the article examines the elements of evidence and its specifics. It is concluded that in all criminal cases, this process is carried out in a certain sequence, i.e. in stages. Each stage of it differs in tasks, the number of participants, the direction of procedural actions, etc. The consistent and comprehensive passage of each of them is designed to facilitate the transformation of probabilistic judgments about the circumstances of a committed or impending crime into reliable ones. As a single process of accumulating knowledge about a person, proving has its own characteristics at each stage of the criminal process. Depending on the procedural conditions in which the collection and verification of evidence took place, authorized officials evaluate them.

Ключевые слова: доказывание, доказательство, уголовное судопроизводство, субъекты доказывания, собрание, проверка, использование, уголовный процесс, институт доказывания.

Keywords: proof, evidence, criminal proceedings, subjects of proof, collection, verification, use, criminal procedure, institute of proof.

Для цитирования: Антипов А.Ю., Орлов Н.Л. Доказывание по уголовным делам, как парадигма процессуальной деятельности его субъектов // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 215-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_215.

For citation: Antipov A.Yu., Orlov N.L. Proving in criminal cases as a paradigm of the procedural activity of its subjects // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 215-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_215.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2024

Успешность доказывания в уголовных делах зависит от множества разнообразных аспектов, которые в других ситуациях могут не проявляться или не оказывать значительного влияния на процесс.

Среди этих аспектов можно выделить доминирование криминальной субкультуры, недоверие к сотрудникам правоохранительных органов, особое психологическое состояние подозреваемых, обвиняемых, вызванное необходимостью соблюдать установленные ограничения, нежелание оказаться в местах строгой изоляции и другие.

В таких сложных условиях процесс доказывания неизбежно приобретает характерные особенности, которые необходимо учитывать при сборе, проверке, оценке и использовании доказательств.

В соответствии с логикой и смыслом российского уголовно-процессуального законодательства, обстоятельства преступлений должны быть установлены исключительно в ходе доказывания и с использованием доказательств, если же эти обстоятельства будут установлены каким-либо другим способом или, например, лицами, не имеющими на то полномочий, то результаты такого установления не могут служить основанием для принимаемых процессуальных решений.

В процессе доказывания по уголовным делам, есть свои особенности. Эти особенности определяются различными факторами и проявляются в следующих чертах:

процесс доказывания имеет целью установление истины и обеспечивается мерами процессуального принуждения;

предмет и пределы доказывания зависят от обстоятельств совершённого преступления;
источники доказательств, форма и продолжительность доказывания строго регламентированы законом;
участники уголовного судопроизводства несут ответственность за предоставление доказательств и принятие итоговых процессуальных решений.

В уголовном процессе доказывание играет ключевую роль в процессе познания. Это организованная и основанная на законе деятельность участников судопроизводства, которая включает в себя не только сбор, проверку и оценку доказательств, но и учёт интересов всех заинтересованных лиц. Доказывание должно проводиться в строгом порядке, поэтапно. Каждый этап имеет свои задачи, участников и особенности процессуальных действий. Последовательное и комплексное прохождение всех этапов доказывания позволяет превратить предположения о преступлении в достоверные факты.

В своих трудах специалисты в области процессуального права справедливо отмечают, что деление процесса доказывания на этапы является лишь методологической условностью.

Вместо этого они предлагают использовать более точные термины для обозначения действий по сбору, проверке и оценке доказательств: «компоненты доказывания», а не «этапы». Это необходимо, поскольку в следственной и судебной практике эти действия воспринимаются не изолированно, а как единое целое, имеющее практическую и познавательную направленность.

Практическая сторона доказывания основана на нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а познавательная – на законах логики. В таком контексте доказывание представляет собой единство двух видов деятельности: процессуальной и логической [1].

Если рассматривать это в контексте темы нашего диссертационного исследования, можно сделать вывод, что нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обязывают совершать процессуальные действия, которые создают наилучшие условия для логичного процесса доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершённых лицами, приговорёнными к исправительным работам. Это приводит к появлению достоверных знаний у участников уголовного судопроизводства, которые применяют эти нормы.

Процесс накопления знаний о личности подозреваемого или обвиняемого и совершённом им преступлении – это сложный и многогранный процесс, который имеет свои особенности на каждой стадии уголовного судопроизводства.

В зависимости от процессуальных условий, в которых происходит сбор и проверка доказательств, уполномоченные должностные лица оценивают их. Собранные и проверенные доказательства могут быть использованы для вынесения обвинительного постановления, составления обвинительного акта или обвинительного заключения, принятия решения об их утверждении или для вывода о виновности или невиновности лица, подвергшегося уголовному преследованию.

Этот пример демонстрирует, что сбор, проверка и оценка доказательств по уголовным делам происходят в неразрывном единстве и присутствуют на всех стадиях уголовного судопроизводства в соответствующих процессуальных формах.

Процесс доказывания по уголовным делам есть особый вид процессуальной и мыслительной деятельности, возложенный на его участников (субъектов). Наиболее сложным аспектом этой работы является сбор доказательств по уголовному делу. Обычно это требует значительных усилий от органов дознания, дознавателей и следователей. Если эти специалисты не обладают достаточными знаниями и навыками для сбора разнообразных сведений о фактах, которые необходимы для полного, объективного и всестороннего предварительного расследования, то информация, собранная ими, не может быть использована в качестве доказательств в уголовном деле.

Под субъектами доказывания, стоит понимать участников уголовного судопроизводства, наделенных такими процессуальными полномочиями, которые позволяют им на законных основаниях участвовать в доказывании по уголовному делу. По верному утверждению О. А. Малышевой, субъект какой-либо деятельности – это носитель функциональных прав и обязанностей, обладающий определенной компетенцией по участию в ней. На него распространяются нормы, регламентирующие данную деятельность, режим законности в его конкретной интерпретации [2].

В научных работах процессуалистов можно найти утверждения о том, что суд не может быть субъектом доказывания, поскольку это не входит в его обязанности [3].

Данная точка зрения поддерживается сторонниками так называемой «чистой» состязательности. Они обосновывают её тем, что суд только выносит решения, а не доказывает, и его функция на стадии судебного следствия заключается в исследовании и оценке представленных доказательств.

В этом контексте мы хотели бы поддержать альтернативную точку зрения, согласно которой осуществление судом своих полномочий, в том числе в рамках судебного следствия, безусловно, подразумевает его участие в процессе доказывания.

С учётом общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, можно охарактеризовать этот процесс как активный, устный и непосредственный.

Однако мы также признаём, что суд не может собирать доказательства совместно с представителями стороны обвинения или защиты в ходе производства по уголовному делу. Но и ограничивать себя только ролью «... беспристрастного, безынициативного арбитра, проявляющего безучастное отношение к установлению истины, а значит, к ходу и результатам процесса доказывания» [4] он также не должен.

Возможно, наша позиция не вполне соответствует принципу состязательности сторон. Однако, утверждать, что требования ст. 15 УПК РФ, в которой он описан, относятся только к судебному, а не к досудебному производству по уголовным делам, было бы неправильно как с формальной, так и с содержательной точки зрения.

На этом мы завершаем обсуждение данной темы, однако хотим отметить, что вопрос о месте и роли суда в состязательном уголовном процессе остаётся открытым для дискуссий. Эти вопросы активно обсуждаются не только в научных кругах, но и на заседаниях высших судебных инстанций.

Таким образом, доказывание по уголовным делам – это деятельность не только процессуальная, но и познавательная, непосредственно направленная на установление всех без исключения обстоятельств, имеющих значение для принятия законных, обоснованных и мотивированных решений по итогам предварительного расследования, а затем и судебного рассмотрения уголовного дела. На него распространяются все общие закономерности, присущие любой другой познавательной деятельности. Их присутствие не исключает, а предполагает наличие специфики в процессуальном познании, т.е. некоторых его отличий от других видов познания (например: научного, негласного, случайного, информационного, поверхностного, углубленного и т.д.).

Будучи специфической разновидностью процессуального познания, доказывание по уголовным делам представляет собой разноаспектную процессуальную деятельность задействованных в нем участников уголовного судопроизводства и базируется на уголовно-процессуальной теории доказательств и доказывания по уголовным делам. Собираение, проверка, оценка и использование доказательств, являются составными частями этого сложнейшего во всех отношениях процесса. Убедиться в этом можно посредством научного анализа структурных элементов уголовно-процессуального доказывания, обособления каждого его компонента и уточнения их содержания в рамках досудебного производства по уголовным делам.

Список литературы:

1. Шаталов А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. Т.1. Общие положения: Москва – Великий Новгород, ИД МПА-Пресс, 2012. С.534 – 535.
2. Малышева О. А. Субъекты пенитенциарной профилактики преступлений и правовые основы их деятельности. // В кн. Пенитенциарная криминология. / Под ред. Ю. М. Антонына, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань.: АкадемияФСИН России, 2009. С.185.
3. Теория уголовного процесса: состязательность. Монография / под ред. Н. А. Колоколова. Ч.1. – М.: Юрлитинформ. 2013. – 368 с.
4. Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // В кн. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1995. С.56.

References:

1. Shatalov A. S. Criminal procedural law of the Russian Federation. Training course in 3 volumes. Vol.1. General provisions: Moscow - Veliky Novgorod, ID IPA-Press, 2012. pp.534-535.
2. Malysheva O. A. Subjects of penitentiary crime prevention and the legal basis of their activities. // In the book. Penitentiary criminology. / In a row. Yu. M. Antonyana, A. Ya. Grishko, A. P. Filchenko. Ryazan.: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2009. p.185.
3. Theory of criminal procedure: competitiveness. Monograph / edited by N. A. Kolokolov. Part 1. – M.: YurLitinform. 2013. – 368 p.
4. Pashin S. A. Problems of evidentiary law // In the book. Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions. M., 1995. p.56.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ПРЕДМЕТ ПОДДЕЛКИ: ОТДЕЛЬНЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ AN OFFICIAL DOCUMENT AS AN OBJECT OF FORGERY: SOME SUBSTANTIVE ASPECTS

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса

Уфимского юридического института МВД России.

ул. Муksинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

ЗЕЛЕНЦОВ Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях

Санкт-Петербургского университета МВД России (СПБУ МВД России).

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: k021@mail.ru;

BADAMSHIN Ifat Davletnurovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: k021@mail.ru;

ZELENTSOV Alexey Alexandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Internal Affairs in Special conditions

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia).

1 Pilyutova Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация: В существующих современных стандартах правового регулирования практически всем субъектам непосредственно приходится иметь дело с официальными документами, а также штампами, печатями, бланками, в отдельных случаях, что происходит гораздо реже, – государственными наградами. Таким образом, для последующего возникновения действительных прав и обязанностей у всех сторон правоотношений необходимо, чтобы вышеперечисленные предметы были подлинными и носили легитимный характер. К сожалению, анализ судебных решений и материалов следственной практики показывает, что в отдельных случаях, правоприменитель, в силу отсутствия установленных четких критериев и требований, предъявляемых к категории – официальный документ, а также сформулированного единого понятийно-терминологического аппарата, испытывает определенные затруднения с их идентификацией. Все это создает своего рода ограничения для формирования единой следственной и судебной практики.

Abstract: In the existing modern standards of legal regulation, almost all subjects have to deal directly with official documents, as well as stamps, seals, forms, and in some cases, which happens much less often, with state awards. Thus, for the subsequent emergence of real rights and obligations for all parties to legal relations, it is necessary that the above-mentioned items be genuine and have a legitimate character. Unfortunately, the analysis of court decisions and investigative practice materials shows that in some cases, the law enforcement officer, due to the lack of established clear criteria and requirements for the category - an official document, as well as a formulated uniform conceptual and terminological apparatus, experiences certain difficulties with their identification. All this creates a kind of restrictions for the formation of a unified investigative and judicial practice.

Ключевые слова: официальный документ, подделка, преступление, предмет преступления, уголовная ответственность.

Key words: official document, forgery, crime, subject of crime, criminal liability.

Для цитирования: Бадамшин И.Д., Зеленцов А.А. Официальный документ как предмет подделки: отдельные содержательные аспекты // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 218-219. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_218.

For citation: Badamshin I.D., Zelentsov A.A. An official document as a subject of forgery: some substantive aspects // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 218-219. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_218.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

В сфере реализации уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние преимущественно, как правило, возникает вопрос, что же следует относить к предмету преступления? В немаловажной степени это относится и к составу преступления, предусмотренному ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков».

Исходя из содержания диспозиции в первоначальной ее редакции, в качестве предмета данного преступления, выступали удостоверения и официальные документы, предоставляющие права и освобождающие от обязанностей. В связи с тем, что законодательные определения приведенных в ней терминов отсутствовали, суды при осуществлении своей деятельности зачастую разнились в своих решениях, где определяли документ предметом того или иного состава преступления. Так, в 2000 г. Президиум Верховного суда РФ в одном из рассматриваемых дел указал, что водительское удостоверение гражданина не является официальным документом, но при этом отметил, что оно все же относится к важным личным документам [1]. Далее, уже в 2006 г., Президиум признал, что официальным документом, предоставляющим права и освобождающим от обязанностей, является – паспорт [2]. В последующем, 26 июля 2019 г. в ст. 327 УК РФ были внесены изменения, в свете которых в предмет рассматриваемого преступного посягательства вошли не только официальные документы, предоставляющие права и освобождающие от обязанностей, но и паспорт или удостоверение. Однако, несмотря на их внесение, рассматриваемый предмет преступления яснее не стал. Более того, стремительное развитие научно-технического прогресса, вторгающегося во все сферы жизнедеятельности современного общества, способствовал возникновению нового вопроса: следует ли относить электронный документ к предмету рассматриваемой статьи?

В связи с тем, что вопросы по применению нормы не были единичными, Верховный суд РФ разъяснил отдельные их содержательные аспекты. Так, в постановлении № 43 от 17.12.2020 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 43) было определено, что предметом противоправного деяния, предусмотренного ст. 327 УК РФ следует рассматривать поддельные: паспорт гражданина; удостоверение и иные официальные документы, относя-

щиеся к предоставляющим права или освобождающим от обязанностей, по ч. 5 – заведомо подложные документы, за исключением указанных выше.

Отметим, что для признания документа предметом ст. 327 УК РФ, конструктивным его признаком является факт создания, выдачи, либо заверения в определенном законодательством порядке уполномоченными на то должностными лицами государственных органов или организаций. Злоумышленник должен либо избегать выполнения установленных законом правил и требований по оформлению документа, и, соответственно, подделать его, либо использовать поддельный документ, созданный другим лицом. При этом, при всем, необходимо учитывать, что документ будет признан предметом преступного посягательства лишь при наличии определенных признаков. В частности, как известно, официальные документы создаются и вводятся в обращение в установленном законом определенном порядке уполномоченными на то субъектами. В нашем случае – федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления либо уполномоченными организациями или лицами.

Отдельно, в рамках приказа Росархива от 22.05.2019 № 71 «Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления» определено, каким образом должны быть оформлены документы, которые имеют обращение в деятельности органов государственной власти. Так же, в контексте вышеуказанного нормативного правового акта, а именно в п. 2.8 раздела II «Документирование управленческой деятельности» закреплено, что электронные шаблоны документов должны быть полностью идентичны документам на бумажном носителе. Непосредственно это относится к составу реквизитов унифицированных форм документов. Кроме того, те электронные документы, которые будут направлены в государственные органы, дополнительно должны быть заверены электронной подписью должностного лица. На сегодняшний день подобные документы подписываются так называемой усиленной квалифицированной электронной подписью, которая имеет повышенный уровень защиты от преступных взломов и вероятных системных сбоев со стороны обеспечивающих их функционал программы. Существуют и иные виды подтверждения, заверения электронных документов, и все они применяются в зависимости от установленных государственным органом или отдельной организацией требований и необходимого уровня защиты информации.

Вышеизложенное предопределяет, что официальный документ, являющийся предметом подделки, может быть представлен в двух видах – материальном (на бумаге) и виртуальном (на электронном носителе). Возможность представления подложного документа в виде электронного документа прописана в п. 1 Постановления № 43, где регламентировано, что официальный документ – это в том числе и электронный документ, которому характерны черты любого официального документа (т.е. он создан и выдан в установленном законодательством порядке уполномоченными на то должностными лицами государственных органов либо организаций, на которые были делегированы данные полномочия).

В тоже время, имея дело с электронными документами и принимая во внимание, как именно они создаются, передаются или подвергаются изменениям необходимо, на наш взгляд, учитывать несколько факторов. Первый – это возможность неправомерного получения доступа к информации, т.е. к рассматриваемому нами документу. Второй – так называемый, человеческий фактор, или возможность совершения ошибки должностным лицом, имеющим право к доступу и внесению изменений в документ. Учитывая эти два момента, мы понимаем, что при разрешении подобного рода вопросов необходимо обращаться к главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Необходимость в этом логична – ведь именно главой 28 урегулирована ответственность лиц, нарушивших установленные правила создания, использования, хранения, обработки или передачи компьютерной информации. В качестве иллюстрации мы можем привести пример событий, произошедших в 2018 г., когда в связи с системным сбоем в программе обеспечения, возникшей из-за объединения нескольких баз данных федеральной миграционной службы РФ, паспорта почти 1,5 миллионов отечественных граждан внезапно обрели статус недействительных документов [3], в связи с чем они, при обращениях за государственными услугами, сталкивались с рядом проблем, в определенной мере ограничивающих их права. При этом необходимо учитывать, что данная «ошибка» не являлась следствием преступного умысла и принесла дополнительный практический опыт, повлиявший на дальнейшее укрепление систем безопасности и управления базами данных, но ведь в противоположном случае, подобные действия вполне были бы под силу и преступникам с их противоправными корыстными умыслами.

Следующим признаком, характерным для поддельного документа, является то, что он удостоверяет юридические факты, что в свою очередь, приводит к определенным юридическим последствиям. Так, исходя из своего сущностного содержания, поддельный документ может как даровать конкретно определенные права своему владельцу, так и освободить от определенных обязанностей, и наоборот – т.е. юридические последствия в любом случае будут выражены в виде изменения объема прав и обязанностей лица. К слову, это изменение должно в обязательном порядке наступить до момента завершения подделки, т.к. свойство предоставления прав и освобождения от обязанностей присуще каждому официальному документу. При несоответствии документа данному обстоятельству он не может считаться официальным и не будет являться предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Учитывая вышеизложенное, вопрос относительно предмета состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, остается открытым и, по нашему мнению, требует дальнейшей конкретизации и закрепления в уголовном законодательстве.

Список литературы:

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2000 г. по уголовным делам. – URL: <https://vsrf.ru/files/10769/> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Постановление Президиума Верховного суда РФ от 24 мая 2006 г. № 823-П05 в отношении Королева. – URL: <https://base.garant.ru/5304210/?ysclid=m3bqydzc6w833462931> (дата обращения: 25.10.2024).
3. Матюхин Г. Паспорта россиян массово стали недействительными из-за ошибки в электронной базе данных // Новости Hi-Tech Mail.ru. – URL: https://hi-tech.mail.ru/news/pasporta-oshibka/#a01_38006 (дата обращения: 25.10.2024).

References:

1. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2000 in criminal cases. - URL: <https://vsrf.ru/files/10769/> (date of appeal: 10/25/2024).
2. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 24, 2006 No. 823-P05 concerning Korolev. – URL: <https://base.garant.ru/5304210/?ysclid=m3bqydzc6w833462931> (accessed: 10/25/2024).
3. Matyukhin G. Passports of Russians massively became invalid due to an error in the electronic database // Hi-Tech News Mail.ru. – URL: https://hi-tech.mail.ru/news/pasporta-oshibka/#a01_38006 (date of application: 10/25/2024).

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ОЦЕНКИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА

Controversial aspects of regulation and assessment of certain signs of criminal bankruptcy

РУСЯЕВ Илья Николаевич,

аспирант, кафедра уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1.
E-mail: manager@rusyaev.com;

Rusyaev Ilya Nikolaevich,

postgraduate student, Department of Criminal Law Kazan (Volga Region) Federal University.
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str. 18, building 1.
E-mail: manager@rusyaev.com

Краткая аннотация: В статье исследованы вопросы, связанные с нормативной регламентацией и толкованием некоторых признаков неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ) и преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ). Проанализированы элементы объективной стороны в условиях неправомерного удовлетворения имущественных требований определенных кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, исследованы признаки банкротства, понятие крупного ущерба, предложена авторская позиция в определении момента окончания преступления. Выявлены основные проблемы, возникающие при квалификации преднамеренного банкротства, создающего неспособность юридического лица или гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, дана характеристика несостоятельности юридического или физического лица. Предложен способ определения круга потерпевших, которым причиняется крупный ущерб в условиях преднамеренного банкротства.

Abstract: The article examines issues related to regulatory regulation and interpretation of some signs of illegal actions in bankruptcy (Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation) and intentional bankruptcy (Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation). The elements of the objective side are analyzed in the conditions of unlawful satisfaction of property claims of certain creditors at the expense of the debtor's property to the detriment of other creditors, the signs of bankruptcy, the concept of major damage are investigated, the author's position in determining the moment of the end of the crime is proposed. The main problems arising in the qualification of intentional bankruptcy, which creates the inability of a legal entity or citizen to fully satisfy creditors' claims for monetary obligations and fulfill the obligation to pay mandatory payments, are identified, and the insolvency of a legal entity or individual is characterized. A method is proposed for determining the range of victims who suffer major damage in conditions of deliberate

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, экономическая деятельность, банкротство, несостоятельность, состав преступления, последствия, крупный ущерб.

Keywords: crime, criminal liability, economic activity, bankruptcy, insolvency, corpus delicti, consequences, major damage.

Для цитирования: Русяев И.Н. Дискуссионные аспекты регламентации и оценки отдельных признаков криминального банкротства // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 220-223. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_220.

For citation: Rusyaev I.N. Controversial aspects of regulation and assessment of certain signs of criminal bankruptcy // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 220-223. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_220.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2024

На протяжении истории общества, его хозяйственной сферы, проблема банкротств хозяйствующих субъектов была и остается актуальной для регулирования экономических отношений. Обман кредиторов, злоупотребления в процессе удовлетворения их требований, другие нарушения в сфере несостоятельности всегда негативно влияли на развитие фондовых рынков, банковских структур и других финансовых инструментов. В этой связи, государство всегда уделяло особое внимание правовому регулированию института банкротства, который окончательно сформировался в развитых странах лишь к середине XX века. В настоящее время банкротство является одним из ключевых элементов, обеспечивающих нормальное хозяйственное развитие государства. Оно предполагает законное прекращение существующих обязательств, однако на сегодняшний день известно, что большое количество банкротств оказывается либо результатом преступных злоупотреблений и других правонарушений, либо сопряжено с ними.

Не случайно в отличие от многих других преступлений в сфере экономической деятельности (посягательствах на рынке ценных бумаг, инсайдерских преступлениях и т.д.), нормы о криминальном банкротстве были закреплены уже в первой редакции УК РФ.

Напомним, что банкротство, как институт отечественного права, получил стремительное развитие за последние десятилетия, которые проходили в непростых экономических условиях, в связи с чем и возросло количество преступных злоупотреблений в указанной сфере. В современном уголовном праве преступления в сфере банкротства размещены в трех статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), устанавливающих ответственность: 1) за неправомерные действия при банкротстве, 2) преднамеренное банкротство и 3) фиктивное банкротство (ст. 195-197 УК РФ).

В доктрине уголовного права принято считать, что в ст. 195 УК РФ закреплено три самостоятельных состава преступления в ч. 1, 2 и 3. В настоящей работе, применительно к ст. 195 УК РФ, мы подробнее рассмотрим отдельные вопросы квалификации и законодательной регламентации уголовно-правового запрета размещенного в ч. 2 статьи, в которой говорится о различных видах нарушения процедуры удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов в ущерб иным кредиторам.

Как известно, нормативные правовые акты, регулирующие проблемы несостоятельности физических и юридических лиц, закрепляют

определенный порядок процедуры банкротства, который нарушается виновным лицом (лицами). Заметим, что по мнению законодателя исследуемое посягательство менее общественно опасно по сравнению с иными банкротскими преступлениями прописанными в ст. 195 УК РФ. Так, санкции по ч. 1 и 3 предусматривают наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет, по ч. 2 – до одного года. В этой части следует понять, нужно ли увеличение срока лишения свободы в рамках санкции исследуемой нормы? На наш взгляд, уровень общественной опасности всех конститутивных составов, закрепленных в ст. 195 УК РФ находится в примерно равных параметрах, по этой причине нормативное увеличение санкции в виде лишения свободы в ч. 2 статьи, вполне обоснованно и будет отвечать потребностям правоприменительной практики.

Для начала отметим, что удовлетворение имущественных требований – процедура на практике достаточно сложная. Очень часто выявленных и физически зафиксированных активов должника не хватает для полного исполнения предъявленных ему требований. При этом виновные лица находят самые изощренные способы сокрытия имущества, которое может участвовать в конкурсной массе. Это порой и физическое перемещение движимого имущества, утаивание наличных и безналичных финансовых средств и в этой связи, справедливо ставится вопрос о совокупности содеянного с деянием, закрепленным в ч. 1 ст. 195 УК РФ [1]. Следовательно, важность правовой процедуры несостоятельности заключается, в том числе, в справедливом, последовательном распределении конкурсной массы среди кредиторов. В отдельных случаях, имущество может распределяться пропорционально, чтобы не поставить в выгодное положение одних хозяйствующих субъектов и в невыгодное – других. В целом, порядок очередности сводится к тому, что лишь после полного удовлетворения требований кредиторов предыдущей очереди переходят к удовлетворению требований кредиторов следующей очереди [2].

В условиях, когда размеры задолженности являются достаточно крупными, возникает желание противоправно нарушить правила очередности с помощью коррупционных схем, с использованием различных служебных злоупотреблений и т.д. Изложенное делает еще более актуальными приведенное выше предложение о выравнивании санкций, закрепленных в ч. 2 с санкциями установленными в ч. 1 и 3 ст. 195 УК РФ.

Если рассматривать судебную-следственную практику по делам о неправомерном удовлетворении имущественных требований кредиторов, заметим, что при в приговорах наиболее часто встречающемся нарушением является нарушение правил пропорциональности удовлетворения имущественных требований кредиторов, поскольку такая форма противоправного поведения в процедуре несостоятельности является наиболее латентной, скрытой для всей линейки участников такой процедуры [3].

На наш взгляд, резкая критика в адрес качества конструкции исследуемой нормы не совсем обоснована. Эффективной предупредительной деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению неправомерных действий при банкротстве и нынешняя редакция ст. 195 УК РФ абсолютно ничем не препятствует. Не допустить наступления последствий не менее важно, чем действий (бездействия), могущих повлечь такие последствия. Вопрос заключается лишь в организационной воле. Полагаем, сфере несостоятельности, как и вся экономическая деятельность, находится в области движения больших финансовых средств, иных активов, движимых и недвижимых, там часто действуют специальные субъекты, лица наделенные высоким социальным, финансовым, коммерческим статусом. По этой причине осуществлению эффективного противодействия криминальным банкротствам, в т.ч. деянию закрепленному в ч. 2 ст. 195 УК РФ, препятствуют коррупционные, служебные и иные ресурсы, высокий уровень юридической защиты [1].

Исследуемое деяние окончено в момент причинения крупного ущерба кредиторам. При этом момент возникновения ущерба определяется различно в зависимости от вида нарушения законодательства о банкротстве. Так, неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника, совершенное заведомо в ущерб другим кредиторам, может иметь место в процессе внешнего управления до вынесения арбитражным судом определения о переходе к расчетам с кредиторами. Указанное определение будет являться основанием начала расчетов со всеми кредиторами в соответствии с реестром требований кредиторов [4]. В свою очередь, отметим, что, например, в случае банкротства кредитной организации неправомерность может выражаться в нарушении моратория на удовлетворение требований кредиторов или в нарушении очередности и порядка удовлетворения требования кредиторов в ходе конкурсного производства.

С 01.10.2015 Федеральным законом от 29.12.2014 № 476-ФЗ законодатель расширил круг субъектов отдельных криминальных банкротств. С момента вступления в силу действующего уголовного закона субъекты банкротских преступлений являлись специальными. Однако после серьезного роста потребительского кредитования с середины 2000-х годов по настоящее время, увеличения накопившихся долгов граждан российским банкам, в отечественном правовом поле появилась законодательная база, регулирующая несостоятельность физических лиц. Эти обстоятельства потребовали, соответственно, изменения в уголовном законодательстве в части определения субъектного состава криминального банкротства: в настоящее время субъектом преступной несостоятельности является и гражданин - физическое лицо.

Таким образом, учитывая высокую сложность выявления и расследования преступлений в сфере банкротства, необходимо использовать действенные и эффективные меры оперативного, в том числе процедурного, характера, способствующие их успешному раскрытию.

Нам также представляется интересным изучить объективную сторону преднамеренного банкротства, то есть постараться выявить такие признаки, как деяние, последствия, связь между деянием и последствиями. Исходя из диспозиции ст. 196 УК РФ, а также разъяснений «Методических рекомендаций по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» (утв. ФССП России 15.04.2013 N 04-4), деяние в рассматриваемом составе представляет собой умышленное действие или бездействие, направленное на создание ситуации неплатежеспособности перед кредиторами, то есть прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. Следует отметить, что при установлении указанных признаков также необходимо одновременно определять объективно возможные и экономически целесообразные способы поведения субъекта, в целях исключения возникновения его неплатежеспособного состояния [6].

В момент причинения крупного (превышающего три миллиона пятьсот тысяч рублей) ущерба кредиторам можно говорить об окончательности данного посягательства. Другое дело, что гораздо сложнее установить причинно-следственную связь между действиями лица по осуществлению преднамеренного банкротства и наступившим ущербом. Хозяйственная деятельность сложный «многослойный» процесс, его эффективность часто зависит от факторов случайности, умышленная деятельность порой граничит, а иногда и пересекается с небрежностью и даже с невинными причинением вреда. В таких условия установление причинно-следственной связи в отдельных случаях представляется достаточно проблемным решением. В этой части незаменимым подспорьем в установлении умышленности действий субъекта являются грамотно проведенные и закрепленные результаты оперативно-разыскной деятельности и эффективная тактика следственных действий.

Рассмотрим также вопрос о необходимости принятия арбитражным судом, как преюдициального акта, решения о признании должника банкротом, поскольку вокруг данного документа крутится дискуссия о моменте окончания деяния. Позиция «нормативистов» проста и понятна: именно такое решение подтверждает юридическое оформление надлежащим органом неплатежеспособности хозяйствующего субъекта, является одним из ключевых оснований (при наличии иных необходимых признаков) для привлечения лица к уголовной ответственности [3]. Для многих преступлений в сфере экономической деятельности именно наличие нормативного основания для определения окончательности деяния является точкой опоры для толкования и квалификации. Например, момент окончания уклонения от уплаты налогов с организации зависит от вида сокрытого налога (сбора) и от указания в налоговом законодательстве крайнего срока его уплаты в бюджеты различных уровней.

Напротив, иная точка зрения предполагает, что это условие не является необходимым, достаточно лишь фактического установления отказа либо «мнимой» невозможности удовлетворения требований кредиторов в полном объеме. Мы считаем, что для привлечения к уголовной ответственности не требуется решения арбитражного суда о банкротстве как преюдициальном акте. При этом надо помнить, что сумма неудовлетворенных требований должна превышать размер установленного крупного ущерба [4].

Повторим, что данная позиция в большей степени соответствует букве и духу уголовного закона. Диспозиция составлена таким образом, чтобы обязательность признания несостоятельности (банкротства) арбитражным судом и умышленное поведение виновного лица лежало в разных плоскостях и не требовало созависимости друг от друга, главное установить, что именно противоправные хозяйственные действия (бездействие) лица привели к невозможности надлежащим образом исполнить свои обязательства. Ранее мы указали, что наступившая неплатежеспособность может быть и мнимой, поскольку приведенный в состояние банкротства хозяйствующий субъект порой имеет фактическую возможность исполнять свои обязательства, должным образом распоряжаясь, например, своими сокрытыми активами.

Считаем также, что следует дополнительно сказать: неудачным лингвистическим технико-юридическим решением является использование в ч. 1 ст. 196 УК РФ термина имущественные «обязанности». Очевидно, что процедура несостоятельности по своему содержанию объективно отражается более точным понятием - имущественные обязательства.

Понятие «несостоятельность», представляется более широким, чем «неплатежеспособность» и включает в себя два элемента: 1) недостаточность денежных средств в связи с чем возникает невозможность удовлетворения требований кредиторов; 2) отсутствие необходимого количества активов, необходимых для продажи и как следствие исполнения денежных обязательств перед кредиторами. Если же должник имеет достаточное количество имущества и при этом не предпринимает действий по его реализации в целях погашения имеющейся задолженности, но одновременно которая в свою очередь не составляет существенный ущерб для производства, то такое поведение отражает один из признаков объективной стороны преднамеренного банкротства - создание неплатежеспособности, то есть неспособности удовлетворения требований кредиторов по денежным обязательствам или обязанности по уплате обязательных платежей [1].

Кроме того, в доктрине, существует дискуссия по поводу нормативного содержания самого ущерба. Одни ученые полагают, что он должен быть содержать только прямые убытки, реально понесенные потерпевшими лицами. Аналогично материальным составам хищений, например, при краже, грабеже, мошенничестве. Например, при хищении деревообрабатывающего станка из столярного цеха или автомобиля, на котором осуществляется частный извоз, будет учитываться только стоимость самого станка (автомобиля), которая с учетом амортизации может быть и невысокой. Тогда как, упущенная выгода в виде произведенной продукции (неполученного дохода) может в отдельных случаях превышать реальный ущерб (прямые убытки). Интересно, что при умышленном уничтожении станка или автомобиля в оценку последствий помимо реального ущерба должна включаться и упущенная выгода. Во всяком случае такой позиции придерживается научное юридическое сообщество и практика [6]. Именно так в большинстве составов Особенной части УК РФ и трактуется признак «ущерб». Следовательно, мы склонны присоединиться к той части авторов, которые понимают под крупным ущербом – реальные убытки и упущенную выгоду. Заметим только, что характер упущенной выгоды должен быть напрямую связан с прямыми убытками хозяйствующего субъекта.

Последнее на что стоит обратить внимание, это на отсутствие в данной статье ограничения количества лиц, которым может быть причинен вред. Некоторые правоведы убеждены, что крупный ущерб может заключаться как в ущербе, причиненном одному кредитору, либо слгаться в качестве совокупного ущерба, причиненного нескольким лицам, в рамках деяния преступления [5]. В такой логике, причинение ущерба по 36 тыс. рублей сотне кредиторов на длительном временном отрезке образует криминообразующий количественный признак в целях ст. 196 УК РФ. Другая точка зрения исключает возможность сложения сумм, которые находятся за пределами сроков давности [1]. Считаем вторую позицию более верной, когда в рамках срока давности учитываем ущерб, причиненный как одному кредитору, так и нескольким, который определяем путем сложения.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Неудачным лингвистическим технико-юридическим решением является использование в ч. 1 ст. 196 УК РФ термина имущественные

«обязанности». Очевидно, что процедура несостоятельности по своему содержанию объективно отражается более точным понятием - имущественные обязательства.

2. Считаем, что для привлечения к уголовной ответственности не требуется решения арбитражного суда о банкротстве как преюдициальном акте.

3. Эффективной предупредительной деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению правонарушений при банкротстве и нынешняя редакция ч. 2 ст. 195 УК РФ абсолютно ничем не препятствует. Не допустить наступления последствий не менее важно, чем действий (бездействия), могущих повлечь такие последствия.

Список литературы:

1. Кузьминов, Д.А. Признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД. - № 4 (55). - 2014. - С. 22-25.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // СПС «Консультант»
3. Приговор Гукковского городского суда Ростовской области от 29.07.2015 г. № 1-157/2015 // СПС «Консультант Плюс».
4. Барышева К.А. Уголовно-правовая защита прав кредиторов при банкротстве кредитной организации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., - 2012. С. 24.
5. «Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства» (утв. ФССП России 15.04.2013 N 04-4) // СПС «Консультант Плюс».
6. Соловьев О.Г., Касаткина Н.Н. Лингвистическая казуистика в диспозициях норм об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): pro & contra // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 27 февраля 2015 г. - 2015. - № 8. - С. 106-108.
7. Игошин А.В. Уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений, связанных с банкротством: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург. - 2004. - С. 17-18.
8. Можайская Л.А. Какие действия свидетельствуют о преднамеренном банкротстве // Российская юстиция. - № 6. - 2001. - С. 34.
9. Зуй И.В. Ответственность за преднамеренное банкротство в российском законодательстве // Евразийская адвокатура. - 2017. - № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-prednamerennoe-bankrotstvo-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 23.10.2024).

References:

1. Kuzminov, D.A. Signs of the objective side of the corpus delicti provided for in Part 2 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs. - № 4 (55). - 2014. - Pp. 22-25.
2. Federal Law No. 127-FZ of 10/26/2002 (as amended on 08.08.2024) "On insolvency (bankruptcy)" (with amendments and additions, intro. effective from 09/08/2024) // SPS "Consultant"
3. The verdict of the Gukovsky City Court of the Rostov region dated 07/29/2015 no. 1-157/2015 // SPS Consultant Plus.
4. Barysheva K.A. Criminal law protection of creditors' rights in case of bankruptcy of a credit institution: abstract. diss. ... cand. Jurid. Sciences. - M., - 2012. p. 24.
5. "Methodological recommendations for the identification and suppression of crimes in the field of economics and against the management procedure committed by the parties to the enforcement proceedings" (approved by the FSSP of Russia on 04/15/2013 N 04-4) // SPS "Consultant Plus".
6. Solovyov O.G., Kasatkina N.N. Linguistic casuistry in the dispositions of norms on economic crimes (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): pro & contra // Theoretical and applied aspects of modern science: a collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference February 27, 2015 - 2015. - No. 8. - pp. 106-108.
7. Igoshin A.V. Criminal law problems of qualification of crimes related to bankruptcy: Abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2004, pp. 17-18.
8. Mozhaikskaya L.A. What actions indicate deliberate bankruptcy // Russian Justice. - No. 6. - 2001. - p. 34.
9. Zuy I.V. Responsibility for intentional bankruptcy in Russian legislation // Eurasian Advocacy. - 2017. - № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-prednamerennoe-bankrotstvo-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (date of application: 10/23/2024).

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_224

УДК 343.1

**ПОДВИГ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОМИЛОВАНИЯ:
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ,
ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
FEAT AS A BASIS FOR PARDON: CERTAIN ASPECTS OF THE PROCEDURAL
STATUS OF PERSONS INVOLVED IN A SPECIAL MILITARY OPERATION**

ОСИПОВА Надежда Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
ул. Муksинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.
E-mail: sovetnadejdu@mail.ru;

OSIPOVA Nadezhda Vladimirovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.
Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: sovetnadejdu@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ основных недоработок Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», допускающего освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц в связи с прохождением ими военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время

Abstract: The article analyzes the main shortcomings of the Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation," which allows for exemption from criminal liability and punishment of persons in connection with the passage of their military service during the period of mobilization, during martial law or in wartime

Ключевые слова: участники специальной военной операции, мобилизация, военное время, военное положение, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, награждение государственной наградой, контракт с Вооруженными силами РФ.

Key words: participants in a special military operation, mobilization, wartime, martial law, exemption from criminal liability, exemption from punishment, state awards, contract with the Armed Forces of the Russian Federation.

Для цитирования: Осипова Н.В. Подвиг как основание для помилования: отдельные аспекты процессуального положения лиц, задействованных в специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 224-226. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_224.

For citation: Osipova N.V. Feat as a basis for pardon: certain aspects of the procedural status of persons involved in a special military operation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 224-226. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_224.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

В условиях проведения специальной военной операции по-прежнему остается актуальным вопрос привлечения осужденных и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, к защите интересов Российской Федерации.

С принятием 23 марта 2024 соответствующих поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ указанные лица получили от государства гарантии в виде освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Однако несмотря на явные преимущества нового закона, многие вопросы он все же не разрешил, оставляя зачастую правоприменителя в сложной ситуации.

Одной из проблем, создающих правовую неопределенность, является вопрос о соответствии Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (частям 1 и 2), 45 (части 1), 50 (частям 1 и 3) и 54 (части 2) положения части 1 статьи 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в той мере, в которой эти положения лишают подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, привлеченных к участию в специальной военной операции по контракту и награжденных негосударственной наградой, полученной в период участия в специальной военной операции (в том числе, в рядах добровольческих формирований и «частных военных компаний»), права на освобождение от уголовной ответственности; а также положения части 1 статьи 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, допускающие прекращение уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных частью 1 статьи 78.1 УК РФ, исключая при этом из юрисдикции данной нормы фигурантов уголовных дел в ином процессуальном статусе (подсудимых и осужденных), в том числе, в случае отмены в отношении них приговора в кассационном (апелляционном, надзорном порядке), либо возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, привлекаемых к

¹ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // <https://www.consultant.ru>

участию в специальной военной операции в аналогичных условиях.

Много вопросов возникает в связи с применением положений части 2 статьи 238 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и розыск лиц, призванных на военную службу в период мобилизации и в военное время, либо заключивших контракт о прохождении военной службы в указанный период или время на стадии судебного разбирательства.

Согласно части 2 статьи 55 Конституции РФ, в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (части 1 и 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации).

Полагаем, что Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в той мере, в которой подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления были предоставлены правовые гарантии в виде освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время, была допущена дискриминация других участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, а именно подсудимых и осужденных, заключивших соответствующий контракт в аналогичных условиях.

Конституционный принцип равенства граждан перед законом и судом (статья 19) ставится под сомнение, когда закон предоставляет привилегии в одних и тех же обстоятельствах лишь ограниченной, избранной категории граждан.

Согласно части 1 статьи 28.2 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных частью 1 статьи 78.1 УК РФ.

Анализ данного основания прекращения уголовного преследования позволяет сделать вывод, что оно является не реабилитирующим и распространяется исключительно на стадию предварительного расследования.

Ситуации, когда фигурант уголовного дела после поступления его дела в суд заключает контракт с Вооруженными Силами, а впоследствии в отношении данного лица – участника специальной военной операции приговор отменяется вышестоящей судебной инстанцией, либо когда производство по уголовному делу возобновляется ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, остались законом не урегулированы, что оставляет возможность для его произвольного толкования и злоупотребления.

По буквальному смыслу приведенной нормы, решение о прекращении уголовного преследования на основании статьи 28.2 УПК РФ уполномочены принимать лишь следователь с согласия руководителя следственного органа, либо дознаватель с согласия прокурора, но не суд, что ставит участников специальной военной операции в неравные условия в зависимости от процессуального статуса, и данный пробел закона нуждается в урегулировании.

Вместо заслуженного в бою освобождения от уголовной ответственности и наказания, гарантируемого фигурантам уголовных дел на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, осужденные и оправданные могут быть вновь подвергнуты уголовному преследованию, при этом, в отношении них может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу заочно, что ставит их в неравное положение с подозреваемыми и обвиняемыми (участниками на досудебных стадиях уголовного процесса), уголовное преследование в отношении которых в такой ситуации прекращается.

Согласно условиям контракта, приговоренные к реальному лишению свободы осужденные, заключая контракт с так называемыми «частными военными компаниями», существовавшими и проводящими вербовку заключенных официально, после выполнения его условий освобождены от дальнейшего отбывания наказания, в то время, как та категория осужденных, в отношении которых был вынесен обвинительный приговор без назначения наказания, либо условное наказание, такой привилегии получить не могут и уголовное преследование в отношении них после отмены обвинительного приговора суда продолжается.

Такое положение ставит гарантированное Конституцией Российской Федерации право на равенство всех перед законом и судом в зависимости от процессуального статуса участника в уголовном деле и подрывает основы правосудия.

В силу статьи 59 (части 1) Конституции Российской Федерации защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Сама возможность отмены вступившего в законную силу приговора в отношении участников специальной военной операции в кассационном, надзорном или ином порядке, тем более, в отношении осужденных условно, плохо уживется с утверждением, что Российской Федерация чтит память защитников Отечества и не умаляет значения их подвига (статья 67.1 Конституции Российской Федерации), делает процедуру дальнейшего производства по уголовному делу (с последующим его прекращением на основании статьи 78.1 УК РФ) экономически неоправданной, нарушает право на осуществление судопроизводства в разумный срок.

В силу части 3 статьи 50 Конституции Российской Федерации каждый осужденный за преступление имеет право просить о помилова-

нии или смягчении наказания. Осужденным, которые привлечены к участию в специальной военной операции из мест лишения свободы, такое право гарантировал контракт и они свое право реализовали – в то время, как осужденные-контрактники, приговоренные к лишению свободы условно, в отношении которых приговор впоследствии был отменен, такого права лишились только потому, что наказание не было связано с реальным лишением свободы. И вместо освобождения от наказания такого участника специальной военной операции наравне с другими осужденными, суд может инициировать новое судебное разбирательство, что как минимум не справедливо.

В соответствии с частью 1 и 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

Принятие Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» легализовало процедуру освобождения от уголовной ответственности и наказания лишь той части осужденных-участников специальной военной операции, которые итак получили освобождение, на основании контракта и акта о помиловании. Однако аналогичная категория осужденных, которые отбывали наказание, не связанное с лишением свободы, как не имели такого права, так не обрели его и с принятием нового федерального закона. Несмотря на полное выполнение условий контракта, они даже не имеют права просить Президента РФ о помиловании, так как вступивший в законную силу приговор в их отношении отменен. Эта несправедливость поставила под сомнение принципы, заложенные в статьях 19 и 54 Основного закона, а создавшаяся ситуация позволяет ставить вопрос о повторном уголовном преследовании отдельной категории граждан лишь за то, что им «не повезло» быть осужденными реально и нарушении в связи с этим части 1 статьи 50 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, часть 1 статьи 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в действующей редакции в совокупности с другими нормами гарантирует прекращение уголовного преследования лишь в отношении привилегированных участников уголовного процесса, порождает неравенство и создает неопределенность в вопросе о том, подлежат ли освобождению от уголовной ответственности заключившие контракт с Вооруженными Силами РФ в военное время осужденные условно, а также осужденные, приговор в отношении которых отменен после его вступления в законную силу, то есть на предмет соответствия оспариваемых нормативно-правовых актов положениям Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (частям 1 и 2), 45 (части 1) и 50 (части 3) в той мере, в какой они лишают осужденных права на прекращение уголовного преследования и помилование.

В условиях специальной военной операции для содействия в выполнении боевых задач задействованы не только непосредственно Вооруженные Силы РФ, имеющие полномочия по представлению к государственным наградам – в целях защиты интересов Российской Федерации выступили добровольческие формирования и другие организации. Их легальный статус обеспечивает, в том числе, законодательный запрет публичных действий, направленных на их дискредитацию (статья 20.3.3 КоАП РФ), уголовное преследование публичного распространения заведомо ложной информации об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (статьи 207.3 и 280.3 УК РФ).

Исходя из того, что награды соответствующих организаций и формирований не входят в государственную наградную систему РФ, вопрос об освобождении их участников от уголовной ответственности по части 1 статьи 78.1 Уголовного кодекса РФ в случае награждения государственными наградами также остался не решенным.

Отсутствие в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации прямого указания на возможность прекращения уголовного дела судом препятствует суду общей юрисдикции, а также судам апелляционной, кассационной, надзорной инстанций ставить вопрос о прекращении уголовного преследования в отношении лица, заключившего контракт с Вооруженными Силами РФ в военное время.

Конструкция части 1 статьи 78.1 Уголовного кодекса РФ, допускающая возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», создает дискриминацию для тех, кто участвовал в защите интересов Российской Федерации в составе частных военных компаний, либо добровольческих и иных организаций.

Список литературы:

¹ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // <https://www.consultant.ru/>

References:

1. Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // <https://www.consultant.ru/>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА MODERN THEORETICAL AND NORMATIVE CONSTRUCTIONS OF THE DEFINITION OF EXTREMISM

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. ул. Кулаковского, 42, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677007, Россия.
E-mail: arzulana@bk.ru;

ГРИГОРЬЕВА Туйара Геннадьевна,

магистрант, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. ул. Кулаковского, 42, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677007, Россия.
E-mail: arzulana@bk.ru;

Pavlova Arzulana Akramovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Faculty of Law, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Kulakovskiy str., 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677007, Russia.
E-mail: arzulana@bk.ru;

Grigorieva Tuyara Gennadievna,

master's student Faculty of the Faculty of Law of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. Kulakovskiy str., 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677007, Russia.
E-mail: arzulana@bk.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются современные теоретические и нормативные конструкции определения экстремизма. Авторы отмечают, что при существующем многообразии подходов к понятию экстремизма в научной юридической литературе, в праве, как в международном, так и национальном, нет устоявшегося подхода к определению экстремизма, отдельные государства закрепляют в своем законодательстве его понятие, отражающее свои национальные особенности. В законодательстве Российской Федерации, регламентирующем противодействие экстремизму, данное понятие дается как равнозначное понятию «экстремистской деятельности» и определяется через перечень действий, признаваемых экстремистскими. Отсутствие единства мнений относительно понятия экстремизма, его существенных признаков и многообразия теоретических и правовых конструкций усложняет правоприменение, способствуя неоднозначности их употребления.

Abstract. The article examines modern theoretical and normative constructions of the definition of extremism. The authors note that with the existing variety of approaches to the concept of extremism in the scientific legal literature, in law, both international and national, there is no well-established approach to the definition of extremism, individual states consolidate its concept in their legislation, reflecting their national characteristics. In the legislation of the Russian Federation regulating counteraction to extremism, this concept is given as equivalent to the concept of "extremist activity" and is defined through a list of actions recognized as extremist. The lack of consensus on the concept of extremism, its essential features and the variety of theoretical and legal structures complicates law enforcement, contributing to the ambiguity of their use.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистские преступления, преступления экстремистской направленности, безопасность государства.

Keywords: extremism, extremist activity, extremist crimes, crimes of extremist orientation, State security.

Для цитирования: Павлова А.А., Григорьева Т.Г. Современные теоретические и нормативные конструкции определения экстремизма // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 227-230. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_227.

For citation: Pavlova A.A., Grigorieva T.G. Modern theoretical and normative constructions of the definition of extremism // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 227-230. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_227.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Борьба с экстремизмом, как одним из самых опасных антисоциальных общественно-политических явлений, ведется мировым сообществом на протяжении многих лет. Во всех своих проявлениях экстремизм создает угрозу безопасности государствам, разрушения существующих государственных институтов и основ конституционного строя, влечет значительные экономические, социальные и моральные потери. Психологически деструктивно воздействуя на население, порождая негативные изменения в социальной среде, экстремизм дестабилизирует общество в целом.

Слово «деструкция», «деструктивное» происходит из латинского языка и означает разрушение и уничтожение. Само слово несет в себе крайне негативные последствия для людей. Деструктивным можно назвать не только поведение, но и идеи, взгляды, которые не соответствуют сложившимся общественным нормам.

Учёные давно доказали и выделяют следующую цепь связанных между собой звеньев: радикализм - экстремизм - фанатизм - терроризм[1, 2]. Причем, эта цепь носит характер развивающейся последовательности, опасной даже в начальном состоянии, в то время как вредные последствия могут быть гибельны и необратимы как для отдельного носителя этих идей, так и для общества.

Следует заметить, что термин «радикализм» не всегда носил, да и носит до сих пор в отдельных социумах, негативный характер. Вначале он означал просто активное стремление добраться до корня проблем и некое противоположное властным установкам оппозиционное положение. Но в настоящее время под ним чаще всего понимается «комплекс политических идей и действий, нацеленных на коренное (радикальное) изменение существующих социальных и политических институтов» [2, с. 94]. То есть он выражается в крайней и бескомпромиссной приверженности таким взглядам и идеям. И они направлены, например, на свержение законной власти, устройство беспорядков, погромов,

преследование и насилие по отношению к представителям власти и т.п.

Правовые толкования данных понятий содержатся в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия): «радикализм - бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации» [3].

В Стратегии также раскрывается правовое содержание таких понятий, как «идеология насилия», «экстремистская идеология», «проявления экстремизма (экстремистские проявления)». Сущность этих явлений раскрывается через схожие термины и выражения, что подчеркивает их взаимосвязь, что они по своей природе взаимообусловны и взаимозависимы. Например, в понятии «экстремистских проявлений», как и в понятии «радикализма», используются схожая формулировка конечной цели этих действий и идеологий - «угроза конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации». В правовом отношении в данных понятиях объединяющим признаком выступает идеология насилия.

Следует отметить, что научной литературе термины «радикализм» и «экстремизм» часто употребляются как тождественные. Считаем, это связано с такой составляющей рассматриваемых понятий, как характер направленности их на радикальное изменение существующих основных политических и общественных институтов. Но все же радикализм имеет меньшую субъективно-негативную окраску в сравнении с экстремизмом, и даже академичную ценностную нейтральность. Вследствие чего достаточно часто используется в политических дискуссиях.

В современном обществе наблюдается тенденция к дальнейшему распространению радикализма. Особенно, как отмечают исследователи, в молодежной среде. Даже выделяется как разновидность экстремизма (радикализма) – «молодежный экстремизм». При этом, в нарушение логики и критериев классификации, не говорится об экстремизме зрелого возраста или пожилых. По мнению исследователей, этот термин укоренился в связи с «молодежными революциями» 1960-х годов в странах Западной Европы и США.

До сих пор не сложилось единства мнений относительно понятия экстремизма и его сущностных признаков, а многообразие теоретических и правовых конструкций с корневым содержанием данного термина усложняет правоприменение, способствуя тем самым неоднозначности их употребления в практической деятельности.

Возникновение термина связывают с французским юристом М. Лероем, впервые использовавшим его в начале XX века в своей работе для характеристики методов общественно-политической борьбы. Слово «экстремизм», происходящее из латинского языка («*extremus*» - крайний), говорит о склонности к крайним убеждениям. Но как отмечалось, оно означает не только идеи и убеждения, но и акты, действия, реализуемые соответствующими крайними методами.

Многие авторы указывают на субъективный характер применения этого термина, а отдельные исследователи усматривают его ситуативное использование. Например, в западных странах его применяют по отношению к тем, кто является приверженцем авторитарного режима и выступает за уничтожение демократических идей и инструментов. Бывает и обратное применение этого термина. В результате, одни и те же действия могут рассматриваться приверженцами противоположных политических воззрений и как «борьба за свободу», и как «экстремизм», и даже «терроризм». К примеру, во время партизанской войны в Никарагуа, событий в Косово в отношении сербов, в Сирии и т.п. Примерно тот же субъективизм мы наблюдаем сейчас, когда идет специальная военная операция на Украине. Более того, нередко подобное отношение приводит к своеобразному конструктивизму, клише и приклеиванию ярлыков на любые виды оппозиционной деятельности, не отличающейся какими-либо крайними методами и носящей умеренный и, главное, ненасильственный характер.

Российские исследователи, как правило, при раскрытии содержания экстремизма делают акцент на его идейную часть. Соответственно, они понимают под экстремизмом крайние взгляды и готовность к насильственным действиям, направленные, прежде всего, против действующей власти. А терроризм тогда выступает как насильственное претворение в жизнь этих взглядов. Такой подход нам представляется также излишне упрощенным и потому выглядит недостаточно реалистичным.

И все же в большинстве случаев под экстремизмом понимаются взгляды, имеющие нетерпимый характер, легитимирующие применение насилия по отношению к приверженцам иных взглядов, а также деятельность насильственного характера.

До сих пор нет устоявшегося подхода к определению экстремизма и в международном праве. Существуют региональные конвенции, распространяющие свое действие на своих участников - отдельные регионы и группы государств. При этом многие государства нередко закрепляют во внутригосударственном законодательстве собственное определение экстремизма, отражающее исторические, правовые, религиозные, культурные, национальные особенности.

В «Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года содержится такое понятие: «экстремизм» - какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях[4].

Существующее многообразие подходов к понятию экстремизма в научной юридической литературе можно условно разделить на следующие: законодательный (или легальный, перечневой), этимологический, политологический, социологический, философский. В контексте административного и уголовно-правового противодействия экстремизму, конечно, определяющее значение имеет законодательная дефиниция данного термина.

В законодательстве Российской Федерации нет «чистого» определения экстремизма. В Стратегии, как мы указали выше, дается поня-

тие «проявлений экстремизма», а в основном нормативном акте - Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – 114-ФЗ) содержание данного понятия определяется через перечень действий, признаваемых экстремистскими[5]. Именно данное понятие является законодательным и именуется некоторыми авторами легальным (перечневым) [6., с.106].

Исследование изложенного в 114-ФЗ перечня экстремистских действий, подпадающих под определение экстремизма, позволяет выделить следующие их особенности:

- 1) они носят противоправный характер;
- 2) понятие «экстремизм» представляется как тождественное понятию «экстремистская деятельность»;
- 3) отсутствуют существенные признаки, позволяющие отграничить экстремизм от других антиобщественных социально-политических явлений.
- 4) перечислены деяния, подпадающие как под уголовную, так и под административную ответственность.

Поэтому существующее легальное определение экстремизма вполне обоснованно подвергается критике. Так, отмечается абстрактность используемых формулировок, отсутствие понятийного аппарата, что позволяет расширительно трактовать действия, относящиеся к экстремистским. Так, к примеру, в статье 1 названного 114-ФЗ под обозначением «экстремистская деятельность (экстремизм)» используется следующая формулировка: «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Фактически, подобной формулировкой ставится знак равенства между экстремизмом и терроризмом. Бесспорно, что данные противоправные действия схожи по природе, близки по характеру проявлений, но они точно не являются равнозначными, что подтверждается логикой конструирования законодателем уголовно-правовых норм об ответственности за названные деяния. Хотя справедливости ради следует отметить, что есть приверженцы данного подхода. Например, Ю.А. Клименко, рассматривающий терроризм как частный случай проявления экстремистской деятельности[7].

Не все авторы согласны с представленной в 114-ФЗ трактовкой тождественности понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Так, С.А. Юдичева вполне резонно отмечает, что «...под экстремистской деятельностью необходимо понимать конкретные активные либо пассивные действия субъектов правоотношений, а понятие «экстремизм» охватывает весь спектр данных правовых явлений и может выражаться не только в действиях, но и в суждениях» [8, с.34].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) также не содержится понятия экстремизма. Посвященные экстремистским преступлениям нормы носят бланкетный характер, отсылая к тому же 114-ФЗ.

В примечании к ст. 282.1 УК РФ дается определение термина «преступления экстремистской направленности»: это «...преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса». Соотношение обозначенных понятий, по мнению Е. П. Сергун, состоит в следующем: «экстремистская деятельность – это совокупность всех противоправных форм экстремизма, а уголовно наказуемые формы экстремизма являются преступлениями экстремистской направленности» [9, с.104].

Кроме того, А.А. Можегова предлагает разграничивать понятия «экстремистские преступления» и «преступления экстремистской направленности». По ее мнению, их разграничение должно проводиться по объекту преступного посягательства: экстремистские преступления посягают на общественные отношения в сфере основ конституционного строя и безопасности государства, а преступления экстремистской направленности – это экстремистские деяния, посягающие на иные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, совершаемые по экстремистскому мотиву[10, с.28].

Виды экстремизма в легальном его определении выражаются в экстремистских проявлениях, представленных в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Фактически, это совокупность объединенных в 13 групп экстремистских деяний. Они представляют собой составы как преступлений, так и административных правонарушений. Кроме того, предусмотрена и гражданско-правовая ответственность за экстремистскую деятельность. К примеру, гражданам РФ, иностранным гражданам и лицам без гражданства по решению суда может быть ограничен доступ к государственной и муниципальной службе, к военной службе по контракту и службе в правоохранительных органах, а также к работе в образовательных учреждениях и занятию частной детективной и охранной деятельностью.

Резюмируя изложенное, отметим следующее.

В международном праве нет устоявшегося подхода к определению экстремизма, а отдельные государства закрепляют в своем законодательстве его понятие, отражающее свои национальные особенности.

В законодательстве Российской Федерации, регламентирующем противодействие экстремизму, данное понятие дается как равнозначное понятию «экстремистской деятельности» и определяется через перечень действий, признаваемых экстремистскими. Не содержится понятия экстремизма и в УК РФ. Отсутствие единства мнений относительно понятия экстремизма, его существенных признаков и многообразие теоретических и правовых конструкций усложняет правоприменение, способствуя неоднозначности их употребления.

Считаем, что под экстремизмом, следует понимать социальный феномен, составными элементами которого являются идеология и деятельность, направленная на возбуждение в обществе ненависти и вражды в отношении отдельных категорий лиц, определенных социальных и религиозных групп. В содержание экстремизма как явления следует включать: экстремистскую деятельность, экстремистскую идеологию, экстремистские материалы, как материальную форму выражения радикальных экстремистских убеждений.

Комплексный анализ концептуальных особенностей экстремизма позволяет выделить следующие существенные признаки данного явления: 1) оно носит в подавляющем большинстве случаев политический характер; 2) оно направлено против конкретных взаимосвязанных сфер общественной жизни, обеспечивающих безопасность государства и общества; защиту конституционного строя, мира и безопасности человечества; 3) наличие экстремистской мотивации: политической, идеологической, расовой, национальной и (или) религиозной.

Кроме того, нет четкого разграничения понятий «экстремистские преступления» и «преступления экстремистской направленности», а в правовых источниках они часто используются в разном контексте. В теоретических источниках встречаются предложения проводить разграничение между ними по объекту посягательства. За экстремистскую деятельность предусмотрена административная, уголовная, а в отдельных случаях, и гражданско-правовая ответственность.

Список литературы:

1. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. Конфликтология.– Казань: КФУ, 2011. С. 1-17
2. Темирезова Л.Р. Подходы к определению понятий «террор» и «терроризм», «радикализм» и «экстремизм» в истории мировой и отечественной политической мысли // Вестник Национального антитеррористического комитета. № 2 (22). 2019. С. 94.
3. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1 июня 2020 г. № 22. ст. 3475.
4. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.). Ратифицирована Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Вступила в силу для Российской Федерации 29 марта 2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 13 марта 2003 г. № 41. Ст. 3947.
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3031.
6. Кузнецов М.Д. К вопросу о понятии экстремизма в современной юридической науке и законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2020. Серия Право. С.106.
7. Клименко Ю.А. Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ): объект преступления и его значение для квалификации [Электронный ресурс] / Ю.А. Клименко //Журнал «Актуальные проблемы российского права». № 3. март 2016 г. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/57282673/>. Дата обращения: 10.06.2024
8. Юдичева С.А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 34.
9. Сергун Е.П. Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. 2013. № 1. С. 104.
10. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Можегова. М., 2015. С. 28.

References:

1. Sergeev S.A. Studies of extremism and radicalism in foreign and domestic social sciences. Conflictology.– Kazan: KFU, 2011. pp. 1-17
2. Temirezova L.R. Approaches to the definition of the concepts of "terror" and "terrorism", "radicalism" and "extremism" in the history of world and domestic political thought // Bulletin of the National Antiterrorist Committee. No. 2 (22). 2019. p. 94.
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 344 dated May 29, 2020 "Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025" // Compliance with the legislation of the Russian Federation. June 1, 2020, No. 22, Article 3475.
4. The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Shanghai, June 15, 2001). Ratified by Federal Law No. 3-FZ dated January 10, 2003 "On Ratification of the Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism". Entered into force for the Russian Federation on March 29, 2003 // Collection of legislation of the Russian Federation. March 13, 2003 No. 41. Article 3947.
5. Federal Law No. 114-FZ dated 07/25/2002 "On Countering Extremist Activity" // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 29, 2002 No. 30, Article 3031.
6. Kuznetsov M.D. On the issue of the concept of extremism in modern legal science and legislation of the Russian Federation // Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU. 2020. Pravo series. p.106.
7. Klimenko Yu.A. Organization of an extremist community (Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): the object of a crime and its significance for qualification [Electronic resource] / Yu.A. Klimenko //Journal "Actual problems of Russian law". No. 3. March 2016 – Access mode: URL: <http://base.garant.ru/57282673/>. Date of application: 06/10/2024
8. Yudicheva S.A. Criminal liability for the organization of an extremist community and participation in it: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2014. p. 34.
9. Sergun E.P. Correlation of the concepts "type of extremism" and "form of extremism" // Legal culture. 2013. No. 1. p. 104.
10. Mozhegova A.A. Extremist crimes and crimes of extremist orientation in the criminal law of the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. Sciences / A.A. Mozhegova. M., 2015. p. 28.

К ВОПРОСУ О ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ТЯЖКОГО ИЛИ ОСОБО ТЯЖКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ON THE ISSUE OF THE DETENTION OF A SUSPECT IN THE COMMISSION OF A GRAVE OR ESPECIALLY GRAVE CRIME UNDER MARTIAL LAW

ХАМЕТОВА Алиса Расимовна

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», старший преподаватель кафедры уголовного процесса.

ул. Муксинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: alisa.hametova@yandex.ru;

КНАМЕТОВА А.Р.,

Senior lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Sports School of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Muksinova str., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: alisa.hametova@yandex.ru

Краткая аннотация: статья посвящена изучению и анализу проблем правоприменения, связанных с исчислением сроков, а также процессуального порядка задержания подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения. В целях решения исследуемой проблемы предложено совершенствование уголовно-процессуального законодательства, касающееся правил исчисления сроков.

Abstract: The article is devoted to the study and analysis of law enforcement problems related to the calculation of time limits, as well as the procedural procedure for the detention of a suspect in the commission of a grave or especially grave crime under martial law. In order to solve the problem under study, it is proposed to improve the criminal procedure legislation concerning the rules for calculating deadlines.

Ключевые слова: подозреваемый, уголовно-процессуальные сроки, задержание подозреваемого, неприкосновенность личности, меры уголовно-процессуального принуждения.

Keywords: suspect, terms of criminal procedure, detention of a suspect, inviolability of the person, measures of criminal procedural coercion.

Для цитирования: Хаметова А.Р. К вопросу о задержании подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 231-232. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_231.

For citation: Khametova A.R. On the issue of the detention of a suspect in the commission of a grave or especially grave crime under martial law // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 231-232. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_231.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

Поддерживая наш научный интерес к институту задержания подозреваемого, хотелось бы проанализировать ряд недавних изменений законодательства, связанных с увеличением срока задержания подозреваемого при определенных условиях, внесенных Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1].

Так, в п. 11 ст. 5 УПК РФ понятие «задержание подозреваемого» дополнено новыми условиями увеличения срока задержания до 30 суток с момента фактического задержания. Первым условием для такого продления выступает военное положение, вторым специальный субъект задержания - подозреваемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Синхронность внесенных изменений мы можем проследить и в дополнении ст. 10 УПК РФ, ст. 94 УПК РФ.

По всей видимости, внесение указанных изменений обусловлены введением военного положения в ряде регионов Российской Федерации и являются индивидуальными мерами реагирования законодателя на уголовное судопроизводство в особых условиях, что подтверждают положения ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2023 № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», который предусматривает, что на период действия военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области или Херсонской области задержание подозреваемого в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ допускается на срок не более тридцати суток [2].

Справедливо отмечено А.А. Орловой, что в ситуации, когда в законе фактически установлены два порядка исчисления срока задержания (часами и сутками), указание на то, что при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания, приобретает особую практическую значимость [3, С. 14-19]. Соглашаясь с этой позицией, отметим, что «момент фактического задержания», как правило фиксируется часами и минутами, отражается в протоколе задержания, далее, очевидно, срок исчисляемый часами поглощается сроком исчисляемым сутками. Вместе с тем, процесс исчисления уголовно-процессуальных сроков сутками и без того видится неоднозначным: понятие «сутки» в уголовно-процессуальном законодательстве не раскрывается, а также о моменте начала течения срока, исчисляемого сутками ничего не упоминается. К примеру в уголовно-процессуальном законодательстве Республике Беларусь закреплено: «срок, исчисляемый сутками и месяцами, начинается с нуля часов следующих суток...». То есть первые сутки не учитываются вовсе. Очевидно, что в отечественном законодательстве срок исчисляемый сутками начинается течь с момента наступления события, которое является точкой отсчета. На примере 30-суточного срока задержания, при условии введенного военного положения, мы находим тому подтверждение: срок задержания надлежит исчислять с момента фактического задержания (п. 11 ст. 5 УПК РФ), неслучайно законодатель употребил словосочетание «с момента», обращая наше внимание на важность фиксации момента фактического задержания, который в сложившейся практике фиксируется в часах и минутах.

Далее возникает весьма логичный вопрос какой период времени считать сутками? Оставшуюся часть времени до 24.00 часов или же период времени равный 24 часам? Неопределенность данного вопроса разрешили бы внесение законодателем понятия «сутки» или обозначение момента начала исчисления срока сутками.

Далее обратимся к ч. 1 ст. 128 УПК РФ, регламентирующей правила исчисления сроков, согласно которой нерабочее время также включается в срок заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и нахождения в медицинской организации (в стационарных условиях). В остальных случаях, по умолчанию нерабочее время не входит в исчисляемый срок. Перечисленные «исключения» затрагивают право на свободу передвижения, являясь по своей сути ограничивающими свободу передвижения. Задержание подозреваемого также является мерой процессуального принуждения, ограничивающей свободу передвижения, и если в стандартной ситуации не превышает 48 часов, без продления, то в условиях военного положения срок в 30 суток видится достаточно продолжительным. Кроме того, учитывая возможность продления срока задержания на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Полагаем, срок задержания подозреваемого в тяжком или особо тяжком преступлении в условиях военного положения составляющий 30 суток также может быть продлен на 72 часа. Во все времена праву на личную неприкосновенность уделялось особое внимание со стороны исследователей. Допустимое ограничение права на неприкосновенность личности осуществляется прежде всего такими мерами государственного принуждения, как задержание и заключение под стражу [4, С. 419]. При этом необходимо понимать, что ограничивая на законных основаниях право на неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве необходимо принять меры охраны и защиты этого права, а также минимизации сроков необходимых для принятия законного и обоснованного решения в промежуточных ограничениях.

Подводя итоги анализируемых положений законодательства, считаем что при исчислении сроков задержания подозреваемого необходимо исключить «нерабочее время» и дополнить ч. 1 ст. 128 УПК РФ, включив «задержание подозреваемого» в перечисленные сроки которые охватывают и нерабочее время, ч. 2 ст. 128 УПК РФ дополнить фразой «срок, исчисляемый сутками, начинается с соответствующего времени начала наступления события исчисляемого срока, а истекает в 24 часа последних суток».

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] Система КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.10.2024)
2. Федеральный закон от 31.07.2023 № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» [Электронный ресурс] Система КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.10.2024)
3. Орлова А.А. «Соблюдение сроков задержания подозреваемого в условиях военного положения // «Мировой судья» 2024 № 6. С. 14-19
4. Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 419

References:

1. Federal Law No. 396-FZ dated July 31, 2023 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource] The ConsultantPlus system. URL: <http://www.consultant.ru>. (date of request: 10.10.2024)
2. Federal Law No. 395-FZ dated 07/31/2023 "On the Application of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the Territories of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhia Region and Kherson region" [Electronic resource] The ConsultantPlus system. URL: <http://www.consultant.ru>. (date of request: 10.10.2024)
3. Orlova A.A. "Compliance with the terms of detention of a suspect under martial law // "Justice of the Peace" 2024 No. 6. pp. 14-19
4. Human rights : an encyclopedic dictionary / ed. by S.S. Alekseev. – M.: Norm: INFRA-M, 2013. p. 419

ОПЫТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ АТТРИБУТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЧАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ, ПОДДЕРЖАНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРИСУТСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ МИКРОСРЕДЫ
EXPERIENCE IN EXPERT EVALUATION OF MATERIALS, CONTAINING ATTRIBUTE ATTRIBUTES AN EXTREMIST ORGANIZATION IN TERMS OF USING CRIMINAL SYMBOLS, THE MAINTENANCE OF CRIMINAL IDEOLOGY AND THE PRESENCE OF A CRIMINAL MICROENVIRONMENT

ВОЛОХ Александр Иванович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (Университет ФСИН России). 196602, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Саперная, д. 34, лит. «А».

E-mail: rf_sng@mail.ru;

ЗИНИН Григорий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих (по кафедре уголовного права юридического факультета) ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России). 390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru;

VOLOKH Alexander Ivanovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Faculty of Law of the St. Petersburg State University of the Federal Penitentiary Service (University of the Federal Penitentiary Service of Russia). 196602, St. Petersburg, Sapernaya str., 34, lit. "A".

E-mail: rf_sng@mail.ru;

ZININ Grigory Yurievich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Institute of Training of State and Municipal Employees (at the Department of Criminal Law of the Faculty of Law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service" (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia). 390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье приводятся выдержки из содержания заключения специалистов, подготовленного по материалам запроса территориального органа ФСИН России, для проверки содержания в них атрибутики (в части использования криминальных символов, поддержания криминальной идеологии и присутствия криминальной микросреды) международного общественного движения «Арестантской уголовной общности» (организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности - экстремистской организации) и включающие в себя: материалы, представленные на исследование, поставленные перед специалистами вопросы, само исследование и выводы по нему.

Abstract: the article contains excerpts from the contents of the expert opinion prepared based on the materials of the request of the territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia, to verify the content of attributes in them (in terms of the use of criminal symbols, the maintenance of criminal ideology and the presence of criminal microenvironment) of the international public movement "Convict Criminal Unity" (an organization in respect of which the court made a decision that entered into force on the prohibition of activities in connection with the implementation of extremist activities of an extremist organization) and including: materials, the questions submitted to the study, the questions posed to the experts, the study itself and the conclusions on it.

Ключевые слова: экстремизм, пенитенциарная преступность, криминальная атрибутика, криминальные символы, криминальная идеология, криминальная микросреда.

Keywords: extremism, penitentiary crime, criminal paraphernalia, criminal symbols, criminal ideology, criminal microenvironment.

Для цитирования: Волох А.И., Зинин Г.Ю. Опыт экспертной оценки материалов, содержащих признаки атрибутов экстремистской организации в части использования криминальных символов, поддержания криминальной идеологии и присутствия криминальной микросреды // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 233-236. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_233.

For citation: Volokh A.I., Zinin G.Yu. Experience in expert evaluation of materials, containing attribute attributes an extremist organization in terms of using criminal symbols, the maintenance of criminal ideology and the presence of a criminal microenvironment // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 233-236. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_233.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

В качестве материалов исследования были представлены следующие: копия рукописного письма, исполненного нелегально от имени некоего осужденного М., к другим лицам, содержащимся в учреждении уголовно-исполнительной системы; стенограммы аудиозаписей телефонных разговоров, произведенных на территории исправительного учреждения. На разрешение специалистов были поставлены следующие вопросы: содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки атрибутики или символики экстремистской организации?

В представленных на исследование материалах усматриваются признаки атрибутики международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»¹, в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности в силу следующих обстоятельств. Под атрибутом понимается необходимое, постоянное, неотъемлемое, существенное, характерное, отличительное, определяющее свойство, признак предмета, объекта или явления. По сути то, без чего невозможно представить себе предмет, объект или явление. Атрибутика есть совокупность каких-нибудь атрибутов.

Исторически сложившимися атрибутами международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»², наряду с криминальным жаргоном выступают криминальные символы (аббревиатуры, знаки, эмблемы, а также содержащие их изображения), криминаль-

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

² Деятельность организации запрещена на территории РФ.

ная идеология (система идеалов, ценностей, представлений оправдывающих и поощряющих преступную модель поведения) и криминальная микросреда (система криминально-ориентированных субъектов, осуществляющих взаимодействие друг с другом и окружающими их объектами, в целях формирования, поддержания и развития криминальной идеологии).

Отличительными признаками, указывающими на криминальные символы, криминальную идеологию и криминальную микросреду, как элементы атрибутики международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»¹ и наличие в учреждении уголовно-исполнительной системы криминальной общности лиц, в представленных на исследование материалах специалистами определяются следующие:

1. Придание автором письма и лицами, фигурирующими в стенограммах аудиозаписей телефонных разговоров, абстрактной формы нелегальным идеям и эмоциям, бытующим в предполагаемой криминальной общности, которые было бы трудно выразить словами; демонстрирует продвижение криминальных символов; по тексту представленных на исследование материалов подобное приращение встречается однажды в виде условного обозначения (аббревиатуры), в частности:

- условное обозначение (аббревиатура) «AUE!»², применяется в качестве приветствия-лозунга между лицами, содержащимися в учреждениях, подведомственных уголовно-исполнительной системе, обозначающее одобрительное отношение к данной общности подозреваемых, обвиняемых или осужденных, и имеющие общий скрытый посыл к противостоянию любым проявлениям государственной власти и создаваемым ею институтам; «A.U.E.»³ здесь понимается как сокращенное наименование международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»⁴ (из речи М.).

2.1. Применение автором письма и лицами, фигурирующими в стенограммах аудиозаписей телефонных разговоров, приветственных и иных обращений, словосочетаний, терминов, преднамеренно подчеркивающих высокое достоинство и привлекательность сложившегося уклада общественных отношений внутри предполагаемой криминальной общности, содержащихся в учреждении уголовно-исполнительной системы осужденных, в том числе за счет определенной доли эмоциональности и высокопарности изложения; демонстрирует продвижение криминальной идеологии; по тексту представленных на исследование материалов подобное применение встречается дважды, в частности:

- словосочетание «Жизнь ворам!», применяется в качестве приветствия-лозунга между лицами, содержащимися в учреждениях, подведомственных уголовно-исполнительной системе, обозначающие одобрительное отношение к данной общности подозреваемых, обвиняемых или осужденных, и имеющее общий скрытый посыл к противостоянию любым проявлениям государственной власти и создаваемым ею институтам;

- текст «Мира Добра и благополучия Дому нашему общему от Всевышнего. Процветать и крепнуть ходу Воровскому и всему Людскому во все времена. Арестанты тепло приветствую весь Добро порядочный Люд лагеря... С уважением к Вам, Магсуд!» (из копии рукописного письма, содержащего подпись автора: «С уважением к Вам, Магсуд!»).

2.2. Формулирование и провозглашение автором письма и лицами, фигурирующими в стенограммах аудиозаписей телефонных разговоров, определенных норм и правил поведения, зачастую противоречащих нормам и правилам, установленным законодательством Российской Федерации и в тоже время подразумевающих обязательность их исполнения в среде участников предполагаемой криминальной общности; демонстрирует продвижение криминальной идеологии; по тексту представленных на исследование материалов подобное формулирование и провозглашение встречается несколько раз, в частности:

- речь М.: «...а как ты (нецензур.) нехороший человек, позволяешь себе с общей, как в долг дают? Это что за (нецензур.) безобразия? Общие, это сбербанк что ли?»;

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 2»: «...Короче, братец, там есть этот у вас, как его зовут, Роберт, да? Этот денег должен. Я за него говорил. Который телефон то должен...? Это он, да? Дай мне с ним поговорить, он (нецензур.) утомил, он мне нужен. Да, да, ты напомни ему. Скажи, слушай... эти деньги так то адресованы мне, короче... Сколько ждать можно...? Мы тоже бедолаги..., но мы как то живем... А сорок лет ему... Пусть это, свяжется, сообразит, сделает. Я в прошлый раз намекнул ему, он не понял меня... А и этот, че этот крысеныш ушел да?» - М. «Да, всё снялся» - Объект № 2. «Чё он щас шнырем?» - М. «Да без понятия братан, не знаю» - Объект № 2. «Ну кем живет то там? Он сознался во всем сам?» - М. «Да» - Объект № 2. «...половину списывал, может даже это он мутит» - М. «А вот и не исключено, понял?» - Объект № 2. «(Нецензур.) удивительно» - М. «Ничего короче нет, человеческого... ну пуцан да, там ему и место» - Объект № 2. «Ну да братан» - М. «Вчера хлеб ломали, сегодня взял телефон скрысил» - М. «Да, да, да...» - Объект № 2.

2.3. Описание автором письма и лицами, фигурирующими в стенограммах аудиозаписей телефонных разговоров, совершаемых ими нарушений установленного порядка отбывания наказания, воспринимаемых другими участниками предполагаемой криминальной общности как само собой разумеющееся и соответствующее принятой в ней антиобщественной и преступной модели поведения; демонстрирует продвижение криминальной идеологии; по тексту представленных на исследование материалов подобное описание встречается, в частности:

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 2»: «Честно говоря, я че то, чуть это, подвыпил вчера» - Объект № 2. «А вот че у тебя» - М. «Не, вчера, вчера, че то бахнул, меня прям убило, я ж тебе говорю, встать сегодня не могу толком» - Объект № 2;

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

² Деятельность организации запрещена на территории РФ.

³ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

⁴ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 2»: «Чё ты там, братец, че ты там делаешь?» - М. «Да ничего, обзваниваю вот всех» - Объект № 2. «Чё?» - М. «По управлению обзваниваю всех» - Объект № 2.

3. Взаимодействие автора письма, лиц, фигурирующих в стенограммах аудиозаписей телефонных разговоров, направленное на формирование и развитие криминальной идеологии в среде участников предполагаемой криминальной общности, вопреки нормам и правилам поведения, установленным законодательством Российской Федерации; демонстрирует продвижение криминальной микросреды:

а) по поводу нелегального оборота так называемых запрещенных предметов (мобильных телефонов, денежных средств), а также продуктов питания и предметов первой необходимости (сигарет); по тексту представленных на исследование материалов подобные обстоятельства, указывающие на соответствующее взаимодействие, встречается несколько раз, в частности:

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 3»: «Знаешь, я чё поговорить то хотел, брат, я ведь телефон продать хотел, понял, в другое место надо было его отдать, чтоб он там это, был короче... просто я не понял, ты его тормознул?» - М. «Щас, брат, я скажу тебе, как оно есть в реальности, этот вот последний... брат мой... как бы это, все пользуемся, 8 человек, и как бы в данный момент, можно сказать, что это общий, это наша движуха, брат мой, понимаешь?» - Объект № 3. «Понимаю братан, понимаю, просто я этот, деньги у таких людей взял, понял братан, они хотели то, се, я их вам дам короче, ну они свое дали, че хотели купить купили, я сказал, ну дам короче, потом я у вас заберу обратно, ну там хайтай короче сделаем, потому что 45 500, тоже, я не миллионер, наши все деньги» - М. «Я понял, просто тут такой момент... до него никак нету, не вариант добраться, я просто знаю, что у него здесь, тут, два дня до расчета, у него в карточке, все эти деньги готовы, были, чтоб закинуть» - Объект № 3. «Я знаю, у сестры деньги, но я не могу, брат, я не могу... наши телефоны зайдут, понял? Телефонов проблема не будет, мои телефоны, у него постоянно лежат у нас телефоны, у Модного, наши короче лежат, в этом то проблем нет... просто надо было сделать, как я сказал, понял братан?» - М. «Я в курсе брат мой, у меня тоже там вроде, буквально пару дней до того как он ушел, мы вместе сидели, нет трубки, и у меня нет трубки» - Объект № 3. «Я щас сказал ему, что три штуки щас зайдут» - М. «Вот знаешь, почему тормознул его, брат мой, потому что это реально, в данный момент... я тебе отвечаю, клянусь, аллахом говорю» - Объект № 3. «Понял брат, давай так сделаем, я щас на днях буду, выходить, его отдадите... я вам друую дам, мой телефон принесут, понял вам дадут короче, а этот тогда отдадите, хорошо брат? Сделайте так короче, у меня же есть запас короче, его отдадите, ну чтоб мой не (нецензур.) потеряли, понял брат? Там много информации, на этом телефоне, ладно родной?» - М. «Именно в этом телефоне, я знаю» - Объект № 3. «Да да да, именно этот телефон придется спрятать, вот этот, я вам тусану мой, нормальный, ну с интернетом, новый телефон, тоже хороший телефон, ну аккуратнее будьте» - М.;

- диалог М. с неустановленными лицами, фигурирующими в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 3» и «Объект № 4»: «Смотри, я щас, вот прямо щас, как с тобой разговор закончу, я подтяну его племянника, он как бы, деньги его маме должны» - Объект № 3. «А можешь щас дать, чтоб я с ним поговорил? ...в натуре племянника позови сюда, брат. Ну ка, включи громкую, братан. Племянник?» - М. «Да родной, здорово» - Объект № 4. «Здорово, были, ну че ты, как делишки?» - М. «Да так, пойдет, потихоньку» - Объект № 4. «Ай, племянник, племянник, в натуре закозлил ты... чё как, мама как?» - М. «Да потихонечку» - Объект № 4. «Дай бог, дай бог, слушай племянник, тут такое дело, короче смотри, там бабки лежали, 45 500 у Модного, у сестренки у мамы твоей» - М. «Не, не у мамы моей» - Объект № 4. «А у кого а у Анжелы лежали, а у кого они лежали?» - М. «Я не знаю, где он хранит их» - Объект № 4. «Он у сестры все хранит, у Анжелы» - М. «Нет, Анжела это моя мама» - Объект № 4. «Ты с ней точно на связи?» - М. «Ну общаюсь, так» - Объект № 4. «Ну она тебя не пошлет?» - М. «На счет денег, я думаю что пошлет» - Объект № 4. «Ну ты ей можешь объяснить, что денежки взял, его увезли на больницу, он должен был отдать» - М. «Ну она такой, видишь чё Максуд, человек, она не даст» - Объект № 4. «Подожди, подожди секунду, а если его жена позвонит ей? Они не общаются с Машей то, Маши цифры знаю» - М. «Общаются, да, да» - Объект № 4. «Ну ты позвони ей, скажи, что Маша тоже ей щас наберет, Максуд щас позвонит скажи, ладно... с Машей недавно разговаривал, давай брат, давай» - М.;

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 2»: «Так, 7 150 – это первый, и 5 500 – это второй» - Объект № 2. «Сколько?» - М. «5 500» - Объект № 2. «(Нецензур.) ничего себе, (нецензур.) ничего толком не нету. Ну ладно, 10 килограмм, да это, «сладкое». Такого беспонтового «сладкого» тая... вообще молодец, делает красиво» - М. «Видишь, ее не подменили, не получилось...» - Объект № 2. «12 650 мы должны?» - М. «Да. Ну, 6 тысяч есть» - Объект № 2. «Да, 6 тысяч от Назима пришло, 6 650 остается. Слушай, короче, смотри, у нас крышавских (от слова «крыша» - определено специалистами) денег сколько там?» - М. «Подожди, щас» - Объект № 2. «Этот, в онлайн, есть у тебя переводом? За «сигареты» тебе 24 отдам» - М. «Да, да» - Объект № 2. «Либо 27» - М. «За «сигареты» отдал. Было 26 920. 3 300 перевел Куруз. Чё то ты запутал» - Объект № 2. «2 920» - М. «2 920. 30 зарплата... И смотри, мне приходило, короче, вот они не могут... Смотри, что мне приходило, мне приходило со второго барака...» - Объект № 2. «Что?» - М. «Со второго барака 2 500 приходило» - Объект № 2. «Со второго барака 2 500, да?» - М. «И с четвертого рубль» - Объект № 2. «С четвертого рубль, да? 3 500 получилось, да? Плюс 3 500. Это 36 400. 36420. Я понял. Ну щас еще придут за квартиру. Понял? С восьмого, с седьмого, с шестого» - М. «Это понятно» - Объект № 2. «С первого» - М. «Это все понятно» - Объект № 2. «...На киви сколько денег?» - М. «Ну вот, на киви, ему... он мне вчера говорил только третий сделал. Только третий барак еще сделал... Ну я пройдусь по всем» - Объект № 2. «Третий пока, да? Ну и как он, второй барак тоже сделал?» - М. «Ну второй барак, он, смотри... 2500 закинул...» - Объект № 2;

б) по поводу нелегальной карточной игры между осужденными, направленной на получение материального дохода и формирование так называемого «общака», в том числе: достижение необходимых договоренностей о передаче выигранных денежных средств; установление приемов и способов, обеспечивающих их движение между осужденными, а также лицами, находящимися за пределами учреждения, для произ-

водства взаиморасчетов по образующимся от карточной игры долговым обязательствам; фактическое перемещение денежных средств; последующий учет и перераспределение; в стенограммах аудиозаписей телефонных разговоров подобные обстоятельства, указывающие на соответствующее взаимодействие, встречаются несколько раз, в частности:

- речь неустановленного лица, фигурирующего в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 3»: «...я сижу тут играю, сутками, вот, со вчерашнего утра, сегодня утром, после проверки лег отдохнуть...»;

- диалог М. с неустановленным лицом по имени / прозвищу(?) «Каха»; в тексте представленной на исследование стенограммы фигурирует как «Объект № 2»: «...тут произошла (нецензур.) неприятность одна, смотри, его увезли ночью короче, в больничку, в 14 вроде, приступ (нецензур.) произошел понял?» - Объект № 2. «Приступ? На 14 увезли его? А чё мне не курсанули?» - М. «А где? Я тебе звонил, ты выключен был... Смотри, какая ситуация: за эти два дня, навалил сорок пять тысяч по ходу дела, в этом, понял?» - Объект № 2. «Ага, а расчет когда?» - М. «Расчет? Десятого по ходу. А с Рыбой, че Рыбе то сказать, с этой ситуацией быть? Не знаю... Там ему самому, Модному, пол лагеря денег должны, а теперь я (нецензур.) не знаю, как быть» - Объект № 2. «...получается, что там? Подожди, подожди... он это... Четырнадцатое у нас не на связи? И на сколько он у нас уехал?» - М. «Не знаю... Если операцию будут делать, ну по любому это не ближайšie, если туда увезли. Завтра-послезавтра его точно не привезут» - Объект № 2. «Я знаю. Короче щас ему расчет нужно закрыть, 45 тысяч, я правильно понял? А че никто не курсанул мне, целый день... никто мне не маякнул... через баландера, через козлов, так свистнуть?» - М. «Ну я не знаю короче, я думал дозвонимся и скажу» - Объект № 2;

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 2»: «...голова просто квадратная: там этот Шамхал, там у них свои какие то движухи, (нецензур.) утомили, тут вот эта (нецензур.) ситуация, Модного оказывается вчера увезли» - М. «Куда?» - Объект № 2. «На больницу на четырнадцатую» - М. «А че случилось? Я даже не знал» - Объект № 2. «У него же поджелудочная, оперировать, или че там, не знаю, у него расчет 45 тысяч, мне надо найти, щас отдать его» - М. «А че он на думал, он не знал, что его повезут?» - Объект № 2. «Да откуда он знал? Его приступ взял, увезли, деньги, то есть, я не знаю, просто сестре его че мне звонить, вообще че сказать, зачем сказать, какие вещи брать? Я не могу позволить...» - М. «Понял, понял братан» - Объект № 2. «Щас тот лагерь нам одолжил, понял, братан? А я не знаю кто они. Модный знал, послушаем кто там» - М. «Понятно, я короче че, на двойку этого посадил, мужикам сказал, такая ситуация, чтоб ну пока повременили, пока че, ждем завтра» - Объект № 2. «Братан, слышь че, 45 рублей. Все деньги у бабки моей. У Модного братан, всегда, было 120, у Белоруса. Тут на бур от себя движения делал, туда-сюда делал, привозит, она 5-6 покупает, 8 тысяч мне постоянно делает, 6 куриц покупает, тысяча 10 спросит, такие цены» - М. «Бизнесмены да?» - Объект № 2. «Да за месяц полтора все бабки ушли мои, которые были тут там просто, перевал короче, тут у самого мелочь осталась, тут короче на движуху заезжать, че то делать, помимо этой движухи, другая движуха короче, одно на другое понял? И Белоруса нет и этого нет, Модного» - М. «Ну да» - Объект № 2. «В каких бараках щас играют? Чё идет? Щас это все выяснять, записывать. Понял братан? Кто игровой процесс ведет? С ними общаться, эти деньги перебазировать. Короче чуть-чуть геммороя прибавилось. Ну ничего, справимся, справимся. Этот бедолага дай бог чтоб быстрее выздоровел, за него расчет закрывать. Наш брат. Такие вот дела, родной... Так что вот братка, если че то, какой момент, я к тебе обращусь, если что то... если нехватка где-то будет на счет него» - М. «Давай чё нибудь будем думать» - Объект № 2. «Да просто уж не обессудь брат, просто всем раздал, отвечаю, только у нас, больше двухсот тысяч в долгах в лагере плавают, наших личных денег» - М. «Да понятно, понятно» - Объект № 2. «А так если че такое, братка, если че вдруг ну, хотя бы на червонец могу рассчитывать? Пока Модный не вернется брат?» - М. «Думаю чё нибудь придумаю» - Объект № 2. «Все дай бог тебе здоровья родной, я щас дальше там, у меня у самого есть пятнашка, червонец, щас еще там походу, вывезем эту ситуацию, по-другому вариантов нету короче, че делать» - М.;

- диалог М. с неустановленным лицом, фигурирующим в тексте представленной на исследование стенограммы как «Объект № 2»: «Не, не, зариков не было. Вот мы сидели, играли чисто покер, потом мы поиграли неделю че то» - Объект № 2. «А чё так?» - М. «Ну поздно собрались, никто не играл, пост был, пацаны постились не играли» - Объект № 2. «А, понял...» - М.

Таким образом специалисты приходят к выводу о том, что в представленных на исследование материалах содержатся признаки атрибутики международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»¹, являющегося организацией, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности [1]. При этом признаков использования представленных на исследование материалов, содержащих атрибутику международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»², признанного в Российской Федерации экстремистской организацией, в целях формирования негативного отношения к идеологии экстремизма не выявлены; их публичная демонстрация может свидетельствовать только о наличии признаков пропаганды или оправдания экстремистской идеологии.

Список литературы:

1. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514С: эл. ресурс. офиц. сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL: <https://www.vsrfl.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения 01.10.2024).

References:

1. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 in case No. AKPI20-514C: electronic resource. ofic. website of the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <https://www.vsrfl.ru/lk/practice/cases/10730656> (accessed 01.10.2024).

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

² Деятельность организации запрещена на территории РФ.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ON SOME DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ГРИГОРЬЕВА Ачена Егоровна,

кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Юридический факультет, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
677027, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Лермонтова, 49.
E-mail: achenag@mail.ru;

САМСОНОВА Снежана Сергеевна,

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Юридический факультет, студент.
677027, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Лермонтова, д. 63.
E-mail: snezhanasamsonova2001@mail.ru;

GRIGORIEVA Achena Egorovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
North-Eastern Federal University, Faculty of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure.
49 Lermontov str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677027, Russia.
E-mail: achenag@mail.ru;

SAMSONOVA Snezhana Sergeevna,

North-Eastern Federal University, Faculty of Law, Master's student
63 Lermontov str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677027, Russia.
E-mail: snezhanasamsonova2001@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются отдельные направления цифровизации производства по уголовным делам в судебных стадиях. Рассмотрены вопросы применения видео-конференц-связи в судебных заседаниях; изучен, обобщен и представлен зарубежный опыт цифровизации по направлениям ведения модуля «Электронное уголовное дело» и по вопросам использования искусственного интеллекта. Представлено собственное видение перспектив и путей внедрения названных технологий в судебное производство по уголовным делам.

Abstract: The article examines individual areas of digitalization of criminal proceedings at trial stages. The issues of using video conferencing in court hearings are considered; foreign experience of digitalization in the areas of the "Electronic Criminal Case" module and in the use of artificial intelligence is studied, summarized and presented. Our own vision of the prospects and ways of introducing the above technologies into criminal proceedings is presented.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, видео-конференц-связь, электронное уголовное дело, умное правосудие, электронные документы, искусственный интеллект в судебном производстве.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, video conferencing, electronic criminal case, smart justice, electronic documents, artificial intelligence in judicial proceedings.

Для цитирования: Григорьева А.Е., Самсонова С.С. О некоторых направлениях внедрения цифровых технологий в судебное производство по уголовным делам // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 237-239. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_237.

For citation: Grigorieva A.E., Samsonova S.S. On some directions of implementation of digital technologies in criminal proceedings // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 237-239. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_237.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Цифровые технологии все больше интегрируются в уголовное судопроизводство, вызывая изменения в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений и трансформируя порядок производства по уголовным делам в его досудебных и в судебных стадиях. Из них именно видео-конференц-связь (далее - ВКС) является наиболее прогрессирующей цифровой технологией в уголовном процессе. Согласно ст. 241.1 УПК РФ устанавливается, что при наличии технической возможности и ходатайства либо соответствующих обстоятельств, суд вправе удовлетворить участие подсудимого по ВКС. Помимо вышеуказанной статьи, использование ВКС регламентируется в ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ. С целью обеспечения безопасности суды вправе заслушивать показания потерпевшего и свидетеля с помощью ВКС. Кроме того, гарантируются такие права подсудимого, как обязательное участие защитника при ВКС (ст. 51 УПК РФ; требования принципа непосредственности рассмотрения дела, предусмотренные в ст. 241.1 УПК РФ и не допускающие применение ВКС в случае рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем, по мнению ученых-юристов уголовно-процессуальное законодательство России в части ВКС нуждается в совершенствовании. В соответствии с позицией С.И. Афанасьевой, следует внести в УПК РФ право таких «профессиональных участников», как прокуроров, следователей, представителей организаций и других, на участие в судебных заседаниях посредством ВКС, а «не в явочном порядке» [1, с. 17-32]. В обоснование данного предложения автор ссылается на п. 4.2 приказа Генпрокуратуры России от 07.07.2017 № 473, где предусматривается возможность ходатайствовать прокурору, инициировавшему иск в арбитражный суд иного региона, для подключения в судебное заседание через ВКС. Считаю также справедливыми доводы, приведенные И.В. Мисник. Он предлагает внести дополнение в ч. 1 ст. 310 УПК РФ, где независимо от очного участия либо посредством ВКС, участники процесса через ВКС должны выслушивать приговор стоя, как того требует закон. Поэтому

предлагает восполнить существующий пробел, включая их под словом «участующие лица». Вдобавок, И.В. Мисник рекомендует закрепить в ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ гарантию прав несовершеннолетнего подсудимого касательно его обязательного очного присутствия в зале судебного заседания, в том числе его защитника, законного представителя [5, с. 135-137].

Анализ научных исследований в данном направлении позволяет выявить дискуссионные вопросы относительно применения ВКС в уголовном судопроизводстве. Большинство авторов положительно рассматривают процесс внедрения цифровых технологий. К примеру, О.А. Фарафонова подчеркивает эффективность разрешения правоохранительными органами многих сложных вопросов по уголовным делам с сравнительно меньшими финансовыми и временными затратами [7, с. 241-246]. В связи с этим обратимся к словам С.В. Зуева о том, что «плюсы от внедрения высоких технологий очевидны». Автор приводит такие аргументы, как расширение источников по нахождению необходимой информации, следовательно, возможность собирания органами расследования электронных доказательств, скорость распространения информации между участниками процесса увеличивается [3, с. 16-22]. Однако нововведения имеют и отрицательные стороны. Прежде всего, они связаны с неравной мерой технической оснащенности различных участников процесса.

Тем не менее, ежегодно увеличивается применение ВКС в судебных заседаниях, что подтверждается статистическими данными. Например, проведя изучение отчетов судов по апелляционным инстанциям, установим следующие данные: из числа оконченных уголовных дел в 2019 году - 318373, было рассмотрено посредством ВКС - 143617. В 2020 году - 301494, посредством ВКС - 143818. В 2021 году - 317869, посредством ВКС - 154601. В 2022 году - 332591, посредством ВКС - 164845. В 2023 году - 328344, посредством ВКС - 165317. Анализ данных показал, что в 2019 году ВКС применялась в отношении 44% от оконченных уголовных дел в апелляционной инстанции. В сравнении с 2023 годом этот показатель вырос до 50%.

Таким образом, несомненными положительными сторонами применения ВКС в судах являются соблюдение разумных сроков по рассмотрению дела, повышение уровня доступности правосудия для граждан РФ. Наряду с этим ряд ученых отмечают о нарушении принципа непосредственности разбирательства по ст. 240 УПК РФ. Поэтому рекомендуется использовать ВКС не в общих случаях, а именно в исключительных.

Актуальным вопросом является внедрение электронных уголовных дел в уголовное судопроизводство России. Они стали реалиями в зарубежных уголовных производствах, где накопился уже достаточный опыт их применения. К примеру, начиная с 2005 года Бельгия запустила проект по электронному правосудию. Суды Короны Англии и Уэльса тоже активно пользуются Системой цифровых дел. Там каждый зарегистрированный участник процесса, независимо, прокурор или подсудимый, вправе загрузить документ и ознакомиться с материалами по делу [8, с. 89-93].

Франция отличается тем, что у нее отсутствует единая система электронных уголовных дел. Обусловлено это дуалистической политической системой в данном государстве. Поэтому каждый орган обладает своей отдельной информационной системой электронного документооборота. Достойным внимания является государственный проект PORTALIS Франции, который устанавливает цель создания единого электронного документооборота по уголовным делам, полное прекращение использования бумажных документов, цифровизацию уголовного дела посредством технологии PPN Lab [8, с. 89-93].

Наиболее продвинутым государством в этом деле является Республика Казахстан. Смысл внедрения этих новаций заключается в том, что электронный формат ведения уголовного дела должен заменить бумажный [5, с. 135-137]. Положительные характеристики отмечаются такие, как усиление взаимодействия между следователями и прокурорами, прокурорского надзора; исключение рисков утерь и фальсификаций документов и другие. Как утверждается, в Республике Казахстане применение электронного уголовного дела начинается с момента регистрации в досудебном производстве и заканчивается приведением наказания в исполнение. То есть в целом охватываются все стадии уголовного процесса. Анализируемое государство с 2017 года ввело разрешение на электронный формат при проведении расследования уголовного дела. На наш взгляд, следует обратить внимание на один из основополагающих документов по рассматриваемому производству в Республике Казахстан, - это «Инструкция о введении уголовного судопроизводства в электронном формате». Модуль содержит сведения об уголовном деле и хранит входящую и исходящую информацию. Вдобавок, существует «SMS-оповещение», предназначенное для направления уведомлений участникам. С помощью публичного сектора выполняется открытый и неограниченный доступ к материалам и сведениям по делу - всем участникам дела вне зависимости от их местонахождения. Помимо этого предоставляется возможность подачи электронных жалоб и ходатайств [5, с. 135-137].

Изучение опыта зарубежных стран позволило нам выявить общие элементы цифровизации уголовного процесса. Это возможность взаимодействия участников через электронный документооборот и подключений в онлайн-режиме; внедрение систем ведения электронных уголовных дел; отдельное правовое регулирование и признание статуса электронных доказательств. В этой связи мы солидарны с позицией И.В. Мисник, что вышеуказанные нововведения по ведению электронных уголовных дел способствуют уменьшению коррупционных рисков, фальсификации доказательств [5, с. 135-137].

В целях усовершенствования работы судебной системы в отдельных зарубежных странах начался процесс внедрения технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ), принимающего процессуальные решения. Однако в Российской Федерации большинство ученых-юристов придерживаются позиции о недопустимости использования ИИ в судебной деятельности по уголовным делам. В особенности, при составлении приговора. В частности, исследователь Е.В. Рябцева в своей работе указывает на возможную проблему, вызванную противоречием применения ИИ основным принципам уголовного судопроизводства [6, с. 73-80]. Абсолютно противоположную позицию можно проследить в некоторых иностранных государствах. Например, в США в соответствии с системой «Оценка общественной безопасности» анализируются ИИ такие сведения о подсудимом, как возраст, судимость, тяжесть, предъявляемого обвинения, риск возможности наступления рецидива или скрытия от правосудия.

Результат ИИ является рекомендательным для судьи. Вместе с тем, в США существует система DARE, которая с вероятностью 92% определяет лжесвидетельства в видеозаписях. Данная система основывает свою работу на детальных анализах мимики, тона голоса участников уголовного процесса [2, с. 121-123].

Наиболее опережающим государством по разработке системы «умного суда» является КНР. К примеру, система обучена составлять черновик процессуального документа, рекомендовать законы, проверять подлинность представленных доказательств, исправлять ошибки в текстах и так далее. В 2023 году, согласно решения Верховного народного суда КНР, судья при не согласии с решением, предлагаемым ИИ, должен обосновывать собственную позицию и приводить альтернативный вариант разрешения дела [4, с. 295-298]. Так, учитывая опыт зарубежных стран, можно утверждать, что собственно само правосудие осуществляется судьей (человеком). В то время как ИИ может быть задействован лишь как вспомогательный инструмент, который прогнозирует возможные будущие решения в деле.

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства - одна из наиболее дискуссионных тем, которая требует правовой регламентации и устранения существующих правовых пробелов. Одной из наиболее используемых цифровых технологий в уголовном судопроизводстве России выступает ВКС. По данным Судебного департамента при Верховном Суде России, в 2023 году в апелляционной инстанции каждое второе уголовное дело рассматривалось посредством ВКС. Это наглядно иллюстрирует фактическое повсеместное внедрение и расширение использования данной технологии в отечественном уголовном судопроизводстве.

На наш взгляд, следует применять ВКС не в общем порядке, а лишь в исключительных случаях. Отдельно стоит отметить, что модули электронных уголовных дел способствуют прозрачности процесса и служат соблюдению принципов законности, равенству сторон. В зарубежных странах ИИ анализирует большую совокупность ситуаций (дел) и лишь затем предсказывает вероятный результат. То есть играет вспомогательную роль при выборке подходящих аргументов и доводов, правильного способа защиты и другие. Минимальным необходимым условием выступает наличие законно предусмотренных ИИ определенных задач для осуществления автоматических и машинальных операций. Например, при формировании списков кандидатов для участия в судебном заседании в качестве присяжных заседателей; вычислении размера штрафа; подсчета процессуального срока; создания и оформления протокола судебного заседания.

Список литературы:

1. Афанасьева С.И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видео-конференц-связи в различных формах судопроизводства // *Ex jure*. 2023. №4. С. 17-32.
2. Губайдуллина Э.Х., Барабошкина А.А. Искусственный интеллект в судебной деятельности // *Юридическая наука*. 2024. №2. С. 121-123.
3. Зуев С.В. «Человеческий фактор» в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровизации // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*. 2024. №1. С. 16-22.
4. Курлышев А.О. Цифровизация и искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: проблемы и вызовы // *Государственная служба и кадры*. 2024. №1. С. 295-298.
5. Мисник И.В. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 5. С. 135-137.
6. Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // *Всероссийский криминологический журнал*. 2023. № 1. С. 73-80.
7. Фарафонова О.А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2023. №3 (90). С. 241-246.
8. Шестакова Л.А. Цифровизация уголовного судопроизводства отдельных стран континентальной Европы // *Основы ЭУП*. 2023. № 1 (36). С. 89-93.

References:

1. Afanasyeva S.I. On the need to harmonize the legal regulation of the use of video conferencing in various forms of legal proceedings // *Ex jure*. 2023. No.4. pp. 17-32.
2. Gubaidullina E.H., Baraboshkina A.A. Artificial intelligence in judicial activity // *Legal science*. 2024. No.2. pp. 121-123.
3. Zuev S.V. "The human factor" in criminal proceedings in the context of digitalization development // *Bulletin of SUSU. Series: Law*. 2024. No.1. pp. 16-22.
4. Kurlyshev A.O. Digitalization and artificial intelligence in criminal proceedings: problems and challenges // *Civil service and personnel*. 2024. No.1. pp. 295-298.
5. Misnik I.V. On the issue of digitalization of criminal proceedings // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2023. No. 5. pp. 135-137.
6. Ryabtseva E.V. The problem of using artificial intelligence in criminal justice // *All-Russian Journal of Criminology*. 2023. No. 1. pp. 73-80.
7. Farafonova O.A. Video conferencing in criminal proceedings of the Russian Federation // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No.3 (90). pp. 241-246.
8. Shestakova L.A. Digitalization of criminal proceedings in certain countries of continental Europe // *Fundamentals of EUP*. 2023. No. 1 (36). pp. 89-93.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ПРОБАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. IMPLEMENTATION OF SOME FORMS OF PROBATION IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

ЛАГАЕВА Валентина Константиновна,

курсант, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

Gusev Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Sentences not related to the isolation of convicts from Society, Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru;

Lagaeva Valentina Konstantinovna,

cadet Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты осуществления различных форм probation в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, в частности, особое внимание уделяется пенитенциарной probation, которая должна исполняться в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ в исправительных центрах или лишения свободы в исправительных учреждениях. Определенный акцент делается на таком элементе пенитенциарной probation, как пенитенциарная ресоциализация. В работе указываются неотработанные вопросы законодательства о probation и необходимость направления в практически прикладную форму.

Abstract. The article examines various aspects of the implementation of various forms of probation in the penal enforcement system of the Russian Federation, in particular, special attention is paid to penitentiary probation, which must be performed in relation to convicts serving sentences in the form of forced labor in correctional centers or imprisonment in correctional institutions. Particular emphasis is placed on such an element of penitentiary probation as penitentiary re-socialization. The work indicates the unprocessed issues of probation legislation and the need for referral to a practically applied form.

Ключевые слова: пенитенциарная probation, осужденные, исправительные учреждения, лишение свободы, исправительные центры, принудительные работы, социальная реабилитация, социальная адаптация, ресоциализация осужденных.

Keywords: penitentiary probation, convicts, correctional institutions, deprivation of liberty, correctional centers, forced labor, social rehabilitation, social adaptation, resocialization of convicts.

Для цитирования: Гусев А.С., Лагаева В.К. Осуществление некоторых форм probation в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 240-242. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_240.

For citation: Gusev A.S., Lagaeva V.K. Implementation of some forms of probation in the penal system of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 240-242. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_240.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

После выхода из мест лишения свободы большая часть освобождающихся сталкиваются с трудностями при возвращении в нормальное общество. Зачастую эти проблемы вызваны отсутствием финансовых и бытовых возможностей. Эти граждане испытывают сложности в адаптации к новому образу жизни. Общество, включая предприятия, за исключением редких случаев, относится к ним с определенным недоверием. Работодатели избегают принятия на работу таких людей, а владельцы жилья стараются не сдавать свое жилье им в аренду. В таких условиях люди идут на совершение повторных преступлений, и, таким образом, прочно закрепляются в ИУ в качестве криминальных элементов.

Очевидно, что всем без исключения осужденным необходима дальнейшая социальная реабилитация, так как любое наказание, а особенно наказание в виде лишения свободы, накладывает серьезный отпечаток на психологическое состояние личности. Большинство осужденных, которые отбывают наказание более одного-двух лет, теряют навыки самостоятельной жизни. Как отмечают психологи, у осужденных появляется так называемый «комплекс выученной беспомощности», при котором они привыкают к жизни под контролем исправительного учреждения: их распорядок дня, условия содержания, характер выполняемой работы и прочее определяет администрация ИУ. Она же обеспечивает им питание и проживание, соответственно, решать бытовые вопросы, распределять доход и думать о повседневных потребностях самостоятельно осужденному нет необходимости.

В связи с этим, каждому осужденному при приближении к моменту окончания срока наказания необходима помощь для последующей ресоциализации, т. е. для возвращения их к жизни в открытом обществе. С этой целью в России создаются различные реабилитационные центры для осужденных, как на государственных, так и на общественных началах. Большинство из них действуют при ФСИН России, в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года [1].

Реабилитационные центры такого рода уже значительный период времени функционируют в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Московской области и ФКУ ИК-3 УФСИН России по Краснодарскому краю. Помимо этого подобные реабилитационные центры создаются при содействии Фонда помощи заключенным — общественной благотворительной организации, целью которой является содействие в преобразовании УИС в реабилитационную. В последние годы при содействии Фонда помощи заключенным были открыты реабилитационные центры «Аврора» при ФСИН России по Удмуртской Республике, Чувашии, Кемеровской, Ростовской области и др.

Данные активные действия свидетельствуют о заинтересованности государства в ресоциализации осужденных, стремлении оказать им помощь, тем самым облегчить их дальнейшую жизнь. Однако следует отметить, что оказание такой помощи носит региональный характер и имеет место не во всех субъектах Российской Федерации и развивается далеко не во всех ИУ.

Безусловно, на сегодняшний день для поддержки освободившихся осужденных выполнен колоссальный объем работы, и, как можно заметить, положительная тенденция есть, и выражается она прежде всего во внедрении в российскую УИС института пробации.

Правовая природа института пробации неоднозначна. В мировой практике пробация рассматривается и применяется с разных сторон. В ряде стран, таких как Швеция и Финляндия, пробация выступает в виде одной из форм наказания. В других странах, таких как Англия и Дания, она является иной мерой уголовно-правового характера, альтернативной лишению свободы, и применяется в качестве основного уголовного наказания, не связанного с лишением свободы. В то же время в Эстонии пробация применяется в качестве меры, связанной с освобождением от наказания. Соответственно, особенности функционирования института пробации напрямую зависят от правовой системы того или иного государства.

В соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ [2] в отечественной пенитенциарной практике выделяются следующие виды пробации: исполнительная пробация, пенитенциарная пробация и постпенитенциарная пробация.

Все эти виды пробации направлены на оказание помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации на разных этапах отбывания наказания. Исполнительная пробация применяется в отношении лиц, осужденных к наказанию, не связанному с изоляцией от общества (за исключением штрафа и принудительных работ). Постпенитенциарная пробация предназначена для лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Наиболее важным видом пробации на современном этапе развития пенитенциарной системы является пенитенциарная пробация. Этот вид пробации применяется в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы.

Пенитенциарная пробация представляет собой комплекс мер, направленных не только на исправление указанных категорий осужденных, но и призванных подготовить их к освобождению из указанных учреждений.

Один из элементов пенитенциарной пробации является пенитенциарная ресоциализация. В ее состав входят следующие компоненты:

- медицинская помощь;
- восстановление и получение документов;
- воспитательная и психологическая работа;
- получение всех видов образования;
- духовно-нравственное, культурное просвещение;
- помощь в назначении и перерасчете пенсии;
- постановка на очередь, решение жилищной проблемы (вероятность очень невелика);
- получение специальности;
- получение практического трудового опыта;
- оказание помощи в получении статуса инвалида;
- поддержание и восстановление в случае необходимости социальных связей;
- консультации о порядке и видах помощи освобождаемым.

При социальной реабилитации осужденных ведется работа по восстановлению или созданию новых социальных связей осужденного. Контроль со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы проводится в части фильтрации этих связей и направлении осужденного в необходимом для пользы общества направлении. В этом смысле могут пониматься как родственники, так и различные государственные, религиозные, образовательные, некоммерческие организации. Сотрудники уголовно-исполнительной системы имеют право направлять запросы в компетентные организации и учреждения.

Подводя итог вышесказанного, можно отметить, что на сотрудников исправительных учреждений ложатся обязанности не только по перевоспитанию людей, преступивших закон, но и по подготовке их к жизни на свободе после возвращения из учреждения. Это лишь подчеркивает необходимость получения необходимого профессионального образования будущими сотрудниками УИС.

Пробация не может заменять институт уголовного наказания, она призвана смягчить негативные последствия наказания для осужденного в социальном, бытовом и психологическом аспекте.

На данный момент российская правовая система обладает крайне ограниченным кругом средств для ресоциализации осужденных, и это является серьезной проблемой. Абсолютное большинство осужденных нуждается в психологической и правовой помощи, реабилитации и социальной адаптации. Об этом свидетельствует статистика обращений в адрес Уполномоченного по правам человека в РФ от осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с просьбами о содействии в ресоциализации и ежегодно количество таких обращений растет.

В данный момент, к сожалению, нет полноценного понимания пробации в практическом смысле. На практике сотрудники уголовно-исполнительной системы не могут реализовать все преимущества указанной системы, в связи с ее слабой апробированностью и размытостью определений. Заключаемые договора с различными организациями также и ранее уже были закреплены, только в другом составе. Практически на сегодня, пробация представляет успешное исполнение в виде исправительных центров, а именно, когда после окончания срока принудительных работ осужденный остается работать на рабочем месте, которое он знает, получая достойную заработную плату, так как для осужденного одна из главных задач трудоустройство. Также и работодатель уже знает работника. В таком тандеме пробация, может иметь место, но это несколько другая форма взаимодействия, хотя в практической деятельности авторы выдвигают ее, пока, в наиболее эффективную связь между осужденным, государством работодателем.

Все это говорит о том, что государство осознает значимость данной проблемы и стремится к скорейшему ее разрешению. Принятие Закона о пробации является важным достижением, шагом вперед в вопросе ресоциализации осужденных. Россия — социальное государство (согласно ст. 7 Конституции РФ)[3], что подразумевает проведение социальной политики, гарантирующей всем членам общества, в том числе и бывшим осужденным, достойный уровень жизни. Представляется, что система пробации будет наиболее эффективно, по сравнению с другими средствами, способствовать поддержке бывших осужденных, их возвращению в открытый социум и предотвращению рецидивов.

Список литературы:

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. : Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/>
2. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (КонсультантПлюс)
3. Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398

References:

1. On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030 : Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-r // - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/>
2. Federal Law "On Probation in the Russian Federation" dated February 06, 2023 No. 10-FZ (ConsultantPlus)
3. The Constitution of the Russian Federation : [adopted by the National Assembly. by a vote of 12 Dec. 1993; as amended, introduced. I was growing up. The Federation on amendments to the Constitution grew. Federation from 30 Dec. 2008 No. 6-FKZ, 30 Dec. 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ, March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ] // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. – 2014. – No. 31, article 4398

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ УИС: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБОРУДОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ INTEGRATED SECURITY SYSTEMS FOR PENAL INSTITUTIONS: PROBLEMATIC ISSUES OF EQUIPMENT AND WAYS TO SOLVE THEM

ДЕНИСЬЕВ Сергей Александрович,

преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: denisevser@yandex.ru;

DENISIEV Sergey Alexandrovich,

lecturer at the department of organization of the regime and supervision at the penitentiary system of the law faculty
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service"
(Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia).
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: denisevser@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы применения на объектах УИС трех наиболее значимых систем входящих в состав ИСБ, это система охранно-тревожной сигнализации, система охранного телевидения, система контроля управления доступом. Последние две являются достаточно «молодыми» системами используемыми в УИС, процесс их правового, организационного, практического применения на объектах ФСИН находится в стадии формирования. По мнению автора, предлагаемые конфигурации систем безопасности и алгоритмы взаимодействия между ними, позволят автоматизировать работу оператора, снизить риски принятия ошибочных решений и уменьшить время реакции при возникновении экстренной ситуации на объекте.

Abstract. The article discusses the problematic issues of the use of the three most important systems included in the ISB at the facilities of the UIS, these are the security alarm system, the security television system, and the access control system. The last two are quite "young" systems used in the UIS, the process of their legal, organizational, and practical application at the facilities of the Federal Penitentiary Service is in the process of formation. According to the author, the proposed configurations of security systems and algorithms for interaction between them allow automating the operator's work, reduce the risks of making erroneous decisions and reduce the reaction time in case of an emergency situation at the facility.

Ключевые слова: инженерно-технические средства охраны и надзора, интегрированная система безопасности, система охранно-тревожной сигнализации, система охранного телевидения, система контроля и управления доступом, начальник караула, дежурный помощник начальника колонии, приборы приемно-контрольные охранно-пожарные.

Key words: engineering and technical means of security and supervision, integrated security system, security alarm system, CCTV system, access control and management system, guard chief, duty assistant to the head of the colony, security and fire alarm control devices.

Для цитирования: Денисьев С.А. Интегрированные системы безопасности объектов УИС: проблемные вопросы оборудования и пути их решения // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 243-245. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_243.

For citation: Denisiev S.A. Integrated security systems for penal institutions: problematic issues of equipment and ways to solve them // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 243-245. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_243.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Федеральной службой исполнения наказаний реализуются последовательные меры по совершенствованию комплексов ИТСОН объектов уголовно-исполнительной системы (далее УИС), проводится целенаправленная работа по созданию единой технической концепции в области оснащения объектов УИС интегрированными системами безопасности (далее ИСБ). Расширяется номенклатура поставляемых ИСБ приспособленных для конфигурирования программного обеспечения в условиях СИЗО и исправительных колоний.

Вместе с тем, внедрение ИСБ на объектах УИС за последние 20 лет показало, что аппаратура не всех производителей устойчиво функционирует в реальных условиях эксплуатации, очевидно это было связано с просчетами предприятий изготовителей, недостаточно тщательной апробацией предлагаемого образца (выигравшего конкурс на поставку) в реальных условиях эксплуатации на базе охраняемого объекта УИС.

На сегодняшний день наиболее масштабное применение нашли такие системы сбора и обработки информации как: «Синергет-КСБО», «Микрос-02», «КОДОС», «Рубеж-08, 09», «Орион», «Пахра», «Тобол», «Рубеж-08, 09».

Приказ Минюста России от 17 июня 2013 г. № 94 «О внесении изменений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы»» (далее Наставление) закрепляет концептуальные положения, касающиеся модернизации ИТСОН и в частности определяет организационно-технические основы применения ИСБ на объектах УИС.

В этом нормативно-правовом акте раскрываются требования, предъявляемые к ИСБ, перечисляются системы входящие в её состав: система охранно-тревожной сигнализации (СОТС); система контроля и управления доступом (СКУД); система охранного телевидения (СОТ); система оперативно-диспетчерской связи (СОДС); система громкоговорящей связи (СГТС).

Объединение (интеграция) этих систем согласно текста приказа должна обеспечиваться на программном и аппаратном уровнях. Цель интеграции систем очевидна: облегчить работу пользователя автоматизированного рабочего места (АРМ), свести к минимуму принятие им ошибочных решений в случае возникновения тревожных ситуаций. Программную интеграцию ИСБ осуществляют путем использования программного обеспечения, содержащего набор макрокоманд, как созданных разработчиками программного обеспечения, так и созданных пользователями (заказчиками) ИСБ. Теоретически, интеграция программным способом между СОТС, СКУД, СОТ может производиться в любом сочетании.

Анализ литературы по заявленной в статье теме, касающейся организации оборудования ИСБ на объектах УИС, выявил, что данная проблематика нашла свое отражение у ряда исследователей – Белкин Е.Н.[1], Грушин А.А.[2], Дрюпин М.В.[3], Егоров Е.Ю.[4], Заломов Н.А.[5], Лелик Н.Б.[6], Мокшин Р.С. [7], Попов В.Г.[8], Четкин О.В.[9]. Ознакомление с содержанием данных работ выявило, что они, по большей

части, раскрывают описательные, документирующие аспекты организации оборудования ИСБ объектов УИС. В тоже время совокупность проблем уже существующего регламента использования СОТС, СКУД, СОТ входящих в состав ИСБ, а также вероятные пути их интеграции, наращивания, своего описания в научных трудах, к сожалению, не нашли.

Рассмотрим следующие по нашему мнению, значимые вопросы.

Исторически сложилось так, что в учреждении УИС информация от технических средств охраны и надзора поступала на два рабочих места: пульт управления техническими средствами охраны (ПУТСО) и помещение дежурного помощника начальника учреждения (ДПНУ).

Остановимся на последнем. В помещении ДПНУ приходят данные от СОТС установленной на внутренней территории объекта УИС, а также СОТС за ее пределами (здание штаба, участок колонии поселения). Следует констатировать, что на большинстве объектов УИС не оборудовано АРМ ИСБ в помещении ДПНУ. Взамен его, используются приборы приемно-контрольные охранно-пожарные (ППКОП) и удаленный монитор ИСБ с мнемосхемой СОТС запретной зоны объекта УИС, без возможности управления. Максимальный объем информационной емкости установленных в помещении ДПНУ ППКОП достаточно большой и может доходить до 100 и более шлейфов сигнализации.

Данное обстоятельство мы считаем проблемным последующим основаниям. Во-первых, особенно важным является отсутствие протоколирования данных, поступающих от СОТС с внутренней территории учреждения. В следствии чего, появляются самые очевидные вопросы, на которые не возможно найти ответ, для примера: «В какое время произошло срабатывание тревожной сигнализации в медицинской части?», «Находился ли под охраной, в определенный интервал времени, тот или иной кабинет штаба ИУ?». Во-вторых, существующий интерфейс представления информации от СОТС с помощью светодиодов и подписей сделанных от руки не нагляден, что снижает оперативность принятия решений ДПНУ. В-третьих, отсутствует автоматическое видеоподтверждение срабатывания охранных извещателей (при наличии видеокамер в местах установки периферийных элементов СОТС).

На наш взгляд требуется постепенное наращивание уже имеющихся комплексов ИСБ в учреждениях УИС, а точнее создание и внедрение комплексов АРМ ИСБ ДПНУ. Такого рода аппаратура должна обеспечивать реализацию наглядного графического интерфейса отображения состояния охранных извещателей установленных на внутренней территории. Например, для исправительных колоний необходимо включить следующие распределенные по страницам графические схемы: здание штаба, территория и здание ШИЗО-ПКТ, жилая зона, производственная зона, участок колонии поселения. Вместе с тем, при проектировании АРМ ИСБ ДПНУ возникнет вопрос об объединении уже действующих СОТ внутренней территории объекта с СОТС создаваемых АРМ, данный вопрос должен быть адресован к действующим ведущим поставщикам ФСИН России.

Дальше хотелось бы остановиться на насущных аспектах оборудования СКУД ИСБ в учреждениях УИС.

Согласно п. 23 Наставления СКУД устанавливается в местах перехода рубежей охраны (контрольно-пропускные пункты (КПП), калитки и ворота в ограждения зон и территорий, двери режимных помещений). Интеграция между подсистемами СОТС, СКУД, СОТ осуществляется на программном уровне.

На сегодняшний день на КПП учреждений УИС применяются СКУД с магнитными и биометрическими идентификаторами. В качестве СКУД использующих биометрическую идентификацию личности наиболее широкое распространение получили такие технические системы как «BioSmart» и «СКДЛ Синергет».

Следует акцентировать, что практическая эксплуатация СКУД на КПП по пропуску людей складывается таким путем, что сама СКУД не осуществляет привод электромеханических замков дверей установленных в проходном коридоре, принятие решения на открытие той или иной двери реализовывает часовой КПП. На основании изложенного СКУД на КПП по пропуску людей объекта УИС не корректно называть системой контроля и управления доступом, ацелесообразно представлять как систему контроля доступом, исключая автоматическое управление электромеханическими замками самой системой. Таким образом, данные системы помогают часовому КПП проводить идентификацию лиц проходящих через КПП по пропуску людей.

Можно также констатировать тот факт, что прописанные в Наставлении программные связи интеграции СКУД с подсистемами СОТС и СОТ ИСБ можно считать теоретическими, реальные примеры объединения систем не определены. Здесь, вероятно можно задаться вопросом, какими могут быть алгоритм интеграции вышеуказанных систем?

Одна процедура интеграции между СКУД и СОТС на КПП по пропуску людей реализуется длительное время, посредством аппаратной интеграции и не имеет никакого отношения к ИСБ, речь идет блокировании системы открывания замков дверей проходного коридора при срабатывании тревожной кнопки установленной у часового КПП. Монтаж принципиальной электрической схемы, реализуется старшим инженером группы инженерно-технического обеспечения связи и вооружения учреждения, при помощи реле, без применения аппаратуры заводского изготовления. Согласно требований Наставления разблокировку системы выполняет начальник караула. Следует подчеркнуть, что существует пробел в Наставлении, так как не указано место, установки кнопки разблокировки электропитания замков.

В поставляемых на объекты УИС ИСБ в программном обеспечении прописана макрокоманда блокировки электромеханических замков, при условии формирования тревожного сообщения в СКУД, вместе с тем не все учреждения осуществляют реализацию данной функции.

Программное обеспечение позволяет часовому КПП по пропуску людей, кликнув иконку «разблокировать» снять режим тревога и вернуть управление замками. Вполне понятно, что с точки зрения безопасности, это решение он не должен принимать единолично. На наш взгляд требуется автоматическое уведомление начальника караула (НК), например, контроллер СКУД аппаратным способом должен обеспечить выдачу сигнала тревога на ППКОП или АРМ ИСБ в помещение НК. С целью принятия решения о предоставлении пропуска через проходной коридор часовому КПП необходимо ожидать прибытия НК. Описанная последовательность легко реализуема в условиях учреждений УИС, в которых по-

мещения часового КПП и НК смежные, в противоположном случае необходимо более углубленно осмыслить данный алгоритм, поскольку НК не может пройти через двери КПП по пропуску людей – они остаются закрытыми электромеханическими замками.

Отдельно рассмотрим пропускной режим на периметр охраняемого учреждения УИС, приведём цитаты из нормативно-правового акта.

Согласно пп. 10 п. 29 Наставления для действующих постоянных объектов УИС в ограждениях запретных зон объекта (в местах примыкания к зданиям КПП и к ограждениям контрольных площадок) устраиваются калитки для прохода на тропы нарядов и ворота (калитки) для проезда (прохода) на контрольно-следовые полосы. Калитки для прохода на тропу специалистов ИТО устраиваются в противоположных заграждениях (в местах их примыкания к зданию КПП). Все ворота оборудуются запорными и замковыми (калитки – замковыми) устройствами и блокируются средствами сигнализации. В настоящее время на охраняемых объектах УИС отсутствуют единые требования к устройству калиток. Они не стандартны по конструктивным особенностям, эксплуатируются длительный период времени и требуют модернизации. В связи с этим возникает необходимость проработки вопроса о проектировании калиток нового образца, обеспечивающих надежную работу электромеханических замков под управлением СКУД в различных климатических условиях, под воздействием резких перепадов температур.

Необходимо констатировать тот факт, что на многих объектах УИС продолжает существовать примитивный прием прохода в запретную зону - калитки следует отпирать посредством ключей, причем на связке их может быть несколько. Очевидно, что в таких обстоятельствах время прибытия резервной группы караула №1 к месту происшествия во внешней запретной зоне будет увеличиваться. Похожая обстановка будет складываться и для резервной группы дежурной смены учреждения при выдвигении во внутреннюю запретную зону при происшествии.

Совершенно оправдано вести речь об обязательном оборудовании калиток СКУД, для этого необходимо установить считыватели магнитных карт (с двух сторон) и электромеханический замок, имеющий возможность отпирания посредством ключа. На наш взгляд, создаваемая СКУД должна состоять из калиток периметра, входных дверей на площадку для построения караула. Предлагаемое дооснащение СКУД объекта УИС, в первую очередь, уменьшит время выдвигения резервных групп караула и дежурной смены при происшествиях, даст возможность протоколировать события в СКУД (дату, время прохода сотрудников на периметр охраняемого объекта, их идентификацию).

Резюмируя содержание представленной статьи, хотелось бы выделить следующее, предлагаемые нами: вероятные направления дооснащения техническими средствами охраны объектов УИС, новые алгоритмы интеграции между СОТС, СОТ, СКУД, не более чем стремление автора, выразить свое мнение на вопрос повышения эффективности организации использования ИСБ в учреждениях УИС. Приведенные нами суждения необходимо считать дискуссионными, предполагающими тщательную апробацию в практических условиях эксплуатации охраняемого объекта УИС.

Список литературы:

1. Белкин Е.Н. Построение защищенных интегрированных систем безопасности объектов УИС / Е.Н. Белкин, Д.А. Зайончковская // Информатизация и техническое обеспечение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы, решения и перспективы развития: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Тверь, 04–05 октября 2023 г. Тверь: Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, 2023. С. 28-34. - EDN OHZOJH.
2. Грушин А.А. Некоторые аспекты обеспечения информационной безопасности интегрированных систем безопасности в учреждениях УИС / А. А. Грушин, О. В. Козлов // Пермский период : Сборник материалов III международного фестиваля курсантов, студентов и слушателей, Пермь, 29 февраля – 05 2016 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – С. 132-134. – EDN ZRHIDJ.
3. Дрюпин М.В. Актуальные вопросы выбора телевизионных камер при оборудовании объектов ФСИН России / М. В. Дрюпин Д.Г. Зыбин // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы - 2011 : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 06–07 октября 2011 года. Том 1. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2011. – С. 59-64. – EDN WVG00Z.
4. Егоров Е.Ю. Обзор методов оценки рисков в интегрированных системах безопасности / Е.Ю. Егоров, Л.В. Россихина // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 23–24 мая 2018 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2018. – С. 127-129. – EDN YAFUEP.
5. Заломов Н.А. Анализ и модернизация комплексных систем безопасности на объектах УИС / Н. А. Заломов, А. В. Паринов // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 23–24 мая 2018 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2018. – С. 11-12. – EDN YAFTNZ.
6. Лелик Н.Б. Интегрированные системы безопасности, применяемые в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / Н. Б. Лелик // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8(171). – С. 318-320. – EDN XDDVVE.
7. Мокшин Р.С. Сравнительный анализ систем безопасности, функционирующих в УИС / Р. С. Мокшин, А. И. Полозов // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17–18 мая 2023 года. – Воронеж: ФКОУ Воронежский институт ФСИН России, Строки, 2023. – С. 225-231. – EDN NMQJDU.
8. Попов В.Г. Проблемы модернизации инженерно-технического обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений России в ходе реализации концепции реформирования УИС РФ до 2020 года / В. Г. Попов // Вестник Кузбасского института. – 2011. – № 4(7). – С. 21-24. – EDN RVUPDD.
9. Четкин О.В. Особенности использования алгоритмов видеоаналитики в учреждениях УИС / О.В. Четкин, О.В. Федотов // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 03–04 октября 2013 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2013. – С. 68-70. – EDN GLKDKM.

References:

1. Belkin E.N. Construction of secure integrated security systems for UIS facilities / E. N. Belkin, D. A. Zayonchkovskaya // Informatization and technical support of the penal enforcement system of the Russian Federation: problems, solutions and development prospects : Collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Tver, October 04-05, 2023. Tver: Scientific Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. – pp. 28-34. – EDN OHZOJH.
2. Grushin A.A. Some aspects of ensuring information security of integrated security systems in UIS institutions / A. A. Grushin, O. V. Kozlov // Perm period: Collection of materials of the III International festival of cadets, students and listeners, Perm, February 29 - 05, 2016. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2016. p. 132-134. - EDN ZRHIDJ.
3. Dryupin M.V. Topical issues of choosing television cameras when equipping facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia / M. V. Dryupin D.G. Zybin // Technique and safety of facilities of the penal enforcement system - 2011 : collection of materials of the International scientific and practical conference, Voronezh, October 06-07, 2011. Volume 1. – Voronezh: Publishing and printing center "Scientific book". - Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. – pp. 59-64. – EDN WVG00Z.
4. Egorov E.Yu. Review of risk assessment methods in integrated security systems / E.Yu. Egorov, L.V. Rossikhina // Technique and safety of objects of the penal enforcement system : Collection of materials of the International scientific and practical Conference, Voronezh, May 23-24, 2018. – Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2018. – pp. 127-129. – EDN YAFUEP.
5. Zalomov N.A. Analysis and modernization of integrated security systems at UIS facilities / N. A. Zalomov, A.V. Parinov // Technique and safety of objects of the penal enforcement system : Collection of materials of the International scientific and practical Conference, Voronezh, May 23-24, 2018. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2018. – pp. 11-12. – EDN YAFTNZ.
6. Lelik N.B. Integrated security systems used in the penal enforcement system of the Russian Federation / N. B. Lelik // Eurasian Law Journal. – 2022. – № 8(171). – Pp. 318-320. – EDN XDDVVE.
7. Mokshin R.S. Comparative analysis of security systems operating in the UIS / R. S. Mokshin, A. I. Polozov // Technique and safety of objects of the control and executive system : collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 17-18, 2023. – Voronezh: FCOU Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lines, 2023. – pp. 225-231. – EDN NMQJDU.
8. Popov V.G. Problems of modernization of engineering and technical support for the activities of penitentiary institutions in Russia during the implementation of the concept of reforming the criminal code of the Russian Federation until 2020 / V. G. Popov // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2011. – № 4(7). – Pp. 21-24. – EDN RVUPDD.
9. Chetkin O.V. Features of the use of video analytics algorithms in penal institutions / O.V. Chetkin, O.V. Fedotov // Technique and safety of objects of the penal system : collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, October 03-04, 2013. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2013. – pp. 68-70. – EDN GLKDKM.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_246

УДК 343.01

О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ON THE PROBLEMS OF COUNTERING CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF CREDITORS: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.67, лит. А.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com;

KNARCHENKO Oleg Vital'evich,

PhD in Law, professor, professor of the Department of the Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
190000, 67 Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы противодействия преступлениям против интересов кредиторов. Приводятся криминологический анализ принимаемых мер в данной сфере. Обращено внимание на незначительную судебную практику преступлений против интересов кредиторов за 2019 – 2023 гг. об осуждении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 176, ст. 177, ст. 195 и ст. 196 УК РФ и отсутствие судебной практики по ст. 197 УК РФ.

Abstract: The article discusses the problems of countering crimes against the interests of creditors. A criminological analysis of the measures taken in this area is provided. Attention is drawn to the insignificant judicial practice of crimes against the interests of creditors in 2019-2023 on the conviction of persons, who committed crimes under Articles 176, 177, 195 and 196 of the Criminal Code of the Russian Federation and the lack of judicial practice under Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, преступления против интересов кредиторов, кредиторы, преступления, судебная практика.

Keywords: legal regulation, crimes against the interests of creditors, creditors, crimes, judicial practice.

Для цитирования: Харченко О.В. О проблемах противодействия преступлениям против интересов кредиторов: криминологический анализ // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 246-249. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_246.

For citation: Kharchenko O. V. On the problems of countering crimes against the interests of creditors: criminological analysis // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 246-249. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_246.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Эффективное решение задач государственной экономической политики предполагает создание и поддержание в Российской Федерации благоприятного делового, предпринимательского и инвестиционного климата и условий для ведения бизнеса посредством стимулирования законной предпринимательской деятельности, осуществляемой ее субъектами самостоятельно, на свой риск и основанной на принципах юридического равенства и добросовестности сторон, свободы договора и конкуренции [10].

Защиту интересов законной предпринимательской деятельности предлагается рассмотреть с точки зрения принимаемых мер по противодействию преступлениям в этой сфере и в частности – преступлениям против интересов кредиторов. В Российской Федерации в 2023 г. было зарегистрировано 105 257 преступлений экономической направленности. Выявлено преступлений в сфере экономической деятельности – 33 552, в том числе – неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство – 160, а количество выявленных лиц в данной группе преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд, составило 56 (-12,5%). В январе-августе 2024 г. динамика несколько изменилась, так было зарегистрировано 80 939 преступлений экономической направленности, при этом преступлений в сфере экономической деятельности – 23 518, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство – 96, а количество выявленных лиц из данной группы составило 38 [11].

Если в 2023 г. число регистрируемых преступлений экономической направленности сократилось на 5,5%, то в 2024 г. незначительно увеличилось на +1,3%, вместе с тем продолжило сокращаться число преступлений в сфере экономической деятельности как в 2023 г., так и в 2024 г. соответственно на 11% и 5,6%. Следует отметить, что число зарегистрированных преступлений о неправомерных действиях при банкротстве, преднамеренном банкротстве, фиктивном банкротстве в 2023 г. увеличилось на 3,9%, а в 2024 г. резко сократилось на 26,7%. Количество выявленных лиц в данной группе преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд, сократилось в 2023 г на 12,5%, а в 2024 г. наоборот значительно увеличилось на 22%. Динамика данной группы преступлений отмечается неустойчивостью и значительными изменениями, что затрудняет определение её тенденций, а в качестве особенности – сокращение числа зарегистрированных преступлений и увеличения числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

К преступлениям против интересов кредиторов Б.В. Волженкин условно относит следующую группу составов: незаконное получение кредита – ст. 176 УК РФ; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности – ст. 177 УК РФ; неправомерные действия при банкротстве – ст. 195 УК РФ; преднамеренное банкротство – ст. 196 УК РФ; фиктивное банкротство – ст. 197 УК РФ [5].

Для более полного криминологического анализа состояния преступлений, которые относятся к рассматриваемой группе, необходимо

обратиться не только к сведениям о числе зарегистрированных преступлений и выявленных лицах, но и о лицах, осужденных за их совершение. Так, за совершение преступлений в сфере экономической деятельности (Глава 22 УК РФ) осуждено в 2019 г. – 7 763, в 2020 г. – 6 584, в 2021 г. – 8 199, в 2022 г. – 9 841 и в 2023 г. – 11 071 [6]. Отмечается тенденция к увеличению с 2021 г. числа осужденных за совершение преступлений в сфере экономической деятельности: в 2021 г. +19,7%; в 2022 г. + 16,7% и в 2023 г. +11,1%.

В период с 2019 по 2023 гг. осуждено за совершение преступлений, предусмотренных:

- ст. 176 УК РФ: в 2019 г. – 42, в 2020 г. 17 (- 59%), в 2021 г. – 21 (+23,5%), в 2022 г. – 5 (- 76,2%), в 2023 г. – 4 (-20%);
- ст. 177 УК РФ: в 2019 г. – 104, в 2020 г. – 66 (-36,5%), в 2021 г. – 85 (+28,8%), в 2022 г. – 33 (-61,2%), в 2023 г. – 100 (+203%);
- ст. 195 УК РФ: в 2019 г. – 13, в 2020 г. – 12 (-7,7%), в 2021 г. – 10 (-16,7%), в 2022 г. – 4 (-60%); в 2023 г. – 4 (0%);
- ст. 196 УК РФ: в 2019 г. – 29, в 2020 г. – 22 (-24,1%), в 2021 г. – 29 (+31,8%), в 2022 г. – 33 (+13,8%), в 2023 г. – 21 (-46,4%);
- ст. 197 УК РФ: в 2019 г. – 2023 гг. – 0 [6].

Рассматривая криминальное банкротство необходимо обратиться к причинам наступления банкротства предприятия, которые могут быть систематизированы по двум обширным категориям:

- объективные, которые не находятся в прямой взаимосвязи с деятельностью предприятия (например, уровень инфляции, особенности налогового контроля, условия поставок, скачки потребительского спроса и др.);
- субъективные (особенности (пере)распределения ресурсов, особенности финансово-инвестиционной деятельности, уровень износа основных средств, повышение стоимости оборотных активов, несоответствие квалификации персонала всех уровней, увеличение объема условно-постоянных затрат, резкие скачки объемов производства и реализации благ, увеличение циклов производства) [3].

Повышение риска наступления банкротства или его непосредственное наступление может быть идентифицировано стейкхолдерами на основе основного «внешнего признака», а именно – приостановления платежной активности предприятия, неспособности исполнения обязательств (удовлетворения) требований; срок «просрочки» составляет три месяца (девяносто дней). Кроме того, сумма задолженности при банкротстве (для принятия уполномоченным органом решения о несостоятельности) юридических лиц должна составлять не менее трехсот тысяч рублей, при «соблюдении» сроков просроченных платежей [4].

Диагностика банкротства может проводиться с использованием широкого набора методик оценки, наиболее распространенными среди которых являются:

- финансовый анализ (оценка имущественного положения, структуры капитала, динамики изменения ключевых финансово-экономических показателей на основе бухгалтерского баланса, отчета о финансовых результатах и прочей отчетной документации предприятия);
- коэффициентный анализ (ликвидность, рентабельность, платежеспособность, деловая активность, обеспеченность собственными средствами/оборотными активами и др.) [8, С. 102].

Большинство используемых методов основано на прогнозировании на базе результатов исследования особенностей финансово-хозяйственной деятельности предприятия прошлых отчетных периодов. Результаты прогнозирования могут быть оформлены, как в текстовом формате, так и в графическом (рисунки, схемы, графики, таблицы), а также учитывать, как укрупненные, так и детализированные индикативные показатели.

В эпоху цифровой трансформации все большее распространение приобретают нейронные системы построения прогнозов. Целесообразным использование данных систем представляется в тех случаях, когда проводится анализ большого количества как однородных, так и разнородных показателей, отражающих экономическую безопасность субъекта хозяйствования. Нейронное прогнозирование открывает возможности для построения (не)линейных зависимостей переменных, выявления причинно-следственных связей явлений.

Возникновение и изменение количества деструктивных факторов сопряжено с жизненным циклом предприятия, в рамках которого самой высокорисковой стадией принято считать «зрелость». Это может быть обусловлено тем, что в условиях отлаженного производственного процесса, устоявшейся финансовой политики и системы организационного управления, повышается степень уверенности аппарата управления в высоком уровне стабильности деятельности предприятия.

Диагностика риска наступления банкротства обуславливает необходимость принятия аппаратом управления предприятия перечня превентивных и(или) корректирующих мер [2], количество и направленность которых может варьироваться в зависимости от специфики деятельности предприятия, ключевых предпосылок к возникновению риска банкротства, степени подверженности предприятия эндогенным и экзогенным факторам, степени эффективности принимаемых организационно-управленческих решений (как стратегических, так и тактических) [9].

Фиктивное банкротство является одним из способов не платить по долгам, поэтому необходимо его изучать для принятия эффективных мер противодействия данному негативному явлению.

Выделяют разные виды банкротства:

- «банкротство вследствие непредвиденных обстоятельств»: те риски, которые было невозможно предусмотреть и которые наступили не из-за вины банкрота (стихийное бедствие, политическая нестабильность, вооруженные конфликты, банкротство должников, сложная эпидемиологическая ситуация в мире);
- «банкротство непреднамеренное»: в случае неэффективного ведения хозяйственных дел организации;
- «банкротство преднамеренное»: заведомо неэффективные действия руководства организации, направленные на потерю прибыли либо сокрытие реального финансового положения организации с целью избежать уплаты по своим обязательствам.

Факторы, негативно влияющие на финансовое развитие предприятия, можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним относятся предпосылки банкротства в случае непредвиденных обстоятельств, тогда как к внешним – чаще всего неэффективные управленческие решения либо решения заведомо невыгодные для финансового состояния предприятия.

Каждая из групп факторов включает в себя множество конкретных предпосылок, которые могут проявляться по-разному в различных организациях.

При рассмотрении преднамеренного банкротства необходимо обратиться к понятию «фиктивность банкротства». Данное понятие сформулировано в статье 197 УК РФ, то есть «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности» [1]. Уголовная ответственность наступает если это деяние причинило крупный ущерб.

Предпосылками такого банкротства чаще всего являются:

- заключение заведомо невыгодных или неисполнимых договоров;
- уменьшением оборотного капитала;
- приобретением неликвидной недвижимости;
- кредит под высокие проценты.

При рассмотрении риска несостоятельности организации следует рассматривать такие факторы финансового состояния как ликвидность, рентабельность и платёжеспособность.

Ликвидность – это показатель, играющий ключевую роль, связанную с неспособностью предприятия выполнять свои финансовые обязательства. Неспособность выполнять эти обязательства может возникнуть, когда обязательства предприятия превышают его активы, и оно не может справиться с финансовыми требованиями.

Высокая ликвидность означает, что предприятие может быстро преобразовать свои активы в наличные деньги, что помогает ему покрыть текущие обязательства и избежать риска неспособности. С другой стороны, низкая ликвидность может привести к тому, что предприятие не сможет выполнять свои финансовые обязательства вовремя, что может привести к задержкам в оплате счетов, долгов и других обязательств. Более того, высокая ликвидность может означать, что предприятие имеет достаточный запас наличности, чтобы пережить временные снижения деловой активности или экономические кризисы, такие как финансовые кризисы или пандемии.

В этих условиях предприятия с низкой ликвидностью могут столкнуться с трудностями в получении кредитов или привлечении инвестиций, что может привести к дополнительным финансовым проблемам и ухудшению их финансового состояния. Таким образом, высокая ликвидность помогает предприятию управлять риском неспособности и сохранять финансовую устойчивость в нестабильных условиях рынка.

Рентабельность также является ключевым фактором в оценке риска вероятности банкротства организации, который отражает финансовую стабильность и эффективность использования ресурсов на предприятии. Низкая рентабельность может свидетельствовать о финансовых проблемах и риске несостоятельности, который может привести к сокращению персонала, закрытию предприятия и даже задолженности перед кредиторами.

Для улучшения рентабельности организации можно использовать различные стратегии, такие как улучшение качества продукции, сокращение затрат на производство, повышение цен на продукцию или расширение ассортимента. Высокая рентабельность позволяет не только обеспечить финансовую устойчивость, но и привлечь новых инвесторов и партнёров, что может увеличить капитализацию предприятия и помочь ему стать ещё более устойчивым на рынке.

Рентабельность является ключевым показателем финансовой устойчивости предприятия и её значимость не может быть недооценена. Понимание и управление этим показателем поможет достичь стабильности и роста на рынке.

Следующий фактор, необходимый к рассмотрению при оценке риска несостоятельности организации – платёжеспособность. Платёжеспособность тесно связана с уже рассмотренной рентабельностью и ликвидностью. Платёжеспособность предприятия определяет, насколько оно способно оплатить свои счета, выплатить зарплаты своим сотрудникам и вернуть свои долги в установленные сроки.

Недостаточная платёжеспособность может привести к задержкам в оплате счетов, недостатку материалов и ингредиентов и ухудшению отношений с поставщиками и клиентами, что может привести к потере продаж и убыткам. Проверка платёжеспособности должна проводиться регулярно, чтобы избежать финансовых проблем и рисков неудачи бизнеса. Рентабельность, ликвидность и платёжеспособность являются важными показателями, используемыми для оценки финансовой устойчивости предприятия, несмотря на их схожесть, они имеют различия и каждый показатель важен по-своему.

При оценке вероятности возникновения риска банкротства организации следует рассматривать и иные факторы, одним из таких является зависимость предприятия от крупных поставщиков. Зависимость от крупных поставщиков может повлиять на финансовую устойчивость и увеличить риск несостоятельности.

Банкротство также следует разделять на банкротство в случае непредвиденных обстоятельств, банкротство ввиду неэффективных управленческих решений и преднамеренное фиктивное банкротство.

Предпосылками такого банкротства являются: уменьшение оборотного капитала, приобретение неликвидных активов, невыгодный кредит. Ввиду этого требуется ранняя стадия выявления признаков банкротства и тщательный мониторинг убыточных предприятий со стороны государства.

Проверки договоров с контрагентами и, в случае необходимости, временное приставление к организации арбитражного управляющего, как для помощи организации ввиду неграмотных управленческих решений, так и для предотвращения сокрытия факта фиктивного банкротства организации. При мониторинге финансового состояния предприятия необходимо в первую очередь учитывать такие факторы риска возникновения банкротства организации как неудовлетворительный уровень ликвидности, рентабельности, платёжеспособности организации. Однако, не стоит забывать про другие факторы риска, такие как зависимость от крупных поставщиков или обрачиваемость дебиторской и кредиторской задолженности. Данные факторы необходимо рассматривать совместно с остальными и делать выводы о риске возникновения банкротства организации основываясь на полной картине.

В заключение необходимо отметить, что принимаемые меры нормативно-правового регулирования в рассмотренной сфере пока являются недостаточными. Динамика преступлений о неправомерных действиях при банкротстве, преднамеренном банкротстве, фиктивном банкротстве за период 2019-2023 гг. отмечается неустойчивостью и значительными изменениями, что затрудняет определение её тенденций, а также отсутствие судебной практики по ст. 197 УК РФ. В качестве особенности в 2024 г. для данной группы преступлений необходимо отметить значительное сокращение числа зарегистрированных преступлений, но вместе с тем увеличения числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.10.2024 № 340-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Барташевич С.В., Моденов А.К. К вопросу об экономическом основании налога как способу противодействия неправомерному уменьшению налогового бремени // Петербургский экономический журнал. 2016. № 3. С. 158-170.
3. Блажевич О. Г., Карачун А. И., Сулейманова А. Л. Сравнительный анализ и применение методов прогнозирования банкротства // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №5 (18). С. 161-175.
4. Бойко Н.Е., Калинина Е.А. Прогнозирование вероятности банкротства предприятия методами экспресс-диагностики / Н.Е. Бойко, Е.А. Калинина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 2. № 1 (49). С. 179-190.
5. Волженкин Б.В. Экономические преступления – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – 312 с.
6. Данные судебной статистики (Форма № 10-а, Форма № 11.1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 30.10.2024).
7. Моденов А.К., Белякова Е.И. Вопросы управления дебиторской задолженностью: правовые аспекты // Петербургский экономический журнал. 2017. № 4. С. 144-153.
8. Новоселов, Е.В. Банкротство: путеводитель по принятию решений / Е.В. Новоселов. – М.: Юстицинформ, 2016. – 102 с.
9. Плотников В.А., Ускова К.Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции / В.А. Плотников, К.Л. Ускова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 1 (35). – С. 5–10.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»//URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/(дата обращения: 30.10.2024).
11. Состояние преступности // Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 30.10.2024).

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended. dated 02.10.2024 No. 340-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
2. Bartashevich S.V., Modenov A.K. On the economic basis of tax as a way to counteract the unlawful reduction of the tax burden // St. Petersburg Economic Journal. 2016. No. 3. pp. 158-170.
3. Blazhevich O.G. Comparative analysis and application of bankruptcy forecasting methods / O.G. Blazhevich // Bulletin of Science and practice. – 2017. – № 5 (18). – Pp. 161-175.
4. Boyko N.E., Kalina E.A. Forecasting the probability of bankruptcy of an enterprise by methods of express diagnostics / N.E. Boyko, E.A. Kalina // Vestnik of VUIT. – 2022. – №1 (49). – pp. 179-190.
5. Volzhenkin B.V. Economic crimes – St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 1999. – 312 p.
6. Judicial statistics data (Form No. 10-a, Form No. 11.1) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed 30 October 2024).
7. Modenov A.K., Belyakova E.I. Issues of accounts receivable management: legal aspects // St. Petersburg Economic Journal. 2017. No. 4. pp. 144-153.
8. Novoselov, E.V. Bankruptcy: a guide to decision-making / E.V. Novoselov. – M.: Justicinform, 2016. – 102 p.
9. Plotnikov V.A., Uskova K.L. Economic security of Russia and the development of Eurasian integration / V.A. Plotnikov, K.L. Uskova // Theory and practice of the service: economics, social sphere, technology. – 2018. – № 1 (35). – Pp. 5-10.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2016 No. 48 (edited 06/11/2020) "On the practice of applying legislation by courts regulating the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities"//URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/(accessed 30 October 2024).
11. The state of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф> (accessed 30 October 2024).

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_250

УДК 314.74

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE IMPACT OF EXTERNAL MIGRATION ON THE CRIMINAL SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЛУККИ Екатерина Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: lukki.e.v@bk.ru;

СВЕТЛИЧНЫЙ Антон Андреевич,

студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: antoxa12433@mail.ru;

LUKKI Ekaterina V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: lukki.e.v@bk.ru;

SVETLICHNY Anton Andreevich,

student of the Faculty of Law Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: antoxa12433@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена влиянию внешней миграции со стран Средней Азии и Закавказья на криминогенную обстановку в Российской Федерации начиная с первой половины двухтысячных годов и до настоящего времени. Описываются причины явления внешней миграции, а также экономические последствия.

Abstract. The article is devoted to the influence of external migration from the countries of Central Asia and the Caucasus on the crime situation in the Russian Federation, from the beginning of the two thousandths to the present day. The causes of this phenomenon are described, as well as the economic consequences.

Ключевые слова: внешняя миграция, криминогенная обстановка, этнопреступность, диаспора, национализм.
Key words: external migration, crime situation, ethnocrime, diaspora, nationalism.

Для цитирования: Лукки Е.В., Светличный А.А. Влияние внешней миграции на криминогенную обстановку в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 250-251. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_250.

For citation: Lukki E.V., Svetlichny A.A. The impact of external migration on the criminal situation in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 250-251. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_250.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2024

Внешняя миграция представляет собой сложный социально – политический процесс, вызывающий резонансные мнения как среди ученых, так и практиков по всему миру. Толкуется этот термин, как переселение людей с одной страны в другую. Иногда в само понятие миграции закладывается количественный аспект, дополняя данный такими фразами, как «большими группами», «на значительные расстояния».

Субъектов миграции принято называть мигрантами, которые в свою очередь в науке классифицируются на внешних и внутренних.

Причин для процесса переселения, а вернее сказать миграции, много, однако следует указать, что главными из них являются экономические и политические. Проследим за каждой из них.

Раскрывая экономические причины, можно выделить такие побуждающие факторы как:

- разница в уровне экономического состояния стран;
- разница в заработной плате стран;
- безработица.

Политическими причинами могут служить:

- репрессии;
- военные действия.

В данной статье разобрано явление миграции в его общем значении и наиболее закономерных последствиях.

Чтобы сформулировать четкое представление о негативных последствиях миграции, необходимо особое внимание уделить не экономическим последствиям, а влиянию внешней миграции на уровень преступности в стране, а также межэтническим отношениям внутри государства.

Под межэтническими отношениями предлагается понимать взаимоотношения между народами, во всех сферах жизни общества.

Учитывая статус Российской Федерации как многонационального государства, стоит отметить, что ученые активно занимаются исследованиями, посвященными отношениями разных наций внутри одного государства. Одни из последних исследований, которые были проанализи-

рованы нами, помогли прийти к выводу о том, что более половины респондентов считают, что разнообразный этнический состав укрепляет Россию как страну; но есть и процент граждан, кто ощущает себя не спокойно, тревожно по отношению к представителям других национальностей.

Статистика численности мигрантов из Средней Азии и Закавказья может различаться, ведь многие из них находятся в стране неофициально. Ссылаясь на статистику Костяева С.С. по квотам¹ на привлечение иностранной рабочей силы, то анализ показывает, что в 2004 и 2008 гг. было выдано разрешений больше, чем установлено квот. А в 2003, 2007 и 2009–2010 гг., наоборот, квоты были выбраны лишь на 18–49%.

Такая динамика свидетельствует, что режим квотирования работает плохо. Данное обстоятельство свидетельствует о бесконтрольной миграции и её нецелесообразности. Следует дополнить, что такой неконтролируемый миграционный режим пагубно влияет на криминогенную обстановку.

Таким образом, увеличиваются не только преступления, связанные с убийствами, грабежом и наркотрафиком, но и преступления на почве национальной ненависти. Так, количество тяжких преступлений в РФ с участием мигрантов с начала 2023 года возросло на 32% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Как сообщила пресс-служба СК РФ, речь об этом шла на заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности по вопросам миграционной политики, прошедшем под председательством заместителя председателя Совбеза РФ Дмитрия Медведева, в котором принял участие глава СК Александр Бастрыкин.

Логичное следствие данной статистике, - реакция автохтонного населения, в первую очередь русского.

Реакция на внешнюю миграцию может быть разной: от умеренной до сугубо радикальной. Так, в качестве примера умеренного общественного движения, выступающего против миграции из Средней Азии и Закавказья, является, так называемая «Русская община», её направлениями деятельности служат: общественные работы, рейды совместно с правоохранительными органами, гуманитарная помощь и другое.

Общественное движение чаще всего апеллирует к тому, что фундаментом для вседозволенности мигрантов служат диаспоры, которые оказывают им всестороннюю помощь.

Существуют и другие небольшие организации и группы, которые на легальной основе занимаются этой проблемой. В качестве примера, следует упомянуть ГБР (группа быстрого реагирования) «Ярая Сотня», которая действует в городе Краснодар, участвуя в совместных рейдах с сотрудниками МВД по выявлению нелегальных мигрантов.

Однако существуют и радикальные представители реакции, например запрещенная в Российской Федерации организация «NS/WP», чьей стратегией служат прямые нападения на мигрантов и лиц неславянской внешности, в том числе поджоги и убийства. Определенной особенностью данной организации служит её полная децентрализованность и автономность отдельных подразделений. За счёт этого тяжело составить статистику преступлений, совершенных лицами праворадикальных организаций и движений.

Мотивируют действия реакционных групп и коренного населения резонансные происшествия, где были привлечены лица из зарубежья, например, совершенные недавно, такие как:

Теракт в «Крокус Сити Холле»; Захват заложников в СИЗО-1. Однако существуют и относительно старые случаи, которые вызвали резонанс в обществе и рост тяжких преступлений: Убийство Анастасии Мещеряковой; Убийство Егора Свиридова.

Проблемы связанные с миграцией затрагивают и военную сферу Российской Федерации. Так, например, 15 октября 2022 года, на полигоне 752-го мотострелкового полка 3-й мотострелковой дивизии западного военного округа в селе Солоти Валуйского района Белгородской области России лица таджикской национальности убили из огнестрельного оружия 11 человек и 15 ранили. Помимо этого, разными рода СМИ популяризируются новости, которые связаны с нападениями мигрантов на участников СВО (Специальной военной операции) их семей. Подобные инциденты подрывают моральное состояние солдат ВС РФ, что непосредственно напрямую влияет не только на ведение боевых действий, но и на поведение самих солдат при возвращении в тыл. Они (солдаты) снимают множество видео-обращений, где требуют от органов государственной власти решить проблемы, которые вытекают из современной миграционной политики.

Таким образом, стоит еще раз подчеркнуть важность всестороннего изучения процесса миграции как с научной точки зрения, так и с правоприменительной. Данное явление должно продуктивно исследоваться социологами и психологами, должны качественно составляться программы по адаптации мигрантов в новых условиях жизни.

Список литературы:

1. Монография. А.Б. Паскачев. Террористические риски и миграционная безопасность
2. Монография. А.Б. Паскачев, В.А. Волох, В.А. Суворова. Российские и мировые миграции: историко-политологический анализ
3. Шахова, Е. В., & Максимова, С. Г. (2022). МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ). Society and Security Insights, 5(2), 47-63. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-03](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-03)

References:

1. Monograph by A.B. Paskachev. Terrorist risks and migration security
2. Monograph. A.B. Paskachev, V.A. Volokh, V.A. Suvorova. Russian and world migrations: historical and political analysis
3. Shakhova, E. V., & Maksimova, S. G. (2022). INTERETHNIC RELATIONS AND THE MIGRATION SITUATION IN THE ALTAI TERRITORY (BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL STUDY). Society and Security Insights, 5(2), 47-63. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-03](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-03)

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_252

УДК 343.13

ОСМЫСЛЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА Understanding the moral principle in criminal proceedings and in the execution of a sentence

РЯБЧИКОВ Вадим Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: 9040315660@mail.ru;

RYABCHIKOV Vadim V.,

Associate Professor of the Department of public law disciplines' of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the Federal penitentiary service of Russia, candidate of law, associate professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: 9040315660@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы становления и развития морально-нравственных начал в уголовном судопроизводстве, справедливость и эффективность правосудия. Анализируются отдельные принципы уголовного судопроизводства, отражающие нравственно ориентированный подход к уголовному судопроизводству. Исследуются различные мнения, связанные с пониманием теоретических и практических проблем, связанных с назначением наказания и его исполнением в учреждениях ФСИН, оцениваются личностные качества сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС).

Abstract: The article deals with certain issues of the formation and development of moral principles in criminal proceedings, justice and the effectiveness of justice. Separate principles of criminal proceedings reflecting a morally oriented approach to criminal proceedings are analyzed. Various opinions related to the understanding of theoretical and practical problems related to the imposition of punishment and its execution in institutions of the Federal Penitentiary Service are investigated, the personal qualities of employees of the penal correction system (CIS) are evaluated.

Ключевые слова: нравственные начала, справедливость, законность, оценка доказательств, уголовное судопроизводство, суд, сотрудник уголовно-исполнительной системы, учреждение ФСИН.

Keywords: moral principles, justice, legality, evaluation of evidence, criminal proceedings, court, an employee of the penal enforcement system, an institution of the Federal Penitentiary Service.

Для цитирования: Рябчиков В.В. Осмысление нравственного начала в уголовном судопроизводстве и при исполнении приговора // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 252-254. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_252.

For citation: Ryabchikov V.V. Understanding the moral principle in criminal proceedings and in the execution of a sentence // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 252-254. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_252.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

Под нравственностью, согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: понимается «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [6].

Нравственность, как нрав человека, его характер, воля, взгляды на совершаемые поступки, чувство вины, устойчивые формы поведения, внутреннее восприятие, является относительно индивидуальной, но, вместе с тем, во многом зависящей от общественных отношений, которое, в свою очередь, по мнению М. М. Бетильмерзаева «постоянно меняется под воздействием новых социальных условий и изменений культурной матрицы» [1].

Постоянно происходящие изменения общественного сознания, с учетом естественного стремления власти к самосохранению, всегда требовали радикальных преобразований в обществе, одно из которых произошло во второй половине XIX века. Преобразования российского общества, проведенные Александром II, повлекли в свою очередь и фундаментальные изменения основ судостроительства и судопроизводства - Судебной реформе 1864 года, когда процесс стал строиться на принципах гласности, состязательности, свободы оценки доказательств и затрагивал аспект нравственного поведения участников уголовного процесса.

Безусловно, и Высочайший Манифест от 19 марта 1856 года, в котором говорилось: «первое, живейшее желание НАШЕ, свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняеть и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастья» [9], и Указ правительствующему сенату 20 ноября 1864 года императора Александра II, где излагалось желание: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый» [10] среди других преобразований имел огромное значение в формировании морально-нравственных, этических и других личных качеств участников судопроизводства.

Любая деятельность может быть успешно реализована только в том случае, если в ее основе лежат нравственные принципы. И. А. Насонова отмечает, что «в деятельности участников уголовного судопроизводства чаще всего возникают ситуации, правильное разрешение которых зависит от соблюдения не только правовых, но и нравственных норм. Задачи уголовно-процессуальной деятельности носят высоконравственный характер, поскольку связаны с охраной прав и законных интересов личности в уголовном процессе» [5].

Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи данного вопроса, в частности И. И. Сухова утверждает, что «уголовно-процессуальный закон может быть эффективен, уважаем в обществе только при условии, что основан на отечественных нравственных ценно-

стях и реализуется должностными лицами, воспитанными на таковых» [8].

Нравственным установкам прокурора, судьи и присяжных заседателей придавал немаловажное значение и выдающийся юрист А.Ф. Кони.

Анатолий Фёдорович считал, что судья всегда являлся главным элементом, потому что он - центральная фигура судебного процесса, олицетворяющая законность, справедливость и обоснованность. Именно это лицо отвечает за доверие общества к институту судейства. Вынесение законного решения или справедливого приговора - это однозначно профессиональный долг судьи. Но ведь это, по мысли Кони, долг не только правовой, но и нравственный. Государство смотрит на судью как на средство выполнения функции, связанной с поддержанием общественного порядка. Государство ждёт от судьи обдуманного и справедливого решения, «а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом» [3].

Любая отрасль права, в том числе уголовно-процессуальное право, основано на принципах - закреплённых в законе общеправовых положениях, выражающих основы уголовного судопроизводства, отражающие наиболее существенные его стороны, характер, задачи. Практически все принципы уголовного судопроизводства, в той или иной мере, отражают его нравственное начало.

Справедливость воплощена в принципе законности при производстве по уголовному делу. А. Ф. Кони писал, что «судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «sic volo, sic jubeo» - я так хочу. Он должен говорить: «ich kann nicht anders» - я не могу иначе» [3].

Судья должен опираться прежде всего на закон, оценивая доказательства по уголовному делу. Вместе с тем, принимая решение по уголовному делу, судья действует в соответствии со своим внутренним убеждением, что напрямую зависит не только от требований закона, но и его совести, о чем говорит ст.17 УПК РФ. Поэтому Ф3 РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» предъявляет достаточно жесткие, но справедливые требования к кандидатам на должность судьи. Важно, чтобы судья обладал не только достаточными знаниями и профессиональным опытом, но и жизненным опытом. Немаловажным фактором при отборе кандидата на должность судьи являются и его личные качества.

Обратившись к ранее действующему законодательству, мы видим, что в начальный советский период, в соответствии со ст. 57 УПК РСФСР 1923 года, суд не был ограничен никакими формальными доказательствами и от суда зависело, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства [11].

Позднее УПК РСФСР 1960 года в ст.71 закреплял один из важнейших принципов уголовного процесса - оценка доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием [12].

Эти нормы тогда и сейчас помогают судье исходить из своих убеждений и тем самым оценивать приводимые доказательства опираясь при этом на уголовно - процессуальное законодательство. Внутренние убеждения по сей день являются одним главенствующих принципов уголовного судопроизводства. Действующий УПК РФ в ст.17 предписывает судье, оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Совесть, согласно словарю С.И. Ожегова – «это чувство нравственной ответственности за свое поведение перед людьми, обществом» [6].

Из вышеизложенного, с учетом положений ст. 8.1 УПК РФ о независимости судей при производстве по уголовному делу, можно сделать вывод об относительной индивидуальности принимаемых судебных решений, поскольку каждый из них судит, прежде всего, по совести, в рамках действующего законодательства, исходя из совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств. Поэтому требования к нравственным и профессиональным качествам судьи, как было отмечено выше, должны быть очень высоки.

За назначением справедливого наказания должно следовать его надлежащее исполнение, и требования, предъявляемые к волевым, нравственным и профессиональным качествам сотрудника уголовно-исполнительной системы, что являются неотъемлемой составляющей, необходимой для выполнения служебных задач, которые практически ежедневно исполняются в стрессовых условиях общения со спецконтингентом, его провокационных действий, психологического давления должны быть достаточно серьезными.

По утверждению С. А. Клычкова, к лицам, отбывающим наказание в учреждениях ФСИН, за отдельные виды преступлений, например, совершенных в отношении детей, у отдельных сотрудников уголовно-исполнительной системы могут возникнуть чувства, которые «не вызывают к совершившим их ничего, кроме ненависти и желания усугубить тяжесть наказания». Он полагает, что «утвержденная законом власть над другими людьми также зачастую служит катализатором для проявления низменных чувств и отрицательных качеств сотрудника - грубости, агрессии, вседозволенности, высокомерия и др. Негативное воздействие на сотрудников УИС оказывает криминальная среда, с которой они постоянно сталкиваются в рамках профессиональной деятельности» [4].

В столь сложных обстоятельствах, от личных морально-волевых качеств сотрудника УИС, его нравственных установок во многом зависит дальнейшая судьба осужденного, а также возможность встать на путь исправления.

Всем знакомо крылатое выражение Петра 1: «Тюрьма - ремесло окаянное и для скорбного дела сего нужны люди твердые, добрые и веселые» поэтому основное требование к сотрудникам уголовно-исполнительной системы - их моральная устойчивость.

В сложных, негативных условиях профессиональной деятельности компенсация стрессовых переживаний, которые появляются в процессе прохождения напряженной службы в учреждениях ФСИН, способствует конструктивному поведению сотрудника УИС. Продуктивную роль в

процессе формирования морально-волевых качеств сотрудника может оказать психологическая поддержка со стороны службы по работе с личным составом.

По мнению А. Д. Пашуковой «формирование и развитие профессиональной компетентности сотрудников специализированных учреждений целесообразно осуществлять в системе исправительного учреждения без отрыва от служебной деятельности. Это связано в первую очередь с дефицитом времени сотрудников, а также эмоциональной и физической утомляемостью в конце рабочего дня» [7].

В формировании высококвалифицированной личности сотрудника уголовно-исполнительной системы должен применяться комплексный подход, и начинаться он должен, прежде всего, с отбора кандидата на службу в учреждение уголовно-исполнительной системы, его профессиональной подготовки в ведомственном образовательном учреждении и последующей профессиональной подготовке, проводимой в учреждениях ФСИН, по совершенствованию морально-волевых и нравственных качеств у сотрудников УИС.

Список литературы:

1. Бетильмерзаева М. М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 14 - 20.
2. Викторова Т.В. Актуальность и особенности формирования морально-волевых качеств у сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник науки и образования. 2021. №15. С. 78 - 81.
3. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А. Ф. Кони. Москва: Издательство Юрайт. 2024. 152 с.
4. Клычков С. А. Роль нравственных оснований деятельности сотрудника УИС в формировании ценностного отношения курсантов ведомственного вуза к человеку // Мир образования - образование в мире. 2022. № 2. С. 229 – 237.
5. Насонова И. А. О роли нравственных начал в деятельности участников уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 48 - 55
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] <https://gufo.me/dict/ozhegov>
7. Пашукова А. Д. Особенности формирования профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих в специализированных учреждениях // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2021. № 4. С. 118 – 122.
8. Сухова И. И. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: динамика, тенденции и перспективы научного осмысления Вестник Воронежского государственного университета. 2019. № 3. С. 292 - 304.
9. Высочайший Манифест от 19 марта 1856 года - РуссПортал. Историческая библиотека русской цивилизации [Электронный ресурс] https://rusportal.ru/index.php?id=russia.manifest1856_03_19_01
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. - [Б. м. : Б. и., 1864]. - 455 с. Источник электронной копии: РГБ [Электронный ресурс] <https://www.prlib.ru/item/372590>
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. [Электронный ресурс] <https://governmentussr.org/zakonodatelstvo-sssr/kodeksy/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr-1923g/>
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/

References:

1. Betilmerzayeva M. M. The essence of social consciousness: the formation of meanings // Society: philosophy, history, culture. 2023. № 7. pp. 14-20.
2. Viktorova T. V. Relevance and features of the formation of moral and volitional qualities among employees of correctional institutions of the penal system // Bulletin of Science and Education. 2021. №15. pp. 78-81.
3. Koni A. F. Moral principles in criminal proceedings. Selected works / A. F. Koni. Moscow: Yurayt Publishing House. 2024. 152 p.
4. Klychkov S. A. The role of the moral foundations of the activity of a UIS employee in the formation of the value attitude of cadets of a departmental university to a person // The world of education is education in the world. 2022. № 2. pp. 229-237.
5. Nasonova I. A. On the role of moral principles in the activities of participants in criminal proceedings // Judicial power and criminal procedure. 2015. № 4. pp. 48-55
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language [Electronic resource] <https://gufo.me/dict/ozhegov>
7. Pashukova A.D. Features of the formation of professional competence of employees of the penal enforcement system working in specialized institutions // Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review. 2021. № 4. pp. 118 – 122.
8. Sukhova I. I. Moral principles in criminal proceedings: dynamics, trends and prospects of scientific understanding Bulletin of Voronezh State University. 2019. № 3. pp. 292 - 304.
9. The Supreme Manifesto of March 19, 1856 - Rusportal. Historical Library of Russian Civilization [Electronic resource] https://rusportal.ru/index.php?id=russia.manifest1856_03_19_01
10. Judicial statutes of November 20, 1864. - [B. M. : B. I., 1864]. - 455 p. Source of the electronic copy: RGB [Electronic resource] <https://www.prlib.ru/item/372590>
11. The Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923 [Electronic resource] <https://governmentussr.org/zakonodatelstvo-sssr/kodeksy/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rsfsr-1923g/>
12. The Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960 [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/

КОМПЛЕКС МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ A SET OF MEASURES AIMED AT PREVENTING CRIME AMONG STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,

к.э.н., доцент кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»,
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
пр. Бульвар Дудаева, 17, г. Грозный, Чеченская Республика, 366007, Россия.
E-mail: k-a-2011@mail.ru;

Ayshanova E. S.,

Candidate of Economics Associate Professor of the Department "Criminal Law, Process and National
Security A.A. Kadyrov Chechen State University,
17 Dudaev Boulevard Ave., Grozny, Chechen Republic, 366007, Russia.
E-mail: k-a-2011@mail.ru

Краткая аннотация: Образование весьма значимо отражается на жизнедеятельность общества и, в частности каждого человека отдельно, поскольку целью является разработка и воспитание компетенций, необходимых человеку в существовании и личностном росте. Именно в силу этой первостепенности, образование исполняет функции одного из ключевых «устоев» общественной инфраструктуры и всегда занимает центральное место на арене общественных интересов.

Abstract: Education has a very significant impact on the life of society and, in particular, each person individually, since the goal is to develop and educate the competencies necessary for a person to exist and personal growth. It is precisely because of this priority that education performs the functions of one of the key "foundations" of public infrastructure and always occupies a central place in the arena of public interests.

Ключевые слова: учащиеся, образовательные организации, предотвращение преступности, несовершеннолетние, преступность.

Keywords: students, educational organizations, crime prevention, minors, crime.

Для цитирования: Айсханова Е.С. Комплекс мер, направленных на предотвращение преступности среди учащихся образовательных организаций // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 255-260. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_255.

For citation: Ayshanova E.S. A set of measures aimed at preventing crime among students of educational organizations // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 255-260. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_255.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

В последние годы мы наблюдаем прорыв в сфере начального образования, дети познают национальные и религиозные блоки знаний. В РФ в садах и школах стали обучать детей обычаям, религии.¹

Проводимая работа с дошкольниками и школьниками младших классов создает положительный эффект, при этом педагоги реализуют программы, которые нацелены на обеспечение мира и согласия в среде детей.

Далее эти младше-классники станут подростками уже с теми взглядами на жизнь, которые им вложили в дошкольном и школьном учреждении.

Российская Федерация – многонациональное и многоконфессиональное государство. Поэтому особое внимание следует уделять образовательной работе и воспитанию детей, а также подростков в учреждениях и организациях, оказывающих на возмездной или безвозмездной основе соответствующие услуги. Видится целесообразной на фоне отмеченного работа, которая была бы направлена на разработку программ образования, включающих сведения обо всем религиозном и национальном многообразии Российской Федерации. При этом важно, чтобы эти программы пропагандировали мир и согласие на уровне государства между людьми независимо от расы, религии, национальности, социального положения². Также необходимо развивать у детей и подростков навыки, полезные в контексте межкультурной коммуникации.

Целесообразно для реализации соответствующей работы привлекать представителей разных областей научного знания, например, экспертов в сфере права, специалистов, знакомых с аспектами разработки межэтнических и межконфессиональных проблем и трудностей, возникающих по их поводу.

Именно online-ресурсы, активно изучаемые современной молодежью, нередко становятся основным источником знаний и представлений в разных областях не исключение и преступная сфера. Некоторые намеренно оформляются и ведутся таким образом, что обеспечивается их повышенная привлекательность для молодых людей, особенно склонных к проявлению агрессии.

Сморгунова В. Ю. считает, что в наше время действия государства в сфере рыночных образовательных услуг должны быть направлены на разработку и реализацию политики реформирования профессионального образования, что будет способствовать защите интересов сторон. Усилия государства, направленные на процесс улучшения образования, как в учебных заведениях основного, так и высшего уровня, становятся тому подтверждением. Ввиду того, что данное действие затрагивает права различных участников образовательного поля, таких как учащи-

¹ Боронбеков С. Основные ценности ислама объекты охраны шариата // *Государство и право*. 2018. № 2. С. 92.

² Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе. Рязань: Языць, 2019. С. 165.

еся – школьники и студенты, их родители, а также образовательные специалисты и сотрудники, занимающиеся педагогической деятельностью, его характеризует особая сложность и многочисленные противоречия.¹

21 мая 2018 года прошло заседание по вопросам образования и защиты прав его участников, инициированное Советом по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, вследствие обсуждения которого было выявлено, что правозащитный барьер в образовательной сфере стоит в ряду острых социальных испытаний. Закон о образовании утверждает, что преимущественная социальная миссия заключается в осуществлении и охране конституционно закрепленного права российских граждан на получение образования, и это положение изложено в статье 4 указанного документа.

Обширный объем исследований в этой области, существующее законодательство вместе с теоретическими аспектами юриспруденции по-прежнему не гарантирует адекватную защиту прав в образовательной сфере. Нехватка теоретических и методологических разработок по охране образовательных прав считается одной из основополагающих причин данного дефицита.

Согласно статье 43 первой части Конституции Российской Федерации, каждому гражданину гарантируется право на образование. Однако как определение «права на образование», так и определение «защиты права на образование» прямо не выражено не только в Конституции, но и в законодательном акте, регулирующем вопросы образования.

Можно предположить, что конституционное право граждан на образование представляет собой общественное (публичное) право с абстрактным характером. В отношении образовательной деятельности каждого индивида уникальный перечень конституционных прав может находить уточнение вследствие особых субъективных прав, на которые он имеет притязания. Отличия в субъективных правах для диспаратных групп лиц, занимающихся обучением, вычлняются в Образовательном законе.

Закон указывает четко ограниченный набор субъективных прав для разных групп участников в области правоприменения в секторе образования. Данный перечень включает в себя права обучающихся, закрепленные статьей 43, предписания, касающиеся родителей или законных представителей, прописанные в статье 44, положения для образовательных организаций, отраженные в статье 28, и особые правила для индивидуальных предпринимателей, занимающихся образовательными мероприятиями.

Образовательный процесс исповедует защиту образовательных прав как один из своих угловых оснований. Такова важность этой защиты, она зависит от возможности использовать национальное законодательство для обеспечения права на получение образования. Одним из ключевых долгов государства является применение мер принуждения для восстановления нарушенных прав и активная борьба с их нарушениями. Функционирование этой обязанности происходит посредством структур, ответственных за защиту и восстановление пострадавших прав.

Следовательно, защита прав и свобод субъектов в сфере образования представляется многогранной мерой, обусловленной рядом отличительных черт. Опора на инструментарий государственной системы управления и принуждения считается фундаментальным принципом в этом перечне. Кроме того, важность имеет использование разнообразия процессуальных методов в контексте защиты законодательно установленных прав.

Заявление в полицию подается исходя из установления факта преступления.

Концепции «правоохранительная деятельность» в тесной корреляции ассоциируются с терминологией «обеспечение осуществления прав», затрагиваемой в юридической науке. Распространенная практика слияния этих понятий между собой чревата путаницей, вопреки фактическому их отличию друг от друга. Операция охраны прав охватывает законодательно предписанное обеспечение выполнения обязанностей и прав, шаги по укреплению их функционирования в среде общества. Зондируя грани у широкий смысл, заложенный в понятие «защита прав», оно охватывает лишь арсенал средств, нацеленных на коррекцию и реставрацию утраченных или оспариваемых право субъектные нормы. Сегмент «охрана прав», несет коннотацию широкого ряда выстроившихся действий, предназначенных для гарантирования проведения реализации человеческих прав.

Сочетание мер правового характера объединяет законодательные акты, устанавливающие сами права, нормы, регламентирующие способ их осуществления, а также предписания, обеспечивающие их защиту. Следовательно, функция «защита прав» представляет собой элемент, интегрально входящий в более широкую домену «охрана прав».²

М. А. Гурвич охарактеризовал такой вид прав как права на односторонние акты волеизъявления, указывающие на взаимоотношения, где права одной стороны не порождают прямой обязанности у другой стороны для совершения конкретного действия либо воздержания от него. Напротив, представляют связывающий элемент, обуславливающий права и обязанности второй стороны реакцией на действия лица, обладающего правом.

Защита прав в его первостепенной роли проявляется через применение государством принудительных мер к нарушителю для восстановления нарушенных прав и компенсации вреда. В осуществлении этого принуждения, государство задействует установленные методы защиты прав и свобод, полагаясь на адекватные ресурсы, обеспечивающие возможность их восстановления.

Способы защиты прав организаций, занимающихся образовательной деятельностью, а также других участников образовательного процесса, включают административные, трудовые и гражданские меры, разработанные преимущественно в рамках гражданского и трудового права. Принимаемые меры за реализацию прав зависят от характера и вида совершенного правонарушения, согласно регулированием законодательства.

Установлено Законом об образовании, меры воздействия предпринимаются в случае несоблюдения или неправомерного ограничения образовательных прав.

¹ О полиции: федер. закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. № 25.

² Гельфанд И.А., Михайленко П.П. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. 1964 - 233 С

Законодательство в сфере образования не даёт чёткое определение принципам и процедуре защиты права на получение образования. Однако статьи 39 и 40 ГК РФ устанавливают параметры для осуществления образовательной работы, в том числе важность таких аспектов, как соблюдение равноправности сторон, воли и нематериального характера отношений между участниками образовательного процесса. Это, в свою очередь, подразумевает возможность прибегнуть к защитным мерам, предусмотренным гражданским законодательством (согласно статье 12 ГК РФ) для сохранения своих гражданских прав. Обеспечение защиты в соответствии с ГК РФ предполагает разнообразие юридических механизмов, каждый из которых уникален по своей юридической сути, предусмотренным защитным действиям и последующей ответственности.

Традиционно выделяют три основные категории мер защиты гражданских прав. Первая тесно связана с задачей сохранения оспариваемого права и включает в себя признание данного права и принудительное исполнение обязательств по натуре. Также к первой группе приурочено не применение противозаконных актов государственных и местных органов власти и изменение либо расторжение правоотношений. Во вторую категорию мер вливается концепция пресечения действий, нарушающих права граждан или создающих такую угрозу. Сюда относится признание актов государственных или местного самоуправления недействительными, а также возможность самозащиты в случае нарушения прав. В объединении данных групп сформировано широкое поле для обеспечения правообладателя необходимыми инструментами в случае их инфрижментов.

Меры, относящиеся ко второй классификации, способствуют компенсации убытков и восстановлению нарушенных прав. Ключевыми компонентами этой категории являются следующие: первоначальное состояние правонарушения подлежит возобновлению; определение сомнительности сделки как недействительной, а также применения последствий правовой недействительности, вмешательство и последствия проведения бесполезной сделки, считающейся абсолютно ничтожной.

В правоведении наказаниями выступают неустойка, штрафы и возмещение морального ущерба. В контрасте с юридическим преследованием, гражданская ответственность зарождается не вследствие нарушенных прав кредитора, скорее из утраты или невозможности использовать имущество должником. Среди характеристик ответственности особое место занимают: обязательственная направленность, возникающая из-за нарушений, ориентированная на компенсацию повреждения или потерь, наличие виновного, принуждение со стороны государства и пропорциональность нанесенного ущерба. Защита нарушенных прав, стоящая в фундаменте правозащитных мероприятий, регулирует правопорядок в виде одного из ключевых юридических институтов. Следует признать, что охрана гражданских прав оказывает весомое влияние на существование и прогресс экономических связей.

Для защиты прав учащихся и их законных представителей, в том числе родителей несовершеннолетних, Закон предусматривает возможность направлять обращения в руководящие структуры образовательных организаций. Эти обращения касаются применения дисциплинарных мер к сотрудникам образовательных учреждений, которые нарушают или ограничивают права обучающихся и их родителей согласно статье 45 упомянутого Закона.

Закон о образовании предусматривает, что для защиты своих индивидуальных прав участники образовательных отношений могут инициировать процесс обращения в комиссию, задействованную в урегулировании конфликтных ситуаций между участниками образовательного процесса (согласно статье 45 Закона). Такие нормативные положения соответствуют характерным особенностям трудового права.

Несмотря на значительную значимость института прав студентов, его реализация пока остаётся недостаточно развитой. Мы утверждаем, что существует первостепенная необходимость в установлении законодательных мер за защиту от неправомерных воздействий. В аспекте самозащиты, прежде всего, упор делается на создание мер по сохранению здоровья и сохранности имущества обучающихся.

На законодательном уровне необходимо установить критерии, по которым можно отделять субъективное право от противоправного. Необходимо совершенствовать процедуру урегулирования споров, возникающих в сфере образования. Вдобавок, работу по улучшению механизма разрешения конфликтов в области обучения предстоит интенсифицировать. Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 года подчеркивает стремление страны к прогрессу социально-воспитательных институций, осовременению воспитательных методик, а также к усилению функций образовательной системы в процессе детского воспитания.¹

Необходимо преодолеть различные угрозы, ставящие под опасность национальные интересы.

Стратегия безопасности в образовательных учреждениях определяется как система направлений и мер обеспечения защиты в образовательной среде от угроз криминогенной природы. Две главные стратегические линии действовать должны. К процессу обеспечения безопасности действуют положения обеспечения стратегически распланированных решений и предложений, направленных на предотвращение угроз, связанных с криминологическими аспектами в контексте образовательных организаций. Двумя основными векторами, необходимыми для образовательных учреждений служат два важных компонента стратегических линий.

Одним из ключевых стратегических направлений служит усовершенствование структуры нормативной правовой базы, предназначенной для регуляции взаимоотношений общества в сфере образования. Определённый акцент при реализации этого направления следует поставить на борьбу с преступностью в образовательном секторе. Выполняя социальную функцию, уголовно-правовая норма способствует поддержанию порядка и стабильности в данной сфере.

Мнения ученых о методах борьбы с преступностью дивергируют, однако они единодушны в вопросе языкового употребления, считая термины «предупредительный» и «опережающий» синонимами. Они сходятся во мнении: разница между этими понятиями отсутствует и про-

¹ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Рос. газ. - 2015. - № 122.

странство для поиска дифференциации между ними не требуется.¹

Преимущественной целью профилактических мероприятий против преступных действий служит коррекция и контроль поведения учащихся и студентов. Осуществление профилактики охватывает не исключительно социально уязвимые строй личности обучающихся, но также направлено на регулирование их общего поведения.

Профилактические действия, направленные на предотвращение преступлений, классифицируются как общеобщественные и персональные.

На ранних этапах они могут применяться, а также на более продвинутых стадиях, меры профилактики специфичны и разнообразны.

Специалисты в области права классифицируют множество мер превентивного и профилактического характера, предназначенных для предотвращения правонарушений.

Конкретизируя положения отечественного законодательства, можно отметить наличие двух форм профилактики: индивидуальной и общей.

Два вида преступленческой профилактики - общесоциальный и криминологический (или специальный) выделяются криминологами. Следуя представленным выше классификациям, лицо, занимающееся подобного рода аналитической работой, могло бы определить основные категории предупреждения преступности.

Среди социальных мер, направленных на предотвращение проблем, выделяют: обеспечение расширенной медицинской профилактики для молодежи, раннее выявление психологических отклонений, предоставление поддержки в поиске работы тем, кто завершил учебу в школах, технических учебных заведениях и профессионально-технических училищах.

К мерам культурно-воспитательного характера относим: укрепление влияния семейных учреждений в процессе воспитания юных граждан, повышение значимости образовательных учреждений для формирования личности и воспитания черт характера молодежи, проведение нравственно-духовной и культурной воспитательной работы, психологический сопровождение учащихся, а также организацию и использование их досугового времени для разностороннего развития.

К духовно-нравственным мерам, в частности, относятся усилия по ограничению глорификации культа насилия и идеологии достижения материального благополучия независимо от средств, распространяемых через кино и литературу.

- К специально-криминологическим мерам профилактики принадлежат различные программы, инициированные на государственном и муниципальном уровнях, направленные на пресечение правонарушений, совершаемых молодежью. Также важную роль играют процессы правового просвещения студентов и их воспитание. Они включают специфическую работу в области педагогики и психологии, ориентированные на профилактику.

II. Обучающиеся, совершившие противоправные действия, могут быть подвергнуты мерам дисциплинарного взыскания.

III. К основным методам индивидуальной профилактики, заметно сокращающим вероятность эмоционального выгорания, относятся значимость убеждения, предоставления помощи, в то же время проводя методы принуждения при необходимости.

Ориентированная на предотвращение и остановку преступлений, общесоциальная профилактика играет ключевую роль.

Учитывая широкий спектр органов, организаций, общественных соединений и социальных институтов, занимающихся профилактикой, наиболее разумной стратегией становится их систематизация. Классификация проводится на основе их предназначения, а точнее, исходя из их первоначальных целей создания и текущих функций.

1. Под специализированными понимаются органы и объединения, включая государственные и общественные организации, основная задача которых заключается в превентивной работе против преступных действий обучающихся. В частности, к этой категории субъектов причисляются.²

1. Особое значение придается воспитательной работе с детьми, проявляющими девиантное поведение, что подчеркивают как законодательные, так и судебные органы РФ, этим занимается комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав.³

2. В процессе работы с несовершеннолетними (с отклонившемся поведением) ОВД была изготовлена Инструкция. Этот нормативно-правовой документ определяет процедуры взаимодействия с подростками, допустившими отклоняющееся поведение, родителями, склонными оказывать негативное влияние на своих детей, а также правила трансфера девиантной молодежи в специализированные учреждения - центры временной изоляции для нарушителей-несовершеннолетних и другие аспекты деятельности. Применяется данный устав в работы ОВД РФ в тесном содружестве с другими правоохранительными организациями, включая суд и прокуратуру.

3. Воспитательная колония является ярким примером работа которой направлена на предупреждение противоправных действий несовершеннолетних – осуществление профилактики правонарушений.⁴

4. Проведения профилактических работ девиантного поведения несовершеннолетних требует от органов опеки и попечительства, которые созданы субъектами РФ и муниципалитетом в качестве структур исполнительной власти, принятия мер по защите имущественных

¹ Гельфанд И.А., Михайленко П.П. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. М.: Юрид. лит., 1964. С. 12-13.

² Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ: в ред. федерального закона от 3 июля 2016 г. № 359-ФЗ // Рос. газ. - 1999. - № 121.

³ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 фев. 2011 г. № 1: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2016 г. // Рос. газ. - 2011. - № 29.

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ; Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1

и личных прав юных граждан, оказавшихся в чрезвычайной нужде в государственной поддержке.

5. Зачастую подростки с девиантным поведением нуждаются в специальном педагогическом подходе. Признавая это, государство поддерживает функционирование образовательных учреждений с особой специализацией, задачей которых становится обучение и воспитание молодых людей со сложным поведением.

Органы государственной и общественной власти, а также разного рода организации и ассоциации, уделяющие внимание профилактическим мерам, занимаются работой со школьниками и студентами в дополнение к своей основной деятельности, которая не подразумевает предупреждение преступности среди молодежи как главную задачу.

1. Стратегия РФ направлена на минимизацию числа учреждений, предназначенных для воспитания детей без родительской опеки, включая сиротские дома и пансионаты, дети должны расти в семьях, в заботе и внимании. Как ожидается, это уменьшение количества воспитанников в данные учреждения потенциально может повлечь за собой улучшение показателей по уровню юношеской преступности. Тем не менее, этот подход не имеет возможности радикально решить возникающие вопросы связанные с безнадзорностью и брошенными детьми, которые взаимосвязаны с правонарушениями со стороны школьников и студентов.

2. Органы управления здравоохранением и их учреждения.

Так, одним из главных стратегических курсов, направленных на поддержание криминологической защищенности в институтах начального и профессионально-технического образования, является предотвращение преступлений среди школьной и студенческой молодежи. Классификация мер профилактического характера тщательно проработана с учетом различных уровней предупреждения правонарушений среди учащихся.

В наше время профилактические мероприятия должны быть построены не только на основе уже существующего успешного опыта в этой области, но также должны принять во внимание эволюционирующие социальные потребности следующего характера:

- Необходимо строить на нормативно-правовой базе, которая должна быть специализированной, достаточной и не содержащей противоречий, и которая задачей имеет регулирование вопросов, касающихся профилактики преступности среди обучающихся.
- Профилактика преступности среди учащихся требует объединения усилий и государственных, и общественных институтов.
- Оказывая влияние на личное развитие учащегося, его социальную среду, действия участников образовательного, воспитательного и профилактического процессов, можно сказать, что данное воздействие охватывает общество, как целое, тенденция.
- Содержание и расширение специализированных фондов, включающих информационные, кадровые, организационные, материальные и прочие ресурсы, это и есть главная задача.
- означает четкое распределение полномочий относительно профилактики преступности среди учащихся между органами Федерации, субъектами Федерации и структурами местного самоуправления.
- Данная профессиональная деятельность базируется на решении широкого круга социальных задач и предполагает предоставление специализированной социальной, а также иной помощи обучающимся, столкнувшимся с девиантностью или оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах. В ней решающим аспектом выступает индивидуализация подходов к устранению различных жизненных сложностей, с которыми сталкиваются ученики.

Профилактические мероприятия отличаются от воспитательных. Под профилактикой преступности подразумевается не только предупреждение преступлений, но и подготовка молодых людей к жизни в обществе. Профилактические меры необходимы в тех случаях, когда у подростков формируется преступная мотивация. Воспитание – это процесс, который начинается с момента рождения и продолжается в течение всей жизни.

В то же время, профилактическая деятельность и воспитание – это разные понятия. Профилактические меры должны быть не только общеобразовательными, но и специализированными.

Не стоит забывать и о мерах, направленных на профилактику преступности среди учащихся.

I. Социальные меры.

Государство выделяет бюджетные средства на поддержку и развитие образования в России.

В нашей стране государственными программами решаются многие социальные проблемы.

В первую очередь администрация образовательных организаций оказывает помощь нуждающимся в помощи обучающимся.

Расширять сеть организаций, осуществляющих социально-психологическую и психологическую помощь неадаптированным подросткам.

В современных условиях очень важно обеспечить выпускников трудоустройством, чтобы исключить возможность совершения преступных посягательств из-за корыстных мотивов. В то же время важно, чтобы образовательные программы были интегрированы в рыночную среду и соответствовали потребностям рынка труда.

Средние профессиональные программы, как правило, имеют техническую направленность.

II. Культурно-воспитательные меры.

Изменение роли семьи в обществе.

Семья – это один из самых важных институтов, которые влияют на социализацию личности. Государство тратит четверть своего бюджета на помощь семьям, нуждающимся в помощи.

На первой ступени родители и законные представители, так как именно они формируют отношение ребенка к преступным действиям.

Если родители не исполняют свои обязанности, то их могут привлечь к уголовной ответственности и даже лишить родительских прав. Применение мера ответственности в отношении родителей является важным элементом способствующим предупреждению и предотвращению детской преступности.

В настоящее время учреждения для обучающихся осведомлены, о том, что в семьях учеников есть люди с аморальным поведением. Надо организовать передачу информации педагогическим работникам, а также соответствующим государственным и муниципальным органам. Профилактика преступности со стороны педагогических работников главная задача, которая стоит перед образовательными организациями.

В ходе проведения анонимных опросов среди учащихся и студентов необходимо выяснить их мнение о деятельности образовательной организации.

Еще одной важной культурной мерой является чтение книг. Книги оказывают большое влияние на личность школьника, студента и подростка. Официальные статистические данные говорят о сокращении год за годом количества библиотек в стране.

С другой стороны, в стране сокращается количество учащихся и несовершеннолетних. В то же время, если не заботиться о сохранении и расширении библиотечных фондов, это может привести к негативным последствиям. Школьные и студенческие библиотеки постепенно переходят на электронные книги, что повлияет на их культурный и духовный уровень.

Общесоциальные меры, направленные на профилактику преступности в образовательных учреждениях: оказание материальной и психологической помощи учащимся, а также организация досуга обучающихся.

Список литературы:

1. Боронбеков С. Основные ценности ислама объекты охраны шариата //Государство и право. 2018. № 2. С. 92.
2. Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе. Рязань: Языть, 2019. С. 165.
3. Гельфанд И.А., Михайленко П.П. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. 1964 - 233 С
4. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Рос. газ. - 2015. - № 122.
5. Гельфанд И.А., Михайленко П.П. Предупреждение преступлений - основа борьбы за искоренение преступности. М.: Юрид. лит., 1964. С. 12-13.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ; в ред. федерального закона от 3 июля 2016 г. № 359-ФЗ // Рос. газ. - 1999. - № 121.
7. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 фев. 2011 г. № 1: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 нояб. 2016 г. // Рос. газ. - 2011. - № 29.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ; Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1

References:

1. Boronbekov S. Basic values of Islam objects of protection of Sharia //State and law. 2018. No. 2. p. 92.
2. Boronbekov S. Sharia: its place and role in the formation of a climate of trust, tolerant consciousness and the fight against extremism in Russian society. Ryazan: Yazyat, 2019. p. 165.
3. Gelfand I.A., Mikhailenko P.P. Crime prevention is the basis of the fight for the eradication of crime. 1964 - 233 S
4. On the approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation. Federation No. 996-r dated May 29, 2015 // Russian Gas. - 2015. - № 122.
5. Gelfand I.A., Mikhailenko P.P. Crime prevention is the basis of the fight for the eradication of crime. Moscow: Yurid. lit., 1964. pp. 12-13.
6. On the basics of the system of prevention of neglect and Juvenile Delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999: as amended by Federal Law No. 359-F3 of July 3, 2016 // Russian Gas. - 1999. - No. 121.
7. On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation of February 1, 2011 No. 1: as amended by the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation of November 29, 2016 // Russian Gas. - 2011. - № 29.
8. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997; On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment: the law Grew. Federation No. 5473-1 dated July 21, 1993

ПРОБАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РФ APPROBATION OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

РЯБОВА Ольга Алексеевна,

старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: frau.lelya2012@yandex.ru;

РЯБОВ Павел Ричардович,

адвокат Адвокатской палаты Московской области.
111020, Россия, г. Москва, ул. Госпитальный вал, д.8/1, стр. 2.
E-mail: rich.riabov@yandex.ru;

Ryabova Olga A.,

senior lecturer of the department of private law disciplines of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: frau.lelya2012@yandex.ru;

Ryabov Pavel R.,

lawyer of the Moscow Region Law Chamber.
8/1 Hospitalny val str., p. 2, Moscow, 111020.
E-mail: rich.riabov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается необходимость системной помощи со стороны государства несовершеннолетним, привлекаемым к ответственности за нарушение действующего законодательства. Авторы указывают на отсутствие единой службы, осуществляющей комплекс мер, направленных на помощь и поддержку оступившимся подросткам. Подчеркивается, что данный факт не только снижает дальнейшее качество их жизни, но и влияет на рецидивную преступность среди исследуемой категории несовершеннолетних. Авторы анализируют зарубежный опыт по функционированию подобных институтов в зарубежных странах, отмечая, что отдельные наработки могут быть успешно внедрены и использованы в России. Отдельно указывается на отсутствие единого нормативного регулирования probation несовершеннолетних, что значительно снижает эффективность процедур по ресоциализации и реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей. Авторы обращают внимание на целесообразность создания отдельного правового института – службы probation, которая станет основой системы оказания помощи несовершеннолетним лицам, совершившим противоправные деяния.

Abstract: The article discusses the need for systemic state assistance to minors held accountable for violating current legislation. The authors point out the absence of a single service implementing a set of measures aimed at helping and supporting adolescents who have stumbled. It is emphasized that this fact not only reduces their future quality of life, but also affects recidivism among the studied category of minors. The authors analyze foreign experience in the functioning of similar institutions in foreign countries, noting that certain developments can be successfully implemented and used in Russia. Separately, the absence of a single regulatory framework for probation of minors is noted, which significantly reduces the effectiveness of procedures for the resocialization and reintegration of juvenile offenders. The authors draw attention to the advisability of creating a separate legal institution - a probation service, which will become the basis for a system of providing assistance to minors who have committed illegal acts.

Ключевые слова: несовершеннолетние, противоправное поведение, осужденные, система помощи, probation, реализация probation, служба probation.

Key words: minors, misconduct, convicts, assistance system, probation, probation implementation, probation service.

Для цитирования: Рябова О.А., Рябов П.Р. Пробация несовершеннолетних в РФ // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_261.

For citation: Ryabova O.A., Ryabov P.R. Probation of minors in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_261.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2024

Преступность несовершеннолетних является одной из серьезных социально-правовых проблем для любого цивилизованного государства. Подрастающее поколение является естественным резервным потенциалом России и в будущем представители его обязаны быть, в том числе, законопослушными гражданами, которые гармонично впишутся в жизнедеятельность и развитие страны, чтобы она имела возможность продолжать быть достойным представителем мирового сообщества, укрепляющим и развивающим свое могущество и влияние.

По заявлению представителей судейского сообщества, проблема преступности имеет тенденцию к улучшению статистических данных за последние 20 лет в части снижения числа несовершеннолетних осужденных.[12] При этом, не следует забывать, что существуют преступления, совершенные подростками, которые не стали предметом судебного разбирательства по различным причинам и, конечно, следует помнить о латентной преступности в подростковой среде, которая не учитывается нигде, и отсутствие профилактики и мер по оказанию соответствующей помощи несовершеннолетним, которые были привлечены к уголовной ответственности либо им назначены иные меры уголовно – правового характера, может привести к рецидиву.

Для неуклонного сокращения указанных последствий необходимо наличие комплексной системы помощи осужденным и привлекаемым к уголовной ответственности, в том числе несовершеннолетним. Причем помощь несовершеннолетним необходима особенная, отличная от помощи взрослым преступникам. Это связано с особенностями психофизиологии подростков, несформировавшихся в силу возраста базовых ценностей, несовершенством психики и иных факторов. Е.В. Мищенко и Е.О. Филиппова отмечают, что процессы воспитания и социализации лиц, рассматриваемой категории не являются законченными и это делает их наиболее уязвимыми к влиянию негативных сторон социальной

среды.[7] М.В. Шайкова указывает на поведенческие основы подростков, которые выражаются в психологических нарушениях переходного возраста, неустойчивых нравственных позициях, неправильной интерпретации многих явлений, импульсивности.[6] Большинство исследователей отмечают, в том числе, что семейная обстановка оказывает важнейшее влияние на развитие несовершеннолетнего и формирование у него модели поведения в социуме. Негативные факторы в виде семейного неблагополучия, агрессивного окружения, финансовых проблем и особенностей подросткового возраста, становятся основными предпосылками совершения противоправных деяний.

Естественной и необходимой реакцией государства на такое поведение является применение к нарушителям мер воздействия, в том числе, в виде привлечения к уголовной ответственности, выражающееся в назначении наказаний, предусмотренных для данной категории правонарушителей. Для большинства подростков наступившее их наказание или иные меры является стрессом вне зависимости от того, связано ли оно с лишением свободы или нет. И на этой стадии важнейшим шагом государства является своевременная помощь в преодолении негативных факторов, связанных с изменением социального статуса подростка. Необходимо психологическое, педагогическое, социальное вмешательство с целью пресечения дальнейшего развития деструктивного поведения несовершеннолетнего. Здесь необходимо обратить внимание на то, что с одной стороны, несовершенство личности подростка способно вызвать противоправное поведение, а, с другой стороны, такое несовершенство определяет хорошие перспективы в коррекции поведения и формирования законопослушного поведения, в отличие, например, от взрослых правонарушителей, так как подавляющий процент несовершеннолетних лиц находятся в состоянии активного развития личности и более восприимчивы к поведенческому моделированию и личностному благополучию.

Было бы несправедливо утверждать, что помощь осужденным несовершеннолетним в России не оказывается, однако следует констатировать сложившееся отсутствие системы мер пробационного характера, направленной на рассматриваемую «группу риска». Отсутствует единый законодательный акт, который аккумулировал бы в себе весь комплекс помощи несовершеннолетним осужденным. Помощь рассматриваемой категории преступников должна следовать цели социализации и реинтеграции в общество оступившихся подростков. Однако конкретного регламента действий и единого органа, отвечающего за дальнейшую судьбу подопечных нет. Существуют отдельные нормы, содержание которых направлено на осуществление процесса социализации и реинтеграции именно в отношении несовершеннолетнего. Так, например, Федеральным законом от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" предусмотрено, что суд, при определенных обстоятельствах вправе признать необходимым проведение мероприятий по социальной реабилитации несовершеннолетнего. [3] Однако данная норма не охватывает все категории несовершеннолетних, совершивших противоправное деяние и, что не менее важно, не детализирует, кто будет заниматься реабилитацией, каковы полномочия и особенности профессиональной подготовки данных лиц. В качестве примера отраслевого акта, который содержит методическую базу по вопросам оказания помощи рассматриваемой категории лиц, совершивших противоправные деяния, можно назвать Письмо Министерства образования и науки РФ от 28 июля 2016 г. № 07-3188. Данный документ содержит в себе рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений РФ, которые тем или иным образом касаются помощи несовершеннолетним осужденным. Существует еще ряд документов, которые касаются данной проблемы. Такая «разбросанность» норм по различным нормативным и иным актам, регулирующих помощь осужденным подросткам, лишает их эффективности.

Следует отметить, что с 1 января 2024 г. в России начали действовать нормы о пробации в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10 – ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее Закон о пробации). Принятие данного нормативного акта вселяет надежду на начало выстраивания столь нужной комплексной системы помощи осужденным в России.

Под пробацией понимается совокупность мер по оказанию помощи осужденным лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, а также защита их прав и интересов. [2] Именно пробация может стать эффективным инструментом помощи несовершеннолетним и сопровождения в процессе и после отбывания наказания. Однако, Закон о пробации не разграничивает осужденных в зависимости от возрастных категорий (на совершеннолетних и несовершеннолетних). При буквальной трактовке норм данного законодательного акта возникает сомнение, что их можно применять к несовершеннолетним.

Если настоящий Закон о пробации охватывает и несовершеннолетних осужденных, то он должен быть дополнен отдельным разделом, посвященным именно пробации несовершеннолетних. Либо это должен быть самостоятельный нормативный акт о пробации несовершеннолетних. Это оправданно, поскольку, в частности, в процессе пробации данной категории осужденных должны участвовать законные представители несовершеннолетних и их права и обязанности должны быть установлены. Также необходимо учитывать специфику личности несовершеннолетнего. М.В Шайкова совершенно справедливо заметила, что личность каждого несовершеннолетнего уникальна и неповторима. [6] Следовательно, специалисты, осуществляющие работу с несовершеннолетними осужденными должны быть максимально тактичны, обладать достаточным профессионализмом и опытом и к каждому подростку, совершившему преступление, необходим индивидуальный подход. Так, А.Ф Федоров и Ю.Е. Суслов отметили, что для проведения индивидуальной работы в рамках пробации с каждым несовершеннолетним необходимо соблюдать последовательность, глубоко изучать личность подростка, анализировать и отслеживать динамику изменения личности, оказывать психологическую помощь, своевременно вносить изменения в построение работы, осуществлять коррекционную работу.[8] Указанные условия работы по осуществлению помощи несовершеннолетним правонарушителям являются необходимыми и требуют специальной регламентации данной деятельности, критериев отбора специалистов разных сфер, условий ответственности, полномочий специалистов, обязательного участия адвоката, роли законных представителей в процессе пробации.

Пробация несовершеннолетних отлична от пробации совершеннолетних преступников. Полагаем, что процедура пробации должна начинаться не после провозглашения приговора или применения иных мер уголовно – правового характера, а с момента обнаружения соверше-

ния несовершеннолетним преступления. Начало такой ранней работы с преступившим закон подростком даст возможность к моменту принятия решения о привлечении к уголовной ответственности иметь понимание, что стало основанием противоправного поведения, есть ли необходимость в применении наказания. Е.В. Мищенко и Е.О. Филиппова справедливо отметили, что суду, рассматривающему дело, необходимо изучение личности несовершеннолетнего преступника.[7] В этом как раз и могут помочь своевременно начатые пробационные мероприятия. налаженное взаимодействие между судом и службой пробации станет хорошей основой для принятия правильного решения относительно несовершеннолетнего преступника, в том числе вынесения приговоров, содержащих наказание, которое способствует именно исправлению, а не ухудшению модели поведения несформировавшейся до конца личности подростка.

Возможно, необходимо обратиться к другим правопроявлениям для изучения опыта работы и оказания помощи рассматриваемой категории подростков. Например, в Канаде на этапе принятия дела к производству судья запрашивает отчет о личности несовершеннолетнего правонарушителя именно у службы пробации. А до этого специалисты (психологи, наркологи, педагоги и т.д.) тщательно исследуют личность подростка. Также особенностью работы с подростками, совершившими преступные деяния, является вовлечение в процесс и семьи и даже потерпевшей стороны, проработано общественное воздействие на подростка.[11] На наш взгляд, это важные составляющие успеха в помощи несовершеннолетним преступникам. Такой подход, в том числе, решит проблему стигматизации, которая является серьезным разрушающим фактором для личности подростка.

Пробация в Канаде действует в рамках системы ювенальной юстиции. Также в рамках ювенальной юстиции эффективно оказывается помощь в ресоциализации несовершеннолетним правонарушителям в Германии. Там создана целая система пробации для несовершеннолетних и термин «ресоциализация» стал альтернативой понятиям исправление и перевоспитание, отмечается стадийность пробации несовершеннолетних при четком следовании регламенту, включающая не только процедуры утешения, но и преодоления с целью добиться обратной связи от подростка через определенный комплекс переживаний. Можно констатировать кропотливую работу различных специалистов, взаимодействие с судом.[9] И в том, и в другом случае речь идет о системном подходе к пробации несовершеннолетних, урегулированном законодательно, на государственном уровне осуществляется надзор за мероприятиями, участие принимают и государственные органы и общественные организации, имеется служба пробации. Создана эффективно функционирующая система, которая многократно увеличивает положительный исход пробационных мероприятий. В ближнем зарубежье, например в Кыргызской республике, также функционирует институт помощи юным преступникам, именуемый ювенальная пробация.[13] Пробация несовершеннолетних выделена в отдельное направление. Закон о пробации Кыргызской республики устанавливает принципы пробации в отношении детей, среди которых указывается специализация органов пробации в отношении детей. Важным аспектом является то, что программа пробации в отношении несовершеннолетних подлежит обязательному пересмотру с учетом результатов наблюдения за детьми. [13] Такая динамика является эффективным способом контролировать изменения в модели поведения несовершеннолетнего, осуществлять своевременную коррекцию и не допустить негативных тенденций в поведении и жизненных установках.

В Российском правовом поле ювенальная юстиция не сформирована, но, вместе с тем, полагаем, что положительный опыт, в том числе описанный выше, был бы полезен к использованию для оказания помощи российским несовершеннолетним правонарушителям.

Необходимо создание отдельной службы пробации несовершеннолетних либо единой службы, которая будет охватывать всех осужденных, но с наличием в ней специализированных подразделений по пробации несовершеннолетних. Такой шаг станет основой создания оптимальной и действенной системы помощи несовершеннолетним, совершившим правонарушение. Детальная разработка и принятие отдельного законодательного акта, регулирующего пробацию несовершеннолетних, будет являться не только реальной базой для реализации идей, преследуемой законодателем, но и эффективным инструментом, способным снизить рецидивную преступность среди рассматриваемой группы риска, дать возможность таким юным гражданам страны измениться для своего успешного будущего без правонарушений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения 27.10.2024 г.)
2. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10 – ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/406310197/#friends> (дата обращения 22.10.2024 г.)
3. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/179146/> (дата обращения 29.10.2024 г.)
4. Письмо Министерства образования и науки РФ от 28 июля 2016 г. №07-3188 «О направлении методических рекомендаций» // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71381180/> (дата обращения 25.10.2024 г.)
5. Концепция развития уголовно – исполнительной системы России до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 11-38-р // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения 23.10.2024 г.)
6. М.В. Шайкова Особенности международно – правового статуса несовершеннолетних правонарушителей // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 1 – С. 6-10
7. Е.В. Мищенко, Е.О. Филиппова Личность несовершеннолетнего преступника // Российский судья. – 2023. – № 9 – С. 28-33
8. А.В. Федоров, Ю.Е. Сулосов Моделирование психологической помощи в системе пробации несовершеннолетним лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в преодолении социально – психологической дезадаптации // Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 6 – С. 27-31
9. Ф. Валькенхорст, А.А. Гребенина, Е.В. Гребенин Ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей в Германии: парадигма справедливости и воспитания. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3 (31). – С. 30-37
10. В.И. Колесов Пробация как концептуальная основа в процессе формирования духовно – нравственных качеств личности в местах лишения свободы // Matters of Russian and International Law. – 2023. – № 13. – С. 346-352
11. Д.С. Ошевский, Е.Г. Дозорцева, В.Д. Бадмаева, И.А. Чибисова Социальные и психологические аспекты ювенального правосудия в мировой практике (англосаксонские модели ювенальной юстиции) // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 3. – С. 170-179.
12. Мамотов заявил о шестикратном сокращении числа осужденных подростков за последние 20 лет – РАПСИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20231018/309312552.html (дата обращения 03.11.2024 г.)
13. Пробация в отношении детей – Департамент пробации при Министерстве юстиции Кыргызской республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://probation.minjust.gov.kg/ru/o-probaci/vidy-probaci/> (дата обращения 29.10.2024 г.)

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12.1993, with amendments approved during the vote on 01.07.2020 // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/10103000/> (date of access 27.10.2024)
2. Federal Law of February 6, 2023 No. 10 - FZ "On Probation in the Russian Federation". // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/406310197/#friends> (date of access 10/22/2024)
3. Federal Law of July 24, 1998 N 124-FZ "On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" // Garant: reference legal system - [Electronic resource] Access mode: <https://base.garant.ru/179146/> (date of access 10/29/2024)
4. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated July 28, 2016 No. 07-3188 "On the direction of methodological recommendations" // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71381180/> (date of access 10/25/2024)
5. The concept of development of the criminal-executive system of Russia until 2030, approved by the Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 11-38-r // Garant: reference legal system - [Electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (date of access 10/23/2024)
6. M.V. Shaykova Features of the international legal status of juvenile offenders // International criminal law and international justice. - 2021. - No. 1 - pp. 6-10
7. E.V. Mishchenko, E.O. Filippova Personality of a Juvenile Offender // Russian Judge. - 2023. - No. 9 - P. 28-33
8. A.V. Fedorov, Yu.E. Suslov Modeling Psychological Assistance in the Probation System to Minors Released from Prisons in Overcoming Social and Psychological Maladaptation // Criminal Executive System: Law, Economics, Management. - 2022. - No. 6 - P. 27-31
9. F. Walkenhorst, A.A. Grebenkina, E.V. Grebenkin Resocialization of Juvenile Offenders in Germany: a Paradigm of Justice and Education. // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. - 2016. - No. 3 (31). - P. 30-37
10. V.I. Kolesov Probation as a conceptual basis in the process of forming spiritual and moral qualities of an individual in places of deprivation of liberty // Matters of Russian and International Law. - 2023. - No. 13. - P. 346-352
11. D.S. Oshevsky, E.G. Dozortseva, V.D. Badmaeva, I.A. Chibisova Social and psychological aspects of juvenile justice in world practice (Anglo-Saxon models of juvenile justice) // Psychological science and education. - 2013. - No. 3. - P. 170-179.
12. Mamotov announced a six-fold reduction in the number of convicted teenagers over the past 20 years - RAPSI [Electronic resource]. Access mode: https://rapsinews.ru/judicial_news/20231018/309312552.html (date of access 03.11.2024)
13. Probation for children - Probation Department under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic [Electronic resource]. Access mode: <https://probation.minjust.gov.kg/ru/o-probaciai/vidy-probaciai> (date of access 29.10.2024)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА И ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ В XX–XXI ВЕКАХ DISTINCTION BETWEEN INCITEMENT AND PUBLIC CALLS TO COMMIT CRIMES IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA IN THE XX–XXI CENTURIES

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,

преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.

364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.

E-mail: alkhashtovam@gmail.com;

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,

Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University.

364024, Chechen Republic, Grozny, Sheripova str., 32 A.

E-mail: alkhashtovam@gmail.com

Краткая аннотация. В статье анализируются нормы Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, предусматривающие ответственность за публичные призывы к совершению преступлений. Автор выделяет юридическое отличие таких призывов от традиционного подстрекательства, являющегося формой соучастия, рассматривая публичные призывы как *delictum sui generis*. Исследование включает исторический контекст, анализирует соответствующие положения Уголовного уложения 1903 года и немецкого уголовного права, а также прослеживает развитие подходов в советском и постсоветском законодательстве. Подчеркивается, что отсутствие конкретности в публичных призывах отличает их от подстрекательства, однако требует определенной степени конкретизации для сохранения побудительного характера. Автор предлагает возможное решение для устранения юридических коллизий через возврат к квалифицированному составу публичных призывов, повлекших последствия.

Abstract: The article analyzes the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996, which provide for liability for public calls to commit crimes. The author highlights the legal difference between such calls and traditional incitement, which is a form of complicity, considering public calls as *delictum sui generis*. The study includes the historical context, analyzes the relevant provisions of the Criminal Code of 1903 and German criminal law, and traces the development of approaches in Soviet and post-Soviet legislation. It is emphasized that the lack of specificity in public calls distinguishes them from incitement, but requires a certain degree of specification to preserve the incentive nature. The author proposes a possible solution to eliminate legal conflicts through a return to the qualified composition of public calls that entailed consequences.

Ключевые слова: уголовное право, публичные призывы, подстрекательство, *delictum sui generis*, Уголовный кодекс РФ, соучастие, публичность, агитация и пропаганда, исторический контекст.

Key words: criminal law, public appeals, incitement, *delictum sui generis*, Criminal Code of the Russian Federation, complicity, publicity, agitation and propaganda, historical context.

Для цитирования: Алхастова М.В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России в XX–XXI веках // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 265–267. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_265.

For citation: Alkhashtova M.V. Distinction between incitement and public calls to commit crimes in the criminal law of Russia in the XX–XXI centuries // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 265–267. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_265.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Некоторые положения Уголовного кодекса РФ 1996 года предусматривают ответственность за публичные призывы к совершению конкретных преступлений (например, статьи 205.2, 280, 280.1, 354), отличая такие призывы от традиционного подстрекательства в рамках института соучастия. Как отметил А.И. Рарог, это различие трактует публичные призывы как *delictum sui generis*, отдельное от соучастия [1, с. 87]. Ученые, такие как П.В. Агапов, подчеркивают теоретическую сложность разграничения публичных призывов и подстрекательства из-за их схожести, что требует исторического контекста [2, с. 6]. Исторически законы, запрещающие массовое подстрекательство, возникли из-за недостаточности норм соучастия для учета призывов, представляющих «серьезную угрозу общественному порядку». Например, Редакционная комиссия Уголовного кодекса 1903 года разъясняла, что призывы к неопределенным преступлениям или подстрекательство без реальных последствий не являются подстрекательством.

Российское законодательство, начиная с Уложения о наказаниях 1845 года, также исключало ответственность за простую подготовку, рассматривая ее как «выражение умысла», наказуемое только в ограниченных случаях. Неудавшееся «склонение» считалось «выражением умысла», но могло караться в отдельных политических случаях, как это пояснил Н.С. Таганцев на примере Уложения 1845 года [3, с. 18].

Позднее С.П. Ордынский подчеркнул, что подстрекательство представляет собой самостоятельную общественную опасность, оправдывающую его криминализацию [4, с. 1774], в то время как Н.С. Тимашев связывал опасность подстрекательства с характером воздействия и аудиторией согласно Уголовному уложению 1903 года [5, с. 6].

Статья 129 Уголовного уложения 1903 года криминализовала публичные речи или демонстрации, призывающие к бунту, измене или другим серьезным преступлениям, из-за невозможности контролировать реакции аудитории. Статья 133 также устанавливала наказание за публичное восхваление серьезных преступлений, а статья 130 касалась непубличного подстрекательства, направленного на группы с низким сопротивлением к такому влиянию (например, сельские жители, военнослужащие). Это понимание «публичности», заимствованное из Уголовного уложения Германской империи 1871 года, подразумевало широкую доступность призывов.

Параграф 111 Германского уложения карал как неудавшиеся, так и успешные публичные призывы, при этом достаточно было общего возбуждения аудитории для установления причинной связи. Однако российский Уголовный кодекс 1903 года не полностью воспринял этот стандарт. Хотя он рассматривал соучастников как «подстрекающих других к преступным деяниям», Н.С. Таганцев указывал, что подстрекательство толпы можно рассматривать как традиционное подстрекательство, если оно приводит к конкретному преступлению [6, с. 34].

Статья 129, часть 2, Уголовного уложения 1903 года вводила квалифицированную ответственность за подстрекательство, повлекшее серьезное преступление, но только в случаях, когда не было более строгого наказания за соучастие. Редакционная комиссия назвала это «идеальной конкуренцией» между нормами о публичном и частном подстрекательстве. Такая конкуренция не возникала в германском праве, где

публичный характер призыва исключал квалификацию как соучастия.

Таким образом, публичное подстрекательство могло рассматриваться как традиционное подстрекательство при выполнении двух условий: 1. Конкретизация преступления, к которому подстрекали, с последующим его совершением или попыткой совершения. 2. Применение более строгого наказания для публичного подстрекательства по сравнению с общим подстрекательством согласно статье 129, часть 2, Уголовного уложения 1903 г.

В случаях публичных призывов к неопределенным преступлениям не возникало пересечения между нормами о публичном подстрекательстве и подстрекательстве в Уголовном уложении 1903 года. Подстрекательство, как форма соучастия, требует конкретики для установления причинно-следственной связи между действиями подстрекателя и совершенным преступлением. Публичное подстрекательство, напротив, по своей природе лишено контроля над неопределенной аудиторией, что допускает меньшую конкретику предполагаемого преступления. Однако даже в случаях публичных призывов требуется определенная конкретизация для сохранения побудительного характера призыва.

При отсутствии публичности статья 129 (публичное подстрекательство) Уголовного уложения 1903 года не применялась; однако подобные действия могли при определенных условиях подпадать под действие статьи 130 (непубличное подстрекательство). После Февральской революции 1917 года Временное правительство отменило нормы 1903 года и издало декрет, криминализирующий «публичные призывы к убийству, грабежу, погромам, бунтам и другим серьезным преступлениям», а также «неповиновение законным распоряжениям власти». Примечательно, что в этом декрете не требовалась публичность призывов, направленных на военнослужащих для отказа от исполнения приказов.

Декрет вводил два важных изменения. Во-первых, он заменил термин «подстрекательство» на «призыв», сузив круг наказуемых непубличных призывов и исключив ссылки на конкретные методы публичного исполнения (например, речи или демонстрации). В результате «публичность» включала все ранее известные методы, характеризуя как сам акт, так и его результат. Во-вторых, в отличие от Уголовного уложения 1903 года, декрет не включал квалифицирующих признаков. Криминалисты отметили возможность «идеальной совокупности» между призывом и подстрекательством, когда публичный призыв к конкретному преступлению имел немедленные последствия. В таких случаях совокупность не рассматривалась как отдельные преступления, и наказание применялось за наиболее серьезный преступный элемент. Однако С.В. Познышев позже пересмотрел эту трактовку, введя концепцию совокупности, более близкую к современному пониманию, хотя общее правило требовало поглощения менее строгого наказания более строгим [7, с. 625].

После Октябрьской революции уголовное преследование распространилось на подготовительные действия, особенно по делам о государственных преступлениях. Принципы уголовного права РСФСР 1919 года предусматривали ответственность за подготовку и покушение наравне с оконченными преступлениями. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года ограничил эту сферу, указывая, что подготовка—«создание условий для совершения преступления»—наказывается только если сама по себе является преступным деянием. Неудавшееся подстрекательство в этом смысле не каралось, хотя социально опасные лица могли быть подвергнуты мерам социальной защиты.

С.П. Мокринский отметил, что широкая наказуемость за подготовку стала ненужной, так как УК 1922 года рассматривал «подготовительные действия, направленные на свержение существующего социального и политического строя», как самостоятельные преступления [8, с. 25]. Статьи 69, 70, 72, 83 и 84 предусматривали ответственность за агитацию и пропаганду, включающую «призывы» к свержению советской власти, совершению различных преступлений против порядка управления, а также за изготовление и распространение агитационной литературы.

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. была расширена криминализация подготовки к преступлению, что позволило рассматривать неудавшееся подстрекательство как «создание условий для совершения преступления» и, таким образом, как наказуемое деяние. Однако необходимость введения конкретных уголовно-правовых запретов на агитацию и пропаганду сохранилась, и статья 58¹⁰ предусматривала ответственность за «призывы» к свержению советской власти, совершению контрреволюционных действий или распространению поддерживающей их литературы.

Несмотря на то, что Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов не требовали публичного характера призывов, некоторые комментаторы сохранили дореволюционный подход, различая подстрекательство, направленное на «определенных, известных лиц», и более широкую агитацию, нацеленную на «неопределенную аудиторию». Распространение агитационных материалов также подчинялось этому подходу: они должны были охватить неограниченное число людей, в отличие от передачи материалов одному лицу без дальнейшего распространения.

Законодательный текст предусматривал как публичные, так и непубличные призывы, что отмечал А.А. Пионтовский, говоря об обращениях «к неопределенному кругу лиц» или «определенной, ограниченной группе или даже одному человеку» [9, с. 14]. Статья 17 УК РСФСР 1922 года и статья 16 УК РСФСР 1926 года определяли подстрекателей как лиц, которые «склоняют другого к совершению преступления». Эта абстрактная дефиниция не требовала конкретного указания лица, к которому направлено подстрекательство, что позволяло его применение без указания конкретного индивидуума, отличаясь от прежнего законодательства. В 1941 году А.Н. Трайнин подтвердил, что можно быть подстрекателем, даже если побуждать толпу к конкретному акту, например к террористическому, не зная конкретного исполнителя [10, с. 39].

Однако другие комментаторы УК РСФСР 1926 года утверждали, что подстрекательство, в отличие от агитации и пропаганды, всегда требует конкретизации лиц, на которых оно направлено. Они считали, что агитация и пропаганда применимы как в случаях, когда призыв привел к преступным действиям, так и тогда, когда он не имел прямого эффекта, что указано в статье 58¹⁰. Отсутствие конкретики в призывах оставалось уникальной чертой, отличающей агитацию и пропаганду от подстрекательства, для которого требовался целевой преступный объект.

Сходный подход был принят в УК РСФСР 1960 года, где статья 70 криминализовала антисоветскую агитацию, направленную на подрыв советской власти, распространение клеветы или создание, изготовление или хранение подрывной литературы. Хотя публичность не требовалась, агитация была нацелена на широкую аудиторию, тогда как пропаганда охватывала более узкий круг. Статья 70 не упоминала «призывы», а агитация и пропаганда трактовались как распространение идей, а не конкретное подстрекательство. Доктрина уточняла, что общие

призывы к неопределенным преступлениям подпадают под статью 70, а призывы к конкретному преступлению могут рассматриваться как подстрекательство или подготовка, в зависимости от того, было ли преступление совершено.

Отсутствие упоминания о «призывах» в статье 70 привело к интерпретации, что даже общие обращения требуют некоторой конкретизации, чтобы квалифицироваться как подстрекательство. Призывы без конкретики превращались в абстрактную пропаганду, но оставались наказуемыми, так как сфера действия статьи 70 была шире, чем просто призыв к конкретному преступлению. Несмотря на это, многие эксперты продолжали утверждать, что подстрекательство всегда связано с убеждением конкретного лица или группы, тогда как агитация и пропаганда могут быть направлены на широкую аудиторию.

В 1989 году антисоветская агитация и пропаганда были исключены из УК и заменены запретами на «публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти» (статья 70) и «публичные призывы к измене Родине, терроризму или диверсии» (статья 70¹), что ознаменовало возвращение к дореволюционному пониманию публичности. Эти советские различия продолжают влиять на толкование публичных призывов в УК РФ 1996 года, особенно в статьях 205.2, 280 и 280.1, касающихся терроризма и экстремизма. «Степень конкретности» отличает публичные призывы от подстрекательства: публичные призывы абстрактны и лишены конкретики. Такой подход смещает акцент с публичного характера призыва на его содержание. Однако такое смещение акцента рискует смешать публичные призывы с пропагандой. Публичные призывы могут включать «обсуждения или развитие идей о необходимости конкретных действий» и «формирование общественного сознания». Хотя публичные призывы могут быть менее конкретными, чем подстрекательство, требуется определенная степень конкретизации для сохранения их побудительного потенциала. В отличие от пропаганды, направленной на распространение запрещенной идеологии, призывы должны содержать ясное намерение побудить к преступным действиям. Верховный суд разъяснил это, указав, что статья 280 наказывает только за «публичные призывы к экстремистской деятельности», тогда как общая информация, оправдывающая незаконные действия, подпадает под статью 282. Таким образом, содержание должно конкретизировать вид преступного действия; общие призывы размывают подстрекательство в пропаганду, так как призыв к терактам отличается от широкой агитации за «борьбу с режимом» или «битву с неверными».

Смещение акцента с публичного характера призывов на их содержание искажает концепцию публичности, часто снижая порог от обращения к неопределенной группе до двух и более лиц, или даже простого присутствия других. Некоторые эксперты считают, что публичность включает призывы «в присутствии не менее двух лиц», «в непосредственном присутствии третьих лиц или с ожиданием, что другие могут позже ознакомиться с этим», или направлена на «определенную или неопределенную группу». Это приводит к разным толкованиям.

Разграничение публичных призывов и подстрекательства осложняется продолжающимися дебатами о понятии «подстрекателя» в части 4 статьи 33 УК РФ, которая подразумевает конкретного адресата, но все же допускает подстрекательство, направленное на более широкую аудиторию. Установление причинной связи в случаях широкого подстрекательства остается сложной задачей, как показало дело Ляскина, осужденного за подстрекательство к нарушению санитарных норм путем призыва к участию в митинге через Twitter (часть 4 статьи 33; часть 1 статьи 236 УК РФ). Суд постановил, что общий призыв Ляскина побудил неопределенный круг лиц собраться, включая лиц на карантине, что создало угрозу общественному здоровью. Защита утверждала, что прямых доказательств, связывающих участие в митинге с постами Ляскина, не было.

Также нет единого мнения относительно уровня конкретизации, необходимого для подстрекательства. Некоторые ученые считают, что подстрекательство должно быть направлено на конкретное деяние с указанием жертвы, места или способа, тогда как другие полагают, что достаточно обозначить тип преступления. Подстрекательство, по-видимому, требует конкретного преступного акта, а не просто определения типа преступления, поскольку подстрекатель рассматривается как «интеллектуальный автор» реального преступного деяния. Тем не менее в некоторых случаях строгая конкретизация может оказаться контрпродуктивной, поскольку связь между подстрекательством и преступлением может быть очевидной и без полного набора деталей.

Возвращение к понятию публичного призыва, приведшего к преступлению, как это было в статье 129, часть 2 Уголовного уложения 1903 года, могло бы помочь в решении этих вопросов. Тщательная разработка санкций для таких квалифицированных публичных призывов также могла бы способствовать предотвращению конфликтов в рамках уголовного законодательства.

Список литературы:

1. Rarog A.I. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4. С. 169.
2. Агапов П.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 6.
3. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1: Учение о преступлении. СПб., 1880. С. 92.
4. Ордынский С. Возбуждение и подстрекательство // Право. Еженедельная юридическая газета. 1910. № 22. С. 1374–1375.
5. Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву (статьи 129–132 угол. улож.). Пг., 1915. С. 6.
6. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. С. 69.
7. Познышев С.В. Основы начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 624–626.
8. Мокринский С. Покушение и приготовление в советском праве // Советское право. 1927. № 1(25). С. 59;
9. Пюнтковский А.А. Контр-революционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. 1924. № 2(8). С. 33
10. Трайнин А.Н. Учение о соучастии // Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 296.

References:

1. Rarog A.I. Criminal Code of Russia against Terrorism // Lex Russica. 2017. No. 4. P. 169.
2. Agapov P.V. Public Calls to Commit Terrorist Activities or Public Justification of Terrorism: Analysis of Legislative Innovation // Criminal Law. 2007. No. 1. P. 6.
3. Tagantsev N.S. Course of Russian Criminal Law. General Part. Book 1: Theory of Crime. St. Petersburg, 1880. P. 92.
4. Ordynsky S. Excitement and Incitement // Law. Weekly Legal Newspaper. 1910. No. 22. P. 1374–1375.
5. Timashev N.S. Criminal incitement of the masses under the current Russian law (Articles 129–132 of the Criminal Code). Pg., 1915. Page 6.
6. Tagantsev N.S. Course of Russian criminal law. General part. Book 1. Page 69.
7. Poznyshv S.V. Basic principles of the science of criminal law. General part of criminal law. Moscow, 1912. Pages 624–626.
8. Mokrin'sky S. Attempt and preparation in Soviet law // Soviet law. 1927. No. 1 (25). Page 59;
9. Piontkovsky A.A. Counter-revolutionary crimes in the Criminal Code of the RSFSR // Soviet law. 1924. No. 2 (8). Page 33
10. Trainin A.N. The doctrine of complicity // Trainin A. N. Selected works. St. Petersburg, 2004. P. 296.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_268

УДК 343.9

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ Artificial intelligence in the field of countering illicit drug trafficking

МЕНЯЙЛО Дмитрий Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru;

КРУПЕННИКОВА Кристина Константиновна,

слушатель факультета подготовки дознавателей
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: krupennikovakristina@yandex.ru;

МЕНЯЙЛО Людмила Николаевна,

кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: m.lyudmila.78@mail.ru;

ПОНОМАРЕВА Юлия Валерьевна,

преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: Ponomareva31@bk.ru;

Menyailo Dmitry Vasilyevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information and Computer Technologies in the activities
of Internal Affairs Bodies, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.
E-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru;

Krupennikova Kristina Konstantinovna,

student of the Faculty of interrogator training,
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.
E-mail: krupennikovakristina@yandex.ru;

Menyailo Lyudmila Nikolaevna,

Candidate of political sciences, Associate Professor, Deputy head of the Department of Civil Law Disciplines,
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.
E-mail: m.lyudmila.78@mail.ru;

Ponomareva Yulia Valeryevna,

Lecturer of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.
E-mail: Ponomareva31@bk.ru

Краткая аннотация. Незаконный оборот наркотических средств является одной из самых значительных проблем современного общества и государства, затрагивающей здоровье населения, экономику и безопасность страны. Масштабы и латентность незаконного оборота наркотических средств снижают эффективность традиционных механизмов противодействия в данной области. Вместе с тем, широкое распространение в деятельности правоохранительных органов получают искусственный интеллект и машинное обучение, способствующие эффективному выявлению и пресечению преступлений в области незаконного оборота наркотических средств. Целью исследования является проведение анализа категории «искусственный интеллект» в различных аспектах противодействия незаконному обороту наркотических средств, в том числе в области прогнозирования преступной активности и автоматизации деятельности правоохранительных органов, а также выявление на основе результатов анализа имеющихся проблемных аспектов в данной области, представление механизмов их решения. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что меры, основанные на технологиях искусственного интеллекта, направленные на выявление и пресечение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, должны применяться комплексно с традиционными мерами и под контролем человека. Также в данном исследовании отражены перспективные направления использования искусственного интеллекта в данной области. Помимо этого, авторы отметили возможные риски и предложили пути их устранения. Внедрение представленных предложений в практику обеспечит большую вероятность предотвращения преступных деяний в области незаконного оборота наркотических средств.

Abstract. Illicit drug trafficking is one of the most significant problems of modern society and the state, affecting the health of the population, the economy and the security of the country. The scale and latency of illicit drug trafficking reduce the effectiveness of traditional counteraction mechanisms in this area. At the same time, artificial intelligence and machine learning are widely used in the activities of law enforcement agencies, which contribute to the effective detection and suppression of crimes in the field of illicit drug trafficking. The purpose of the study is to analyze the category of "artificial intelligence" in various aspects of countering illicit drug trafficking, including in the field of forecasting criminal activity and automating the activities of law enforcement agencies, as well as identifying, based on the results of the analysis of existing problematic aspects in this area, presenting mechanisms for their solution. As a result of the conducted research, the authors conclude that measures based on artificial intelligence technologies aimed at detecting and suppressing crimes in the field of illicit drug trafficking should be applied comprehensively with traditional measures and under human control. This study also reflects promising areas for the use of artificial intelligence in this field. The implementation of the presented proposals in practice will ensure a greater likelihood of preventing criminal acts in the field of illicit drug trafficking.

Ключевые слова: искусственный интеллект, наркотические средства, незаконный оборот наркотических средств, правоохранительные органы, прогнозирование преступной активности.

Keywords: artificial intelligence, drugs, drug trafficking, law enforcement agencies, forecasting criminal activity.

Для цитирования: Меняйло Д.В., Крупеникова К.К., Меняйло Л.Н., Пономарева Ю.В. Искусственный интеллект в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 268-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_268.

For citation: Menyailo D.V., Krupennikova K.K., Menyailo L.N., Ponomareva Yu.V. Artificial intelligence in the field of countering illicit drug trafficking // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 268-271. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_268.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Органы государственной власти и в первую очередь правоохранительные органы активно способствуют решению проблемы распространения незаконного оборота наркотических средств. Однако данный вопрос остается по-прежнему чрезвычайно проблемным, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2023 году было совершено более 190 тысяч преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, что превышает показатель за аналогичный период 2022 года на 7,5 % [4]. При этом можем отметить следующие характерные черты распространения преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств:

- увеличение спроса на наркотические средства, в связи с ростом удельного веса потребителей, в том числе среди молодежи;
- регулярное расширение перечня наркотических средств, появляющихся на российском рынке;
- увеличение числа наркомаркетов в сети «Интернет» [1, с. 328].

Все перечисленное выше значительно усложняет деятельность правоохранительных органов, направленную на противодействие незаконному обороту наркотических средств, в связи с чем приходится использовать доступные механизмы современности, а именно – технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые находят все более широкое применение в деятельности правоохранительных органов, открывая новые возможности, повышающие эффективность их работ.

Искусственный интеллект – это область компьютерных наук, направленная на создание систем, способных выполнять задачи, для которых необходимы восприятие, рассуждение и принятие решений [2, с. 32].

Категория «искусственный интеллект» является составной и включает в себя следующие основные элементы:

- обработка естественного языка (позволяет техническим средствам воспринимать, обрабатывать, интерпретировать и генерировать язык человека);
- робототехника (позволяет управлять физическими устройствами, способными выполнять задачи в профессиональной деятельности и быту);
- машинное обучение (позволяет создавать самообучающиеся компьютерные системы);
- компьютерное зрение (позволяет наделять технические средства способностью извлекать информацию из загружаемых видеороликов и изображений) [8, с. 6].

Следует отметить, что применение технологий искусственного интеллекта и результаты их применения зависят от того, в чьих руках они находятся. Так, например, преступники с помощью алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения создают чат-боты, с помощью которых осуществляется незаконная торговля наркотическими средствами, в мессенджере «Telegram».

Однако искусственный интеллект уже используется и правоохранительными органами различных стран в отдельных направлениях деятельности. Так, в Китае введена в эксплуатацию система видеонаблюдения SkyNet, основанная на технологиях искусственного интеллекта, способная распознавать лица, предназначенная для мониторинга общественных мест [13].

В Российской Федерации искусственный интеллект также способствует эффективной деятельности правоохранительных органов. В качестве примера можно привести системы видеонаблюдения, интегрированные с технологиями искусственного интеллекта, предназначенные для распознавания лиц и транспортных средств, а также для анализа поведения людей в общественных местах [7, с. 156].

Рассматривая возможности технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, можем выделить следующие аспекты:

1. Анализ больших данных (Big Data).

Одним из ключевых преимуществ искусственного интеллекта является способность собирать, обрабатывать и анализировать большие потоки информации из различных источников. В контексте противодействия незаконному обороту наркотических средств технологии с данной функцией можно применять в целях анализа информации о финансовых транзакциях, о совершенных ранее преступлениях в данной сфере, а также информации, размещаемой в социальных сетях. Данный анализ, на наш взгляд, может осуществляться по принципу выявления паттернов, то есть: алгоритмы машинного обучения будут обрабатывать данные о предыдущих преступлениях, выявляя закономерности, которые могут указывать на будущую преступную активность. В социальных сетях наиболее эффективен анализ текстовой информации для выявления ключевых слов и фраз, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, заранее заданных программе.

С 2023 года в Российской Федерации по указанному выше принципу работает эксплуатационная интеллектуальная система отслеживания незаконного контента в сети Интернет «Окулус» [3]. Кроме того, уже не один год в мониторинге сети Интернет участвуют органы государственной власти в том числе и правоохранительные органы, представители общественных организаций, движений, кибердружин, волонтеров. В

мониторинговой деятельности используются разработки ООО «СЕУСЛАБ» (например: поисковая система «СЕУС»), ООО БалтИнфоКом (поисковые системы противоправного контента среди открытых источников «Октопус» и «Следопыт») и другие.

Однако отметим, что поиск незаконной информации является средством пресечения, а не профилактики, и направлен на выявление фактов нарушения законодательства. Для профилактики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств более эффективным средством будет алгоритм, основанный на искусственном интеллекте, целью которого будет выявление сообщений, рекламных роликов, записей, опубликованных в сети Интернет, содержащих информацию, связанную с наркотическими средствами. Данная система может также автоматически направлять запросы на блокировку той или иной записи или рекламы. В настоящее время это является актуальным, в связи с тем, что онлайн-продажи приобрели особую популярность, и наркоторговцу могут маскировать свой товар под вид другого.

2. Прогнозирование преступной активности.

Профилактика преступности – одна из ключевых задач сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим, прогнозирование является важным аспектом их деятельности. Предсказать, где и когда может быть совершено преступление в современности становится возможным, к примеру, при использовании геопространственного анализа. Так, можно использовать географические информационные системы, интегрируя их с технологиями искусственного интеллекта для выявления и анализа «горячих точек» наркоторговли.

Также алгоритмы искусственного интеллекта могут анализировать исторические данные для прогнозирования вероятности совершения преступлений в определенных районах. Так, в США правоохранительными органами используется система PredPol, в базу которой введены сведения о предыдущих преступлениях различных категорий и о местах, где они были совершены. Программа обрабатывает эти данные и предопределяет наиболее вероятные места и время совершения будущих преступлений, что помогает сотрудникам выстроить наиболее оптимальный маршрут патрулирования [10].

Рассматривая возможности использования искусственного интеллекта в прогнозировании, стоит отметить, что в нашей стране в настоящее время проводятся эксперименты по созданию и испытанию проектов по распознаванию эмоций и поведения человека для прогнозирования вероятности ими совершения преступлений.

3. Обнаружение и идентификация наркотических средств.

Компьютерное зрение и нейронные сети могут способствовать автоматизации процесса обнаружения наркотических средств. Как было отмечено выше, активно применяются системы видеонаблюдения. Приобретает популярность процесс анализа изображений, полученных при помощи дронов, а также стационарных камер, для выявления подозрительных объектов и действий, алгоритмами искусственного интеллекта.

4. Анализ социальных сетей.

Согласно отчету Datareportal-2024, в начале 2024 года число пользователей социальных сетей в Российской Федерации составило 106 миллионов человек (73,5 % от общего числа населения) [12]. В связи с этим, на наш взгляд, данное направление является наиболее актуальным. Подобный анализ позволит выявлять связи между пользователями для формирования карт преступных сетей.

Мы видим следующий способ реализации данного направления: создание алгоритмами искусственного интеллекта, основываясь на мониторинге записей и анализе изображений, графов, отображающих связи между возможными кураторами, сбытчиками и клиентами.

Отметим, что применение искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов открывает перед сотрудниками широкий спектр возможностей наиболее эффективного выполнения служебных задач, однако, в то же время, факт использования таких технологий делает информационную инфраструктуру правоохранительных органов более уязвимой – появляется риск утраты, искажения, передачи служебной информации [9, с. 45].

Проблема уязвимости информационных систем в условиях современности приобретает все большую важность, что обусловлено развитием этих систем с удаленным доступом к ресурсам. Так, в январе-марте 2023 года число кибератак на российские информационные системы выросло на 65 % [11].

Таким образом, современные реалии организации деятельности правоохранительных органов диктуют необходимость обеспечения более тщательной защиты информационных ресурсов, которыми располагают сотрудники.

В связи с этим, при внедрении программного обеспечения, основанного на технологиях искусственного интеллекта, необходимо усилить защиту в соответствие с современными тенденциями и угрозами. Предлагаем реализацию следующего механизма повышения безопасности данных: прежде, чем получить доступ к подобному программному обеспечению, сотрудник должен пройти процессы авторизации и аутентификации; прохождение процессов авторизации и аутентификации осуществляется посредством: электронной цифровой подписи; персонального идентификационного номера-кода, присваиваемого государственным органом, осуществляющим в пределах своей компетенции статистическую деятельность в области правовой статистики и специальных учетов; идентификации с использованием биометрического считывателя.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что применение искусственного интеллекта в аналитике, мониторинге и автоматизации процессов является мощным инструментом противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств. При этом, следует оценивать все возможные риски и усиливать механизмы защиты систем.

Список литературы:

1. Васюков В.Ф. Противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым с использованием информационно телекоммуникационных технологий: Учеб. пособие / В.Ф. Васюков, К.К. Клевцов, В.И. Малик; под науч. ред. А.Г. Волеводза. – М.: Прометей, 2023. – 468 с.
2. Гельдиев Б.А., Хатджиева О.К., Куллыева О.Х., Байрамова С. Искусственный интеллект // Символ науки. 2023. № 11-1-2. С. 32-33.

3. Капранов О. Что такое «Окулус» и зачем он нужен Роскомнадзору? // URL: <https://rg.ru/2023/02/13/что-такое-okulus-i-zachem-on-nuzhen-roskomnadzoru.html> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Козин Н. В. России выросло количество преступлений, связанных с оборотом наркотиков. «Парламентская газета», 2024 г. // URL : <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-vyroslo-kolichestvo-prestupleniy-svyazannykh-s-oborotom-narkotikov.html> (дата обращения: 02.10.2024).
5. Меньяйло Д.В., Шутова Е.Н., Назаренко И.С. Современные информационно-аналитические системы обработки видеoinформации в деятельности правоохранительных органов России // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 28 апреля 2023 г. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2023. – С. 73-78.
6. Назаренко И.С., Меньяйло Д.В., Федосеев А.Э. Использование возможностей программно-аппаратных комплексов фото- и видеоидентификации в профилактике и раскрытии преступлений, связанных с распространением наркотических средств // Противодействие незаконному обороту наркотиков в условиях цифровизации общества : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Белгород, 16 ноября 2023 года. – Белгород: Бел ЮИ МВД РФ им. И.Д. Путилина, 2024. – С. 116-120.
7. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. – М.: Книжный мир, 2017. – 288 с.
8. Тажиева Р.Н., Рамис А.Б. Позитивные возможности технологии искусственного интеллекта // Universum: технические науки. 2023. № 12 (117). С. 5-8.
9. Усманова Е.С. Использование цифровых технологий в деятельности сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – № 3 (18). – С. 42-49.
10. Цуриков А. Как Data Science помогает бороться с преступлениями в США // URL : <https://skillbox.ru/media/code/data-science-pomogaet-borotsya-s-prestupleniyami/> (дата обращения: 25.10.2024).
11. Число кибератак на информационные системы России выросло на 65% // URL : <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/03/03/965181-chislo-kiberatak> (дата обращения: 01.11.2024).
12. Digital 2024: основные выводы из ежегодного отчета DataReportal // URL : <https://www.byid.me/ru/blog/2024/02/digital-2024-datareportal/> (дата обращения: 25.10.2024).
13. URL : <https://www.dailymail.co.uk/video/news/video-1543013/China-s-Skynet-camera-identifies-pedestrians-vehicles.html> (дата обращения: 05.11.2024).

References:

1. Vasyukov V.F. Countering crimes in the field of drug trafficking committed using information and communication technologies: Textbook / V.F. Vasyukov, K.K. Klevtsov, V.I. Malik; edited by A.G. Volevodza. - M.: Prometheus, 2023. – 468 p.
2. Geldiev B.A., Khatdjieva O.K., Kullyeva O.H., Bayramova S. Artificial intelligence // Symbol of Science. 2023. No. 11-1-2. pp. 32-33.
3. Kapranov O. What is Oculus and why does Roskomnadzor need it? // URL: <https://rg.ru/2023/02/13/что-такое-okulus-i-zachem-on-nuzhen-roskomnadzoru.html> (date of application: 05.10.2024).
4. Kozin N. The number of crimes related to drug trafficking has increased in Russia. Parliamentary Newspaper, 2024 // URL : <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-vyroslo-kolichestvo-prestupleniy-svyazannykh-s-oborotom-narkotikov.html> (date of application: 02.10.2024).
5. Menyailo D.V., Shutova E.N., Nazarenko I.S. Modern information and analytical systems for processing video information in the activities of law enforcement agencies of Russia // Modern information technologies in the professional activities of employees of internal affairs bodies : A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Rostov-on-Don, April 28, 2023 – Rostov-on-Don: RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – pp. 73-78.
6. Nazarenko I.S., Menyailo D.V., Fedoseev A.E. Using the capabilities of software and hardware complexes of photo and video identification in the prevention and detection of crimes related to the distribution of narcotic drugs // Countering drug trafficking in the digital society : A collection of materials of the International Scientific and practical Conference, Belgorod, November 16, 2023 of the year. Belgorod: I.D. Putilin Moscow Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – pp. 116-120.
7. Ovchinsky V.S. Technologies of the future against crime. – M.: Book World, 2017. – 288 p.
8. Tazhieva R.N., Ramis A.B. Positive possibilities of artificial intelligence technology // Universum: technical sciences. 2023. No. 12 (117). pp. 5-8.
9. Usmanova E.S. The use of digital technologies in the activities of law enforcement officers of the Russian Federation // Humanitarian and political-legal studies. – 2022. – № 3 (18). – Pp. 42-49.
10. Tsurikov A. How Data Science helps fight crimes in the USA // URL : <https://skillbox.ru/media/code/data-science-pomogaet-borotsya-s-prestupleniyami/> (date of access: 10/25/2024).
11. The number of cyber attacks on Russian information systems has increased by 65% // URL : <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/03/03/965181-chislo-kiberatak> (accessed: 11/01/2024).
12. Digital 2024: key findings from the annual DataReportal report // URL : <https://www.byid.me/ru/blog/2024/02/digital-2024-datareportal/> (accessed: 10/25/2024).
13. URL : <https://www.dailymail.co.uk/video/news/video-1543013/China-s-Skynet-camera-identifies-pedestrians-vehicles.html> (date of application: 05.11.2024).

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_272

УДК 343.2/7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ Countering extremism in places of detention

КОВАЛЕВ Сергей Дмитриевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: sdk-exce@rambler.ru;

Kovalev Sergey Dmitrievich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the department of private law disciplines of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: sdk-exce@rambler.ru

Краткая аннотация: В современном мире проблема экстремизма является одной из актуальных проблем, которая затронула и Россию, как крупнейшее многонациональное государство мира. Проблема экстремизма охватила и уголовно-исполнительную систему, так как осужденные за преступления экстремистской направленности все чаще стали попадать в места лишения свободы. Авторами проанализировано состояние правовой базы по противодействию экстремизму и определен перечень организационных мер по борьбе с проявлением экстремизма в местах лишения свободы.

Abstract: In the modern world, the problem of extremism is one of the urgent problems that has affected Russia as the largest multinational state in the world. The problem of extremism has also spread to the penal enforcement system, as those convicted of extremist crimes increasingly began to end up in places of detention. The authors analyzed the state of the legal framework for countering extremism and identified a list of organizational measures to combat the manifestation of extremism in places of detention.

Ключевые слова: Уголовно-исполнительная система, экстремизм, осужденные, идеология, религиозный экстремизм.
Keywords: The penal system, extremism, convicts, ideology, religious extremism.

Для цитирования: Ковалев С.Д. Противодействие экстремизму в местах лишения свободы // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 272-274. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_272.

For citation: Kovalev S.D. Countering extremism in places of detention // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 272-274. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_272.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Сегодня Россия является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На территории РФ используется 277 языков и диалектов, в добрососедстве проживают представители 193 национальностей. Вместе с тем в сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, связанные с этническим и религиозным экстремизмом.

Термин «экстремизм» обозначает приверженность крайним взглядам и радикальным мерам, а также реализацию этих мер. Как правило, экстремизм проявляется в отрицании существующих политических и правовых норм, ценностей, стремлении к подрыву политической стабильности, низвержению существующей власти и действующих порядков.

Председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин в середине января 2024 года сообщил, что число дел об экстремизме в России в 2023 году выросло на 62%, по сравнению с прошлым годом [1]. На основании статистических данных, можно сказать, что преступления экстремистской направленности сохраняют устойчивую тенденцию к возрастанию. Этот факт не может не беспокоить. И нельзя не согласиться с позицией А. Турышева и Р. Абдулганеева, которые считают, что даже небольшое количество преступлений экстремистской направленности оказывает существенное влияние на государственную и общественную безопасность в стране [2, с.104].

Проблема экстремизма охватила и уголовно-исполнительную систему (далее УИС).

Цель данной статьи заключается в анализе современной правовой базы по противодействию экстремизму сформированной на настоящий момент и определения перечня организационных мер по борьбе с проявлением экстремизма в местах лишения свободы.

В своем исследовании С.Е. Козицкий и В.С. Кириленко приходят к выводу, что количество лиц, осужденных в России по ст. 282 УК РФ, в несколько раз меньше количества зарегистрированных преступлений, что по их мнению, свидетельствует о сложности выявления лиц, использующих сети Интернет и иные телекоммуникационные технологии с целью анонимизации и ведения преступной деятельности с серверов, «прописанных» вне досягаемости российских правоохранительных органов [3,с.170]. В связи с подобными фактами Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин призвал усилить мониторинг интернета в сфере выявления экстремизма. Им было отмечено, что меры должны включать в себя выявление в интернете материалов по вербовке людей для противоправных действий, в том числе пропагандирующих терроризм и экстремизм [1].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проблема проникновения и распространения деструктивных религиозных идей в учреждениях УИС, так как, оказавшись в местах лишения свободы, члены религиозных экстремистских организаций могут продолжать распространение экстремистской идеологии среди осужденных.

В местах лишения свободы в основном распространен религиозный экстремизм, так как в учреждениях УИС содержатся лица разных

конфессий. Сущность религиозного экстремизма проявляется в насильственном насаждении обществу конкретной системы религиозных воззрений, фанатизме, возбуждении религиозной вражды, в нетерпимости по отношению к представителям иных конфессий.

По мнению Антипова А.Н. в основе религиозного экстремизма лежит мировая религия (как правило, ислам, христианство), которая в определенном направлении и степени извращается, доводится до абсурда. Получаемый результат, по своей природе, ничего не имеет общего с первоисточником, но в условиях современной жизни он заполняет некую нишу, притягивая определенную категорию лиц к себе, а в целом оказывает дестабилизирующее воздействие на человека, общество и государство [4, с. 14].

Наиболее опасным проявлением экстремистской деятельности в учреждениях УИС является осуществляемая религиозными экстремистами вербовка в свои ряды новых последователей из числа спецконтингента. По мнению ряда экспертов, осужденный, находящийся в исправительном учреждении и активно проповедующий идеологию религиозного экстремизма, способен за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5-7 и более человек [5, с. 99].

Руководство ФСИН России придает особое значение вопросам противодействия экстремизму в УИС и для этого может быть использован целый арсенал правовых и организационных мер.

По нашему мнению можно выделить два уровня нормативно-правового регулирования противодействия экстремизму в местах лишения свободы в зависимости от юридической силы акта: 1) федеральный, 2) ведомственный.

Основным нормативным правовым актом, относящимся к федеральному уровню противодействия экстремизму в местах лишения свободы, является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, который в ст. 1 на законодательном уровне закрепил понятие экстремистская деятельность (экстремизм).

Следующим нормативным правовым актом федерального уровня, отражающим противодействие экстремизму в местах лишения свободы является Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ). В нем закреплена уголовная ответственность публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ); организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). На серьезность отношение к угрозе распространения экстремистских идей в местах лишения свободы указывают изменения, которые были внесены в УК РФ. Так, в частности, Федеральным законом от 27.12.2018 № 569-ФЗ «О внесении изменений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». В указанные статьи УК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми осужденные по экстремистским статьям будут отбывать наказание не в исправительных колониях, а тюрьмах, чтобы не иметь возможности повлиять на других осужденных. При этом минимальный срок нахождения осужденного в данном учреждении должен составлять не менее 1 года.

В целях разобщения сложившихся в местах лишения свободы экстремистских ячеек, ФСИН России, на основании Федерального закона от 27.12.2018 № 548-ФЗ «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», был наделен правом выносить решение о переводе лиц, ведущих пропаганду и распространение идеологии терроризма среди других осужденных, в иные исправительные учреждения того же вида.

К нормативным правовым актам, относящимся к ведомственному уровню, относится Инструкция, утвержденная приказом Минюста России от 2013 г. № 72. Следует отметить, что пункт 24 данного приказа предусматривает постановку на профилактический учет подозреваемых, обвиняемых и осужденных, изучающих, а также пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию.

Еще одним нормативным правовым актом ведомственного уровня, является Приказ Минюста России от 11.12.2015 № 289 «О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов», который определяет порядок включения (исключения) сведений об информационных материалах в федеральный список, а также внесение изменений в сведения об информационных материалах. Федеральный список содержит упорядоченную совокупность сведений об информационных материалах, признанных экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Необходимо отметить, что действующие нормативные правовые акты позволяют администрации исправительных учреждений успешно осуществлять нормативно-властное воздействие на такое опасное явление, как экстремизм в местах лишения свободы.

По мнению руководства ФСИН России, чтобы предотвратить распространение религиозного экстремизма и радикализма в исправительных учреждениях, необходим комплексный межведомственный и межконфессиональный подход. Ведущую роль в борьбе с идеологами радикализма должно сыграть духовенство традиционных религиозных конфессий.

С целью повышения эффективности деятельности по пресечению распространения радикальных идей религиозного экстремизма в учреждениях УИС, по нашему мнению, могут быть предложены следующие организационные меры:

1. Создание благоприятных условий в учреждениях ФСИН России для функционирования православных храмов, исламских мечетей, буддийских дуганов, костелов Римско-католической церкви. Оборудование молельных комнат для осужденных мусульман, иудеев, баптистов, буддистов, православных.

2. Выявление экстремистки настроенных осужденных, постановка их на оперативный и профилактический учет и оказание профилактического воздействия в целях недопущения реализации их противоправных замыслов.

3. Проведение адресной индивидуальной работы с осужденными, изучающими, пропагандирующими, исповедующими или распространяющими экстремистскую идеологию, в ИУ. Закрепление за ними наиболее опытные сотрудники администрации ИУ и СИЗО.

4. Недопущение создания группировок экстремистки настроенных осужденных, обеспечение строгой изоляции ее членов в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством.

5. Изъятие экстремистских материалов, обнаруженных в ходе осуществления оперативно-розыскных и режимных мероприятий в соответствии с Федеральным списком экстремистских материалов. Федеральный список экстремистских материалов составляется Министерством юстиции России на основе судебных решений. В этот список включаются разнообразные формы контента: статьи, листовки, брошюры, книги, номера газет и журналов, кинофильмы, видеоролики, музыкальные произведения и произведения изобразительного искусства. Первоначально опубликованный 14 июля 2007 года и состоящий из 14 пунктов, список регулярно обновляется и к 2024 году насчитывает более 5400 пунктов. Регулярное обновление списка позволяет эффективно отслеживать и устранять угрозы, связанные с экстремистскими проявлениями.

6. Оперативным подразделениям ФСИН России в соответствии с оперативно-розыскным законодательством, используя силы и средства оперативно-розыскной деятельности осуществлять выявление и перекрытие каналов доставки в ИУ экстремистских материалов, выявлять лиц, распространяющих экстремистскую идеологию, и принимать эффективные меры к пресечению их противоправной деятельности.

7. Оказание содействия правоохранительным органам в осуществлении профилактики экстремизма за пределами учреждений УИС путем: сбора оперативно значимой информации о лидерах, активных участниках, иных лицах, осуществляющих содействие деятельности экстремистских организаций, установления источников финансирования деятельности экстремистских организаций и т.д.

8. Воспитании толерантности к представителям других конфессий у экстремистки настроенных осужденных, при активном привлечении общественных организаций, представителей религиозных конфессий.

9. Обеспечение постпенитенциарного контроля за лицами, имеющими отношение к деятельности экстремистских организаций.

10. Внедрение программ реабилитации, позволяющих бывшим заключенным, подверженным экстремистским взглядам, легче адаптироваться к жизни в обществе, исключая риск повторного вовлечения в экстремистские группы.

11. Организация дополнительного обучения сотрудников ФСИН России способам выявления экстремистских проявлений, знаний элементов их субкультуры, психологическим и социальным особенностям их деятельности в местах лишения свободы, а также за ее пределами.

Подводя итог рассматриваемому вопросу необходимо отметить, что деятельность сотрудников ФСИН России по противодействию экстремизму в местах лишения свободы в настоящее время должна иметь комплексный характер. При ужесточении ответственности за религиозный экстремизм при действующих нормативных правовых актах огромное значение имеет активное применения организационных мероприятий, так как позволит поддерживать законность и правопорядок не только в ИУ и следственных изоляторах, но за их пределами.

Список литературы:

1. Статья: Экстремизм в России // <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 28.10.2024).
2. Турышев А. А. Экстремистский мотив преступления / А. А. Турышев, Р. Р. Абдулганеев // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. № 1 (35). С. 103-109.
3. Козицкий С.Е., Кириленко В.С. Современное состояние и динамика преступлений экстремистской направленности в России // Актуальные проблемы науки и техники. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 168-172.
4. Антипов А.Н. Религия и экстремизм: вопросы обеспечения безопасности // Религии и экстремизм. Способы и методы противодействия религиозному экстремизму в местах лишения свободы. Сборник материалов межведомственного межвузовского круглого стола с международным участием; ФКУ НИИТ ФСИН России. М.: ФКУ НИИТ ФСИН России, 2017. С. 13-15.
5. Бровкина А.А. Проблемы противодействия религиозному экстремизму в учреждениях ФСИН России // Тенденции и перспективы развития современного научного знания. Материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. НИИЦ «Институт стратегических исследований». 2015. С. 95-101.

References:

1. The article: Extremism in Russia // <https://www.tadviser.ru/index.php/> (date of appeal 10/28/2024).
2. Turyshev A. A. Extremist motive of the crime / A. A. Turyshev, R. R. Abdulganeev // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2019. No. 1 (35).pp. 103-109.
3. Kozitsky S.E., Kirilenko V.S. The current state and dynamics of extremist crimes in Russia // Actual problems of science and technology. Collection of scientific articles based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2022. Pp. 168-172.
4. Antipov A.N. Religion and extremism: security issues // Religion and extremism. Ways and methods of countering religious extremism in places of detention. Collection of materials of the interdepartmental interuniversity round table with international participation; FКУ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow: FКУ NIIT of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. pp. 13-15.
5. Brovkina A.A. Problems of countering religious extremism in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Trends and prospects for the development of modern scientific knowledge. Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. Research Institute for Strategic Studies. 2015. pp. 95-101.

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ И ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ Humanization of the penal enforcement policy of the Russian Federation in relation to women in custody and serving sentences of imprisonment

КУЗНЕЦОВА Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: kuznezova-1963@yandex.ru;

Kuznetsova Natalya V.,

senior lecturer of the department of private law disciplines of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: kuznezova-1963@yandex.ru

Краткая аннотация: Автором статьи проведен анализ изменений, внесенных в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, а также предложений по совершенствованию УИС РФ в отношении женщин, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы. Сделан вывод, что одним из наиболее приоритетных направлений деятельности является последовательная гуманизация условий отбывания наказаний в местах лишения свободы и расширение практики применения института наказаний, не связанных с изоляцией от общества в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Что, по мнению автора, способствует не только достижению цели исправления осужденного, но и, сохранению семейных связей, обеспечению прав и законных интересов детей, чьи родители совершили противоправное деяние.

Abstract: The author of the article analyzes the changes made to the current criminal and penal enforcement legislation, as well as proposals to improve the Criminal Code of the Russian Federation in relation to women in custody and serving sentences of imprisonment. It is concluded that one of the most priority areas of activity is the consistent humanization of the conditions of serving sentences in places of deprivation of liberty and the expansion of the practice of applying the institution of punishments not related to isolation from society in relation to pregnant women and women with young children. This, in the author's opinion, contributes not only to achieving the goal of correcting the convicted person, but also to preserving family ties, ensuring the rights and legitimate interests of children whose parents committed an illegal act.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, гуманизация, осужденные, реформирование, наказание в виде лишения свободы.

Keywords: penal enforcement system, humanization, convicts, reformation, serving sentences of imprisonment.

Для цитирования: Кузнецова Н.В. Гуманизация уголовно-исполнительной политики РФ в отношении женщин, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_275.

For citation: Kuznetsova N.V. Humanization of the penal enforcement policy of the Russian Federation in relation to women in custody and serving sentences of imprisonment // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_275.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Концепцией развития УИС Российской Федерации на период до 2030 года (Далее Концепция) одним из основных направлений совершенствования и развития пенитенциарной системы определена дальнейшая гуманизация политики государства в отношении лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.[1] Проявление принципа гуманизма в этом контексте подразумевает основанное на нормах российского законодательства и международных требований соблюдение прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, включающее в себя в частности, улучшение условий содержания, обеспечение доступа к правосудию, применение в отношении них индивидуальных программ ресоциализации и социальной адаптации.

По оценке Счетной палаты Российской Федерации в нашей стране ведется системная работа по гуманизации уголовно-исполнительного законодательства в части улучшения условий содержания подследственных и осужденных женщин, в том числе беременных и имеющих малолетних детей. [2]

В уголовно-исполнительном законодательстве РФ определены основные права и условия пребывания женщин в местах лишения свободы. Они пользуются всеми правами человека в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской и иных областях, имеют равное право на их защиту.

За истекший период действия Концепции с 2021 по 2024 год были внесены изменения в действующие и приняты новые законодательные акты направленные, в том числе на гуманизацию уголовного законодательства. Анализируя принятые изменения, можно отметить, что значительная их часть направлена на учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, в том числе женщин.

Позволим не согласиться с мнением Д.Т. Караманукяна о том, что применение в отношении женщин менее строгих мер наказания, противоречит закрепленному в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, принципу равенства граждан перед законом независимо от пола, расы или политических убеждений. [3] Считаем, что в целом улучшение условий содержания должны, при наличии оснований и возможностей, касаться заключенных под стражу без учета гендерного признака. Однако, можно предположить, что социальные и психофизиологические особенности женского

организма, традиционное отношение к женщине как к «слабому полу» оправдывают более либеральный подход к ним со стороны законодателя (а значит и правоприменителя).

Несмотря на то, что уголовное законодательство относит женщин к самостоятельной категории осужденных, в Уголовно-исполнительном кодексе РФ отсутствует отдельная глава, регламентирующая исполнение наказания только в отношении осужденных женщин, что, по мнению А.А. Самойловой, является пробелом пенитенциарного законодательства. [4] Анализ норм уголовного законодательства РФ показывает, что «гендерные привилегии» в местах лишения свободы предусмотрены в большей степени для беременных, кормящих женщин и женщин, имеющих малолетних детей.

В отношении всех без исключения лиц женского пола, отбывающих наказание, связанное с изоляцией от общества реализация принципов справедливости и гуманизма обеспечивается, в том числе, при определении вида исправительного учреждения, некоторых особых условий отбывания наказания. Так, в соответствии со статьей 58 УК РФ женщины не могут отбывать наказания в тюрьмах, а также в исправительных колониях строгого и особого режима. К ним не применяются такие меры наказания как смертная казнь, пожизненное лишение свободы. По мнению К.В. ДЯДЮН, безусловное неприменение к женщинам таких санкций нарушает принципы гуманизма, справедливости и равенства всех перед законом. [5] Главой 13 УИК РФ «Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях» предусмотрено, что без ограничения количества разрешается получать посылки, передачи и бандероли только осужденным женщинам и лицам, содержащимся в воспитательных колониях. Минимальная норма жилой площади в колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами в расчете на одну осужденную, согласно статье 99 УИК РФ, составляет три квадратных метра, что на один метр больше, чем для осужденных мужчин.

Дополнительные преференции в местах принудительного пребывания предоставлены беременным и кормящим женщинам, женщинам, имеющим малолетних детей. Для них законодательно установлены особые нормы питания, материально-бытового и медицинского обеспечения, приобретения продуктов питания и предметов гигиены, условия трудоустройства, применения мер взыскания, а также специальный порядок выезда за пределы исправительного учреждения для свиданий с детьми. Представляется, что государство в случаях поддержки такой категории женщин проявляет заботу не только и не столько о них, но и, в-первую очередь, о детях, которым волей судьбы уготовлена участь, быть рожденными и (или) провести определенный временной промежуток времени «за решеткой».

По мнению Е.В. Глебовой отбывание уголовного наказания хотя и влечет за собой ограничение возможности реализации ряда прав, но вместе с тем осужденный родитель, не лишенный и не ограниченный в родительских правах, продолжает быть участником семейно-родительских правоотношений. [6]

Особое значение имеет совместное проживание осужденной матери и малолетнего ребенка. Их взаимное общение должно способствовать как лучшему психическому и физическому развитию здоровья ребенка, так и изменению поведения женщины, формирование у нее материнских чувств, стремления встать на путь исправления. Для реализации этих возможностей ст. 100 УИК РФ предусмотрена организации домов ребенка в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание женщины, имеющие детей. Осужденные женщины могут помещать в дома ребенка своих детей, общаться с ними без ограничения в свободное от работы время. С целью обеспечения права ребенка на общение с матерью им может быть разрешено совместное проживание. В тоже время, несмотря на то, что в планах ФСИН России было создание к 2021 году условий для их совместного проживания во всех исправительных учреждениях где отбывают наказание женщины, на 2023 год при женских колониях есть только 13 специализированных детских домов ребенка.. [7] Так, хотя закон не запрещает проживать с детьми в колониях-поселениях дома ребенка в них не созданы. По мнению Ю.П. Синельщикова, функционирование детских отделений при каждом исправительном учреждении способствовало бы еще и решению проблемы этапирования беременных женщин на большие расстояния. [8]

Не решенным остается вопрос об отсутствии в законодательстве положений об обязанностях осужденных женщин по воспитанию детей, находящихся вместе с ними в местах лишения свободы, что позволяет недобросовестным матерям использовать предоставленные законом привилегии лишь для получения различных «льгот» для себя.

Дальнейшему совершенствованию уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации послужило принятие Федерального закона, в соответствии с которым увеличен с трех до четырех лет возраст детей, которые могут находиться в доме ребенка с матерью во время отбывания ею наказания. [9] По достижении детьми четырехлетнего возраста они могут быть переданы с согласия матери на воспитание родственникам или по решению органов опеки и попечительства иным лицам, а также направлены в соответствующие детские учреждения. Пребывание ребенка, которому исполнилось четыре года, в доме ребенка может быть продлено, если до окончания срока отбывания наказания его матери осталось не более одного года. Соответствующие изменения были внесены в Уголовно-исполнительный кодекс РФ и ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». [10]

Внесение изменений в законодательство, позволяющих увеличить возможность нахождения ребенка вместе с осужденной матерью в местах лишения свободы, предопределяет повышение степени ответственности государства за обеспечение организации в интересах ребенка благоприятных условий его вынужденной изоляции от общества. В соответствии с ч.1 Ст. 100 УИК РФ в домах ребенка исправительных учреждений обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Главой 9 Концепции развития уголовно-исполнительной системы предусмотрена разработка единых минимальных требований к оснащению домов ребенка при исправительных учреждениях. Предполагается, что в каждом из них будут спортивные площадки, условия для организации кружков, проведения спортивных и культурных мероприятий. Кроме того, должно быть улучшено качество оказания медицинской помощи детям, которые содержатся совместно с матерями.

Уполномоченным по правам человека в РФ Т.Н. Москальковой была отмечена актуальность решения вопроса размещения женщин с малолетними детьми в камерах СИЗО. Проблема, в том числе, обусловлена возможной морально-психологической несовместимостью беременных женщин, женщин с детьми, а также детей разного возраста (до 4 лет) в одном помещении в особенности в связи с длительным их пребыванием в качестве обвиняемых и подозреваемых в местах лишения свободы. [11]

Во исполнении п.17 поручения Президента нашей страны В.В. Путина от 12.01.2023года № Пр-19 Верховный Суд РФ представил на рассмотрение Государственной Думы законопроект, направленный на гуманизацию правосудия. В документе, в частности, предлагается возможность избрания такой меры пресечения как арест в отношении женщины, имеющей малолетнего ребенка (малолетних детей), только в случаях, если она подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях – преступления средней тяжести насильственного характера. [12]

Необходимо отметить, что Концепцией развития УИС на период до 2030 предусмотрена разработка типовой модели камеры с улучшенными коммунально-бытовыми условиями для содержания женщин с детьми.

Осужденным женщинам, имеющим детей на свободе, обеспечивается возможность поддерживать с ними контакты. Сохранение семейных связей играет важную роль для укрепления семьи, а также способствует соблюдению прав и законных интересов несовершеннолетних и их родителей, отбывающих наказание, связанное с изоляцией от общества.

Принципиально важное значение имеет возможность непосредственного общения матери и ребенка посредством свиданий и телефонных разговоров. Правовая регламентация свиданий для осужденных предусмотрена статьей 89 УИК РФ. Наличие детей в возрасте до 14 лет, в соответствии с п. 2.1 вышеуказанной статьи, если это предусмотрено условиями отбывания ими лишения свободы в исправительном учреждении, дает право осужденным женщинам на дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения. На осужденного мужчину это норма распространяется только в том случае, если он является единственным родителем.

Соблюдение законодательно закрепленного принципа отбывания осужденным наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором проживают его близкие родственники для осужденных женщин затруднено в связи с отсутствием таких пенитенциарных учреждений в каждом субъекте Российской Федерации. Что, как отмечает Ю.П. Синельщиков зачастую делает невозможным использование осужденными женщинами своего права на краткосрочные и длительные свидания [8]

Федеральным законом от 23.03.2024 № 60-ФЗ были внесены изменения направленные на дальнейшую гуманизацию законодательства и улучшение правового положения осужденных, подозреваемых и обвиняемых. [13] Теперь в соответствии с ч.3 ст.18 ФЗ № 211-ФЗ может быть предоставлено право на дополнительное свидание в течение месяца подозреваемым или обвиняемым женщине и мужчине, являющемуся единственным родителем, имеющим детей в возрасте до 14 лет. По мнению вице-президента Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству В. Кузнецова реализация этой возможности не является безусловной и зависит от решения руководства СИЗО, что не дает заключенным гарантированного права на получение дополнительного свидания. [14]

Важной составляющей в системе мер, направленных на гуманизацию уголовно-исполнительной политики государства, является совершенствование и расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Вступившие в силу в ноябре 2024 года изменения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ расширяют круг уголовных наказаний, в период отбывания которых, осужденная женщина имеет право обратиться в суд с ходатайством об отсрочке отбывания наказания. На основании внесенных изменений такое право предоставлено и женщинам, осужденным к ограничению свободы со дня предоставления ей отпуска по беременности и родам, либо со дня, когда ей такой отпуск мог быть предоставлен на основании трудового законодательства. [15]

Разъяснение по вопросу о правильном и единообразном применении судами оснований для отсрочки исполнения наказаний предусмотренных ч.1 статьи 82 УК РФ было дано в Кассационном определении Верховного Суда от 24 октября 2023 года по делу № 44-УД23-17-К7. [16]. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ указала, что решение об отсрочке отбывания наказания должно быть принято судом исходя из принципов справедливости, гуманизма и приоритета семейного воспитания детей. Решение об отказе должно быть мотивированным, исходить из анализа характеристики осужденного, в том числе, оценки его отношения к своим родительским обязанностям, соблюдение им прав и интересов несовершеннолетнего ребенка.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что одним из приоритетных направлений реформирования уголовно-исполнительной системы остается последовательная гуманизация условий отбывания наказаний. Внесенные в законодательные акты изменения, направленные на достижение главной цели исполнения наказания- исправление осужденного способствуют в том числе и совершенствованию правового статуса подозреваемых, обвиняемых и осужденных женщин с учетом их психофизиологических и социально-демографических особенностей.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. "Бюллетень Счетной палаты РФ", 2024, N 3 Доклад Счетной палаты Российской Федерации «Анализ реализации мер государственной политики, направленных на поддержку женщин, обеспечение их равных возможностей для развития и включения в общественный процесс» Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 21 ноября 2023 года.
3. Караманукян Д.Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение, 2019. т.16 №1 ст. 6-12.
4. Самойлова А.А. К вопросу о правовой регламентации условий и правил отбывания наказания в исправительных колониях для осужденных женщин // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2-2. С. 56-62.

5. Дядюн К.В. Реализация принципа гуманизма в законотворческой и правоприменительной деятельности // Российский юридический журнал. 2013. №1(88).
6. Глебова Е.В. Проблемы осуществления родительских прав лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9 (256). С. 16-23.
7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 13.11.2024г.)
8. Синельщиков Ю.П. Законодательное обеспечение процесса гуманизации для женщин, находящихся в местах лишения свободы // Выступление 27 мая 2024 г. на круглом столе в Госдуме на тему: «Законодательное обеспечение процесса гуманизации для женщин, находящихся в местах лишения свободы» // <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/226629.html>
9. Федеральный закон от 13.06.2023 № 211-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" // СЗ РФ, от 19 июня 2023г. № 25 ст. 4400
10. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ от 17 июля 1995 г., N 29, ст. 2759
11. Москалькова Т.Н. Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав лиц, находящихся под стражей // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 1. С. 2-6.
12. Законопроект № 381316-8 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями // <https://base.garant.ru/76857614/>
13. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. N 60-ФЗ "О внесении изменений в статью 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
14. Минюст предлагает удвоить количество звонков для осужденных // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/12/27/1013144-minyust-predlagaet-udvoit-kolichestvo-zvonkov-dlya-osuzhdennih?from=copy_text (Дата обращения 12.11.2024)
15. Федеральный закон от 25 октября 2024 г. N 351-ФЗ "О внесении изменения в статью 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
16. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.10.2023 N 44-УД23-17-К7 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r (ed. dated 05/27/2023) «On the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030.
2. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation, 2024, No. 3 Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation "Analysis of the implementation of state policy measures aimed at supporting women, ensuring their equal opportunities for development and inclusion in the public process" Was approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation on November 21, 2023.
3. Karamanukyan D.T. Legislative prerequisites for gender discrimination in the Russian Federation // Siberian Legal Review, 2019. vol. 16 No. 1, Articles 6-12
4. Samoilova A.A. On the issue of legal regulation of the conditions and rules of serving sentences in correctional colonies for convicted women // Journal of Applied Research. 2021. No. 2-2. pp. 56-62.
5. Dyadyun K.V. Implementation of the principle of humanism in lawmaking and law enforcement activities // Russian Law Journal. 2013. №1(88).
6. Glebova E.V. Problems of exercising parental rights by persons serving sentences in places of deprivation of liberty // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 9 (256). pp. 16-23.
7. Brief description of the penal enforcement system // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> / (accessed 11/13/2024)
8. Sinelshchikov Yu.P. Legislative support of the humanization process for women in places of deprivation of liberty // Speech on May 27, 2024 at a round table in the State Duma on the topic: "Legislative support of the humanization process for women in places of deprivation of liberty" // <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/226629.html>
9. Federal Law No. 211-FZ dated 06/13/2023 "On Amendments to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes" // NW RF, dated June 19, 2023 No. 25, Article 4400
10. Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On the detention of suspects and accused of committing crimes" // Federal Law of the Russian Federation of July 17, 1995, No. 29, Art. 2759
11. Mosalkova T.N. Actual problems of ensuring and protecting the rights of persons in custody // Criminal-executive system: law, economics, management. 2024. No. 1. pp. 2-6.
12. Draft Law No. 381316-8 On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Aimed at Limiting the Use of a Preventive Measure in the Form of Detention for Suspects and Accused of Committing Crimes of a Non-Violent Nature, women with Young Children, and persons Suffering from serious illnesses // <https://base.garant.ru/76857614/>
13. Federal Law No. 60-FZ of March 23, 2024 "On Amendments to Article 92 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and Article 18 of the Federal Law "On Detention of Suspects and Accused of committing Crimes" // Access from the SPS Consultant Plus.
14. The Ministry of Justice proposes to double the number of calls for convicts // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/12/27/1013144-minyust-predlagaet-udvoit-kolichestvo-zvonkov-dlya-osuzhdennih?from=copy_text (Accessed 12.11.2024)
15. Federal Law No. 351-FZ of October 25, 2024 "On Amendments to Article 175 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation" // Access from the SPS Consultant Plus.
16. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/24/2023 N 44-UD23-17-K7 // Access from the ATP "Consultant Plus".

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ FEATURES OF THE VALUE-NEED SPHERE OF THE PERSONALITY OF CONVICTS

ПЕТРОВ Сергей Валерьевич,

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой управления и информационных технологий факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
e-mail: psv01@yandex.ru;

Petrov Sergey V.,

Chief of the Department of Management and Information Technologies of the faculty of law and management,
Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, PhD (Economic), Associate Professor.
67E, Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russian Federation.
e-mail: psv01@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья представляет собой исследование, направленное на изучение ценностных ориентиров и морально-нравственных идеалов осужденных к лишению свободы. Автором проводится глобальная работа по анализу достижений отечественных ученых в данной сфере, формулируются выводы о значимости тех или иных ценностей в мировоззрении осужденного. По итогам работы автор кратко описывает наиболее перспективные направления социально-психологической работы с осужденными.

Abstract: The article is a study aimed at studying the value orientations and moral ideals of those sentenced to imprisonment. The author conducts a global work on the analysis of the achievements of domestic scientists in this field, and draws conclusions about the importance of certain values in the convict's worldview. Based on the results of the work, the author briefly describes the most promising areas of socio-psychological work with convicts.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, личность осужденного, психология личности, мировоззрение, ценности и ориентиры.

Keywords: the penal enforcement system, the personality of the convict, personality psychology, worldview, values and guidelines.

Для цитирования: Петров С.В. Особенности ценностно-потребностной сферы личности осужденных // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 279-280. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_279.

For citation: Petrov S.V. Features of the value-need sphere of the personality of convicts // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 279-280. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_279.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

Уголовно-исполнительное право в современной системе исполнения наказания подверглось достаточной степени влияния гуманизации общества и современных взглядов на санкции, направленные на ограничение человека в чем-либо, в связи с чем, вопрос о выборе правильной стратегии взаимодействия с осужденными стоит особенно актуально.

Современная работа с осужденными в качестве своей цели должна определять не только карательную функцию, но и исправление, социализацию и перевоспитание осужденных. Однако, реализовать уголовно-правовую санкцию исключительно в качестве наказания гораздо проще, чем стремиться найти баланс между воспитательной и карательной сторонами работы. Именно поэтому, сотрудники уголовно-исполнительной системы, зачастую, забывают о морально-нравственной стороне вопроса, не заботясь о психологическом состоянии осужденных и не стремясь к перестройке их ценностно-потребностной сферы личности.

Тем не менее, система морально-нравственных ориентиров и ценностей индивидуальна и исключительно важна для каждого человека. Анализ системы ценностей способствует пониманию особенностей характера человека, шаблонов его поведения, способам эффективного взаимодействия. Благодаря наличию необходимых знаний о ней, сотрудникам уголовно-исполнительной системы в разы проще будет найти общий язык с осужденными, спланировать дальнейшую работу с ними, определить возможные перспективы исправления осужденных.

Тема личностных особенностей осужденных и системы их ценностей многократно обсуждалась среди представителей российского научного сообщества. Русаков С.В. в своем исследовании проанализировал жизненные планы осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении, и пришел к выводу о том, что большая часть отбывающих наказание людей, сожалеют о своем прошлом [1]. В качестве наиболее важных жизненных ориентиров осужденных, по мнению автора, выступают: материальное обеспечение, достойная работа и социальное благополучие, а к наименее важным относятся: хорошие друзья, искусство и творчество.

Особенно интересны наблюдения исследователя о том, что ношение обычной гражданской одежды, более частые встречи с родственниками и проживание с семьей за пределами учреждения способствуют развитию необходимых качеств личности осужденного и перестройке его системы жизненных ориентиров.

В исследовании другого автора, были получены иные результаты. Так, Ильных Н.А., исследование которой было связано с осужденными инфицированными туберкулезом и отбывающими наказание в колониях строго режима [2], в качестве наиболее значимых ценностей осужденных выделяет: здоровье, семейное счастье, любовь, хорошие друзья, а в число менее значимых относит: общественное признание, развлечения и красоту природы, при этом, материальное обеспечение и свобода относятся к нейтральным ценностям.

По результатам исследования вышеупомянутых работ, мы можем сказать, что система жизненных ориентиров связана с видом преступления, которое совершил осужденный, непосредственно зависит от его текущих потребностей и видом учреждения, где он отбывает наказание.

В данном контексте, интересна также работа группы авторов, использующей в своем исследовании методику «Тест уровней смысловой сферы Б.С. Братуся» [3]. Исследователи определили иерархию ценностей осужденных, вершину которой занимают эгоцентрические желания, сконцентрированные на удовлетворении собственных материальных потребностей, а нижнюю позицию в иерархии заняла духовная практи-

ка и духовные интересы, готовность к развитию нравственных ценностей.

На основе полученных данных, мы можем сказать следующее: система нравственных ориентиров и ценностей индивидуальна для каждого конкретного осужденного, однако, общность интересов и потребностей личности выделить все же можно. Таким образом, к наиболее значимым морально-нравственным ценностям осужденных относятся:

1) *Материальное благополучие.*

В данную категорию входит достойная работа, хороший заработок и возможность обеспечивать себя и семью всем необходимым. Материальные ценности в той или иной степени значимы для каждого человека, однако ситуация с осужденными обстоит гораздо сложнее: для людей, подвергнутых уголовному наказанию, заработать достаточное количество денег во время отбытия наказания проблематично, также и получить хорошую работу после освобождения в разы сложнее, чем среднестатистическому человеку. В связи с этим, особенно важно психологически поддерживать осужденных как со стороны работников уголовно-исполнительной системы, которые могут мотивировать осужденных к исправлению и получению образования для дальнейшего трудоустройства, так и со стороны семьи и близких осужденных, которые могут осуществлять поиск работы осужденному во время его отбытия наказания и поддерживать его стремление к исправлению.

2) *Семья и семейное счастье.*

Результаты исследований вышеуказанных авторов дают понять, что большинство осужденных состоят или состояли в браке, что свидетельствует о том, что преступники не являются исключением из правила и также стремятся к семейному счастью. В этой связи, особенно важно проводить беседы с осужденными, выстраивая у них понимание значимости и роли семьи в его жизни, необходимости развития определенных мужских качеств в муже и женских качеств в жене, важности детей для продолжения рода и скрепления семейных уз. Также стоит предоставлять осужденным возможность обучения и получения знаний об основах заботы о детях, ведении быта и способах преодоления конфликтных ситуаций.

К ценностям, на которые стоит обратить внимание сотрудникам уголовно-исполнительной системы и попытаться простимулировать их развитие в системе ценностей осужденных мы отнесем:

1) *Духовные ценности и стремление к Богу.*

В рамках отбытия наказания людям, столкнувшимся с жестким режимом, ограничениями и криминогенной средой, особенно важно прививать любовь к традициям, веру в Бога и стремление соблюдения нравственных устоев, так как в подобной обстановке человек не только становится заложником ситуации и начинает воспринимать окружающую атмосферу как комфортную и нормальную, но и рискует потерять все навыки и умения, необходимые для сосуществования в обществе. В связи с этим, учреждениям исполнения наказания необходимо предоставлять все возможности для ознакомления с религиозными учениями и трактатами, а родственникам необходимо стимулировать освободившегося осужденного к соблюдению религиозных заветов и посещению соответствующих религиозных учреждений.

2) *Общественное и социальное благополучие.*

Благополучие и счастье других людей не являются важными ценностями для осужденных. Такое отношение может быть как следствием неблагоприятной среды и деструктивного общества, с которыми столкнулся преступник в прошлом, так и следствием нарушений в психологическом развитии, неумении принимать себя и мир, отсутствии результатов самореализации в жизни и неудовлетворенности своим положением. Так или иначе, особенно важно прививать осужденным коллективизм, объяснять ценность социальных связей и дружбы, показывать уровень влияния их деструктивного поведения на жизнь остальных членов общества.

Результаты нашего исследования могут быть полезны для комплексной работы сотрудников уголовно-исполнительной системы с осужденными, но не стоит забывать о том, что семья является основой для социализации и исправления осужденного, и именно близкие люди способны стать достаточным мотиватором для перевоспитания преступника. Именно поэтому работа по развитию данных направлений должна проходить не только в рамках взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительной системы с осужденными, но и после отбытия наказания во взаимодействии между осужденным и его семьей. В случае, если члены семьи осужденного ведут пагубный и деструктивный образ жизни, стоит организовать с ними работу социальных работников и психологов в целях предупреждения рецидивов и развития еще большей преступности.

По окончании нашего исследования мы можем сделать следующие выводы:

- Психология личности осужденного и существующая в рамках его мировоззрения ценностно-потребностная система индивидуальна и устойчива, однако при должном внимании и рациональном подходе способна быть усовершенствована;

- Для исправления осужденных крайне важно укреплять в их системе ориентиров позиции духовных ценностей и веры в Бога, стремление к обеспечению социального благополучия и активного участия в общественной жизни;

- При работе с осужденными отдельное внимание стоит уделять изучению и анализу их семей, атмосферы дома и образа жизни близких в целях обеспечения продуктивной работы, направленной на исправление осужденного.

Список литературы:

1. Русаков С.В. Психологические особенности жизненных планов осужденных // Прикладная юридическая психология. 2023. № 1 (62). С. 71-76.
2. Ильиных Н.А. Ценностные ориентации осужденных, инфицированных туберкулезом, отбывающих наказание в колонии строгого режима // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 1. С. 97-109.
3. Ганишина И.С., Гусева А.С. Сравнительно-психологический анализ смысловой сферы личности различных групп осужденных с помощью методики «тест уровней смысловой сферы Б.С. Братуся» // Векторы психолого-педагогических исследований. 2024. № 3. С. 27-34.

References:

1. Rusakov S.V. Psychological features of convicts' life plans // Applied legal psychology. 2023. No. 1 (62). pp. 71-76.
2. Ilynykh N.A. Value orientations of convicts infected with tuberculosis serving sentences in a high-security colony // Vectors of psychological and pedagogical research. 2024. No. 1. pp. 97-109.
3. Ganishina I.S., Guseva A.S. Comparative psychological analysis of the semantic sphere of the personality of various groups of convicts using the methodology "test of levels of the semantic sphere of B.S. Bratusya" // Vectors of psychological and pedagogical research. 2024. No. 3. pp. 27-34.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

The role of the judicial system in the resocialization of those sentenced to imprisonment

КУРИЦЫН Дмитрий Алексеевич,

ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Горького, д. 87.
E-mail: matinato111@mail.ru;

ШУМОВ Петр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права и управления
Владимирского юридического института ФСИН России,
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: pshumov@gmail.com;

Kuritsyn Dmitry A.,

assistant at the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.
E-mail: matinato111@mail.ru;

Shumov Petr V.,

Head of the Department of Theory and History of State and Law of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, associate professor of the Department of Civil Law and Process of Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. Stoletov's, candidate of law, associate professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia, 600020.
E-mail: pshumov@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматривается проблема ресоциализации осужденных. Ресоциализация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, является одним из наиболее эффективных способов борьбы с рецидивной преступностью. В связи с этим особую важность приобретает вопрос о возможности «принудительной» ресоциализации, назначаемой вместе с наказанием в виде лишения свободы.

Abstract. The article examines the problem of resocialization of convicts. Resocialization of persons who have served a sentence of imprisonment is one of the most effective ways to combat recidivism. In this regard, the question of the possibility of "forced" resocialization, imposed along with a sentence of imprisonment, becomes particularly important.

Ключевые слова: ресоциализация, судебная система, уголовно-исполнительная система, осужденные, преступность.
Key words: resocialization, judicial system, penal system, convicts, crime.

Для цитирования: Курицын Д.А., Шумов П.В. Роль судебной системы в ресоциализации осужденных к наказанию в виде лишения свободы // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 281-282. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_281.

For citation: Kuritsyn D.A., Shumov P.V. The role of the judicial system in the resocialization of those sentenced to imprisonment // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 281-282. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_281.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

Принятие Федерального закона от 06.02.2023 г. №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» ознаменовало новый этап развития уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации. Принятие данного закона подчёркивает, что государство осознаёт необходимость ресоциализации осужденных. Карательная направленность уголовной политики государства плавно смещается с наказания, как основной цели наказания, на исправление осужденного, что в большей степени отвечает интересам государства и общества в целом.

Общеизвестным становится тот факт, что ресоциализация осужденных является наиболее эффективным средством снижения уровня рецидивной преступности, возвращающим осужденного к правопослушному поведению и нормальной жизни в обществе [Семененко 2017, с. 65].

В условиях стабильно возрастающей нагрузки на судебную систему значимым становится вопрос о роли и месте суда в процессе ресоциализации осужденных, о возможности принудить в судебном порядке лицо, виновное в совершении преступления, пройти процедуру ресоциализации в том или ином виде.

В вопросе о понуждении осужденного к прохождению ресоциализации нам видится малоперспективным подобное направление в связи с нижеследующим. Во-первых, по смыслу нового Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» в качестве обязательных выступают только социальная и воспитательная работа с осужденными, находящимися в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. То есть, уже на данном этапе законодатель очерчивает как круг лиц, в отношении которых меры, направленные на ресоциализацию, применяются принудительно, так и ограничивает круг подобных мер.

Указанное ограничение принудительной ресоциализации видится логичным в контексте того, что ресоциализация как явление направлена на восстановление социальных связей, овладение востребованными в условиях современной экономики компетенциями, налаживание социально полезных связей, психологическую, социальную и юридическую поддержку, призванные в конечном итоге сформировать у осужденного положительное отношение к правопослушному поведению и обеспечить условия, при которых правопослушное поведение позволяет осужденному обеспечить свои потребности.

Кроме того, обратившись к п. 49 «Порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи», утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 г. N 350 мы увидим, что комплекс мероприятий по социальной работе с осужденными к лишению свободы, в значительной степени, включает мероприятия, эффективное осуществление которых невозможно без волеизъявления самого осужденного.

Например, содействие по восстановлению и укреплению социальных связей осужденных к лишению свободы, оказание содействия осужденным к лишению свободы, освобождающимся из ИУ, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве, консультирование по социальным вопросам, возникающим в процессе отбывания наказания, а также при применении мер пенитенциарной пробации представляются невозможными к осуществлению при отсутствии желания осужденного на получение указанных видов помощи.

Из представленного выше следует, что отдельные направления ресоциализации, исходя из своей сущности, не могут быть осуществлены принудительно. В частности, невозможно обязать кого-либо налаживать или восстанавливать социальные связи, приобретать социально полезные навыки, получать психологическую поддержку. То есть, значительная часть мер не может быть применена без желания самого осужденного.

Вторым аспектом, отсылающим к невозможности принудительной ресоциализации является то, что сам факт принуждения к ресоциализации вызывает отторжение со стороны осужденного.

Как неоднократно отмечалось исследователями, в частности А. Н. Титовым, осужденные крайне неохотно соглашаются «связываться» с органами государственной власти по той причине, что в таких условиях ресоциализация в понимании осужденных является не помощью, направленной на возвращение их в социум, а продолжением, составной частью наказания и тех ограничений, которые они несут в период наказания [Титов 2019, с. 519].

Здесь нельзя не отметить воспитательную работу, порядок осуществления которой регламентирован разделом IV названного ранее Порядка. Анализ положений указанного раздела позволяет сделать вывод, что мероприятия воспитательной направленности, нацеленные на повышение уровня образованности, трудовых навыков, формирование уважительного отношения к обществу, повышение культурного уровня, приобщение к традиционным духовным и культурным ценностям являются обязательными для осужденных.

Вместе с тем, как указано выше, привлечение осужденных к подобным мероприятиям в принудительном порядке, может негативным образом сказываться на результативности применяемых мер, ввиду психологического отторжения со стороны осужденных.

При осуществлении воспитательной работы, по нашему мнению, необходимо применять меры, направленные на формирование мотивации к участию в воспитательной работе.

В таких условиях нам видится возможным снижение «уровня отторжения» у осужденных к воспитательным мероприятиям, что в свою очередь, может иметь позитивное влияние на результативность воспитательной работы.

На основании изложенного, мы можем сделать вывод о нецелесообразности применения мер ресоциализации осужденных в принудительном порядке.

Говоря же о функциях суда в успешной ресоциализации, фактически его роль сводится к основной задаче судебной системы в целом – осуществлению правосудия.

Значимым в вопросе ресоциализации является этап назначения наказания за совершённое преступление. Справедливое наказание, во-первых, адекватно с психологической точки зрения воспринимается самим осужденным, а во-вторых, в отдельных случаях может способствовать сохранению позитивных социальных связей [Крайнова 2021, с. 227].

Применение иных мер уголовно-правового характера также способствует нормальному психологическому отношению осужденного к неблагоприятным для него последствиям, вызванным совершением им уголовно наказуемого деяния и создаёт условия для положительного отношения к мерам ресоциализации, что создаёт условия для её осуществления.

Таким образом, применение мер ресоциализации в принудительном порядке кажется нам малоперспективным, соответственно, поощрять осужденных к прохождению процедур, направленных на ресоциализацию в судебном порядке, также видится невозможным.

Роль суда в вопросе ресоциализации сводится к основной задаче судебной системы РФ – осуществлению правосудия и назначении виновному лицу соразмерного наказания или иных мер уголовно-правового характера, что создаст основу для последующей ресоциализации.

Список литературы:

1. Крайнова, Н. А. Назначение иных мер уголовно-правового характера в контексте ресоциализации осужденных // Юго-Западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 16 октября 2021 года / Юго-Западный государственный университет. Том Выпуск 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет. – 2021. – С. 226-231.
2. Семенов 2017 – Семенов, Г. М. Профилактика рецидивной преступности среди лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 2(41). – С. 63-67.
3. Титов 2019 - Титов, А. Н. Некоторые вопросы исправления осужденных в постпенальной стадии // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01–02 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2019. – С. 517-520.

References:

1. Krainova, N. A. Appointment of other measures of a criminal legal nature in the context of the resocialization of convicts // Southwestern Legal Forum: collection of scientific papers of the Southwestern Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of Southwestern State University, Kursk, October 16, 2021 / Southwestern State University. Volume Issue 1. – Kursk: Southwestern State University. - 2021. – pp. 226-231.
2. Semenenko 2017 – Semenenko, G. M. Prevention of recidivism among persons who have served their sentences in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2(41). – Pp. 63-67.
3. Titov 2019 - Titov, A. N. Some issues of correction of convicts in the post-penal stage // Criminal policy and law enforcement practice: Collection of materials of the VII-th International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 01-02, 2019. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2019. – pp. 517-520.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В МОНГОЛИИ THE CURRENT STATE OF CYBERCRIME IN MONGOLIA

Пурэв Эрдэнэбаатар,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Университета внутренних дел Монголии, магистр юридических наук,
полковник полиции.

670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

E-mail: purewerka5@gmail.com;

Purev Erdenebaatar,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law
University of Internal Affairs of Mongolia, Master of Law, Police Colonel.

670000, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Smolina str., 24a.

E-mail: purewerka5@gmail.com

Краткая аннотация: В представленной работе автором проводится анализ киберпреступности в Монголии, основанный на статистических данных о совершенных фактах мошенничества с использованием сети Интернет, а также о состоянии их раскрытия. Сделаны выводы о увеличении динамики совершения киберпреступления, а также о необходимости принятия своевременных и эффективных мер по защите киберпространства в Монголии.

Abstract. In the presented work, the author analyzes cybercrime in Mongolia based on statistical data on the state of committed facts of fraud using the Internet, as well as on the state of their disclosure. Conclusions are made about the increase in the dynamics of committing cybercrime, as well as the need to take timely and effective measures to protect cyberspace in Mongolia.

Ключевые слова. Расследование кибермошенничества, киберпреступность, e-мэйл, Монголия, интернет.

Keywords. Cyber Fraud Investigation, cybercrime, e-mail, Mongolia, Internet.

Для цитирования: Пурэв Эрдэнэбаатар. Современное состояние киберпреступности в Монголии // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 283-287. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_283.

For citation: Purev Erdenebaatar. The current state of cybercrime in Mongolia // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 283-287. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_283.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Основная часть: Если ранее считалось, что в мире каждую секунду 18 человек становятся жертвами мошеннических махинаций с использованием Интернета, то с 2018 по 2022 год число потерпевших от данной преступности значительно возросло. По данным, публикуемым в массовой прессе, на сегодняшний день в мире каждую секунду 26 человек становятся жертвами киберпреступлений.

В настоящее время в Монголии ежедневно совершается 24 мошенничества с использованием сети Интернет, и наблюдается постоянный рост как числа потерпевших, так и размера причиняемого ущерба. Согласно оценкам международных специализированных организаций, Монголия на сегодняшний день входит в пятерку государств, наиболее удобных для совершения незаконных кибервторжений, что обусловлено недостаточным опытом в организации контрмер против киберпреступности и слабой защитой своего киберпространства от внешних угроз.

Оценка благонадежности киберпространства, основанная на результатах тестирования сотрудников государственных органов и организаций, показывает, что 84% из них не осуществляют контроль за благонадежностью своего киберпространства, а 83% не придерживаются стандартов безопасности. Более того, 78% из названных органов и организаций имеют системы защиты киберпространства, однако ни разу ими не пользовались, в то время как 16% вообще не располагают защитной системой. Все перечисленные недостатки создают условия, при которых за 24 часа происходит свыше 6 миллионов кибервторжений в сети государственных органов и организаций.

По мнению пользователей Интернета в Монголии, что совпадает с официальными оценками авторитетных мировых исследовательских организаций, мошенничество с использованием Интернета сегодня составляет более 30% от общего числа совершенных преступлений в стране.

В ходе нашего исследования было установлено, что граждане Монголии, активно использующие Интернет, чаще всего становятся жертвами мошеннических схем, связанных с онлайн-торговлей. В число таких махинаций входят:

1. Мошеннические действия китайских компаний, рекламирующих свои товары на сайте made-in-china.
2. Преступления, связанные с получением авансов за доставку заказанных товаров и последующим исчезновением продавца.
3. Мошенничество с использованием различных социальных сетей и индивидуальных платформ.

Согласно официальным данным правоохранительных органов Монголии, из-за указанных махинаций гражданам был причинен ущерб в размере от 200 до 6000 долларов США. При этом более 90% пострадавших граждан не обращаются в правоохранительные органы, полагая, что полиция Монголии неохотно принимает жалобы на мошенничество в Интернете. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов часто передают такие жалобы в соответствующие Национальные бюро Интерпола по гражданской принадлежности мошенников. Некоторые потерпевшие обращались в правоохранительные органы Китайской Народной Республики с жалобами на действия китайских компаний, но получили ответ об отказе в рассмотрении этих жалоб, сославшись на то, что граждане Монголии обязаны обращаться в свои местные правоохранительные органы.

Диаграмма 1. Самые распространённые виды мошенничества в Монголии

Наши исследования показывают, что самый высокий уровень вероятности стать жертвой кибермошенничества в Монголии наблюдается у молодежи в возрасте от 16 до 34 лет. В развитых странах, где граждане активно используют Интернет, доля потерпевших от кибермошенничества составляет от 3% до 8% от общего числа пользователей. В Монголии этот показатель достигает 14%.

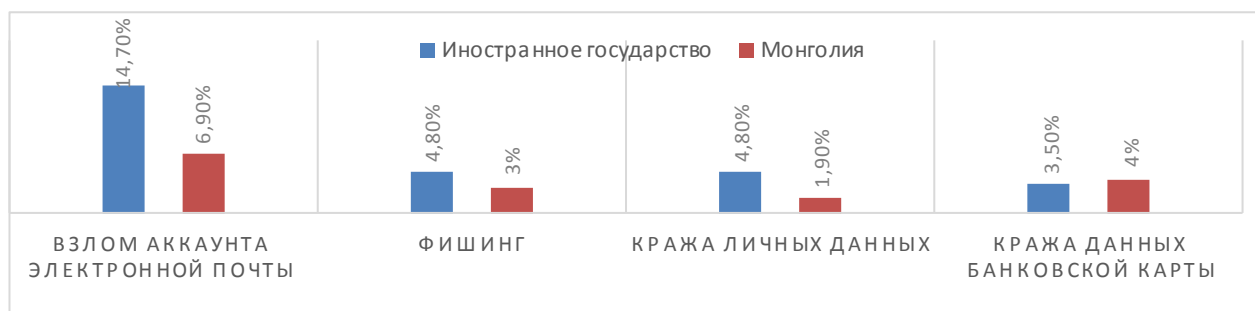
Уровень потерпевших от кибермошенничества в Монголии значительно превышает аналогичные показатели по другим видам преступлений среди мирных граждан. Это свидетельствует о растущей угрозе и распространении кибермошенничества, а также о повышенной вероятности того, что любой человек может стать жертвой данного преступления. Кибермошенничество в Монголии имеет свои особенности как по характеру, так и по способам его совершения по сравнению с зарубежными странами.

Кроме того, киберпреступления в отношении государственных органов и частных организаций значительно различаются как по методам их осуществления, так и по причиняемому ущербу. Это обстоятельство требует налаживания координации деятельности правоохранительных органов Монголии с иностранными спецслужбами, борющимися с киберпреступностью, поскольку государственные органы Монголии недостаточно внимания уделяют этому вопросу.

Следует подчеркнуть, что в высокоразвитых странах уровень вероятности стать жертвой киберпреступлений существенно ниже, чем в развивающихся странах, где этот показатель выше. Тот факт, что в Монголии данный показатель находится между этими двумя категориями, указывает на необходимость повышения внимания пользователей Интернета к защите своего киберпространства.

Ниже представлено сравнение уровней потерпевших от киберпреступлений в зарубежных странах и Монголии по некоторым видам киберпреступлений.

Диаграмма 2. Количество потерпевших от киберпреступлений Монголии и зарубежных стран

В высокоразвитых странах высокий уровень потерпевших от киберпреступлений, таких как взлом и вторжение в электронные почты, а также кража данных, связанных с онлайн-продажами. В то же время в Монголии наибольшее количество потерпевших связано с фишингом и кражей данных платежных карт, что превышает показатели других видов киберпреступлений. Исследователи нашей страны делают вывод о том, что текущее состояние защиты киберпространства как юридических лиц, так и пользователей сети Интернет не соответствует современным требованиям безопасности.

Дополнительно стоит отметить, что вмешательство государства во внутренние дела предпринимателей создает неравные условия для конкуренции, передавая преимущества государственным организациям. Это негативно сказывается на экономике страны, особенно в секторах, играющих ключевую роль в экспорте.

Граждане и юридические лица, становясь жертвами киберпреступлений, несут значительный ущерб в своей деятельности. К прямым расходам добавляются затраты на восстановление утраченных данных, возврат краденых средств и другие сопутствующие расходы. Эти суммы

могут быть весьма значительными и негативно сказываются на финансовом состоянии потерпевших. Если рассмотреть общий размер затрат общества, то он также будет внушительным.

Кроме того, указанные обстоятельства формируют так называемый косвенный ущерб, который включает расходы на создание различных защитных систем киберпространства, электронной почты и затраты на расследование инцидентов. Потери владельцев банковских счетов и пользователей электронной почты также следует учитывать. По оценкам, каждый потерпевший несет ущерб в размере около 250 долларов США. Примечательно, что 60% от общего ущерба составляют похищенные денежные средства, 26% — прямой ущерб, а оставшаяся часть представляет собой косвенный ущерб.

В Монголии борьбой с киберпреступностью занимается Отдел борьбы с киберпреступностью Уголовной полиции. Приказом Генерального прокурора Монголии «Об установлении распределения рассмотрения жалоб, донесений и преступлений, а также об прокурорском надзоре» № А/33 от 2020 года было поручено расследовать следующие виды преступлений:

- Преступления, предусмотренные в 26-ой главе УК Монголии, совершенные в столице страны, а именно “Незаконное вторжение к киберданным”, “Создание и подготовка, а также продажа техники и компьютерной программы в целях незаконного вторжения к киберсети”, а также “Создание, использование и распространение компьютерной вредоносной программы”,
- Преступление, предусмотренное в подпункте 2.1, второй части статьи 16.10 УК Монголии / Незаконное вторжение к секрету личности при помощи киберсредства/, а также.
- Преступление, предусмотренное в подпункте 2.1, второй части статьи 13.9 УК Монголии, /Вовлечение несовершеннолетних в развратничество путем использования киберсети.

В период с 2015 года по октябрь 2021 года в Монголии было зарегистрировано 197993 преступления, из которых 6973 (3.5%) являлись кибермошенничеством¹.

Если показать выше отмеченные киберпреступления по годам, то 2015 году совершено 61 преступление, 2016 году – 97 преступлений, 2017 году – 195 преступлений, 2018 году – 659 преступлений, 2019 году – 737 преступлений, 2020 году – 1795 преступлений, а в 10-и месяцах 2021 года было зарегистрировано 3429 киберпреступлений.

По месту совершения эти киберпреступления характеризуются следующим образом, что 5068 преступлений (72, 7%) было зарегистрировано в столице страны, тогда как 1883 преступления (27%) было зарегистрировано в городах и селах муниципального значения, а 22 преступления (0,3%) было совершено за границей.

Из всех зарегистрированных преступлений 5618 (80.6%) преступлений было кибермошенничество, 401 (5.8%) преступлений являлись незаконным вторжением в различные базы киберданных, а 32 (0.5%) преступления принадлежало к группе преступлений по клевете с использованием киберпространства.

По видам вышеперечисленные преступления последних трёх лет подразделяются на:

1. Преступление «Незаконное вторжение к киберданным» в 2019 году 119 или 11,7%, в 2020 году 153 или 12%, а в 2021 году 163 или 7%.
2. Преступление «Создание и подготовка, а также продажа техники и программы в целях незаконного вторжения к киберсети» в 2019 году 4 или 0,4%, в 2020 году 5 или 0,4%, а в 2021 году 1 или 0,07%.
3. Преступление «Создание, использование и распространение вредоносной компьютерной программы» в 2019 году 2 или 0,2%, в 2020 году 2 или 0,2%, а в 2021 году 4 или 0,2%.
4. Преступление «Незаконное вторжение к секрету личности при помощи киберсредства» в 2019 году 9 или 0,9%, в 2020 году 8 или 0,6%, в 2021 году 2 или 0,1%.
5. Преступление «Вовлечение несовершеннолетних в развратничество путем использования киберсети» в 2021 году 2 или 0,1%.
6. Преступление «Мошенничество в киберпространстве» в 2019 году 880 или 86.8%, в 2020 году 932 или 86.7%, а в 2021 году 2140 или 92.6% общего числа всех зарегистрированных за год преступлений.

Исходя из проведенного нами исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Характер киберпреступлений в Монголии. Киберпреступления в Монголии совершаются преимущественно в киберсети (включая социальные сети) с использованием современных киберсредств. Для подтверждения этого факта обратимся к статистике: из зарегистрированных 4593 уголовных дел 1374 (29%) преступления были совершены в сети «Facebook»* (деятельность организации запрещена на территории РФ), 66 (1,4%) — через электронную почту «e-mail», 7 (0,2%) — в сети «Instagram»* (деятельность организации запрещена на территории РФ), а 50 (1,1%) преступлений были зарегистрированы на веб-сайтах. В информационной сети «Facebook»* (деятельность организации запрещена на территории РФ) в 2019 году было совершено 305 преступлений, в 2020 году — 308 преступлений, а за первые 10 месяцев 2021 года было зарегистрировано 761 преступление. Что касается «e-mail», то в 2019 году под следствием находилось 11 преступлений, в 2020 году — 29, а за первые 10 месяцев 2021 года — 126 преступлений. В «Instagram»* (деятельность организации запрещена на территории РФ) преступления были зафиксированы лишь один раз в 2019 году, 4 раза в 2020 году и дважды в указанный период 2021 года.

2. Методы совершения киберпреступлений. В современных условиях киберпреступники используют различные методы для соверше-

¹ Отчетный доклад об исследовании киберпреступности в Монголии, опубликованного Отделом до надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия Генпрокуратуры Монголии, в 2021 году. URL: <https://www.prosecutor.mn> (дата обращения 06.10.2024).

* Деятельность организации запрещена на территории РФ.

ния преступлений. Из вышеуказанных 4593 преступлений 473 (10,3%) было совершено путем кражи секретных кодов пользователей для доступа к социальным сетям, в 427 (9,3%) случаях применялся метод незаконного приобретения данных банковских счетов или платежных карт потерпевших. В 842 (18,3%) случаях преступники использовали обман или злоупотребление доверием для получения необходимых сведений для незаконного вторжения в киберпространство. В 18 (0,4%) случаях был использован опасный для общества метод распространения вредоносных вирусов и спама.

3. Меры по возмещению ущерба. Меры по возмещению ущерба, нанесенного потерпевшим, правоохранными органами Монголии значительно отстают от современных требований. В результате 4593 преступлений ущерб был причинен 1811 гражданам и 8 юридическим лицам на общую сумму 12.781.765.586 тугриков, 631.791 долларов США и 48.930 евро (что в переводе на национальную валюту составляет примерно 14,7 триллиона тугриков). В то же время, за период с 2019 года по октябрь 2021 года лишь 279 гражданам и 3 юридическим лицам, признанным потерпевшими, в 177 преступлениях, был возмещен ущерб в размере 539.369.241 тугриков и 38.025 долларов США (или около 645,7 миллиона тугриков).

4. Демографические характеристики киберпреступников. Доля женщин и молодежи среди киберпреступников постоянно растет. Число преступников со средне-специальным и высшим образованием также имеет тенденцию к увеличению. За отчетный период по 1826 преступлениям было предъявлено обвинение 526 подозреваемым, из которых 172 (32,7%) были женщинами, что значительно выше (на 24-28%) доли женщин в других видах преступлений. По возрастным категориям обвиняемые распределяются следующим образом: подростки до 18 лет составляют 2,5%, молодежь в возрасте от 19 до 26 лет — 92,8%, взрослые старше 27 лет — 4,7%. Среди обвиняемых лица со средне-специальным образованием составляют 15%, тогда как лица с высшим образованием достигают до 20%, что не наблюдается в других видах преступлений.

Следует особо отметить, что среди осужденных за киберпреступления лица, которые по характеру своей деятельности ежедневно работали с различными сетями киберпространства или занимались деятельностью, связанной с компьютерными технологиями, занимают доминирующее место. В частности, по специальности главенствующее место занимают следующие профессии: инженер-программист — 8 человек, инженер электрооборудования — 7, финансист — 8, бухгалтер — 10, инженер-механик — 12, преподаватель по программированию — 5, графический дизайнер — 3, менеджер по кадровым вопросам — 2, специалист по маркетингу — 2, оператор-наладчик — 3 и инженер-связист — 1.

Еще одной особенностью киберпреступности в нашей стране является то, что занятость среди преступников значительно превышает показатели по сравнению с другими видами преступлений. В ходе нашего исследования было установлено, что из 526 обвиняемых 111 имели постоянное рабочее место, что составляет 21,1% всех обвиняемых. При этом 42 (37,8%) из них были владельцами собственного бизнеса, 62 (55,9%) трудились в частном секторе, а 7 (6,3%) работали в государственных органах и учреждениях.

Из числа обвиняемых 50 (9,5%) ранее были осуждены. Из них 6 (12%) были осуждены за незаконное вторжение в киберпространство некоторых государственных организаций, а остальные 44 (88%) — за мошенничество с использованием различных киберсредств.

В ходе исследования также было выявлено, что обвиняемый и потерпевший в 6 (1,1%) случаях находились в дружеских отношениях, 2 (0,4%) были родственниками, а еще 12 (2,3%) лиц являлись знакомыми. В то же время 506 (96,2%) обвиняемых никогда не видели потерпевшего и действовали, незаконно используя гиперпространство последнего.

Согласно части 1 статьи 24.5 Закона Монголии «О разрешении уголовных дел», в необходимых случаях «... для востребования от лиц и органов и организаций нужных для расследования по делу сведений и других доказательственных документов, связанных с государственной тайной и тайной личности, касающейся его личных отношений, состояния здоровья, а также его переписки», сыщик должен обратиться к прокурору за разрешением. Однако можно заключить, что со стороны прокуратуры не всегда соблюдаются законные процедуры.

За рассматриваемый период в 498 уголовных делах органы, ведущие расследование, обратились к прокурору с 658 предложениями о разрешении на истребование необходимых по делу сведений и документов. Прокурор соответствующей инстанции дал 606 разрешений для 495 уголовных дел, отказав в разрешении остальным предложениям на основании недостаточности законных оснований.

Учитывая, что киберпреступления представляют собой новшество для судебной практики Монголии и суды пока не имеют достаточно опыта их рассмотрения в условиях состязательности, наблюдается определенная проблема. Так, за указанный период из переданных суду с обвинительными заключениями 127 уголовных дел 122 дела передавались в две и более судебные инстанции. Из-за недостаточного знания судей о современных информационных технологиях и соответствующей компьютерной технике, а также практического опыта работы с ними на уровне программирования в сети Интернет иногда происходит «передача» уголовных дел с одной инстанции на другую или возвращение их на дорасследование следственным органам.

Только в 2020 году из 65 уголовных дел, переданных суду с обвинительными заключениями, одно уголовное дело было возвращено в следственный орган для дополнительного расследования, а два уголовных дела были прекращены на основании недоказанности обвинительных улик».¹

Заключение. В заключении надо отметить о том, что в настоящее время во всем мире происходит процесс активизации киберпреступности по мере развития высокой информационной технологии и компьютерной техники и их широкого проникновения в ежедневную человеческую деятельность, охватывая различную сферу экономической жизни общества. Кто хочет быть в курсе событий, которые так или иначе окажут какие-нибудь влияния на его жизнь, вынужден пользоваться сетью Интернет и другими социальными сетями. Этот процесс не об-

¹ Из материалов углубленного исследования в состоянии киберпреступлений против безопасности киберпространства, проведенного Генпрокуратурой Монголии в 2019 году. URL: <https://nli.gov.mn/> (дата обращения 06.10.2024).

ходит и нашу страну, и «... об этом у нас сегодня неоднократно говорят и пишут, но главное, мало кто принимает соответствующие меры по защите безопасности своего киберпространства В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время во всем мире наблюдается активизация киберпреступности, что обусловлено развитием высоких информационных технологий и компьютерной техники, а также их широким внедрением в повседневную жизнь. Это явление охватывает различные сферы экономической деятельности общества. Люди, стремящиеся быть в курсе событий, которые могут оказать влияние на их жизнь, вынуждены использовать Интернет и социальные сети. Этот процесс затрагивает и нашу страну. Как отмечается в ряде публикаций, «... об этом у нас сегодня неоднократно говорят и пишут, но главное, что мало кто принимает соответствующие меры по защите безопасности своего киберпространства».¹

Таким образом, необходимо повышать осведомленность о киберугрозах и принимать активные меры для защиты личной и корпоративной информации, что является важным шагом в борьбе с киберпреступностью.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Монголии, Улан-батор, 2015.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии, Улан-батор, 2017.
3. Закон Монголии "О прокуратуре", Улан-батор, 2017.
4. Сравнительное изучение старого и нового Уголовно-процессуального законодательства Монголии, Улан-Батор, 2002.
5. Б. Лхагварачаа, П. Эрдэнэбаатар, А. Дэлгэрбаяр, "Общая правовая и специальная часть уголовного процесса", Улан-Батор, 2021.
6. Ж. Хурцгэрэл, Криминалистика. Улан-батор, 2002.
7. Болдбаатар Ж. Доказывание незаконного сбыта наркотических и психотропных средств. Автореф. дисс. ... на соиск. докт. юрид. наук. Улан-батор, 2004.
8. Совд Г. Уголовная ответственность: Проблемы традиции и обновления [На материалах Монголии]. Дисс. ... на соиск. докт. юрид. наук. Улан-батор, Монгольский Государственный Университет. 1993.
9. Гантөмөр Г. Институт судимости по уголовному законодательству Монголии и России. Автореф. дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук. СПб., 2008.

References:

1. The Criminal Code of Mongolia, Ulaanbaatar, 2015.
2. The Criminal Procedure Code of Mongolia, Ulaanbaatar, 2017.
3. The Law of Mongolia "On the Prosecutor's Office", Ulaanbaatar, 2017.
4. A comparative study of the old and new Criminal procedure legislation of Mongolia, Ulaanbaatar, 2002.
5. B. Lhagvaragcha, P. Erdenebaatar, A. Dalgerbayar, "The general legal and special part of the criminal process", Ulaanbaatar, 2021.
6. J. Hurtsgeral, Criminalistics. Ulaanbaatar, 2002
7. Boldbaatar J. Proving the illegal sale of narcotic and psychotropic drugs. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. Ulaanbaatar, 2004.
8. Sovd. Criminal liability: Problems of tradition and renewal [Based on materials from Mongolia]. Dissertation for the degree of Doctor of Law. Ulaanbaatar, Mongolian State University. 1993.
9. Gantomor G. Institute of Criminal Records under the criminal legislation of Mongolia and Russia. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. St. Petersburg, 2008.

¹ Там же.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_288

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФСИН РОССИИ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ORGANIZING INTERACTION BETWEEN OPERATIONAL UNITS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA AND THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

СИЛЕНКОВ Виктор Иванович,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета
Университета ФСИН России.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Сапёрная, д. 34.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,

Associate Professor of the Department of Operational Investigative
Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya St., 1.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

SILENKOV Viktor Ivanovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of the Faculty of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia University.
196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34.
E-mail: silenkov62@gmail.com

Краткая аннотация: в статье изложены теоретические подходы к организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел, раскрыта роль субъектов подразделений ФСИН России по взаимодействию с органами внутренних дел. Организация взаимодействия является условием результативности деятельности оперативных подразделений ФСИН России. В статье определена система факторов, обуславливающих взаимодействие перечисленных субъектов. Эффективность деятельности ФСИН России и органов внутренних дел зависит от реализации функции координации их внешнего взаимодействия. Содержание системы взаимодействия исходит из целей его организации.

Abstract: The article presents theoretical approaches to organizing the interaction of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia and internal affairs agencies, and reveals the role of subjects of the Federal Penitentiary Service of Russia in interacting with internal affairs agencies. Organization of interaction is a condition for the effectiveness of the activities of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. The article defines a system of factors that determine the interaction of the listed subjects. The effectiveness of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia and internal affairs agencies depends on the implementation of the function of coordinating their external interaction. The content of the interaction system is based on the goals of its organization.

Ключевые слова: внутреннее взаимодействие, внешнее взаимодействие, согласованность, ФСИН России, органы внутренних дел, субъекты взаимодействия, оперативные подразделения, результативность.

Key words: internal interaction, external interaction, coordination, Federal Penitentiary Service of Russia, internal affairs agencies, subjects of interaction, operational units, effectiveness.

Для цитирования: Моисеев Н.Д., Силенков В.И. Организация взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России с органами внутренних дел Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 288-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_288.

For citation: Moiseev N.D., Silenkov V.I. Organizing interaction between operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia and the internal affairs bodies of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 288-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_288.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Взаимодействие является категорией, означающей процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие – это вид непосредственных или опосредованных, внешних или внутренних отношений [3, с. 187]. Взаимодействие определяет существование, структурную организацию материальной системы, возможность ее объединения в более масштабную систему. С материалистических позиций принято считать, что ни одно явление не может быть изведено, если рассматривать его изолированно, вне связи с окружающими явлениями и процессами. Взаимодействие предусматривает, как минимум, два субъекта, взаимно воздействующих между собой.

Существуют различные основания классификации видов взаимодействия. В зависимости от характера решаемых задач взаимодействие может быть плановым, ситуативным, постоянным и временным, экономическим, информационным; от положения участников в иерархии системы управления – вертикальным и горизонтальным, отраслевым и региональным, межотраслевым и межрегиональным, смешанным; от содержания – информационным (обмен информацией), консультативным (методическое), функциональным (частичное выполнение общей работы), организационным (установление регламентов, нормативов и пр.); от социально-психологического характера и нормативной урегулированности (по форме) – формальным и неформальным; от масштабности – межличностным и межсистемным. Взаимодействие может быть прямым и косвенным, необходимым и случайным, существенным и несущественным, позитивным, негативным и нейтральным.

Взаимодействие можно рассматривать как необходимое условие, как средство решения задач, поставленных перед системами [3, с. 190]. Однако все эти и другие аналогичные определения акцентируют внимание лишь на отдельных сторонах сущности взаимодействия, подчеркивают нюансы, но не раскрывают ее в целом. Взаимодействие объективно заложено в любой социальной системе и проявляется как своего рода закономерность, познать ее и использовать в интересах системы для успешного достижения стоящих перед ней целей можно лишь на основе комплексного подхода.

Н. В. Караханов определяет взаимодействие как «внутреннее, присущее любой целостной системе состояние, отражающее взаимосвязь, взаимообусловленность ее элементов, проявляющееся в динамике, то есть в деятельности системы» [4, с. 7]. Взаимодействие можно считать видом взаимной связи объектов, при котором один из субъектов воздействует на другой либо, наоборот, воздерживается от проведения активных действий для получения определенного результата. Взаимодействие без координации деятельности взаимодействующих субъектов невозможно. По нашему мнению, обязательность взаимодействия и его координации обусловлена общностью объекта их воздействия, единством задач, стоящих перед ФСИН России и органами внутренних дел и объективной необходимостью и практической потребностью согласованной системы действий. Объективный характер взаимодействия определяется наличием неограниченного количества сложных социальных систем и существованием внутри их функциональных структурных связей и решаемых задач. При этом важнейшим условием установления реального, а не фиктивного взаимодействия выступает наличие обоюдного интереса каждого из субъектов взаимодействия.

Роль субъектов управления по координации деятельности оперативных подразделений ФСИН России в сфере их взаимодействия с органами внутренних дел обусловлена следующими факторами. Полифункциональная организация деятельности ФСИН России и органов внутренних дел требует взаимодействия указанных субъектов в сфере противодействия преступности. Одним из элементов взаимодействия является наиболее целесообразное использование сил, средств и методов для достижения цели по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Необходимо отметить, что взаимодействие не может быть стихийным. Оно должно быть организовано на правовой и функциональной основе. Правовые основы взаимодействия должны закреплять его направления, формы и субъектов, систему совместных, согласованных действий. Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел предполагает реализацию следующих направлений деятельности: оперативно-розыскное; уголовно-процессуальное; уголовно-исполнительное; административно-правовое; управленческое.

Необходимость деятельности оперативных подразделений ФСИН России по их взаимодействию с органами внутренних дел вызвана комплексным подходом к разрешению проблем, связанных с предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, обеспечением общественной безопасности, безопасности граждан, а также лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах; существованием криминогенной и криминальной напряженности на территориях, обслуживаемых органами внутренних дел, а также в учреждениях уголовно-исполнительной системы; объективной необходимостью по обеспечению безопасности учреждений и органов УИС от преступных посягательств.

В реальной действительности оперативные подразделения ФСИН России и органов внутренних дел испытывают достаточно существенную потребность друг в друге и часто действуют сообща, в одном направлении, однако в современных условиях их действия не всегда оказывают взаимное воздействие и в ряде случаев лишь дополняют друг друга. В результате взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и оперативных подразделений ОВД предупреждаются, пресекаются и раскрываются преступления различных видов.

Организация взаимодействия является условием результативности деятельности оперативных подразделений ФСИН России. Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России с органами внутренних дел и другими субъектами правоохранительной системы представляет собой комплекс оперативно-служебных связей, осуществляемых в целях достижения эффективных результатов деятельности, обеспечения полной реализации их профессиональных возможностей. Функциональный механизм взаимодействия закрепляется в приказах, положениях, наставлениях, инструкциях, регламентирующих соответствующие направления деятельности. Взаимодействие есть комплексность функциональной системы. Это означает, что наряду с функциями, реализуемыми оперативными подразделениями самостоятельно, предусматриваются и функции, осуществляемые во взаимодействии с другими субъектами. Необходимо отметить, что отсутствие у одной из сторон взаимодействия интереса по поводу предмета совместной деятельности, а также наличие других интересов и задач делает сотрудничество значительно менее эффективным либо полностью исключает его реальную возможность. Именно на данном этапе проводимой в стране административной реформы эта проблема является одним из самых главных элементов, в значительной мере снижающим эффективность работы не только служб и подразделений ФСИН России и органов внутренних дел, но и всей системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Эффективность деятельности ФСИН России и органов внутренних дел в значительной мере обуславливается реализацией функции координации их внешнего взаимодействия. Органы внутренних дел осуществляют взаимодействие с государственными органами, общественными объединениями, трудовыми коллективами и группами, так как это является одной из обязанностей правоохранительной системы. Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России с правоохранительными органами в борьбе с преступностью направлено на решение следующих задач: поднятие взаимодействия с органами внутренних дел и другими правоохранительными органами на новый качественный уровень на основе использования внутренних резервов, исключения узковедомственного подхода, совершенствования форм и методов работы, внедрения отечественного и зарубежного опыта; повышение эффективности оперативно-розыскных мероприятий путем обмена информацией с органами внутренних дел по предотвращению преступлений террористической направленности, незаконного оборота наркотиков, раскрытию преступлений прошлых лет, предупреждению преступлений и обеспечению склонения к явке с повинной; всемерное развитие постоянных контактов уголовно-исполнительных инспекций с отделами внутренних дел, прежде всего со службой участковых уполномоченных полиции; обеспечение необходи-

мой степени готовности личного состава к взаимодействию с органами внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств; обеспечение должного совершенствования нормативно-правового сопровождения взаимодействия.

Потребность в согласованности усилий структурных подразделений УИС и органов внутренних дел определяется еще и тем, что каждое структурное подразделение действует в интересах целостной системы для решения общей задачи. В то же время их деятельность обладает относительной самостоятельностью, характерными свойствами, отличающимися как от свойств целого, так и от свойств, присущих другим его составным частям, поскольку каждое из них выполняет поставленные задачи специфическими средствами и методами. Часто реализация собственной задачи одной из служб выступает в качестве необходимого условия деятельности другой службы, вплоть до того момента, когда будет решена задача, стоящая перед системой в целом. Зависимость решения проблем, стоящих перед одним субъектом, от деятельности другого является объективным условием возникновения определенной структуры связей между ними, что можно считать одним из условий установления системы координации взаимодействия. Плотность связей, диапазон контактов между ними определяются прежде всего характером выполняемых ими функций и взаимной обусловленностью целей деятельности.

ФСИН России и органы внутренних дел представляют собой множество структурных подразделений, выполняющих широкий спектр задач. Вместе с тем все элементы указанных субъектов призваны обеспечить достижение единой цели, заключающейся в обеспечении безопасности, охране правопорядка, защите от преступных посягательств, прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Взаимодействие с позиции науки можно представить как целенаправленную, совместную, согласованную деятельность двух или более субъектов, осуществляемую в пределах их компетенции с использованием сил, средств, форм и методов, различных по содержанию и направлениям деятельности. Исходя из исследований, мы вполне обоснованно считаем рассматриваемое внутриведомственное взаимодействие как основанное на принципе сотрудничества не подчиненных друг другу субъектов, при котором они действуют согласованно. Как отмечает А. Ю. Чайка, эти субъекты сочетают применяемые ими силы, средства и способы в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности виновных, розыска лиц, причастных к совершению криминальных деяний, и возмещению ущерба, причиненного преступлением [5, с. 182]. В практической деятельности любое взаимодействие, о чем упоминалось выше, может осуществляться как непосредственно, так и опосредованно. Причем эти способы, по мнению отдельных авторов, в равной мере необходимы. Участники взаимодействия осуществляют совместные мероприятия, характеризующиеся единством места и времени, например, проведение мероприятий по розыску лиц, совершивших побег из мест лишения свободы. Они решают общую задачу самостоятельно, не связаны единством места и времени, например, при планировании мероприятий на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств. Единство места и времени не охватывает всех случаев взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания, органов внутренних дел и Росгвардии, в силу чего не является всеобщим, а значит, и обязательным. Взаимодействие становится возможным при восприятии многофункциональных систем и подсистем в единстве и взаимосвязи образующих эти системы элементов.

Как показывает изучение практики деятельности УИС и органов внутренних дел, запланированные мероприятия должны осуществляться качественно и ритмично в любых условиях оперативной обстановки. Качественность исполнения имеет двуединую направленность: а) применительно к данному конкретному мероприятию (правильный учет сил и средств, тщательный инструктаж исполнителей, наилучший выбор способов и форм взаимодействия, обеспечение его непрерывности и т. д.); б) достижение высоких показателей (конечные результаты) в процессе решения общих задач. Такие показатели характеризуют состояние проблем, с одной стороны, общественного порядка и преступности, с другой – внутриорганизационного характера.

Общецелевые задачи взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел предполагают: единство стратегических направлений совместной деятельности оперативных подразделений; комплексную реализацию своих профессиональных возможностей; тактическое единство действий сил и средств; скрытое наращивание достаточных людских, оперативно-технических и иных ресурсов в должном месте и в необходимое время; целенаправленное использование ресурсных возможностей; правовое обеспечение выполняемых задач в сфере координации взаимодействия. Необходимо различать координацию взаимодействия как направленную на согласованную совместную деятельность или как совокупность проведения мероприятий по обеспечению взаимодействия или координацию реализации функций взаимодействующими субъектами. Можно также проводить различие между взаимодействием как согласованной совместной деятельностью, организацией этого взаимодействия субъектом, наделенным распорядительными полномочиями по отношению к взаимодействующим сторонам, и координацией как программированием будущей деятельности субъектов взаимодействия и субъектов его организации.

Оперативные подразделения должны иметь в виду, что существуют ситуации, когда при наличии единой цели речь идет о внезапном согласовании совместной деятельности по месту и времени. Вот почему наряду с организацией непосредственной совместной деятельности оперативных подразделений по решению конкретной задачи следует выделять вид взаимодействия, который предполагает привлечение к будущей деятельности других субъектов. Решая собственные задачи, каждое подразделение должно быть постоянно ориентировано и на интересы других служб.

Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел, должна предусматривать: совместное осуществление оперативно-розыскной деятельности в процессе содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы; контроль за исполнением уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Взаимодействие также необходимо в условиях возникновения чрезвычайных обстоятельств различных видов: групповые неповинове-

ния, массовые беспорядки, вооруженные нападения на объекты, побеги из учреждений УИС, совершение террористических актов, стихийных бедствий.

По мнению М. П. Киреева, взаимодействие есть вид связи, объективно необходимой в управлении разноведомственными силами и средствами [4]. Значение взаимодействия возрастает, когда орган управления выполняет стоящие перед ним задачи, реализуя цели предупреждения и пресечения преступлений различного характера. Взаимодействие должно иметь общие основы и принципы функционирования. Элементами системы взаимодействия являются: структура (объект, субъект, кадры, средства взаимодействия); механизм (принципы, цели, методы, технологии взаимодействия) и процесс взаимодействия. Содержание системы взаимодействия обуславливают поставленные перед ней цели, которые в конечном счете и определяют сущность взаимодействия. Осуществление целей взаимодействия основывается на положениях, которые формулируются в принципах взаимодействия. От целевых установок определяется предмет взаимодействия и выстраивается функциональная структура взаимодействия. Говоря о механизме координации взаимодействия, необходимо определить цели, принципы, предмет, сведения о субъектах взаимодействия. Если структура затрагивает все функциональные начала системы взаимодействия, то механизм взаимодействия определяет оптимальность этой деятельности. Субъекты взаимодействия реализуют свою компетенцию различными методами, средствами, формами для достижения целей взаимодействия по разрешению проблем в правоохранительной сфере.

При оценке эффективности деятельности ФСИН России и органов внутренних дел по противодействию преступности необходимо исходить из требований принципа организационного обеспечения функции взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел. Если возложенные на систему функции не обеспечены материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами, ожидать от деятельности ФСИН России и органов внутренних дел реальной отдачи в выполнении ими задач было бы безосновательно. Средства и способы реализации задачи по минимизации преступности должны строго соответствовать принципу законности. В случае игнорирования этих требований ФСИН и органы внутренних дел могут встретиться со значительными трудностями.

Взаимодействие должно строиться на общих принципах: соблюдение баланса между различными формами взаимодействия сил и средств обеспечения безопасности и правопорядка; социально-правовые и организационно-правовые принципы; принципы, свойственные деятельности всех правоохранительных органов по обеспечению безопасности и правопорядка (законность, демократизм, соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства); единство взаимосвязи и сбалансированности всех видов безопасности, изменения их приоритетности в зависимости от ситуации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144 – ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
2. Аتماжитов, В. М. Реализация оперативно-розыскной информации : лекция / В. М. Аتماжитов. — М., 1984. — С. 15.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. — М. : ИНФРА-М, 2006.
4. Киреев М. П. Взаимодействие при управлении силами и средствами ОВД в кризисных ситуациях // Взаимодействие: правовые, социальные, организационные и тактические аспекты : сб. науч. ст. М., 2005. С. 3–12.
5. Чайка А. Ю. Организация взаимодействия органов предварительного следствия и дознания по расследованию и раскрытию преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 182 с.

References:

1. Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ "On Operational-Investigative Activity".
2. Atmazhitov, V. M. Implementation of operational-investigative information: lecture / V. M. Atmazhitov. - M., 1984. - P. 15.
3. Theory of operational-investigative activity: textbook / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov. - M.: INFRA-M, 2006.
4. Kireev M. P. Interaction in managing the forces and means of the Internal Affairs Directorate in crisis situations // Interaction: legal, social, organizational and tactical aspects: collection of scientific articles. M., 2005. P. 3-12.
5. Chaika A. Yu. Organization of interaction of preliminary investigation and inquiry bodies in the investigation and disclosure of crimes: diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2002. 182 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_292

О СОБЛЮДЕНИИ ОСУЖДЕННЫМИ ПРИНЦИПОВ ПОВЕДЕНИЯ В НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУППАХ ON THE OBSERVANCE BY CONVICTS PRINCIPLES OF BEHAVIOR IN INFORMAL GROUPS

ЛЕСНИКОВ Геннадий Юрьевич,

главный научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
главный научный сотрудник ЦИПБ РАН, доктор юридических наук, профессор.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: lesnikov07@gmail.com;

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса РГГУ,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, майор внутренней службы.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru;

LESNIKOV Gennady Yu.,

Chief Researcher at SIC-3 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Chief Researcher at the CIPB RAS, Doctor of Law, Professor.
Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: lesnikov07@gmail.com;

SAMOILOVA Anastasia A.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Major of Internal Service.
Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. В представленной публикации обсуждаются вопросы принятия и использования отдельными группами осужденных неформальных правил поведения, установленных в пенитенциарном сообществе среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. В ходе нашего изучения рассматриваемых вопросов нам удалось установить, что процесс образования норм в среде осужденных не представляется возможным исследовать в отрыве от процесса образования групп осужденных, а также представилась возможность аргументировать свои соображения о том, что появление и развитие в среде осужденных своей нормативной системы становится современной действительностью.

Abstract: The presented publication discusses the adoption and use by certain groups of convicts of informal rules of conduct established in the penitentiary community among persons serving sentences of imprisonment in correctional institutions. In the course of our study of the issues under consideration, we managed to establish that the process of norm formation among convicts is not possible to study in isolation from the process of formation of groups of convicts, and also had the opportunity to argue that the emergence and development of their own normative system among convicts is becoming a modern reality.

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденные, пенитенциарное сообщество, принципы, правила поведения, неформальные группы.

Key words: correctional institutions, convicts, penitentiary community, principles, rules of conduct, informal groups.

Для цитирования: Лесников Г.Ю., Самойлова А.А. О соблюдении осужденными принципов поведения в неформальных группах // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 292-294. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_292.

For citation: Lesnikov G.Yu., Samoilova A.A. On the observance by convicts principles of behavior in informal groups // Agrarian and land law. 2024. No. 11(239). pp. 292-294. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_292.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Рассматривая принципы поведения осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и вовлеченных в деятельность различных неформальных групп, следует отметить, что принципы для них выступают некой основой, вокруг которой в последующем образуется определенный нормативный оттенок, который, несмотря на то, что само основание скрыто, легко проявляется при помощи нормативных высказываний членов данных групп, поскольку именно в принципах и отражается все общее присущее всем гражданам, в том числе и осужденным.

Основным принципом для осужденных выступает противопоставление своей группы всему обществу в целом или другим группам, а его соблюдение связано напрямую с защитой своих ценностей. Для соблюдения требований данного принципа, прежде всего, каждый осужденный должен понимать, что он имеет право на неприкосновенность личности и принадлежащего ему имущества, поскольку кражи, произвол в приобретении имущества, обман, невозвращение долга, относятся к числу очень серьезных проступков в среде осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении (далее – ИУ). Также, к числу не особо поощряемых форм поведения среди осужденных относится излишняя болтливость, неискренность, неспособность держать слово и отвечать за свои поступки, рукоприкладство, причинение телесных повреждений на почве конфликтных отношений.

Как мы уже отметили, формирование групп осужденных происходит в процессе противопоставления себя обществу, к которому также относится администрация ИУ, поскольку именно она устанавливает те ограничения и запреты, которые приводят группы осужденных к отторжению от общества. Полагаем, что одним из общих принципов, которого придерживается большинство осужденных, выступает принцип невмешательства администрации в общие дела их групп. В среде осужденных принято обращаться за помощью к администрации ИУ только в том случае, если решить имеющийся вопрос не представляется возможным каким-либо другим путем. Поэтому совершенно не поощряется сотрудничество

осужденных с администрацией ИУ, особенно предоставление информации, различного рода доносы, но в то же время действия, способные причинить ей неудобства, связанные с необоснованными требованиями соблюдения прав осужденных, расцениваются сообществом осужденных как положительные. Как справедливо ранее отметили в своих научных трудах исследователи, консолидация осужденных строится на одинаковых взглядах, ценностях, интересах, потребностях, на основе тюремной субкультуры, составляющими которой являются неформальная организация, нормы, предусматривающие содержательную сторону общения общение строится в большинстве своем на одинаковых взглядах, ценностях, интересах, потребностях, на основе тюремной субкультуры, составляющими которой являются неформальная организация, нормы, предусматривающие содержательную сторону общения [1, с.17].

Применительно к самим группам осужденных правила поведения общего порядка противоположны отношению к администрации ИУ, они выражаются в том, что поощряется поведение осужденных, способствующее их консолидации, например, достойным, считается поведение осужденных, направленное на оказание помощи своим товарищам, оказавшимся в сложных жизненных условиях, а порицается в основном стремление осужденного избежать ответственности и переложить свою вину на другое лицо.

Описываемые нами принципы, не являются какой-то выдумкой, преувеличением или идеализацией. Полагаем, что если осужденные действительно осознают себя как отдельную группу и противопоставляют себя обществу, то это противопоставление выступает в качестве условия, которое помогает им осознать свое общее положение, общие потребности и интересы, связанные с этим положением.

Обратим внимание, что в среде осужденных подчинение общим правилам поддерживается не столько страхом применения наказания, сколько ответственностью за соблюдение общих интересов, которые ими осознаются как личные, поскольку их равенство в ограничении прав всех и каждого необходимо ради сохранения группы и своего положения в ней. Установленные в группе осужденных правила поведения, такие как, запрет на болтливость, неискренность общения и поведения, стремление влезть в душу только усиливают их настороженность и тревожность, то есть вызывают усиление нежелательных эмоциональных и психических состояний, которые могут стать непосредственной причиной совершения противоправных деяний. Осужденные, находящиеся в условиях изоляции ограничиваются в возможности удовлетворения самых необходимых потребностей, что приводит их к мыслям о возрастании ценности любого принадлежащего им имущества. Именно поэтому различного рода хищения, в том числе, совершенные путем обмана, становятся особенно нетерпимыми в сообществе осужденных.

Представляется, что принципы поведения осужденных можно обнаружить в любой из сформированных ими групп. Например, у профессиональных преступников принципы поведения приближены к принципам поведения многих осужденных. Данные принципы несут якобы идеологическую нагрузку и сводятся к убеждению членов группы в том, что наиболее ярко можно прожить свою жизнь только находясь в рядах сообщества осужденных. Мы полагаем, что разница между такими осужденными состоит в том, что профессиональные преступники, находясь в местах лишения свободы, пытаются при помощи используемой ими нормативной системы компенсировать свои утраченные возможности. Однако эта разница между данными группами осужденных является минимальной, поскольку и те, и другие пытаются достичь своего конечного результата за счет других осужденных. Следует согласиться с мнением исследователей, которые обоснованно утверждают, что неформальные нормы, регулирующие поведение осужденных в условиях лишения свободы, по сути, превращаются в средство манипуляции ради интересов, конкурирующих в исправительном учреждении группировок [3, с. 117].

В случаях, когда сообщество осужденных разделяется на определенные группы с различными интересами и потребностями, принципы поведения обеспечивают порядок в их среде настолько, на сколько, они признаются всеми. В целом принципы поведения остаются предпочтительными, но только в части их касающейся. При этом появившееся пространство для действий заполняет угроза принуждения, которая может последовать за отклонением от установленных правил поведения. В этой ситуации порядок обеспечивается и солидарностью принципам и насильем, которое грозит нарушителю установленных правил поведения.

Следует еще отметить, что правила поведения осужденных опираются на внутреннее сознание индивида, однако они могут быть противопоставлены другим индивидам, отличающимся своими интересами, и поэтому они должны опираться на внешнюю силу. Получается, что установленные правила из принципа поведения, отражающего общий интерес, преобразуются в нормы поведения, в которых конкретизируются интересы отдельных групп. В случае, если в сообществе осужденных могут выделиться отдельные группы с противоречивыми интересами, не исключается возможность того, что нормы также могут расходиться с принципами. Именно поэтому, мы полагаем, что процесс образования норм в среде осужденных не представляется возможным исследовать в отрыве от процесса образования групп осужденных.

Обратим внимание на еще одну особенность, заключающуюся в том, что в результате процессов самоорганизации осужденных, обусловленных специфическими условиями отбывания наказания в местах лишения свободы, они организуются в неформальные группы. Как мы полагаем, на выбор той или иной группы, в основе которого лежат ориентации на различного рода ценности, прежде всего, влияют обстоятельства личностного характера, такие как: возраст, наличие ранее судимостей, статус неформальной организации, преступные взы на свободе, индивидуальные психологические свойства. Следует также согласиться с мнением М.К. Сунцовой, которая категорично отмечает, что рецидивисты, относят себя к приверженцам неформальных норм, являются членами подобных социальных групп, коммуницируя с окружающими людьми в соответствии со своей ролью и статусом [6, с. 89].

В результате самоорганизации осужденных появляется несколько отдельных групп. В случаях конкуренции их ценностей наибольшее предпочтение отдается тем группам, которые теснее связаны с сообществом осужденных. Как правило, представители таких групп осужденных готовы пожертвовать скорейшим выходом на свободу, если достижение ими свободы, расходится с интересами его группы. Для таких осужденных, материальные ценности имеют значение, поскольку они способствуют поддержанию их статуса в сообществе, однако преклонение перед

ценностями материального характера, осужденными, вовсе не поощряется. Также, активное участие таких осужденных в делах группы, как правило, приводит к столкновению с формальными предписаниями к правилам поведения, что в последующем грозит применением наказания, к которому осужденные демонстрируют перед группой свое равнодушие.

Отметим, что представителей другой группы осужденных отличает активное сотрудничество с администрацией ИУ, которым свойственна преимущественная ориентация на возможность скорейшего освобождения из мест лишения свободы. Как правило, осужденные данной группы призваны приводить в действие решения администрации ИУ, а также развенчать ценности, значимые для сообщества осужденных. Однако представители данной группы, чаще всего не могут порвать с некоторыми ценностями сообществ а и не перестают принадлежать ему. Таким образом, члены данной группы вступают в противодействие с представителями вышеуказанной группы, поскольку они видят себя в роли защитников своих собственных ценностей. В данном случае имеется необходимость обозначить точку зрения ученых, которые аргументировано утверждают, что каждый осужденный к лишению свободы, поставлен с самого начала отбывания наказания в ситуацию определенного выбора между администрацией учреждения и тюремным спецконтингентом [5, с. 59].

Учитывая все вышеизложенное, имеется возможность проследить следующие взаимные связи, касающиеся соблюдения принципов и исходящих из них правил поведения, осужденными, находящимися в различных неформальных группах в рамках ИУ. Поскольку имеются ценности, разделяемые всеми членами группы, существует возможность для установления определенных правил поведения.

В результате образования отдельных групп осужденных, различающихся разные ценности, возникает необходимость в наличии правил, которые бы способствовали сохранению общих разделяемых ценностей. Поскольку в сообществе имеются группы, различающиеся ценностными ориентациями, то принципы поведения, воплощающие общий интерес, не способны справиться с ролью регуляторов поведения осужденных.

Поскольку в сообществе осужденных имеются группы, отличающиеся своей сплоченностью, их деятельность опирается на принципы поведения и пользуется поддержкой группового сознания, при этом способствуя росту популярности групп, а также применению мер принуждения к ее отступникам, то возможность появления в среде осужденных своей нормативной системы становится реальной и современной действительностью.

Список литературы:

1. Барабанов Н.П., Михайлин В.В., Моисеев Н.Д. Понятная характеристика криминальной субкультуры осужденных. Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3. С. 16-24.
2. Брезгин Н.И. Преступные группировки в местах отбывания уголовных наказаний. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2001. № 5. С. 22-23.
3. Волков А.А., Волков М.А., Уваров И.А. Особенности функционирования неформальных норм поведения в условиях мест лишения свободы. Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 114-119.
4. Ким В.В. Проблемы двойственного характера правового выражения изоляции осужденных к лишению свободы. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 100-104.
5. Расторопов С.В., Брежнева К.В. Криминальная инкультурация в местах лишения свободы: вопросы идеологического выбора. Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5. С. 58-62.
6. Сунцова М.К. К вопросу о влиянии неформальной системы норм осужденных на правовую систему. Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 11. С. 88-92.
7. Тирских А.А. Преступная идеология: понятие, содержание и меры противодействия. Российский следователь. 2009. № 3. С. 30-32.
8. Тищенко Ю.Ю., Русаков А.С. О выделении обстоятельств, способствующих формированию правосознания осужденных. Право и управление. 2022. № 11. С. 168-170.

References:

1. Barabanov N.P., Mikhailin V.V., Moiseev N.D. Conceptual characteristics of the criminal subculture of convicts. Penal enforcement law. 2015. No. 3. pp. 16-24.
2. Brezgin N.I. Criminal gangs in places of serving criminal sentences. Bulletin of the penal enforcement system. 2001. No. 5. pp. 22-23.
3. Volkov A.A., Volkov M.A., Uvarov I.A. Features of the functioning of informal norms of behavior in places of deprivation of liberty. Humanitarian and legal studies. 2019. No. 2. pp. 114-119.
4. Kim V.V. Problems of the dual nature of the legal expression of the isolation of persons sentenced to imprisonment. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2018. No. 3. pp. 100-104.
5. Rastoropov S.V., Brezhneva K.V. Criminal inculturation in places of detention: issues of ideological choice. Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 5. pp. 58-62.
6. Suntsova M.K. On the influence of the informal system of norms of convicts on the legal system. Skif. Questions of student science. 2021. No. 11. pp. 88-92.
7. Tirsikh A.A. Criminal ideology: concept, content and counteraction measures. A Russian investigator. 2009. No. 3. Pp. 30-32.
8. Tishchenko Yu.Yu., Rusakov A.S. On the identification of circumstances contributing to the formation of the legal consciousness of convicts. Law and management. 2022. No. 11. pp. 168-170.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ ADDITIONAL PUNISHMENTS IN THE LEGAL SYSTEM OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,

зав. к.э.н. доцент кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»,

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова.

пр. Бульвар Дудаева, 17, г. Грозный, Чеченская Республика, 366007, Россия.

E-mail: k-a-2011@mail.ru;

Ayshanova E. S.,

Candidate of Economics Associate Professor of the Department "Criminal Law, Process and National Security"

A.A. Kadyrov Chechen State University.

17 Dudaev Boulevard Ave., Grozny, Chechen Republic, 366007, Russia.

E-mail: k-a-2011@mail.ru

Краткая аннотация: автором был приведен анализ становления и развития системы наказаний со времён Древней Руси до начала XX в. Процесс был неразрывно связан с общими политическими и социально-экономическими реалиями в стране. Анализируя сущность и содержание основополагающих правовых документов, регулирующих общественные отношения в указанной сфере, начиная с Русской правды до Уголовного уложения 1903 можно сделать вывод о том, что можно было наблюдать непрекращающееся течение адаптационного процесса в отношении системы уголовных наказаний и существующих обстоятельств. На каждой ступени пути развития России система наказаний находилась в соответствии с ее национальными ценностями, исторической спецификой, общественным укладом, восприятием справедливости.

Abstract: The author provides an analysis of the formation and development of the punishment system from the time of Ancient Russia to the beginning of the twentieth century. The process was inextricably linked to the general political and socio-economic realities in the country. Analyzing the essence and content of the fundamental legal documents regulating public relations in this area, starting from the Russian Truth to the Criminal Code of 1903, it can be concluded that it was possible to observe the incessant course of the adaptation process in relation to the system of criminal penalties and existing circumstances. At each stage of Russia's development, the system of punishments was in accordance with its national values, historical specifics, social structure, and perception of justice.

Ключевые слова: наказание, правовая система, штраф, санкции, система наказаний.

Keywords: punishment, legal system, fine, sanctions, punishment system.

Для цитирования: Айсханова Е.С. Дополнительные наказания в правовой системе дореволюционной России // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 295-298. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_295.

For citation: Ayshanova E.S. Additional punishments in the legal system of pre-revolutionary Russia // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 295-298. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_295.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Меры наказаний начали формироваться и развиваться на принципах мести в форме самоуправления. Но по мере эволюции человечество отказалось от древних традиций и обычаев.¹ Оно пришло к осознанию того факта, что гражданское правовое общество не приемлет пережиточных норм. Постепенно гуманные способы стали заменять кровную месть. Появились денежные формы взысканий. И они были распространены как санкции при рассмотрении разных преступлений, отличающихся друг от друга и сутью, и содержанием.

В Русской Правде, имели место указания на штрафы, поток и разграбление.

С. В. Юшков рассмотрел поток в качестве лишения конкретного преступника определенных прав. Разграбление же в мысли ученого представлено исключением в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, имущественных правомочий. При этом именно С. В. Юшков одним из первых предложил считать поток и разграбление компонентами одной и той же санкции. Речь в его мысли о том, что конкретный преступник лишался имущества и в принудительном порядке становился рабом. Но суть и содержание данной комплексной санкции часто менялись. В одно время имели место практики, в рамках которых имущество конкретного преступника уничтожалось, а сам он лишался жизни в принудительном порядке.² Такой подход был распространен преимущественно в контексте реализации наказания за убийство, не имевшее никаких оснований и явных причин для лишения жизни убитого.³ Редко, но соответствующая санкция применялась в отношении поджигателей и конокрадов.

Были на Руси и другие виды наказаний, к которым относилась ссылка, тюремное заключение, причинение телесных увечий, казнь и не только. Все они, что интересно, не подвергались регламентации и могли быть инициированы уже по одному приказу князя.

До начала XV в. в русских законодательных источниках многие виды наказаний не были закреплены. Но постепенно ситуация изменилась.

Двинская уставная и Псковская судная грамоты позволяют обнаружить наличие в них указаний на смертную казнь за воровство, измену и поджог.⁴

Следующая важная веха в контексте развития практики назначения наказаний представлена принятием Судебников 1497 года и 1550. В них очевидным является существенное расширение доступных санкций. Но преобладающими и наиболее часто упоминаемыми были смертная казнь и причинение телесных увечий, лишение свободы и опала.

При условии, что конкретный преступник подвергался санкции в виде убийства, его имущество использовалось для удовлетворения интересов потерпевшего. Если образовывался остаток, то есть появлялось что-то, что было бы излишком в контексте компенсации, соответствующая часть передавалась в распоряжение судей. Но в одно время имели место иные практики. Так, был распространенным подход к распоряже-

¹ Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 8.

² Юшков С.В. Общественно-политический строй Киевского государства. М., 1949. С. 491.

³ Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 56.

⁴ Богдановский А. Указ. соч. С. 56.

нию имуществом казненного лица, в рамках которого оно передавалось субъектам общественной власти.

Интересными представляются и телесные наказания. Их виды были представлены:

- торговой «казнью». Речь о ситуации, когда преступник публично наказывался на торговой площади. Преимущественно использовались удары кнутом;

- наказанием плетьюми либо прутьями. Такая мера применялась в отношении преступников, общественно опасные деяния которых были несущественными.

Представленные меры могли быть как самостоятельными, так и смешанными с тюремным заключением или, скажем, с назначением штрафа.

Лишение свободы в обозначенных документах – Судебниках 1497 года и 1550 – было прописано как возможное на временной основе или пожизненно. Как и телесные наказания, данная санкция могла быть и самостоятельной, и смешанной с прочими.

Отбывание назначенного срока предполагалось в тюрьмах или острогах. В отдельных случаях целенаправленно использовались клетки и даже темные подвалы. Один из видов лишения свободы был представлен ссылкой. Она предполагала, что конкретный преступник удаляется в специально отведенные города и области, где ему потребуется выполнять какой-либо конкретный вид работы. Соответствующая практика была скорее исключительной, чем распространенной. Данная мера использовалась крайне редко.

Еще один достаточно интересный вид наказания был представлен опалой. Точного определения последней не имелось. Но было принято полагать, что речь о любом наказании. Исключением считалась казнь, обусловленная решением князя. Вместе с тем опала нередко рассматривается как штраф за уголовное преступление конкретного вида.

Уложение 1649 года следует рассмотреть отдельно. Дело в том, что в нем обнаруживаются первые прообразы системы наказаний в виде, известном нам сегодня. Отличительный критерий представлен большей полнотой, чем в случае с предыдущими отмеченными документами. Уложение предполагало использование множества известных наказаний. Это как назначение штрафа и непродолжительный арест, так и смертная казнь. Некоторые исследователи подчеркивают, что представленный документ целесообразно рассматривать в качестве условной лестницы, потому что имела место последовательность предусмотренных видов наказаний¹. Уложение 1649 года включало указания на смертную казнь, лишение достоинства или звания, права суда и не только. После принятия представленного документа стали распространенными имущественные наказания². Среди них особо выделялся денежный штраф, который был представлен множеством видов. Он мог быть установлен, скажем, в отношении конкретного лица: за укрывательство; за нарушение предписаний и т. д.

Вместе с тем была распространена практика, в рамках которой конфисковалось имущество преступников. Но конфискация не имела обособленного и в полной мере самостоятельного значения, она использовалась исключительно как дополнительное наказание, сопровождающее, скажем, ссылку либо казнь.

Есть и другие примечательные моменты. В отмеченном документе отдельно представлены особые наказания. Они были предназначены для ограниченного круга лиц, преимущественно представленного рядом должностей. Конкретный преступник в соответствующем статусе мог столкнуться с выговором, с принудительным отрешением от чего-либо и не только.

При Петре I появился Воинский устав 1716 года. Он примечателен тем, что во второй части был представлен раздел с рассмотрением вопросов по поводу преступлений и наказаний. Интересным видится и то, что в документе описывались наиболее распространенные виды санкций. Вот примеры предписанных Воинским уставом 1716 года наказаний: обыкновенное причинение телесных увечий; жесткое физическое наказание; смертная казнь путем отрубания головы или посредством повешения, четвертования, сжигания; лишение чести и достоинства³.

Хотелось бы заметить то факт, что система наказаний в документе несколько противоречива. В первую очередь по той причине, что его оглавление не соответствует реально рассматриваемым видам санкций.

Так, точно упоминались имущественные меры, штрафы, средства посрамления и не только. Они были отражены в оглавлении документа либо поверхностно, либо частично.

Представленная последней система наказаний может быть охарактеризована рядом типичных особенностей. Вот наиболее значимые:

- отсутствие какой-либо индивидуализации. Речь о том, что конкретный преступник мог своими действиями подставить даже родственников, которые сталкивались с потребностью в том, чтобы отвечать за действия нерадивого близкого;

- недостаточная четкость формулировок. Примером можно считать часто встречающуюся фразу «по обстоятельствам дела наказан будет»;

- неопределенность приговора. Она вытекала из предыдущего пункта;

- отсутствие равенства перед законом всех и каждого. Речь о том, что, скажем, дворянин мог быть наказан куда более мягко, чем обыкновенный крестьянин. Даже в случае, что конкретные дела касались одного и того же преступления⁴.

Лишение чести и прав являлось самостоятельным наказанием, но при определенных условиях использовалось как дополнение прочих санкций.

При этом форма могла быть легкой или тяжелой. В первом случае все являлось относительно несущественным, во втором же предпо-

¹ Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 70.

² Исаев А.И. История государства и права России. М., 1994. С. 68.

³ Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. Историко-юридическое исследование. М., 1891. С. 444.

⁴ Исаев А.И. История государства и права России. М., 1994. С. 118.

лагалось применение позорящих наказаний. Это, скажем, подвешивание за ноги после смерти, раздевание догола и не только.

Необходимо отметить тот факт, что все представленные виды наказаний не являлись единственными, применяемыми во время правления Петра I. Дело в том, что действовали многочисленные указы. И ими преступность и наказуемость рассматривались по-разному.

В годы петровского правления активно использовалось наказание в виде ссылки. При этом содержание последней на практике зависело от категории конкретного дела. Если в одних случаях преступник ссылался на работы, то в других – на поселение. И это лишь примеры.

Уложение 1845 года – еще один примечательный документ. Его составители при формировании системы наказаний отталкивались от ряда принципов. Среди них: определение точной сути и содержания каждого наказания, отграничение его от прочих и часто подобных санкций; установление специальных степеней мер ответственности, чтобы строгость могла меняться при потребности так, как этого требует конкретное дело¹.

Отмеченный последним документ интересен по той причине, что в его рамках было выделено 11 родов наказаний и 36 степеней. При этом первые обозначали вид конкретной санкции, а вторые – пределы в контексте минимальной величины и максимального объема. Имело место нечто вроде прогрессии, которая брала начало в условной точке выговора, а завершалась смертной казнью. И данный подход является достаточно интересным, потому что он частично напоминает имеющиеся системы наказаний.

Уложение все санкции включало как поделенные на главные и заменяющие, на привилегированные и не являющиеся таковыми.

Первые делились на общие и особенные, а также на исключительные. Но это не самое главное. Важнее суть и содержание каждой категории. Общие наказания, например, рассматривались как представляющие корректное сочетание рода и степени. Примеры:

- уголовные наказания, применяемые в отношении ярых преступников. Исключением являлась ссылка на поселение в Закавказье. Наказания уголовного характера были представлены смертной казнью, назначением каторжных работ и отправкой на поселение в Сибирь;

- исправительные наказания, назначавшиеся преимущественно за несерьезные проступки. Это, скажем, ссылка в Сибирь, тюремное заключение, арест, штрафы и не только².

Интересными также представляются особенные наказания. Предполагалось их назначение за общественно опасные деяния, совершаемые лицами, имеющими определенные должностные обязанности. Соответствующий преступник мог быть лишен места на службе или должности, части оклада и не только. Здесь переход от одной санкции к другой исключался как таковой. Это же характерно и для исключительных наказаний.

Следует отметить, что все дополнительные санкции в рамках рассматриваемого периода не были обособленными и не характеризовались самостоятельным значением. Вместе с тем имело место многообразие их представления в контексте присоединения к главным санкциям. Примером можно считать лишение человека особых прав и преимуществ, которое часто дополняло ссылку.

Особо следует отметить так называемые заменяющие наказания. Их особенность сводилась к тому, что в определенных и строго установленных законом случаях допускалась замена главной санкции посредством альтернативы. Речь о каком-либо заменяющем наказании. Примером можно считать высылку за границу вместо ссылки в Сибирь.

Также интересными видятся привилегированные наказания и не являющиеся таковыми. Целесообразнее говорить о том, что они были предназначены для лиц, представляющих разные сословия. При Екатерине II, скажем, дворяне ни при каких условиях не наказывались телесно. Аналогичная практика послаблений спустя время распространилась на купцов двух первых гильдий и на так называемых именитых граждан. Отсюда ясно, что наказания, не являющиеся привилегированными и представленными причинением телесных повреждений, а также подобными мерами, были предназначены для простых преступников.

Видно, таким образом, что имеет место условный, но все-таки прогресс. Он находит выражение через многочисленные попытки систематизации наказаний. При этом некоторые в одно время выделились в самостоятельные рода и начали делиться по степеням. Многие исследователи отмечают, что соответствующие подходы были детерминированы в первую очередь стремлением законодателя к тому, чтобы учесть интересы как общества, так и сторон конкретного дела, представленных преступником и потерпевшим³.

Уголовное уложение 1903 года – еще один важный документ. Интересным представляется тот факт, что оно буквально развивает и дополняет концепции, заложенные в основу предыдущей версии, изданной в 1845 году. Особенно в части потребности в том, чтобы назначать конкретные наказания пропорционально рассматриваемым общественно опасным деяниям. Уголовное уложение 1903 года буквально закрепляет обновленные критерии, полезные с точки зрения оценки тяжести наказуемых деяний. В ст. 3 документа было отмечено, что за тяжкие преступления виновные могли быть подвергнуты смертной казни, каторге и подобным наказаниям. Обыкновенные преступления наказывались посредством помещения под надзор в специальные исправительные дома и подобные учреждения.

Проступки же предполагали назначение санкций в виде штрафов или непродолжительного ареста⁴. Примечательно, таким образом, что в представленном документе виды наказаний были четко дифференцированы.

Уложение 1845 года может показаться аналогичным по критерию группирования, но формулировки, используемые его составителями, почти никак не затрагивали вопросы по поводу наказуемости. По этой причине примененный авторами подход был скорее теоретическим, чем имеющим практическое основание⁵.

Интересным представляется и то, что система наказаний в Уложении 1903 года была ощутимо упрощена. Стали обособленными глав-

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. Тула, 2001. С. 125.

² Есилов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. СПб., 1898. С. 294.

³ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Санктпетербург: скоропечатная Ю.О. Шрейера, 1871. С. 52-53.

⁴ Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования. Дисс... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 53.

⁵ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Санктпетербург: скоропечатная Ю.О. Шрейера, 1871. С. 36.

ные, дополнительные и заменяющие санкции. Первые были представлены таким перечнем: смертная казнь; каторжные работы в бессрочном варианте или в период до 15 лет; ссылка в места, не предназначенные для проживания; заключение в тюрьме на срок до года; денежный штраф и т. д.

В перечень дополнительных санкций входили: разные виды лишения отличающихся прав; назначение исправительных работ на срок до двух лет; ограничение в части возможности перемещения; лишение права заниматься определенными видами деятельности; снятие с должности; взыскание денежного либо имущественного характера; конфискация имущественных ценностей.

В группу заменяющих наказаний были включены заключение в монастырь, высылка (в отношении иностранцев) и прочие относительно мягкие меры¹.

Так, можно небезосновательно сделать важные выводы. Они следующие:

1. Со времен появления Русской Правды и до введения в действие Уголовного уложения 1903 года постепенно, планомерно и даже закономерно формировалась и развивалась система наказаний. Но о дополнительных санкциях как о самостоятельной категории речь велась редко и часто в исключительных случаях. Вместе с тем субъекты нормотворчества при подготовке текстов законодательных документов руководствовались в первую очередь национальными критериями, историческими особенностями развития страны и не только. Учитывались, помимо прочего, аспекты политического режима, социального уклада и государственного строя.

2. По мере укрепления государства начали пересматриваться подходы к обеспечению функционирования верховной власти. Это стало одной из причин формализации наказаний. Частное начало трансформировалось и обрело вид публичного. Примечательно, что законодательство XIX века и предшествующего столетия существенно стабилизировало и развило практику назначения наказаний. И отправной точкой соответствующих процессов является работа, направленная на выделение родов и степеней, ранее отмеченных. Именно в момент их появления субъекты нормотворчества впервые начали оперировать категорией дополнительных наказаний, которые стали рассматриваться важными и существенными.

И эволюция применения наказаний в данном контексте постепенно привела к тому, что нормы, фиксирующие рамки конкретной санкции, начали ограничивать судебское усмотрение, ранее сопряженное с произволом и злоупотреблениями. Так начало формироваться правовое пространство, ставшее основой оформления России как полноценного и четко организованного государства.

3. В течение продолжительного периода времени карательные системы российских образцов были многообразны. Единство не имело места. При этом речь не столько о множественности наказаний, сколько о видах одной и той же конкретной санкции.

По мере развития страны и правовой мысли в ней уголовная теория и соответствующая практика в России пришли к тому, что куда важнее неотвратимость санкций и пропорциональность преступлению, чем виды и разновидности конкретных наказаний. Последние российские уголовные законы, издаваемые в рамках дореволюционного периода, были буквально безупречными с точки зрения сочетания мер действенной защиты интересов как государства, так и всех членов общества.

Так, можно утверждать, что система дополнительных наказаний является длительно и неоднозначно, но все-таки развивающейся. И в последние годы соответствующим вопросам все чаще начинает уделяться особое внимание. Это плюс, потому что в перспективе благодаря исследуемой категории можно будет добиться индивидуализации мер ответственности на фоне усиления основных наказаний в каждом конкретном случае, когда это требуется.

Список литературы:

1. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 8.
2. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. СПб., 1898. С. 294.
3. Исаев А.И. История государства и права России. М., 1994. С. 118.
4. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Санктпетербург: скоропечатная Ю.О. Шрейера, 1871. С. 52-53.
5. Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. Москва, 1908. С. 11-12.
6. Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования. Дисс... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 53.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. Тула, 2001. С. 125.
8. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. Историко-юридическое исследование. М., 1891. С. 444.
9. Юшков С.В. Общественно-политический строй Киевского государства. М., 1949. С. 491.

References:

1. Russian Russian criminal law 1. Bogdanovsky A. The development of concepts of crime and punishment in Russian law before Peter the Great. M., 1857. p. 8.
2. Esipov V.V. An essay on Russian criminal law. The general part: Crime and criminals. Punishment and the punishable. St. Petersburg, 1898. p. 294.
3. Isaev A.I. History of state and law of Russia. M., 1994. p. 118.
4. Lohvitsky A. Course of Russian criminal law. St. Petersburg: skoroprintny Yu.O. Schroeder, 1871. pp. 52-53.
5. Poznyshchev S.V. The doctrine of punitive measures and the measure of punishment. Moscow, 1908. pp. 11-12.
6. Sych K.A. Criminal punishment and its composition: theoretical and methodological aspects of the study. Diss... Dr. Jurid. Sciences. M., 2003. p. 53.
7. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Vol. 2. Tula, 2001. P. 125.
8. Filippov A. On punishment under the legislation of Peter the Great in connection with the reform. Historical and legal research. M., 1891. p. 444.
9. Yushkov S.V. The socio-political system of the Kievan state. M., 1949. P. 491.

¹ Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. Москва, 1908. С. 11-12.

И СНОВА К ВОПРОСУ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА AND AGAIN TO THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE

ИСАНБАЕВ Ильдар Салаватович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муksинова, д. 2.
E-mail: iisanbayev02@bk.ru;

Isanbayev Ildar Salavatovich,
senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova str., 2.
E-mail: iisanbayev02@bk.ru

Краткая аннотация: в статье автором исследуются отдельные вопросы, касающиеся принципов уголовного судопроизводства. В ходе проведенного анализа предлагается рассмотреть вопросы законодательного расширения системы принципов уголовного судопроизводства.

Abstract: In the article, the author examines certain issues related to the principles of criminal proceedings. In the course of the analysis, it is proposed to consider the issues of legislative expansion of the system of principles of criminal justice.

Ключевые слова: принципы, система, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, правоохранительная деятельность.
Key words: principles, system, criminal proceedings, criminal procedure, law enforcement activities.

Для цитирования: Исанбаев И.С. И снова к вопросу принципов уголовного судопроизводства // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 11(239). С. 299-300. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_299.

For citation: Isanbaev I.S. And again to the question of the principles of criminal procedure // *Agrarian and land law*. 2024. No. 11(239). pp. 299-300. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_299.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Одной из важнейших функций государства является правоохранительная деятельность, имеющая своей целью охрану и защиту прав граждан. Уголовный процесс строится на определенных принципах. Принципы права являются системообразующими элементами не только отрасли, но и системы права в целом. Принципы уголовного судопроизводства являются основополагающими идеями этой отрасли российского права. В то же время, реализация отдельных принципов часто вызывает много вопросов, это обусловлено различными факторами: неверным пониманием содержания принципа, недостатками его нормативно-правового регулирования, отсутствием четкой законодательной регламентации механизма реализации данного принципа.

Вопрос о том, что представляют собой принципы уголовного судопроизводства России в настоящее время является предметом многих дискуссии в науке уголовного процесса [1, 3, 4 и др.].

Действующие Конституция Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), не содержат определение понятию «принцип права», и, соответственно, в указанных нормативных правовых актах отсутствует определение термина «принцип уголовного судопроизводства». В научных кругах также не сложилось единого мнения на этот счет, что обусловлено, главным образом тем, что ученые до сих пор не пришли к единой позиции о признаках, которые присущи принципам уголовного судопроизводства.

По мнению О.А. Тарнавского принципы – это основные исходные положения, а порядок их реализации и гарантии их обеспечения устанавливаются путем регламентации конкретных этапов и институтов уголовного судопроизводства [7, с. 77].

Т.А. Рытиков указывает, что принципы уголовного судопроизводства представляют собой некую форму уголовно-процессуального права, которая в свою очередь обладает наивысшей степенью общности и императивности, носит универсальный характер [5, с. 103].

Е.Т. Рыбинская сформулировала понятие принципов уголовного процесса как общеобязательные основополагающие базисные положения, начала уголовно-процессуального права, текстуально закрепленные в УПК РФ в качестве принципов уголовного процесса, занимающие приоритетное положение в иерархии процессуальных норм, определяющие сущность и содержание всех уголовно-процессуальных норм, характер и основные черты осуществляемой в соответствии с ними уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 110].

В целом анализ имеющихся теоретических источников позволяет сделать вывод, что под принципами уголовного процесса понимают исходные, базовые положения, которые отражают назначение уголовного судопроизводства.

Являясь руководящими правовыми идеями, принципы уголовного процесса обладают важным значением, так как они обязательны к исполнению всеми участниками уголовного судопроизводства совместно со многими другими правилами, которые находят свое отражение в статьях действующего УПК РФ. Соблюдение принципов уголовного процесса гарантируется в том контексте, что действующий УПК РФ обеспечивает отмену или изменение необоснованного или незаконного действия (или бездействия) или решения органа власти или какого-либо из должностных лиц органов государственной власти.

Назначение принципов уголовного процесса заключается в том, чтобы закрепленные законодателем в статье 6 УПК РФ цели уголовного судопроизводства были достигнуты.

Для всех принципов уголовного процесса характерны общие черты, к которым можно отнести:

универсальность принципов уголовного судопроизводства, что означает, что принципы уголовного судопроизводства действуют на любых стадиях уголовного процесса.

Вместе с тем, можем поддержать доводы С.Г. Хасановой, что принципы уголовного судопроизводства выражаются не в равных степенях на различных этапах производства по делу, в зависимости от задач стадий процесса, роли субъектов на этапе производства по делу, специфики процессуальных форм на различных стадиях уголовного процесса [9, с. 191].

Также согласимся с мнением С.С. Безрукова, что положения принципов уголовного судопроизводства действуют в большинстве его стадий, но не обязательно в каждой из них [2, с. 211];

нормативность принципов уголовного судопроизводства. В принципах уголовного процесса заложены основные правила, которые определяют поведение субъектов, занимающихся осуществлением уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Каждое из этих правил находит свое отражение в той или иной статье Уголовно-процессуального закона.

Об этом же говорит О.М. Смирнов, что только в норме права происходит имеющее юридическое значение проявление принципа уголовного процесса. [6, с. 49];

неизменность и стабильность принципа уголовного судопроизводства. Однако, следует заметить, что неизменность принципов сохраняется до того момента, пока каких-либо изменений не потребуют реформы и преобразования в общественно-политической или экономической политике государства.

Рассматривая вопрос расширения перечня принципов К.А. Титова пришла к выводу о его нецелесообразности, обосновывая тем, что отраженная в УПК РФ система принципов успешно осуществляет свойственные ей задачи, также прочно укоренилась в науке, эффективно решает вопросы предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. А нарушения, затрагивающие какой-либо принцип могут повлечь определенные сбои в работе других принципов, что повлечет к невозможности выполнения задач принципов уголовного судопроизводства [8, с. 244].

Трудно согласиться с данным выводом, но в свою очередь мы солидарны с К.А. Титовой в том, что принципы, уголовного судопроизводства – это постоянно развивающаяся система, носящая подвижный характер, что под собой подразумевает возможность расширения принципов.

При этом в научных кругах рассматриваются вопросы не только о необходимости увеличения принципов уголовного судопроизводства законодательно закрепленных в главе 2 УПК РФ, но и их уменьшения, как например предлагает И.А. Пикалов до двух принципов – законности при производстве по уголовному делу и состязательности сторон, определив оставшиеся принципы гарантиями их исполнения [3, с. 99].

Противоположную точку зрения в контексте увеличения принципов уголовного судопроизводства высказал С.С. Безруков в части включения в главу 2 УПК РФ принципа публичности, что будет способствовать реализации конституционной гарантии, обеспечивающей государственную защиту от преступных посягательств, расширит доступ к правосудию лиц, пострадавших от преступлений [1, с. 16].

В связи с изложенным научная полемика о законодательном закреплении принципов уголовного судопроизводства не отраженных в главе 2 УПК РФ или внесении в нее изменений, дополнений в конкретные принципы, не утихает. Поддерживая позицию авторов, в части увеличения законодательно закрепленных принципов уголовного судопроизводства, считаем, что данные дискуссии положительно повлияют на существующую систему принципов уголовного судопроизводства и осуществления стоящих перед ними задач и в своих рассуждениях не ограничиваться рассмотрением вопросов целесообразности включения в УПК РФ ранее предложенных принципов, а рассматривать новые, например, принцип эффективности уголовного судопроизводства, который подлежит отдельному изучению.

Список литературы:

1. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса // автореферат дис. д.ю.н. Москва. 2016. 58 с.
2. Безруков С.С. Реализация принципов уголовного судопроизводства до и после судебного разбирательства // Вестник пермского университета. 2011. №3(13). С. 207–213.
3. Пикалов И. А. О принципах и общих условиях уголовного судопроизводства // Вестник КГУ. 2006. №3. С. 96–100.
4. Рыбинская Е.Т. О понятии принципов уголовного процесса // Известия ИГЭА. 2012. №6(86). С. 107–111.
5. Рытиков Т.А. К вопросу о правовой природе принципов уголовного судопроизводства // Молодой ученый. 2020. №33(323). С. 101–103.
6. Смирнов О.М. Юридическое значение законодательного закрепления принципов российского уголовного судопроизводства // 2008. №1. С. 44–50
7. Тарнавский О.А. Определение понятия принципа уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. 2012. №20. С. 75–77.
8. Титова К.А. О понятии и системе принципов уголовного судопроизводства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2020. №3. С. 240–245.
9. Хасанова С.Г. К вопросу о понятии и значении принципов уголовного судопроизводства // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». 2015. №4(167) С. 191–194.

References:

1. Bezrukov S.S. Principles of criminal procedure // abstract of dis. D.yu.n. Moscow. 2016. 58 p.
2. Bezrukov S.S. Implementation of the principles of criminal proceedings before and after the trial // Bulletin of the Perm University. 2011. No. 3(13). pp. 207-213.
3. Pikalov I. A. On the principles and general conditions of criminal proceedings // Bulletin of KSU. 2006. No. 3. pp. 96-100.
4. Rybinskaya E.T. On the concept of principles of criminal procedure // Izvestia IGEA. 2012. No.6(86). pp. 107-111.
5. Rytikov T.A. On the question of the legal nature of the principles of criminal proceedings // Young scientist. 2020. No.33(323). pp. 101-103.
6. Smirnov O.M. The legal significance of the legislative consolidation of the principles of Russian criminal justice // 2008. No. 1. pp. 44-50
7. Tamavsky O.A. Definition of the concept of the principle of criminal proceedings // Bulletin of SUSU. 2012. No.20. pp. 75-77.
8. Titova K.A. On the concept and system of principles of criminal justice // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Law Sciences. 2020. No.3. pp. 240-245.
9. Khasanova S.G. On the question of the concept and meaning of the principles of criminal justice // Quarterly peer-reviewed, refereed scientific journal "Bulletin of ASU". 2015. No.4(167) pp. 191-194.

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Аграрное и земельное право»

Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

Объём материала не должен превышать 20000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

**Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте
prigos@mail.ru**

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Номер подписан в печать 22.11.2024. Дата выхода в свет 29.11.2024.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 19 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 38 экз. «Свободная цена».